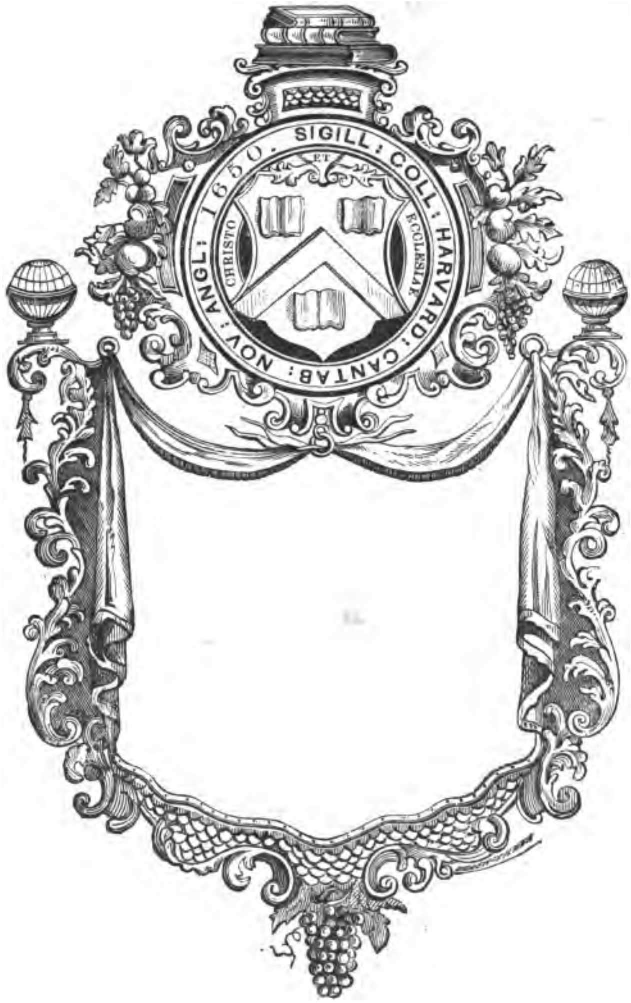

SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1875.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XXII стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CCXXV. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЪ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казанск. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 лин. 7.

(103)

ВЪ УСАДЬБѢ И НА ПОРЯДКѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Замерла усадьба села Шелонихи. Большой дворъ, кругомъ обставленный службами и вѣковымъ садомъ, совсѣмъ опустился въ густой мракъ іюльской безлунной ночи. Дворъ этотъ — въ котловинѣ. Господскія хоромы стоятъ влѣво отъ въѣзда въ ворота: ихъ громоздкая масса еле-еле отдѣляется отъ неба. Ярко мигаютъ звѣзды, тамъ-и-сямъ загораясь по своду. Привычный глазъ различаетъ въ густой мглѣ очертанія крышъ и крылечекъ, купы липъ и дубовъ — въ сторону сада; а потомъ и частоколъ, и рѣшетки, и колодезь, и неровности двора, и бѣлесоватую стѣну штукатуренныхъ конюшенъ съ флюгеромъ посрединѣ крыши и фигурными фронтонами по угламъ.

Рядомъ съ конюшнями, подъ навѣсомъ пріютились двѣ конуры; а глубже уже нельзя и привычному глазу различить скоро, чтò тамъ кроется: телѣга, вѣялка или какіе кòзлы.

Тишь слилась въ одно съ теплой, слегка влажной мглой. Даже ничьего стрекотанія не слышно въ травѣ густо-обросшихъ котловинокъ и заборовъ. Только испаренія наполняютъ жизнью эту непробудную черноземную ночь великорусской Украйны. Со всѣхъ сторонъ несутся струи прянаго, сильнаго, бодрящаго запаха конопли. Онъ покрываетъ всѣ прочія дыханія ночи и говоритъ о сочной землѣ, синей листвѣ и стройныхъ стебляхъ.

Задній фасъ барскаго дома глядитъ на дворъ двумя узкими выступами и рядами оконъ нижняго жилья и антресоли. Въ по-

ловинѣ перваго часа ночи, одно изъ нижнихъ оконъ растворили съ чуть слышнымъ шумомъ, и кто-то выглянулъ на дворъ, точно желая по-вольнѣе вобрать въ себя струю воздуха. Въ то же почти мгновеніе бѣлая мужская фигура отдѣлилась отъ калитки сада, спертой съ обѣихъ сторонъ двумя постройками и, выйдя на средину двора, остановилась, зорко всматриваясь по направленію къ окну, издавшему легкій скрипъ. Окно почти тотчасъ же захлопнули. Тому, кто выглянулъ изъ него, можно было замѣтить бѣловатое пятно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Когда окно закрылось, бѣлая фигура постояла какъ-бы въ раздумьи, сдѣлала два-три шага взадъ и впередъ, и повернувъ къ конюшнямъ, пошла, опустивъ голову. Надъ чернымъ поясомъ волосъ поднималась соломенная шляпа съ широкой лентой.

Вдругъ звякнула цѣпь подъ навѣсомъ въ одной изъ конуръ, и густой, хриплый лай вылетѣлъ изъ полукруглаго отверстія; звякнула и другая цѣпь, также съ лаемъ,—пожиже.

— Ѳомичъ,—раздался мужской слабоватый, но ясный голосъ, вздрогнувшій во влажной мглѣ.

Темная, кудластая масса заколыхалась, закрутилась на мѣстѣ, радостно рыча и взвизгивая.

— Вотъ тебѣ, Ѳомичъ, вотъ тебѣ,—ласкалъ собаку мужчина въ бѣломъ, подойдя къ громадной овчаркѣ и подавая ей чтó-то изъ руки.

— Ѳатѣвна! — также ласково крикнулъ онъ вправо, и изъ второй конуры выскочила съ глуховатымъ лязгомъ желѣзной цѣпи такая же овчарка, но уже свѣтлой шерсти, и начала еще больше извиваться, чѣмъ Ѳомичъ, визжа и хватая на лету прикормку.

Обѣ собаки, путаясь въ привязяхъ, облапили своего пріятеля и перестали совсѣмъ лаять. Въ темнотѣ ихъ круглые, добрые глаза такъ и искрились. Когда послѣдній кусочекъ хлѣба былъ проглоченъ Ѳатѣвной, молодой баринъ простился съ ними, и обѣ онѣ вразъ запрыгали на цѣпи, но залаять, или сильно завизжать точно не посмѣли.

Бѣлая фигура, пройдя медленно дворъ, еще разъ остановилась передъ открывшимся-было окномъ; а обѣ овчарки ушли спать. Тишина снова охватила котловину двора. Черезъ три минуты, въ одномъ изъ оконъ антресоли, сквозь отверстіе ставня, вырѣзанное въ видѣ сердечка, пробилась красноватая полоска свѣта.

II.

Полоска шла изъ «дѣтской» комнатки, занятой по прежнему молодымъ бариномъ, только-что въ тотъ вечеръ явившемся въ Шелониху.

Въ двойственномъ свѣтѣ этой низкой спаленки стоялъ худощавый, стройный, чуть-чуть сутуловатый мужчина лѣтъ двадцати-шести, съ блѣднымъ лицомъ, впалыми карими глазами и необычайно тонкимъ для русскаго носомъ; небольшая бородка, раздѣленная на два клинышка, и темные волосы, закинутые за уши, давали его облику что́-то юношеское, стыдливое, почти цѣломудренное...

Онъ снялъ шляпу, но продолжалъ стоять у стола; не снималъ своего желтоватаго лѣтняго костюма и слегка затуманеннымъ взглядомъ обратился къ окну. Потомъ онъ подошелъ къ нему вплоть, нервнымъ движеніемъ взялся за ременную ручку ставня, составилъ его на полъ, свѣчку потушилъ и сѣлъ у косяка. Оттуда, немного подавшись головой, можно было видѣть то окно нижняго этажа, которое за четверть часа кто-то растворялъ.

Въ темнотѣ спаленки слышно было задержанное дыханіе. Такъ протянулось нѣсколько секундъ.

«Что это я!» почти вслухъ выговорилъ молодой человѣкъ, и всталъ со стула. Но свѣчи онъ не зажегъ, и уже другой поступью, безъ всякой видимой цѣли, вернулся къ открытому окну и долго-долго, быть можетъ цѣлый часъ, смотрѣлъ въ ночную мглу.

Ему не удалось, въ этотъ вечеръ, побыть за̀-свѣтло на воздухѣ одному, какъ онъ любилъ это дѣлать, возвращаясь въ Шелониху. Онъ пріѣхалъ съ *** станціи желѣзной дороги поздно, къ самому ужину. Только къ полуночи могъ онъ побродить по саду, когда все уже закуталось и побурѣло даже для его глаза, узнающаго всякій кустикъ и всякую ложбинку. Растительные запахи ночи, ея ласкающая мягкость и торжественность мало по-малу отогнали отъ него какую-то непріятную тревогу. Но, отдаваясь отраднымъ ощущеніямъ этого лѣтняго мрака, онъ испытывалъ возвратъ иныхъ впечатлѣній, иныхъ картинъ...

Вотъ, онъ ѣдетъ съ той же станціи въ Шелониху; но не въ коляскѣ, какъ сегодня, а въ открытыхъ крестьянскихъ саняхъ, чуть держась на своемъ заграничномъ сундукѣ, въ короткомъ мѣховомъ пальто, съ тонкимъ пледомъ на ногахъ. Ему и неловко, и тряско, и холодно; но не оттого онъ начинаетъ все

больше и больше страдать. Передъ нимъ на облучкѣ подпрыгиваетъ ямщикъ, обвязавшій себѣ шею какой-то тряпицей. То-и-дѣло онъ оборачивается и, ухая въ ухабы, покрикиваетъ для ободренія сѣдока:

— Не далече, батюшка, ваше сіятельство, не далече!

Его борода и усы — ожерелье ледяныхъ сосулекъ, и даже щеки заиндевѣли: полушубокъ, шапка, волосы, все сливается съ волнами снѣга, по которымъ катятся сани. Сначала сѣдокъ-баринъ разсѣянно глядитъ вправо и влѣво. Тутъ смело́ снѣгъ съ обледенѣлой «плѣшки», тамъ нанесло его цѣлые холмы. Сизое небо съ красными зловѣщими полосами заката сводчатой гробовой крышкой покрываетъ эту окоченѣлую Сахару. Начали спускаться въ овражекъ. Сани стало закидывать взадъ по убитой скользкой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ чуть-чуть и ямщикъ, и сѣдокъ не свалились въ сугробъ.

— Бойко тутотко,—бойко!—наставительно поясняетъ ямщикъ, и улыбается сквозь свое ледяное ожерелье.

Совсѣмъ спустились. По обѣимъ отлогостямъ ложбины, продираясь изъ-подъ бѣлаго савана, еле-поднимаются отъ уровня снѣговъ какія-то неровности въ видѣ продолговатыхъ кучъ, что-то безформенное, жалкое, лишенное цвѣта и очертаній. Кое-гдѣ торчатъ между этими кучами тощія, корявыя ракитки, чернѣющія на льдисто-сизомъ фонѣ своими узловатыми стволами.

Сѣдока схватило за сердце.

— Деревня Свербѣево! — крикнулъ ямщикъ: — экъ ихъ, малый, занесло!

Поближе сѣдокъ распозналъ.... что́? хлѣвы, или людскія жилья?... Онъ задалъ себѣ этотъ именно вопросъ, и каждая изба, вросшая въ сугробъ, съ гнилой соломенной покрышкой, во всей своей зимней чистотѣ и во всемъ своемъ зимнемъ ужасѣ заговорила съ нимъ на особый ладъ...

III.

Да, тутъ живутъ люди, вотъ такіе точно, какъ этотъ рѣчистый и толковый ямщикъ, съ особымъ оживленіемъ объявившій сѣдоку, что двойной рядъ безформенныхъ логовищъ прозывается: «деревня Свербѣево». Никогда сѣдоку, ѣхавшему въ Шелониху (хотя ему и стукнуло уже двадцать-пять лѣтъ), не приводилось видѣть такого зрѣлища. Онъ ѣздилъ въ родовую усадьбу по лѣтамъ; онъ зналъ ее хорошо, онъ и по избамъ не мало хажи-

валъ. Давно, чуть не съ отроческихъ лѣтъ, ёкало его сердце, глядя на то, кàкъ и въ чемъ живутъ «мужички». И въ селѣ Шелонихѣ—такіе же хлѣвы безъ трубъ и безъ полу, какъ и въ деревнѣ Свербѣево, и тамъ то же убожество, та же безпомощность, то же животное прозябаніе... Но лѣтомъ какъ-то выходило легче... Народъ, видишь, больше въ полѣ, на порядкѣ есть кое-какая зелень, самыя ракиты смотрятъ по-пригляднѣе. Уйти можно, отдохнуть можно хоть на безмятежьи безконечныхъ полей, хоть на картинѣ труда, какъ онъ ни тяжекъ.

А тутъ—окоченѣлый сонъ смерти, замкнутая копоть и слизь, несносное удушье хлѣва!...

«Нѣтъ, нельзя такъ жить!» вырвалось у сѣдока. Онъ почувствовалъ, какъ краска стыда и жалости разлилась по его щекамъ. И тутъ же всплыла передъ нимъ другая картина. Быть можетъ, она-то, не спросясь его, усилила контрастъ мертвящаго зрѣлища, мимо котораго проѣзжалъ онъ теперь въ валкихъ крестьянскихъ пошевняхъ... Ровно недѣлю передъ тѣмъ прощался онъ съ Римомъ. Это было послѣднее воскресенье карнавала. Тихо спускался онъ внизъ по аллеѣ, отъ Монте-Пинчіо къ Santa Trinità de' Monti. Стоялъ мягкій, радостный день съ игривымъ римскимъ солнцемъ и порханіемъ теплаго вѣтерка. На первой площадкѣ лѣстницы, ведущей къ самому подножью холма къ Piazza di Spagna, онъ неожиданно былъ охваченъ наплывомъ красокъ, движеній, лицъ, костюмовъ, гама, говора, топота, звуковъ волынки и бубна... Цѣлая сцена импровизовалась *передъ* нимъ, если не *для* него, такъ какъ вѣдь онъ представлялъ собою «форестьера». Натурщики, промышляющіе изъ года въ годъ на ступенькахъ этой самой лѣстницы, справляли карнавалъ пляской. Посрединѣ круга изъ всякаго гуляющаго люда двѣ-три дѣвочки-подростки и малый ихъ же лѣтъ въ костюмѣ пифферара, топтались на мѣстѣ и кружились подъ удары бубна. Пиффераръ, уперевъ руки въ бока, съ опущенной внизъ головой, сосредоточенно и грузно выдѣлывалъ ногами. Одна дѣвочка особенно страстно прыгала около него, и ея каріе искристые глаза такъ и метали улыбки во всѣ стороны изъ-подъ надвинутаго на лобъ полосатаго полотенца... Онъ остановился, чувствуя, какъ струя горячей жизни вливается въ него, и любуясь всѣмъ: и этими плясунами, и суровыми крестьянками въ пестрыхъ юбкахъ, и оборвышами—ихъ ребятишками, и небомъ, и солнцемъ, и террасами лѣстницы, и толпой, зѣвающей на деревенскую пляску, точно на какой тысячный балетъ...

Къ нему подбѣжала плясунья и протянула бубенъ. Онъ по-

ложилъ туда нѣсколько су. Она поблагодарила его смѣхомъ. Зноемъ пахнуло отъ ея алыхъ щекъ. Обѣжавъ кругъ зрителей, она пустилась въ плясъ уже для собственнаго наслажденія. Паренёкъ схватилъ ее за талью обѣими руками, и они задвигались еще стремительнѣе подъ гулъ бубновъ, на которыхъ выдѣлывали разныя трудности двѣ побурѣлыя старухи... Пониже, около форестьеровъ, катался кубаремъ между ногъ крошечный мальчуганъ, лѣтъ пяти-шести, въ полномъ приборѣ: въ лаптяхъ и овчинной безрукавкѣ. Въ сторонѣ, сидя на перилахъ лѣстницы, отецъ его, красивый натурщикъ, поглядывалъ на него съ доброй и хитрой усмѣшкой, какъ-бы говоря: «порастряси-ка мошну у форестьеровъ-то, порастряси!» Голова мальчугана, огромная, съ выпуклымъ лбомъ и совсѣмъ круглыми глазами, смотрѣла и дѣтски-забавно, и стариковски-осмысленно: такъ выраженіе глазъ и губъ было полно игры и комической серьёзности. Въ его дырявую шляпёнку упало не одно су. Онъ ихъ отдалъ отцу и сталъ его тащить внизъ. Натурщикъ пошелъ съ нимъ, продолжая родительски улыбаться. Мальчуганъ спустился на площадь и повелъ отца къ фонтану Бернини, къ такъ-называемой «Баркѣ». По камню добрался онъ до струи и хотѣлъ подставить подъ нее свою мордочку; но не смогъ и чуть не выкупался. Русскій форестьеръ слѣдилъ за всѣми его милыми движеніями. Отецъ взялъ тогда у мальчугана шляпёнку и нацѣдилъ туда воды. Косматая головка вся ушла въ шляпу, а когда высвободилась оттуда, мокрая мордочка улыбалась и морщилась къ общей потѣхѣ всѣхъ зрителей...

Русскій форестьеръ долго стоялъ на площади и вбиралъ въ себя, въ послѣдній разъ, все, чѣмъ жила лѣстница—Santa Trinità de' Monti—въ послѣднее воскресенье карнавала.

IV.

«Нѣтъ, никогда я этого не забуду!» подумалъ онъ, удаляясь, но не могъ предвидѣть, что картина всплыветъ передъ нимъ такъ скоро, всего черезъ недѣлю, и среди какихъ ощущеній! Да, вѣдь и на площадкахъ римской лѣстницы мужики и мужицкія дѣти добываютъ себѣ милостыню, и они—тамъ, въ классической римской Кампаньѣ, живутъ въ грязныхъ каменныхъ подвалахъ, безъ рамъ и дверей, и они не ѣдятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего, кромѣ вареной кукурузы... Но отчего же у дѣвочки и у паренька, да и у старухъ, такъ разгорались щеки и глаза? Отчего они такъ

страстно плясали и били въ бубны, точно гости, званые на праздникъ природы... И когда? Въ февралѣ, когда коченѣютъ кровь и мозгъ въ этой вотъ ложбинѣ, гдѣ примостилась деревня Свербѣево. Тамъ хоть что-нибудь есть... *Что-нибудь!* Всё: дары, блага, роскошныя наслѣдства:—и природа, и античная культура, и инстинктивное чувство красоты и формы, и дѣтская безпечность!.. Попляшешь, постоишь въ позѣ — и проживешь день припѣваючи... А здѣсь—ничего!.. Ничего, кромѣ роковой, неустанной, вѣчной борьбы со стужей и голодомъ...

Ноги подъ жидкимъ пледомъ совсѣмъ у него занялись. Онъ уже самъ началъ понукать ямщика, хоть тотъ и ѣхалъ на добрыхъ рысяхъ.

— Иль зазябъ, ваше сіятельство? А вонъ и Сенькины выселки... Согрѣться не желательно къ Спиридонову?.. Шинокъ эт-та...

Подъѣзжаютъ къ шинку. Черезъ вонючія сѣни входятъ и сѣдокъ, и ямщикъ въ избу со стойкой и сбитымъ изъ неотесанныхъ досокъ столомъ. Хозяинъ — худой, плечистый малый, въ ситцевой рубахѣ и валенкахъ по-колѣна—объявляетъ, что кромѣ водки и «бальсанчику» у него ничего нѣтъ.

Отъ роду невѣдавшій водки, принужденъ сѣдокъ отъ холоду проглотить цѣлый стаканчикъ чего-то противно-желтоватаго, до слёзъ обжегшаго ему горло. Ямщикъ получилъ цѣлую косуху.

Изъ-подъ стола поднимается совсѣмъ посоловѣлый сѣдой мужикъ въ рваномъ полушубкѣ, и, воззрившись въ проѣзжающаго, вскрикиваетъ:

— А я тебя, баринъ, узналъ!..

— Чтó орешь?—осаживаетъ его кабатчикъ.—Видно, что гость пропилъ уже всё, и кредиту ему нѣтъ.

— Анъ знаю,—мажетъ мужикъ вязкимъ языкомъ и силится придвинуться къ барину.—Анъ это Митрій Лексѣеча сынокъ, княжій сынокъ... А ты брысь, воронка кабацкая!.. Гришенька это... Я ево во-о-какимъ видалъ... Тятенька ихъ меня эхъ какъ обидѣли!.. Посулилъ самъ двѣ десятинки, позади т.-е. Волчьяго вражка, по восьми рублевъ... вот-те хрестъ... а опосля забожилси... и Стратилашкѣ, пономарю, отдалъ прикащикъ... Жеребячей по...

И разсказчикъ горько заплакалъ, голова его бухнулась на столъ, и носовой храпъ разнесся по избѣ...

Какъ изъ вертепа выскочилъ нервный сѣдокъ, не успѣвъ хорошенько отогрѣться. Въ виски ему стучало отъ водки и угара. Онъ сѣлъ въ сани и страдающими, испуганными глазами ози-

рался на затемнѣвшую даль. Невыносимо ему сдѣлалось: и жалко, и горько, и безотрадно до отчаянія...

«И ты-отпрыскъ того же народа», говорилъ онъ, внутренно одушевляясь. «Вотъ, какъ онъ живетъ, вотъ куда идетъ его копѣйка!»

«Ужасно! Ужасно!» повторялъ онъ съ дрожью во всемъ тѣлѣ, не замѣчая, куда катились сани, не думая о томъ: отморозитъ онъ ноги съ своимъ заграничнымъ пледомъ, или доберется подобру, по-здорову...

Одно стало для него ясно, одно выдѣлялось точно какая скрижаль: «довольно готовиться тамъ, за морями и цѣпями горъ, въ нѣмецкихъ кабинетахъ и въ античныхъ хранилищахъ красоты. Пора! Пора сѣсть на мѣсто, думать свою думу, дѣлать свое дѣло тутъ, а не тамъ».

И вотъ онъ опять въ Шелонихѣ. Полгода пошло на послѣднее прощаніе съ Западомъ. Стужи нѣтъ, снѣга растаяли; пахнетъ липой и коноплей; но и теперь, сидя у окна и вбирая въ себя запахи ночи, онъ повторяетъ:

— «Пора, пора!»

Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы, отдыхать въ деревнѣ и безмятежно переходить отъ одного образа, знакомаго съ дѣтства, къ другому. Въ немъ если и живетъ спокойствіе, то совсѣмъ не прежнее. . . . .

. . . .

У дальняго забора забили въ чугунную сторожевую доску. Звукъ этотъ вывелъ молодого человѣка изъ долгаго раздумья. Онъ опять зажегъ свѣчу и осторожно заставилъ окно ставнемъ.

V.

Комнатка, также какъ и ея хозяинъ, смотрѣла молодо и цѣломудренно. Она не похожа была на заброшенныя коморки въ антресоляхъ деревенскихъ домовъ, грубо обмазанныя бѣлой краской, изъ тѣхъ, что́ отводятъ обыкновенно подъ гостей средней руки, гувернеровъ и дѣтей. Видно было, что ее когда-то отдѣлали съ особой заботой. Обои сѣренькіе — маленькими букетами—придавали ей игривую свѣжесть; кровать съ бѣлымъ пологомъ, двѣ жардиньерки, нѣсколько англійскихъ гравюръ на цвѣтныхъ снуркахъ съ кистями, комодъ, шкапъ и письменное бюро изъ корельской березы—старинной отдѣлки—въ порядкѣ и чистотѣ. Но въ комнатѣ чувствовалась немного пустота, которую

только-что пріѣхавшій подъ вечеръ постоялецъ не наполнилъ своими дорожными вещами... Одно мѣсто боковой стѣны стояло даже совсѣмъ пустое. По обоямъ нетрудно было догадаться, что тутъ помѣщалось пьянино. Обѣ жардиньерки были еще безъ цвѣтовъ.

Большой заграничный сундукъ съ приподнятой крышкой занималъ часть пустого мѣста изъ подъ-пьянино. На комодѣ лежалъ сакъ и свертокъ съ пледомъ; а рядомъ съ нимъ холщовая сумка, изъ которой выглядывалъ конецъ ручки геологическаго молотка. На бюро выложены были: ящикъ съ микроскопомъ, нѣсколько письменныхъ вещей, двѣ-три книги и брошюра въ оранжевой нѣмецкой оберткѣ, только-что на одну треть разрѣзанная широкимъ костянымъ ножемъ.

Все, чтó привезъ съ собой и разложилъ постоялецъ «дѣтской», не выказывало особой щеголеватости, но отличалось рѣзко бросающеюся въ глаза опрятностью и удобствомъ. Ни одинъ ремешокъ не оборвался, ни одна книга не замшарилась. Та же печать лежала и на туалетѣ его. Онъ началъ раздѣваться тихо, все положилъ на стулъ въ порядкѣ, и по-европейски выставилъ свои башмаки на площадку. Онъ дѣлалъ все это почти машинально, въ силу давней привычки, но безъ жесткости человѣка, ушедшаго въ одну аккуратность, безъ всякаго педантизма. Его мягкія движенія, тонкая юношеская фигура и въ особенности выраженіе лица отгоняли отъ него и его вещей все чопорное и самодовольное. Убираясь, онъ велъ себя, какъ студентъ, жившій въ привычкахъ недорогого комфорта и мягкой, осмысленной, такъ сказать, научной порядочности.

Въ постелѣ, откинувъ часть полога, онъ еще почиталъ съ полчаса брошюру въ оранжевой оберткѣ, сдѣлалъ даже на одномъ мѣстѣ отмѣтку твердымъ и удлиненнымъ ногтемъ указательнаго пальца, и передъ тѣмъ, какъ задуть свѣчку, взглянулъ еще разъ на окно, причемъ, на бѣломъ, гладкомъ лбу его, сильно сдавленномъ въ вискахъ, обозначилась всего одна, довольно рѣзкая морщинка.

Спалъ онъ легко и проснулся въ седьмомъ часу, когда въ сердцевидное отверстіе ставня солнце врывалось яркой полосой, а со двора неслись всевозможные, не шумные, но многообразные звуки. Онъ никого не сталъ будить, самъ почистилъ платье и даже башмаки—за ними никто еще, разумѣется, не приходилъ по раннему часу—и, неспѣшно одѣвшись, съ свѣтлымъ шелковымъ зонтикомъ, спустился потихоньку черезъ переднее крыльцо въ цвѣтникъ, разросшійся передъ террасой дома.

Цвѣтникъ этотъ такъ только назывался, на самомъ же дѣлѣ въ немъ было очень мало цвѣтовъ, а за то довольно тѣни и хорошихъ уголковъ подъ густыми кустами бузины и сирени, подъ черемухой, рябиной, тополемъ, акаціей: всѣ эти породы обильно были насажены вдоль дорожекъ и по куртинамъ, расположеннымъ въ видѣ лиры, еслибъ кто сталъ смотрѣть на цвѣтникъ съ крыши господскаго дома.

Постоялецъ дѣтской обошелъ всѣ дорожки и постоялъ передъ всѣми куртинами. Къ цвѣтамъ былъ онъ очень чувствителенъ. Ему показалось, что ихъ стало еще меньше, чѣмъ въ прошлые годы, да и вообще цвѣтникъ говорилъ о маломъ призорѣ: и дорожки поросли кое-гдѣ травой, и бордюры—тощи, и штамповыя розы совсѣмъ почти перевелись, и разные грубые цвѣты, въ родѣ мальвы, піоновъ и астръ, разрослись неумѣренно, пользуясь тѣмъ, что не ограничиваютъ ихъ захватовъ... Тѣни еще прибавилось; но скамейки стояли не крашенныя, кусты плохо подстрижены, площадки подъ деревьями не выметены... И все-таки, на утренней прохладѣ—«цвѣтникъ»—тѣшилъ его и приглашалъ присѣсть на ту скамью, гдѣ онъ съ дѣтства, когда пріѣзжалъ въ Шелониху, вставши также рано, сидѣлъ съ книжкой и ждалъ той минуты, когда откроется большое угловое окно, выходящее въ садъ, рядомъ съ бурой колонной, поддерживающей фронтонъ дома, подъ которымъ пріютилась терраса, вымощенная старымъ позеленѣлымъ плитнякомъ.

VI.

Онъ и теперь сѣлъ на ту же скамью, и теперь, прислонясь слегка спиной къ толстоватому, перевитому стволу рябины, глядѣлъ на то же самое окно. Оно было закрыто снаружи двойными створчатыми ставнями, съ такой же вырѣзкой сердечкомъ, какъ и ставень его комнатки и, по старинному устройству, съ тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ. Просидѣлъ онъ минутъ десять, оглядывая и плиты террассы, и чугунную рѣшетку, и побурѣлыя колонны, поросшія кое-гдѣ мхомъ, и гипсовыя украшенія надъ окнами, на-половину разрушенныя временемъ. Краска дома—когда-то изъ-сѣра шоколатная, теперь пошла пятнами и во всѣхъ направленіяхъ потрескалась.

«Падаетъ, совсѣмъ падаетъ Шелониха», промолвилъ онъ про себя, и тутъ-же сообразилъ, что усадьба эта — никогда не процвѣтала. О ней и прежде, при крѣпостныхъ, особенно не за-

ботились, а поддерживали кое-какъ, на случай пріѣзда. Ѣздили въ нее довольно часто, но постоянной лѣтней резиденціей все-таки не дѣлали. Шелониха значила:—плохія дѣла, зима съ большими проигрышами, невозможность поѣхать въ Баденъ или Виши́, или по крайней мѣрѣ помѣститься на тысячной дачѣ въ Петергофѣ.

Часы доложили ему, что не далеко и до восьми. Окно все еще прикрывали ставни, и никто не шелъ вынимать желѣзнаго болта. Стало, сонъ еще царитъ въ этой спальнѣ; а прежде было совсѣмъ иначе, прежде въ восьмомъ часу окно отворялось, и его спрашивали:

— Ты здѣсь, Гриша?—или: c'est toi, mon enfant? И онъ радостно вскакивалъ и подбѣгалъ къ низкому окну, и цѣловалъ протянутую ему худую прозрачную руку, и бѣжалъ, по влажнымъ, мшистымъ ступенямъ на террасу, откуда итальянская дверь ведетъ въ гостиную; а гостиная и примыкаетъ къ спальнѣ, остающейся теперь такъ долго запертой желѣзнымъ болтомъ.

Перешло и за восемь. Сквозь мелкую, перистую листву рябины, солнце забралось на площадку и стало играть на тиковой жакеткѣ ранняго посѣтителя. Онъ всталъ съ чуть-замѣтнымъ движеніемъ плечъ и прошелся въ другой конецъ сада, гдѣ еще сохранился довольно глубокій, покрытый раковинами, гротъ.

Гротъ внутри такъ отсырѣлъ, такъ капало со скважистыхъ камней обшивки, что никому бы не захотѣлось углубляться въ него. Ранній посѣтитель постоялъ передъ нимъ, замѣтивъ про себя: ка́къ малъ казался ему теперь этотъ гротъ въ сравненіи съ дѣтскими впечатлѣніями, и опять, по той-же дорожкѣ, вернулся къ скамьѣ подъ рябиной. Мысль его была прикована къ окну и къ комнатѣ, гдѣ, до сихъ поръ, все еще спали. Отъ этой комнаты онъ, незамѣтно, перешелъ мыслью къ расположенію стараго дома. Ему представилась, позади спальни, маленькая площадка корридора и дверь въ уборную; а окно уборной выходитъ на дворъ, какъ разъ въ томъ углу, гдѣ вчера...

Онъ снялъ шляпу, вчерашняя морщинка опять появилась на переносицѣ. Рука провела по лбу платкомъ...

«Кто-жъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, около часу ночи открыть окно уборной? Фигура была темная, не женская. — Стало-быть, мужская... Чья-же?»...

Точно желая отдѣлаться отъ такихъ ненужныхъ вопросовъ, онъ всталъ и скорыми шагами направился къ выходу изъ цвѣтника. Лучше было пождать въ большомъ саду, гдѣ четырехугольникъ вѣковыхъ липовыхъ аллей давалъ душистую прохладу.

На поворотѣ дорожки, его остановилъ окликъ: — Grégoire, bonjour!

Онъ, не приподнимая шляпы, протянулъ руку къ дѣвушкѣ, окликнувшей его, и мягко, но безъ особаго оживленія, выговорилъ:—здравствуй, Loulou.

Трудно было-бы отыскать какое-нибудь сходство между ними, хотя они и были братъ и сестра. Онъ уродился въ мать; она— въ отца. Въ ней преобладалъ широкій, рыхлый, сырой типъ; въ немъ—нервный, худощавый, тонкій. Сестра была моложе его на пять лѣтъ, и всѣ особенности дѣвицы «за двадцать» уже сказывались и въ ея скуластомъ коротконосомъ лицѣ съ большими сѣрыми глазами, и въ пышной прическѣ бѣлокурыхъ волосъ, и въ бюстѣ, выдающемся впередъ, и въ движеніяхъ, значительно лишенныхъ истинно-дѣвственнаго оттѣнка. Ея высокая и вся какъ-то изгибающаяся фигура колыхалась въ свѣтло-сиреневомъ батистовомъ пеньюарѣ-помпадуръ; а на низкій лобъ сползала соломенная шляпка—«petit chinois», съ короткой вуалеткой. Она держала въ лѣвой, по локоть обнаженной рукѣ зонтикъ-палку изъ вѣнской темно-красной кожи.

— Ты гуляешь?—спросила она, пойдемъ въ тѣнь.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ ей братъ, и повелъ ее къ своей скамьѣ.

VII.

Не только въ наружности и манерахъ, но и въ говорѣ брата и сестры различіе ярко заявляло себя. Онъ говорилъ тихо, вдумчиво, теноровыми нотами, съ чуть замѣтной грудной дрожью и такой же легкой, чуть замѣтной картавостью. Она кидала слова, но выговаривала ихъ рѣзко и съ какимъ-то привизнымъ акцентомъ, нѣсколько хриповатымъ голосомъ.

Они сѣли рядомъ. Отъ сестры шелъ запахъ сильныхъ духовъ. Братъ невольно отклонилъ голову.

— Ты точно ждалъ кого-нибудь, Grégoire?

— Я думалъ, мамá выйдетъ,—отвѣтилъ братъ неспѣшно и глядя на песокъ площадки.

— Comme par le passé?!

И она засмѣялась такъ же рѣзко, какъ и говорила. Братъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее въ бокъ.

— Qu'est-ce que tu as à rire? — спросилъ онъ вполголоса. Фраза была выговорена несмѣло, какъ будто нехотя. Его французскій выговоръ былъ совсѣмъ не такой, какъ у сестры. Она

произносила старательно, какъ русская, онъ же выговаривалъ французскую фразу, какъ говорятъ только на родномъ языкѣ. Иной сказалъ бы, что онъ стыдится своего выговора, которому легкая картавость придавала еще болѣе французскую манеру.

Сестра выправила свой бюстъ подъ пеньюаромъ, и выставляя конецъ туфли съ пряжкой почти на самомъноскѣ, продолжала чуть слышно хихикать.

— C'est que tu es drôle!... Ты все думаешь, что ты—Гриша... un collégien... Maman не можетъ же вставать для тебя à l'aube... Она просыпается не раньше девяти.

— Не раньше девяти?—наивно переспросилъ братъ.

— Да, она долго читаетъ... que sais-je!...

Толстоватыя губы дѣвушки сложились почти въ гримасу.

— А здоровье мàмы?

— Parfait.., Ахъ, Grégoire, чтó ты это не отстанешь отъ манеры звать maman—мàма... Tu oublies que tu es six ans plus agé que moi.

Братъ могъ бы ее поправить на цѣлый годъ—онъ этого не сдѣлалъ. Тонъ сестры не былъ ему особенно пріятенъ; но онъ не выказывалъ никакого раздраженія; онъ, видимо, помирился съ нимъ, какъ съ вещью неизбѣжною и установившеюся.

На губахъ его появилась легкая усмѣшка, и тише еще, чѣмъ выговорены были первыя фразы, онъ замѣтилъ:

— Развѣ не все равно?

— C'est ridicule!

Но тотчасъ же сестра какъ-бы спохватилась, ласковѣе оглядѣла фигуру брата, придвинулась къ нему и даже положила свою крупную и рыхлую руку на его колѣно.

— Ecoute,—закидала она словами,—si nous allions dans le grand jardin... Здѣсь жарко... Тамъ мы походимъ и поболтаемъ... Я должна ходить по утрамъ.

Онъ молча согласился и, вставая, бросилъ взглядъ на окно спальни. Солнце уже совсѣмъ припекало дворъ, обставленный постройками, поднимавшимися вчера ночью въ видѣ темныхъ безформенныхъ массъ. Только штукатуренныя конюшни смотрѣли еще понаряднѣе; все же остальное: сараи, ледники, кухня, сушильня, людская, контора—доживало свой вѣкъ.

И братъ, и сестра остановились въ тѣни ледника, въ пяти шагахъ отъ калитки въ садъ.

— Шелониха падаетъ!—тихо выговорилъ братъ, какъ бы про себя.

— Tout-va à vau-l'eau, — подхватила дѣвушка... — Tu sais,

c'est le dicton de notre père... Нечего особенно жалѣть.—C'est une campagne bête... Жить здѣсь нельзя и поддерживать... нé на что,—прибавила она, оттянувъ книзу и вбокъ нижнюю губу... Viens!

Она отворила калитку и высоко подняла пеньюаръ, когда шагнула черезъ низкій порогъ ея. Онъ шелъ за нею медленно, съ озабоченнымъ, нѣсколько выжидающимъ лицомъ. У входа въ садъ, на задахъ одной изъ аллей четырехугольника, — заборъ, направо и налѣво, поросъ густой и разнообразной травой. Сестра вошла уже въ аллею съ влажной убитой землей и благоуханіемъ липъ; а братъ остановился около одного куста, внимательно всмотрѣлся въ какой-то стебелекъ съ маленькими цвѣточками и выдернулъ его съ корнемъ, не безъ усилія. Онъ еще нѣсколько секундъ разглядывалъ узлы стебля и лепестки цвѣтковъ, потомъ—отряхнулъ корешки и бережно взялъ растеніе въ лѣвую руку.

— Grégoire! Viens donc!—раздалось изъ аллеи.

— Иду, иду!—откликнулся онъ веселѣе.

VIII.

Разговоръ не пошелъ сразу живой болтовней, съ безпрестанными вопросами, какъ это бываетъ между своими, послѣ долгой разлуки. Чувствовалось, что оба или сдерживаютъ себя, или не испытываютъ настоящей потребности въ задушевной бесѣдѣ. И, въ то же время, въ глазахъ и у нея, и у него, мелькала тревога: точно каждый имѣлъ на душѣ одинъ только вопросъ и подбирался къ нему осторожно, выжидая подходящей минуты.

Она стала говорить по-русски, чтобы вызвать въ братѣ большую сообщительность:—онъ не любилъ «сословнаго» (по его выраженію) семейнаго языка. Безъ отдѣльныхъ французскихъ фразъ и возгласовъ, конечно, не обошлось; но они машинально вылетали у нея, несмотря на желаніе вести рѣчь по-русски.

— Тебя, Grégoire, и не получишь во весь день,—начала она, раскачиваясь на ходу и по-мужски опираясь на свой зонтикъ,—хоть теперь побудемъ вмѣстѣ. Скажи: ты все такой же taciturne... какъ и прежде, по крайней мѣрѣ со мной? Видишь-ли, вотъ ты сейчасъ сказалъ: — Шелониха падаетъ!.. Право, какой ты до сихъ поръ наивный... Avec le train que menait...

— Кто?—сухо и твердо остановилъ ее братъ.

— Кто? Отецъ... Je sais que ce n'est pas maman... Но,

право, это скучно повторять все одно и то же... D'abord notre père... Онъ ужъ такъ теперь притихъ... Поѣхалъ служить Богъ знаетъ куда... Что же можно отъ него больше требовать?.. Онъ прожилъ свое... mettons... часть состоянія maman... Но не все, loin de lá... Я разсуждаю, ты знаешь, по-своему, je suis positiviste à ma façon... Всѣмъ достанетъ... У Пьера и Володи будетъ дорога... такая же, какъ и у тебя была.

— О моей дорогѣ зачѣмъ же, — остановилъ онъ опять, но мягче.

— Ah! mon Dieu!.. Я совсѣмъ не задѣваю тебя!.. Ты—философъ... И прекрасно. Ты могъ бы быть теперь premier secrétaire de légation ou même d'ambassade, это твое дѣло... Я всегда говорила: à chacun sa liberté... Ты видишь, что я совсѣмъ не такая réactionnaire, какъ ты, кажется, вообразилъ себѣ.

И она засмѣялась опять тѣмъ же хриповатымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— Оставимъ это!—замѣтилъ братъ, разсѣянно глядя въ сторону.

— Je le veux bien! Я, ты знаешь, не привыкла проповѣдывать мораль... C'est si bête. Каждый живетъ для себя... Отчего выходятъ непріятности, comment dirai-je, натянутыя отношенія, отчего? Все отъ того же... Manque de tolérance! Я это вижу теперь... Мы съ maman никогда, правда, не ссорились; но очень часто проходили цѣлые мѣсяцы, когда было что-то тяжелое...

— А теперь?—съ большимъ интересомъ спросилъ братъ.

— Я гораздо довольнѣе ею.

— Довольнѣе?

— Pardon... ты любишь говорить по-русски... Moi, je n'ai pas l'habitude... какъ же сказать: je suis plus contente?

— Конечно.

— Да!.. я довольнѣе... Maman не будируетъ меня, говоритъ со мной проще, elle partage souvent mes idées!.. Да и сама она измѣнилась... къ лучшему.

— Въ чемъ-же?

— Неужели ты вчера еще вечеромъ не замѣтилъ? Она гораздо живѣе, веселѣе... у ней нѣтъ этого... c'est air... ну, да ты знаешь, про чтó я говорю... Съ ней гораздо покойнѣе... Но за чтó я ей благодарна... это за мальчиковъ.

— Какихъ мальчиковъ?

— Братьевъ... Нѣтъ ничего несноснѣе такихъ mioches... Прежде она бы ихъ не пустила гостить къ Козлищевымъ.

— Я бы не пустилъ и теперь,—замѣтилъ братъ, слегка наклонивъ голову.

— Et pourquoi pas?

— Объ этомъ чтó же распространяться.

— Вотъ ты всегда такъ, Grégoire... скажешь comme le pape infaillible, я тебя исправлять не желаю; но согласись, что...

— Въ чемъ же еще такъ измѣнилась maman? Въ привычкахъ, что ли? Какъ она проводитъ день?...

Три вопроса, одинъ за другимъ, произнесены были съ возрастающимъ оживленіемъ; оно не укрылось отъ собесѣдницы.

— Maman, какъ ты видишь, встаетъ не раньше десятаго, одѣвается... Ah! par exemple, ce n'est pas comme par le passé.

— Что?—уже совсѣмъ почти тревожно спросилъ братъ.

— Прежде она одѣвалась presque toujours de la même manière... и очень скоро... ты это знаешь еще лучше меня; а теперь туалетъ беретъ у ней больше часа... въ одиннадцать она выходитъ завтракать съ нами.

— Съ тобой... и съ этимъ... Качковымъ?

— Да, я и Поль—en toilettes... Un vrai lunch anglais...

— Качковъ,—началъ-было братъ, но внезапно стихъ.

— Зачѣмъ ты его такъ зовешь?... Онъ просто Поль... Il fait le personnage important; но кто же на это обращаетъ вниманіе?

Она сдѣлала гримасу и надѣла темноватый pince-nez, до тѣхъ поръ болтавшійся у нея на груди.

— Ты говоришь, что онъ задаетъ тонъ?—началъ братъ, и легкая краска выступила на его худыхъ, бѣлыхъ щекахъ.

Сестра прищурилась за стеклами своего pince-nez и тотчасъ же раскрыла глаза. Глаза эти говорили: «погоди, сначала я свое узнаю, а потомъ и ты кое-что получишь».

— Сядемъ сюда,—пригласила она на дерновый диванъ.

Они сѣли.

IX.

— Тебя не можетъ особенно интересовать этотъ мальчикъ,— замѣтила сестра какъ-бы вскользь, опираясь на большой круглый набалдашникъ своего зонтика. Ce n'est pas ton homme... Но ты вѣдь не долго будешь скучать.

Она остановилась и провела по верхней губѣ кончикомъ языка.

Братъ вопросительно взглянулъ нее.

— Monsieur Oreste viendra te tenir compagnie...

Фраза была выговорена очень мягко и просто; но врядъ-ли братъ поддался очень этой мягкости и простотѣ.

— Да, Гильзенъ будетъ... писалъ.

— Отчего ты, Grégoire, такъ сухо его называешь: Гильзенъ?.. Почему же не Орестъ? Вѣдь вы—товарищи, друзья... Si c'est Hülsen, pourquoi pas von der Hülsen...

— Если тебѣ угодно, — лѣниво отвѣтилъ братъ, — то ванъ-деръ-Гильзенъ:—«фономъ» онъ никогда не бывалъ.

— Вотъ, ты станешь теперь доказывать, что онъ не дворянинъ? Какъ же онъ могъ учиться съ тобой вмѣстѣ?

— Онъ сынъ тайнаго совѣтника; но онъ ванъ-деръ-Гильзенъ—внукъ или правнукъ, ужъ не знаю, голландскаго сигарнаго фабриканта; а не «фонъ»... вотъ и всё.

Его лѣвая рука поднесла къ глазамъ вырванное имъ у забора растеніе. Сестра громко перевела духъ. Ея щеки пошли пятнами.

— Ça revient au même!—кинула она, сдержавъ себя большимъ усиліемъ воли,—«фонъ» или «ванъ»...

— Конечно, только на карточкахъ не слѣдовало бы ставить «фонъ».

— А ты видѣлъ?

— Видѣлъ.

Пятна начали рѣзко обозначаться на щекахъ дѣвушки.

— Я удивляюсь, Гриша, какъ ты съ такой мелочностью придираешься къ твоимъ первымъ друзьямъ... Pourquoi cet esprit de dénigrement?.. Право, ты останешься совсѣмъ одинъ... Ужъ и теперь... Tu es si mal vu...

Братъ остановилъ ее взглядомъ. Губы его слегка сжались. Возражать онъ сталъ послѣ небольшой паузы.

— Напрасно, Лидія, ты занимаешься мной. Оставь меня въ покоѣ. Я ужъ много разъ и говорилъ, и писалъ тебѣ это. Было время, когда мы могли бы сойдтись. Ты знаешь остальное. Я одного сорта человѣкъ — ты другого. Моя терпимость вотъ въ чемъ состоитъ: не упрекать другихъ.

— А это не упрекъ... вотъ то, что́ ты сейчасъ сказалъ на счетъ карточки?

— Нѣтъ, это не упрекъ... я вслухъ пожалѣлъ... а впрочемъ и это—лишнее...

Дѣвушка повела плечами... Pince-nez слетѣло съ ея носа. Она пододвинулась къ брату и опять, какъ на скамейкѣ въ цвѣтникѣ, положила руку на его колѣно.

— Ne nous chamaillons pas!—весело сказала она съ игрой

въ большихъ сѣрыхъ глазахъ, — стараго я никогда не вспоминаю... Если я замѣтила тебѣ, то вотъ почему: только пожалуйста, Grégoire, имѣй ко мнѣ больше довѣрія... Ты много такъ требуешь отъ другихъ... Tu es à cheval sur certains principes... Вдругъ я слышу, что ты о своемъ другѣ говоришь въ такомъ тонѣ... Развѣ я не имѣю права узнать: почему этотъ тонъ? Чтó твой другъ сдѣлалъ? Ты не можешь такъ... dénigrer le monde... ты скажешь мнѣ: вотъ почему я говорю о немъ такимъ тономъ.

И она прибавила, помолчавъ:

— Ce n'est pas la vanité ou la curiosité qui parlent en moi.

Послѣ чего немного опустила довольно красивыя, густыя рѣсницы.

Не тотчасъ отвѣтилъ ей братъ и на этотъ разъ.

— Гильзенъ,—какъ бы нехотя выговаривалъ онъ,—совсѣмъ не тотъ, что прежде. Онъ мой товарищъ; но другомъ я... не могу его назвать.

Съ особеннымъ трудомъ выговоря послѣднюю фразу, онъ всталъ и оперся на свой зонтикъ.

— Это очень... vague!—вскричала сестра, и тоже поднялась.

— Больше я не стану говорить... на эту тэму... Я не сказалъ, что Гильзенъ то-и-то: я сказалъ только, что дружбы между нами теперь (и онъ напёръ на это слово: *теперь*) ужъ больше нѣтъ.

Дѣвица полуигриво, но совсѣмъ не съ веселымъ лицомъ, погрозила пальцемъ и пододвинулась къ брату.

— Ah, Grégoire!,—вздохнула она громко и выправилась всѣмъ корпусомъ,—у тебя такой видъ... On dirait un petit Jésus... но ты... съ душкомъ!.. Toujours et en tout, tu fais à ta tête.

Онъ даже не улыбнулся и сталъ въ нерѣшительности: идти ему вверхъ или внизъ по аллеѣ.

— Encore un tour!—пригласила она и просунула ему руку такимъ движеніемъ, какимъ маски ловятъ кавалеровъ.

X.

Они пошли подъ руку внизъ по аллеѣ. Братъ былъ вершка на два выше ея; но она съ своей широкой фигурой казалась одного съ нимъ роста.

— Ecoute, Grégoire, — заговорила она тѣмъ тономъ, какой она считала «задушевнымъ»,—ты можешь имѣть свои взгляды... бросать твоихъ друзей... какъ тебѣ угодно, но нельзя же все

дѣлать à sa tête... Monsieur Oreste n'est pas le premier venu... согласись самъ?

— Очень способный.

— C'est un homme fait!.. Это не мальчикъ, не Поль Качковъ... да и по лѣтамъ... онъ вѣдь на цѣлый годъ старше тебя... Онъ собирается сюда почти какъ свой... Онъ твой товарищъ, наконецъ... мы съ нимъ настолько сошлись, qu'il m'interesse sérieusement.

— Развѣ я помѣха? — мягко, но съ удивленіемъ спросилъ братъ.

— Tu dis: помѣха... Я не знаю, чтó ты этимъ хочешь сказать... Autrefois... ты имѣлъ большое вліяніе на maman...

Рука брата слегка дрогнула.

— Но еслибъ и теперь она тебя во всемъ слушалась... Qu'est ce que cela me fait? Je suis majeure.. Отецъ знаетъ, что я не способна на какой-нибудь coup de tête... Онъ мнѣ очень довѣряетъ, ты это долженъ знать.

Тутъ губы ея нѣсколько выпятились.

— Разумѣется, еслибъ не maman—avec ses idées, я бы...

— Ты бы давно сдѣлала партію?—подсказалъ братъ, точно про себя и не глядя на нее.

— Oh, que oui!.. Но я совсѣмъ не то хотѣла сказать... Повторяю: je suis majeure.., но согласись самъ, Grégoire, это будетъ очень неловко... пріѣдетъ monsieur Hülsen и вдругъ ты станешь держать себя... d'une certaine façon... Нельзя же всегда думать только о себѣ.

— Ты боишься за меня?—съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ братъ.

— Кто же тебя знаетъ?.. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, слово, что ты не будешь... enfin que tu ne froisseras pas l'amour-propre de monsieur Oreste.

— Будь покойна, я совсѣмъ стушуюсь...

— И этого не нужно!..

— Ничему не помѣшаю, Люлю, ничему... И Гильзенъ простится со мной, какъ съ товарищемъ.

— Merci... Я тебѣ вѣрю... но вѣдь ты не всегда можешь отвѣчать за себя... Tu es une de ces natures...

Рѣзко перемѣнивъ тонъ, она шутливо добавила, опираясь о руку брата:

— Вотъ и изъ-за этого Поля... нечего, по-моему, волноваться.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?—тревожно и почти строго спросилъ братъ.

— Je te mets sur tes gardes...

— Но почему же?—уже съ краской на щекахъ, перебилъ онъ.

— Mais parceque... Вѣдь ты и вчера долженъ былъ замѣтить, что maman ужасно имъ... увлечена.

— Какъ ты выражаешься, Лидія!..

— Какъ умѣю, Grégoire... Но что́ же тутъ удивительнаго? Ты всегда былъ первый другъ maman... Не правда ли, она никогда не могла жить безъ какого-нибудь engouement? То музыка, то литература, то écoles professionelles, то Италія, то швейцарскіе asiles... que sais-je?.. А теперь это тоже engouement... sous forme d'un mioche...

Пока сестра говорила, лицо брата блѣднѣло и дѣлалось, если не угрюмымъ (такое выраженіе не складывалось у него), то почти страдающимъ.

— И онъ позволяетъ себѣ?..

— Онъ не кончилъ вопроса, не сталъ даже подыскивать выраженія, а только нервно замигалъ такими же длинными, какъ у сестры, рѣсницами.

— Со мной—ничего, конечно... но такъ... въ домѣ... да ты увидишь сегодня... Maman увлечена и его талантами... У него есть голосъ en herbe, и онъ даже сочиняетъ... il compose... Да, вѣдь, ты долженъ знать всѣ его facultés... одно время, помнишь, здѣсь же, въ Шелонихѣ, ты съ нимъ все занимался.

— Да, я занялся; но увидалъ, что...

— Grégoire... voilà que tu commences à faire le diplomate... Скажи просто: ты нашелъ, что онъ—не сто́итъ твоего интереса... Et tu as bien fait. Только, пожалуйста, не огорчайся, что въ сердцѣ maman quelqu'un t'a supplanté... à demi je l'espère... Ты, пожалуй, tout philosophe que tu es, способенъ en faire une question... Выйдетъ что-нибудь... quelque chose de très bête. Ты-то уѣдешь, какъ это всегда бываетъ; et c'est nous qui payerons les pots cassés... Ахъ!.. какъ я съ тобой заболталась... Пора, пора домой! Viens-tu?

— Нѣтъ, я останусь еще здѣсь,—глухо промолвилъ братъ.

— Je me sauve!.. Прощай, и merci!..

Поднявши пеньюаръ обѣими руками, дѣвушка спѣшно пошла къ калиткѣ.

XI.

Братъ опять опустился на дерновый диванъ. Фразы сестры, ея голосъ, все еще звучали въ ушахъ его.

Она пришла предупредить. Ей нужно было заручиться его словомъ насчетъ того, кто входилъ въ ея «серьёзные виды». Но этого мало: она сочла нужнымъ и его успокоить, предупредивъ и по другому пункту.

Это успокоеніе и волнуетъ его невысимо. Для Люлю все просто, понятно, въ порядкѣ вещей; а въ его душѣ все взбудоражено, все пошло верхъ дномъ.

Почему же такъ?

Онъ сталъ на это отвѣчать долгой думой, перебирая все свое прошлое съ той поры, когда здѣсь, въ Шелонихѣ, онъ впервые страстно привязался къ своей матери. Оттого и эта усадьба была ему всегда такъ мила, что она напоминала имя его матери, ея дѣвичье имя. Княжна Вѣра Юрьевна Шелонина родилась тутъ, въ этой самой усадьбѣ и, выйдя замужъ за Дмитрія Алексѣевича Рыкалова, передала ему, какъ послѣдняя въ родѣ, и свой княжескій титулъ. Здѣсь и онъ, Гриша, родился. Здѣсь онъ своимъ дѣтскимъ разумомъ началъ понимать, чтó такое отецъ его, и чтó такое мать, и съ каждымъ годомъ становился замкнутѣе, сосредоточеннѣе въ любви къ той, кого онъ, по сіе время— когда ему уже двадцать-шесть лѣтъ—зоветъ «мáмой». Съ дѣтскихъ лѣтъ ничто ему не нравилось въ окружающемъ; почти все заставляло его дѣтскую душу страдать—только въ матери и находилъ онъ свое пристанище, свой идеалъ, друга и наставника. Но этотъ другъ не всегда могъ дѣйствовать по-своему. Мать слишкомъ часто играла подчиненную роль. Противъ ея воли Гриша мальчикомъ зажился за-границей. Надо было его отдать въ заведеніе. Гриша и самъ этого хотѣлъ, точно сознавая, что иначе онъ слишкомъ уйдетъ въ себя. Вотъ онъ — въ collége S-te Barbe, сначала приходящимъ, а потомъ и interne'омъ, когда мать должна была оставить Парижъ, изъ-за отца. Какъ теперь помнитъ онъ себя худенькимъ *барбистомъ*, въ курточкѣ съ отворотами, въ формѣ, извѣстной всему Парижу. Въ коллежѣ его сначала травили, называли «cosaque» и «mangeur de chandelles», а потомъ какъ-то разомъ притихли, увидавъ, что такого мальчика, да еще иностранца допекать не годится. Когда онъ обжился, всѣ—и маленькіе и большіе—не зная даже, какъ его фамилія— стали называть «Griche». Такъ они и теперь зовутъ его, сталки-

ваясь, во время его поѣздокъ во Францію. Гришѣ противно было зубренье; но онъ ладилъ съ *пьонами* и за шалости *pensum*'овъ никогда не получалъ. Его объѣдали и выпрашивали у него все, чтó только можно было. Въ рефектуарѣ однокашники его нарочно начинали говорить всякія гадости, возбуждающія тошноту, зная что нервный «Griche» уступитъ имъ свою порцію. Онъ участвовалъ въ играхъ, охотно ходилъ гулять; но любилъ уединеніе. Не по угрюмости или врожденному нелюдимству любилъ онъ его, а потому что съ нимъ не было его добраго друга. Ни съ кѣмъ изъ товарищей, даже и старше возрастомъ, не могъ онъ бесѣдовать по душѣ, никто его такъ не понималъ. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ выросъ и пробылъ до настоящей минуты. Когда его оставили одного въ Парижѣ, онъ жилъ весь въ своихъ письмахъ къ матери. Отъ нея у него не было ни одного сокровеннаго помысла, желанія, укоровъ отроческой совѣсти. Въ коллежѣ онъ былъ одинъ—русскій, и одинъ носилъ княжескій титулъ. Хоть его и звали всѣ «Griche», многіе знали однакожъ, что онъ «prince russe», и на первыхъ порахъ задиры-мальчишки, то-и-дѣло становясь въ позицію, театрально раскланивались съ нимъ, восклицая—monseigneur!

Эти шутки не отличались никакимъ особымъ злорадствомъ; но Гришу сталъ тяготить его титулъ. Ему хотѣлось совсѣмъ стушеваться въ массѣ товарищей, чего онъ и достигъ очень скоро. Если въ коллежѣ и замѣтно было нѣкоторое франтовство, то сословный духъ трудно было учуять: и маленькій виконтикъ, и сынъ лавочника сидѣли на лавкѣ рядомъ и преисправно дрались въ рекреацію. Гришѣ стало вскорѣ очень легко именно оттого, что онъ затерялся въ массѣ, что онъ для всѣхъ «Griche», и ничего больше. А этотъ необъятный, полный памятниковъ и воспоминаній Парижъ началъ, въ свой чередъ, дѣйствовать на него точно какая громадная книга, гдѣ на каждой страницѣ открывается новый плодъ знанія... Все, чтó отрокъ читалъ, хотѣлъ онъ видѣть и ощутить. На прогулкахъ онъ то-и-дѣло обращался къ пьону съ вопросами, и въ два года зналъ исторію Парижа, какъ ни одинъ изъ его товарищей-французовъ. Въ груди его, уже въ это время, начинало дрожать чувство, возбуждаемое созерцаніемъ великихъ судебъ человѣчества, еще не продуманное, но уже живое и страстное. Гриша четырнадцати лѣтъ повѣрилъ матери свое желаніе: лучше не покидать коллежа до тѣхъ поръ, пока онъ, выдержавъ испытаніе на баккалавра, не будетъ въ состояніи поступить въ русскій университетъ. И она поняла его; но не съумѣла отстоять отъ отцовской идеи. Его отдали туда, от-

куда, по выраженію его отца, «вышли, entends-tu-bien, Grégoire, не только великій русскій поэтъ, *но и самъ князь Алексѣй Михайловичъ!*»

XII.

Потужили они съ матерью. Она ему шепнула: «courage, mon enfant!.. всего года три-четыре; а тамъ ты уже на своей волѣ». Онъ сдержалъ недовольство, и свыше мѣры утѣшенъ былъ тѣмъ, что не разстанется больше съ матерью. Но и этого не сбылось. Отецъ и въ Петербургѣ, и за-границей проигрывался въ пухъ и прахъ и заставлялъ мать ѣздить по деревнямъ, жить тамъ съ маленькими дѣтьми для экономій и наблюдать за правильной высылкой ему денегъ. Въ знаменитомъ сословномъ «заведеніи», онъ явился «французикомъ». Такъ его прозвали товарищи, игравшіе въ его классѣ роль «козлищъ». Къ нимъ-то онъ присталъ, а съ высокоприличными, особливо титулованными юношами, не иначе говорящими между собой какъ по-французски и на «вы» — онъ прервалъ почти всякія сношенія. Духъ, незнаемый дотолѣ въ заведеніи — увеличилъ цифры козлищъ до почтенныхъ размѣровъ. Они ужасно одѣвались, совсѣмъ почти не причесывались, говорили громко и исключительно по-русски, въ классы ходили мало, на заведеніе смотрѣли, какъ на чистилище, откуда имъ слѣдуетъ поскорѣе удалиться. И многіе, не дождавшись окончанія курса, шли въ университетъ. Гришу, черезъ полгода, они уже перестали звать «французикомъ». Онъ отличался отъ нихъ внѣшнимъ видомъ, опрятностью, манерами, тономъ, выговоромъ; но онъ былъ ихъ человѣкъ. И мать знала это, и опять-таки поняла, что̀ въ немъ говоритъ и куда ведетъ его натура и душевныя стремленія. Ея пониманіе и поддержка сдѣлались для него, и въ этотъ возрастъ, дороже сочувствія всѣхъ строптивыхъ и плохо умытыхъ товарищей. Классы считалъ онъ, кромѣ нѣкоторыхъ лекцій, пустой формальностью и все свое время проводилъ въ лабораторіи, въ кабинетахъ, въ саду, гдѣ уже никто ни изъ «овецъ», ни изъ «козлищъ» не читалъ ни «Цицерона», ни «Апулея» — какъ когда-то, въ первой четверти вѣка.

Протянулись четыре года неволи въ заведеніи. Гриша, не взирая на свое «возмутительное» отношеніе къ класснымъ порядкамъ, получилъ медаль и право на IX-й классъ. Но только-что они съ матерью хотѣли осуществить свою мечту объ университетѣ, налетѣлъ отецъ и вмигъ пристроилъ сына къ «иностранной коллегіи», какъ онъ еще выражался, держась дворянской

традиціи. Гриша не возмутился потому только, что придумалъ, съ согласія матери, такую комбинацію, при которой университетъ никакъ не уйдетъ отъ него. Онъ смиренно отправился, въ званіи attaché, безъ жалованья, въ одну изъ мелкихъ прирейнскихъ столицъ, съ твердымъ намѣреніемъ сидѣть въ Гейдельбергѣ и тамъ исправлять свои дипломатическія обязанности. Такъ онъ и сдѣлалъ. Мать наѣзжала къ нему по лѣтамъ; отецъ выходилъ изъ себя, получая жалобы свыше на то, что его сынъ ведетъ себя «d'une façon inouie», сидитъ «dans ce bouge de Heidelberg», ни на какіе выходы и торжества не является, и камеръ-юнкерства ему не видать, какъ своихъ ушей! До двадцати-одного года Гриша отмалчивался; но съ наступленіемъ совершеннолѣтія оставилъ номинальную службу и почти прервалъ переписку съ отцомъ, которому, въ сущности, было—все равно. Въ это время князь Рыкаловъ-Шелонинъ, достигнувъ генеральскаго чина, бился только изъ того, чтобы его, за слишкомъ ужъ скандальные нравы, не попросили выдти въ отставку, и чтобы жена его не отказывала ему въ доходѣ съ ея приданыхъ имѣній: свое онъ давно проигралъ и прожилъ на женщинъ.

Пролетѣло и еще пять лѣтъ. Гриша побывалъ во всѣхъ центрахъ точной науки и крупной соціальной жизни. Онъ — уже и нѣмецкій докторъ философіи, и русскій магистръ. Восемь лѣтъ труда и живыхъ наблюденій дали все, что́ можно было извлечь изъ нихъ при доброй волѣ и горячемъ стремленіи. Въ это время его дорогой другъ — мать — тратила силы на злосчастное супружество, на сохраненіе какихъ-нибудь средствъ дѣтямъ, на ихъ воспитаніе, на безпрестанныя поѣздки и хлопоты. Когда Гриша увидалъ совсѣмъ уже ясно, куда безпутство отца ведетъ семью — а увидалъ онъ это вскорѣ по выходѣ изъ заведенія—онъ объявилъ матери, что ему *не слѣдуетъ* пользоваться отъ нея содержаніемъ, и готовъ былъ сейчасъ же начать заработывать свой кусокъ хлѣба. Мать не допустила до этого, и на ея доводы онъ не могъ не поддаться.

— Моего состоянія,—сказала она ему,—отецъ твой до тла не проживетъ—у меня достанетъ характера удержать, что́ только можно. Ты—мой сынъ. Тебѣ нужно учиться—это твое призваніе. А кто учится—тому некогда быть поденщикомъ.

Но вотъ теперь онъ покончилъ ученье. Пора не только выступать съ запасомъ знанія, но и жевать свой кусокъ хлѣба. Съ этимъ радостнымъ предчувствіемъ труда и дѣла ѣхалъ онъ вчера въ Шелониху—и одинъ вечеръ, одна ночь, одно утро точно по-

мутили все его прошлое, точно отняли у него ту, кто шелъ съ нимъ, рука объ руку, по долгому пути самосовершенствованія...

XIII.

Хорошо его сестрѣ, этой бойкой и «позитивной» Люлю, подсмѣиваться надъ его дружбой съ матерью!.. Развѣ она знала когда-нибудь, чѣмъ мать была для него, на протяженіи всей его сознательной жизни? Не то только сдѣлалось ему дорого, что въ матери видѣлъ онъ вѣрнаго друга, нѣжно откликавшагося на каждый его помыселъ и каждое чувство. Нѣтъ! не это одно. Она стала для него оплотомъ отъ того житейскаго скептицизма, который заразилъ почти всѣхъ его сверстниковъ. Бывало, въ заведеніи, или въ Гейдельбергѣ, въ кружкѣ молодыхъ русскихъ, или въ Парижѣ, у бывшихъ товарищей по S-te Barbe—сколько разъ заходила рѣчь «о женщинахъ вообще» — и сыпались со всѣхъ сторонъ несмѣтныя доказательства ихъ легкомыслія, вздорности, злости, невѣжества—и главнѣе всего, ихъ легкихъ нравовъ, ихъ неустойчивости подъ давленіемъ чего бы то ни было: бѣды, нищеты, тщеславія, разыгравшейся фантазіи, озлобленія, зависти, ревности... Ни одинъ изъ его сверстниковъ не вѣрилъ въ абсолютную чистоту и прямоту женщинъ, и когда кто-нибудь, бывало, воскликнетъ театрально: «а наши матери!?» — ему не дадутъ воспользоваться этимъ возгласомъ; ему сейчасъ закричатъ, что матери—въ разсчетъ нейдутъ, что взгляды на нихъ подкуплены сыновней привычкой. Да и говоря это, каждый, молча, какъ-бы хочетъ дать замѣтить, что только внѣшняя порядочность не позволяетъ ему и мать подвести подъ тотъ же скептическій взглядъ. Гриша, присутствовавшій при этихъ разговорахъ, не участвовалъ въ нихъ. Онъ не могъ спорить противъ фактовъ, случаевъ, подробностей, онъ съумѣлъ бы сказать одно только:

— Быть можетъ, всѣ женщины—таковы; я не знаю; всѣ— только не мать моя!

Но онъ хранилъ молчаніе. Его, среди такихъ разговоровъ, наполняло особое сладкое чувство: онъ точно хоронилъ какой кладъ и не хотѣлъ имъ дѣлиться, не хотѣлъ и показывать, что у него есть такой кладъ. Да ему и не снести бы удара, еслибы кто-нибудь изъ скептиковъ-товарищей, не то что словомъ, а одной миной возразилъ ему:

— Ты насъ не свернешь съ нашего житейскаго опыта при-

мѣромъ твоей матери, и вѣрить тебѣ, какъ сыну, мы вовсе не обязаны.

Возмужалъ онъ, сталъ человѣкомъ вполнѣ взрослымъ, и, не взирая на свое личное цѣломудріе, все-таки насмотрѣлся на то, что̀ творится во всѣхъ углахъ и слояхъ общества. Не одни романы говорили ему про реальную правду. Скептики-товарищи торжествовали слишкомъ дешевой цѣной въ своихъ выводахъ. Но ему довольно было сознанія, что его мать—не то, что̀ другія, и никакія испытанія не заставятъ ее замарать себя.

Безъ всякаго ригоризма смотрѣлъ онъ на нее въ послѣдніе два-три года. Онъ, болѣе чѣмъ кто-либо, простилъ бы ей всякое «паденіе» уже за одно то, что̀ ей привелось перенести съ перваго года замужства. Мужъ ея оказался пустымъ фразёромъ, а потомъ и просто игрушкой своихъ гаденькихъ инстинктовъ. Если она не бросила его, то потому только, что въ ней мать преобладала надъ всѣмъ. Внести такой раздоръ въ семью, она никогда не хотѣла—даже въ минуты полнѣйшаго отвращенія къ своему мужу. Кто же бы могъ бросить въ нее камень? Но камень бросать было не за что. И каждый годъ, сынъ, пріѣзжая на свиданіе съ нею, съ особымъ благоговѣніемъ повторялъ:

— Ничто, ничто не сокрушитъ ее!

Уже не одно себялюбивое чувство клада и сокровища наполняло его, какъ прежде, нѣтъ! Эта кроткая, изящная, чуткая женщина, послѣ цѣлой жизни, потраченной на пошлый бракъ, полный униженій всякаго рода, сдѣлалась для него живымъ доказательствомъ того, что скептики-товарищи далеко не правы...

— Неправда!—могъ онъ во всякій часъ крикнуть имъ:—что̀ бы вы ни говорили—есть женщины, предъ которыми вы всѣ должны пасть на колѣни, и не потому только, что онѣ наши матери, а потому, что нельзя быть на землѣ чище и честнѣе.

Пускай его энтузіазмъ показался бы смѣшнымъ—онъ не боялся этого. Его вѣра была въ глазахъ его—сама правда. Другихъ женщинъ онъ почти не зналъ; но зачѣмъ ему было погружаться въ ихъ грязь, когда та же дѣйствительность казала ему живой идеалъ?

Вотъ съ чѣмъ онъ ѣхалъ вчера въ Шелониху; а теперь фразы сестры гложутъ его; въ себѣ самомъ, тамъ, въ глубинѣ душевной, онъ не находитъ прежняго вѣрованія—путеводной нити всей его жизни. Ему хочется поскорѣе дотронуться до какой-то кровавой раны—и боится онъ двинуться съ мѣста, боится идти на этотъ завтракъ, гдѣ его ждутъ... не такъ, какъ прежде!..

XIV.

Въ столовой, выходившей окнами на дворъ,—продолговатой комнатѣ съ новенькими обоями и желтыми соломенными стульями—моды сороковыхъ годовъ—завтракъ былъ уже давно поданъ, когда молодой Шелонинъ вошелъ въ нее. За овальнымъ столомъ, прямо противъ двери, сидѣла худощавая, блѣдная женщина, съ мягкими, удлиненными чертами красиваго лица. На видъ ей не казалось больше тридцати-шести-восьми лѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ, Grégoire?—кротко спросила она сына и обратила къ нему большіе каріе глаза, совершенно такой же формы, какъ и у него.

Онъ, ничего не отвѣчая, сѣлъ на мѣсто, противъ нея. Ему тотчасъ же сдѣлалось жутко—оттого, вѣроятно, что онъ принужденъ былъ такъ сухо поздороваться съ матерью. Подойти къ ней и поцѣловать ее, какъ прежде, было неловко; присутствіе сестры, и въ особенности ея визави́—стѣсняло его. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, но глаза его, прежде всего, остановились на матери и стали разглядывать не только выраженіе ея лица, но и каждую подробность туалета. Въ лицѣ (такъ по крайней мѣрѣ казалось ему) было, кромѣ обычной кротости, еще какое-то, не сразу уловимое, выраженіе. Туалетъ не бросался ничѣмъ особенно въ глаза. Никто бы не нашелъ, что княгиня Вѣра Юрьевна молодилась не по лѣтамъ: синее кретоновое платье съ бѣлымъ шитьемъ, легкій чепчикъ съ васильками—вотъ какъ она была одѣта. Но что-то подсказало сыну, что такъ обдуманно мать его не была бы одѣта годъ тому назадъ, хотя изящество никогда не покидало ее.

— Князь, здравствуйте, — окликнулъ его справа звонкій, очень молодой голосъ.

Онъ немедленно повернулъ голову и беззвучно отвѣтилъ:

— Здравствуйте, Качковъ.

Поль Качковъ сидѣлъ наотлётѣ, закинувъ лѣвую руку за спинку стула, а правой тыкалъ вилку въ тарелку грибовъ. Лицо его, при большой подвижности, сохраняло все одну и ту же усмѣшку крупнаго рта съ толстыми губами, и свѣтлосѣрые глаза улыбались въ то же время, какъ-бы говоря: «вы, пожалуйста, держите ухо востро—я бѣдовый». Остальное въ наружности принадлежало къ типу, который старинные люди зовутъ «красавчикомъ». Носъ съ горбинкой, густыя брови, цвѣтъ лица, прическа русыхъ волосъ, бѣлый лобъ, свѣжая полная шея и двѣ

ямочки на щекахъ—все это Поль Качковъ точно предоставлялъ оглядывать каждому, сколько душѣ угодно. Но ему безпрестанно хотѣлось сдерживать свою усмѣшку и давать лицу полуозабоченный, строгій видъ. Тогда онъ вкидывалъ прямо монокль въ правый глазъ и морщилъ правую бровь. Шеколатно-желтоватый полный костюмъ съ цвѣтнымъ фуляровымъ галстухомъ и цвѣтной же рубашкой дополнялъ обликъ этого юноши.

Противъ него, старательно и держа лицо близко къ тарелкѣ, ѣла сестра Шелонина, успѣвшая уже перемѣнить туалетъ. Къ завтраку она надѣла суроваго батиста платье, съ такимъ же шитьемъ, какъ и у матери. Иной бы сказалъ, что онѣ одѣлись, если не подъ цвѣтъ, то съ уговоромъ. Не мудрено было принять ихъ скорѣе за сестеръ (съ разницей въ возрастѣ лѣтъ на десять), чѣмъ за мать и дочь.

Люлю кончила свои грибы и, обращаясь къ брату, спросила:

— Ты ботанизировалъ, Гриша? Mange, tu auras ta part de грибы...

— *Де грибы*!—подхватилъ Качковъ и расхохотался...—Отчего же, княжна, *де* грибы...

— Какъ отчего?—съ гримаской откликнулась княжна.

— Ну да, отчего?.. Вы это такъ сказали... Я вспомнилъ случай... Ѣхали мы изъ Гельсингфорса... я и Миша Остолоповъ... знаете, ученикъ Эверарди... на той станціи, гдѣ таможня... около насъ какая-то семья... Сейчасъ видно—жиды... но пялются... и гувернантка у нихъ... жиденятъ цѣлый звѣринецъ, и вдругъ жена кричитъ мужу на всю станцію и тычетъ пальцемъ: «Est-ce que c'est du бильё, или нѣтъ?» Мы такъ и разразились. Du бильё... замѣтьте еще: *билье*, а не бѣлье. До самого Петербурга, я какъ задумаюсь, Остолоповъ мнѣ сейчасъ: «du бильё». Мы и помираемъ!..

Качковъ опять разсмѣялся. Люлю покраснѣла. Братъ поглядѣлъ на нее съ улыбкой, въ которой сидѣлъ вопросъ:

«Объясни мнѣ, пожалуйста, такъ-то ты свысока третируешь этого mioche'а?»

Но, къ удивленію брата, Люлю выслушала не только анекдотъ, прямо задѣвающій ее, но и смѣхъ своего визави́. Онъ взглянулъ на мать. Княгиня Вѣра Юрьевна не то конфузилась, не то была довольна: съ губъ ея не сходило все то же двойственное, еще неразгаданное сыномъ выраженіе.

XV.

— Я кончилъ!—объявилъ Поль, обтираясь салфеткой, съ видимымъ желаніемъ встать...—Князь, вы позволите?—небрежно кинулъ онъ въ сторону.

— Пожалуйста,—нѣсколько чопорно отвѣтилъ Шелонинъ, принимаясь завтракать.

— Княжна,—продолжалъ Поль, уже стоя,—вы вѣдь кофе не будете пить?

— Не буду,—отвѣтила Люлю сухо, но очень сдержанно.

— Такъ пожалуйте-ка въ залу. Маленькій моціончикъ... Я повокализирую.

— Тотчасъ послѣ завтрака?

— Ничего-съ!.. Мы безъ этихъ тонкостей. Пѣвецъ долженъ всегда пѣть!.. Пожалуйте... Merci, княгиня!

Онъ на ходу чмокнулъ руку княгини и шумно вышелъ изъ столовой.

— Ты ему аккомпанируешь?—обратился Шелонинъ къ сестрѣ.

— Moi, ou maman,—опять также сдержанно отозвалась Люлю.

Княгиня не совсѣмъ увѣренно взглянула на сына.

— Ты вѣдь всегда любилъ пѣніе, Grégoire?—проговорила она больше тономъ успокоенія, чѣмъ вопроса.

— Онъ упражняется каждое утро?—спросилъ Шелонинъ, обращаясь опять къ сестрѣ.

— Да,—отвѣтила за Люлю княгиня, съ нѣкоторой торопливостью:—когда серьёзно занимаются искусствомъ—это необходимо...

Сына не удивилъ оттѣнокъ искренней аффектаціи въ тонѣ матери. Княгиня всегда говорила такъ, но на этотъ разъ слухъ его былъ пораженъ особой какой-то сладостью.

Люлю встала, сдѣлавши губами обычную свою гримаску, сказала на ходу:

— Merci, maman! и вышла изъ столовой.

Оставшись наединѣ съ матерью, Шелонинъ ощутилъ еще бо́льшую неловкость, чѣмъ при сестрѣ и Качковѣ. Онъ медленно ѣлъ и тяжело дышалъ. Ему непріятно было сидѣть такъ, черезъ столъ отъ матери, а встать и поздороваться съ ней по-дѣтски показалось, въ первый разъ, совершенно неумѣстнымъ.

— Ты хорошо спалъ, Grégoire?—спросила княгиня послѣ маленькой паузы.

— Прекрасно, maman.

«Мàма» у него не вышло, какъ слетало съ языка еще полгода тому назадъ каждый день въ разговорахъ съ нею. Куски плохо шли ему въ ротъ. Завтракъ затягивался, вопреки его желанію; онъ искалъ слова, фразы, вопроса, съ которыхъ бы полилась задушевная бесѣда, и не находилъ ихъ. Почти то же замѣчалъ онъ и въ ней, кидая на нее быстрые и робкіе взгляды. Имъ обоимъ было одинаково неловко.

Княгиня встала и присѣла къ нему на тотъ стулъ, гдѣ завтракалъ Качковъ, и пододвинулась поближе.

— Ты пожалуйста, Гриша,—говорила она тихо и точно ожидая звуковъ изъ залы:—не лишай себя свободы для меня... Дѣлай, чтó хочешь... Мы найдемъ время для всего... Отдохни и, главное, не волнуй себя ничѣмъ, дитя мое, погляди, какой ты худой сталъ.

Слова были ласковыя, но тонъ ихъ звучалъ почти чуждо и непривѣтно для Шелонина. Онъ не рѣшался поднять голову отъ тарелки и поглядѣть матери прямо въ глаза.

Послѣ паузы, когда мальчикъ Вася, въ сѣрой ливреѣ, принесъ ему кофе и удалился, Шелонинъ сѣлъ на стулъ лицомъ къ матери и взялъ ее за руку; но не по прежнему: неувѣренно и неловко.

Княгиня тихо поцѣловала его въ лобъ, а правой рукой, съ тонкими, длинными пальцами, слегка потрепала по щекѣ.

— Ты что-то нервенъ сегодня?—спросила она, улыбаясь ему, точно капризному ребенку.

— Нѣтъ, нисколько,—отозвался онъ серьёзно, я ни на что не могу пожаловаться...—Даже мои невралгіи совсѣмъ прошли теперь.

Въ эту минуту въ залѣ раздались переливы голоса. Поль началъ вокализировать. Услыхавъ звуки, княгиня встрепенулась, повернула голову къ двери, вся выпрямилась и стала слушать; на губахъ ея забродила улыбка, неукрывшаяся отъ сына. Онъ опустилъ голову и уныло глядѣлъ въ окно черезъ столъ.

До самаго конца первой вокализы, въ которой для Шелонина не было ничего занимательнаго, княгиня не проронила ни слова, она точно и забыла, что тутъ, рядомъ съ нею, сидитъ ея Гриша, котораго она не видала съ зимы.

— Чтó ты скажешь про голосъ?—вдругъ обратилась она къ нему и подняла брови, чтó у ней выходило всегда особенно характерно.

— Хорошъ.

— О! въ этомъ голосѣ—блестящая будущность. Я такъ сча-

стлива, Grégoire, что сынъ моей бѣдной Sophie съ такимъ чуднымъ даромъ... Голосъ—это первый талантъ. Не правда ли, другъ мой?.. И, конечно, мой долгъ сдѣлать все для этого... мальчика.

Княгиня какъ-бы съ нѣкоторымъ усиліемъ выговорила послѣднее слово.

— Конечно,—односложно отвѣтилъ Шелонинъ.

— Ты на меня не въ претензіи за то, что твое пьянино стоитъ въ комнатѣ Поля... Ты понимаешь, онъ долженъ постоянно экзерцироваться; а ты вѣдь только иногда любишь...

— Пожалуйста,—перебилъ онъ, и вдругъ спросилъ:—а гдѣ его комната?

Вопросъ былъ сдѣланъ обыкновеннымъ голосомъ, но слово «гдѣ» особенно рѣзко выдѣлилось изъ всей фразы.

Лицо княгини на мгновеніе точно сжалось. Взглядъ сына упорно уставился въ нее: онъ не смогъ сдержать въ себѣ такого движенія глазъ.

— Поль въ кабинетѣ отца...—отвѣтила княгиня оправившись,—ты вѣдь не любилъ этой комнаты, Grégoire.

«Изъ кабинета—дверь въ уборную», промелькнуло въ головѣ сына, и въ виски его застучало. Онъ продолжалъ глядѣть въ лицо матери.

XVI.

Она опять заговорила. Предметомъ разговора сдѣлался все тотъ же Качковъ. Княгиня повторила нѣсколько разъ, съ особой выразительностью голоса и мимики, что Поль, какъ сынъ ея пріятельницы, Sophie Качковой, оставшійся круглой сиротой, долженъ быть для нея такъ же дорогъ, какъ и родныя дѣти.

— Ты понимаешь, мой другъ,—продолжала она, поднимая концы бровей вмѣстѣ съ вѣками,—онъ теперь въ самомъ критическомъ возрастѣ... При его натурѣ... une nature abondante et riche... въ Петербургѣ можно легко увлечься и потерять все... Соблазны на каждомъ шагу... Надо, чтобы онъ прошелъ школу артиста—une grande école... Теперь онъ разсуждаетъ очень хорошо. Три года останется онъ въ Петербургской консерваторіи... Преподаваніе у насъ серьёзное... Въ немъ есть также задатки композитора... Ему слѣдуетъ заняться теоріей... J'y veillerai, j'y metterai toute ma sollicitude.

И снова концы бровей поднялись, руки княгини встрѣтились и пальцы переплелись. Говоря о Полѣ, княгиня продолжала при-

слушиваться къ его вокализамъ и, дѣлая маленькія передышки, съ видимымъ удовольствіемъ затягивала рѣчь.

Лицо ея сына становилось все смутнѣе и смутнѣе. Онъ рѣшительно не могъ отвѣчать ей въ тонъ. Въ головѣ его все еще вертѣлась фраза: «изъ кабинета дверь въ уборную». Онъ перемѣнилъ позу, поправилъ волосы, хотѣлъ-было улыбнуться, но не съумѣлъ. Княгиня такъ была проникнута своимъ сюжетомъ, что ничего этого не замѣчала.

— Ты видишь,— все говорила она,—Поль съ Лидіей—en vrais camarades. Знаешь, Grégoire, Лидія—немножко raide; но мы съ тобой очень ужъ строго на нее смотрѣли... У ней много такта, она понимаетъ жизнь... Право, другъ мой, пора быть снисходительнѣе. Въ насъ съ тобой слишкомъ много было... du bleu...

— Du bleu?—переспросилъ онъ, удивленный и оборотомъ разговора, и тѣмъ, что мать его гораздо больше вставляла французскихъ словъ въ свою рѣчь, чѣмъ прежде.

— Да, мой другъ, du bleu... идеальности, восторженности (она произносила: восторжённости). Il faut donner vivre aux autres... Я знаю, что ты неспособенъ никому сдѣлать непріятность; но ты такъ строгъ... въ твоихъ правилахъ, такъ горячо держишься ихъ, что малѣйшая вещь тебя волнуетъ.

«Это Люлю говоритъ, а не мàма», вымолвилъ про себя Шелонинъ.

— Ты когда-то интересовался Полемъ... потомъ охладѣлъ къ нему... Я не хочу спорить съ тобой... можетъ быть у него есть что-нибудь не въ твоемъ вкусѣ, но вѣдь онъ еще такъ молодъ, Grégoire... Онъ развивается... Зачѣмъ составлять себѣ сейчасъ же des idées arrêtées? Поприглядись къ нему и обсуди все безпристрастно... C'est une nature excessivement riche!.. И ты не можешь не признать этого съ твоимъ умомъ и пониманіемъ всего изящнаго...

Худыя щеки княгини начали покрываться румянцемъ, орбиты глазъ расширились, кисти рукъ она держала въ той же позѣ. Не такое ли оживленіе овладѣвало ею въ былое время, когда она слушала разсказы своего Гриши или отвѣчала на его планы, мысли, упованія?.. Шелонинъ почувствовалъ это, и совсѣмъ застылъ. Губы его сжались, глаза потухли. Ему не о чемъ было говорить съ матерью, не о чемъ ее разспрашивать, не на что отзываться.

Онъ перебилъ ее, вставъ со стула.

— Здѣсь душно,—глухо выговорилъ онъ.

— Ахъ, полно, Grégoire, это самая прохладная комната: она вся въ тѣни... Пойдемъ ко мнѣ. Въ цвѣтникѣ сидѣть—жарко.

— Пойдемъ къ тебѣ,—повторилъ онъ.

Войдя въ комнату княгини, Шелонинъ жадно началъ оглядываться. Все та же, два десятка лѣтъ знакомая ему спальня глядѣла на него. Она отдѣлана была въ «греческомъ вкусѣ», съ колоннами и голубымъ занавѣсомъ алькова, зеркалами въ позолотѣ и бѣлой люстрой въ видѣ какой-то миѳологической птицы... Вотъ тутъ, около кушетки, стоитъ все тотъ же низенькій табуретъ, гдѣ Гриша прочелъ матери столько книжекъ вслухъ. На стѣнѣ, противъ алькова, висятъ его портреты всѣхъ возрастовъ: есть и силуэтъ, и дагерротипъ, и нѣсколько фотографій. Но отчего же въ этой комнатѣ стоитъ другой воздухъ? Онъ не узнаетъ ея обычнаго, легкаго запаха: пахнетъ слащавымъ турецкимъ табакомъ папиросъ... Чтó это?.. Прямо на него глядитъ съ простѣнка улыбающаяся физіономія Поля Качкова, изъ рамки фотографическаго поясного портрета въ натуральную величину.

Комнату разомъ точно заволокло въ глазахъ Шелонина. Онъ измѣнился въ лицѣ и обернулся спиной къ окнамъ. Княгиня присѣла на кушетку, но видно было, что она усаживается не надолго.

— Я хотѣла съ тобой поговорить, Grégoire,—медленно начала она, точно ища словъ, и тотчасъ же остановилась.

Изъ залы раздалась мелодія: Поль кончилъ свои вокализы.

— C'est quelque chose de nouveau?—радостно вскричала княгиня и поднялась съ необыкновенною живостью:—пойдемъ въ залу... послушай.

Не дожидаясь, какъ откликнется сынъ на ея приглашеніе, она поспѣшно вышла изъ комнаты походкой молодой дѣвушки, заслышавшей въ залѣ звуки вальса.

Еслибы она вернулась изъ корридора черезъ нѣсколько секундъ, она нашла бы сына своего на кушеткѣ, съ лицомъ, закрытымъ ладонями рукъ, въ болѣзненныхъ конвульсіяхъ. Но никто не видалъ его припадка. Изъ залы пѣніе доносилось все громче и громче. Въ антрактахъ слышались даже рукоплесканія.

Черезъ десять минутъ Шелонинъ открылъ лицо, оглянулъ комнату съ выраженіемъ испуга и нетвердыми шагами двинулся къ двери въ корридоръ. На площадкѣ онъ взялся за ручку двери въ уборную. Глаза его горѣли, губы поводило. Онъ сдѣлалъ усиліе—дверь не подавалась: она была заперта.

— Зачѣмъ заперта,—спросилъ онъ съ пылающей головой,— зачѣмъ?—

И такими же нетвердыми шагами вышелъ онъ черезъ заднее крыльцо на дворъ.

XVII.

Онъ не чувствовалъ, какъ его пекло. Не замѣчая, куда онъ идетъ, Шелонинъ забрелъ на зады людскихъ службъ, къ оврагу, отдѣлявшему господскую усадьбу отъ крестьянской земли. Совершенно машинально присѣлъ онъ на кучу бревенъ, лежавшихъ у скотнаго двора. Такъ просидѣлъ онъ около часа.

Въ первыя минуты онъ не могъ стряхнуть съ себя томительнаго столбняка. Въ темя ему било, въ глазахъ пестрѣли цвѣтные круги, грудь поднималась тяжело и высоко, въ горлѣ сперлось и душили горькія слезы; но онъ не плакалъ. Въ мозгу что-то легло точно какой камень, не позволяя ни думать, ни разбирать свои ощущенія, ни складывать какія-нибудь фразы... Потомъ немного отошло, въ головѣ прояснилось; за то сильнѣе схватило за сердце...

Первымъ душевнымъ движеніемъ, еще никогда имъ неиспытаннымъ, была жгучая потребность жаловаться и злиться до послѣдней капельки, показать, до какой глубины нравственной обиды дошелъ онъ, на какое поруганіе обрекли всю его святыню... Но первое движеніе замерло: его охолодили вопросы:

«На что ты вознегодовалъ? что̀ смутило тебя? Вѣдь тебя предупреждали?»

Да, онъ долженъ былъ сознаться, что ничего *особеннаго* онъ не увидалъ и не услыхалъ. Люлю сказала ему въ саду про «engouement» его матери къ Полю Качкову — и engouement оказалось на лицо. Что̀ же больше? Онъ не смѣлъ еще и самому себѣ точнѣе выразить своихъ подозрѣній. Онъ уже гналъ ихъ, боясь грязи и почти изумлялся тому, какъ могъ онъ и вчера и сегодня останавливаться на пустыхъ фактахъ и выводить изъ нихъ Богъ знаетъ что̀...

Но легче ему не стало отъ этихъ успокоеній. Пускай *ничего* нѣтъ, пускай говоритъ въ немъ одна его сыновняя ревность и нетерпимость къ людямъ; развѣ не правда, что онъ не нашелъ своей матери, ни вчера, ни сегодня, что прежняя ихъ связь порвана, что ни одна душевная струна его не дрогнула, слушая ее? Развѣ это не голая правда? И ка̀къ отыскать ключъ къ прежней дружбѣ? Ка́къ заговорить по старому? Ка́къ возстано-

вить тотъ воздухъ пониманія, безъ котораго жизнь потеряла въ его глазахъ цѣну и обаяніе...

Ка́къ?..

Не находилъ онъ отвѣта.—Грузно опустилась на руки голова его, и другія ѣдкія, холодящія мысли забороздили ее. Показалось ему, что вотъ, до двадцатишестилѣтняго возраста дожилъ онъ мальчикомъ, визіонеромъ. Чѣмъ онъ докажетъ, что мать его измѣнилась? А, быть можетъ, онъ въ первый разъ, подъ уколомъ подозрѣній и досады, трезво поглядѣлъ на нее и увидалъ, что она женщина, какъ и другія, ничуть не серьёзнѣе, не глубже, не идеальнѣе—а просто себѣ усталая, русская княгиня, за сорокъ лѣтъ, немножко сентиментальная, немножко дилеттантка, жившая весь свой вѣкъ своимъ маленькимъ міркомъ исключительныхъ привязанностей... Поручится ли онъ за то, что не его сыновняя любовь, не его идеализація возвели ея личность въ нѣчто, неразрывно связанное съ высшими задачами его жизни? Да полно, понимала ли она эти задачи, и не сводилось ли это пониманіе къ общему расплывчатому желанію добра, подъ которое онъ подписывалъ то, что́ ему самому хотѣлось?.. И вотъ, теперь онъ негодуетъ, потому только, что «quelqu'un l'a supplanté dans le coeur de maman», какъ выразилась Люлю; онъ не можетъ переварить того факта, что, вмѣсто него, на другой день его пріѣзда, исключительно поглощены какимъ-то мальчишкой, ученичкомъ консерваторіи, хорошенькой куклой, шумной, нахальной и пошлой!..

Шелонину сдѣлалось гадко. Недовольство собою, смѣнившее натискъ скорбнаго чувства, было нѣсколько полегче; но оно не облегчило перваго удара. Что-то оборвалось—и оборвалось безвозвратно: вотъ къ чему онъ пришелъ опять, когда его разгоряченная голова продѣлала весь кругъ тяжелыхъ выводовъ.

Тѣло искало движенія; но жаръ взялъ свое и заставилъ замедлить ходъ. Онъ уже былъ далеко отъ скотнаго двора и кучи бревенъ, по дорогѣ къ селу. У перваго колодца онъ точно очнулся и попросилъ у бабы, пришедшей съ ведрами, дать ему испить. Жадно пилъ онъ прямо изъ ведра колодезную, мутную воду. Баба съ немалымъ удивленіемъ оглядѣла барина, и еще долго смотрѣла ему вслѣдъ.

Возвращаться домой Шелонинъ не хотѣлъ. Даже наверху или въ саду онъ не считалъ себя защищеннымъ отъ впечатлѣній, которыя сегодня переполнили бы чашу. Вступать въ какія-нибудь объясненія съ матерью онъ уже не могъ. Онъ видѣлъ ясно и теперь, что́ ему предстояло: — переживать пассивно все,

что́ случится и ждать лучшихъ дней, не надѣясь на нихъ. Еслибъ что-нибудь помогло ему сегодня же проститься съ Шелонихой— не схватился-ли бы онъ за такой случай съ великой радостью, но гдѣ этотъ случай? И если оно такъ, то ѣхать было незачѣмъ, дѣлиться не съ кѣмъ и нечѣмъ, ждать нечего. Выходило полное отщепенство и одиночество въ ту минуту, на которую онъ, наивный мальчикъ, посмотрѣлъ какъ на рубежъ школы и жизни...

Дорога вела Шелонина на крестьянскій порядокъ. Онъ двигался, опускаясь все ниже и ниже въ котловину. Дойдя до перваго проулка, онъ остановился, поднялъ голову, что-то какъ-бы сообразилъ, взялъ вправо и началъ подниматься опять вверхъ. Видно было, что всѣ ходы ему хорошо извѣстны. Дороги онъ ни у кого не спрашивалъ. Пошелъ онъ спокойнѣе и бодрѣе. Не легко было выбраться наверхъ довольно крутого склона, пробираясь задами, коноплянниками, огородами, между бань, мшенниковъ и полосокъ хмѣля. Все это облито было сплошной массой свѣта, желтѣло, бурѣло и зеленѣло при полномъ почти безмолвіи селенія.

XVIII.

Сильно па́рило въ котловинѣ, гдѣ расположились крестьянскіе дворы, вправо отъ господской усадьбы. По-ту сторону оврага стояла на юру деревянная церковь съ побурѣлой крышей. Избы лѣпились въ разбродъ. Только къ пруду велъ порядокъ попрямѣе и почище.

Шелонинъ спустился въ оврагъ по крутой тропкѣ, перешелъ мостъ безъ перилъ, крытый поверхъ брусьевъ слоемъ соломы, и сталъ подниматься по косогору, направляясь въ одинъ изъ проулковъ, къ задамъ селенія. Мысль его перешла отъ матери къ другой женщинѣ. Почти всегда выходило такъ и прежде, когда о матери думалось ему иначе. Эта другая женщина была его кормилица, жившая тутъ же въ Шелонихѣ. Княгиня Вѣра Юрьевна не могла сама выкормить своего первенца. Она выбрала однолѣтку — въ одинъ мѣсяцъ съ ней повѣнчанную, тихую и красивую, — Устинью, выданную за Акима Фарафонтьева, коновала и гуляку, отъ котораго молодухѣ съ первыхъ же дней приходилось куда какъ жутко. Между княгиней и кормилицей Гриши было нѣчто схожее во внѣшнемъ обликѣ: такое же блѣдное, тонкое лицо, видный ростъ, деликатность сложенія, такіе же большіе, какъ-бы удивленные глаза; даже въ движеніяхъ и голосѣ сказывалось что-то близкое. Шелонинъ, подростая, не

прерывалъ связей съ кормилицей. Для него Устинья была точно дополненіемъ его родной матери. Онъ, изъ года въ годъ, зналъ весь ея семейный побытъ, часто помогалъ ей, и съ каждымъ пріѣздомъ въ деревню исполнялся все бо́льшаго и бо́льшаго уваженія къ этой простой бабѣ, вотъ уже сколько лѣтъ носившей грубую паняву послѣ парчевыхъ душегрѣекъ и кокошниковъ барскаго кормленія. Устинья рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ крестьянокъ, побывавшихъ въ кормилицахъ барскихъ дѣтей. Никогда она ничего не выпрашивала, и ни на что не жаловалась господамъ: ни княгинѣ, ни своему молочному сыну. Точно будто жизнь ея проходила въ довольствѣ и радостяхъ. Мужъ ея, съ лѣтами, дѣлался все безпутнѣе, и не будь ея, ихъ домъ давно бы пришелъ въ полное разрушеніе. Дѣти все умирали «къ счастію», а то бы Устинья совсѣмъ съ ними извелась. Только послѣдній ея сынъ — Епифанъ — уцѣлѣлъ. Она жила съ нимъ душа въ душу, хотя и тужила подъ часъ о томъ, что «больно ужъ онъ простъ, ровно младенецъ».

Шелонинъ, сравнивая часто судьбу обѣихъ близкихъ ему женщинъ, находилъ, что мать и кормилица были одинаково оскорбляемы своимъ супружествомъ и одинаково выносили это съ незапятнаннымъ достоинствомъ. Красивая, да и теперь еще очень моложавая Устинья, при такомъ мужѣ, какъ ея Акимъ Фарафонтьевъ, могла бы утѣшиться на сторонѣ, тутъ же въ Шелонихѣ, или совсѣмъ уйти отъ него и заработывать себѣ копѣйку на всей своей волѣ: немало бы нашлось охотниковъ раздѣлить съ ней тоску-кручину и полюбиться ей... Но вотъ прошло двадцать-шесть лѣтъ съ рожденія ея первыхъ дѣтей—родного «Витеньки» и молочнаго «Гришеньки», а Устинья осталась все такой же честной, выносливой и вѣрной своему немудрому идеалу.

Такъ думалъ онъ и на этотъ разъ; но не могъ уже ставить Устинью рядомъ съ матерью... Почти съ ужасомъ почувствовалъ онъ, что идетъ къ крестьянкѣ-кормилицѣ отдохнуть отъ мучительныхъ впечатлѣній столовой и спальни.

Устинья точно догадалась, что молодой баринъ захочетъ поздороваться съ ней на другой же день по пріѣздѣ. За нѣсколько шаговъ до ея избы, они встрѣтились: Устинья приближалась къ колодцу, но, увидавши, кто идетъ къ ней на встрѣчу, всплеснула руками и опустила ведра на землю.

Они поцѣловались. Устинья не была слезлива, и на этотъ разъ не прослезилась. Какъ всегда, она крѣпко обняла своего

молочнаго сына и долго смотрѣла ему въ глаза съ кроткой, нѣсколько стыдливой улыбкой.

— Гришенька,—вырвалось у нея,—да какой же ты худой сталъ... съ чего это?

— А ты вотъ все молодѣешь, — шутливо отвѣтилъ онъ и оглядѣлъ ее.

И въ самомъ дѣлѣ, въ цвѣтной кичкѣ, прикрывавшей совсѣмъ волосы, въ чистой рубашкѣ и полосатой юбкѣ, Устинья никакъ не смотрѣла пожилой женщиной. Ея блѣдное, усталое, но не морщинистое лицо очень мало загорѣло, брови шли красивой дугой, зубы всѣ сохранились, станъ еще не утратилъ нѣкоторой стройности.

— Иди, иди, вѣдь ты за водой, кормилица.

— Не къ спѣху, Гришенька, не къ спѣху... Къ намъ нѣшто завернешь?

Она, точно, о чемъ-то спохватилась, подняла коромысло съ пустыми ведрами на правое плечо и въ нерѣшительности выговорила:

— Душно больно у насъ, чай, знаешь... На крылечкѣ не посидишь-ли... ужъ чѣмъ тебя угостить-то право... молочка-рай?

Шелонинъ замѣтилъ ея тревожность и спросилъ потише:

— Или мужъ загулялъ?

— Мой Акимъ Терентьичъ никакъ ужъ вторые сутки не ворочалси... Все по добрымъ людямъ мыкаетси.

Она улыбнулась. Шелонинъ не знавалъ у ней такой улыбки. И прежде она не любила плакаться на мужа; но когда говорила о немъ, то принимала тихій, строгій тонъ; а тутъ въ словахъ ея сквозило пренебреженіе вмѣстѣ съ какимъ-то небывалымъ равнодушіемъ къ гульбѣ и безобразію мужа.

— Стало-быть, Акимъ попрежнему живетъ? — серьёзно освѣдомился Шелонинъ.

— Чего!.. на той недѣлѣ собралси Богу душу отдавать, лошадь убила дюже.

— Онъ все коновалитъ?

— Коновальство извѣстное... кто штó поднесетъ... въ шинкѣ.

Тонъ Устиньи Шелонину не нравился, хотя и не къ чему было придраться: Устинья была, во всемъ прочемъ, прежняя его кормилица: кроткая, ласковая, съ разсудкомъ и умѣньемъ говорить.

Они подошли къ избѣ Фарафонтьевыхъ. Низкое крылечко съ лавочкой подъ навѣсомъ защищало отъ удушливаго іюльскаго солнца. На улицѣ не виднѣлось ни единой души.

— Головку-то не зашиби, — предупредила Устинья, когда Шелонинъ занесъ ногу на первую ступеньку крылечка.

Она составила ведра и заглянула въ отворенную, низкую дверь сѣней. Изба вся потрескалась и ея еловыя тонкія бревна смазаны были кое-какъ глиной. На дворѣ, сквозь дырявыя ворота, видна была плохая телѣжонка и соха съ бороной, приставленныя оглоблями къ плетню. Двѣ-три курицы кудахтали вокругъ крылечка. Не то, что совсѣмъ нищета; а большая крестьянская скудость металась въ глаза отъ всего двора. Только чистая рубаха Устиньи и красивая кичка смотрѣли иначе.

XIX.

— Дай-ка мнѣ, кормилица, кваску,—сказалъ Шелонинъ, садясь на доску, вдѣланную, въ видѣ скамьи, поперекъ крылечка.

— Гришенька, не станешь вѣдь ты кушать нашего квасу... степного... Такой-то задалсй кислый...

— Ничего...

Устинья еще разъ заглянула въ сѣни и крикнула въ избу:

— Епиша, а Епиша!.. Выдь-ка!.. баринъ у насъ въ гостяхъ.

Обернувшись лицомъ съ своему молочному сыну, Устинья прибавила:

— Ты его не обезсудь. Онъ не рѣчистъ у меня и разумомъ не больно прытокъ; а все въ домѣ дѣлаетъ и ко мнѣ припадаетъ ровно дѣвка красная... Женить пора, да кто къ моему Акиму Терентьичу въ сéмью пойдетъ?.. Оглашенная, рай, какая...

На порогѣ показался малый лѣтъ восемнадцáти, бѣлокурый, съ такимъ же, какъ у матери, блѣднымъ лицомъ и тусклыми, почти неподвижными глазами. Бѣлая рубаха болталась у него вокругъ пояса. Изъ-подъ раскрытаго ея ворота выглядывалъ шнурокъ и верхній конецъ мѣднаго креста. Пестрядинные порты заправлены были въ онучи и лапти. Плоскіе его волосы падали ему безпорядочно на лицо.

Онъ поклонился, перешагнулъ черезъ порогъ и всталъ въ выжидательной позѣ, тупо глядя на косякъ крылечка.

— Что-жъ ручку не попросишь,—надоумила его мать.

Епифанъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Шелонинъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Что это ты, кормилица, какія же тутъ ручки... Вѣдь онъ мнѣ молочный братъ...

— Спросилъ бы онъ объ здоровьи у братца-то молочного.

— Оставь его,—шепнулъ Шелонинъ. Такая тревожность въ Устиньѣ тоже немало изумляла его.

— Кваску-то тебѣ,—спохватилась она.—Ой, кисёлъ!.. Епиша, —обратилась она къ сыну, — за водой бы сходить... Гдѣ Ваня?

— Дрыхнетъ въ амшеникѣ, — угрюмо и глухо отвѣтилъ Епифанъ.

— Батракъ у насъ,—пояснила Устинья Шелонину и странно какъ-то повела губами,—тоже малолѣтокъ еще, не больше годовъ нечѣмъ Епишѣ... сирота, ужъ какое у насъ житье!.. Дѣло молодое... вотъ поѣлъ онъ, и на боковую...

— Идти нѣшто? — перебилъ ее сынъ, берясь за коромысло.

— Побуди Ваню, коли тебѣ самому не въ охотку, —отозвалась Устинья.

— Не пойду я...

Съ потемнѣвшимъ лицомъ онъ схватилъ коромысло, взвалилъ его на плечо и двинулся неровной, тяжелой поступью къ колодцу.

— Ему обидно стало, — тихо замѣтилъ Шелонинъ Устиньѣ, указывая на удаляющагося сына.

— Горделивъ больно,—нѣсколько смущенно отвѣтила она,— такое сердце неотходчивое, а душа добрая... Однихъ лѣтъ они съ Иваномъ, сказывала я тебѣ, Гришенька, ну вотъ и ненѣвисть сейчасъ. Да я только до Покрова подержу,—торопливо добавила она,—а тамъ на какіе же достатки намъ батрака нанимать... Съ Епишей-то намъ въ рабочую пору ни въ жизь не справитьси; а муженекъ-то мой только одна помѣха... Кваску-то хочется тебѣ? ась?..

— Пить очень хочется, кормилица.

— А я-то все гутбрю... Только ужъ ты не обезсудь за квасъ-то.

Фигура Устиньи скрылась въ темномъ отверстіи сѣней. Шелонинъ проводилъ ее глазами и спросилъ себя: «что же такое новое есть въ кормилицѣ?» Чтó именно—онъ не могъ еще разобрать; но что-то было, и точно уже знакомое ему.

Вправо отъ крылечка, изъ-за плетня, послышались голоса. Онъ прислушался.

— Ваня, а Ваня,—донесся до него голосъ Устиньи.

Отвѣта не было.

— Ваня!—повторила Устинья откуда-то поглубже.

— Чаво?—раздался отвѣтъ сонно и сердито.

— Встань-ка... Я одна, Епиша осерчалъ—за водой ушелъ.

— Эка важность!

Раздалась громкая зѣвота съ потягиваніемъ.

— Встань, милый,—еще тише и нѣжнѣе, просила Устинья.— Баринъ у меня сидитъ на крылечкѣ, ждетъ, квасу испить хочетъ.

— А ты дай-ка мнѣ хлебнуть...

— Чтой-ты... рай, приходитси?

— Ладно, нацѣди еще...

Шелонинъ разслышалъ и то, какъ пили квасъ изъ ковша и какъ Устинья, уходя изъ мшенника, сказала съ подавленнымъ смѣхомъ:

— Привередникъ же ты... ровно прынецъ растянулся.

«Что же это такое?» спросилъ онъ, и хотя отвѣтъ былъ очень близокъ, но онъ не позволилъ себѣ никакого соображенія, оскорбительнаго для его кормилицы.

— Замѣшкалась я, Гришенька, прости меня Христа ради, темно на погребицѣ... заговорила Устинья, бережно поднося ему мутнаго бѣлесоватаго квасу въ жестяномъ ковшѣ.

«А зачѣмъ же ты лжешь?» хотѣлъ онъ ее спросить, но удержался.

— Кисёлъ?

— Ничего.

— Ну, и на здоровье. Позволь, ужъ и я остаточки допью.

Перекрестившись, она выпила, поставила ковшъ на перила; обтерлась, видимо успокоилась и присѣла рядомъ съ Шелонинымъ. Начала она разспрашивать, какъ и въ прежніе годы, про то: на долго ли пріѣхалъ, кончилъ ли «ученье», нѣтъ ли зазнобы, гдѣ будетъ жить домкомъ. О себѣ почти-что ничего не сказала. Шелонинъ слушалъ и чувствовалъ, что разстройство, съ какимъ онъ шелъ къ кормилицѣ, не только не стихло, но усилилось. Голосъ этой женщины не проникалъ ему въ душу, между ними легла черта... Ему хотѣлось спросить ее: почему же это она хитритъ и притворяется, почему такъ обѣгаетъ разсказовъ про свою домашнюю жизнь... Но разспрашивать ее про этого Ваню-батрака, послѣ слышаннаго имъ разговора, значило—допрашивать; отъ такой роли онъ отворачивался... И ничего онъ не съумѣлъ сказать Устиньѣ теплаго, какъ бывало... Онъ съумѣлъ только дать ей ассигнацію, которую она приняла—не такъ, какъ прежде, а съ непріятной для него слащавой улыбкой.

XX.

Поднимаясь изъ оврага, онъ выбралъ тропинку, чуть протоптанную сквозь цѣлый лѣсъ крапивы и лопуха. Она вела къ задàмъ другого порядка, на углу котораго стояла лучшая изба во всемъ селѣ — дубовая, съ трубой и опрятно подстриженной крышей. Дворъ, также домовито крытый, вдавался глубоко въ полосы коноплянниковъ.

На заваленкахъ играло двое ребятъ. Шелонинъ поздоровался съ ними. Они пугливо оглядѣли его и заслонили глаза отъ солнца.

— Веденей дома?—спросилъ онъ.

— Дома, — отвѣтилъ мальчикъ постарше, и тотчасъ же отвернулся.

— Въ избѣ?

— Нѣтъ, на гумнѣ.

— Проводи-ка меня.

Мальчуганъ всталъ, обдернулъ поясъ, и пятки его босыхъ ногъ замелькали быстро-быстро по черной землѣ, а потомъ по травѣ огорода.

Шелонину не было особенной надобности заходить къ хозяину дубовой избы; но онъ точно боялся возвращенія домой, одинокой ходьбы по полямъ, или сидѣнья у себя въ комнатѣ. Отца ребятишекъ, игравшихъ на заваленкѣ, сельскаго старосту — Веденея Гусева—князь Дмитрій Алексѣевичъ Рыкаловъ-Шелонинъ давно прозвалъ «министромъ». До манифеста 19-го февраля Гусевъ, безсмѣнно, ходилъ у него въ бурмистрахъ, слылъ, разумѣется, за плута, но ни разу не проворовался и въ жизнь свою барской рукой или по барскому приказу битъ не былъ. Правилъ онъ вотчиной самодержавно, свою семью держалъ тоже въ рукахъ, женатъ былъ на трехъ женахъ, и ни одного взрослаго сына выдѣляться не пускалъ. Вышла воля, прекратилась барщина, Веденея Гусева выбрали въ сельскіе старосты. Никто хорошенько не зналъ, и баринъ всего менѣе: сильно воровалъ Веденей или нѣтъ, промышляетъ онъ чѣмъ на сторонѣ, или держится одного хлѣбопашества, испиваетъ втихомолку, или совсѣмъ трезвый мужикъ, добрый онъ семьянинъ, или охотникъ до чужихъ бабъ... Толковали—и такъ и этакъ, и до воли и послѣ нея.

Съ дѣтства привыкъ Шелонинъ къ этой крупной фигурѣ деревенскаго «министра». На его глазахъ Веденей въ пятнадцать лѣтъ ни на волосъ не измѣнился. Все та же была у него важно-дѣловая и сдержанная мина на красивомъ, точно библейскомъ

лицѣ; все тотъ же носилъ онъ чернобурый выцвѣтшій зипунъ на распашку съ рукавами, обшитыми по обшлагамъ кожей; все тѣ же громадные точно пудовые сапоги, отдававшіе дегтемъ шаговъ на двадцать. Когда Веденей входилъ въ кабинетъ, перекрестившись и отвѣсивъ поклонъ, онъ поднималъ голову и, прислонившись къ притолкѣ, неспѣшно докладывалъ, т.-е. собственно не докладывалъ, а указывалъ барину, что́ нужно дѣлать, въ формѣ спокойныхъ, чисто-министерскихъ сообщеній. Князь, зачастую, Богъ знаетъ что́ толкуетъ, кричитъ, что «этихъ каналій надо бы самихъ запречь въ сохи за такую разбойничью пропашку», а Веденей доказываетъ ему, что онъ «напрасно изволитъ гнѣваться», что если пропашки и найдутся, такъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. И послѣ четвертичасового ученья уму-разуму, князь, подъ предлогомъ запаха Веденеевыхъ сапогъ, спѣшилъ всегда отпустить его. Тотъ поспѣшно поклонится, не сгибая спины, и выдвинетъ свои пудовые сапоги изъ барскаго кабинета, оставивъ послѣ себя на добрыхъ полчаса запахъ дегтю.

Веденей любилъ молодого князя, насколько можно было это разглядѣть со стороны. Въ званіи вольнаго сельскаго старосты онъ частенько «доходилъ» до стараго барина, когда міръ посылалъ о чемъ-нибудь просить или обработать какое-нибудь дѣльце съ господской экономіей. Если только молодой баринъ случался въ усадьбѣ, Веденей сначала шелъ къ нему. Они вмѣстѣ обсуждали дѣло, потомъ Шелонинъ отправлялся говорить съ матерью, а князю Дмитрію Алексѣевичу—обыкновенно порывавшемуся изъ деревни хоть съ какимъ-нибудь денежнымъ подкрѣпленіемъ—оставалось заявлять не безъ ироніи, что:

— Теперь онъ — послѣдняя спица, имѣніе барынино, стало: какъ княгиня и князь Григорій Дмитріевичъ прикажутъ, такъ и будетъ на здоровье міру православному.

Въ послѣдніе два-три пріѣзда Шелонинъ, по собственной охотѣ, входилъ черезъ Веденея въ дѣла сельской общины. «Министръ» радѣлъ о мірѣ и ни отъ какой даровой копѣйки для него не отказывался, но въ то же время не разъ говорилъ молодому князю:

— Вы, батюшка, ваше сіятельство, дюже не извольте убиваться... Покуда нашего брата что не прикрючитъ, не больно мы податливы... Копѣйка-то ребромъ въ кабакѣ ставитси, а во всемъ прочемъ пождать надо, пока разуму наберутси.

Говорилъ онъ такъ въ особенности по поводу школы. Въ послѣдній свой пріѣздъ Шелонинъ предложилъ сельскому обществу даровое помѣщеніе, даровыя книжки, топливо и половину жало-

ванья учителю. Мать его дала бы и все содержаніе, но ему хотѣлось, чтобы крестьяне хоть чѣмъ-нибудь поддержали его мысль. Міръ отказался. Это его немало огорчило, а Веденей приговаривалъ:

— Коли бы угодно было посредственнику, такъ мы живой рукой подобьемъ обчество на приговоръ...

— Я желаю по доброй волѣ!—горячо возражалъ Шелонинъ.

— Это, батюшка, ваше сіятельство, послѣ дождичка въ четвергъ выходитъ, ужъ вы не обезсудьте. Вѣдь я таперча не бурмистръ, а староста... Разумъ у нихъ свой, потерпите маленечко.

Такъ на томъ дѣло и стало. Самъ Веденей ребятъ своихъ училъ у дьячка, и первый горько жаловался молодому барину на міръ.

— Всего карася, разбойники, въ пруду-то большомъ, пропили. Пахомкѣ-кабатчику по ведру за неводъ съ кажнаго, значитъ, порядка. Такъ недѣлю цѣлую и курили, ей-и-Богу! Таперча ни единаго гольца въ пруду... званія нѣтъ!..

— Было бы и учителю на жалованье?—спросилъ Шелонинъ.

— Ищо-бы... и съ лишками; да то видно водка, а не другое што.

Съ этого разговора, лѣтомъ прошлаго года, они не видались.

XXI.

Мальчуганъ вывелъ Шелонина къ овинамъ, на токъ, блестѣвшій своей утоптанной гладкой поверхностью.

— Вонъ тятька,—указалъ онъ рукой, но дальше не пошелъ, а бросился бѣжать назадъ.

Около овина возились два мужика въ бѣлыхъ рубахахъ (въ томъ краѣ цвѣтныхъ не носятъ). Одинъ изъ нихъ, покоренастѣе, былъ Веденей Гусевъ; другой — второй сынъ его, черноволосый, рослый мужикъ, лѣтъ ужъ подъ тридцать.

— Здравствуй, Веденей!—окликнулъ Шелонинъ, подходя къ овину.

Староста обернулся. Фигура его такъ и вырѣзалась на фонѣ закоптѣлаго овина, облитая солнцемъ. Шляпа полуоткрывала его высокій лобъ, на которомъ рѣзко отдѣлялась черта личнóго загара. Носъ его, съ сильной горбиной («nez Henri IV»—какъ выражался князь Дмитрій Алексѣевичъ) и выдающейся переносицей, и густыя брови съ нависшей поверхъ кожей придавали лицу Веденея особую силу и выразительность.

Приложивъ ладонь ко лбу, онъ воззрился — кто его окликнулъ, и, узнавъ молодого князя, тотчасъ же снялъ шляпу привычнымъ движеніемъ истаго бурмистра. Бѣлая часть лба переходила въ лысину. Волосы на головѣ и на жидкой клиномъ бородѣ были почти-что безъ сѣдины.

— Надѣнь, надѣнь,—крикнулъ ему Шелонинъ, — и ты пожалуйста,—добавилъ онъ въ сторону Веденеева сына.

— Съ пріѣздомъ, ваше сіятельство,—заговорилъ неторопливо Веденей хриповатымъ басомъ, — пожалуйте, вотъ сюда на завалинку, а то дюже ужъ печётъ.

Шелонинъ сѣлъ въ тѣнь, съ правой стороны овина; сынъ старосты отошелъ, а самъ Веденей сталъ въ пяти шагахъ отъ барина, съ топоромъ въ рукахъ и съ растегнутымъ воротомъ рубахи, но все-таки въ бурмистерской позѣ.

— Седни изволили пожаловать къ намъ, аль вечоръ,—освѣдомился онъ,—мамынька-то ваша этта сказывали: поджидаю, молъ, Гришеньку на побывку... Поживете, значитъ, съ нами?.. Мы этому рады и за посѣщенье много довольны.

И онъ наклонилъ слегка голову, ласково оглядывая барина.

— Да вѣдь у насъ съ тобой всегда дѣла, — веселѣе заговорилъ Шелонинъ.—Вотъ я въ первый же день и подумалъ: надо явиться къ Веденею, авось онъ чѣмъ-нибудь хорошенькимъ порадуетъ.

— Гдѣ намъ, батюшка. Вы это, ваше сіятельство, насчетъ чего изволите?.. А вѣдь и то я до васъ доходить буду съ новизной.

— Какой это новизной? — заинтересованно повторилъ Шелонинъ.

— На счетъ міра нашего поштеннаго... Вы объ нашемъ обчествѣ дюже сухотитесь... Коли угодно, отрапортую.

— Пожалуйста, пожалуйста, да садись сюда, на завалинку.

— Нѣтъ, ужъ я постою... Такъ повольготнѣе мнѣ будетъ.

Шелонинъ не сталъ настаивать.

— Насчетъ школы-то наши дуроломы не захотѣли уважить васъ... а вы для видимости одной просили прибавочку учителю положить...

— Ну-да,—поддакивалъ Шелонинъ.

— Анъ таперь другое галдятъ.

— Чтó ты?..

— Ей-же-ей... все вишь новая рекрутчина... Какъ вышелъ этотъ самый манихвестъ... да какъ разчухали наши старики, какая льгота будетъ грамотнику... вотъ тутъ они всѣ и зачесали

стула, — вы, княжна, развѣ не имѣете понятія о papa-Ендовищевѣ?..

— Нѣтъ, никакого,—откликнулась Люлю.

— Я вамъ скажу: типусъ!.. Этакого вы ни въ одномъ государствѣ не найдете... Papa-Ендовищевъ—титулованный, да-съ, и фуражку носитъ съ краснымъ околышемъ, чтобы дворянство свое соблюсти... Вообразите себѣ, затылокъ чернобураго цвѣта, волосики торчатъ изъ-подъ парика, галстухъ на пряжкѣ, при царѣ-Горохѣ такіе носили, и безъ бѣлья—черная атласная манишка... Но papa-Ендовищевъ ничего въ сравненіи съ maman-Ендовищевой. Ужъ онъ типусъ; а она архитипусъ... Во-о, какой корпуленціи, голосъ, тонъ, манеры... ума помраченіе, ей-Богу... И вотъ у такихъ-то милыхъ родителей явилось артистическое чадо... Приводятъ его къ Эверарди... Ахъ, я простоквашу-то совсѣмъ и забылъ...

Поль взялся за горшокъ и съ жадностью мальчика сталъ накладывать на тарелку кислаго молока и сметаны.

— A-t-elle du talent, cette demoiselle? — лѣниво спросила Люлю.

— Papa кричитъ: труба у моей дочки, капиталы въ этой трубѣ... Ха, ха, ха!.. Все это меня огорчаетъ, право, огорчаетъ за искусство... Помилуйте: никто не хочетъ работать... Ну, будь у меня do-dièze — развѣ этого довольно, такъ ли, княгиня, я говорю?

Княгиня съ одобрительной улыбкой наклонила голову.

— Кто себѣ врагъ; но сначала поработай... только съ умомъ, съ умомъ!.. У меня, напримѣръ, программа простая: посидѣлъ въ Петербургѣ, позубрилъ что надо, тамъ Италія — и пой, не жалѣй себя, процентъ хорошій агенту далъ, и въ Лондонъ. Парижъ нынче упалъ, въ Лондонѣ—сезонъ, другой-третій, а тогда и являйся, да не въ Маріинскій, а въ Большой театръ. Лѣтъ десять попѣлъ подъ именемъ Качкини; остальное можно и русской оперѣ пожертвовать.

— Que vous êtes sage,—замѣтила Люлю, и замахала на себя соломеннымъ вѣеромъ.

— Да ужъ какой бы я тамъ ни былъ, а я съ своей дороги не сверну — мое почтеніе!.. Давайте мнѣ, какъ Николини, сто тысячъ франковъ въ сезонъ, такъ я не только по-русски, по-чухонски буду пѣть. Коли я артистъ, мнѣ и обстановка нужна. Не одни деньги; но пріемъ... А гдѣ у насъ Ковентъ-Гарденъ?.. Въ залу-то войдешь: сарай какой-то, темно, пусто, скучно, въ ложахъ ни одной дамы décoltée нѣтъ, а въ креслахъ все какіе-

то коммиссаріатскіе чиновники... И поешь имъ за четыре тысячки рублевъ въ годъ:

«Не томи роди-мы-ый!..»

Затянувши мелодію, Поль сгримасничалъ и вызвалъ смѣхъ дамъ. Шелонинъ остановился у колонны.

— Ахъ, Поль, — обратилась къ нему княгиня,—вы нынче въ ударѣ, спойте намъ эти куплеты... съ вашей музыкой... какъ бишь?..

— Изъ Кузьмы Пруткова-съ?—спросилъ Поль, утираясь салфеткой.—Извольте.

— Люлю,—продолжала княгиня,—ты не полѣнишься?

— Мнѣ не надо,—перебилъ Качковъ:—я самъ буду аккомпанировать.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настаивала княгиня: — будетъ лучше стоя; вотъ мы съ Grégoire отсюда бы все и слышали и видѣли.

Люлю поднялась. Поль, взявши еще нѣсколько ягодъ въ ротъ, бросилъ на столъ салфетку и пошелъ вслѣдъ за Люлю въ дверь гостиной; въ открытыя окна виденъ былъ весь рояль, помѣщавшійся въ залѣ. Шелонинъ, еслибъ хотѣлъ, могъ не только слышать слова и мелодію, но видѣть и жестикуляцію исполнителя.

Онъ продолжалъ стоять у колонны и смотрѣлъ въ сторону.

— Grégoire!—окликнула его мать.—Что ты все тамъ стоишь... поди сюда, послушай: какъ мила музыка Поля, и слова такія смѣшныя, глупыя, но очень смѣшныя.

Не сразу подошелъ Шелонинъ къ матери. Онъ даже не разслышалъ ея зова. Подъ болтовню Качкова, тревожная и страдающая мысль перенесла его совсѣмъ въ другое мѣсто... Онъ— въ Гейдельбергѣ, на первыхъ порахъ своего ученья. Вечеръ, мягкій, южно-нѣмецкій вечеръ ласкаетъ его среди зелени парка. Долго любуется онъ видомъ террасы зáмка, до самаго заката солнца, и потомъ спускается по крутой аллеѣ, вдоль стѣны... До него долетаютъ звуки хора. Поютъ гдѣ-то не то выше, не то ниже. Слова ясно выдѣляются изъ мелодіи. Онъ схватываетъ сначала такой куплетъ:

Es ist bestimmt in Gottes Rath,
Dass man vom Liebsten, was man hat,
Muss scheiden.

Хоръ повторилъ припѣвъ. Ему стало жутко. И никогда потомъ не могъ онъ забыть этой пѣсни, ни начала ея, ни сре-

дины, ни конца. Конецъ принесъ съ собою неожиданную отраду; а безъ него ужъ слишкомъ много грусти навѣяла бы пѣсня:

Nun musst du mich auch recht versteh'n,

—воскликнулъ энергичнѣе хоръ и повторилъ:

Ja, recht versteh'n,
Wenn Menschen auseinander geh'n,
So sagen sie: auf Wiederseh'n.

И, точно далекое умирающее эхо, послышалось еще два раза:

Auf Wiederseh'n
Auf Wiederseh'n.

— Grégoire!—окликнула громче княгиня:—да поди же сюда, ты оттуда ничего не видишь. Paul se surpasse!..

Въ окно залы спектакль былъ весь какъ на ладони. Поль, въ театральной позѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ, гримасничая и покачиваясь, входилъ все въ бо́льшій и бо́льшій азартъ. Онъ пѣлъ:

Дайте руку вѣрную,
Два вершка булату,
Ревность непомѣрную,
Чашку шеколату!

А тихій припѣвъ хваталъ Шелонина за сердце:

Muss scheiden
Muss scheiden...

— Не правда ли, мило?—нетерпѣливо спросила княгиня.

— Не знаю,—выговорилъ разсѣянно сынъ ея.

— Ты не хочешь оцѣнить!..

Княгиня пересѣла ближе къ окну и, отбивая ногой тактъ, посылала Полю знаки одобренія.

Шелонинъ очнулся на громкой ритурнели. Въ уши его ворвался куплетъ:

«Жаль мнѣ новаго мундира
Maledetto Бельведеръ!»
И въ водахъ Гвадалквивира
Сталъ купаться офицеръ.

XXIII.

Онъ не замѣтилъ, когда прекратилась совсѣмъ музыка и пѣніе, говорили еще на террассѣ или нѣтъ — овладѣлъ онъ собой только на скамьѣ подъ рябиной. Рядомъ съ нимъ сидѣла мать и оглядывала его съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Чтó это ты какой, Grégoire?.. On dirait un somnambule...

Если ты хотѣлъ остаться со мною одинъ, теперь никто не будетъ мѣшать... Вотъ видишь, Поль—какой умный мальчикъ: онъ нарочно утащилъ Люлю въ садъ, чтобъ не мѣшать нашему разговору.

— Мѣшать?—повторилъ вслухъ Шелонинъ, и про себя добавилъ: «чему мѣшать»...

Мѣшать было нечему; онъ, въ эту минуту, не чувствовалъ никакой потребности въ бесѣдѣ съ матерью, онъ даже не зналъ съ чего ему начать.

— Я хотѣла поговорить съ тобой,—продолжала княгиня, еще утромъ, тамъ, въ спальной, да ты убѣжалъ, не дождался меня... Сначала о тебѣ.

— Обо мнѣ?—испуганно переспросилъ Шелонинъ.

— Да, мой другъ!.. Ты вѣдь привыкъ дѣлиться со мною твоими планами... Теперь, кажется, все можетъ устроиться такъ, какъ мы мечтали съ тобой... Поживемъ здѣсь, а къ осени въ Петербургъ; ты будешь держать на доктора... если захочешь, а то и съ дипломомъ магистра получишь каѳедру... будешь пока хоть и безъ жалованья... что-жъ за бѣда... Вотъ мы всѣ и поселимся вмѣстѣ...

— Всѣ?

Шелонинъ опять также странно переспросилъ мать.

— Разумѣется... я, ты, мальчики мои будутъ тутъ же въ Петербургѣ, Полю... всего лучше помѣститься... съ нами.

На этотъ разъ, княгиня замѣтила какое-то судорожное движеніе въ лицѣ сына. Онъ тотчасъ-же всталъ и отошелъ немного въ сторону.

— Квартиру я думаю оставить ту же... Отецъ твой долго не пожалуетъ въ Петербургъ... ты возьмешь его маленькій салонъ и кабинетъ, для Поля тоже найдется помѣщеніе. Люлю...

Тутъ княгиня остановилась и заговорила тише:

— Ты, конечно, знаешь отъ Гильзена... Его письмо ко мнѣ ne laisse aucune ombre de doute, что онъ пріѣдетъ сюда за рукой Лидіи...

— Знаю, знаю,—поспѣшно вымолвилъ Шелонинъ.

— Что̀ ты, Grégoire, имѣешь противъ этой партіи?..

— Я?! Я—ничего.

И онъ даже сдѣлалъ жестъ правой рукой.

— Ты мнѣ говорилъ и не разъ писалъ, что онъ совсѣмъ вышелъ не такой... comme tu as rêvé!.. Но все-таки онъ порядочный человѣкъ, неправда-ли?..

— Очень порядочный.

— Нѣтъ, безъ ироніи, Grégoire?

— Безъ всякой ироніи.

— Лидіи онъ очень нравится, она находитъ qu'il a l'étoffe d'un excellent mari... отсовѣтовать нѣтъ причины. Она ему тоже нравится... Я такъ думаю по крайней мѣрѣ... Люлю совсѣмъ не такая блестящая невѣста... Sa fortune... Сядь же, Grégoire...

Онъ присѣлъ и началъ слушать совершенно такъ, какъ утромъ сестру, съ опущенной головой.

— Я увѣрена мой другъ, что ты одобришь мой планъ... Твой пріятель n'épouse pas la dote... Я этому вѣрю; но все же нельзя Лидіи не имѣть своей собственности... Имѣніе мое—родовое, я постараюсь всѣми силами сохранить его, но много ли останется послѣ моей смерти... да и какая же часть пойдетъ Лидіи... Я и думала-было продать мое симбирское имѣнье... но это не удобно... Гораздо лучше, мнѣ кажется, отдать при жизни моей въ аренду... мужу Лидіи... Шелониху.

— Шелониху?

— Тебѣ жаль?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только такъ.

Онъ опять поднялся и пересѣлъ на конецъ скамьи.

— Мы, конечно, будемъ пользоваться домомъ и всей усадьбой. Это право мы себѣ выговоримъ... Только запашка пойдетъ въ аренду... Этакъ скорѣй удержишь имѣніе; а тамъ, послѣ моей смерти, ты раздѣлишься съ братьями и сестрой, какъ тебѣ будетъ угодно... Вотъ мой планъ, Grégoire. Одобряешь?

— Да меня-то зачѣмъ же спрашивать?

— Какъ зачѣмъ, дитя мое? Кого же мнѣ и спрашивать. Ты—наслѣдникъ и старшій братъ... Я знаю, ты деликатенъ и даже очень, но я не хотѣла и не могла распорядиться, не получивши твоего согласія... Прошу тебя написать отцу и растолковать ему, что иначе сдѣлать нельзя. Онъ тебя одного немножко слушается... Князь не останется очень доволенъ... партіей Люлю... Мосьё Гильзенъ n'est pas assez aristocrate pour lui... было-бы всего лучше, еслибъ ты-же ему написалъ и объ этомъ...

— Это все, maman?

Вопросъ былъ сдѣланъ такимъ тономъ, что княгиня съ поднятіемъ бровей выговорила:

— Es-tu pressé?

— Нѣтъ, я не хочу тебя очень долго удерживать... Я все сдѣлаю, что̀ тебѣ угодно.

Онъ весь вдругъ сгорбился и тотчасъ замолчалъ. Такъ протянулась довольно томительная минута. Замѣтная неловкость на-

чала овладѣвать княгиней... Она встала и съ недоумѣніемъ выговорила:

— Décidément mon enfant tu te sens mal... Поди отдохни... Вѣдь я тебя просила пользоваться свободой... Ты утомился желѣзной дорогой... Пожалуйста, поди и лягъ... Разговоръ тебя волнуетъ... поди.

Съ жестомъ, показывающимъ, какъ сыну необходимо успокоиться, княгиня начала подниматься по ступенькамъ террасы. Сынъ глядѣлъ ей вслѣдъ, сидя, сгорбившись, все на томъ же краю скамьи. Онъ точно лишился способности управлять своими движеніями, говорить кстати и связно; мысль его вертѣлась вокругъ чего-то одного, и темя ему давило такъ же почти сильно, какъ и утромъ, тамъ, на грудѣ бревенъ...

Только черезъ нѣсколько минутъ сообразилъ онъ, что мать его совѣтовалась съ нимъ по двумъ очень важнымъ для нея вопросамъ. Говорила она складно, спокойно и задушевно. Не она, а онъ держалъ себя странно, задавалъ нелѣпые вопросы, способенъ былъ вызвать въ ней весьма понятное раздраженіе. А она такъ кротко обошлась съ нимъ, объяснила все нервами и утомленіемъ дороги.

— Нервы и утомленіе!—вырвалось у него, послѣ всего, чтó онъ сейчасъ припомнилъ и сообразилъ.

«Значитъ, она ничего не понимаетъ, ничего не видитъ, значитъ, она чужая мнѣ, или уже такъ...»

Мысль оборвалась. Голова нестерпимо начала болѣть. Надо было «успокоиться» — и если можно, не сходить больше внизъ до другого дня... А завтра начнется то же...

XXIV.

Но просидѣть у себя въ комнатѣ Шелонинъ могъ только до ночи. Приходили звать его «кушать чай». Онъ отговорился головной болью и не сошелъ внизъ. Ни мать, ни Люлю не безпокоили его. Его головная боль ихъ не встревожила. Въ темнотѣ, у окна, его потянуло на воздухъ. Онъ прислушивался когда все затихнетъ, и въ началѣ двѣнадцатаго спустился по крутой и скрипучей лѣстницѣ.

Стояла такая же мягкая ночь, какъ и наканунѣ. Звѣзды свѣтились ярче. Воздухъ еще не успѣлъ засвѣжѣть, растительные запахи наполняли его сильнѣе вчерашняго. Сторожевыя собаки, Ѳомичъ и Ѳатѣвна, бѣгали на цѣпи, и, заслышавъ чьи-то шаги,

стали перекликаться раздѣльнымъ глухимъ лаемъ. Баринъ опять приласкалъ ихъ; но прикормки не далъ. Онѣ узнали его и безъ прикормки, и долго прыгали вокругъ него, тихо взвизгивая. Отъ конюшенъ онъ пошелъ къ саду, въ пяти шагахъ отъ калитки остановился и повернулъ голову назадъ. Не послышался ли ему, какъ и вчера объ эту пору, звукъ растворяющагося окна? Всѣ окна были заперты; на одно изъ нихъ онъ продолжалъ пристально глядѣть. Его защемило неизвѣданное имъ чувство страстнаго любопытства. Большого усилія воли стóило ему подавить желаніе — подойти къ окну и заглянуть въ него... Чего онъ искалъ, чтó думалъ увидать—онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета.

Походивъ по совершенно темнымъ аллеямъ, Шелонинъ вышелъ опять на дворъ и направился къ цвѣтнику. Тамъ было менѣе душно, чѣмъ въ аллеяхъ сада. Нѣсколько разъ прошелся онъ по дорожкамъ, мимо большой куртины и грота, поглядывая на фасадъ дома. Нигдѣ не видно было свѣта, ни наверху, ни внизу. Что-то влекло его къ скамьѣ, подъ окна спальной. Окно было заперто ставнемъ. Но окна въ гостиной и въ залѣ ставнями не запирались.

Минутъ съ десять сидѣлъ онъ спокойно, точно вдыхая въ себя глубокую тишину ночи. Съ полей пронесся вѣтерокъ и запахло цвѣткомъ гречихи... За оврагомъ, у пруда, крикнула птица, откуда-то неподалеку долетѣли фырканье и глухой топотъ припрыгивающихъ стреноженныхъ лошадей, выгнанныхъ въ ночное... Но вблизи, въ самомъ цвѣтникѣ все спало... ни одна былинка не шевелилась, ни одинъ кузнечикъ не нарушалъ безмолвія...

Чу!.. Шелонинъ встрепенулся, а потомъ весь замеръ. Налѣво, изъ-за зелени террасы, куда выходили окна гостиной, послышались тихіе голоса.

Онъ всталъ и сдѣлалъ два шага. Его ужаснула мысль, что онъ можетъ подслушать чужой, тайный разговоръ. Но нельзя ему было выдти изъ цвѣтника, не пройдя около рѣшетки балкона... Его увидятъ сквозь рѣдко насаженные кусты, да и онъ самъ можетъ увидать... Кого?.. Вотъ этотъ вопросъ точно толкнулъ его назадъ къ скамьѣ.

Задерживая дыханіе и мучась своимъ невольнымъ шпіонствомъ, сидѣлъ онъ неподвижно; а ночный воздухъ все явственнѣе и явственнѣе доносилъ до него и звуки голоса, и отдѣльныя слова, а потомъ и цѣлыя фразы.

Одинъ голосъ былъ женскій, другой молодой, юношескій.

— Прошу тебя,—отчетливо донеслось до Шелонина.

«Тебя» повторилъ онъ, и вся кровь ударила ему въ лицо.

— Интересничаетъ...—отвѣтили на это.

— Было-бы большимъ несчастіемъ, Поль, еслибъ Grégoire сталъ догадываться...

Конецъ фразы не дошелъ до Шелонина.

Онъ весь пылалъ. Съ каждымъ словомъ положеніе его становилось невыносимѣе.

Вышла маленькая пауза. Потомъ раздался самодовольный смѣхъ и вслѣдъ за тѣмъ слова:

— Все это вздоръ!

Тонъ этихъ словъ, послѣ которыхъ опять раздалось хихиканье, откликнулся такой злобой въ сердцѣ Шелонина, что руки его судорожно сжались и голова гнѣвно откинулась назадъ.

— Ахъ, Поль!.. вздохнулъ женскій голосъ, и перешелъ въ шопотъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ.

— Не суть важно!.. уже совершенно громко прервалъ шопотъ юношескій голосъ.

Окно захлопнули. Наступила опять тишина. Холодный потъ покрывалъ лобъ и щеки Шелонина, когда онъ пришелъ въ себя. А на дорожку падала полоска свѣта изъ вырѣза, сдѣланнаго въ ставнѣ. Спальню, стало-быть, освѣтили. Глаза Шелонина устремились на эту точку... Въ головѣ мелькали какія-то несвязныя и злыя мысли, ухо все еще доносило обрывки фразъ съ террасы, въ груди жгло, хотѣлось кинуться къ этому окну, вынуть засовъ, откинуть ставень, разбить стекла...

Уже рука схватилась за болтъ. «Что я, обезумѣлъ что-ли!» вырвалось у него, и съ ужасомъ, охватившимъ его такъ же мгновенно, какъ мгновененъ былъ порывъ бѣшенства, кинулся онъ изъ цвѣтника.

На дворѣ овчарки опять залаяли и забряцали цѣпями.

Шелонинъ заходилъ по двору въ разныхъ направленіяхъ, набираясь воздуха, борясь съ нервнымъ припадкомъ, уже схватившимъ его за горло. Но онъ не хотѣлъ уступать, онъ продолжалъ двигаться, усиленно дыша и стараясь дойти до полнаго утомленія: такъ всегда онъ боролся съ своей нервностью и съ припадками душевной боли.

Входить въ домъ теперь, въ такомъ состояніи—ужасало его. Онъ не смѣлъ отвѣчать за себя, онъ не могъ знать: куда повлечетъ его съ той минуты, когда нога переступитъ порогъ крыльца... Быть можетъ, онъ безумно ворвется къ матери... и тогда...

Холодъ опять обдалъ его съ головы до пятокъ. Онъ чувство-

валъ себя, какъ человѣкъ, чудомъ вырвавшійся изъ когтей ужасной и внезапной смерти. Подумаешь о ней — и сердце замираетъ вновь, и все тѣло знобитъ ужасомъ страшнаго конца... А въ то же время онъ продолжалъ борьбу съ своей физической немощью, не допуская ее до полнаго торжества надъ истерзанными нервами.

Только къ разсвѣту, совершенно разбитый ходьбой, дотащился онъ до задняго крыльца, и, войдя въ свою комнатку, не раздѣваясь, какъ снопъ, упалъ на постель.

Гдѣ-то пропѣлъ первый пѣтухъ... Во снѣ вздохнула и прорычала Ѳатѣвна... Сѣрая мгла укутала всю усадьбу.

XXV.

Проползла недѣля. Въ нижнемъ этажѣ господскаго дома все шло такъ, какъ обитатели его установили распоряжаться своимъ временемъ: собирались къ завтраку, потомъ Поль, съ помощью Люлю, вокализировалъ, а княгиня присутствовала при этихъ упражненіяхъ; потомъ отдыхали по своимъ комнатамъ, сходились опять къ обѣду и проводили вечера въ саду или на террасѣ въ перемежку съ вокальными забавами въ залѣ. Никто изъ трехъ лицъ: ни княгиня, ни дочь ея, ни Качковъ, не обратили вниманія на то, что Шелонинъ, пролежавъ у себя наверху еще одни сутки, измѣнилъ, сойдя внизъ, свой тонъ съ матерью и съ «дѣтьми», какъ называла Люлю и Поля княгиня Вѣра Юрьевна. Онъ держалъ себя въ прежней своей манерѣ: тихо, довольно молчаливо; но не выдавался ни нервными движеніями, ни отрывистыми вопросами, ни странными отвѣтами. Онъ не бѣгалъ отъ общей бесѣды, за обѣдомъ разсказывалъ про заграничную свою жизнь, когда мать или Люлю относились къ нему, и разспрашивалъ ихъ о Петербургѣ. Съ Качковымъ онъ былъ безукоризненно вѣжливъ; отвѣчалъ спокойно и, въ общемъ разговорѣ, не обходилъ обращеній къ нему.

Но еслибъ кто-нибудь изъ этихъ трехъ лицъ захотѣлъ попристальнѣе приглядѣться къ нему, не трудно было бы замѣтить, что глаза его находятся въ постоянномъ напряженіи и перебѣгаютъ отъ Качкова къ матери. На Качкова онъ взглядывалъ рѣже; но какъ бы ни держалъ Шелонинъ голову и съ кѣмъ бы ни говорилъ, онъ ни минуты не переставалъ схватывать каждое движеніе, слово, взглядъ, интонацію матери.

Когда первый взрывъ нравственной бури улегся, онъ про-

никся жгучимъ желаніемъ, которое потребовало удвоенной борьбы съ собою: ему нужно было убѣдить себя ежеминутнымъ наблюденіемъ въ томъ, что мать его иначе не можетъ себя вести, «если она болѣе уже не то, чѣмъ была прежде»...

Сдерживая себя въ каждомъ звукѣ и жестѣ, начиналъ онъ свои наблюденія съ той минуты, когда, сойдя внизъ, подходилъ къ матери и цѣловалъ у ней руку. Внутреннее чувство его не обманывало: оно ему говорило, какъ и въ первый день: «мать твоя — не та, чтó прежде». Не его болѣзненная впечатлительность преувеличила эту перемѣну: перемѣну эту только и могъ понять и перестрадать онъ, и никто больше. И тутъ же, надѣвая на себя маску успокоившагося добродушнаго сына, онъ отмѣчалъ ежеминутно всѣ *признаки*, по которымъ невыносимое подозрѣніе дѣлалось все ярче и ярче, и становилось фактомъ.

«Да,—говорилъ онъ, — сидя у себя въ комнаткѣ и подводя итоги всему имъ видѣнному въ теченіи дня, «она иначе не могла и не можетъ вести себя... Разъ она согласилась на ложь, на сдѣлку съ совѣстью, на разрывъ со всѣмъ своимъ прошлымъ; какого же тона держаться ей, какъ же иначе лавировать между мною, *имъ* и дочерью?... Чтó же мудренаго, что она помирилась съ Люлю: гдѣ бы она нашла прежніе свои протесты? Мое присутствіе—постоянный и усиленный поводъ къ комедіи, гдѣ она, все-таки, на каждомъ шагу измѣняетъ себѣ... Вспомнитъ она, что я—тутъ, явится точно занятый на прокатъ тонъ; забудетъ она про меня, или не съумѣетъ удержаться, она предаетъ себя вполнѣ...»

Съ каждымъ днемъ углублялся Шелонинъ въ этотъ тягостный, растлѣвающій анализъ. Для него становилось до осязательности очевиднымъ, какъ одинъ *фактъ* измѣняетъ всю нравственную жизнь самаго чистаго существа, безвозвратно и всецѣло. И доводы его товарищей противъ женщинъ представлялись ему отъ перваго до послѣдняго, съ комментаріями и подробностями. Но тамъ въ этихъ житейскихъ случаяхъ дѣйствовали тщеславіе, страстность натуры, молодость, ревность, скука, пустота...

А тутъ?..

Сколько разъ повторялъ онъ прежде, что матери своей проститъ всякое «паденіе»!.. Да! всякое паденіе; но онъ представлялъ себѣ это паденіе чѣмъ-то крупнымъ, роковымъ, трагическимъ, а не безконечной перспективой такого мелкаго притворства, такого извращенія всякаго вкуса и достоинства, такого попиранія своихъ идеаловъ. Онъ не клеймилъ, онъ опускался все ниже и ниже, наблюдая за нею, до самаго дна, гдѣ уже ничего не

останется, кромѣ плача о великомъ горѣ... И такъ онъ былъ поглощенъ этой ежеминутной работой, что на Поля онъ уже не могъ сосредоточить негодующаго чувства. Злоба, вспыхнувшая ярко въ ту ночь, когда до него донеслись обрывки разговора изъ гостиной — какъ бы замерла на-время. Шелонинъ не слѣдилъ за Полемъ: ему точно все равно было, ка̀къ тотъ ведетъ себя, что́ позволяетъ себѣ въ присутствіи матери и въ обращеніяхъ къ ней, что̀ говоритъ и надъ чѣмъ хихикаетъ. Точно будто Шелонинъ произнесъ надъ нимъ приговоръ и оставилъ его до поры до времени на свободѣ, или сразу сдержалъ свою злобу тѣмъ охлаждающимъ соображеніемъ, что каждое прикосновеніе къ этому ничтожному мальчику еще болѣе загрязнитъ его душевную рану. Для него имѣло значеніе только то, ка̀къ фраза, взглядъ, жестъ, пѣніе или болтовня Качкова отражались на его матери; а самъ Качковъ былъ для него давно ясенъ. Но два или три раза въ теченіи недѣли онъ долженъ былъ подавить въ себѣ нестерпимый взрывъ гнѣва послѣ выходокъ Поля, въ которыхъ одна только княгиня не видѣла заявленія какихъ-то особыхъ «правъ» на авторитетъ въ домѣ. Даже Люлю, игравшая очень ловко свою дипломатическую роль, была видимо скандализирована и значительно поглядѣла на брата, какъ-бы говоря: «Ты, кажется, все еще витаешь гдѣ-то, полюбуйся. Гдѣ же твоя щекотливость, оборви этого мальчишку и дай понять матери, что нельзя такъ распускать его».

Но онъ не замѣтилъ этихъ взглядовъ. Онъ былъ весь отданъ борьбѣ съ самимъ собой.—Все пока казалось мирно...

XXVI.

Въ углу двухъ липовыхъ аллей большого сада, гдѣ пріютился дерновый диванъ, сервированъ былъ обѣдъ. Часовъ около пяти, когда кончали дессертъ, мальчикъ Вася подошелъ къ Шелонину и сказалъ ему что-то на ухо. Въ эту минуту Поль Качковъ разсказывалъ длинную исторію изъ петербургскаго опернаго міра. Княгиня слушала его одна; Люлю глотала малину и разсѣянно поглядывала по сторонамъ.

— Ты позволишь?—спросилъ Шелонинъ, обращаясь къ матери,—и всталъ.

Онъ пошелъ прямо по аллеѣ, потомъ завернулъ вправо, гдѣ посрединѣ второй аллеи приходилась калитка. Глаза его искали

кого-то. Отъ калитки отдѣлилась широкая фигура въ буромъ зипунѣ. Это былъ—Веденей Гусевъ.

Какъ только Шелонинъ приблизился къ нему шаговъ на пять, Веденей снялъ шляпу.

— Надѣнь, пожалуйста,—крикнулъ ему Шелонинъ и ускорилъ шагъ.

Веденей покрылъ свою красивую лысину и слегка запахнулъ зипунъ.

— Не обезпокоилъ ли, ваше сіятельство,—спросилъ онъ, отвѣшивая обычный степенный поклонъ,—никакъ еще не откушали: я мальцу-то наказывалъ: когда, молъ, господа изъ-за стола совсѣмъ встанутъ...

— Я кончилъ обѣдать, кончилъ,—успокоилъ его Шелонинъ,—какое у тебя дѣло... поди сюда.

Онъ отошелъ вправо, къ двумъ деревьямъ, съ вдѣланной между ними скамейкой. Тяжело передвигая сапогами, пододвинулся за нимъ и староста.

— Наши православные,—началъ осторожно Веденей,—тоскуютъ все на счетъ училища... Вы, батюшка, ваше сіятельство, намедни освѣдомляться изволили и съ мамынькой насчетъ эвтаго дѣльца жалали...

Онъ не докончилъ и сдѣлалъ чуть замѣтный жестъ двумя пальцами правой руки. Ястребиные его глаза говорили:

«Что-жъ тутъ мнѣ размазывать, сами знаете».

Шелонинъ вдругъ покраснѣлъ. Цѣлая недѣля прошла съ того дня, когда онъ пообѣщалъ Веденею переговорить съ матерью и все уладить—и только теперь вспомнилъ онъ о школѣ, о той самой школѣ, которая такъ занимала его когда-то? А какое было дѣло «православнымъ» и этому вотъ умному мужику до его душевныхъ терзаній?!..

— Виноватъ,—пробормоталъ онъ, точно уличенный на мѣстѣ,—много виноватъ передъ тобой, Веденей, и передъ всѣмъ міромъ также...

— Да вѣдь это, батюшка, не къ спѣху... до зимы времени-то еще сколько... а только для ради бы успокоенія... Пока, значитъ, вы тутъ въ усадьбѣ находитесь.

— Извини, извини, пожалуйста,—говорилъ все также сконфуженно Шелонинъ, и даже взялъ Веденея за рукавъ лѣвой руки,—сегодня же я постараюсь все уладить и самъ зайду къ тебѣ...

— Вамъ для чего же безпокоиться, ваше сіятельство.

— Нѣтъ, я самъ приду... а старикамъ скажи, что мнѣ очень пріятно будетъ устроить это дѣло...

— Много вами довольны,—протянулъ Веденей, еще разъ запахнулся, снялъ шляпу и сдѣлалъ ею кругъ около головы, послѣ чего сталъ двигаться къ калиткѣ.

Вернувшись къ столу, Шелонинъ воспользовался паузой, и обратился къ матери.

— Ко мнѣ приходилъ Веденей,—началъ онъ спокойнымъ тономъ и нѣсколько громче, чѣмъ обыкновенно говорилъ.

Въ прежнее время онъ выбралъ бы другую минуту, но теперь интимныхъ бесѣдъ онъ уже не могъ имѣть съ матерью, вдобавокъ о такомъ дѣлѣ, какъ школа, на которое княгиня давно согласилась.

— Что ему нужно?—лѣниво отозвалась она.

— Ты не знаешь, крестьяне очень жалѣютъ теперь, что не давали въ прошломъ году на школу, какъ мы имъ предлагали. Теперь они сами просятъ о томъ же.

— Вотъ какъ!—уже живѣе воскликнула княгиня:—что-жъ, я очень рада.

— Это что такое за исторія?—вмѣшался Поль, облокачиваясь о-столъ обоими локтями.

— Grégoire предлагалъ нашимъ бывшимъ мужикамъ школу, и книги, и половину содержанія учителя... Они не соглашались давать бездѣлицу отъ себя, а теперь, почему-то, очень рады.

Все это княгиня съ особой какой-то мягкостью, почти робостью, точно «доложила» Качкову. Сынъ не спускалъ съ нея глазъ во время всего ея доклада.

— Скажите пожалуйста!—вскричалъ Качковъ.—Даромъ имъ школу устраивать! А зачѣмъ же это, осмѣлюсь спросить? Ха, ха, ха!.. Такая филантропія, княгиня, нынче не въ модѣ!.. Это прежде пейзанами занимались; а нынче они народъ вольный, сами, что хочешь, заводи!.. Я такъ разсуждаю...

Шелонинъ повелъ только глазами и опять обратился къ матери:

— Ты, конечно, позволишь мнѣ сказать ихъ міру, что они могутъ на тебя разсчитывать, и къ осени школа будетъ устроена?

Вопросъ звучалъ очень твердо и опредѣлительно.

Княгиня помолчала и потомъ съ замѣтнымъ замѣшательствомъ выговорила:

— Конечно, мой другъ; только я не знаю, вотъ какъ на счетъ строенія...

Люлю поглядѣла значительно на брата, точно желая напом-

нить ему, что Шелониха дается въ управленіе и пользованіе ея будущему мужу.

— Да полноте, княгиня!—разразился опять Качковъ,—какъ вамъ не стыдно такъ сентиментальничать... цѣлый домъ имъ даромъ отдавать!.. Еслибъ сюда настоящаго хозяина, никакихъ бы этихъ затѣй не было... Просвѣщенія захотѣли... Ха, ха, ха!.. Это вотъ только князю занимательно... послѣ заграничной вояжировки...

Онъ приподнялся и сдѣлалъ пренахальный жестъ лѣвой рукой, наморщивъ въ то же время и лѣвую щеку.

Въ одно мгновеніе все лицо Шелонина поблѣднѣло до мертвенности. Онъ тоже привсталъ, и дрожащей ладонью правой руки облокотился о-столъ.

— Господинъ Качковъ,—глухо крикнулъ онъ, тяжело дыша,—если вы еще разъ осмѣлитесь въ моемъ присутствіи говорить такимъ тономъ съ моей матерью и о вещахъ...

— De grâce, Grégoire!—прошептала Люлю, и схватила брата за лѣвую, свободную руку.

Княгиня такъ испугалась, что ротъ ея остался полуоткрытымъ, и вся фигура точно въ столбнякѣ.

Шелонинъ не обратилъ бы вниманія на вмѣшательство сестры; но самъ Качковъ вдругъ закричалъ:

— Гости ѣдутъ, гости!.. Колокольчикъ!.. Княжна, угадайте кто?...

Дѣйствительно, колокольчикъ зазвякалъ у самой изгороди сада.—Всѣ обернулись въ его сторону.

XXVII.

Качковъ побѣжалъ къ забору, за нимъ и Люлю; княгиня тоже поднялась съ мѣста и ретировалась за деревья, избѣгая даже взглядовъ сына.

Шелонинъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, не придя вполнѣ въ себя: въ глазахъ его еще было мутно. Онъ слышалъ голоса, потомъ, вдоль забора, куда и его глаза обратились, прокатилъ ямской тарантасъ съ звономъ колокольчика и бубенчиковъ, и, взбивши цѣлый столбъ пыли, влетѣлъ на всѣхъ рысяхъ въ узкія ворота. Потомъ всѣ вернулись къ столу и заговорили, перебивая другъ друга.

Люлю взяла брата за руку и, слегка дернувши ее, торопливо сказала:

— C'est ton ami qui arrive...

Качковъ побѣжалъ по аллеѣ. До уха Шелонина долетѣлъ вопросъ матери, обращенный къ Люлю:

— Ici ou sur la terrasse?

На что́ Люлю, въ волненіи, отвѣтила:

— Il nous dira bonjour et il ira changer de toilette.

Черезъ минуту, не больше, изъ-за угла аллеи, къ которому и княгиня, и Люлю успѣли уже приблизиться, показалась, рядомъ съ Качковымъ, другая фигура молодого человѣка. Шелонинъ узналъ товарища своего, ванъ-деръ-Гильзена; но не двинулся впередъ, а прислонился къ столу. Онъ рѣшительно не могъ сейчасъ идти къ нему навстрѣчу съ пріятной улыбкой и протянутой пріятельски рукой... Да тотъ его и не замѣчалъ. Только черезъ нѣсколько секундъ, когда Шелонинъ вполнѣ справился съ собою, пошелъ онъ неторопливо, внимательно разглядывая приближающагося къ нему гостя. Оба они не видались около двухъ лѣтъ. Въ наружности Ореста Ѳедоровича ванъ-деръ-Гильзена произошла окончательная додѣлка. Природа надѣлила его широкимъ сложеніемъ и выпуклой грудью, при среднемъ ростѣ; его лицо было изъ самыхъ «неблагодарныхъ», съ мелкими и угловатыми чертами, скуласто, съ широкимъ ртомъ, бурой кожей, веснушками и рыжеватымъ оттѣнкомъ волосъ. Прежде, когда Орестъ Ѳедоровичъ «разрушалъ основы» въ Гейдельбергѣ, онъ носилъ длинные волосы и бородку: à la Jésus. Теперь на лбу его кокетливо торчали два кока съ проборомъ, не совсѣмъ посрединѣ головы, но и не совсѣмъ на боку; а бородка á la Jésus перешла, пышно разросшись, въ бороду-бакенбарды, расчесанную на двѣ половины такъ, какъ умѣютъ это дѣлать только въ Петербургѣ. Прежде Орестъ Ѳедоровичъ любилъ эксцентрическіе костюмы въ англійскомъ, изрѣдка во французскомъ вкусѣ. Теперь туалетъ его тоже прошелъ черезъ петербургскій очистительный кубъ и, продолжая быть изящнымъ, проявлялъ несомнѣнную молодую солидность, какая дается только Шармеромъ съ легкой прибавкой Coppá. Его ширококостную фигуру облекалъ запыленный, на этотъ разъ, но преисполненный «стиля» костюмъ изъ темносѣраго трико,—въ крупную клѣтку, съ поярковой шляпой свѣтлокоричневаго цвѣта. Идя посреди дамъ, Орестъ Ѳедоровичъ выступалъ грудью и долженъ былъ повертывать голову то вправо, то влѣво, производя это безъ особой торопливости, съ легкостью и достоинствомъ. Качковъ подпрыгивалъ съ боку. До Шелонина, прежде всего, долетѣла его фраза:

— А мы, баронъ, думали, что вы пришлете депешу?..

Отвѣта гостя Шелонинъ не разслыхалъ. Еслибы онъ былъ въ другомъ настроеніи, его бы, конечно, разсмѣшило то, что Качковъ звалъ Гильзена *барономъ* совершенно серьёзно.

— Bonjour, cher ami, bonjour,—громко раздался голосъ Гильзена. Шелонинъ тотчасъ же былъ привлеченъ имъ слегка за талію, и на щекѣ его отпечатался звонкій и отчетливый поцѣлуй.

Отвѣчая на дальнѣйшее рукопожатіе товарища, Шелонинъ еще разъ вблизи оглядѣлъ его. Гильзенъ улыбался ему своимъ широкимъ ртомъ, съ большими лоснящимися зубами, и какъ-то чуть слышно покрякивалъ.

— Здравствуй, здравствуй,—откликнулся торопливо Шелонинъ, не зная, идти ли ему дальше, или остановиться тутъ.

— Перекусить желаете, баронъ?—крикнулъ вдругъ Качковъ, и махнулъ головой.

Гильзенъ не безъ чопорности, но съ благосклонной улыбкой отвѣтилъ:

— Желаю, но не сейчасъ,—и, обращаясь къ дамамъ, онъ прибавилъ:—Souffrez, mesdames, que je me sauve: je suis sale, comme un peigne...

— Poudreux, mais pas sale,—поправила, колебля станомъ, Люлю.

Княгиня улыбнулась ея фразѣ и взглянувъ, все еще съ безпокойствомъ, на сына, проговорила осторожно:

— Votre chambre est depuis longtemps preparée... à côté de celle de Grégoire.

Люлю пододвинулась къ брату и, дотронувшись до его локтя, съ увѣренностью и громко выговорила:

— Гриша проводитъ мосье Ореста... Онъ незнакомъ съ нашимъ домомъ.

Взглядъ, брошенный на брата, добавилъ: «Ужъ это-то, по крайней мѣрѣ, сдѣлай на первыхъ порахъ».

— Идемъ,—сказалъ Шелонинъ, точно боясь, что его кто-нибудь перебьетъ.

Идти наверхъ съ Гильзеномъ въ эту минуту было ему не легко; но все же легче, чѣмъ оставаться въ саду.

— Бѣгу распорядиться на счетъ вашей ѣды,—объявилъ Качковъ и подмигнулъ гостю.

Гильзенъ опять благосклонно-чопорно улыбнулся ему и раскланялся съ дамами, причемъ онъ, по-французски, низко опускалъ шляпу, но колѣнъ не сгибалъ и грудь держалъ въ отвѣсномъ положеніи.

— Allons, mon vieux,—пріятельски кинулъ онъ Шелонину, и взялъ его подъ руку.

Дамы, въ молчаніи, долго смотрѣли имъ вслѣдъ.

XXVIII.

Въ комнатѣ для гостей, рядомъ съ спаленкой Шелонина, происходилъ процессъ переодѣванія Ореста Ѳедоровича ванъ-деръ-Гильзена. Онъ разобрался и приступилъ къ этому процессу одинъ, попросивъ только мальчика Васю подать ему умыться и отправивъ его тотчасъ послѣ того, какъ получилъ обратно изъ чистки предназначенный для вечерняго употребленія костюмъ. Орестъ Ѳедоровичъ привезъ камердинера, но оставилъ его на станціи желѣзной дороги получать два сундука (съ однимъ онъ самъ пріѣхалъ), которые были отправлены прямо изъ Петербурга по большой скорости, но еще не пришли. Товарищъ Шелонина, позволяя себѣ во всемъ самый безупречный комфортъ, соединялъ его всегда съ разумной экономіей. Такъ поступилъ онъ въ этомъ случаѣ и съ багажемъ. Послѣ умыванія Гильзенъ сталъ выбирать рубашку въ верхнемъ отдѣленіи сундука, стоя вбокъ къ Шелонину, присѣвшему на окно. Гость уже бросилъ ему нѣсколько фразъ, на которыя тотъ не нашелъ еще никакого отвѣта. Манера говорить, какую выработалъ себѣ претендентъ на руку княжны Лидіи Дмитріевны, очень была похожа на ея дикцію: тоже киданіе словъ и рѣзкая развязность, съ прибавкой носовыхъ звуковъ, изрѣдка пускаемыхъ, когда темпъ рѣчи дѣлался медленнѣе.

— Cher ami,—окликнулъ Шелонина гость, поглядѣвъ на него черезъ плечо и вынимая рубашку суроваго цвѣта съ полосками.—Vous me semblez bien *chose*, foi de gentilhomme!

Привычка, усвоенная имъ въ «заведеніи» говорить по-французски «вы» товарищамъ, была одно время оставлена Орестомъ Ѳедоровичемъ подъ давленіемъ «духа времени», но онъ ее возстановилъ въ послѣдніе два-три года.

Шелонинъ слегка поморщился и лѣниво выговорилъ:

— Нельзя ли, Гильзенъ, не возобновлять игры въ русскихъ маркизовъ... Ты знаешь, что я въ нее не играю.

— Какъ тебѣ угодно,—отвѣтилъ Гильзенъ, выпятивъ слегка губы и осматривая, всѣ ли у рубашки пуговицы на лицо. Ты стоишь по прежнему за демократическій катехизисъ... Спорить я съ тобой не буду... Я хотѣлъ только сказать тебѣ, какъ това-

рищъ и... наконецъ, пріятель-твой, что ты меня поражаешь... je tombe des nues! Vrai!

— Чѣмъ же?—перебилъ живѣе Шелонинъ.

— Видомъ твоимъ... Ton exterieur, ton galbe... Ты точно приговоренъ къ смерти или въ воду опущенъ!..

Пуговицы оказались всѣ на лицо, и Орестъ Ѳедоровичъ принялся вдѣвать въ манжеты массивныя запонки слоновой кости съ монограмами и коронами.

— Si je m'attendais à cela!.. Я ѣхалъ сюда и думалъ: вотъ теперь Grégoire можетъ начать блистательно свою карьеру... Онъ докторъ, онъ магистръ; поселится въ Петербургѣ... avec la famille qui l'adore... Ну, если ему такъ угодно, займетъ каѳедру, чтобы заявить себя, и года черезъ два, никакъ не больше, онъ на настоящей дорогѣ...

— Какой же это?—съ усмѣшкой освѣдомился Шелонинъ.

— Comme si tu ne le savais pas, farceur! Разумѣется, какой: ты молодой ученый, ты другъ просвѣщенія—все это прекрасно; но ты—князь Рыкаловъ-Шелонинъ... дорога тебѣ прямая: помощникъ попечителя, а потомъ попечитель... и такъ далѣе... Не сидѣть же тебѣ въ приватдоцентахъ или даже въ ординарныхъ, и показывать à messieurs les étudiants: какъ нужно обращаться съ микроскопомъ и разглядывать въ него клѣточки... И такъ каждый годъ... Un métier d'huitre marinée—s'il en fut!..

Послѣ этого возгласа Орестъ Ѳедоровичъ сразу облекся въ суровую съ полосками рубашку, и началъ быстро и ловко застегивать пуговицы и запонки.

По губамъ Шелонина продолжала бродить все та же улыбка: товарищъ въ своемъ «теперешнемъ» видѣ начиналъ какъ будто интересовать его.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ онъ, поднимая голову, только въ этомъ métier d'huitre, какъ ты выражаешься, и можно у насъ быть на своемъ мѣстѣ и чтó-нибудь путное дѣлать.

— Полно, Grégoire, полно,—тономъ старшаго брата возразилъ Гильзенъ, принимаясь за повязываніе галстуха,—все это, извини меня, гейдельбергскія наивности... Тогда можно было кричать на разные тоны: мы станемъ работать для идеи, мы воспитаемъ нѣсколько поколѣній, мы, мы!.. А чтó мы?.. Ничего въ россійской имперіи, любезный другъ, не дѣлается путнаго иначе какъ посредствомъ...

Расправленіе бантика задержало конецъ фразы.

— Чего?—не безъ любопытства спросилъ Шелонинъ.

— Ад-ми-ни-стра-ціи,—отчеканилъ по складамъ Гильзенъ, и

выпрямилъ пластронъ своей рубашки. Oui, ma vieille, администраціи!.. Вотъ это дѣло. Съ тобой говоритъ не квартальный надзиратель, а человѣкъ... de ton bord. Поживя въ Петербургѣ, я пришелъ къ тому выводу, что каждый, у кого есть хоть крошка знаній или одна десятая идейки, обязанъ, pour bien mériter de la patrie — entends-tu cela! попасть туда, гдѣ онъ, какъ простой докладчикъ или юрисконсультъ, дѣлаетъ то, что...

— Ты, стало, на службѣ?—перебилъ его Шелонинъ.

— На службѣ, другъ, на службѣ... хотя этого многіе изъ нашихъ даже и не знаютъ. И я не числюсь только, я вношу мою лепту... Ты вникни, пожалуйста: пожелали бы мы съ тобой облагодѣтельствовать вотъ деревню вашу, а не весь русскій народъ, одними нашими интеллигентными средствами. Ну, чего бы мы добились? Нуля, полнѣйшаго фіаско!.. Безъ общихъ мѣръ ни въ какой странѣ, dans aucun pays policé, ты ничего прочнаго не реализируешь. Не заставишь же ты меня пережевывать тебѣ, въ видѣ ultima ratio, фактъ 19-го февраля?.. Ну-съ! А вообрази себя dans la peau d'un simple докладчикъ въ какомъ-нибудь центральномъ вѣдомствѣ... Ты обсудилъ общую мѣру, ты изучилъ все, чтó надо, чтобы привести ее въ исполненіе, и пиши себѣ твой проектъ какъ тебѣ угодно! Въ девяти случаяхъ на десять, avec un certain savoir faire—ты—реформаторъ, хоть и анонимный! Oui, cher ami, un réformateur!..

XXIX.

Рѣчь Гильзена была опять прервана надѣваніемъ жилета, жакетки, часовъ и pince-nez, чтò потребовало съ разными «derniers coups de main» минутъ пяти. Сидя на окнѣ, Шелонинъ полузакрылъ глаза и ожидалъ дальнѣйшихъ внушеній товарища.

Совсѣмъ одѣтый, Гильзенъ оставался въ комнатѣ еще съ четверть часа, старательно и въ нѣсколько пріемовъ устроивая свою прическу, расчесывая бакенбарды и очищая лицо отъ разныхъ маленькихъ случайностей, въ видѣ прыщиковъ, къ которымъ оно—увы!—было весьма наклонно. Всѣ эти операціи не мѣшали ему кидать фразы безостановочно и даже одушевляться съ замѣтнымъ crescendo.

— Я знаю,—началъ онъ съ легкимъ смѣхомъ послѣ возгласа о реформаторѣ,—какъ ты разсуждалъ года два тому назадъ... Ты готовилъ себя въ мыслители... pas vrai? Ученая дорога была только пьедесталомъ или, лучше сказать, школой... Сна-

чала анализъ, потомъ синтезъ,... вѣдь такъ?.. Лѣтъ десять-двадцать собирать факты и воспитывать молодое поколѣніе, а потомъ bâcler un système... Словомъ, повторить en grand ou en petit біографіи Конта, Бокля, Милля... C'est beau, mais c'est d'une naiveté écrasante!..

Гораздо строже взглянулъ на него Шелонинъ и выговорилъ съ удареніемъ:

— Конта и Милля можно бы и не припутывать.

— Пожалуйста, не обижайся, Grégoire!.. Никто болѣе меня не уважаетъ твоихъ идей. Повторяю: съ тобой говоритъ не квартальный надзиратель... Tu es un pur; но и мы тоже не шенапаны какіе-нибудь. Я — позитивистъ, и доказываю это каждой строчкой, выходящей изъ-подъ моего пера...

— А ты много пишешь?

— Вотъ и по этой части, tu diras peut-être que j'ai tourné casaque; а въ сущности я только обратилъ слова въ дѣло... Есть у насъ пресса, какова-бы она ни была, а потому надо выбрать органъ поприличнѣе... и работать... pro domo sua, т.-е., поддерживать то, что́ ты желаешь провести въ законодательство или администрацію... Я не сдѣлаюсь écrivassier, но я уже занимаю солидное мѣсто въ приличной газетѣ... пишу, что́ хочу и когда хочу, и могу всегда être au courant всѣхъ крупныхъ предпріятій...

— Концессій, что-ли?—сорвалось съ языка Шелонина.

Гильзенъ не обидѣлся. Напротивъ, онъ, раздѣляя свою бороду на двѣ половины большой жесткой щеткой, не безъ довольства выпятилъ одну щеку и продолжалъ:

— И концессій. Это гораздо легче дѣлается, чѣмъ ты думаешь... Всѣ знаютъ... dans un certain monde, что я имѣю серьёзное экономическое образованіе... писать я умѣю, состою на службѣ... Хорошо составленный проектъ эксплуатаціи или устава ça se vend cher... Mais ça n'est pas ma spécialité... Я не откажусь дать совѣтъ, какъ я не откажусь принять участіе и въ какой-нибудь коммиссіи по народному кредиту... артеляхъ... Que sais-je!..

— Разскажи-ка, что-нибудь!—пригласилъ Шелонинъ.

— Въ другой разъ, Grégoire, въ другой разъ... Все это — игрушки; повторяю, безъ общихъ мѣръ ничего создать нельзя... даже если горѣть любовью... къ мужику!.. Là-dessus, je vais te décocher carrément: эта любовь мнѣ надоѣла до отвращенія, сердись на меня, какъ тебѣ угодно... Что́ это за манія болтовни

про народъ! N'avoir d'autre visée que l'Eldorado communal dans chaque trou tchouvache!..

Орестъ Өедоровичъ даже обернулся на коблукѣ и взялъ съ туалетнаго столика пилочку для ногтей.

— Будто онъ у всѣхъ, этотъ идеалъ?—проговорилъ Шелонинъ, сдержавъ внутреннее движеніе, вызванное тирадой товарища.

— J'en ai jusqu'ici! (и Гильзенъ показалъ на горло). Народъ, народъ, мужичекъ, фабричный!.. Но гдѣ же во всемъ этомъ наука, знаніе, законъ, la sociologie enfin!.. Или мы съ тобой позитивисты—или нѣтъ. Если да, то развѣ для насъ обязательна вся эта... enfin tout ce verbiage mystique... Да, любезный другъ, это мистицизмъ—и ничего больше... Для меня впереди всего: законъ природы, законъ исторіи, законъ экономическаго развитія... Qu'est ce une loi?..

Задавши этотъ вопросъ, Гильзенъ остановился посреди комнаты съ пилкой въ правой рукѣ и съ растопыренными ногами.

— Ты знаешь формулу наизусть... не трудись повторять,—откликнулся Шелонинъ, и всталъ съ окна.

— Eh bien!.. si c'est ainsi —je n'en démords pas... Я не знаю: куда ты теперь зашелъ въ твоихъ идеяхъ; но если ты со мной не согласенъ—я выхожу—un pur; а никакъ не ты; ты—еретикъ... ха, ха, ха!

Одушевленіе Гильзена мгновенно улеглось. Онъ положилъ пилку на мѣсто, очистилъ ногти мягкой щеточкой и застегнулъ жакетку на одну пуговицу.

— La suite à demain!—весело вскричалъ онъ.—Или, нѣтъ! Это хорошо вотъ такъ, пока одѣваешься; а намъ съ тобой—нечего полемизировать. Il faut vivre, ma vieille, et faire vivre les autres!

— Amen,—закончилъ Шелонинъ.

— Я готовъ! Пора и къ дамамъ.

Тутъ Гильзенъ близко подошелъ къ Шелонину, взялъ его подъ руку, и, потихоньку двигаясь къ двери, заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Surtout pas de polémique devant ces dames... Я надѣюсь, Grégoire, что я найду въ тебѣ добраго товарища... Ты знаешь мою натуру... въ сантиментальности я вдаваться не хочу. Я не говорю, что умру, если твоя сестра откажетъ мнѣ въ рукѣ; mais j'ai des intentions sérieuses... Если дѣло это сладится, я желалъ бы, конечно, и твоего одобренія... Ты за отсутствіемъ отца chef de famille... par interim... И съ матерью ты былъ

всегда такъ хорошъ... Вотъ пока, чтó я хотѣлъ тебѣ сказать, а потомъ... знаешь, какъ Ménélas поетъ: «n'anticipons pas!..»

И, разсмѣявшись, онъ повелъ Шелонина внизъ.

XXX.

Вечеръ наполнился возбужденной «causerie» въ гостиной. Вѣрный своему слову и слишкомъ ушедшій въ себя, товарищъ Ореста Өедоровича ванъ-деръ-Гильзена принималъ умѣренное участіе въ разговорахъ и только потому не отправился раньше другихъ наверхъ, что не желалъ вызывать, ни въ матери, ни въ сестрѣ, никакого намека, никакой мины.

Была одна минута, когда Люлю и Гильзенъ подошли оба къ открытой двери на балконъ и стали въ ея рамкѣ, на фонѣ темной зелени террасы. Сумерки начинали сгущаться. Шелонинъ сидѣлъ въ темномъ углу гостиной у печки, и глаза его обратились къ этой парѣ, подъ вліяніемъ внезапной мысли, вызвавшей чуть замѣтную усмѣшку на его слегка запекшихся губахъ.

«Какъ же не естественный подборъ», подумалъ онъ,—и началъ внимательнѣе разглядывать фигуры сестры и претендента... «Самъ Дарвинъ пришелъ-бы въ восторгъ!..»

И въ самомъ дѣлѣ, «подборъ» бросался въ глаза. Оба были одного роста, широки въ плечахъ, съ выпуклой грудью, съ разительнымъ сходствомъ осанки. Лица, при всемъ несходствѣ чертъ, принадлежали несомнѣнно къ одному типу. Мудрено-ли, что они похожи были и по духовному складу своему. Наверху, во время одѣванья Гильзена, Шелонинъ, минутами, слышалъ фразы, слова и мнѣнія Люлю. Одно міровоззрѣніе соединяло ихъ. Хоть Люлю и не вбирала въ себя когда-то «системы», но она жила тѣмъ же «позитивизмомъ», какъ и Орестъ Өедоровичъ. И для нея все было рѣшено, и лежало, какъ на ладони. И онъ считалъ себя отгадчикомъ всѣхъ вопросовъ, а свою житейскую дорогу «осуществленіемъ практической соціологіи». Стóило ему только встать посреди комнаты и громко задать себѣ вопросъ:

— Qu'est-ce une loi?

И тѣмъ-же акцентомъ бойкаго начетчика онъ отвѣтилъ бы:

— Un fait qui se renouvelle de la même façon dans les mêmes circonstances.

И всѣ умственныя и нравственныя колебанія разомъ отлетали отъ него. Онъ—Орестъ Өедоровичъ ванъ-деръ-Гильзенъ—находился на вершинѣ пирамиды, въ числѣ избранниковъ міровой

интеллигенціи—а все остальное, тамъ, внизу, расы, племена, эпохи, общественные слои и пласты, смуты и катастрофы, вѣковая, злодѣйская эксплуатація и кровавые взрывы народныхъ массъ, голодъ и моръ, ужасы пролетаріата, ненависть и ярость нищеты, рабства и отчаянія—все это представлялось ему въ видѣ правильнаго чертежа съ клѣточками различныхъ цвѣтовъ: синенькими, красненькими, зелененькими... Каждая клѣточка является въ свое время и занимаетъ свое мѣсто, а за ней другая, третья.. Мудрецъ, т.-е. все онъ же, Орестъ Ѳедоровичъ ванъ-деръ-Гильзенъ, отмѣчаетъ ихъ съ джентльменскимъ спокойствіемъ, а когда кто-нибудь попробуетъ нарушить его позитивный миръ, онъ сейчасъ же ошеломитъ его возгласомъ:

— Sommes nous positivistes, oui ou non?!..

Шелонину показалось, что рука Люлю—въ рукѣ Гильзена, и до слуха его долетѣли слова ея:

— Parlez à ma mère...

Больше онъ уже не глядѣлъ на нихъ. Память о прежнемъ пріятелѣ и его превращеніе въ *теперешняго* Гильзена проскользнули по немъ, вызвавъ минутное побочное раздумье. Точно туманныя картинки проплывали передъ его глазами, а позади ихъ хоронилось другое, захватывающее всю душу... Оно держало его въ своихъ когтяхъ, пока внутри что-то бродило и кипѣло, искало выхода и не находило его...

Вонъ тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сидитъ его мать и рядомъ съ нею, полулежа на диванѣ...

Шелонинъ быстро закрылъ глаза и поднялся. Воздухъ гостиной душилъ его. Но ему нельзя было пройти ни въ садъ, ни въ залу, не помѣшавъ какой-нибудь интимной бесѣдѣ... Безпомощно опустился онъ на кресло и все въ томъ же забытьи, которое чуть не каждый день начало овладѣвать имъ, просидѣлъ до вечерняго чая, замѣнявшаго въ Шелонихѣ ужинъ.

Замѣтилъ онъ мелькомъ, что Люлю была и возбуждена, и нѣсколько шумлива, разливала чай съ небываломъ добродушіемъ и раза два обмѣнялась взглядомъ съ княгиней. Гильзенъ сидѣлъ между ними и тонъ его «постороннихъ» разговоровъ указывалъ прямо на то, что онъ все, чтó ему нужно, покончилъ; а теперь опять въ своей обычной тарелкѣ и сбирается съ аппетитомъ пить чай, ѣсть яйца въ смятку, холодный ростбифъ и «dessert assorti», какъ онъ назвалъ все сладкое, стоявшее на столѣ. Качковъ черезъ столъ подмигивалъ Люлю своимъ моноклемъ: ему тоже было уже извѣстно, что «дѣло покончено». Онъ участво-

валъ въ семейномъ событіи и съ громомъ и трескомъ угощалъ гостя, похваливая ему каждое кушанье.

Съ какой стремительностью бросился-бы Шелонинъ на воздухъ, въ мглу большого сада... но подъ руку его опять поддерживалъ товарищъ и, введя его на верхнюю площадку антресоля, со свѣчой въ рукахъ, сказалъ ему съ легкой передышкой:

— Merci, Grégoire!

— За чтó?—изумленно спросилъ онъ.

— За твой объективизмъ, любезный другъ... Только ты ужъ, кажется, перепустилъ теорію невмѣшательства. Но твоимъ лицомъ я не доволенъ—tu as un mal quelconque... Поздравь меня.

— Поздравляю.

— Ты понимаешь съ чѣмъ... Je suis allé droit au but... et m'y voilà... Теперь за тобой очередь... Надобна во всемъ послѣдовательность: собственность мы съ тобой, надѣюсь, признали, общественную іерархію также—теперь пришло время закрѣпить и третій принципъ—семью... Oui ou non?..

— Amen,—проговорилъ Шелонинъ тѣмъ же голосомъ, какъ и послѣ обѣда.

— Oui, mon vieux; а тамъ и хозяйничать надо, не гнушаться при случаѣ и рентой: n'en déplaise à messieurs les mystiques!... Да ты совсѣмъ спишь?.. Bonne nuit—вотъ твоя комната...

Гильзенъ сдѣлалъ ему прощальное привѣтствіе рукой, и самъ затворилъ за нимъ дверь.

XXXI.

Въ двухъ верстахъ отъ Шелонихи, по обѣимъ отлогостямъ небольшой балки лежитъ веселая дубовая рощица, «Козье урочище», по мѣстному крестьянскому прозвищу. На одной изъ ея проталинокъ, часу въ восьмомъ вечера, только-что поспалъ іюльскій зной, расположился цѣлый таборъ...

То былъ «пикникъ», затѣянный въ честь Ореста Ѳедоровича ванъ-деръ-Гильзена Полемъ Качковымъ: пикникъ съ неизбѣжной яичницей, жаренымъ въ сметанѣ картофелемъ и самоваромъ. Подъ тѣнью трехъ ядреныхъ и раскидистыхъ дубковъ поваръ и мальчикъ ставили приборы на коверъ. Поодаль, въ котловинѣ, крестьянскій парень, босой и безъ шапки, раздувалъ самоваръ; а поближе у костра Качковъ, весь красный, суетясь и гримасничая, ухаживалъ за двумя сковородами.

Общество сидѣло вокругъ ковра. Рядомъ съ княгиней помѣ-

щалось новое лицо—сосѣдъ по имѣнію, Иванъ Николаевичъ Чемерицынъ—мировой посредникъ, пріѣхавшій къ обѣду, но оставшійся на цѣлый день. Его тучное тѣло съ краснымъ лицомъ, точно подернутымъ масломъ, весьма безцеремонно прикрывали парусинный балахонъ и такіе же шаровары... Видно было, что и эти одежды тяготили его непомѣрно. Онъ то-и-дѣло отдувался, обтирая лицо и затылокъ. Большущіе усы съ легкой сѣдиной падали внизъ на толстыя щеки и только увеличивали страданія посредника. Княгиня смотрѣла на него ласково, Люлю съ нѣкоторой гадливостью, Гильзенъ, присѣвшій къ нему поближе, занимался имъ, какъ курьёзомъ, сохраняя на губахъ благосклонную усмѣшку и безпрестанно задавая ему вопросы. Шелонинъ, полулежа у дерева, слушалъ ихъ разговоръ. Посредникъ картавилъ на особый непередаваемый ладъ, какъ только умѣютъ картавить на Руси.

— Ваша правда,—вскричалъ онъ, обтирая потную шею,—ваша правда, мусьё Гильзенъ, мы посредники теперича слоновъ продаемъ.

— Пріятно такое сознаніе,—одобрилъ Гильзенъ, и тотчасъ же прибавилъ:—ну, все же, какія-нибудь дѣла да остались, по выкупной операціи, напримѣръ...

— Ни, Боже мой!.. Хошь бы гдѣ-нибудь на смѣхъ пошли на выкупъ... Я еще прежде хлопоталъ; а теперича рукой махнулъ!..

— И почиваете на лаврахъ...

— Какъ видите,—съ жирнымъ смѣхомъ возразилъ посредникъ—не стѣсняясь присутствіемъ дамъ—въ собственномъ бульонѣ варюсь... Этакая анаѳемская жарища!.. А ѣздить я никуда не ѣзжу... по участку... Зачѣмъ?

— А школы?—спросилъ издали Шелонинъ.

— Ахъ, ваше сіятельство!.. Вы изволите говорить: школы!.. По доброй волѣ ни одна ка—а—налья... не хочетъ; а приговоры писать—только людей морочить... Зимой меня начальникъ губерніи вызывалъ... До свѣдѣнія моего, говоритъ, дошло, что вы второй годъ ни въ одной волости не были. Правда, говоритъ это, али враки?.. Совершенная правда, отвѣчаю, ваше превосходительство. Потому никуда и не ѣзжу, что нечего намъ дѣлать... Такъ зачѣмъ же, говоритъ, вы служите? А затѣмъ, отвѣчаю, что другой то же бы дѣлалъ, такъ ужъ лучше я за него жалованьишко подберу... Ей-ей! такъ и отрапортовалъ!.. И повѣрьте, говорю, ваше превосходительство, нечего намъ по волостямъ шляться, пускай, молъ, мужички сами приговоры пишутъ насчетъ школъ или чего... И что-жъ бы вы, ваше сіятельство, думали?.. спро-

силъ громогласно посредникъ, повернувши свои сѣро-желтые глаза навыкатъ, сначала въ сторону дамъ, а потомъ и къ Шелонину.

— Что-же?—полюбопытствовалъ за всѣхъ Гильзенъ.

— Станиславчика мнѣ же повѣсилъ... и за то спасибо!..

Хохотъ толстяка разнесся по всей полянкѣ и заставилъ даже обернуться Качкова, погруженнаго въ свою стряпню.

— Mesdames!..—крикнулъ онъ,—яичница—ума помраченье!.. Господа! идите же помогать намъ... Васъ я, Иванъ Николаевичъ, не прошу, вы и сами на сковородѣ жаритесь... ха, ха, ха!..

— Ловко, ловко!—вторилъ посредникъ остротѣ Качкова, обмахиваясь платкомъ и разстегивая балахонъ свой до послѣдней пуговицы.

Гильзенъ всталъ и богатырски выпрямился; Шелонинъ не двигался.

— Чтó прежде?—крикнулъ Качковъ дамамъ.

— Картофель!—отвѣтила ему Люлю и привскочила, желая очутиться поскорѣе около Гильзена.

Тотъ взялъ ее подъ руку съ увѣренностью жениха.

— Voyons la cuisine de monsieur Paul,—сказалъ онъ, низко наклоня къ ней голову, и окликнулъ Шелонина:—Grégoire! мы тебя оставимъ безъ ужина.

— И меня, пожалуй? вскричалъ посредникъ,—такъ и быть, тряхнемъ тупей!

Уперевъ правый кулакъ въ стволъ дерева, началъ онъ сопѣть и подниматься, Качковъ со сковородой въ рукѣ смотрѣлъ на его усилія и помиралъ со смѣху.

— Вы, князь, благую часть избрали!.. Или со мной пожалуете?..

Слова посредника, обращенныя къ Шелонину, не долетѣли до него. Онъ повернулся спиной къ ковру и на что-то пристально смотрѣлъ... Вбокъ видна была только темная впадина его глаза на блѣдной щекѣ.

— Сюда! — вдругъ тихо вскрикнулъ онъ, поднялся совсѣмъ на ноги и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Кто, кто такой?—пугливо спросилъ посредникъ.

— Гонецъ!

— Какой гонецъ?... Анъ и въ самомъ дѣлѣ... Ужъ не папенька-ли вашъ пожаловалъ?..

Мужикъ, въ бѣлой рубахѣ и лаптяхъ, скакалъ верхомъ вдоль по ложбинкѣ, извивавшейся въ оврагѣ. Рубаха надуьалась у него

за спиной, локти тряслись, а правой рукой онъ усердно стегалъ свою пѣгую лошадёнку.

XXXII.

Черезъ минуту всадникъ въ рубахѣ поднялся уже къ проталинкѣ, и въ десяти шагахъ отъ барской телѣги и самовара соскочилъ, ерзгнувъ животомъ, на земь, оправилъ кушакъ и стремительно снялъ шляпу. Его рябое лицо съ черными кудрявыми волосами и круглой бородой смотрѣло испуганно и простовато.

Первый подбѣжалъ къ нему Шелонинъ. Посредникъ шелъ сзади, тяжело шагая и подергивая шаровары. Княгиня тоже привстала. Гильзенъ съ Люлю остановились на полпути къ костру, откуда Качковъ, зачуя какую-то «исторію», уже порывался и кричалъ повару:

— Левонъ, а Левонъ! иди смотрѣть за сковородами... Я весь изжарился...

Въ нѣсколько прыжковъ догналъ онъ посредника, обнялъ его за спину и пригласилъ рукой: — Пожалуйте, по начальству-съ!..

Рябой крестьянинъ не успѣлъ еще рта раскрыть, какъ Шелонинъ, съ волненіемъ въ голосѣ, кинулъ ему два вопроса:

— Что случилось?.. Кто ты?..

— Десятской, ваше сіятельство... Веденей Ильичъ послали... скачи-чать Филатъ въ рощу, тамъ и Иванъ Миколаичъ, посредственникъ...

— Да что же случилось-то?..—съ возрастающей нервностью переспросилъ Шелонинъ.

Вопросъ разслыхалъ посредникъ и крикнулъ:

— Что же ты, братецъ, мямлишь?.. Какая оказія?..

Глуповатый и небойкій десятникъ совсѣмъ запутался.

— Нездорово, Иванъ Миколаичъ, ваше благородіе, у Фарафонтьевыхъ въ избѣ...

— У Фарафонтьевыхъ?—вскрикнулъ Шелонинъ, и вздрогнулъ такъ, что посредникъ, бывшій уже около него, взялъ его за руку.

— Что вы, князь; перепились, должно быть, кана-альи... а намъ-то что́?

— Акимъ вернулся? — продолжалъ Шелонинъ, не обративъ вниманія на успокоеніе посредника.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство... Самово-та и посейчасъ нѣту... Хозяйка одна была....

— Мямлишь ты, дуралей, мямлишь зачѣмъ, — запыхтѣлъ

Иванъ Николаевичъ, — говори толкомъ: драка, смертоубійство, али чтó?

— Епишка знать, — нетвердо выговорилъ десятникъ,—батрака ихняго, Фарафонтьевскаго, уложилъ...

— Убилъ?—глухо прервалъ Шелонинъ.

— Самъ я не видокъ, батюшка; а Веденей Ильичъ такъ мнѣ наказали.

Всѣ переглянулись. Шелонинъ снялъ шляпу и оттянулъ книзу галстухъ. Посредникъ застылъ «въ своемъ собственномъ бульонѣ». Качковъ побѣжалъ къ дамамъ и закричалъ:

— Мертвое тѣло! Подождите меня! Я мигомъ слетаю верхомъ!

Какъ только княгиня услыхала слова Качкова, она мгновенно, съ измѣнившимся лицомъ, протянула обѣ руки и почти умоляющимъ голосомъ крикнула:

— Paul, n'y allez pas, au nom du ciel n'y allez pas!

Этотъ крикъ заставилъ обернуться Шелонина.

— Оставайтесь здѣсь!—рѣзко и злóбно остановилъ онъ Качкова, порывавшагося уже овладѣть пѣгимъ меренкомъ десятника. Лошадь не была выпряжена изъ телѣги.

— Ѣдемте,—сказалъ Шелонинъ посреднику.

— На какомъ-же инструментѣ, князь? шарабана вашего еще нѣтъ.

— Въ телѣгѣ... вы должны быть тамъ. Это ваши крестьяне... Ѣдемте,—повторилъ онъ строго.

— Grégoire!—раздался голосъ княгини.—Но онъ не удержалъ Шелонина.

Съ какой-то начальнической настойчивостью заставилъ онъ посредника помѣститься въ кухонной телѣгѣ, самъ взялъ возжи, и, не разбирая кочекъ, сталъ спускаться въ ложбину.

Качковъ и группа изъ двухъ дамъ съ Гильзеномъ тотчасъ же скрылись за деревьями. Десятникъ подпрыгивалъ и работалъ локтями позади.

Телѣга катила вскачь и духомъ донеслась до деревенскаго оврага съ убогимъ мостомъ.

— Пьесвятая вьядычица!—жалобно вскрикнулъ посредникъ, когда они ýхнули въ оврагъ и чуть-чуть не слетѣли съ моста.

Шелонинъ ни разу не обернулся лицомъ къ своему спутнику и не проронилъ ни слова. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ впередъ и то-и-дѣло понукалъ лошадь.

«Убилъ, безпрестанно повторялъ онъ про себя, убилъ... такъ и должно было случиться».

Все его существо было охвачено горячкой страстнаго, ему

только понятнаго желанія все скорѣе видѣть на мѣстѣ. Хорошенько не сдержавъ лошадь, соскочилъ онъ съ телѣги на углу двора Фарафонтьевыхъ, гдѣ собралось уже порядочно народу, больше бабъ и ребятишекъ.

Встрѣтилъ его Веденей Гусевъ въ плотно-запахнутомъ зипунѣ и медали, съ невозмутимымъ, но напряженнымъ лицомъ: это сказывалось въ краснотѣ жилокъ на щекахъ и вокругъ носа.

— Убитъ работникъ?—на ходу спросилъ Шелонинъ.

— Такъ точно, — промолвилъ Гусевъ, и шагнулъ пудовыми сапогами къ телѣгѣ, чтобы принять на руки своего начальника.

Не дожидаясь посредника, Шелонинъ прошелъ скорыми шагами сквозь разступившуюся кучу народа и попалъ на дворъ.

— Этта, указала ему бабенка посмѣлѣе на мшенникъ,—въ правомъ углу двора.

Тамъ стояло два караульщика. Они сняли, молча, шапки, и одинъ изъ нихъ отворилъ плетневую дверку мшенника.

Низко нагнувшись, Шелонинъ перешагнулъ порогъ и сразу очутился передъ тѣломъ убитаго, прикрытымъ на половину рогожей...

Впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ схватился за край койки, гдѣ лежалъ трупъ. Точно облако пронеслось у него предъ глазами.

XXXIII.

Темная лужа скопилась внизу, подъ койкой. Убитый лежалъ на правомъ боку, спиной ко входу, съ закинутой за голову лѣвой рукой... Одна рана шла по всему черепу, поперекъ...

Запахъ разлагающейся крови и видъ этой одной зіяющей трещины, сдѣланной топоромъ и говорившей о внезапной смерти, погнали Шелонина на воздухъ. Но онъ успѣлъ разглядѣть профиль убитаго батрака... Лицо было обмыто. Вздернутый насмѣшливый носъ и покосившіяся губы, казалось, издѣвались надъ убійцей и дерзко вызывали смерть.

— Гдѣ Устинья? — робко освѣдомился Шелонинъ у одного изъ караульныхъ.

— Въ избѣ, батюшка, али въ сѣняхъ... и Епишка тамотка.

На крылечкѣ, гдѣ еще такъ недавно угощала его квасомъ кормилица, засѣдалъ посредникъ, продолжая обтираться платкомъ, и допрашивалъ Веденея, стоявшаго на улицѣ, у перилъ, безъ шапки, въ позѣ подчиненнаго. Иванъ Николаевичъ въ мшен-

никъ самъ не пошелъ: онъ какъ огня боялся покойниковъ, особливо уголовныхъ.

— Какова трагедія!..—крикнулъ онъ Шелонину,—извольте-ка прислушать, ваше сіятельство... Любовные, выходитъ, амуры.

Тотчасъ же понялъ Шелонинъ, что Веденей объяснялъ уже посреднику мотивъ преступленія.

— Объ этомъ чтó же распространяться,—сухо перебилъ онъ, —слѣдствіе покажетъ... Устинья въ сѣняхъ?—обратился онъ къ Веденею и сдѣлалъ ему чуть замѣтный знакъ, который Веденей тотчасъ-же понялъ и пошелъ за нимъ въ избу.

Въ сѣняхъ Устиньи не было. Отведя старосту въ уголъ, Шелонинъ быстро и съ удареніемъ сказалъ ему:

— Ты знаешь, Веденей, Устинью обижать и впутывать, безъ нужды, не годится. Пускай само дѣло за себя говоритъ.

— Да я, ваше сіятельство, ничево доподлинно не докладывалъ Ивану Миколаичу... Только они насчетъ слуховъ спрашивали...

— Мало-ли чтó толкуютъ, — возразилъ Шелонинъ. — Она въ избѣ?

— Въ избѣ-съ... Не знай, какъ Иванъ Миколаичъ прикажутъ: до слѣдственнаго стеречь ее, али совсѣмъ связать?

— Зачѣмъ? Она не уйдетъ.

— Да вѣдь не ровенъ часъ, батюшка. Дюже убиваетси... Какъ бы рукъ на себя не наложила...

— Наблюдать надо, вотъ и все... Иди къ посреднику... И сынъ въ избѣ?

— Тамъ, да вы не извольте пужатьси... Онъ связанный, да и караульные при немъ приставлены...

Веденей вернулся на крылечко; а Шелонинъ отворилъ тяжелую дверь избы.

Въ грязное оконце свѣтъ проникалъ настолько, что можно было сразу разглядѣть въ красномъ углу фигуру Епифана. Онъ сидѣлъ понуря голову. Руки у него были закручены назадъ. Въ положеніи всего тѣла не проявлялось никакого напряженія. Ноги онъ вытянулъ и положилъ одну лапоть на другую. Волосы падали ему на лобъ. На двухъ скамьяхъ, по обѣ его стороны, сидѣли караульщики и поглядывали на него безъ всякаго страха или волненія: точно на какое казенное добро, порученное имъ присмотру.

— Гдѣ Устинья?—спросилъ у нихъ Шелонинъ.

Они вразъ привстали и указали на печку.

— Тамотка,—тихо промолвилъ караульщикъ постарше, малорослый мужикъ съ бѣльмомъ на глазу.

За печкой, на кучѣ какой-то ветоши сидѣла Устинья, подавшись всѣмъ туловищемъ впередъ, съ руками, сложенными на груди, и точно въ тактъ покачивала головой.

Когда Шелонинъ окликнулъ ее, она его не узнала сразу, потомъ схватила за руку и прижалась къ ней лицомъ.

Долго не могла она ничего вымолвить. Шелонинъ чувствовалъ только, какъ колыхалось все ея тѣло отъ судорожныхъ, беззвучныхъ рыданій. Это прикосновеніе рыдающаго живого тѣла насквозь пронизало его новымъ чувствомъ скорби, ужаса, жалости...

Но это было одно мгновеніе. Устинья оторвала лицо отъ его руки, и онъ увидалъ блѣдный, застывшій, точно деревянный обликъ, посреди котораго два глаза смотрѣли на него въ упоръ... въ нихъ не было уже ни слезъ, ни раскаянія, ни мольбы.

— Убилъ,—прошептала она, шевеля губами,...—взмахнулъ топоромъ—и покончилъ...

И съ выраженіемъ не ужаса, а скорѣе горечи — она повторила:

— И покончилъ..

— Тамъ, на дворѣ?—тихо спросилъ Шелонинъ.

— Въ амшеникѣ... да, спалъ Ваня, а онъ съ топоромъ — шасть—и покончилъ.

И опять она закачала головой, а руки ея спустились безпомощно по бедрамъ.

О чемъ ему было разспрашивать кормилицу. Онъ все понялъ, и это пониманіе леденило ему уста.

— Тебѣ страшно будетъ ночью,—попробовалъ онъ выговорить,—не хочешь-ли на барскій дворъ?...

— Чаво?—глухо окликнула Устинья.

— На барскій дворъ,—повторилъ Шелонинъ,—не хочешь-ли переночевать?..

— Оставьте меня, отцы вы родные, оставьте, — вдругъ заныла Устинья, и повалилась на груду ветоши.

— Не замай ее, баринъ,—замѣтилъ караульщикъ съ бѣльмомъ,—нѣшто отъ бабы толкомъ добьешься чего...

Но ему ничего и не нужно было добиваться. Онъ молча отошелъ отъ Устиньи и прислушивался къ тяжелому безмолвію полу-темной избы, гдѣ слышались только вздохи Устиньи и медленное, крѣпкое дыханіе ея сына.

— Акимку-то отыскали, штоль? — лѣниво спросилъ второй караульщикъ.

— Гдѣ ево найдешь, собачьяго сына... Прослышитъ, небось, притащитси. Ему штó... не велика сухота: рай, онъ какъ и всѣ люди.

Мужикъ съ бѣльмомъ умолкъ, завидѣвъ вошедшее начальство.

XXXIV.

Первымъ вступилъ въ избу Веденей; а за нимъ уже, высматривая вправо и влѣво и шевеля усами, вдвинулся и посредникъ.

— Ну что, ваше сіятельство,—обратился онъ къ Шелонину,—уконтентовались? Гдѣ молодецъ-то?..

— Вотъ онъ самый,—указалъ Веденей.—Встань!—крикнулъ онъ Епифану.

Тотъ всталъ и немного приподнялъ голову; въ его стеклянныхъ глазахъ Шелонинъ увидалъ то же выраженіе, какъ и въ тотъ разъ, когда мать посылала его будить батрака.

— Что ты это, братецъ, накуралесилъ?—сталъ его спрашивать посредникъ.

Епифанъ молчалъ.

Онъ маленько придурковатъ,—объяснилъ Веденей.

— Однако въ трезвомъ разумѣ?..

— Извѣстное дѣло,—подтвердилъ староста.

— Топоромъ,—полюбопытствовалъ посредникъ.

— Вотъ эвтимъ самымъ.

Веденей взялъ съ лавки топоръ съ свѣжезапекшейся кровью и поднесъ его господамъ.

Иванъ Николаевичъ хотѣлъ-было дотронуться, да побоялся; Шелонинъ оглядѣлъ и лезвее, и топорище.

— Твое дѣло?—крикнулъ посредникъ Епифану.

Тутъ только тотъ очнулся и тяжело выговорилъ:

— Чьё же инъ, коли не мое?..

— А тебя за это по головкѣ погладятъ?

Епифанъ опять замолкъ.

— Ну, чтожъ, братцы,—заговорилъ, пріосанившись, посредникъ,—вамъ обиды не будетъ... Только стерегите покрѣпче... его, да и бабу-то.

— Я бы васъ просилъ, Иванъ Николаичъ,—вмѣшался тутъ

Шелонинъ:—не приказывать сажать Устинью... Мы всѣ за нее порука.

— Смертоубійство, князь, безъ строгости нельзя,—возразилъ посредникъ, подперевъ себя въ бока и выпуская громкую струю воздуха.

— Вы не извольте сумлѣватьси, ваше сіятельство,—успокоительно вставилъ староста,—пущай ее въ избѣ здѣсь будетъ... Я караульныхъ поставлю... Устинья ихняя кормилка,—доложилъ онъ въ сторону начальства.

— Ну, ты свое дѣло знаешь,—успокоилъ Иванъ Николаевичъ...—А я теперь,—обратился онъ къ Шелонину,—разомъ двухъ зайцевъ убью... Мнѣ надо на Грибаново въ городъ. Въ Грибановѣ—слѣдователь, а завтра, чѣмъ свѣтъ, доктора оповѣщу... Я велѣлъ въ восемь закладывать... Княгиня и княжна извинятъ меня...

Толстякъ заторопился вонъ. Шелонинъ выпустилъ его съ Веденеемъ и еще разъ оглядѣлъ всю избу... Епифанъ все стоялъ какъ вкопаный, съ туго стянутыми назадъ руками.

— Сядь,—сказалъ ему Шелонинъ.

— Постоитъ,—отвѣтилъ за Епифана караульщикъ съ бѣльмомъ.

Шелонинъ прислушался къ звукамъ, шедшимъ изъ-за печки.

— Окаянная!—прошептала Устинья и потомъ смолкла, точно замерла.

Попрощаться съ ней молочный сынъ ея не посмѣлъ. Почти на цыпочкахъ вышелъ онъ изъ избы. Начинало уже темнѣть. Народъ расходился. Выйдя на порядокъ, Шелонинъ услыхалъ звонъ колокольчика—въ оврагъ спускался посредничій тарантасъ.

Походка его замедлилась. Онъ высвободился изъ-подъ перваго натиска катастрофы, гдѣ все было полно для него тайнаго, почти рокового смысла.

«Вотъ исходъ», думалъ онъ уже безъ лихорадочнаго трепета, а съ ясностью внутренняго взгляда, съ неумолимостью логики. «Исходъ, и прямой!.. Епишка, потёма, какъ его зоветъ староста Веденей, придурковатый парень, не выдержалъ, взялъ топоръ—и покончилъ».

Два раза повторилъ онъ про себя послѣднія слова, вырвавшіяся только-что у его кормилицы, и слова эти онъ точно осязалъ: такъ óбразно представляли они собою исходъ драмы.

Послѣ этого вывода, онъ почувствовалъ себя гораздо бодрѣе, развязнѣе, и неторопливо сталъ приближаться къ барскому двору, какъ человѣкъ, нашедшій на дорогѣ свою потерю, послѣ томительныхъ поисковъ.

Войдя на дворъ, онъ повернулъ къ конюшнѣ, навѣстилъ своихъ пріятелей—овчарокъ, приласкалъ ихъ, зашелъ въ застольную, спросилъ тамъ краюшку хлѣба, вернулся опять подъ навѣсъ сарая и сталъ поочередно кормить Ѳомича и Ѳатѣвну.

Въ этомъ занятіи былъ онъ потревоженъ окликомъ мальчика Васи, прибѣжавшаго изъ дома.

— Пожалуйте-съ,—запыхавшись, докладывалъ Вася:—княгиня приказали сказать, что онѣ очень безпокоятся... Всѣ господа на балконѣ-съ...

— Скажи, что сейчасъ буду,—медленно отвѣчалъ Шелонинъ, и продолжалъ кормить собакъ.

— Такъ и сказать-съ,—переспросилъ быстроглазый и старательный мальчикъ.

— Такъ и скажи.

Вася побѣжалъ къ переднему крыльцу и фалдочки его сѣраго фрачка замелькали въ полусвѣтѣ сумерекъ, уже начинавшихъ переходить въ лунную ночь.

На переднее крыльцо Шелонинъ не пошелъ, а взялъ налѣво черезъ калитку цвѣтника, но ни на іоту не ускоряя шага, даже и съ той минуты, когда заслышалъ оживленный разговоръ на террассѣ, гдѣ два мужскихъ голоса перекрещивались съ громкими возгласами Люлю и чуть слышнымъ голосомъ княгини. Имя «Grégoire» долетѣло до него нѣсколько разъ прежде, чѣмъ онъ поднялся по четыремъ ступенькамъ лѣваго схода.

XXXV.

Всѣ, вернувшись второпяхъ изъ дубовой рощи, были очень возбуждены. Яичница, картофель и чай такъ и остались безъ употребленія. Наскоро былъ поданъ чай на террассѣ, но никто, кромѣ Качкова, за него еще не принимался. Только въѣхавъ въ деревню, господа узнали доподлинно: чтó случилось. Когда княгиня услыхала отъ попавшейся на встрѣчу бабы, что у Фарафонтьевыхъ батрака Ваньку Безпалаго убилъ топоромъ сынъ Епишка—она такъ была поражена, что ее чуть-живую вынули изъ шарабана. Она не захотѣла, однако, лечь, приняла капель, пригласила всѣхъ пить чай на террассѣ и даже шутила надъ тѣмъ, что ея Grégoire такъ стремительно увлекъ толстаго посредника и заставилъ его протрястись на телѣгѣ. Но тайный посланецъ былъ уже отправленъ къ избѣ Фарафонтьевыхъ звать поскорѣе князя домой. Посланецъ этотъ пошелъ по другой дорогѣ,

и не засталъ Шелонина въ Устиньиной избѣ. Потомъ былъ отправленъ Вася, когда молодого барина увидали за господской околицей.

Княгиня то-и-дѣло подзывала Качкова къ себѣ и повторяла ему:

— Avant tout, Paul, n'y allez pas!

Онъ не могъ сдѣлать шагу, чтобы она его тотчасъ не окликнула, что́ не укрылось, конечно, отъ джентльменской наблюдательности Гильзена. Нареченный beau-fils княгини старался поддерживать шутливый уровень разговора на тэму: какъ нынче часты драмы въ народномъ быту, и какъ «ces bons villageois» скоро пускаютъ въ ходъ холодное оружіе за неимѣніемъ револьверовъ.

— C'est inoui, princesse, — говорилъ онъ, покачиваясь на стулѣ:—comme ces natures flasques sont sanguinaires!..

Въ эту минуту Шелонинъ уже подходилъ къ террассѣ.

— A Grégoire все нѣтъ!—вырвалось у княгини, съ пугливой тревогой взглянувшей на дочь.

— Il travaille au procès-verbal! — отвѣтила Люлю, и очень довольная своей «répartie», обернулась всторону жениха.

— Loulou,—съ легкимъ упрекомъ возразила княгиня,—tu oublies qu'Устинья est sa nourrice... Pauvre femme!..

Всѣ примолкли на двѣ секунды.

— Ахъ, полноте, княгиня,—вскричалъ Качковъ (онъ одинъ пилъ аккуратно чай),—вы тормошитесь, точно князь малолѣтній: Grégoire, Гриша... Вѣдь онъ въ профессора готовится.

Гильзенъ и Люлю почему-то разсмѣялись.

Когда они смолкли, у колонны, на фонѣ темнаго куста жимолости, стоялъ Шелонинъ съ такимъ спокойнымъ лицомъ, точно онъ поднялся изъ цвѣтника, куда ходилъ сорвать георгину.

Княгиня не ожидала его появленія съ этой стороны, и замѣтно вздрогнула.

— Это ты, Grégoire?—окликнула она.

— Я, maman.

Онъ приблизился къ чайному столу. Княгиня сидѣла по-ту сторону его и немного отодвинула свой стулъ.

— Ты прямо оттуда?

— Оттуда.

— Ну, что-жъ?

Къ этому вопросу княгини присоединились Гильзенъ и Люлю.

— Убитъ работникъ, — выговорилъ медленно и отчетливо Шелонинъ, глядя прямо на мать.

— Но мотивъ?—спросилъ Гильзенъ.

— Очень простой: работникъ не полюбился сыну Устиньи; тотъ взялъ топоръ и покончилъ съ нимъ.

Княгиня сама не могла оторвать глазъ своихъ отъ глазъ сына, и каждое слово его послѣдней фразы, при всей простотѣ и обыкновенности, увеличивало ея волненіе. Когда Шелонинъ остановился, она хотѣла приподняться, но вдругъ безпомощно опустилась на стулъ.

Произошла суматоха. Люлю и Качковъ кинулись къ ней. Шелонинъ хотѣлъ поддержать ее справа, но сестра его оттѣснила и рѣзко шепнула:

— Laissez nous tranquilles!..

Княгиня раскрыла глаза, съ испугомъ устремила ихъ на сына, и опять потеряла сознаніе.

Черезъ нѣсколько секундъ она пришла въ себя. Двѣ горничныя повели ее въ спальню въ сопровожденіи дочери и Качкова.

Шелонинъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, гдѣ Люлю оттолкнула его отъ матери. Точно будто онъ предвидѣлъ, что подобная сцена должна была случиться.

Гильзенъ взялъ его за руку и свелъ въ цвѣтникъ.

— Послушай, Grégoire,—началъ Гильзенъ съ легкой ироніей въ голосѣ,—ты ведешь себя совершенно polizeiwiedrig, какъ нѣмцы говорятъ... Et ce qui pis est, tu es souverainement ridicule!..

— А чтó я сдѣлалъ?—искренно спросилъ Шелонинъ.

— Что это за манера!.. tu intimides ta mère... точно ты въ какомъ-то Ambigu-Comique... Лю-без-ный другъ!.. Это не gentleman-like... Какое намъ дѣло до...

— До чего?—вдругъ вскричалъ Шелонинъ. Глаза его заблистали, щеки мгновенно покрылись краской и руки сдѣлали такой выразительный жестъ, что Гильзенъ попятился.

— Tout beau, mon prince, tout beau!—горломъ засмѣялся онъ,—je ne suis ni pour la boxe, ni pour le pugilat.

Но Шелонинъ наступалъ на него, и съ дрожащей нижней губой, задыхаясь, глухо кричалъ:

— Ни одного слова больше!.. Ни одного, Гильзенъ, ни одного звука!.. Слышишь!

— Mais tu es cocasse! Parole!

Орестъ Өедоровичъ старательно отступалъ по дорожкѣ, махая рукой и съ безпокойствомъ поглядывая на Шелонина, круто повернувшаго къ выходу. Когда тотъ скрылся за кустомъ, онъ по-

правилъ лацканъ визитки и, переведя духъ, развелъ даже обѣими руками.

XXXVI.

Припадокъ княгини ничего серьёзнаго не вызвалъ; но она не вышла на другое утро къ завтраку. Посылать нарочнаго за докторомъ она не позволила; Шелонина не пустили къ ней, сказавши, что княгиня почиваетъ, когда онъ хорошо зналъ, что тамъ и Люлю, и Качковъ. Онъ не сталъ настаивать. Его влекло на порядокъ, къ избѣ Фарафонтьевыхъ. Къ полдню ждали слѣдователя и лекаря. Въ одиннадцать часовъ Шелонинъ уже шелъ на порядокъ, и, повстрѣчавшись на дворѣ съ Гильзеномъ, молча поклонился ему. Тотъ тоже ограничился молчаливымъ поклономъ. Со вчерашняго вечера онъ началъ не на шутку побаиваться своего бывшаго пріятеля.

Первымъ прибылъ въ телѣжкѣ слѣдователь, очень юный и сухопарый блондинчикъ, въ фуражкѣ съ форменнымъ зеленымъ околышемъ и въ сѣромъ люстриновомъ сакъ-пальто. Онъ, заикаясь отъ застѣнчивости, отрекомендовался Шелонину «кандидатомъ правъ Пестиковымъ». Въ рукахъ у него свернута была въ трубочку какая-то жидкая книжка, куда онъ безпрестанно заглядывалъ, какъ только приступилъ къ дѣлу. Не трудно было распознать въ немъ еле-вылупившагося птенчика. За то пріѣхавшій послѣ него уѣздный врачъ оказался матерымъ и ни передъ кѣмъ не стѣсняющимся. Обслѣдованіе и вскрытіе трупа лекарь Говорыжкинъ произвелъ самъ, духомъ, безъ помощи фельдшера, и съ такимъ азартомъ дѣйствовалъ онъ своими красными, по локоть засученными руками, что понятые чуть не крестились отъ страха. Оглушительно кричалъ онъ имъ:—видѣли, православные? взмахивалъ ножомъ, и, не дожидаясь отвѣта, принимался рѣзать дальше. Въ большой рѣзнѣ и надобности не было; но лекарь любилъ, должно быть, показать свою удаль, особливо передъ хорошей публикой. Съ Шелонинымъ онъ очень развязно познакомился, и ему первому дѣлалъ демонстраціи цвѣтистымъ слогомъ, послѣ чего уже обращался и къ «православнымъ». Слѣдователь все время стоялъ въ своей форменной фуражечкѣ и сак-пальто, съ книжкой въ рукѣ, и вычитывалъ оттуда параграфы, отмѣчая нѣкоторые карандашикомъ. Все это происходило на дворѣ,—между мшенникомъ и избой, въ душномъ воздухѣ, съ рѣзкими полосами солнца, прорывавшагося сквозь дырявую крышу и падавшаго во всѣхъ направленіяхъ и на кровавый трупъ, и на

группу понятыхъ, и на угрястое, широкое лицо лекаря и на пестрыя юбки бабъ, заглядывающихъ боязливо въ калитку.

Съ неистощимымъ интересомъ слѣдилъ Шелонинъ за каждымъ эпизодомъ медицинскаго осмотра и вскрытія.

Когда, наконецъ, лекарь Говорыжкинъ крякнулъ и потребовалъ воды умыть руки, Шелонинъ спросилъ его:

— Всего одинъ ударъ былъ?

— Положительно!—точно выпалилъ лекарь, и прибавилъ еще энергичнѣе:—безусловно смертельный.

— Безусловно?—переспросилъ Шелонинъ.

— Безусловно!—съ какой-то игрецкой интонаціей повторилъ лекарь и началъ умываться.

Слѣдователь все время безмолвствовалъ, и только маленькая его головка робко двигалась въ тугихъ воротничкахъ отъ понятыхъ къ лекарю, отъ лекаря къ мертвому тѣлу. Его точно преисполняла одна забота: не издать ни одного звука, не сдѣлать ни одного жеста, не занесеннаго въ ту книжечку, которую онъ держалъ въ лѣвой рукѣ.

Когда очередь дошла и до него, Шелонинъ подумалъ: «этотъ Устинью не припутаетъ». И въ самомъ дѣлѣ, кандидатъ правъ Пестиковъ не пошелъ глубже отвѣтовъ Епифана, вертѣвшихся на одной фразѣ:

— Нелюбъ былъ.

Скажи Шелонинъ слово,—и птенчикъ не сталъ-бы пожалуй допрашивать и Устинью. Она со вчерашняго вечера такъ измѣнилась, что Шелонинъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Десятникъ ввелъ въ избу чуть не сгорбленную старуху съ землистымъ лицомъ и впадинами на щекахъ.

Затаивъ дыханіе, ждалъ Шелонинъ отвѣтовъ Устиньи. Онъ къ ней не ходилъ до слѣдствія; да и тутъ внутренній голосъ говорилъ ему, что его присутствіе тяготитъ ее.

«Нужды нѣтъ, подумалъ онъ, при мнѣ она ничего не скажетъ».

Онъ страшился ея признанія, точно собственнаго позора. Заикнись она о своихъ отношеніяхъ къ Ванькѣ Безпалому, онъ-бы прервалъ ее и крикнулъ, что она не въ своемъ умѣ. И когда по первымъ отвѣтамъ Устиньи онъ увидѣлъ, что она себя не выдастъ, защищая, какъ умѣетъ сына, онъ промолвилъ про себя:

«Ну да, ну да, она не можетъ иначе вести себя». И тотчасъже послѣ того, ежесекундно загоралось въ немъ желаніе сбить ее вопросами и доказать, что она лжетъ, что Епифанъ убилъ Ваньку не по «неразумію», не «по насердкамъ, какъ дитя ма-

лое», а потому, что онъ не стерпѣлъ въ домѣ нахальнаго дружка своей матери...

Господинъ Пестиковъ старательно записывалъ отвѣты Устиньи, и когда всѣ «пунктики» были имъ исчерпаны, стыдливо и кротко спросилъ:

— Больше вы никакого показанія дать не имѣете?

И сдѣлалъ знакъ рукой десятнику, чтобы увели Устинью.

Шелонинъ началъ бояться сосѣдскихъ показаній; но никто ничего не сболтнулъ: тутъ нельзя было не видѣть «министерской» руки Веденея Гусева. Устинья осталась на порукахъ.

Никѣмъ незамѣченный вернулся Шелонинъ въ свою комнатку. Било шесть часовъ. Молодые люди уже отобѣдали и сидѣли на террассѣ.

XXXVII.

Шелонинъ не чувствовалъ голода, хотя съ утра ничего не ѣлъ. Проходя съ часъ спустя мимо пустой столовой, онъ подумалъ—«вѣдь, кажется, я не обѣдалъ», но это не заставило его распорядиться, чтобы ему подали чего-нибудь.

Корридоръ велъ мимо столовой къ площадкѣ, отдѣлявшей спальню отъ уборной. Шелонинъ завернулъ въ дѣвичью: узнать, какъ чувствуетъ себя княгиня. Онъ нашелъ тамъ обѣихъ горничныхъ, Машу и Таню, очень накрахмаленныхъ дѣвицъ, игравшихъ постоянно въ «барышень».

На вопросъ его: «гдѣ княгиня и какъ она себя чувствуетъ», Маша, какъ ходившая за княжной, ничего не сказала, а Таня жеманно отвѣтила:

— Княгиня у себя-съ... Головка болитъ... книжку читаютъ.

Этимъ отвѣтомъ онъ, какъ будто, удовольствовался и пошелъ дальше по корридору. Къ матери онъ не хотѣлъ заходить; но дорога къ заднему крыльцу вела черезъ площадку. На ней было темновато; только изъ полуотворенной угловой двери, открывавшейся въ прихожую задняго крыльца, ложился свѣтъ яркой желтокрасной полосой.

— Куда вы?—окликнулъ Шелонина голосъ, заставившій его остановиться.

Въ дверяхъ спальни, держась за ручку лѣвой рукой и лицомъ къ Шелонину, стоялъ Качковъ. Румяныя его щеки такъ и лоснились, монокль торчалъ въ глазу задорнѣе обыкновеннаго, правая нога рѣзко выставилась впередъ, и воротъ его цвѣтной

рубашки, вырѣзанный въ уровень съ прикрѣпленіемъ ключицъ, цинически-франтовато обнажалъ округлости его полной шеи.

— А вы куда?—спросилъ, въ свою очередь, Шелонинъ, чувствуя, какъ у него застучало въ вискахъ.

— Я отъ княгини-съ,—нестерпимо-рѣзкой нотой отвѣтилъ Качковъ, прислоняясь спиной къ двери и какъ-бы желая показать, что онъ въ нее никого не пуститъ:—она лежитъ, и безпокоить ее не слѣдуетъ-съ!..

Кровь не бросилась въ лицо Шелонина, а напротивъ, отхлынула куда-то. И въ головѣ, и въ груди онъ ощутилъ холодъ и пустоту. Точно всѣ нервы вытянулись и застыли въ одномъ порывѣ ѣдкой, сосредоточенной, неумолимой ненависти. Но голова задержала всякое движеніе и не дала схватить за горло эту ненавистную розовую куклу.

«Ты теперь не покончишь съ нимъ», пронеслось въ ней.

Глаза его посмотрѣли внизъ: въ рукахъ у него ничего не было, рукопашная схватка ни къ чему-бы не привела, кромѣ жалкаго скандала... Все это также быстро и отчетливо прошло по мозгу. Но видно и Качковъ увидалъ въ глазахъ Шелонина что-нибудь недоброе: онъ какъ-то весь съёжился и съ остаткомъ нахальной усмѣшки на красныхъ губахъ держался за ручку съ худоскрываемой напряженностью.

Ни одного звука не вырвалось у Шелонина. Онъ повернулъ вправо, къ прихожей задняго крыльца, такимъ движеніемъ, точно внутри кто правилъ имъ, какъ автоматомъ. Шагъ его не замедлился и не ускорился, голову держалъ онъ прямо, дыханіе стало ровнѣе.

Онъ пошелъ въ поле походкой человѣка, дѣлающаго свою обычную вечернюю прогулку.

Дорога вела черной пыльной полосой между десятинами гречи и проса; а нѣсколько поодаль, на легкихъ неровностяхъ черноземной степи, золотилась уже совсѣмъ готовая къ жнитву рожь. Было гораздо прохладнѣе, чѣмъ наканунѣ. Кое-гдѣ по небу надвигались лиловыя облочка, вытягиваясь вдоль румянаго заката.

Все прямо шелъ Шелонинъ, не мѣняя походки, и съ неизвѣданнымъ дотолѣ безстрастіемъ разбиралъ то... что́ онъ могъ сдѣлать съ Качковымъ:

«Вызвать его, подсказывалъ онъ самъ себѣ, взять господина *фонъ*-Гильзена въ секунданты?..»

Усмѣшка подернула его губы, а потомъ онъ громко расхохотался.

— Развѣ это мыслимо?! вслухъ воскликнулъ онъ, и замедлилъ ходъ.

«А чѣмъ-же?» спросилъ онъ себя черезъ пять минутъ, на поворотѣ въ пшеничное поле, отливавшее сизыми волнами колосьевъ.

«Револьвера у меня нѣтъ...»

Лобъ его нахмурился, явилось явственное выраженіе досады, но морщинки стали сходить понемногу. Чрезъ новыхъ пять минутъ онъ уже съ яснымъ, но точно во что упирающимся взглядомъ, выговорилъ про себя:

«Вотъ топоръ такъ не трудно достать... Епифанъ взялъ и покончилъ».

Когда эти слова беззвучно шевелились на его губахъ, онъ увидалъ себя опять на площадкѣ въ ту минуту, какъ его окликнулъ Качковъ. Всецѣлая повелительная мысль наполняла его тогда:

«Уничтожь его!»

Повинуясь ей, онъ какъ автоматъ пошелъ своей дорогой: въ ту минуту уничтожить нельзя было. Цѣлыя сутки передъ тѣмъ грызло его сознаніе, что вотъ Епишка нашелъ-же исходъ своей обидѣ; а онъ—изнываетъ только въ безсильныхъ терзаніяхъ... Сутки эти сдѣлали свое... Онъ совсѣмъ-было подошелъ къ *выводу*, онъ собирался въ поле додумывать свою думу, какъ вдругъ *тотъ* предсталъ передъ нимъ, чтобы дать ему послѣднее, роковое ощущеніе.

Все это Шелонинъ еще разъ заново переживалъ. Голова работала у него теперь надъ средствами; а сама мысль давно перестала ужасать его. Еслибъ кто-нибудь, проникнувъ къ нему въ душу, вскричалъ:

— Но во имя чего-же? Кто сдѣлалъ васъ судьей и палачомъ? Чтó смоете вы этой кровью? —

Шелонинъ не понялъ-бы, пожалуй, такихъ вопросовъ.

Онъ повиновался тому-же повелительному голосу, какой бросаетъ человѣка въ рѣку, или на мостовую съ высоты пятаго этажа: выводъ сдѣланъ, ни на какой вопросъ отвѣта уже нѣтъ.

. . . .

Еще медленнѣе возвращался Шелонинъ къ усадьбѣ. Почти стемнѣло. Опять запахло коноплей... У ограды онъ пріостановился, снялъ шляпу, поглядѣлъ на часы и подумалъ:

«Пора спать... а завтра къ ней».

Къ кому?—Къ ней, къ Устиньѣ... Онъ далъ ей цѣлыя сутки—не трогалъ ее; но дальше онъ не могъ вытерпѣть. Она должна говорить съ нимъ. Не можетъ она не чувствовать жажды въ

горячей исповѣди. Нужды нѣтъ, что онъ — ея молочный сынъ. Она вѣдь крестьянка, ей не знакомы нравственныя тонкости... А кто же, какъ не онъ, выслушаетъ ее? И бояться ей нечего: она въ немъ имѣетъ сообщника.

«Чѣмъ свѣтъ», проговорилъ Шелонинъ, поглядѣвъ еще разъ на часы, и прошелъ прямо къ себѣ наверхъ.

Въ залѣ все уже было полно руладъ Качкова.

XXXVIII.

Встать раньше мужиковъ трудно. Когда Шелонинъ вышелъ за ограду господскаго дома, думая, что на селѣ все еще спитъ, ему попалось нѣсколько телѣгъ съ мужиками и двѣ-три пѣшихъ бабы.

Всѣ они ему поклонились. Онъ какъ-бы съ неохотой отвѣчалъ на ихъ поклоны. Точно ему хотѣлось пробраться къ избѣ Фарафонтьевыхъ никѣмъ незамѣченнымъ.

На первомъ порядкѣ, по которому пришлось ему пройдти, стоялъ, наискосокъ противъ церкви, кабакъ, еще сохранившій ту внѣшность, когда закоптѣлыя вывѣски украшались орломъ, и подъ словами «питейный домъ» стояло неизмѣнное прибавленіе: «съ продажею пива и меда».

Кабакъ былъ уже открытъ. Шелонинъ, не доходя шаговъ двадцати, увидалъ, какъ съ крылечка сошла, должно быть, жена кабатчика—толстая баба, одѣтая мѣщанкой, а за ней слѣдомъ больше выскочилъ, чѣмъ вышелъ, приземистый мужикъ въ заломленой на ухо шляпенкѣ, въ потертой синей поддевкѣ, какую носятъ обыкновенно ямщики и мелкіе барышники, и въ стоптанныхъ сапогахъ. Онъ разводилъ руками и что-то такое просительно говорилъ бабѣ, а та только махала отрицательно головой и, грузно спустившись по ступенькамъ крылечка, отправилась въ хлѣвъ.

— Аспиды!—хрипло и смѣшливо крикнулъ приземистый мужикъ, и весь обернулся въ сторону Шелонина. Солнце такъ и обдало его пеструю фигуру.

Нельзя было Шелонину не узнать коновала Акима Терентьева, мужа Устиньи. Онъ слишкомъ хорошо помнилъ его низменное плечистое туловище на кривыхъ ногахъ, и красное, изрытое линіями, вѣчно хихикающее лицо, какія попадаются только между итальянскими паяцами, и мелкіе густые кудерьки съ просѣдью, придававшіе ему особую, тоже совсѣмъ не крестьянскую,

моложавость. Новаго въ Акимѣ было одно: незаживішій еще вполнѣ кровавый шрамъ съ подтекомъ—на лѣвой щекѣ: подарокъ чьего-то лошадинаго копыта. Это багрово-бурое пятно еще больше придавало его лицу форму и рѣзкость грубо-размалеванной маски.

Миновать Акима Шелонину нельзя было, да онъ и не думалъ уклоняться отъ этой встрѣчи.

Акимъ, пославъ кабатчицѣ еще нѣсколько привѣтствій, тотчасъ же призналъ молодого князя, весь какъ-то присѣлъ, всплеснулъ руками и ринулся къ нему съ явственнымъ намѣреніемъ приложиться къ плечику или къ ручкѣ.

Шелонинъ остановилъ его рукой и поздоровался съ нимъ наклоненіемъ головы.

— Княженькѣ!.. Отъ Акимки Фарафонтьева низменный поклонъ!—выговорилъ полусмѣясь, полуплаксиво, Акимъ, взявъ свою шляпенку обѣими руками и опустивъ ее ниже пояса, гдѣ у него болтались кое-какіе коновальные снаряды.

— Ты куда? — спросилъ его Шелонинъ, останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ крылечка.

— Некуды мнѣ таперича идти, княженька... Нѣшто твое сіятельство не знаетъ, чево у меня женушка-то натворила?.. Вотъ я и пришелъ къ этимъ аспидамъ опохмѣлитьси.

— Съ горя?—подсказалъ Шелонинъ.

— Съ горя... Нѣтъ не съ горя, князь ваше сіятельство! Это мужикъ-дуракъ брешетъ—съ горя, а Акимкѣ штó!.. Опохмѣлитьси слѣдуетъ; а горевать тутъ нечà.

— Какъ же нечего Акимъ,—возразилъ Шелонинъ,—у тебя сынъ въ Сибирь уйдетъ, а тебѣ все равно.

— Ктой-то брешетъ—все едино?.. Я, вишь, въ самый разъ отъявилси... Планида!.. Сколько дёнъ пропадалъ, а тутъ — какъ листъ предъ травой... Епишку мнѣ жаль, хоша онъ все изъ-за мамыньки своей любезной злобу ко мнѣ имѣлъ, а вотъ она ему и наклала теперь...

— Чтó ты болтаешь,—рѣзко перебилъ Шелонинъ,—Устинья ни въ чемъ невиновна.

— Княженька-баринъ, младъ ты еще: ты дай мнѣ холопу супротивъ тебя говорить... Тихоня-баба—сама сатана... Незамай... кормилка она твоя... а все скажу: въ потихоняхъ—чортъ сидитъ, да... Батрака взяла, съ нимъ сгулялась... али нѣтъ?.. Видитъ: онъ до дѣвокъ охочъ, она Епишку и подослала съ топоромъ. Вотъ тебѣ и вся прокураціа!.. А ты думалъ какъ?..

Акимъ, все еще со шляпой въ обѣихъ рукахъ, откинулся назадъ и, прищуривая глаза, кривя ротъ и щеку, тряхнулъ кудрями.

— Полно, Акимъ,—строже выговорилъ Шелонинъ.

— Да я нѣшто варваръ? — крикнулъ Акимъ и хрипло засмѣялся. — Буянъ Акимка — точно; а не варваръ... И не злодѣй я родному дѣтищу... Судебный допросъ держалъ, сказывали мнѣ, да у него, слышь, молочишко еще не обсохло, гдѣ слѣдственно... а я ему таперь вверну словечко.

— Что-жъ ты будешь показывать?

Шелонинъ отошелъ отъ кабака, уводя за собой Акима къ церковной оградѣ.

— Показывать што буду? — переспросилъ Акимъ, подбоченясь,—а такъ и скажу: ее, молъ, тащи, куда слѣдоваетъ, а Епишку ослобони, штó онъ, што овца неразумная—все едино.

Выговоривъ это, Акимъ заглянулъ въ лицо князя и захихикалъ носомъ, откинувъ опять голову назадъ.

— Аль жалко дюже кормилку-то, княженька, ваше сіятельство?.. Акимка тутъ передъ тобой выплясываеть, а въ горлѣ-то у нево такъ и жже, такъ и жже...

«Подкупать я его стану, что-ли?» подумалъ въ смущеньи Шелонинъ, и, тронувшись съ мѣста, строго вымолвилъ:

— Показывай по совѣсти, это твое дѣло.

— Да ты, княженька, куды собрался въ такую рань? Ась?.. Къ моей вѣдьмѣ кіевской. Какъ пить дать, туды!.. Вишь, въ какую честь вошла... а муженьку и чарочки не припасено... Хошь бы двѣ семиточки...

«Подкупить» надо было. Деньги Шелонинъ захватилъ: онъ вѣдь шелъ къ Устиньѣ на послѣднее свиданіе. Акимъ могъ увязаться за нимъ и разрушить все то, чего онъ такъ страстно дожидался вплоть до разсвѣта.

Молча и даже отвернувшись въ сторону, сунулъ онъ бумажку въ руку Акима и быстро удалился.

Коновалъ разжалъ кулакъ, поглядѣлъ въ него, заломилъ шапку на ухо и затянулъ во все горло:

— Во здравіе болярина Григорія, за упокой души раба Ивана... Маршъ!.. — Послѣ чего, въ припрыжку, побѣжалъ къ кабаку.

XXXIX.

Вчера у Шелонина была одна страстная забота: выгородить, во что бы то ни стало, Устинью; сегодня пьяный коновалъ, выманивая у него «двѣ семитки»—опохмѣлиться, отрезвилъ его самого, показавъ, какъ несчастный Епишка былъ принесенъ въ жертву личному чувству барина, совсѣмъ непричастнаго къ дѣлу.

«Вѣдь его оправдаютъ, быть можетъ», подумалъ Шелонинъ, замедляя свою походку, «если обнаружится настоящая правда?..»

Ни разу этотъ вопросъ не представился ему вчера.

«А чтó-жъ ей будетъ, самой Устиньѣ», продолжалъ онъ, «еслибы и оказалось по дѣлу, что она... была въ связи съ работникомъ... Ничего! Она не отвѣтчица, въ преступленіи она не участвовала...»

Ему становилось еще жутче отъ новыхъ наплывовъ раздумья, сквозь которые прорывалось неудовлетворенное желаніе, поднявшее его чуть свѣтъ—быть скорѣе наединѣ съ кормилицей.

Изъ-за угла показалась изба Фарафонтьевыхъ. Шелонинъ оглянулся: порядокъ былъ совсѣмъ пустъ. Приблизившись къ крылечку, онъ не рѣшился сразу подняться на него и постучать въ дверь. Онъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ. Направо мшенникъ стоялъ отворенный. Шелонинъ заглянулъ туда. Лужа крови все еще обозначалась на прибитомъ земляномъ полу. Кровавыми пятнами покрыта была и вся койка. Безъ мертваго тѣла эта полутемная конура еще ярче говорила о смерти. Только прохладно было въ ней и кровью уже такъ не пахло.

Не успѣлъ Шелонинъ заглянуть поглубже во дворъ, какъ съ задняго крыльца показалась Устинья.

Она вышла подоить коровёнку... Онъ тихо, но явственно окликнулъ ее.

Пугливо оглянулась она. Горшокъ чуть не выпалъ у ней изъ рукъ. Она тихо вскрикнула и, вмѣсто того, чтобы идти къ нему, присѣла на площадку крылечка. На Устиньѣ былъ ситцевый повойникъ и чистая понява. Лицо ея не смотрѣло уже такимъ землистымъ и старушечьимъ, какъ вчера.

Ускоренными шагами подошелъ къ ней Шелонинъ, нагнулся, взялъ ее за плечи и поцѣловалъ въ лобъ.

Она тихо заплакала, безъ словъ, и стала также тихо утирать глаза рукавами.

— Одна ночевала?—спросилъ ее Шелонинъ.

— Одна, Гришенька... Епишу увели, и ко мнѣ караульныхъ

приставили, да они до свѣту продремали... Нѣшто я уйду, куда мнѣ идти?

— Въ избу можно?

На вопросъ Шелонина, выговоренный имъ съ пониженіемъ голоса, Устинья вскинула на него своими задушевными, еще непотухшими глазами, и такъ же тихо, какъ и онъ, отвѣтила:

— Какъ тебѣ угодно.

Онъ помогъ ей привстать. Въ избѣ они сѣли на первую, отъ двери, скамью. Устинья тяжело дышала, и точно какія струйки чуть замѣтныхъ нервныхъ движеній бороздили ея впавшія щеки.

Шелонинъ опять началъ узнавать свою прежнюю кормилицу: Устинья не плакала по-бабьи. Ея горе проявлялось съ той мягкой выдержкой, какую онъ всегда видѣлъ или узнавалъ въ ней.

— Гришенька, — чуть слышно вымолвила она, — мое сердце ровно чуяло, што ты придешь ко мнѣ. Вчерась, — продолжала она погромче, — передъ слѣдственнымъ-то мнѣ больно ужъ жутко стало... на тебя глядючи... Я большой грѣхъ на душу взяла... совсѣмъ было Епишу загубила...

— Какъ же такъ, кормилица? — прервалъ Шелонинъ, тайно догадываясь, куда шла рѣчь Устиньи.

— А какъ же? Мнѣ, окаянной, нѣшто слѣдъ такъ себя выгораживать? Сраму на себя не желала взять, а сына роднова оговорила.

Устинья откинула въ бокъ голову и пристально поглядѣла на Шелонина. Въ глазахъ его сквозила не меньшая тревога, чѣмъ на ея измученномъ и глубоко-женственномъ лицѣ. Потомъ она припала къ его плечу и мгновенно опустилась на полъ... Голова ея скатилась на его колѣни.

Задержанныя, жалобныя рыданія раздались точно откуда издали.

«Это была правда», промолвилъ мысленно Шелонинъ, и тотчасъ ощутилъ такой наплывъ сочувственной нѣжности, такую сыновнюю и человѣчную жалость къ этой убитой, рыдающей крестьянской бабѣ, что вся его личная злоба, все то ядовитое любопытство, которое привело его сюда, точно канули куда-то безвозвратно.

Устинья не долго рыдала. Шелонинъ молчалъ. Онъ кротко дождался той минуты, когда кормилица, сидя уже рядомъ съ нимъ, выговорила медленно, какъ каются только на исповѣди:

— Я загубила Епишу, я и должна отвѣтъ держать... Нѣшто не такъ, Гришенька? — спросила она, приподнявъ на него глаза, съ какимъ-то страннымъ и неожиданнымъ испугомъ.

Онъ только опустилъ голову: выговорить «да» у него недостало силъ.

Уже не какъ слѣдователь, проникающій въ преступную душу для своей цѣли, а какъ сынъ и другъ, переживщій вдвоемъ и горе и «срамоту» страдалицы, онъ прошепталъ, точно стыдясь самаго звука своихъ скорбныхъ словъ:

— Какъ ты могла попустить себя...

Но слова эти походили на жалобу, а не на допросъ. Руки Шелонина протянулись къ Устиньѣ, какъ-бы прося за нихъ прощенія.

И, вмѣсто слезъ и покаянныхъ криковъ, Шелонинъ услыхалъ исповѣдь, въ которой его сердце чуяло такую же исповѣдь другой женщины, связанной съ нимъ еще болѣе кровными узами...

— Слѣдственному я скажу, — говорила точно про себя Устинья,—въ чемъ мой грѣхъ былъ, — пущай и мнѣ съ Епишей одна дорога!.. А съ тобой, Гришенька, я ровно на духу... легко мнѣ таково... ей-и-Богу... Вся-то моя срамота такъ и видитси мнѣ... съ эстого самаго мѣста. Та же я Устинья, и не та... Жила двадцать-пять годовъ по-Божьи, а тутъ взяла да и наплевала на все житье свое честное... Статошное ли дѣло, Гришенька?.. А такъ оно вышло... И какъ вышло-то?.. Ты мнѣ, Гришенька, повѣришь, я знаю, потому мнѣ и легко съ тобой... Вотъ эти-то двадцать-пять годовъ, когда я по честному-то жила, и стали меня душмя душить...

XL.

Устинья перевела духъ, отерла рукавомъ остатки слезъ и дотронулась рукой до плеча своего молочнаго сына.

Шелонинъ нарочно закрылъ глаза, чтобъ не глядѣть ей въ лицо и не пропустить ни одного ея слова.

— Да, Гришенька, честное мое житье меня душить стало... Было это великимъ постомъ... Муженекъ-отъ мой ввалилси въ избу пьяный-распьяный, съ кулаками на меня лѣзетъ... Епиша вступилси... чуть до убойства у нихъ не дошло... насилу мы Акима спровадили... И рай оно въ первой такъ было; а вдругъ меня съ того случаю ровно всю перевернуло... Какъ, молъ, ты жила дура, двадцать-пять годовъ съ такимъ сахаромъ?.. Вѣдь ты и младость свою, и дѣвичью красу, и все загубила... И такъ-то меня можжитъ, такъ-то можжитъ, ненàвисть разбираетъ... и на Епишу-то я не гляжу... Онъ ко мнѣ ластится, а я его прочь

гоню... Этакъ до самой святой промаялась... руки на себя наложить хотѣла, вотъ-те хрестъ!.. Акимъ-то Ваньку и привелъ... я, молъ, въ полѣ не работникъ; вотъ я батрака нашелъ... Я ничево, не то штобъ помыселъ у меня въ тѣ поры грѣшный былъ; а обрадовалась я, што вотъ хошь живой человѣкъ въ избѣ будетъ, не старый хрычъ, аль пьяница... я, молъ, его приголублю маленько, а то у насъ какое житье, сами съ хлѣба на квасъ перебиваемси... Такъ и почала его жалѣть, жалѣла, жалѣла все, да и не взвидѣлась, какъ Ванька ужъ мной командовать почалъ...

Послѣднія слова Устинья выговорила съ какимъ-то удивленіемъ: точно теперь только она поняла, какъ это было чудно́.

— Командовать почалъ,—повторила она болѣе тихимъ голосомъ,—и я передъ нимъ ровно раба какая... Гришенька, пойми ты это: въ себя-то придти не могу: только въ головѣ держу: какъ бы ему чѣмъ ни есть угодить, дороже онъ мнѣ сталъ родного дѣтища... Епиша это въ тотъ же часъ учуялъ... сердцемъ учуялъ, а не разумомъ... Не то, штобы онъ мнѣ опостылѣлъ, Епиша-то, а нѣтъ у меня къ нему прежней ласки... какъ ни нудила себя— нѣтъ!.. Грѣхъ-отъ промежду нами легъ, срамъ-отъ мой... ну, и нейдутъ слова отъ души... И онъ все понурый ходилъ... Давно ужъ я подмѣчать стала... Помнишь, въ тѣ поры, какъ ты пришелъ, кваскомъ-то я тебя поила. Епиша Ванькина духу не терпѣлъ ужъ... А деньковъ десять штоль прошло—и стряслась бѣда...

— Ты не думала, что этимъ кончится?—спросилъ Шелонинъ.

— Охъ, Гришенька... боялась я и денно и нощно, кабы чево не вышло промежъ ребятъ, ну, а все не смертоубивство... Знать Епишѣ горько было, знать горько!.. Да и какъ стерпѣть!— воскликнула Устинья и подняла вверхъ правую руку сильнымъ и выразительнымъ жестомъ.

— Трудно,—чуть слышно выговорилъ Шелонинъ.

— Обида нестерпимая, Гришенька... Коли мать свою такъ любишь, какъ онъ меня любилъ... Тотъ же парень шустрый, нравный, на языкъ и на руку скорый... А можно-ль и его было казнить, Ивана-то? Я, окаянная, всему этому дѣлу заводчица!.. Иванъ-ли, другой-ли кто въ его порѣ,—все едино, сталъ бы также куражитьси, видимши, какую онъ надо мной власть взялъ...

Немного помолчавъ, Устинья добавила:

— Вѣдь это мы съ тобой такъ разумѣемъ; а войди-ка ты въ душу мого безталаннаго Епиши... Нѣшто ему можно было стерпѣть?.. Младенецъ, какъ есть младенецъ, и такая ненáвисть въ немъ объявилась...

Низко опустила голову Устинья. Никакими вопросами не

хотѣлъ тревожить ее Шелонинъ... Какое-то опять новое чувство признательности наполняло его въ эту минуту... Но онъ не могъ высказать кормилицѣ, что̀ она дала ему своей исповѣдью, отъ чего отвратила его руку, какъ озарила его пониманіе...

Безъ словъ обнялъ онъ ее, и она отдалась съ лаской и стремительностью нервной и чуткой души, этому всепрощающему объятію...

— Прости мнѣ, Гришенька, Христа-ради, — прошептала Устинья, съ трудомъ отрывая голову отъ его плеча.

Когда Устинья встала, другое, спокойное и строгое настроеніе озарило ея черты.

— Къ Епишѣ пойду,—выговорила она твердо и громко,— повинюсь на судѣ во всемъ, а тамъ, какъ Господь, здѣсь я не жилица.

И съ невольной дрожью оглянула она избу.

Шелонинъ, молча, преклонился передъ голосомъ ея совѣсти.

. . . .

Было все еще рано, когда онъ, придя къ себѣ, ста̀лъ у окна и оглядывалъ дворъ своей родной Шелонихи, празднично блиставшій на солнцѣ, точно онъ мысленно прощался съ нимъ.

И дѣйствительно, онъ думалъ свою прощальную думу. Не одной Шелонихѣ говорилъ онъ «прости», но всему расцвѣту своей жизни...

Озаренный и обезоруженный, вернулся онъ отъ Устиньи, съ того свиданія, въ которомъ онъ точно жаждалъ найти новые мотивы злобы и ненависти... Но примиреніе легло камнемъ на душу. Еще два-три такихъ примиренія — и жизнь предстанетъ съ холоднымъ саваномъ въ рукахъ, указывая впереди на безстрастный, суровый долгъ... на обязательное существованіе среди могилъ, гдѣ зарыты, одни за другими, всѣ упованія молодого сердца...

Къ переднему крыльцу подвелъ кучеръ верховую лошадь. Минутъ черезъ пять выскочилъ Поль и молодцовато сѣлъ въ сѣдло. Шелонину видна была эта фигура во всѣхъ ея выпуклостяхъ и задорныхъ краскахъ. Но ни одинъ нервъ не дрогнулъ въ лицѣ его. Мимо его окна прогарцовалъ какой-то юноша съ моноклемъ, въ большихъ сапогахъ, съ хлыстикомъ и въ шляпѣ съ синимъ вуалемъ.... Юношу этого звали Качковымъ... И все остальное представилось Шелонину... Онъ отошелъ отъ окна и выговорилъ про себя:

«Какъ они всѣ счастливы будутъ, когда я скроюсь; но куда?»

Дверь осторожно отворилась. Мальчикъ Вася, на подносѣ, подалъ ему письмо съ большой гербовой печатью, прибавивъ:

— Сейчасъ изъ города привезли-съ.

Шелонинъ узналъ руку отца своего. Они давно не переписывались. Письмо князя Дмитрія Алексѣевича изображено было на большомъ листѣ почтовой бумаги. Шелонинъ читалъ его потихоньку, и когда дошелъ до подписи, громко вздохнулъ и улыбнулся.

XLI.

Княгиня Вѣра Юрьевна сидѣла у окна въ спальнѣ, выпивъ свою утреннюю чашку кофе. Въ батистовомъ пеньюарѣ, цвѣта небѣленной пеньки, она, вся прозрачная и тонкая, съ похудѣлымъ и слегка возбужденнымъ лицомъ, казалась еще моложавѣе. Въ открытое окно тихою, незримою волной вливался утренній воздухъ, еще не накалившійся отъ полуденнаго жара, внося запахъ листвы, заслонявшей окно отъ солнечныхъ лучей.

Кто-то постучался изъ корридора. Княгиня чуть-чуть вздрогнула и тихо крикнула:

— Entrez.

Когда глаза ея, съ приподнятыми бровями, повернулись къ двери, они прямо упали на фигуру сына, остановившагося шагахъ въ пяти отъ ея кресла. Она хотѣла-было подняться, потомъ опустилась опять, глаза на секунду закрылись, и лѣвая рука вытянулась впередъ страннымъ, неувѣреннымъ движеніемъ.

Одного взгляда было достаточно Шелонину, чтобы схватить если не испугъ, то смятеніе матери.

— Здравствуй, maman,—довольно весело и даже съ улыбкой выговорилъ онъ, подходя къ креслу.

— Гриша!—быстро и нервно откликнулась княгиня, и поцѣловала его въ голову...—Садись вотъ тутъ, противъ меня.

Онъ сѣлъ на табуретъ, стоявшій у того же окна.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ.

Съ самаго припадка на террасѣ они не видались.

— Хорошо, увѣряю тебя,—отвѣтила княгиня, смѣлѣе и точно извиняясь за свое нездоровье.

Она протянула ему обѣ руки. Онъ крѣпко сжалъ ихъ... Тутъ только взглянулъ онъ прямо въ лицо матери.

И показалось ему, что лицо это дышало прежней чистотой и безпредѣльнымъ сочувствіемъ; показалось ему, что на губахъ трепетали слова горячаго изліянія, послѣ котораго все станетъ опять свѣтло и радостно...

Но все это длилось одинъ мигъ. Онъ прошелъ; уста ея не

открывались, руки не дрогнули, на глазахъ не блеснули слезы... Изліяніе было невозможно...

Шелонинъ понялъ, что мать не знаетъ: съ чего *безопаснѣе* начать съ нимъ разговоръ. Онъ высвободилъ одну руку, досталъ изъ бокового кармана письмо и, подавая княгинѣ, выговорилъ серьёзно и просто:

— Прочти вотъ это мѣсто, maman.

Княгиня прочла слѣдующія, отчеркнутыя для нея карандашемъ строки:

«Ты все еще не при дѣлѣ, Grégoire, и я тебѣ предлагаю отличиться по твоей части, comme savant, entends-tu... Здѣсь снаряжаютъ опять ученую экспедицію во вновь завоеванный край. Ничего мнѣ не будетъ стоить помѣстить тебя туда, если только ты не прочь отъ такой escapade. Лучше же хоть такимъ манеромъ отрекомендовать себя, чѣмъ безъ толку книжки читать. Коли ты согласенъ, пришли мнѣ депешу и выѣзжай, благо теперь лучшее время для вояжа. Отецъ твой никогда не переставалъ думать о твоей пользѣ, но мало за это видитъ чувства...»

Тутъ княгиня остановилась и, вскинувъ глазами на сына, спросила:

— Какъ же ты думаешь, Гриша?

— Я думаю принять предложеніе и—ѣхать.

Легкая, но замѣтная краска оживила лицо княгини. Она едва удержала въ себѣ вздохъ успокоенія и сложила руки на груди.

«Какъ она рада!» подумалъ Шелонинъ, и тотчасъ же, самымъ обыкновеннымъ тономъ, прибавилъ:

— Я полагаю, что отецъ не выдумалъ эту экспедицію... О ней писали въ газетахъ.

Въ другое время княгиня только пожала бы плечами и улыбнулась той улыбкой, какую она усвоила себѣ, говоря о князѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ, но въ эту минуту ея обрадованная мина осталась та же.

— Конечно, дитя мое,—проговорила она, слегка повернувъ голову къ окну,—тебѣ, какъ ученому... И потомъ, ты поторопилъ бы отца прислать свое согласіе на свадьбу Лидіи...

Помолчавъ, княгиня тихо воскликнула:

— Такая даль!..

Глаза ея отуманились и съ пугливой грустью остановились на сынѣ. Онъ поймалъ этотъ взглядъ, пожалъ руку матери, все еще лежавшей въ его лѣвой рукѣ, и съ неудержимымъ волненіемъ вымолвилъ:

— Мàма, скажи одно слово... Скажи, что ты хочешь этого, и я вернусь съ тобой въ Петербургъ!..

Слово «хочешь», было такъ произнесено, и такъ поглядѣлъ онъ на мать, что она съ новымъ и тягостнымъ замѣшательствомъ тихо-тихо вымолвила:

— Зачѣмъ же приносить жертвы, Grégoire... для меня.

Наступившая затѣмъ пауза была настолько томительна, что Шелонинъ, возвышая голосъ и впадая въ первоначальный тонъ, спросилъ:

— Могу я тебя просить о двухъ вещахъ...

— Говори, говори, Гриша,—уже съ нескрываемой радостью вскричала княгиня.

— Устинья...

— Чтó она?

Краска сильнѣе зарумянила щеки княгини.

— Она хочетъ идти за сыномъ... На это необходимо согласіе мужа... Надо заплатить ему... и ее не оставить, maman.

— Слушаю, Grégoire, я это исполню.

— И еще... давнишнее твое обѣщаніе...

— Какое?

— На счетъ школы.

— Да, да, какъ тебѣ угодно.

Оправившись немного, княгиня выпрямилась въ креслѣ и веселѣе сказала:

— Ты еще, кажется, не поздравилъ... нашихъ fiancés... Будь съ ними поласковѣе... Да вотъ и они,—вскричала она, выглянувъ въ окно...—Ты позволишь ихъ позвать сюда?..

— Пожалуйста!—откликнулся Шелонинъ, и отошелъ къ кушеткѣ.

Позванные княгиней, Люлю и Гильзенъ явились подъ руку изъ гостиной.

Шелонинъ первый подошелъ къ нимъ и пожалъ имъ руки.

— Maman мнѣ напомнила,—началъ онъ, обращаясь къ нимъ обоимъ,—что я совсѣмъ забылъ васъ поздравить...

— Съ чѣмъ?—бойко спросила Люлю.

— Ceci est peu flatteur pour moi!..—засмѣялся въ горло Гильзенъ, и все еще не совсѣмъ увѣренно поглядывая на товарища, прибавилъ: — distraction de philosophe cher, ça ne compte pas...

— Ахъ, какъ ѣсть хочется!..—кинула Люлю, и даже топнула ногой.—Maman, кого мы ждемъ?..

— Поль еще не вернулся...—какъ-то мимоходомъ замѣтила княгиня.

— А тебѣ хочется ѣсть, Гриша?—продолжала Люлю.

— Ужасно!—отвѣтилъ онъ, и тутъ только сообразилъ, что онъ вчера ничего не ѣлъ.

— Eh bien! Soyons fidèles à l'adage de nos pères,—провозгласилъ Гильзенъ:—семеро одного не ждутъ!.! A table, mesdames et messieurs!..

Шелонинъ пошелъ за проголодавшейся парой и подалъ руку матери.

XLII.

На третій день подъ вечеръ, на своей любимой скамьѣ Шелонинъ сидѣлъ недвижно, глядя на розоватые проблески солнца въ листвѣ сирени и бузины. Небольше двухъ недѣль прошло съ того утра, какъ онъ въ первый разъ, въ этотъ пріѣздъ, зашелъ въ цвѣтникъ и ждалъ на своей скамейкѣ, когда откроется завѣтное окно спальной.

Какихъ-нибудь двѣ недѣли—и все такъ стремительно, такъ безвозвратно измѣнилось!.. Но полно, такъ ли? Гдѣ же эта перемѣна? Въ немъ одномъ, а все остальное идетъ по прежнему... *Онъ* одинъ мѣшалъ общей жизни, *его* фигура смущала довольство и радости обитателей Шелонихи...

А какъ имъ легко и весело теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ ѣдетъ, и далеко ѣдетъ, такъ что и тамъ, въ Петербургѣ, не нарушитъ теченія того, чтó другъ-Гильзенъ называетъ «le petit bonhomme de train».

И точно въ отвѣтъ на эту думу отчужденія и одиночества, послышались изъ гостиной раскаты говора и громкаго смѣха.

«Завтра еще веселѣе будетъ, безъ меня», подумалъ онъ, и новая чуть-замѣтная черта горечи легла у него около рта.

— Ты здѣсь, Grégoire!—окликнулъ его голосъ Гильзена, спускающагося съ террасы.—Вѣчно забьешься... Можно присѣсть и закурить?

Орестъ Ѳедоровичъ былъ краснѣе обыкновеннаго. За обѣдомъ Качковъ все подливалъ ему домашней водянки.

— Садись, садись,—пригласилъ Шелонинъ, и отодвинулся на скамьѣ.

— Frère Grégoire-l'hermite!.. Такъ-бы тебя слѣдовало прозвать... Право, любезный другъ, у тебя въ головѣ какой-то

электрическій снарядъ. Пафъ! и выкинешь штуку... Décidément on ne sait sur quel pied danser avec toi...

— Чтó такъ?..

— Да вотъ хоть-бы твоя поѣздка... Кстати, когда же мы тебя провожаемъ?

— Пожалуйста, безъ проводовъ... Я уѣду втихомолку.

— Ну да, ну да!.. не раскуривается... le satané cigare!..

Гильзенъ сталъ усиленно пыхтѣть; но направивъ, какъ слѣдуетъ, свою сигару, помѣстился передъ Шелонинымъ стоя, широко растопырилъ ноги и подбоченился.

— Стало-быть, въ Ташкентъ?!.. Ха, ха, ха!..—разразился онъ.

— Въ Ташкентъ,—повторилъ съ усмѣшкой Шелонинъ.

— Ça, c'est cocasse!.. Господа Ташкентцы — съ одной стороны, и мой досточтимый товарищъ и другъ, князь Григорій Дмитріевичъ Шелонинъ-Рыкаловъ, философіи докторъ и естествознанія магистръ—съ другой. Quel contraste épatant!.. А впрочемъ, чтó же... все это пропилеи, такъ сказать. Je dirai même que c'est un chemin plus court... à la vraie position sociale... Честное слово!.. Можно сразу заставить о себѣ говорить... Une excursion dans l'Asie centrale... Куда-нибудь поглубже... C'est chic!.. Voilà le fameux Vambery enfoncé d'un coup!..

Домашняя водянка не помѣшала однакожъ Оресту Ѳедоровичу остановить свою импровизацію.

Онъ присѣлъ къ Шелонину въ болѣе спокойной позѣ и конфиденціально выговорилъ:

— Je compte sur toi, Grégoire... вѣдь ты теперь отправляешься въ качествѣ нашего ходатая... Князь, конечно, согласится; но я не желалъ-бы никакихъ, понимаешь, ajournements...

— Да ихъ и не будетъ,—подтвердилъ Шелонинъ.

— A la bonheur!.. А ты, любезный другъ, всѣ твои замѣтки шли прямо на мое имя... C'est nous qui batterons la grosse caisse!.. И тогда...

— Oreste, venez donc!—прервалъ его голосъ Люлю съ террасы.

— Hein?—отозвался Гильзенъ пріятельскимъ звукомъ.

— Paul va nous chanter quelque chose de joli...

— Voilà, voilà!..—крикнулъ Гильзенъ съ шаловливостью гамена и убѣжалъ, бросивъ однако свою сигару:—при дамахъ онъ не курилъ.

Какъ радостно вздохнулъ его товарищъ, оставшись опять наединѣ: онъ надѣялся, что никто уже до ночи не потревожитъ его тутъ. Ни о чемъ онъ теперь усиленно не думалъ, ни съ

чѣмъ не прощался, ничего точно не жалѣлъ: онъ просто вдыхалъ въ себя вечерній воздухъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сидитъ крестьянинъ на завалинкѣ послѣ страднаго, трудового дня... Завтра пойдетъ то же, но сегодня точно застыла каждая жилка и жаждетъ покоя...

Но, чу!.. Какіе это звуки? Шелонинъ сталъ жадно прислушиваться и припоминать ...Да, это она, Мендельсоновская «Volkslied», которая такъ запала ему въ душу, когда-то, въ Гейдельбергѣ; а потомъ, на-дняхъ, на этой самой террасѣ, откликнулась на шутовскіе куплеты Поля...

И кто поетъ ее? Все онъ, все тотъ же Поль Качковъ... Грудныя теноровыя ноты несутся чисто, но слишкомъ рѣзко по влажному воздуху сумерекъ... Слова тѣ же, мелодія та же; но ея смыслъ и складъ отсутствуютъ: плача нѣтъ, нѣтъ и радостной надежды, нѣтъ честной бодрости духа... Почти несгерпимо рѣжутъ ему уши возрастающіе въ силѣ переливы голоса и повтореніе припѣвовъ... Но онъ пригвожденъ къ скамьѣ, онъ долженъ выслушать пѣснь до конца, она вѣдь для него поется...

Шумно, дерзкой нотой молодой самоувѣренности, прозвучали надъ нимъ и вокругъ него слова:

„Wenn Menschen auseinander geh'n,
„So sagen sie: auf Wiederseh'n"!

И хоръ изъ нѣсколькихъ голосовъ повторилъ:

„Auf Wiederseh'n"!

— Нѣтъ!—прошепталъ вдругъ весь потрясенный Шелонинъ, нѣтъ, не до свиданія!.. Не надо, не надо! И закрылъ лицо руками.

Хлынули тихія и долгія слезы...

Поутру, въ семь часовъ десять минутъ, одинокій пассажиръ бралъ на *** станціи прямой билетъ до Саратова. Поѣздъ пришелъ, напустилъ пару, жалобно свистнулъ, принялъ пассажира и лѣниво потащился дальше...

Въ усадьбѣ села Шелонихи все еще спало...

П. Боборыкинъ.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846 *).

Тридцать лѣтъ изъ исторіи вольнаго города Кракова, собственно эпизодъ изъ польской исторіи, представляютъ однако тѣсную связь съ исторіею взаимныхъ отношеній того времени между членами такъ-называемаго «священнаго союза», въ составъ котораго входили Австрія, Пруссія и Россія, а душою былъ австрійскій министръ князь Меттернихъ. Существованіе Кракова послѣ вѣнскаго мира, въ видѣ независимой и нейтральной территоріи, состоявшей однако-жъ подъ покровительствомъ или, лучше сказать, опекой принадлежавшихъ къ союзу державъ, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ недоразумѣній, возникшихъ на вѣнскомъ

*) Источники и пособія:

Прежде всего назовемъ: 1) Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862, par le comte *D'Angerberg*. Paris, 1862. Это сборникъ не только архивныхъ документовъ, но и актовъ, выбранныхъ изъ разныхъ печатныхъ сборниковъ и сочиненій о новѣйшей польской исторіи. Къ исторіи вольнаго города Кракова изъ актовъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, относятся 92.—2) (Мецишевскаго) Mémoire historique et politique sur l'état actuel de la ville libre de Krakovie. Paris, 1840. Здѣсь есть нѣсколько документовъ, не вошедшихъ въ сборникъ Ангерберга.—3) *Tessarczyk A.*, Rzecz pospolita Krakowska wolna, niepodlegla i ściśle neutralna pod opieką trzech dworów zostająca a za rękojmią kongressu wiedeńskiego. Krakow, 1863. Вышелъ только первый выпускъ, заключающій въ себѣ польское изложеніе актовъ, положившихъ основаніе политической жизни Кракова. Полной же исторіи вольнаго города Кракова до сихъ поръ нѣтъ даже въ польской литературѣ.

Что касается отдѣльныхъ главъ, то, кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, автору служили при составленіи первыхъ трехъ главъ о временахъ наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса: 1) *Oginski* M. Cl. prince, Mémoires sur la Pologne et les polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris, 1826—27. 4 voll.—2) Alexandre I-er

конгрессѣ по поводу устройства польскихъ дѣлъ; но когда эти недоразумѣнія изгладились, когда дальнѣйшая исторія Галиціи, Познани и царства польскаго возстановили полное согласіе между союзными державами по этому вопросу, тогда и отдѣльное существованіе Кракова оказалось ненужнымъ. Оставалось только рѣшить вопросъ о томъ, къ которой изъ трехъ державъ Краковъ долженъ быть присоединенъ. Рѣшеніе этого вопроса вытекало уже изъ самаго характера священнаго союза. Нося названіе, напоминавшее собою религіозныя цѣли, союзъ этотъ имѣлъ совершенно иныя задачи: онъ направленъ былъ не только къ охраненію того внѣшняго вида, который далъ Европѣ вѣнскій конгрессъ, но и къ подчиненію всѣхъ національныхъ стремленій тѣмъ политическимъ отношеніямъ, которыя спеціально взялись оберегать помянутыя державы. Въ вопросахъ, имѣвшихъ общеевропейское значеніе, каковы: освобожденіе Греціи, Бельгіи, Сербіи, и другіе, священный союзъ долженъ былъ отчасти согласоваться съ политикой остальныхъ великихъ державъ, отчасти уступать европейскому общественному мнѣнію; а что̀ всего важнѣе, въ этихъ вопросахъ интересы трехъ союзныхъ державъ были не одинаковы. Въ совершенно иномъ положеніи находился священный союзъ относительно польскаго вопроса: можно сказать, что этотъ вопросъ сталъ мало-по-малу крѣпчайшею связью для союзныхъ державъ, равно заинтересованныхъ въ сохраненіи за собою областей, принадлежавшихъ нѣкогда къ Рѣчи Посполитой. Обладаніе Краковомъ, территорія коего составляла важный стратеги-

---

et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations (1801—1823), publiées par le prince *Lad. Czartoryski.* Paris, 1865.—3) England, Russland und Polen. Diplomatische Correspondenz aus der Zeit des Wiener Congresses. Brussel, 1847.—4) *Chodzko L.*, Histoire des légions polonaises en Italie. 2 voll. Paris, 1829.—5) *Montgaillard*, I. O. M. Roques de, Seconde guerre de Pologne, ou considérations sur la paix publique du continent et sur l'indépendance maritime de l'Europe. Paris, 1812.—6) *Pradt*, arch. de, Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie, en 1812. Paris, 1815.—7) *Gley*, abbé G., Voyage en Allemagne et en Pologne, pendant les années 1806 et 1812, avec les notes relatives à l'ambassade de M. de Pradt à Varsovie. Paris, 1816; 2 voll.—8) *Skarbek J.* hr., Dzieje xięstwa Warszawskiego. Poznan, 1860; 2 книги.—9) *Schmitt H.*, Dzieje porozbiorowie polski (1795—1832). W Lwowie, 1868. Читатели могутъ сравнить также статью автора „Варшавское герцогство", напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1866 годъ №№ 1, 2, и 3.

Глава четвертая, представляющая описаніе краковскихъ древностей и указывающая на историческое значеніе самого Кракова въ судьбахъ Польши, имѣетъ подстрочныя указанія на источники. Для остальныхъ главъ авторъ пользовался свѣдѣніями, почерпнутыми изъ слѣдующихъ книгъ: 1) *Swerts-Spork.* Mowa przy uroczystem oddaniu konstitucyi wolnego miasta Krakowa, miana d. 11 wrzesnia 1818. W Krakowie, 1818, in 12.—2) *Reibnitz de*, Mowa przy uroczystem oddaniu etc. ibidem.

ческій и торговый пунктъ, должно было дать той изъ нихъ, къ владѣніямъ которой присоединили бы его, преобладаніе надъ краемъ, служащимъ водораздѣломъ между бассейнами Вислы и Одера. Висла въ главномъ своемъ теченіи уже принадлежала Россіи и Пруссіи. Желая обезпечить спокойствіе въ областяхъ, лежавшихъ по ней, Россія и Пруссія, видя въ Краковѣ убѣжище польской эмиграціи, рѣшились передать его Австріи, а чрезъ то дали ей сильный опорный пунктъ въ верховьяхъ Вислы, чего такъ не хотѣлось императору Александру I-му. Само собой разумѣется, что Франція и Англія должны были заботиться о сохраненіи этого маленькаго вольнаго города, охранять его нейтралитетъ и независимость; но онѣ обратили вниманіе на его опасное положеніе лишь тогда, когда вліяніе Австріи надъ краковской территоріей уже стало неотразимо, и присоединеніе Кракова къ Галиціи почти совершенно подготовлено. Одновременность революціоннаго движенія въ Галиціи и въ Краковѣ въ 1846 году окончательно рѣшила вопросъ въ пользу Австріи. Все вмѣшательство Англіи и Франціи въ судьбу, постигшую Краковъ, ограничилось парламентскими запросами и преніями, и дипломатической перепиской. Краковъ, какъ вольный городъ, пересталъ существовать, исчезъ изъ системы европейскихъ государствъ въ то самое время, какъ національные вопросы зрѣли, подготовляя паденіе Меттерниха, создавшаго священный союзъ, и вызывая событія 1848 года, положившія конецъ преданіямъ этого союза. Такимъ образомъ, исторія вольнаго города Кракова есть вмѣстѣ и эпизодъ изъ исторіи священнаго союза.

—3) Rzut oka polityczny na obecny stan wolnego miasta Krakowa i jego okręgu. Kraków, 18.8.—4) Uwagi nad rzutem oka etc. Lipsk, 1828 —5) *Meciszewski* Hilar., Sześć lat politycznego bytu rzeczy pospolitej Krakowskiej. Berlin, 1846.—6) *Meciszewski* H., Wizyta braci Malinowjkieh z Warszawy odbita w Krakowie d. 17 grudnia 1830 r. Kraków, 1851.—7) *Slotwinski* Jel., Ustawodawstwo Rzeczy pospolitej Krakowskiej; od chwili jej politycznego bytu t. j. od roku 1815 aż do roku 1836. Kraków, 1836.—8) *Ianuszewicz* Theoph., Quelques mots sur l'occupation de Krakovie en 1836. Strasb., 1838.—9) Affaires de Cracovie. Duscussions parlementaires à la chambre des pairs le 10 juillet, à la chambre des communes d'Angleterre le 13 juillet 1840. Paris, 1840.—10) Krakau und ein Blick uber seine Grenzen. Leipzig, 1844.—11) Der Freistaat Krakau bis zum J. 1845 und die Salmen zu Weliczka in Galizien. Krakau, 1846.—12) Das Polen-Attentat im J. 1846. Grimma, 1846.—13) Discussions sur les affaires de Pologne à la chambre des députés le 14 mars et à la chambre des paires les 19 et 20 mars 1846. Paris, 1546.—14) *Chodzko* L., Les Massacres de Galicie et Cracovie confisquée par l'Autriche en 1846. Paris, 1861.—15) *Discussion* du projet de loi relatif aux réfugiers étrangers. Evénements de Cracovie et de Galicie. Séance du 2 juillet 1846. Paris, 46.—16) *Bülau I.*, Einverleibung von Krakau und die Unterzeichner der Schluszaete des Wiener Congresses. Leipzig, 1847.—17) Ausschlüsse über die jungsten Ereignisse in Polen, Mainz, 1846.—18) Die

Краковъ, нераздѣльно связанный съ судьбою польской народности, своимъ отдѣльнымъ политическимъ существованіемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи обязанъ былъ отчасти своей древности и своему историческому значенію. Не даромъ говорили о немъ еще въ средніе вѣка: Sola Cracovia est Polonia, и пословица эта сбылась на немъ въ XIX вѣкѣ, между 1831 и 1846 годами. Но и въ эту эпоху Краковъ, какъ истинный представитель Польши, явился со всѣми качествами, свойственными польскому племени. Его внутренняя исторія исполнена такихъ же колебаній и несогласій между партіями, какія можно видѣть и въ исторіи Рѣчи Посполитой. Въ его сенатѣ, сеймѣ, судебныхъ учрежденіяхъ, въ его старинной Ягеллоновской академіи идетъ борьба политическихъ партій, переплетается съ дѣйствіями заграничныхъ эмиграціонныхъ комитетовъ, вызываетъ безпрестанное вмѣшательство иностранныхъ коммиссаровъ во внутреннія дѣла вольнаго города, и стихаетъ только предъ неоднократнымъ занятіемъ его территоріи чужестранными войсками. Около этой главной нити событій, внѣшнихъ и внутреннихъ, располагаются и всѣ частные интересы, всѣ личныя стремленія, наполнявшія общественную жизнь Кракова изо-дня въ день. Вотъ въ краткомъ очеркѣ существенныя черты того историческаго интереса, какой связанъ съ изложеніемъ краковскихъ событій.

---

polnische Frage mit Bezug auf die letzten Ereignisse von einem Krakauer. Brüssel, 1846.—19) Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de Galicie, adréssée au prince de Metternich. Bruxelles, 1846.—20) Récapitulation exacte des évènements de Galicie en 1846. Paris, 1847.—21) Cracovie ou les derniers débus de la nationalité polonaise. Paris, 1847.—22) La verité sur les évènements de Galicie. Paris, 1847. —23) Polnische Bewegungen enthaltend die neuesten Ereignisse im Grossherzogthum Posen mit Hinblick auf die Russomanie. Thorn, 1846.—24) *Jager A. J.*, Die Annexation von Krakau. Jr. a. M. 1846.—25) De l'attentat diplomatique de Cracovie et de ses conséquences en Europe. Paris, 1847.—26) Genese—Cracovie, la Suisse—la Pologne. Lettre adressée à m-er. Baumgartner. Paris, Genève, 1843.—27) England, Russland und Polen. Brüssel, 1847.—28) Galicya i Kraków pod panovaniem austryackiem. Paris, 1853.

Уже изъ одного этого перечисленія литературныхъ пособій для исторіи Кракова читатели могутъ видѣть, что большинство ихъ обращало вниманіе только на главный вопросъ: политическое значеніе Кракова и отношенія его къ покровительствовавшимъ дворамъ. Вотъ почему, для пополненія свѣдѣній о внутренней исторіи Кракова, авторъ долженъ былъ обращаться къ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ того времени, какіе ему удалось собрать во время путешествій по славянскимъ землямъ (Dyjariusze, Dziennniki, Kalendarziki, Kroniki, Opisy, Przewodniki, Pamiętniki, Roczniki, Tygodniki, издававшіеся большею частію эмигрантами). Наконецъ, онъ имѣлъ подъ руками обширную Encyklopedią Powszechną, изданную Оргельбрандомъ въ Варшавѣ, и *Wurzbach Const.* v., Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Wien; 1857—72; 24 voll.

I.

Положеніе польскаго народа среди славянскаго міра. — Состояніе Европы во время послѣднихъ раздѣловъ Польши. — Партія союза съ Франціей съ цѣлію возстановленія Польши.—Комитеты въ Парижѣ и Венеціи.—Происки въ Швеціи и Турціи.—Домбровскій и польскіе легіоны. — Планы польской эмиграціи противъ Австріи, и неудача ихъ.—Мысль о созваніи польскаго сейма въ Миланѣ, и бѣдственный исходъ ея.—Первые раздоры внутри эмиграціонной партіи.—Дальнѣйшая судьба легіоновъ.—Попытки привлечь Австрію къ союзу съ Франціей по польскому вопросу.—Безуспѣшность этого замысла.—Уничтоженіе легіоновъ.— Взаимный договоръ Франціи и Россіи о надзорѣ за польскими эмигрантами.

Исторія славянскихъ народовъ представляетъ неоднократные примѣры внутренняго упадка и внѣшней зависимости отъ иныхъ народностей. Но причины, свойства и послѣдствія этихъ, повидимому, однородныхъ между собою явленій, отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, что̀ зависѣло не только отъ различія въ историческомъ и народномъ характерѣ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но и отъ особыхъ условій времени, въ которое ихъ постигали бѣдственные перевороты, и отъ разнообразія политическихъ цѣлей и стремленій, во имя которыхъ болѣе сильныя народности подчиняли ихъ своему вліянію и власти. Славянскія племена, занявшія въ началѣ среднихъ вѣковъ земли, лежащія по южному берегу Балтійскаго моря и по рѣкѣ Лабѣ (Эльбѣ), пали не только вслѣдствіе раздробленности ихъ племенныхъ союзовъ, розни между ихъ сословіями, но и по причинѣ болѣе развитой, болѣе сильной политической организаціи ихъ германскихъ сосѣдей. Самое христіанство явилось у нихъ проводникомъ чуждаго вліянія, средствомъ къ подчиненію ихъ нѣмецкой культуры. Внутренняя слабость соединилась здѣсь съ внѣшнимъ паденіемъ, и полабскіе славяне исчезли навсегда со страницъ исторіи. Чехи, политическая жизнь которыхъ рано вступила въ связь съ жизнью нѣмецкой имперіи, утратили свою политическую независимость подъ вліяніемъ религіозной борьбы, закончившейся превращеніемъ священно-римской имперіи въ имперію нѣмецкую, которая уже не могла смотрѣть на чешское королевство иначе, какъ на составную часть свою. Но потеря политической свободы не отняла у чеховъ возможности сохранить свою народность и заявить въ эпоху общеевропейскихъ потрясеній позднѣйшаго времени свою возрождающуюся силу. Не говоримъ о словакахъ и словенцахъ, почти незнавшихъ самостоятельнаго политическаго бытія и рано утратившихъ своихъ природныхъ владѣтелей, тѣмъ

не менѣе и ихъ народныя отличія сохранились до нашего времени. Хорваты соединили свое королевство съ венгерскимъ, по прекращеніи собственной династіи, и, удержавъ нѣкоторыя особенности въ управленіи своими землями, остались почти при прежнихъ народныхъ началахъ жизни. Славяне, которымъ суждено было испытать турецкое владычество, пали не въ силу внутреннихъ причинъ, коренившихся въ ихъ бытѣ,—ибо въ противномъ случаѣ подобное же объясненіе надо было распространить и на остальную Европу, подвергавшуюся власти турокъ;—они подчинились турецкому завоеванію въ силу того могущества, которымъ обладала мусульманская религія при ея появленіи на европейской почвѣ, и за отсутствіемъ союзниковъ, которыхъ католическая Европа не могла выслать имъ по своей вѣроисповѣдной розни съ Востокомъ. Близкій къ нимъ по племенному происхожденію и вѣрѣ, славянскій востокъ еще только начиналъ тогда свое освобожденіе отъ татарскаго ига: битва на Коссовомъ полѣ, разрушившая сербское царство, совершалось въ одно и то же десятилѣтіе съ битвою на полѣ Куликовомъ. Но славянскій югъ и востокъ были счастливѣе западныхъ окраинъ славянскаго міра. Они боролись за свою народную и политическую независимость съ азіатскими ордами, одолѣвшими ихъ на время своею дикою силою и многочисленностію, но не имѣвшими ничего въ своемъ распоряженіи для духовнаго преобладанія надъ ними; и славяне на востокѣ и югѣ не только сохранили вполнѣ свою народность, но восточные создали обширное русское государство, а южные, при ослабленіи турецкой имперіи, отчасти собственными усиліями, отчасти при содѣйствія русскихъ, устремились къ возстановленію своей политической самостоятельности. Славяне же, занимавшіе западныя окраины общаго ихъ семьѣ міра, войдя въ составъ чуждыхъ имъ политическихъ организмовъ, обречены были на постоянную и упорную борьбу за свой родной языкъ, за свой народный бытъ, подвергавшійся нерѣдко кореннымъ измѣненіямъ отъ приносимыхъ извнѣ вліяній и чужого управленія.

Чтó же дѣлалъ въ это время народъ, занимавшій средину между славянскими поселеніями,—народъ польскій? Сначала онъ участвовалъ въ борьбѣ западныхъ своихъ собратій съ наплывоми германскаго элемента, и неоднократно пользовался благопріятными случаями стать во главѣ западно-славянскаго союза, чтобы остановить напоръ нѣмцевъ; но потомъ, подчинившись вліянію Рима въ вопросахъ религіозныхъ еще полнѣе, чѣмъ сосѣдніе чехи, и какъ-бы утомившись борьбою съ нѣмецкимъ нашествіемъ, открывъ

доступъ въ свои земли нѣмецкимъ колонистамъ и нѣмецкому праву, онъ обратилъ свою дѣятельность на югъ и востокъ: сперва онъ участвовалъ въ борьбѣ съ турками славянъ южныхъ и имперіи нѣмецкой, но потомъ несъ католическую пропаганду къ восточнымъ славянамъ, соединяя политически съ своими землями ихъ области, ослабленныя и разрозненныя татарскимъ нашествіемъ. Это обстоятельство создало для польскаго народа такое положеніе въ славянскомъ мірѣ, котораго почти не знали остальныя племена славянской семьи: открывъ съ одной стороны доступъ нѣмецкому племени въ свои земли, съ другой—онъ вызвалъ на борьбу съ собою русскій народъ, принадлежавшій къ тому же славянскому міру. Не удивительно, что въ эпоху внутренняго разслабленія Польши совершился неестественный, съ общеславянской точки зрѣнія, но неизбѣжный, по преданіямъ мѣстной исторіи и по условіямъ времени, союзъ Россіи съ нѣмецкими владѣтелями противъ Рѣчи Посполитой. Возникла мысль о раздѣлѣ Польши между союзниками. Но, участвуя въ раздѣлахъ Польши, Россія только возвращала подъ свою державу земли, издавна заселенныя восточными славянами и нѣкогда принадлежавшія Рюриковичамъ, и отчасти наслѣдовавшимъ имъ Гедиминовичамъ; Пруссія же пожинала тамъ, гдѣ не сѣяла, гдѣ германскія племена никогда не бывали туземными, и продолжала такимъ образомъ завѣщанный нѣмецкою исторіею Drang nach Osten. Что касается Австріи, то она, какъ восточная марка древне-нѣмецкой имперіи, разросшаяся потомъ въ обширное государство, исполняла присоединеніемъ къ себѣ польскихъ земель отчасти ту же роль, въ какой соперничала съ нею Пруссія; отчасти, какъ организмъ, сложившійся изъ разноплеменныхъ и разнородныхъ элементовъ, подчинялась своей внѣшней судьбѣ, то увеличивавшей число ея составныхъ частей, то уменьшавшей. Къ тому же Австрія была, по своему населенію, полуславянскимъ государствомъ, и присоединеніе къ ней нѣсколькихъ мало-польскихъ воеводствъ не могло быть столько же опасно для ихъ славянской народности, какъ присоединеніе великопольскихъ и мазовецкихъ областей къ Пруссіи. Такимъ образомъ, политическое паденіе польскаго народа совершилось не вслѣдствіе только внутренней слабости Рѣчи Посполитой, но, съ одной стороны—по закону историческаго возмездія за его прежнюю политику на востокѣ славянскаго міра; съ другой — въ силу давняго стремленія нѣмецкаго племени подчинить себѣ сосѣднихъ съ нимъ славянъ и переработать ихъ въ однородную съ собой массу. Понятно, какая изъ частей раздѣленной Польши подвергалась большей

опасности и могла скорѣе погибнуть для славянской исторіи. Изъ нихъ одна возвращалась къ объединенію съ русскими землями, съ коими ее связывали издавна и общія географическія условія, и общіе историческіе интересы, не говоря уже о народныхъ свойствахъ большей части ея населенія [1]); другая, вступая въ союзъ съ государствомъ, разнохарактернымъ по своему составу, могла сохранить свою провинціальную особность. Не то выпало на долю земель, отошедшихъ къ Пруссіи. Раздѣлы Рѣчи Посполитой, совершившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія, провели такія границы между Россіею, Пруссіею и Австріей, что области, въ коихъ преобладало чисто-польское населеніе, отошли къ двумъ послѣднимъ: въ рукахъ Пруссіи очутились Варшава и Гнѣзно съ землями мазовецкими и великопольскими, въ рукахъ Австріи: Краковъ съ значительной частью Малой Польши и даже Львовъ съ русскими воеводствами.

Послѣдніе раздѣлы Польши совершились въ то время, когда западная Европа занята была французскою революціею, грозившею измѣнить всѣ старинныя основы политическихъ и общественныхъ отношеній освобождавшейся отъ послѣднихъ феодальныхъ преданій Европы; съ своей стороны, они наносили рѣшительный ударъ устарѣвшей системѣ политическаго равновѣсія, возникшей еще во время итальянскихъ войнъ. Европа не могла принять никакого участія въ судьбѣ Польши: ни положительно отвергнуть ея раздѣленіе, ни молчаливо согласиться съ нимъ; а потому польскій вопросъ приняли на свое попеченіе съ одной стороны сами поляки, покинувшіе родину и удалившіеся въ другія земли, преимущественно во Францію, гдѣ установлялась диктатура Наполеона. Для первыхъ польскій вопросъ былъ цѣлью, для второго только средствомъ къ достиженію собственныхъ видовъ. Переворотъ, произведенный французскимъ движеніемъ въ западно-европейской жизни, возбуждалъ въ польскихъ эмигрантахъ надежду, что движеніе это достигнетъ востока Европы, и также измѣнитъ его устройство и незадолго предъ тѣмъ установившіяся въ немъ политическія отношенія. Эта надежда послужила основаніемъ для плана, который представлялъ польскому военному совѣту, послѣ битвы подъ Мацѣевицами, генералъ Домбровскій, совѣтовавшій двинуться со всею польскою арміей, въ 40,000 человѣкъ при 200 орудіяхъ, къ предѣламъ Франціи и ударить въ тылъ войскамъ коалиціи, дѣйствовавшимъ противъ нея, чтобы до-

---

[1]) При Екатеринѣ II къ Россіи присоединены были бѣлорусскія, литовскія и малорусскія воеводства.

казать тѣмъ, какъ важно для французскихъ интересовъ существованіе Польши. Онъ возобновлялъ свой планъ и послѣ капитуляціи Варшавы, по выходѣ изъ нея двадцатитысячнаго польскаго отряда. Хотя планъ Домбровскаго и показался невозможнымъ для его товарищей, но мысль о связи съ Франціей, объ общихъ съ нею дѣйствіяхъ увлекла многочисленныя толпы эмигрантовъ въ Парижъ, Венецію, Копенгагенъ, Стокгольмъ и другія мѣста, гдѣ подлѣ французскихъ посольствъ образовались цѣлыя колоніи польскихъ выходцевъ, пользовавшихся у нихъ безграничнымъ покровительствомъ. Декларація дворовъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, въ которой было заявлено, что самый раздѣлъ совершенъ съ цѣлію уничтожить гнѣздившіеся въ ней отпрыски французскихъ якобинцевъ, побудила Францію принять польскихъ эмигрантовъ съ распростертыми объятіями и признать въ нихъ своихъ союзниковъ. Бывшій агентъ Рѣчи Посполитой при французскомъ революціонномъ правительствѣ, Барсъ, образовалъ въ Парижѣ, при содѣйствіи новоприбывшихъ выходцевъ, комитетъ для освобожденія отечества. Этотъ комитетъ безпрестанно представлялъ французскому правительству меморіалы, причемъ доказывалъ необходимость возстановленія Польши, которая будетъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ Франціи изъ-за собственныхъ интересовъ, угрожаемыхъ одними и тѣми же врагами. Комитетъ даже подавалъ надежды французамъ на возстаніе цѣлой Польши. Парижское правительство охотно выслушивало представленія польскаго комитета, требовало у него указаній, отзывовъ и совѣтовъ во время своей борьбы съ коалиціей, въ которой участвовали Австрія и Пруссія; разсылало чрезъ него инструкціи польскимъ комитетамъ, образовавшимся въ другихъ мѣстностяхъ, и давало соотвѣтственныя предписанія французскимъ посольствамъ. Но прусскій король, видя успѣхи французскихъ войскъ, спѣшилъ выдти изъ коалиціи и заключить миръ съ Франціей. Польскій комитетъ представилъ французскому правительству о необходимости включить въ договоръ условіе, по которому прусскій король обязывался бы не только возвратить польскія области, но и склонить къ тому же своихъ прежнихъ союзниковъ. Французскіе дипломаты откровенно объяснили, что обстоятельства не достаточно благопріятны для такихъ требованій, что всѣ ихъ заботы обращены лишь на то, чтобъ отвлечь прусскаго короля отъ коалиціи: и дѣйствительно, въ договорѣ съ Пруссіей даже не было упомянуто имени Польши. Въ Парижѣ и Венеціи дѣйствовали польскіе комитеты, состоявшіе преимущественно изъ людей богатыхъ и вельможныхъ; въ Молдавіи образовался комитетъ изъ лю-

дей менѣе зажиточныхъ, оставившихъ родину не только по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ, но и по недостатку въ средствахъ къ жизни. Онъ открылъ свою агентуру въ Константинополѣ, подъ покровительствомъ французскаго посланника. Всѣ эти комитеты сносились какъ между собою, такъ и съ польскими землями, чтó затрудняло правительства, владѣвшія польскими провинціями, и заставляло ихъ обращать все свое вниманіе на борьбу съ эмиграціонной агитаціей, а не на преобразованіе системы управленія въ занятыхъ провинціяхъ. Тѣмъ не менѣе, сношенія польскихъ комитетовъ укрывались отъ правительствъ, ибо велись чрезъ французскія посольства. Эти сношенія возбуждали несбыточныя надежды въ польскихъ магнатахъ и шляхтичахъ, оставшихся въ своихъ имѣніяхъ; они вѣрили въ возможность воскресить Рѣчь Посполитую, ибо знали, что французская республика, только-что вышедшая изъ внутренней борьбы и безпорядковъ и уже поразившая враговъ, оказываетъ имъ всякое содѣйствіе. Правда, были и сомнѣвавшіеся въ томъ, и равнодушно относившіеся къ паденію своего народа; но ихъ возбуждали люди, находившіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Франціей, хотя обѣщанія послѣдней и были крайне сомнительнаго свойства. Французское правительство пользовалось услугами поляковъ только съ цѣлію дипломатической диверсіи противъ Россіи и Австріи, стараясь доказать Швеціи и Турціи, что первая можетъ отмстить русскимъ, а вторая нѣмецкому императору за недавнее пораженіе, если поднимутъ возстаніе въ польскихъ земляхъ. Французское правительство потребовало даже, чтобы польскій парижскій комитетъ выслалъ своихъ дипломатическихъ агентовъ въ Стокгольмъ и въ Константинополь. Если бы шведскій и турецкій кабинеты приняли ихъ, это значило бы, что они протестуютъ противъ раздѣла Польши. Поляки выслали въ Константинополь бывшаго подскарбія литовскаго, Михаила Огинскаго; но Порта колебалась и не рѣшалась войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Въ Стокгольмѣ польское дѣло шло еще хуже. Несмотря на то, въ самыхъ польскихъ земляхъ образовались тайныя конфедераціи, выславшія въ Константинополь своими делегатами генерала Рымкевича и полковника Яблоновскаго. Они обѣщали выставить въ Молдавіи и Валахіи польскій вспомогательный отрядъ на случай, если бы Франція и Турція объявили войну хоть одной Австріи, или Австріи и Россіи. Новый французскій посланникъ въ Константинополѣ, Оберъ-дю-Байэ, и французскій консулъ въ Букарештѣ, Кара-Сенъ-Сиръ, долго носились съ этимъ планомъ, и послѣдній даже собирался

стать во главѣ польскаго отряда, который долженъ былъ вторгнуться въ Австрію; но все ихъ вліяніе на Порту достигло лишь того, что польскіе выходцы, проживавшіе въ румынскихъ земляхъ, не подвергались преслѣдованію.

Время уходило безъ всякихъ послѣдствій для польскаго дѣла. Чужая помощь ни откуда не являлась. Наиболѣе дѣятельные и горячіе изъ эмигрантовъ рѣшились организовать новыя силы собственными средствами польской эмиграціи. Находчивый Домбровскій подалъ мысль объ устройствѣ польскихъ легіоновъ. Эта мысль окрѣпла, когда узнали отвѣтъ Бонапарте, данный въ 1796 году польской эмиграціи, просившей его употребить все свое вліяніе на французское правительство, чтобы поднять его на защиту польскаго дѣла. Наполеонъ объявилъ, что всѣ обѣщанія правительства не приведутъ ни къ чему, что народъ, тѣснимый сосѣдями, тогда только можетъ разсчитывать на существованіе, когда собственными силами добудетъ себѣ независимость, всегда опирающуюся на остріе оружія. Но и образованіе легіоновъ встрѣтило на первыхъ порахъ большія затрудненія. Домбровскій рѣшился вступить во французскую службу, въ чемъ и успѣлъ, благодаря стараніямъ генерала Клебера, хотя и здѣсь увидалъ, что французская конституція запрещаетъ устройство иноплеменныхъ легіоновъ. Оказалось однакожъ, что новая цизальпинская республика въ Италіи можетъ принять легіоны на свою службу; по наружности они принадлежали бы къ итальянскому войску, но въ сущности вмѣстѣ съ нимъ составляли бы корпусъ, присоединенный къ французской арміи и находившійся подъ начальствомъ французскихъ полководцевъ. Домбровскій обратился за содѣйствіемъ къ Наполеону, который и разрѣшилъ цизальпинской республикѣ заключить договоръ объ устройствѣ польскихъ легіоновъ. Эти легіоны должны были имѣть польскихъ офицеровъ, одѣяніе послѣднихъ временъ Польши, знамена, значки и цвѣта́ польскіе, команду польскую, и только организацію по французскому образцу. Всѣ легіонаріи считались гражданами цизальпинской республики, давали присягу защищать Италію, но сохраняли право общаго возвращенія на родину, въ случаѣ если тамъ окажется надобность въ нихъ. Послѣ воззванія Домбровскаго и Миланской директоріи къ полякамъ, разсыпавшимся по всей Европѣ, послѣ дозволенія плѣннымъ австрійскимъ полякамъ вступить подъ начальство Домбровскаго, въ 1797 году образованы были два легіона. Съ тѣхъ поръ парижскій эмиграціонный комитетъ только и думалъ, какъ бы возбудить Францію къ войнѣ съ которымъ-либо изъ дворовъ, участвовавшихъ въ раз-

дѣлѣ Польши. Но выходцы, проживавшіе въ Молдавіи, не дожидаясь этой минуты, произвели набѣгъ на Буковину, подъ начальствомъ нѣкоего Дениски, не имѣвшій, впрочемъ, ни малѣйшаго успѣха.

Между тѣмъ восшествіе на престолъ императора Павла, освободившаго всѣхъ польскихъ узниковъ, возбудило новыя надежды въ польскихъ патріотахъ. Огинскій проѣхалъ изъ Константинополя чрезъ Молдавію, Валахію и Галицію, и въ Бреславлѣ узналъ отъ бывшаго великаго маршала короннаго Рачинскаго, что въ Берлинѣ, въ видахъ снисканія французской дружбы, сочинили проектъ образованія изъ прусско-польскихъ провинцій особаго королевства польскаго, подъ наслѣдственнымъ управленіемъ одного изъ принцевъ гогенцоллернскаго дома. Но болѣе вѣроятнымъ представлялось другое объясненіе, по которому основаніемъ такого королевства Пруссія разсчитывала не только привлечь къ себѣ поляковъ, недовольныхъ раздробленіемъ своего отечества, но и включить со временемъ остальныя польскія земли въ это королевство, которое стояло бы въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи:—планъ, которымъ бредилъ и шведскій король Карлъ XI, мечтавшій обратить Балтійское море въ Средиземное для всего протестантскаго міра и окружить его вассальными владѣніями Швеціи. Разсчеты пруссаковъ, стоявшихъ за вышеупомянутый планъ, были ограниченнѣе и себялюбивѣе, но находили поддержку въ нѣкоторыхъ польскихъ магнатахъ, напр. въ князьяхъ Радзивиллахъ, бывшихъ въ свойствѣ съ гогенцоллернскимъ домомъ. Итакъ, Россія и Пруссія возбуждали надежды въ полякахъ; одна только Австрія, отразившая набѣгъ Дениски, казалась нерасположенною къ нимъ. Огинскій прибылъ въ Парижъ, раздраженный противъ Австріи и убѣжденный, что возстановленіе Польши надо начать съ Галиціи. Послѣ переговоровъ съ другими руководителями эмиграціи, онъ вошелъ въ сношенія съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи, Делакруа. На первой конференціи французскій министръ выразилъ живое сочувствіе къ польскому дѣлу, выслушалъ показанія о расположеніи турецкаго правительства и настроеніи умовъ въ польскихъ земляхъ; затѣмъ далъ замѣтить, что Франція воспользуется удобною минутою для возстановленія Польши. На второй конференціи Делакруа уже требовалъ, чтобы поляки подняли возстаніе въ Галиціи, въ тылу Австріи, воевавшей съ французской республикой, и вызвали такое же вооруженное движеніе въ Венгріи, Трансильваніи и Далмаціи. Огинскій требовалъ съ своей стороны ручательства, что Франція при заключеніи мира ни подъ какимъ предлогомъ не выдастъ

въ жертву Австріи польскаго дѣла. Делакруа холодно отвѣтилъ, что Франція вовсе не нуждается въ полякахъ, которые могутъ поступать какъ имъ угодно, если не имѣютъ довѣрія къ нему послѣ столь подробнаго изложенія всего плана. Между тѣмъ, событія шли съ необычайной быстротой. Австрія, напрягавшая всѣ свои усилія, потерпѣла нѣсколько жестокихъ пораженій отъ французовъ и принуждена была заключить перемиріе въ Леобенѣ, причемъ обѣ договаривающіяся стороны взаимно ручались за сохраненіе внутренняго спокойствія въ ихъ государствахъ. Но поляки, образовавшіе уже третій легіонъ, были недовольны тѣмъ. Домбровскій поспѣшилъ въ Грацъ, гдѣ была главная квартира Наполеона, и послѣдній, осыпавъ похвалами дѣйствія польскихъ легіоновъ, совѣтовалъ имѣть терпѣніе и выжидать минуты, болѣе удобной для польскаго дѣла. Не зная о происходившемъ въ Леобенѣ, Огинскій продолжалъ переговоры съ Делакруа. Французскій министръ убѣжденъ былъ, что время, удобное для польскаго возстанія, пришло; что положеніе дѣлъ въ Венгріи, Трансильваніи и Далмаціи вполнѣ благопріятствуетъ тому; что Франція будетъ содѣйствовать освобожденію австрійскихъ народовъ, хотя и не можетъ открыто призвать ихъ къ оружію. Онъ совѣтовалъ Огинскому отправиться къ Бонапарте для личныхъ переговоровъ, но просилъ представить письменно условія, на которыхъ поляки соглашаются дѣйствовать, чтобы поднести эти условія на обсужденіе директоріи. Огинскій въ своей нотѣ снова выразилъ подозрѣніе, что французское правительство манитъ поляковъ одними обѣщаніями, желая только воспользоваться помощью ихъ легіоновъ. Делакруа былъ оскорбленъ заявленіями Огинскаго и заявилъ, что даетъ ему три дня для представленія болѣе опредѣленныхъ условій. Польская эмиграція составила такой планъ: выслать трехъ уполномоченныхъ въ главную квартиру итальянской арміи и войти въ соглашеніе съ мадьярами относительно возстанія въ ихъ землѣ; по открытіи возстанія выслать польскіе легіоны на помощь Венгріи и всячески избѣгать народнаго движенія въ Галиціи, дабы не привлечь туда русскія войска; и только въ случаѣ успѣха венгерскаго возстанія поднять собственное дѣло. Подобный же планъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, задуманъ былъ въ 1848 году во время венгерской революціи, но предупрежденъ вмѣшательствомъ Россіи въ австрійскія дѣла. Въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, ему также не суждено было сбыться. Правда, директорія приняла его безъ измѣненій и отправила его уже въ главную квартиру, а польскіе уполномоченные: Огинскій, Мнѣвскій и Прозоръ готови-

лись выѣхать туда же, какъ неожиданно для Парижа получено было извѣстіе о леобенскомъ перемиріи. Наполеонъ былъ правъ, спѣша его заключеніемъ, ибо, вмѣсто возстаній, враждебныхъ Австріи, Венеція вызвала въ тылу французской арміи народное движеніе, поджигаемое монахами и поддерживаемое деньгами; а когда Жуберъ оставилъ Тироль, чтобы соединиться съ главною арміей, Лаудонъ поднялъ все населеніе того края, поддерживая въ то же время связи и съ возставшими итальянцами; наконецъ, на пути къ Вѣнѣ правое крыло французскаго войска наткнулось на спѣшившее къ столицѣ съ помощью венгерское ополченіе. Заключивъ перемиріе съ Австріей, Наполеонъ устремился противъ коварной Венеціи и смирилъ ее; сами польскіе легіоны должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. Домбровскій однако не унывалъ, и занимался въ это время составленіемъ четвертаго легіона.

Тогда же въ средѣ польской эмиграціи возникъ еще болѣе смѣлый планъ, чѣмъ всѣ прежніе, прямо стремившійся доказать, что во мнѣніи поляковъ и ихъ союзниковъ существованіе Польши не было прервано. Они вспомнили, что послѣдній сеймъ польскій, только отсроченный, а не распущенный, могъ, по законамъ Рѣчи-Посполитой, всегда собраться въ качествѣ истиннаго представителя своего народа, и рѣшились созвать его въ земляхъ цизальпинской республики подъ прикрытіемъ польскихъ легіоновъ. Правда, они забывали, что сеймовыя рѣшенія нуждались въ признаніи трехъ инстанцій: избы пословъ, сената и короля, а между тѣмъ послѣдній жилъ въ Петербургѣ, получая русскую пенсію, что дѣлало сеймъ недѣйствительнымъ. Но крайность заставила признать, что для законнаго народнаго представительства достаточно будетъ, если соберется часть сенаторовъ и часть пословъ. Огинскій, сперва противившійся такому плану, потомъ сталъ искать дозволенія привести его въ исполненіе чрезъ Делакруа. Тотъ обозвалъ весь планъ плодомъ безполезныхъ мечтаній. Польскіе выходцы обратились тогда къ директоріи чрезъ бывшаго генеральнаго консула въ Варшавѣ Бонно, который, будучи схваченъ въ 1793 году по приказу Сиверса, содержался нѣкоторое время въ Петербургѣ и возвратился не задолго предъ тѣмъ въ Парижъ. Бонно съ жаромъ схватился за возможность оказать новую услугу польскому дѣлу и, переговоривъ съ членами директоріи, объявилъ польскимъ эмигрантамъ, что французское правительство считаетъ мысль о созваніи сейма удачною и полезною, хотя все будетъ зависѣть отъ стеченія обстоятельствъ, которыя трудно предвидѣть. Парижскій комитетъ рѣшился подготовить умы

въ польскихъ земляхъ къ предположенному сейму соотвѣтственнымъ воззваніемъ. Огинскій былъ противъ такого открытаго образа дѣйствій и соглашался лишь на разсылку окружнаго посланія, въ которомъ были бы указаны причины созванія сейма въ Миланѣ, но которое не было бы адресовано прямо на имя вызываемыхъ, а выслано имъ чрезъ тайныхъ агентовъ. Однакожъ одержало верхъ мнѣніе, что для приданія пущей важности задуманному дѣлу надо открыто адресовать приглашенія къ такимъ знаменитостямъ четырехлѣтняго сейма, каковы Адамъ Чарторыйскій, Игнатій Потоцкій, Станиславъ Малаховскій и другіе. Домбровскій былъ такъ увѣренъ, что сеймъ соберется, что нанялъ для него дворецъ Цербеллони въ Миланѣ. Но судьбѣ угодно было, чтобы Нарбутъ и Кохановскій, которыхъ комитетъ выслалъ въ польскія земли съ приглашеніями, были арестованы на австрійской границѣ и всѣ бумаги отобраны у нихъ, послѣ чего начались аресты въ Галиціи въ обширныхъ размѣрахъ; между прочимъ схваченъ былъ и Малаховскій, которому удалось освободиться изъ неволи не ранѣе года, да и то уплативъ нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Послѣдствія столь необдуманнаго предпріятія поразили польскій комитетъ въ Парижѣ до такой степени, что онъ разошелся. Кромѣ того, многіе изъ эмигрантовъ стали сомнѣваться въ возможности служенія отечеству тѣми средствами, какія употреблялись до тѣхъ поръ, но не встрѣчали надлежащей поддержки отъ французскаго правительства. Убѣдившись, что было бы неблагоразумно жертвовать собою безъ всякой цѣли, либо добровольно обрекать себя на изгнаніе, многіе изъ эмигрантовъ стали подумывать объ исходатайствованіи себѣ дозволенія возвратиться на родину. Частію неудачи и несогласія, а еще болѣе сомнѣнія и упадокъ духа были причиною такого поворота въ настроеніи умовъ польскихъ выходцевъ. Почти всѣ члены парижскаго комитета покинули столицу Франціи и многіе изъ нихъ, получивъ дозволеніе возвратиться на родину, принесли присягу своимъ новымъ государямъ, обѣщая вести себя согласно съ законами, коимъ подчинены были всѣ три части раздѣленной Польши. Одинъ только Выбицкій уѣхалъ въ Италію, чтобы помогать Домбровскому въ сношеніяхъ съ родиной; одни только легіоны остались вчужѣ представителями польской независимости. Хотя обывателямъ польскихъ земель и было запрещено удаляться изъ отечества для поступленія въ легіоны; но самая строгость запретительныхъ мѣръ побуждала не только людей, служившихъ нѣкогда въ рядахъ польской арміи, но и подроставшее поколѣніе уда-

ляться въ Италію и поступать подъ начальство Домбровскаго. Они все еще вѣрили, что легіоны, соединивъ въ себѣ всю боевую силу тогдашняго польскаго народа, въ состояніи будутъ возвратиться, при помощи Франціи, въ освобожденное отечество.

Въ числѣ условій, подписанныхъ въ Леобенѣ, было обязательство созвать въ Бернѣ конгрессъ для успокоенія Европы и устройства всѣхъ ея дѣлъ. Приверженцы Франціи предполагали, что на этомъ конгрессѣ она будетъ имѣть преобладающій голосъ. Польская эмиграція надѣялась, что Франція принудитъ включить въ число дипломатовъ самостоятельныхъ государствъ, которые будутъ участвовать въ конгрессѣ, и представителей раздѣленной Польши. Но такъ какъ трудно было выставить агента отъ имени всего народа, то Домбровскій, въ своемъ адресѣ на имя Бонапарте, указывалъ на польскіе легіоны, въ коихъ насчитывалось до 6,000 человѣкъ вполнѣ вооруженныхъ, говоря, что немногіе изъ нѣмецкихъ князей, имѣющихъ выслать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, могутъ опереться на такую силу. Наполеонъ въ своемъ отвѣтѣ опять хвалилъ польскіе легіоны, увѣрялъ, что сочувствуетъ возстановленію Польши; однакожъ заявилъ, что предвидитъ большія затрудненія, которыя могутъ помѣшать желаніямъ Домбровскаго. Но и самый конгрессъ не состоялся; Австрія отказалась отъ него. Война готова была снова разразиться, но враждующія стороны удовольствовались заключеніемъ мира въ Кампо-форміо, въ коемъ удержаны были условія Леобенскаго перемирія и обѣщанъ конгрессъ въ Раштамѣ, но о Польшѣ вовсе не упоминалось. Въ виду новаго конгресса легіонаріи опять обнаружили свой политическій характеръ. Офицеры ихъ подали адресъ Домбровскому, напоминая ему, что въ своихъ воззваніяхъ онъ приглашалъ ихъ на службу отечеству и что они покинули свою родину лишь для того, чтобы, участвуя въ общихъ войнахъ, биться вмѣстѣ съ тѣмъ и за свободу Польши, и требовали, чтобы на конгрессѣ было упомянуто объ ея правахъ. Съ этою цѣлью Домбровскій снова обращался къ Наполеону, и опять получилъ прежній отвѣтъ. Вмѣсто освобожденія родины, легіонаріямъ пришлось биться за свободу Италіи.

Три года уже прошло отъ послѣдняго раздѣла Польши, а надежды эмиграціи не сбылись. Не всѣ могли сохранять привязанность къ своему дѣлу среди столь продолжительныхъ испытаній; надо было поддерживать въ нихъ духъ народности, который могъ въ легіонаріяхъ переродиться мало по-малу въ простую любовь къ военному искусству. Съ этою цѣлію Домбровскій въ одномъ изъ своихъ дневныхъ приказовъ постановилъ, чтобы еже-

дневно при перекличкѣ легіонаріевъ читаны были предъ ними по-польски извлеченія изъ газетъ и отрывки изъ какого-либо польскаго сочиненія, вслѣдствіе чего возникла такъ-называемая декада, или польское періодическое изданіе для легіоновъ въ полулистъ. Кромѣ того, онъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ часы, свободные отъ военныхъ упражненій, заниматься увеличеніемъ своихъ знаній и просвѣщеніемъ людей неграмотныхъ. Само собой разумѣется, что при такихъ занятіяхъ большая часть времени посвящалась знакомству съ польской исторіей. Останавливаясь на судьбахъ Рѣчи-Посполитой, легіонаріи приходили къ вопросу о причинахъ ея паденія и, приписывая его только завоевательнымъ замысламъ трехъ сосѣднихъ дворовъ, старались опредѣлить ихъ отношенія къ польскому народу. Конечно, объясненія эти были односторонни и пристрастны. Составилось убѣжденіе, что австрійскій дворъ, принимавшій участіе только въ первомъ и третьемъ раздѣлахъ, приступилъ къ нимъ лишь съ тою цѣлію, чтобы не дать усилиться двумъ сосѣднимъ дворамъ, уже порѣшившимъ между собою вопросъ о раздѣлѣ; что Австріи не было надобности ни округлять своихъ владѣній, подобно Пруссіи, ни разбивать, подобно Россіи, преграду, заслонявшую ее отъ непосредственныхъ сношеній съ Западомъ. Было и такое мнѣніе, что непосредственное сосѣдство Австріи съ Россіей, произведенное раздѣлами Польши, сильно ослабляло важность ея пріобрѣтеній и угрожало ея будущему большими опасностями вслѣдствіе единоплеменности русской имперіи съ большинствомъ австрійскихъ народностей; изъ этого выводилось заключеніе, что австрійское правительство, по основательномъ обсужденіи своихъ истинныхъ выгодъ, скорѣе другихъ можетъ склониться къ возстановленію Польши, что́ было бы дѣломъ невозможнымъ для Франціи безъ поддержки одной изъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ державъ. На основаніи такой мысли рѣшено было освѣдомиться, не согласится ли австрійское правительство дѣйствовать за-одно съ французскимъ въ польскомъ вопросѣ. Тѣ изъ эмигрантовъ, которые занимали важныя мѣста въ бывшей Рѣчи Посполитой, сносились между собою, съ генераломъ Домбровскимъ и прежнимъ консуломъ французскимъ Бонно, чтобы обдумать, какими путями удобнѣе развѣдать: не будетъ ли готовъ австрійскій дворъ войти въ соглашеніе съ Франціей, хотя бы для соединенія нѣкоторыхъ частей Польши въ одно конституціонное королевство подъ управленіемъ эрцгерцога Карла, котораго можно было бы женить на дочери саксонскаго курфирста и тѣмъ выполнить постановленіе четырехлѣтняго сейма. Наконецъ, признано

полезнымъ воспользоваться посредничествомъ генерала Бернадотта, бывшаго тогда французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, который, еще находясь въ Парижѣ, выражалъ горячія симпатіи къ Польшѣ и твердилъ о необходимости ея возстановленія для обезпеченія европейскаго мира. Составленъ былъ обширный мемуаръ, подписанный Домбровскимъ отъ имени легіоновъ и польскато народа, въ коемъ старались доказать возможность и легкость выполненія цѣлаго плана, если только австрійское правительство дѣйствительно приступитъ къ нему. Въ мемуарѣ говорилось, что Пруссія и Россія, хотя и враждебно расположенныя къ возстановленію Польши, не рѣшились бы помѣшать ему, если Австрія и Франція будутъ на сторонѣ этого дѣла; ибо Пруссія, угрожаемая Франціей, не осмѣлится вступить въ одновременную борьбу съ Австріей и Польшей, зная, что всѣ польскіе полки ея перейдутъ тогда на сторону Австріи; Россія же можетъ быть въ такомъ случаѣ угрожаема со стороны Швеціи и Турціи. Обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что обѣ сѣверныя державы, видя только частное возстановленіе Польши, напримѣръ въ размѣрахъ третьяго раздѣла, не рѣшатся воевать изъ-за него, удерживая за собою съ тѣмъ большею вѣроятностію всѣ прежнія пріобрѣтенія. Само собой разумѣется, что польскіе эмигранты довольствовались такою малою Польшей въ надеждѣ, что она, вступивъ снова въ рядъ европейскихъ державъ, возвратитъ со временемъ и остальныя провинціи Рѣчи-Посполитой. Въ томъ же самомъ смыслѣ написалъ къ Бернадотту и Бонно. Это былъ первый опытъ внушить австрійскому правительству мысль о возстановленіи Польши подъ его покровительствомъ. Послѣ 1848 года, когда славянскія народности Австріи заявили о своемъ пробужденіи, и русскія войска побывали въ Венгріи, планъ этотъ былъ не разъ возбуждаемъ не только польскими, но и нѣмецкими публицистами. Но въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, австрійскому правительству не было никакой надобности прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, и проектъ Домбровскаго съ братіей остался безъ послѣдствій. Кромѣ того, Австріи и некогда было думать тогда о Польшѣ. Въ Европѣ готовилась новая борьба противъ Наполеона, возбужденная стараніями Англіи. Польскіе легіоны двинуты были въ Римъ и заняли Капитолій подъ главную квартиру свою. Здѣсь имъ предписано было изучать научныя и художественныя собранія. Римскій консулатъ увѣдомилъ Домбровскаго, что въ Лореттѣ хранится присланное нѣкогда Собѣсскимъ и отнятое имъ подъ Вѣною у турокъ знамя, которое консулатъ постановилъ передать воинственнымъ польскимъ легіонамъ, какъ

дорогое для нихъ напоминаніе о народѣ. Найденъ былъ и карабинъ, который находился при Собѣсскомъ подъ Вѣной во время освобожденія ея отъ турецкой осады. Обогащаясь памятниками народной старины, легіонаріи польскіе нуждались въ болѣе существенномъ: у нихъ нерѣдко не хватало средствъ къ жизни, такъ что Домбровскій долженъ былъ разрѣшить нѣкоторымъ наниматься для полевыхъ работъ; но, непривычные къ мѣстнымъ условіямъ и климату, они погибали преждевременной смертью. Наконецъ, усиленными стараніями Домбровскаго удалось выхлопотать содержаніе легіонамъ, задержанное миланскою дирекціей. Легіоны участвовали въ походѣ на Неаполитанское королевство и, несмотря на свои потери въ битвахъ, продолжали расти, пополняясь постоянными бѣглецами изъ австрійской арміи. Принимая участіе въ итальянской войнѣ, легіоны польскіе дѣйствовали и на Рейнѣ.

Послѣ паденія парижской директоріи и назначенія Наполеона, возвратившагося изъ египетскаго похода, первымъ консуломъ, Домбровскій представилъ ему о нуждахъ польскихъ легіонаріевъ, и Наполеонъ принялъ легіоны уже прямо во французскую службу, раздѣливъ ихъ на пѣхотные и конные, и назначивъ главными мѣстами для ихъ штабовъ Марсель и рейнскую армію. Но въ наступившей затѣмъ войнѣ, столь прославленной битвою при Маренго, польскіе легіоны понесли большія потери. Тѣмъ не менѣе, упоенный побѣдами Наполеона, Домбровскій, вмѣстѣ съ генераломъ Зайончекомъ и Выбицкимъ, представилъ ему новый планъ смѣлаго движенія польскихъ легіоновъ съ береговъ Рейна чрезъ Чехію и Моравію въ Галицію. Онъ обѣщалъ при этомъ увеличить число легіонаріевъ до 30,000, снабдивъ ихъ достаточною артиллеріей. Опираясь на движеніе французской рейнской арміи, шедшей чрезъ Баварію въ предѣлы Австріи, польскіе полки могли встрѣтить въ Чехіи только ополченіе, нà-скоро высланное изъ чешскихъ и галицкихъ земель, которое, вмѣсто битвъ, привѣтствовало бы вторгнувшихся поляковъ добровольными бѣглецами въ ихъ ряды. Еслибы австрійцы повернули свое правое крыло въ Чехію, то ослабленная армія ихъ не выдержала бы ударовъ арміи французской. Во главѣ польскаго корпуса Домбровскій предлагалъ поставить славнаго Костюшку, вызваннаго для этой цѣли изъ Америки, куда онъ удалился послѣ паденія Польши. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ военнаго предпріятія, Домбровскій предоставлялъ политическую сторону всего дѣла на усмотрѣніе французскаго правительства. Онъ не предполагалъ, чтобы Пруссія и Россія стали мѣшать вторже-

нію легіоновъ въ Галицію: когда, думалъ онъ, полученныя Австріей отъ Рѣчи-Посполитой области будутъ заняты легіонами и мѣстнымъ возставшимъ населеніемъ, Франція можетъ взять ихъ подъ свое покровительство и склонить Россію и Пруссію къ уступкѣ въ пользу возстановляемой Польши нѣкоторыхъ провинцій, доставшихся обѣимъ во время раздѣловъ, съ вознагражденіемъ за то Пруссіи внутри Германіи, а Россіи на счетъ Турціи. Таковъ былъ новый планъ польскихъ эмигрантовъ, старавшихся такъ или иначе возстановить польское королевство. Но возникшая между Австріей и Франціей война привела не къ освобожденію Галиціи и соединенныхъ съ нею воеводствъ, а къ распущенію польскихъ легіоновъ. Часть ихъ перевезена была въ Америку на островъ Доминика. Ихъ посадили въ Ливорно на суда силою, окруживъ французскими войсками и грозя артиллеріей; немногіе вернулись впослѣдствіи изъ этой морской экспедиціи; самъ вождь ихъ, Яблоновскій, палъ тамъ жертвою желтой лихорадки. Остальная часть легіоновъ отдана была въ качествѣ гвардіи новому королю Этруріи, чѣмъ уничтожено ихъ народное значеніе. Многіе изъ польскихъ офицеровъ, остававшіеся еще въ Италіи, подали въ отставку, давая тѣмъ знать, что они готовились служить своему народу, а не чужимъ. Напрасны также были старанія эмигрантовъ склонить французское правительство ко включенію въ мирный договоръ съ Австріей условія объ освобожденіи содержавшихся въ австрійскихъ крѣпостяхъ вождей польской арміи, дѣйствовавшей во время послѣдняго раздѣла. Равнымъ образомъ и мирный договоръ съ Россіей, въ томъ же 1801 году, подрывалъ всѣ надежды польской эмиграціи: въ немъ значилось условіе, по которому Франція и Россія взаимно обѣщались не допускать, чтобы подданные одной изъ нихъ, пребывавшіе во владѣніяхъ другой, вступали въ прямыя или косвенныя сношенія съ внутренними врагами первой или угрожали своимъ поведеніемъ опасностію для одной изъ договаривающихся сторонъ; это условіе было направлено противъ французскихъ эмигрантовъ съ одной стороны и польскихъ съ другой.

Такъ кончились усилія поляковъ, принадлежавшихъ къ послѣдней арміи Рѣчи-Посполитой и не прекращавшихъ съ 1794 года борьбы за нее, направленныя къ тому, чтобы возстановить Польшу въ прежнемъ ея видѣ, связавъ ея дѣло съ судьбою французской республики. На время они должны были отказаться отъ своихъ воинственныхъ плановъ и ожидать своего спасенія отъ какой-либо счастливой для нихъ перемѣны въ дипломатиче-

скихъ отношеніяхъ Франціи къ державамъ, подѣлившимъ между собою польскія земли.

II.

Дѣятельность организаціонной партіи въ раздѣленныхъ между тремя державами польскихъ областяхъ.—Заботы о сельскомъ хозяйствѣ и народномъ просвѣщеніи.—Польскіе организаторы въ Россіи при Александрѣ I.—Планы ихъ о возстановленіи Польши.—Дѣятельность князя Чарторыйскаго.—Образованіе варшавскаго герцогства и значеніе онаго.—Двѣ партіи между польскими патріотами: французская и русская.—Польскій вопросъ, какъ почва для соперничества между Франціей и Россіей.—Переписка Чарторыйскаго и Огинскаго съ Александромъ I.—Мысли Александра I о польскомъ вопросѣ.

Въ то самое время, какъ дипломатическія неудачи сперва разрушили всѣ надежды польскаго эмиграціоннаго комитета, засѣдавшаго въ Парижѣ, а потомъ сдѣлали напрасными всѣ жертвы, принесенныя польскими легіонами знаменамъ французской республики, мысль о народномъ возрожденіи занимала также многихъ поляковъ, оставшихся на родинѣ и потерявшихъ съ паденіемъ Рѣчи-Посполитой свое служебное положеніе и общественное значеніе. Но они шли иными путями къ своей цѣли, чѣмъ ихъ соотечественники, дѣйствовавшіе за-границей. Между тѣми и другими были даже своего рода несогласія и недоразумѣнія. Первые думали постепеннымъ преобразованіемъ польскаго общества и сословныхъ отношеній, установившихся въ немъ издавна, измѣненіемъ экономическихъ условій народнаго быта подготовить польскій народъ къ возрожденію изъ того внутренняго паденія, коего онъ достигъ предъ концомъ Рѣчи-Посполитой, и потомъ уже подумать о политической самостоятельности; вторые, живя однимъ только желаніемъ скорѣйшаго возстановленія Рѣчи-Посполитой, хватались съ необыкновенною легкостію за самые отдаленные признаки мелькавшей предъ ними надежды на чужую помощь, и отворачивались отъ несогласныхъ съ ними, какъ отъ измѣнниковъ народному дѣлу; первые остерегали всѣхъ, кто стремился за-границу, выставляя предъ ними дѣятельность эмиграціонныхъ комитетовъ безполезною; вторые хвалились тѣмъ, что обратили вниманіе Европы на польское дѣло, разрѣшеніе котораго возможно только путемъ международнаго права. Когда въ общественномъ мнѣніи раздѣленныхъ между тремя государствами поляковъ получали преобладаніе люди перваго направленія, обыкновенно предпринимались нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ органическихъ преобразованій; а когда торжествовали люди второго направленія, все устремлялось на поприще политическихъ аги-

тацій. Двойственность такого общественнаго настроенія удержалась и въ послѣдующія десятилѣтія. Но организаціонная дѣятельность въ эпоху, о которой мы говоримъ, не могла привести къ важнымъ послѣдствіямъ по двумъ причинамъ. На первую наталкивался каждый организаторъ, лишь только касался вопросовъ, нуждавшихся для своего рѣшенія въ общихъ народныхъ усиліяхъ. Оказывалось, что единственнымъ общественнымъ элементомъ, соединявшемъ въ себѣ цѣлый народный бытъ и всѣ преданія прошлаго, было сословіе землевладѣльческое, или, какъ говаривали въ старину, рыцарское, да небольшая горсть городской интеллигенціи, которая, бывъ допущена лишь въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой до участія въ дѣлахъ публичныхъ, успѣла проникнуться общенародными обязанностями. Но она не представляла собою такъ-называемаго третьяго сословія, столь сильнаго въ своей совокупности на всемъ Западѣ: то была лишь незначительная часть зажиточнѣйшихъ и образованнѣйшихъ горожанъ, мыслившихъ одинаково съ сословіемъ землевладѣльческимъ. Остальные обыватели городовъ и мѣстечекъ оставались равнодушными къ совершившимся въ ихъ странѣ перемѣнамъ. Еще хладнокровнѣе относилось къ раздѣламъ Польши сельское населеніе, которое, состоя въ тяжеломъ подданствѣ у землевладѣльцевъ и терпя различныя угнетенія отъ управителей, не имѣло не малѣйшаго понятія о дѣлахъ политическихъ, сословныхъ и народныхъ. Доведенное многовѣковымъ хлопствомъ до полнѣйшаго равнодушія къ жизненнымъ интересамъ, сельское населеніе выказало даже преданность правительствамъ, раздѣлившимъ Польшу, особенно австрійскому и прусскому, которыя, опредѣливъ юридическія отношенія сельчанъ къ владѣльцамъ, приняли ихъ подъ свою опеку и, въ случаѣ дѣйствительныхъ или вымышленныхъ обидъ, оказывали ему болѣе или менѣе безпристрастную поддержку. Понявъ такія внутреннія отношенія, къ которымъ Польша пришла путемъ долгихъ уклоненій отъ истиннаго народнаго быта, нетрудно было уразумѣть все физическое безсиліе народа, замкнутаго въ одномъ сословіи, которое мечтало однимъ разомъ начать борьбу съ тремя сильными государствами. Польскіе организаторы рѣшились помочь горю, съ одной стороны распространеніемъ просвѣщенія между всѣми классами обывателей, съ другой—общественнымъ уравненіемъ всѣхъ сословій безъ различія. Но здѣсь они встрѣчались съ другою причиной, подрывавшей успѣхъ всѣхъ ихъ преобразованій. Управленіе было уже не въ ихъ рукахъ: уже не польскій сенатъ и сеймы руководили общественнымъ строемъ въ ихъ земляхъ, а чужіе законы и чужіе органы.

Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе препятствій выставляли польскимъ организаторамъ тѣ же самыя правительства, прусское и австрійское, которыя приняли подъ свою опеку сельское населеніе. Здѣсь усилія организаціонной партіи встрѣтили такой же сильный отпоръ, какой нашла партія эмиграціонная въ своихъ политическихъ стремленіяхъ со стороны французскихъ дипломатовъ. При каждой неудачѣ организаторовъ, эмигранты, въ свою очередь, обвиняли ихъ въ безполезной тратѣ времени и силъ, которыя могли быть употреблены, по ихъ мнѣнію, съ большею пользою на дѣятельность, указанную заграничными комитетами. Но у организаціонной партіи все-таки были нѣкоторые вопросы, гдѣ она могла дѣйствовать съ бóльшею свободой, чѣмъ въ вопросѣ о сословныхъ преобразованіяхъ; это были: развитіе экономическое и развитіе умственное. Предприняты были нѣкоторыя мѣры къ улучшенію сельскаго хозяйства и распространенію промысловъ. Но при несчастной расточительности, бывшей у поляковъ первороднымъ грѣхомъ, не много пользы принесли эти усилія, особенно въ провинціяхъ, доставшихся Пруссіи. Правительство ея, стремившееся съ систематическою послѣдовательностію къ онѣмеченію доставшихся на его долю земель, облегчивъ пользованіе кредитомъ, помогло отягощенію долгами польскихъ имѣній, которыя мало-по-малу стали переходить въ руки нѣмцевъ, болѣе опытныхъ въ хозяйствѣ и болѣе бережливыхъ. Кто бралъ ссуды и употреблялъ ихъ на улучшеніе хозяйства, тотъ не оставался въ накладѣ; но такихъ людей между поляками было не много. Объ увеличеніи же польской поземельной собственности нечего было и думать, ибо цѣнность земли въ прусскихъ владѣніяхъ поднялась и пріобрѣтеніе ея стало доступно только нѣмецкимъ колонистамъ, поселившимся еще при польскихъ короляхъ или вновь прибывшимъ, и поддерживаемымъ теперь самимъ правительствомъ. Нѣсколько лучше, хотя и не безъ своего рода препятствій, шло дѣло народнаго просвѣщенія. Правда, школьное образованіе было отчасти въ рукахъ правительствъ, но, съ другой стороны, имъ занималось и духовенство, столь же проникнутое польскимъ духомъ, какъ и шляхетское сословіе. Но за то въ полномъ распоряженіи у организаціонной партіи оставалась литература. Признано было полезнымъ для народнаго дѣла позаботиться объ ея успѣхахъ. Въ 1801 году, съ дозволенія прусскаго правительства, было основано въ Варшавѣ Общество любителей наукъ. Оно содѣйствовало, и нравственно и матеріально, обогащенію польской литературы, которая мало-по-малу возстановила духовную связь между разрозненными польскими землями.

Въ литературѣ силы разъединенныя трудились надъ общимъ дѣломъ, и прежде всего надъ разработкою и очищеніемъ родного языка. Людямъ съ пылкимъ воображеніемъ казалось, что организаціонныя усилія, обращенныя на матеріальное и духовное развитіе народа, восполняли собою труды партіи эмиграціонной, готовившей для будущей Польши силу военную, физическую.

Съ восшествіемъ императора Александра I на русскій престолъ практическое значеніе организаціонной партіи усилилось. Дружба государя съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ внушала полякамъ большія надежды. Многимъ изъ польскихъ эмигрантовъ дозволено было прибыть въ Россію; многимъ изъ нихъ возвращены имѣнія, и польское образованіе нигдѣ не пользовалось въ то время такою свободой, какъ въ западныхъ губерніяхъ русской имперіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей эмиграціонной партіи, Михаилъ Огинскій, также перешелъ въ ряды организаторовъ, испросивъ сперва, по совѣту Талейрана, дозволеніе прусскаго правительства поселиться въ Варшавѣ, а потомъ завязавъ сношенія съ Петербургомъ. Около русскаго двора столпились польскіе магнаты въ то самое время, когда Наполеонъ, распустивши польскіе легіоны, провозглашенъ былъ императоромъ Франціи. По вліянію Чарторыйскаго, русскій дворъ выхлопоталъ у австрійскаго правительства освобожденіе Колонтая и позволилъ ему поселиться на Волыни. Вліянію Чарторыйскаго приписывается появленіе указовъ 1802 и 1803 годовъ, въ коихъ изложены новыя основанія для народнаго просвѣщенія въ Россіи, заимствованныя большею частію изъ постановленій бывшей эдукаціонной коммиссіи Рѣчи-Посполитой. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ указъ, опредѣлявшій устройство виленской академіи и школъ всего учебнаго округа, который былъ подчиненъ ей и обнималъ восемь губерній западнаго края; на основаніи сего указа, польскій языкъ признанъ былъ языкомъ преподаванія, какъ въ самой академіи, такъ и во всѣхъ школахъ округа. Такое покровительство польской народности должно было произвести тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на умы, что въ то же самое время въ Пруссіи и Австріи система германизаціи оставалась во всей силѣ своей, а особенно подвергались преслѣдованію австрійскаго правительства польскіе курсы въ древней ягеллоновской академіи Кракова, что̀ принудило лучшихъ польскихъ профессоровъ, и въ томъ числѣ знаменитаго Яна Снядецкаго, покинуть свои каѳедры. Наконецъ, въ 1803 году князь Чарторыйскій облеченъ былъ въ званіе министра иностранныхъ дѣлъ русской имперіи, назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, а Ѳаддей Чацкій ви-

зитаторомъ школъ въ трехъ юговападныхъ губерніяхъ: Волынской, Подольской и Кіевской, гдѣ процвѣтала польская кременецкая коллегія. Послѣ всего сказаннаго не трудно догадаться, что надежды многихъ поляковъ обратились къ Россіи и ея государю.

При такихъ обстоятельствахъ Чарторыйскій и его партія приступили къ составленію плановъ возстановленія Польши. Объ этомъ дѣлѣ говорилось прямо и откровенно, въ присутствіи государя и приближенныхъ къ нему русскихъ; разногласіе могло быть только о самомъ способѣ, какимъ предстояло выполнить замыселъ, раздѣляемый всѣми, кто могъ имѣть значеніе для него. По мнѣнію Чарторыйскаго, инціатива и выполненіе всего дѣла должны были принадлежать государю, а при такомъ условіи ему представлялись два способа. Первымъ и наиболѣе желаннымъ для него было соединеніе всѣхъ польскихъ земель въ особое, ни отъ кого независимое королевство, съ конституціей 3-го мая 1791 года, подъ наслѣдственнымъ управленіемъ великаго князя Михаила Павловича и его прямыхъ потомковъ. Такъ какъ государь не охотно склонялся къ этой мысли, главнымъ образомъ потому, что исполненіе ея могло вызвать сильное неудовольствіе въ самой имперіи, то Чарторыйскій представилъ другой планъ, по которому всѣ давнія польскія земли, въ качествѣ отдѣльнаго королевства съ конституціей 3-го мая, съ особенной администраціей и своимъ народнымъ войскомъ, поставлены были бы навсегда въ связь съ Россіей въ лицѣ государей, изъ коихъ каждый, будучи конституціоннымъ королемъ Польши, управлялъ бы ею исключительно чрезъ поляковъ. Императоръ Александръ хотя и склонялся въ пользу такого плана, обѣщавшаго ему огромное приращеніе силъ, но опасался многихъ затрудненій при его выполненіи, а особенно противодѣйствія Пруссіи и Австріи, которыя не захотѣли бы добровольно отказаться отъ своихъ частей, и союза ихъ съ другими европейскими государствами, которыя съ недовѣріемъ бы отнеслись къ усиленію русскаго вліянія на Западѣ. Чарторыйскій не отвергалъ, что затрудненія будутъ большія, но думалъ, что при совершавшихся безпрестанно перемѣнахъ въ политическомъ положеніи Европы, могли наступить благопріятныя для его плана обстоятельства, которыми можно было бы воспользоваться.

Такая минута была близка. Смѣлость, съ которой Наполеонъ взялся за императорскую корону, его хозяйничанье въ Европѣ и неограниченное господство въ Италіи и сосѣднихъ съ нею земляхъ обезпокоили остальныхъ государей не менѣе, чѣмъ пред-

9*

шествовавшая его диктатурѣ революція. Имѣя уже неоднократныя доказательства военныхъ талантовъ Наполеона, монархи не безъ опасеній видѣли всѣ силы Франціи соединенными въ его рукахъ и вовсе не желали, чтобы власть его утвердилась; они мало-по-малу составили обширную коалицію, душою которой была Англія, дававшая деньги на вооруженія. Въ переговорахъ о томъ принимала участіе и Россія; шли они чрезъ руки поляка, управлявшаго императорскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Держа въ своихъ рукахъ нить дипломатическихъ сношеній, убѣжденный въ неограниченномъ довѣріи къ себѣ государя, Чарторыйскій хотѣлъ воспользоваться возникавшимъ союзомъ для польскаго дѣла, чтó представлялось ему тѣмъ возможнѣе, что прусскій дворъ уклонялся отъ участія въ коалиціи и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе союзниковъ. Руководя переговорами, онъ, съ одной стороны, включилъ въ нихъ условіе, что коалиція не будетъ предлагать насильственно Франціи и завоеваннымъ ею землямъ соціально-политическаго устройства, котораго не пожелало бы ихъ населеніе, а съ другой—выговорилъ, что, по счастливомъ окончаніи войны, соберется конгрессъ для утвержденія европейскаго равновѣсія и обезпеченія общаго покоя на такихъ основаніяхъ, которыя будутъ ручаться за независимость всѣхъ государствъ и народовъ и положатъ предѣлы всякаго рода завоевательнымъ стремленіямъ, либо преобладанію однихъ надъ другими. Хотя подобныя условія и не говорили прямо о Польшѣ, но Чарторыйскій понималъ ихъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ представлялъ императору Александру, что пора для разрѣшенія польскаго вопроса наступаетъ; что русскій императоръ можетъ стать на такую недосягаемую высоту въ отношеніяхъ къ Европѣ, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ; что государь, объявивъ себя польскимъ королемъ, можетъ взять прусско-польскія провинціи и присоединить ихъ къ своему королевству, давъ ему конституцію 3-го мая. Императоръ, казалось, соглашался съ общимъ планомъ Чарторыйскаго, но послѣ совѣщаній съ другими министрами замѣтилъ опасность, которая могла возникнуть въ случаѣ, еслибы Пруссія перешла на сторону Франціи, и, не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей плана Чарторыйскаго, отказался удовлетворить другое его желаніе, чтобы нѣкоторые изъ русскихъ посланниковъ были смѣнены, а военнымъ министромъ назначенъ Сухтеленъ. Не лучше принято было предложеніе Чарторыйскаго, чтобы, не входя въ дальнѣйшіе переговоры съ прусскимъ королемъ, дававшимъ до послѣдней минуты уклончивые отвѣты, занять войскомъ всю восточную часть его

владѣній и обезпечить чрезъ то операціонную линію въ предпринимаемой войнѣ, а съ другой стороны, заинтересовавъ поляковъ вниманіемъ къ ихъ народному дѣлу, создать изъ нихъ силу, которая не только бы стѣсняла дѣйствія пруссаковъ, но могла бы имѣть и выгодное вліяніе на весь ходъ военныхъ дѣйствій. Государь думалъ иначе: его главнымъ желаніемъ было привлечь прусскаго короля къ коалиціи. Увидавшись съ нимъ въ Мемелѣ, Александръ I отправился въ Берлинъ, гдѣ Чарторыйскій долженъ былъ вести переговоры съ прусскими дипломатами вопреки собственнымъ убѣжденіямъ. Пруссія однакожъ присоединилась къ коалиціи слишкомъ поздно для того, чтобы принять участіе въ войнѣ съ самаго начала. Битва подъ Аустерлицемъ поразила Австрію; Наполеонъ образовалъ изъ западно-нѣмецкихъ владѣній рейнскій союзъ. Тогда только Пруссія вмѣшалась въ войну, но потерпѣла въ свою очередь пораженіе. Чарторыйскій, обманувшійся въ своихъ надеждахъ, вышелъ въ отставку. Польская эмиграція опять обратилась къ Наполеону, который приглашалъ Костюшку принять участіе въ войнѣ. Хотя послѣдній и отвѣчалъ отказомъ, но Домбровскій и Выбицкій обратились съ воззваніемъ къ полякамъ, въ которомъ указывалось на близость возстановленія Польши при содѣйствіи Наполеона. Когда корпусъ Даву вступилъ въ Познань, то во всей Великой Польшѣ и Мазовіи произошло народное возстаніе. Князь Іосифъ Понятовскій сталъ во главѣ народнаго войска, которое и приняло участіе въ общей борьбѣ. Почти всѣ польскія провинціи, за исключеніемъ земли Вармской и собственной Пруссіи, составлявшей наслѣдіе тевтонскаго ордена, отпали отъ Пруссіи; изъ нихъ образовано было варшавское герцогство подъ управленіемъ саксонскаго короля Фридриха-Августа. Но Бѣлостокскій округъ отошелъ къ Россіи, а городъ Данцигъ объявленъ вольнымъ. Такая перемѣна въ положеніи польскихъ земель названа была потомъ польскими историками четвертымъ раздѣломъ.

Варшавское герцогство, имѣвшее свое правительство, свой сенатъ и свой сеймъ, завело народное войско и сдѣлалось опорнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ стремленій, направленныхъ къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о внутреннихъ дѣлахъ герцогства, и ограничимся только указаніемъ на его политическую роль.

Въ 1809 году, послѣ новой войны Австріи съ Франціей, причемъ поляки были на сторонѣ Наполеона и даже сама Россія находилась въ союзѣ съ нимъ, варшавское герцогство получило приращеніе вслѣдствіе присоединенія къ нему западной Галиціи,

восточная же, за исключеніемъ Тарнопольскаго округа, который отошелъ къ Россіи, осталась при Австріи. Это названо было пятымъ раздѣломъ Польши. Такая нерѣшительность Наполеона въ дѣлѣ возстановленія польскаго королевства объяснена была тогда же графомъ Монталиве, который, излагая въ своей рѣчи предъ законодательнымъ собраніемъ положеніе дѣлъ французской имперіи, сказалъ между прочимъ: «варшавское герцогство увеличено частью Галиціи. Императоръ могъ бы присоединить къ нему всю Галицію, но не желалъ предпринимать ничего такого, что́ бы могло вызвать неудовольствіе въ его союзникѣ, императорѣ русскомъ. Почти вся Галиція перваго раздѣла осталась при Австріи. Императоръ никогда не имѣлъ намѣренія возстановлять Польшу. Что́ сдѣлано имъ для Галиціи третьяго раздѣла, то совершено не столько изъ видовъ политики, сколько по требованію чести; ибо императоръ не могъ выдать на месть оскорбленному монарху людей, которые оказали такую преданность французскому дѣлу». Слова Монталиве не были напечатаны въ газетахъ варшавскаго герцогства, хотя многіе изъ польскихъ патріотовъ и увѣряли, что слова эти не заключаютъ истинной мысли Наполеона. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что Наполеонъ собственноручно писалъ Александру I, завѣряя его, что не имѣетъ намѣренія возстановлять Польшу, и что русскій канцлеръ Румянцовъ получилъ отъ Шампаньи ноту подобнаго же содержанія. Но и при петербургскомъ дворѣ все еще оставалась значительная польская партія, полагавшая, что поляки получили уже все отъ Наполеона, что́ онъ только могъ дать; будущіе же успѣхи польскаго дѣла эта партія считала зависѣвшими отъ воли русскаго государя. Она предвидѣла, что добрыя отношенія между Наполеономъ и Александромъ не могутъ сохраниться надолго, и что Польша будетъ главнымъ предметомъ распри. Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ окончанія австрійской войны, польскій вопросъ сдѣлался орудіемъ, которое французская политика постоянно обращала противъ Россіи. Приверженцы русскаго императора между поляками были взволнованы, когда вышелъ указъ противъ поляковъ, служившихъ въ варшавскомъ герцогствѣ, которые лишены были за то своихъ имѣній, находившихся въ предѣлахъ русской имперіи безъ различія,—вступили ли они въ службу послѣ обнародованія указа, или еще прежде. Наполеонъ же былъ доволенъ тѣмъ, ибо разсчитывалъ, что такое распоряженіе уменьшаетъ число приверженцевъ Александра. Чарторыйскій по этому поводу горько жаловался предъ русскимъ государемъ, толкавшимъ, по его мнѣнію, поляковъ въ объятія Франціи. Въ отвѣтѣ своемъ государь,

упрекая поляковъ въ легкомысліи, объясняя принятую имъ мѣру ихъ непріязненнымъ поведеніемъ и ссылался въ этомъ на донесеніе своего посла при французскомъ императорѣ. Чарторыйскій казался непонимающимъ, въ чемъ можно упрекать поляковъ, хотѣвшихъ нераздѣльно принадлежать императору Александру, но получившихъ отказъ въ томъ. Упоминая о письмѣ Наполеона и нотѣ Шампаньи, Чарторыйскій говоритъ, что отнынѣ его будутъ считать главнымъ врагомъ Польши, ибо онъ былъ исключительною причиной, что Наполеонъ покинулъ ея дѣло. Государь отвѣчалъ за себя, что не измѣнилъ своихъ личныхъ сочувствій къ польскому народу, но долженъ также удовлетворять и тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на него титулъ русскаго императора; а на воспоминаніе Чарторыйскаго о томъ, что прежде возстановленіе Польши и соединеніе обѣихъ коронъ на своей головѣ императоръ считалъ увеличеніемъ русскаго могущества, Александръ I отвѣчалъ, что такъ какъ этотъ планъ оказался невыполнимымъ, то надо было избрать иной путь. Чарторыйскій, напротивъ, думалъ, что еще не были испытаны всѣ средства къ выполненію прежняго плана; что временное спокойствіе и частное удовлетвореніе польскихъ желаній не охладятъ дальнѣйшихъ стремленій польскихъ вождей, и что гласныя заявленія нѣкоторыхъ людей, принадлежащихъ къ консервативной партіи, о невозможности вести далѣе польское дѣло, даютъ только случай Наполеону снова взять въ свои руки судьбы Польши и устроить ихъ въ смыслѣ вполнѣ враждебномъ Россіи. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что Наполеонъ никогда не допуститъ соединенія всѣхъ польскихъ земель подъ державой русскаго императора, ибо не захочетъ отказаться отъ своего вліянія на поляковъ и возможности пользоваться ихъ услугами по своему желанію. Что касается образованія для провинцій, перешедшихъ къ Россіи отъ Рѣчи-Посполитой, совершенно отдѣльнаго отъ имперіи управленія, то, по мнѣнію государя, такое распоряженіе вызвало бы неудовольствіе въ остальныхъ частяхъ имперіи. Чарторыйскій сомнѣвался, чтобы такая частная мѣра могла вызвать бо́льшій отпоръ, чѣмъ соединеніе съ русской имперіей всѣхъ польскихъ земель, и, считая тогдашнія обстоятельства вполнѣ благопріятными для сего дѣла, даже предостерегалъ, что можетъ наступить время, когда собственныя выгоды имперіи принудятъ обратиться къ этому плану, но будетъ уже поздно. Чарторыйскій надѣялся внушить императору Александру убѣжденіе, что переговоры съ Франціей о невозстановленіи Польши будутъ обязательны не для одного французскаго императора, но и для русскаго, что

лишило бы его права дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ болѣе благопріятную эпоху. Онъ говорилъ при личномъ свиданіи съ Александромъ I, что образованіе варшавскаго герцогства только возбудило бо́льшія надежды и патріотическій пылъ въ полякахъ, который нельзя потушить одними депешами и обѣщаніями, и что самъ онъ, и по своему положенію, и по личнымъ убѣжденіямъ, не можетъ отказаться отъ прежнихъ плановъ, но долженъ посвятить себя на служеніе имъ. Императоръ отдалъ должную справедливость откровенному объясненію Чарторыйскаго о его личномъ дѣлѣ, но касательно прежняго проекта о возстановленіи польскаго королевства съ конституціей 3-го мая и соединеніи его съ русской имперіей замѣтилъ, что для исполненія его остается одно: ждать, чтобы Австрія рѣшилась на глупость и вступила въ новую борьбу съ Франціей, ибо тогда можно будетъ войти въ соглашеніе съ Наполеономъ и придумать вознагражденіе для саксонскаго короля, какъ варшавскаго герцога; а чтобы не возбуждать подозрительности въ Наполеонѣ, самъ онъ готовъ будетъ на крайнюю мѣру, то-есть на отдѣльное управленіе земель Рѣчи-Посполитой, отошедшихъ къ Россіи и принятіе титула великаго князя литовскаго. Чарторыйскій спрашивалъ Александра, не было ли при его частыхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, и когда узналъ, что въ Эрфуртѣ не было времени для того, а въ Тильзитѣ Наполеонъ отзывался съ нѣкоторою легкостью о полякахъ и Польшѣ, то выразилъ сожалѣніе, что императоръ не развѣдалъ истинныхъ мыслей Наполеона объ этомъ вопросѣ. Наконецъ, и Александръ I, и его бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, согласились въ томъ, что слова Монталиве и заявленія русскому двору самого Наполеона несогласны съ тѣми обѣщаніями, которыя властитель Франціи давалъ самимъ полякамъ. Изъ всего разговора Чарторыйскій вынесъ такое убѣжденіе, что указъ противъ находившихся на службѣ варшавскаго герцогства изданъ былъ единственно съ цѣлью отклонить подозрѣніе Наполеона, что русскій императоръ можетъ соперничать съ нимъ въ привлеченіи къ себѣ довѣрія и расположенія поляковъ; а позднѣе узналъ, что французскій посланникъ, быть можетъ вслѣдствіе новыхъ инструкцій, имѣлъ объясненіе съ русскимъ правительствомъ объ этомъ указѣ, какъ направленномъ противъ герцогства, находившагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ Наполеона. Кромѣ того, онъ подозрѣвалъ, что канцлеръ Румянцовъ и Морковъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей во второмъ раздѣлѣ Польши, были теперь въ пользу соединенія съ имперіей всѣхъ польскихъ земель, какъ

особаго королевства. Въ 1810 году, Чарторыйскій подалъ Александру I новый мемуаръ о польскихъ дѣлахъ; но весь онъ былъ построенъ на томъ самомъ колеблющемся положеніи политическихъ отношеній въ Европѣ, которое императоръ считалъ главнымъ препятствіемъ для всѣхъ своихъ плановъ относительно Польши. Интриги французской дипломатіи, избравшей польскій вопросъ почвою для борьбы съ Россіей, вскорѣ достигли того, что въ случаѣ войны съ Россіей Наполеонъ могъ также безпрепятственно располагать всѣми польскими силами, какъ и силами остальной континентальной Европы. Онъ самъ, тотчасъ же по заключеніи Тильзитскаго мира, въ эпоху, повидимому, наилучшихъ отношеній своихъ къ русскому государю, открыто выражалъ неудовольствіе каждому поляку, который отзывался при немъ съ похвалою объ Александрѣ I, что̀ испыталъ на себѣ между прочимъ Огинскій въ Венеціи. Въ 1810 году, этотъ самый Огинскій, отправляясь изъ Парижа въ Петербургъ, заѣхалъ въ Вильну на съѣздъ землевладѣльцевъ, которые составляли въ это время просьбу къ русскому императору о своихъ нуждахъ, и взялся представить ее лично. Онъ былъ милостиво принятъ Александромъ I, который выразилъ свое удовольствіе по поводу довѣрія поляковъ къ его великодушію. Послѣдніе выводили отсюда, что между Наполеономъ и Александромъ идетъ соперничество за ихъ привязанность; но первенство въ этомъ соперничествѣ все-таки принадлежало Наполеону. Еще въ 1808 году, во время Байонскихъ переговоровъ, онъ упрекалъ уполномоченныхъ, что они не умѣютъ ждать, хотятъ только быстро идти впередъ и съ этою цѣлью возлагаютъ свои надежды на Россію. Александръ I съ своей стороны жаловался Огинскому, какъ прежде Чарторыйскому, на непослѣдовательность польскихъ подданныхъ, на нетвердость ихъ въ своихъ привязанностяхъ и, доказывая ему, что Наполеонъ привлекаетъ поляковъ различными обѣщаніями только для своихъ личныхъ цѣлей, увѣрялъ, что наступитъ время, когда они убѣдятся изъ дѣлъ, что русскій государь въ состояніи удовлетворить ихъ желанія и помимо собственныхъ интересовъ. Просьба виленскихъ владѣльцевъ была удовлетворена, что̀ произвело энтузіазмъ между ними; а самъ Огинскій получилъ званіе сенатора. Когда онъ вернулся въ Парижъ, то Наполеонъ, которому онъ представился, съ удивленіемъ спрашивалъ его: какъ онъ, будучи полякомъ, можетъ быть русскимъ сенаторомъ? и съ тѣхъ поръ оказывалъ ему холодность на всѣхъ придворныхъ собраніяхъ. Дюрокъ еще прямѣе замѣтилъ Огинскому, что не понимаетъ, какъ онъ могъ принять званіе сенатора отъ русскаго им-

ператора, а не послѣдовать примѣру другихъ поляковъ, не сомнѣвающихся, что императоръ Франціи любитъ ихъ народъ и заботится объ его участи. Огинскій отвѣчалъ, что готовъ принести всякія жертвы, если дѣло дойдетъ до возстановленія Польши, и что не пересталъ быть полякомъ, хотя и пользуется милостями царя для себя и земляковъ своихъ. Дюрокъ закончилъ разговоръ увѣреніемъ, что Польша не можетъ быть независимою и что никогда такою не была, ибо хлопство сельчанъ и несогласіе въ господствовавшемъ шляхетскомъ сословіи отнимали у нея возможность къ тому. Но тотъ же Дюрокъ и другія лица, окружавшія Наполеона, говорили инымъ языкомъ съ поляками, не состоявшими въ русской службѣ. Огинскій невольно сдѣлался партизаномъ Александра I, и не разъ высказывалъ въ польскихъ кружкахъ свое недовѣріе къ Наполеону. Ему возражали, что Наполеонъ, конечно, преслѣдуетъ собственныя цѣли, но надо пользоваться тѣми случаями, когда эти цѣли совпадаютъ съ польскими интересами. Эмиграціонная партія была тогда опять въ бо́льшей силѣ, чѣмъ партія организаціонная. Она всюду проповѣдывала, что Наполеонъ уже ослабилъ двѣ державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, и та же участь ожидаетъ третью; что, конечно, онъ стремится къ преобладанію въ Европѣ, но для этой самой цѣли онъ всегда будетъ сближаться съ поляками и, конечно, поможетъ имъ возстановить свою независимость, если только встрѣтитъ въ нихъ матеріальную силу.

Въ это время въ юго-западной Россіи возникло дѣло по жалобѣ русскихъ властей на дѣятельность Чацкаго и на образованіе въ кременецкой коллегіи какого-то политическаго общества. Чацкій былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ безъ вѣдома Чарторыйскаго, остававшагося еще попечителемъ учебнаго округа, отъ котораго зависѣла коллегія. Чарторыйскій послалъ императору Александру письмо, въ которомъ говорилъ, что, потерявъ довѣріе правительства, не можетъ быть полезенъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Государь отвѣчалъ, что выходомъ изъ службы Чарторыйскій хочетъ разорвать свои пятнадцатилѣтнія отношенія къ нему, и, успокоивая на счетъ кременецкой школы и Чацкаго, склонялъ его остаться на своемъ мѣстѣ, ибо пришло время, которое, можетъ быть, потомъ уже не повторится,—подающее надежды на полное возстановленіе Польши. Обѣщая сообщить со временемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, онъ спрашивалъ Чарторыйскаго: какія данныя имѣетъ онъ о настроеніи умовъ въ варшавскомъ герцогствѣ? Склонно ли его населеніе принять всякаго рода помощь для своего возрожденія? Согласно ли оно, не

взирая на то, изъ какого государства выйдетъ эта помощь, соединиться съ нимъ для общей цѣли? Есть ли въ герцогствѣ партіи, и какія именно, и могутъ ли онѣ соединиться между собой подъ знаменемъ общаго возрожденія? которая изъ партій сильнѣе, и какіе люди пользуются наибольшимъ вліяніемъ въ ней? Не подѣлено ли самое войско на партіи, и кто въ немъ имѣетъ наибольшее значеніе? Государь требовалъ сохраненія въ тайнѣ этихъ запросовъ, а также скорѣйшаго и обстоятельнѣйшаго отвѣта, отъ котораго можетъ зависѣть судьба польскаго вопроса; онъ требовалъ далѣе, чтобы Чарторыйскій вошелъ въ соглашеніе съ людьми вліятельными, съ которыми у него есть знакомство и которые любятъ родину истинно, не подчиняясь никакимъ постороннимъ взглядамъ, но съ условіемъ, чтобы въ такое соглашеніе князь вступалъ съ каждымъ отдѣльно, ибо совокупныя дѣйствія могутъ быть не безопасны. Александръ совѣтовалъ Чарторыйскому распустить слухъ, что ему дано позволеніе отъ правительства выѣхать за границу на неопредѣленное время, что путешествіе свое онъ начнетъ весной, а для приготовленія къ нему выѣдетъ въ Варшаву, гдѣ можетъ лучше удостовѣриться, какимъ способомъ слѣдуетъ привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ. Въ заключеніе письма императоръ указывалъ, какія силы можно было бы выставить противъ Наполеона, если бы поляки соединились съ Россіей, между которой и Франціей должна вскорѣ вспыхнуть смертельная война. Чарторыйскій поблагодарилъ за память и довѣріе, оказанное ему. Признавая и съ своей стороны важность приближавшейся минуты, онъ увѣрялъ, что въ герцогствѣ существуетъ согласіе въ желаніяхъ и цѣляхъ, что всѣ стремятся къ возстановленію нераздѣльной Польши, и единственное разногласіе заключается въ бо́льшемъ или меньшемъ довѣріи къ способностямъ и патріотизму вліятельныхъ лицъ, что́ однакожъ не даетъ основаній думать, что въ герцогствѣ есть разномыслящія партіи. По его мнѣнію, необходимо было бы всѣхъ убѣдить, что спасеніе отечества требуетъ совершенной перемѣны въ образѣ дѣйствій и отреченія отъ единственной опоры, какую герцогство имѣло до тѣхъ поръ. Онъ полагалъ однакожъ, что ручательство за возрожденіе польскаго народа было бы принято съ благодарностью и горячностью, откуда бы ни вышло, лишь бы только самое ручательство и способъ его выполненія возбуждали довѣріе къ себѣ и были бы болѣе рѣшительными, чѣмъ французскіе. Переходя къ затрудненіямъ, какія надо будетъ преодолѣть, чтобы убѣдить правительство, войско и жителей въ необходимости перемѣны, что́ составляетъ главный узелъ всего вопроса, онъ усма-

тривалъ наибóльшую трудность во всеобщемъ убѣжденіи, что намѣренія Наполеона вполнѣ искренни, и только очевидная невозможность помѣшала ему совершить бóльшее для Польши; что его собственныя, противныя тому заявленія имѣли цѣлію только прикрыть истинные замыслы, и что при первомъ столкновеніи его съ Россіей вся Польша получитъ независимость. Чарторыйскій прибавлялъ, что важную роль въ такомъ всеобщемъ убѣжденіи играютъ чувство благодарности къ Наполеону за частное возстановленіе отечества и военное братство съ французами, между тѣмъ какъ русскіе считаются врагами поляковъ, въ чемъ каждый изъ нихъ убѣдился событіями 1809 года; а потому трудно предположить, чтобы народъ оставилъ Наполеона даже и въ томъ случаѣ, еслибъ это грозило ему опасностью. Далѣе, онъ припоминалъ, что не только польская гвардія, но и 20,000 польскаго войска, находящагося въ Испаніи, подверглись бы мести Наполеона въ случаѣ измѣны остальныхъ поляковъ, не говоря уже о многочисленной молодежи польской, получающей образованіе въ Парижѣ. Обращая вниманія на прежніе успѣхи Наполеона, которыхъ онъ умѣлъ достигать въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, Чарторыйскій высказывалъ опасеніе, что императоръ французовъ и теперь можетъ взять верхъ. Въ виду всего этого онъ полагалъ, что пришлось бы разрушать сильно укоренившіяся вѣрованія тому, кто захотѣлъ бы склонить войско и населеніе варшавскаго герцогства къ отступленію отъ монарха, который самъ и одинъ только подалъ руку помощи и воскресилъ часть Польши; но для этого нужно, чтобы положеніе дѣлъ и несомнѣнное благо отечества говорили такъ рѣшительно и ясно, что въ состояніи были бы оправдать такую неблагодарность и вѣроломство. По его мнѣнію, надлежало бы доказать народу дѣйствительное и не малое умноженіе выгодъ для его страны отъ соединенія всѣхъ прежнихъ польскихъ земель въ отдѣльное королевство, съ конституціей 3-го мая 1791 года, имѣющее вполнѣ независимое правительство, народное войско и обезпеченные водные пути сообщенія для торговли, безъ которыхъ обѣднѣвшій край не въ состояніи возвыситься. Но прежде всего Чарторыйскій желалъ достойнаго обхожденія съ поляками какъ съ народомъ, отъ котораго требуютъ значительныхъ услугъ и которому поручаютъ съ довѣріемъ оборону первыхъ пограничныхъ линій государства, и прибавлялъ, что полумѣрами нельзя ничего достигнуть; ибо безсильныхъ побужденій не возможно какъ бы чудомъ превратить недовѣріе и неохоту въ энтузіазмъ и привязанность. Твердилъ притомъ, что надо вну-

шить жителямъ герцогства увѣренность въ возможность побѣды, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ всѣ подобныя предпріятія оканчивались пораженіями. Не отвергая, что переходъ поляковъ на сторону Россіи, выступающей въ защиту европейской независимости, склонитъ и нѣмцевъ къ отдѣленію отъ французскаго императора, Чарторыйскій намекалъ, что Александръ I-й въ своихъ разсчетахъ слишкомъ уменьшилъ французскія силы, и что трудно будетъ скрыть всѣ планы и приготовленія отъ французскаго посланника, который имѣетъ способность заглядывать всюду и разузнавать, чтó дѣлается за кулисами; не довѣрялъ также и количеству русскихъ войскъ, показанному въ письмѣ государя, ссылаясь на собственный опытъ, доказавшій ему неоднократно, что вмѣсто 100.000 значившихся на бумагѣ, оказывалось въ дѣйствительности не болѣе 60.000. Указывая на князя Іосифа Понятовскаго, какъ на вождя, пользовавшагося вліяніемъ въ войскѣ, Чарторыйскій доносилъ о своемъ намѣреніи выѣхать чрезъ нѣсколько дней въ Варшаву, чтобы тамъ разузнать все лучше; обѣщалъ соблюдать при этомъ осторожность, къ которой обязывала его безопасность личная и семейная; просилъ не забыть о Галиціи въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до возстановленія Польши. Въ заключеніе, онъ говорилъ, что еслибы планъ государя о союзѣ поляковъ съ русскими не удался и политика принудила императора поступить съ польскими землями, какъ съ непріятельскими, то онъ долженъ будетъ удалиться изъ русской службы. Александръ I-й отвѣчалъ безъ замедленія, обѣщая приступить къ разрѣшенію вопроса о возстановленіи цѣлой Польши въ прежнемъ ея видѣ, за исключеніемъ Бѣлоруссіи, и просилъ прислать конституцію 3-го мая, которая была ему неизвѣстна; съ своей стороны онъ выставлялъ единственное условіе, чтобы все польское королевство навсегда было соединено съ русскою имперіей, въ чемъ должна быть дана запись, за руками всѣхъ извѣстнѣйшихъ поляковъ; говорилъ, что Австрію можно будетъ вознаградить за Галицію Румынскими княжествами, но вознагражденіе саксонскому королю, по его мнѣнію, могло быть дано лишь тогда, если Фридрихъ-Августъ станетъ на сторонѣ Россіи; надѣялся, что примѣру поляковъ послѣдуетъ Пруссія, и образовавшійся чрезъ то союзъ можетъ безъ выстрѣла занять своими войсками берега Одера. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію русскаго государя, поляки, отдаваясь ему, могли съ бóльшею основательностію надѣяться на возстановленіе своего королевства, чѣмъ вступая въ открытую вражду съ нимъ, и, кромѣ того, въ случаѣ войны спасали свои земли отъ непріятельскаго нашествія и сое-

диненнаго съ нимъ разоренія. Но такъ какъ извѣстія, сообщенныя Чарторыйскимъ изъ Варшавы, не показывали, чтобы населеніе Варшавскаго герцогства склонно было принять предложенія русскаго царя, то переписка на время прекратилась.

Едва ли самые завзятые поляки могли упрекнуть Чарторыйскаго въ скромности требованій, какія онъ могъ, по своимъ давнимъ отношеніямъ, представить императору Александру, и ожидать отъ послѣдняго бо́льшихъ уступокъ, чѣмъ тѣ, на которыя онъ уже соглашался. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Наполеона одержало верхъ, и Чарторыйскій очутился среди людей, рѣшившихся связать участь своего отечества съ судьбою Наполеона.

Чарторыйскій не былъ, впрочемъ, одинокъ въ своихъ надеждахъ на императора Александра. Къ числу людей того же направленія принадлежалъ и Михаилъ Огинскій. Возвратившись изъ Парижа въ Петербургъ, онъ былъ принятъ императоромъ Александромъ и представилъ ему положеніе дѣлъ въ Европѣ въ такихъ чертахъ: Наполеонъ дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи въ распространеніи своего господства надъ Европой, увеличиваетъ свои силы и, вступивъ въ родство съ австрійскимъ домомъ, разсчитывая на содѣйствіе поляковъ, готовится вторгнуться въ Россію, дабы, поразивъ ее, уничтожить послѣднюю преграду къ образованію всемірной монархіи; а потому странно, что Россія вопреки своимъ интересамъ ведетъ губительную войну съ Турціей и закрыла свои порты для англійскихъ кораблей. Александръ отвѣчалъ твердо, что Наполеонъ не сломитъ Россіи, которая готова ко всякаго рода испытанію, и въ свою очередь спросилъ Огинскаго: отчего онъ не говоритъ о Польшѣ, которая можетъ сдѣлаться полемъ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ Россія и одна съумѣетъ оборониться? Въ отвѣтъ на то Огинскій сталъ раскрывать предъ государемъ планъ, отчасти напоминавшій планы Чарторыйскаго; императоръ просилъ представить его письменно. Съ такой же цѣлію, какъ и Огинскій, прибыли въ Петербургъ и другіе поляки, въ числѣ коихъ наиболѣе замѣчательными были: Ксаверій Любецкій и Казимиръ Любомирскій. Посовѣтовавшись съ ними, Огинскій составилъ мемуаръ, въ которомъ обширно излагалъ, что Наполеонъ никогда не думалъ о дѣйствительномъ возстановленіи независимой Польши, хотя и называлъ ее стѣною противъ Россіи; что обыкновенно, приготовляясь къ войнѣ, никогда не опредѣлялъ заранѣе ея цѣлей, но, руководясь только своимъ безграничнымъ тщеславіемъ, стремился лишь къ господству надъ цѣлымъ міромъ. Но такъ такъ Наполеонъ возбуждаетъ поляковъ различными обѣщаніями, чтобы воспользоваться ихъ

силами, то русскому императору необходимо, принявъ титулъ польскаго короля, поразить замыслы противника; въ случаѣ несогласія государя на столь обширное предпріятіе, необходимо, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, принялъ титулъ великаго князя Литовскаго, собравъ воедино всѣ земли Рѣчи-Посполитой, доставшіяся на долю Россіи. Огинскому было отвѣчено, что въ случаѣ войны необходимо образованіе королевства изъ всѣхъ польскихъ земель, которое было бы связано съ Россіей на подобіе союза Чехіи или Венгріи съ Австріей, а въ случаѣ сохраненія мира достаточно выполнить планъ о литовскомъ княжествѣ. Потомъ Огинскій узналъ, что Армфельду и Ризенкампфу поручено было составить уложеніе для Литвы, а Витте и Любомирскому планъ военной организаціи для западнаго края. Составлялись и другіе проекты: объ областномъ управленіи, даже объ улучшеніи быта сельчанъ въ провинціяхъ, считавшихся тогда польскими. Огинскій и его сотрудники работали усердно, и императоръ Александръ выразилъ даже ему свое удовольствіе, назвавъ его проекты благонамѣренными и не представляющими препятствій къ подачѣ ихъ въ государственный совѣтъ для обсужденія. Но это были уже послѣдніе проекты, въ которыхъ поляки могли договариваться, какъ люди, которыхъ вызывали къ тому. Приближалось время всеобщей войны, когда ихъ интересы должны были низойти на второй планъ и подчиниться всѣмъ тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ могла привести эта война.

III.

Вторая польская война французской имперіи. — Архіепископъ де-Прадтъ и варшавская конфедерація.—Участіе поляковъ въ походѣ Наполеона на Россію.—Положеніе варшавскаго герцогства послѣ бѣгства Наполеона.—Временное правительство. — Польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Споръ за Саксонію.—Воззваніе цесаревича Константина Павловича къ полякамъ.—Тайный союзъ между Франціей, Австріей и Англіей.—Уступки со стороны Александра I-го.—Возвращеніе Наполеона и рѣшеніе Вѣнскимъ конгрессомъ спорнаго вопроса о Польшѣ.—Образованіе польскаго королевства.—Участь Галиціи и Познани.—Объявленіе Кракова вольнымъ городомъ.

«Солдаты! вторая польская война началась», — такими словами открывалось воззваніе Наполеона, обращенное къ французской арміи предъ ея переходомъ въ предѣлы русской имперіи. Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ: въ Тильзитѣ Россія клялась въ вѣчномъ союзѣ съ Франціей и войнѣ противъ Англіи. Она измѣняетъ нынѣ своимъ клятвамъ... Россія

увлечена рокомъ!.. Ея судьбы должны совершиться... Вторая польская война будетъ столь же славною для французскаго оружія, какъ и первая; миръ, который мы заключимъ, положитъ предѣлы тому вліянію, какое Россія оказывала въ теченіи полувѣка на дѣла Европы». Итакъ, двѣ цѣли руководили Наполеономъ при его нашествіи на Россію: возстановленіе Польши и ослабленіе политическаго значенія Россіи въ системѣ европейскихъ государствъ. «Кровь доблестныхъ славянъ течетъ въ нашихъ жилахъ», говорилъ въ отвѣтъ императоръ Александръ въ своемъ воззваніи, изданномъ въ Вильнѣ три дня спустя. «Воины! Вы будете защищать вѣру, отечество и независимость! Я буду съ вами! Богъ противъ угнетателя!» Не безъ нѣкотораго умысла упомянуто было въ этомъ воззваніи о славянскомъ происхожденіи русскаго народа, которому Наполеонъ объявилъ войну подъ предлогомъ возстановленія Польши. На этотъ разъ императоръ французовъ увлекалъ съ собою не однихъ поляковъ, но и всѣхъ своихъ союзниковъ, въ томъ числѣ Пруссію и Австрію. Первая обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 20,000 человѣкъ, вторая въ 30,000. Обезпечивая за Австріей обладаніе восточной Галиціей, Наполеонъ однакожъ выговаривалъ условіе, что, въ случаѣ возстановленія польскаго королевства, австрійское правительство получитъ за свои польскія провинціи равное вознагражденіе въ южно-славянскихъ земляхъ, составлявшихъ имперское королевство, зависѣвшее тогда отъ Франціи.

Поляки не сомнѣвались болѣе, что война начата за ихъ дѣло. Французскому резиденту въ Варшавѣ, Биньону, предписано было отправиться въ Дрезденъ для переговоровъ съ саксонскимъ королемъ Фридрихомъ-Августомъ о вознагражденіи его нѣмецкими областями за варшавское герцогство. Въ Саксоніи были рады этому предложенію. Между поляками же Биньонъ долженъ былъ возбудить воинственный пылъ рѣшительными обѣщаніями возстановить Польшу. По толкованіямъ, заключавшимся въ инструкціи, Европа состояла въ то время: изъ земель французской имперіи, изъ имперіи русской и нѣмецкихъ государствъ между ними. Для уравновѣшиванія политическаго положенія въ средней Европѣ на берегахъ Рейна созданъ былъ особый союзъ; съ тою же цѣлію на берегахъ Вислы и Нѣмана должна быть возстановлена Польша. Англіи предоставлялось лишь такое вліяніе на дѣла континента, какое согласны были признать за ней другія великія державы. Допуская, впрочемъ, что по естественному положенію своему, Польша и Пруссія могутъ сдѣлаться рано или поздно союзниками Россіи, инструкція замѣчала, что возстановленная

Польша останется навсегда благодарною Франціи, а между последней и Россіей, при новомъ устройствѣ Европы, исчезнутъ поводы къ взаимному соперничеству. Въ инструкціи говорилось, что уже въ 1806 году Наполеонъ думалъ объ образованіи польскаго королевства и возложеніи его короны на прусскаго короля; но ненависть въ Франціи пораженныхъ пруссаковъ, зависть къ послѣднимъ со стороны Австріи и опасенія вооружившейся въ то время Россіи принудили ограничиться устройствомъ только варшавскаго герцогства. За всѣмъ тѣмъ, Биньону предписывалось внушить полякамъ, что они должны болѣе полагаться на свои собственныя силы, нежели на помощь императора французовъ, считая ее только опорою для ихъ народныхъ средствъ; что обыватели герцогства, стремясь къ возстановленію цѣлой Польши, должны обдумать форму объявленія своихъ желаній остальнымъ полякамъ; что правительство герцогства, по наступленіи удобной минуты, обязано образовать общую конфедерацію для всѣхъ польскихъ земель, не принуждая однакожъ къ тому тѣхъ, кто бы въ земляхъ, подвластныхъ Россіи и Австріи, не захотѣлъ присоединиться къ общему союзу, ибо Польша должна почерпать свои силы лишь изъ народнаго духа и несомнѣннаго патріотизма жителей, а съ другой стороны, изъ однообразнаго устройства, какое будетъ дано ей.

Вскорѣ послѣ того, думая польстить католическому настроенію польскихъ патріотовъ, Наполеонъ назначилъ новаго резидента въ Варшаву, архіепископа мехельнскаго Прадта. Но послѣдній былъ легитимистъ, враждебно расположенный къ перемѣнамъ, внесеннымъ въ европейскую жизнь французскою революціею, а стало-быть и къ имперіи, взиралъ недовѣрчиво на дѣйствія поляковъ и безпрестанно вмѣшивался въ распоряженія варшавскаго правительства, больше вредя ему, чѣмъ помогая. Назначивъ Прадту на содержаніе полтораста тысячъ франковъ, Наполеонъ поручилъ ему окружить себя пышностію, не щадить денегъ для блестящихъ пріемовъ, которые такъ нравились полякамъ; особенно же дѣйствовать чрезъ женщинъ, возбуждать противъ сосѣднихъ дворовъ и щадить на время одну Австрію. Прадтъ исполнилъ это предписаніе своего императора. Народное движеніе въ герцогствѣ началось съ того, что Чарторыйскій (отецъ), бывшій генералъ подольскихъ земель, былъ выбранъ депутатомъ отъ варшавскаго округа на общій сеймъ, и произнесъ первую публичную рѣчь со времени послѣдняго раздѣла. Его привѣтствовали, какъ маршала будущаго сейма. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ декретъ Фридриха-Августа, поручавшій управленіе дѣлами гер-

цогства, въ виду столь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, совѣту министровъ, которые и обнародовали декретъ о созваніи сейма въ Варшавѣ. Весь дальнѣйшій образъ дѣйствій указанъ былъ самимъ Наполеономъ. Еще инструкціей, данной Биньону, требовалось образованіе конфедераціи, а при представленіи сенаторовъ, Выбицкаго и Соболевскаго, въ Познани Наполеонъ говорилъ, что даетъ варшавскому правительству полную свободу высказать въ рѣчи, которою будетъ открыть сеймъ, все, чтó оно найдетъ нужнымъ. Сеймъ собрался 14 (26) іюня, и при открытіи его архіепископъ Вороничъ напомнилъ депутатамъ, что сеймъ долженъ заняться дѣлами не одного герцогства, но всего польскаго народа. Старый Чарторыйскій, открывъ засѣданіе, объявилъ, что обыватели Литвы прислали ему просьбу, чтобы сеймъ, имѣя въ виду важность минуты, благопріятныя обстоятельства и ясную волю народа, занялся великимъ дѣломъ возстановленія отечества. Матушевичъ поддержалъ эту просьбу, а Выбицкій предложилъ назначить особую коммиссію для ея разсмотрѣнія, на чтó всѣ согласились. Просьба эта была подписана проживавшими въ Варшавѣ обывателями Литвы и составлена по внушенію варшавскаго правительства, дѣйствовавшаго въ согласіи съ Прадтомъ, который по своимъ инструкціямъ долженъ былъ все устроить такъ, чтобы вмѣшательство французскаго правительства въ польскія дѣла прикрыто было народною волей. Между тѣмъ, на другой день стало извѣстно воззваніе Наполеона къ арміи, и сейму уже не трудно было выполнить свое дѣло. Докладчикомъ коммиссіи былъ Матушевичъ, который въ своей рѣчи, указавъ на давнія отношенія Польши къ Франціи и на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, выводилъ заключеніе, что подобно тому, какъ прежде все соединялось на погибель Польши, такъ теперь все благопріятствуетъ возстановленію ея; а когда онъ произнесъ извѣстныя слова: «возстанетъ Польша; чтó говорю? есть ужъ Польша!» рѣчь его прервана была громкими криками депутатовъ и публики, наполнявшей всѣ галлереи, и крики эти повторены были стоявшими на улицѣ. Послѣ того Матушевичъ предложилъ, отъ имени правительства, образовать генеральную конфедерацію польскаго королевства. Въ актѣ конфедераціи между прочимъ было сказано, что польское королевство возстановлено и польскій народъ соединенъ въ одно цѣлое. Выбраны были члены конфедераціоннаго правительства, которые должны были озаботиться увеличеніемъ польской арміи, находившейся въ рядахъ французскихъ войскъ и считавшей уже до 80.000 человѣкъ. Конфедерація приняла прежній гербъ Рѣчи-Посполитой, велѣла вписать

по старинному обычаю свой актъ въ коронную метрику и открыть тамъ запись ея дальнѣйшихъ дѣйствій. Издавъ воззванія къ войскамъ и всѣмъ обывателямъ, конфедерація отправила депутаціи къ Наполеону и саксонскому королю, и универсалы, призывавшіе окружные сеймики и общинныя управленія къ обнародованію конфедераціоннаго акта. Универсалы эти посланы были и въ русскія губерніи, гдѣ сеймики должны были открываться по мѣрѣ военныхъ успѣховъ; но при этомъ опредѣлено было, что мѣстные сеймики должны приступать къ конфедераціи, не дѣлая въ ней никакихъ ограниченій или прибавокъ. При первыхъ же заявленіяхъ оттуда въ пользу федераціи, бывшій министръ императора Александра, Чарторыйскій просилъ у него полнаго увольненія, чтобы стать на сторонѣ народа, которымъ управляетъ его отецъ, какъ маршалъ конфедераціи. Но конфедеративное правительство и въ самомъ герцогствѣ не пользовалось такимъ значеніемъ, какого добивалось. Оно по старымъ обычаямъ требовало подчиненія себѣ всѣхъ дѣлъ и властей, и даже самого совѣта министровъ, получившаго свое полномочіе отъ саксонскаго короля; но министры, предоставляя конфедеративному правительству лишь нравственное вліяніе на дѣла, желали сохранить все дѣйствующее значеніе за собой. Споръ этотъ разрѣшилъ Прадтъ, ставшій на сторонѣ министерскаго совѣта. Депутація, высланная конфедеративнымъ правительствомъ къ Наполеону, нашла его уже въ Вильнѣ и просила его покровительства польскому королевству. «Скажите, государь, польское королевство существуетъ!» говорилъ Выбицкій, «и конфедераціонный актъ будетъ въ глазахъ міра равняться дѣйствительности.» Наполеонъ въ своемъ отвѣтѣ предлагалъ полякамъ пользоваться обстоятельствами, опираясь на его войну съ Россіей, но не касаться австрійской Галиціи. Десять дней спустя призналъ конфедерацію и саксонскій король. Затѣмъ послѣдовало заявленіе польскаго войска и великаго княжества Литовскаго въ пользу конфедераціи.

Однакожъ, дѣйствительныя силы поляковъ, несмотря на всѣ ихъ приготовленія, не отвѣчали тѣмъ обширнымъ планамъ, которые заявлены были конфедеративнымъ правительствомъ. Исполнивъ всѣ формальности, предписанныя старымъ обычаемъ при началѣ своихъ дѣйствій, конфедерація не пошла далѣе ихъ. Все, что́ было подготовлено для борьбы, сдѣлано было не ею, а партіей эмиграціонною и правительствомъ варшавскаго герцогства. Главный вождь польской арміи, князь Іосифъ Понятовскій, получалъ незначительную помощь отъ конфедераціи. Правительство ея оставалось олицетвореніемъ польскаго единства лишь потому,

что находилось подъ покровительствомъ Наполеона, и участь его зависѣла вполнѣ отъ успѣховъ французской арміи. Но, въ случаѣ пораженія Наполеона и дѣло польской конфедераціи обращалось въ ничто: ибо собственныхъ силъ Варшавскаго герцогства и присоединившихся къ нему временно областей было недостаточно для возстановленія Польши.

Когда отступленіе наполеоновской арміи изъ Москвы стало несомнѣннымъ и принесло гибельныя для нея послѣдствія, поляки, сохранившіе свои отношенія къ императору Александру, снова обратились къ нему съ своими представленіями. Огинскій, остававшійся въ Петербургѣ, писалъ къ государю отъ 7-го октября, въ надеждѣ склонить его къ провозглашенію себя польскимъ королемъ, причемъ представилъ и проектъ самой прокламаціи къ полякамъ. Въ ней указано было между прочимъ на общее, славянское происхожденіе поляковъ и русскихъ. Императоръ отвѣчалъ ему при личномъ свиданіи, что объявить себя польскимъ королемъ, когда война еще не кончилась, онъ не можетъ, ибо это было бы фанфаронствомъ; но когда война кончится и Наполеонъ уже не въ состояніи будетъ причинять зло полякамъ, онъ возстановитъ Польшу, ибо это равно согласно, какъ съ его собственными убѣжденіями, такъ и съ интересами его имперіи. Въ декабрѣ Огинскій, а затѣмъ уже и Чарторыйскій, ходатайствовали объ амнистіи полякамъ западныхъ губерній, участвовавшимъ въ наполеоновскомъ походѣ на Россію; и амнистія эта была дана. Въ своемъ отвѣтѣ Чарторыйскому императоръ говорилъ прямо: «месть есть чувство мнѣ неизвѣстное, и платить за зло добромъ есть сладчайшее для меня удовольствіе; самыя строгія приказанія отданы всѣмъ моимъ генераламъ дѣйствовать согласно таковой моей волѣ и обходиться съ поляками дружески и братски... Но относительно польскаго вопроса я долженъ дѣйствовать осторожно, предвидя затрудненія, которыя онъ можетъ встрѣтить съ одной стороны въ Россіи, съ другой—въ Австріи и Пруссіи. Правительство герцогства и конфедераціи могутъ спокойно оставаться въ Варшавѣ. Этотъ городъ не будетъ занятъ моими войсками, какъ только всѣ чужеземныя войска выйдутъ изъ него, а число польскихъ войскъ въ немъ останется возможно меньшее». Но рѣшимость польскаго войска защищаться въ крѣпостяхъ и потомъ слѣдовать за Наполеономъ до границъ Франціи заставила русскихъ занять Варшаву и образовать свое временное правительство въ герцогствѣ; затѣмъ, императоръ Александръ, прибывъ въ Калишъ, оставилъ безъ вниманія новыя предложенія Чарторыйскаго о возстановленіи Польши, и началъ

немедленно переговоры съ Пруссіей и Австріей о союзѣ противъ Наполеона. Первая отозвалась Пруссія, стараясь выговорить при этомъ возстановленіе ея владычества въ областяхъ перваго и второго раздѣла Польши; за нею уже послѣдовала Австрія, тщетно требовавшая отъ Наполеона, во время переговоровъ въ Дрезденѣ, чтобы онъ отказался отъ покровительства варшавскому герцогству и отъ «польской химеры» вообще. Война въ Германіи окончательно разрушила надежды поляковъ, упорно державшихся Наполеона и не хотѣвшихъ перейти на сторону Александра. Битва подъ Лейпцигомъ окончилась для нихъ смертью Понятовскаго, утонувшаго въ волнахъ Эльстера, и плѣномъ 5 генераловъ, 241 офицера и 3250 рядовыхъ, возвращенныхъ на родину. Баварцы и даже саксонцы, послѣдніе чуть не вопреки волѣ своего короля, перешли въ ряды союзниковъ, а остатки польскихъ легіоновъ все ещё находились въ рядахъ французовъ. Когда русскія войска были уже за Рейномъ, отозвался изъ Бервиля Костюшко, не принимавшій участія въ польскихъ войнахъ временъ Наполеона; онъ обратился къ императору Александру съ письмомъ, прося у него общей амнистіи для всѣхъ поляковъ безъ исключенія, освобожденія польскихъ крестьянъ, находившихся въ чужихъ земляхъ, если они вздумаютъ возвратиться на родину, принятія польско-королевскаго титула и освобожденія остальныхъ сельчанъ въ польскихъ земляхъ въ теченіи десяти лѣтъ, обѣщая при этомъ посвятить послѣдніе дни свои на служеніе императору Александру, какъ своему государю. Костюшко писалъ и лорду Грею, прося его ходатайствовать за поляковъ предъ русскимъ императоромъ. И русскій государь, и англійскій министръ высказывали въ своихъ отвѣтахъ сочувствіе къ бѣдствовавшей Польшѣ. По отреченіи Наполеона отъ императорскаго сана, польскимъ войскамъ, находившимся во французской службѣ, предоставлено было право свободнаго возвращенія на родину, съ сохраненіемъ оружія и полученныхъ ими знаковъ отличія. Въ варшавскомъ герцогствѣ дѣла приняли спокойный оборотъ. Главною заботою временного правительства было охраненіе внутренняго порядка и привлеченіе обывателей на сторону польской политики, руководимой теперь императоромъ Александромъ. Съ этою цѣлію въ герцогствѣ строжайше запрещены были угнетенія и преслѣдованія кого бы то ни было, и въ русскихъ войскахъ, занимавшихъ герцогство, введены были суровыя наказанія за всякіе безпорядки, чинимые солдатами. Князь Адамъ Чарторыйскій, вернувшись изъ Калиша, жилъ постоянно въ Варшавѣ, и состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ланскимъ и Новосильцевымъ, изъ коихъ первый былъ

президентомъ, а второй вице-президентомъ временного правительства, настаивалъ съ одной стороны на выполненіи обѣщаній, данныхъ государемъ при занятіи герцогства, съ другой—на примиреніи поляковъ съ русскими. Со стороны русскаго правительства употреблены были всѣ средства, чтобы не дать полякамъ, бившимся за Наполеона, повода къ сѣтованіямъ и упрекамъ. Такъ, когда всѣ польскія войска возвратились на родину, императоръ Александръ, поручивъ главное начальство надъ ними брату своему Константину, согласился на желанія, представленныя ему отъ имени двѣнадцати генераловъ и шестисотъ офицеровъ польскихъ, касательно переустройства польской арміи. Для сего назначенъ былъ особый комитетъ, членами коего были генералъ Домбровскій, Зайончекъ, Віельгорскій и Гедройцъ. По рѣшенію этого комитета и съ согласія Александра нѣсколько высшихъ офицеровъ отправилось въ Австрію, Пруссію и Англію, чтобы вывести оттуда плѣнныхъ поляковъ. Изъ отряда, сдавшагося подъ Лейпцигомъ, изъ войскъ, возвратившихся домой по отреченіи Наполеона, изъ плѣнныхъ, отобранныхъ въ вышепомянутыхъ государствахъ, и изъ гарнизоновъ, защищавшихъ Данцигъ, Замостье и Модлинъ, образовалась небольшая польская армія въ 20,000 человѣкъ. Разрѣшено было привезти въ Варшаву тѣло Іосифа Понятовскаго, погребеннаго въ Лейпцигѣ; при въѣздѣ въ Варшаву оно встрѣчено было не только польскими, но и русскими войсками. Кромѣ того, еще при началѣ занятія герцогства русскими войсками изданъ былъ указъ объ уменьшеніи податей, слѣдовавшихъ съ его жителей. Все это подѣйствовало успокоительно на большинство поляковъ, ожидавшихъ теперь спасенія отъ императора Александра.

Вѣнскій конгрессъ, долженствовавшій замирить взолнованную продолжительными войнами Европу, занялся возстановленіемъ нарушенныхъ правъ государей, участвовавшихъ въ борьбѣ противъ Наполеона, и прежнихъ границъ государствъ, или вовсе уничтоженныхъ, или сильно уменьшенныхъ павшимъ завоевателемъ, а также наказаніемъ тѣхъ, кто поддерживалъ Наполеона до послѣднихъ дней его власти. Основаніемъ къ передѣлкѣ владѣній между европейскими государями служили не историческія преданія или этнографическія условія, но только статистическія, числовыя данныя. Наиболѣе затрудненій представлялъ польскій вопросъ, который рѣшился поднять на конгрессѣ Александръ I, и вопросъ о владѣніяхъ саксонскаго короля Фридриха-Августа, бывшаго варшавскаго герцога и вѣрнаго союзника Наполеона. Польскій вопросъ долженъ былъ подвергнуться разсмотрѣнію кон-

гресса уже потому, что Пруссія и Австрія, приступая къ последней коалиціи противъ Наполеона, требовали возстановленія своихъ прежнихъ границъ, а Австрія, кромѣ того, и раздѣленія варшавскаго герцогства. Правда, императоръ Александръ по низверженіи Наполеона успѣлъ договориться съ прусскимъ королемъ о вознагражденіи его саксонскими землями, вмѣсто польскихъ, но это было лишь частное соглашеніе между ними. Отправляясь въ Вѣну, русскій государь взялъ съ собою Адама Чарторыйскаго, какъ представителя польской народности. Александръ заявилъ свой проектъ возстановленія польскаго королевства изъ земель варшавскаго герцогства, но подъ его управленіемъ и въ соединеніи съ Россіею, хотя и съ самостоятельною конституціей. Но его планъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Англіи, Австріи и Франціи, причемъ каждая изъ нихъ дѣйствовала по различнымъ побужденіямъ. Надѣясь одолѣть каждаго изъ своихъ противниковъ поодиночкѣ, Александръ началъ съ французскаго уполномоченнаго Тайлерана. Зная, что Лудовику XVIII было бы пріятно, еслибы конгрессъ отнялъ у Мюрата неаполитанскій престолъ, Александръ думалъ привлечь къ своимъ планамъ хитраго Талейрана именно съ этой стороны; но не достигъ цѣли, ибо соглашеніе разбилось о дѣло саксонскаго короля, интересы котораго Лудовикъ не желалъ выдать прусскому королю. Столь же неудачны были переговоры и съ англійскимъ уполномоченнымъ лордомъ Кастельриджемъ, который, указывая на предварительные договоры при вступленіи Пруссіи и Австріи въ общую коалицію, считалъ невозможнымъ согласить ихъ съ новымъ планомъ. Александръ отвѣчалъ, что не одна Австрія имѣетъ право на вознагражденіе, что другіе союзники оказали болѣе услугъ Европѣ въ борьбѣ за ея освобожденіе, и что онъ самъ прежде всѣхъ имѣетъ право на вознагражденіе; кромѣ того, онъ ссылался на слово, которымъ обязался предъ поляками возстановить ихъ отечество хотя бы въ предѣлахъ варшавскаго герцогства. Кастельриджъ давалъ замѣтить, что онъ не противится возстановленію Польши, но подъ условіемъ полной самостоятельности и независимости ея, а не въ соединеніи съ Россіею, что̀ усилило бы вліяніе послѣдней на дѣла Европы. Такъ-какъ прусскій король охотнѣе принялъ бы въ вознагражденіе Саксонію, чѣмъ польскія земли, гдѣ онъ не могъ разсчитывать на привязанность къ себѣ жителей,—саксонцы же, какъ нѣмцы и протестанты, могли быть болѣе вѣрными подданными, то лордъ Кастельриджъ вошелъ въ переговоры съ Пруссіей, предлагавшей образовать для Фридриха-Августа небольшое вла-

дѣніе на берегахъ Рейна съ 700,000 католическихъ подданныхъ, но требовалъ съ своей стороны, чтобы Пруссія не поддерживала русскаго императора въ его польскихъ планахъ. Австрійское правительство, не желавшее ни усиленія Пруссіи на счетъ Саксоніи, ни возстановленія Польши, соединенной съ Россіей, послѣдовало примѣру англійскаго уполномоченнаго, объявивъ прусскому королю, что въ крайнемъ случаѣ готова пожертвовать ему Саксоніей, если въ польскомъ вопросѣ онъ будетъ дѣйствовать за-одно съ Австріей и Англіей. Меттернихъ зналъ очень хорошо, что Фридрихъ-Вильгельмъ не въ состояніи будетъ примирить столь противорѣчащихъ другъ другу условій. Наконецъ, и Тайлеранъ сообщилъ Александру чрезъ Чарторыйскаго, что Франція не будетъ противодѣйствовать его планамъ, если онъ поможетъ ей сохранить Саксонію за Фридрихомъ-Августомъ,—условіе столь же невозможное для выполненія, какъ и предложенное Меттернихомъ Пруссіи, ибо оба они взаимно уничтожали другъ друга. Всѣ эти интриги союзныхъ дипломатовъ страшно раздражали Александра, который усматривалъ въ нихъ очевидное желаніе оставить его въ одиночествѣ и потомъ принудить къ уступкамъ. Все это побудило его къ рѣшительному шагу: онъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, пригласивъ Фридриха-Вильгельма занять ее прусскою арміею и прислать своихъ коммиссаровъ, которые ввели бы въ нее прусское управленіе. Репнинъ, оставляя Саксонію, обнародовалъ воззваніе къ ея жителямъ, въ которомъ объявлялъ, что по соглашенію съ Англіей и Австріей они переходятъ подъ управленіе прусскаго короля. Когда русская армія вступила въ варшавское герцогство, императоръ повелѣлъ великому князю Константину обратиться къ полякамъ съ воззваніемъ, пригласивъ ихъ къ защитѣ своихъ земель, если бы кто-либо изъ враговъ Россіи вздумалъ напасть на нихъ. Въ этомъ воззваніи было сказано между прочимъ: «его величество императоръ, вашъ могущественный покровитель, призываетъ васъ. Соединитесь подъ его знаменами; пусть ваша рука вооружится на защиту вашего отечества и на охраненіе вашего политическаго существованія... Теперь, когда ваши усилія будутъ посвящены на служеніе вашему отечеству, вы будете непобѣдимы». Кромѣ того, императоръ Александръ снова взялъ слово съ Фридриха-Вильгельма, начинавшаго уже колебаться вслѣдствіе предложеній Меттерниха и Кастельриджа, что онъ пребудетъ вѣренъ своему союзу съ нимъ. Воззванія Репнина и великаго князя Константина вызвали цѣлую бурю дипломатическихъ заявленій со стороны среднихъ и малыхъ нѣмецкихъ владѣній.

Австрійскій и англійскій уполномоченные протестовали противъ заявленія Репнина, говоря, что онъ счелъ дѣломъ оконченнымъ условія предварительныя, которыя еще не имѣютъ силы договора. Пруссаки возражали съ своей стороны, ссылаясь на ноту австрійскаго правительства и согласіе англійскаго уполномоченнаго. Воззваніе къ польскимъ войскамъ встревожило большинство дипломатовъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ. Хотя Пруссія продолжала стоять упорно на своемъ; но самъ императоръ Александръ, видя, что дѣло склоняется къ союзу между Австріей, Англіей, Франціей и средне-нѣмецкими государствами, рѣшился оказать нѣкоторыя уступки и самъ заявилъ, что готовъ возвратить Австріи и Пруссіи нѣкоторыя части варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ, эгоистическіе разсчеты Австріи и сопротивленіе французскаго и англійскаго уполномоченныхъ, заявлявшихъ лишь платоническія желанія видѣть Польшу возстановленною во всей ея цѣлости и независимою, но на дѣлѣ предпочитавшихъ ея раздробленіе образованію небольшого польскаго королевства въ соединеніи съ Россіей, были причиною того, что планъ императора Александра, который даже польскимъ историкомъ Генрихомъ Шмидтомъ, весьма нерасположеннымъ къ Александру, названъ наиболѣе выгоднымъ для поляковъ, остался неисполненнымъ.

Несмотря однако-жъ на уступчивость императора Александра, соглашеніе между членами конгресса по вопросамъ польскому и саксонскому не было еще достигнуто. Составлена была особая коммиссія изъ представителей пяти великихъ державъ, и въ первомъ изъ ея засѣданій графъ Нессельроде представилъ слѣдующій проектъ шестого раздѣла Польши: Австріи русскій императоръ уступаетъ округъ Подгорье, за исключеніемъ предмѣстья того же имени съ его околицей, отходящаго къ городу Кракову; кромѣ того, половину соляныхъ копей Велички, бывшую за варшавскимъ герцогствомъ, и округъ тарнопольскій; Пруссіи уступались тѣ земли, которыя впослѣдствіи съ одной стороны округлили восточно-прусскую провинцію, а съ другой—образовали великое княжество познанское; города Краковъ и Торнъ предложено было объявить вольными и нейтральными, подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ державъ, а изъ остальныхъ земель варшавскаго герцогства, соединяющихся съ Россіей, образовать особое государство, причемъ императоръ Александръ сохранялъ за собой право дать ему національную конституцію и такія границы, какія сочтетъ удобными; теченія Вислы и ея устья при Данцигѣ остаются свободными для торговыхъ сношеній всѣхъ трехъ государствъ и

вольныхъ городовъ Кракова и Торна; русскій императоръ, желая, чтобы всѣ поляки участвовали въ благодѣяніяхъ, связанныхъ съ народною администраціей, предстательствуетъ предъ своими союзниками въ пользу ихъ польскихъ подданныхъ, съ цѣлью удержать ихъ провинціальныя учрежденія, какъ охраняющія народность, и дать имъ участіе въ управленіи ихъ краемъ; наконецъ, три договаривающіяся державы обезпечиваютъ взаимно свои польскія владѣнія. Въ слѣдующемъ засѣданіи прусскій уполномоченный Гарденбергъ требовалъ, кромѣ того, присоединенія всей Саксоніи къ Пруссіи и заявилъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ ни на волосъ не отступитъ отъ своихъ требованій, а въ случаѣ надобности будетъ поддерживать ихъ оружіемъ. Раздраженный тѣмъ Кастельриджъ отвѣчалъ, что Англія никогда не дозволитъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ ей законы, и въ гнѣвѣ удалился изъ засѣданія. Талейранъ безъ труда склонилъ его къ заключенію союза между Англіей, Франціей и Австріей на случай, еслибы Пруссія и Россія вздумали навязывать свою волю Европѣ; къ этому союзу присоединились потомъ Баварія, Ганноверъ, Голландія и Сардинія. Пруссаки должны были понизить свои требованія, особенно когда узнали, что и Александръ I-й, обманутый въ надеждѣ на удержаніе за собой всѣхъ земель варшавскаго герцогства, не стоитъ болѣе за передачу всей Саксоніи прусскому королю. Послѣдній получилъ третью часть Саксоніи и нѣсколько мелкихъ владѣній внутри Германіи, такъ что прусское королевство насчитывало уже до 10,000,000 жителей. Но всѣ эти условія не успѣли еще получить окончательнаго утвержденія, когда получено было извѣстіе въ Вѣнѣ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Неожиданное появленіе общаго врага снова возстановило союзъ европейскихъ государей, поссорившихся при дѣлежѣ земель, остававшихся безъ владѣтелей.

Послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Ватерлоо прусскими и англійскими войсками, и ссылки его на островъ св. Елены, вѣнскій конгрессъ покончилъ начатое имъ дѣло раздѣленія земель варшавскаго герцогства. Шумныя фразы противниковъ плана, заявленнаго въ началѣ конгресса императоромъ Александромъ, имѣвшимъ намѣреніе устроить конституціонную Польшу подъ своимъ владычествомъ, были празднымъ словомъ, не опиравшимся на дѣло, ибо когда Александръ согласился на раздѣлъ варшавскаго герцогства, то никто изъ сторонниковъ независимой Польши и не подумалъ на конгрессѣ объ обезпеченіи польской народности въ краяхъ, отходившихъ къ тремъ великимъ державамъ. Условія такого обезпеченія предложены были

русскимъ государемъ; Австрія и Пруссія должны были согласиться на нихъ: но, по требованію лорда Кастельриджа, и это обязательство было только условно, обезпечивалось лишь державами, получившими въ раздѣлъ земли герцогства. Въ апрѣлѣ 1815 года заключены были договоры между Россіей, Австріей и Пруссіей о раздѣлѣ этихъ земель и о вольномъ городѣ Краковѣ, ибо Торнъ, по окончательному рѣшенію вѣнскаго конгресса, навсегда отошелъ къ Пруссіи. Въ маѣ объявлено было объ образованіи польскаго королевства или царства, соединеннаго съ Россіей въ лицѣ общаго государя, объ образованіи великаго княжества познанскаго, присоединеннаго къ прусскому королевству, о возсоединеніи западной и восточной половинъ Галиціи подъ австрійскимъ владычествомъ и о политическомъ устройствѣ краковской республики, состоящей подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ державъ. Александръ I-й сдержалъ свое слово относительно польскаго королевства: оно пользовалось своимъ независимымъ управленіемъ до революціи 1830 года. Но въ великомъ княжествѣ познанскомъ, польская народность подверглась систематической германизаціи съ первыхъ же временъ присоединенія его къ Пруссіи, а въ 1848 году оно было окончательно включено въ составъ германскаго союза. Обѣ половины Галиціи, населенныя поляками и русскими, управлялись съ начала провинціальными чинами, устроенными по образцу остальныхъ австрійскихъ областей, а съ 1848 года подвергались безпрестаннымъ административнымъ перемѣнамъ, то соединяясь, то раздѣляясь, то пользуясь нѣкоторою автономіей, то подчиняясь централизаціи или съ нѣмецкимъ, или съ польскимъ оттѣнкомъ. Одинъ вольный городъ Краковъ, о которомъ мы теперь поведемъ рѣчь, пережилъ въ своей независимости, хотя и ограниченной условіями, наложенными на него тремя сосѣдними державами, внутреннюю независимость остальныхъ частей прежней Польши.

Изъ всего сказаннаго не трудно вывести слѣдующее заключеніе. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ въ средѣ польскаго народа, раздѣленнаго между тремя державами, существовали двѣ партіи: эмиграціонная и организаціонная; первая стремилась къ возстановленію Польши въ старыхъ ея границахъ и опирала свои надежды на Наполеона, вторая—стремилась къ возрожденію польской народности посредствомъ улучшенія сословныхъ отношеній, посредствомъ экономическаго и духовнаго развитія, и въ минуты благопріятныя стремилась къ частному возстановленію Польши

при содѣйствіи Александра I-го. Наполеонъ поощрялъ планы эмиграціонной партіи сперва потому, что получалъ отъ нея матеріальное содѣйствіе въ своихъ войнахъ, далѣе потому, что намѣревался посредствомъ возстановленія Польши ограничить вліяніе Россіи на среднюю Европу. Александръ I-й поддерживалъ польскій вопросъ отчасти вслѣдствіе личныхъ отношеній своихъ къ нѣкоторымъ изъ польскихъ организаторовъ, отчасти изъ соперничества съ Наполеономъ, и видѣлъ въ возстановленіи Польши, соединенной съ русской имперіей подъ его властью, средство сохранить свое вліяніе на европейскія дѣла. Пруссія и Австрія, твердо слѣдуя старинной нѣмецкой политикѣ присоединеній на востокѣ, упорно держались за раздѣлъ польскихъ земель и противились даже частному возстановленію Польши. Реставрированная Франція и коммерческая Англія были равнодушны къ интересамъ польской народности и лишь заботились о томъ, чтобы судьбы ея не были переданы подъ покровительство одной Россіи, настаивая на раздѣленіи польскихъ земель между всѣми сосѣдними державами. Дальнѣйшая судьба польской народности вполнѣ подтвердила, что она болѣе обезпечена подъ русскимъ владычествомъ, чѣмъ подъ нѣмецкимъ. Въ этомъ отношеніи уже одна общность происхожденія отъ славянскаго корня способствовала сохраненію болѣе выгодныхъ условій для польской народности, чѣмъ въ Пруссіи и Австріи: этнографическія границы между польскою и русскою народностію въ предѣлахъ имперіи и соединеннаго съ нею польскаго королевства остались и до сихъ тѣ же, какими они были въ началѣ ихъ исторіи.

Нилъ Поповъ.

* * *

Ты почто́, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную,
Разорва̀ла лишь душу надвое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ.
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную?
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница!
— Государь ты мой, братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много-ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница,
Меня съ нашими разлучница!
— Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ меня вольной-волею,
А приданаго за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстро̀й водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

***

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
Какъ дымкой, солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю: ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть летучей паутины;
Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всему насталъ покой, прими-жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно-ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, покинутыя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна, иль скудна?

Гр. Ал. Толстой.

АНТРОПОЛОГІЯ

и

ДАРВИНИЗМЪ

I.

Развитіе дарвинизма. — Необходимость индуктивной повѣрки его. — Значеніе антропологіи, науки о человѣкѣ, для дарвинизма.

Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Дарвинъ* и *Уоллесъ* напечатали результаты своихъ изслѣдованій и размышленій о происхожденіи видовъ, положивъ тѣмъ основаніе новой эры въ біологическихъ наукахъ. Идеямъ двухъ великихъ англійскихъ натуралистовъ не суждено было, какъ это нерѣдко случалось въ исторіи научнаго развитія, залежаться подъ спудомъ; ученые, давно томившіеся отъ недостатка руководящихъ идей, съ жадностью накинулись на новую теорію и поспѣшили освѣтить ея свѣтомъ самые темные закоулки своихъ спеціальныхъ архивовъ. Такимъ образомъ, въ сравнительно короткое время, дарвинизмъ (такъ многіе назвали новую теорію) проникъ во всѣ области біологическихъ наукъ и даже за предѣлы ихъ, въ сравнительное языкознаніе, политическія науки и проч. Съ особенною силою новое ученіе распространилось въ Германіи, гдѣ оно сначала проповѣдывалось въ формѣ такъ-наз. «университетскихъ программъ» и публичныхъ рѣчей, а потомъ перешло и въ обыкновенныя студенческія аудиторіи. Когда, нѣсколько лѣтъ тому, «гвельфскій» геттингенскій университетъ пожелалъ замѣстить ка-

ѳедру зоологіи противникомъ дарвинизма, то оказалось, что между всѣми извѣстными зоологами, безъ каѳедръ, не было ни одного, отвѣчакщаго подобному требованію, вслѣдствіе чего университетъ волей-неволей долженъ былъ сдѣлать уступку и пригласить «умѣреннаго» дарвиниста. Литература дарвинизма разрослась до такихъ размѣровъ, что понадобились особые списки ея, а въ послѣднее время стали появляться о ней особые годовые отчеты. Въ спискѣ Шпенгеля, 1872 года, упоминается уже триста-четыре автора, писавшихъ о новой теоріи, и тѣмъ не менѣе списокъ этотъ еще далеко не полонъ.

Такое быстрое распространеніе ученія, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть претензіи считаться научно-доказанной теоріей, объясняется съ одной стороны необыкновенно высокой степенью научнаго развитія Дарвина, съ другой же стороны —своей простотой, ясностью и всеобъемлющею полнотою.—Мысль, что всѣ организмы связаны между собою кровнымъ родствомъ, т.-е., что всѣ они происходятъ отъ общихъ прародителей, ни для кого не была новостью: она послужила основой теоріи Ламарка, которая въ свое время раздѣлялась многими первоклассными учеными, и въ болѣе или менѣе томъ же видѣ сохранилась до временъ Уоллеса и Дарвина. Но одной основной мысли было недостаточно. Дарвинъ совершенно справедливо замѣтилъ въ введеніи къ своей книгѣ: «Если натуралистъ станетъ размышлять о происхожденіи видовъ, то легко понять, что, взвѣшивая взаимное родство организмовъ, ихъ эмбріональныя отношенія, географическое распространеніе, ихъ геологическую послѣдовательность и другіе подобные факты, онъ придетъ къ заключенію, что виды не созданы самостоятельно, а происходятъ подобно разновидностямъ одного вида. Тѣмъ не менѣе, подобнымъ выводомъ, если бы онъ даже былъ совершенно основателенъ, *нельзя удовлетвориться до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено доказательство, какимъ образомъ все обитающее землю безконечное число видовъ могло измѣниться до такой степени, чтобы получилось настоящее совершенство устройства и примѣненія къ жизненнымъ условіямъ, справедливо возбуждающимъ наше удивленіе*». Въ отвѣтѣ на это требованіе и заключается вся сущность дарвинизма, т.-е. ученія о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора наиболѣе выгодно приспособленныхъ организмовъ. Эту теорію никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ученіемъ о преемственности видовъ вообще (Descendenzlehre): первая относится къ послѣднему, какъ видовое понятіе къ родовому.

До тѣхъ поръ, пока новое ученіе касалось всей суммы ор-

ганизмовъ вообще, главныя основанія его не переставали носить на себѣ характеръ чисто дедуктивнаго построенія. Такимъ образомъ, и у Дарвина, и у Уоллеса естественный подборъ является простымъ выводомъ изъ принциповъ борьбы за существованіе. Такъ какъ, говоритъ теорія, вся масса нарождающихся организмовъ не можетъ безпрепятственно прожить на землѣ, то между ними возникаетъ конкурренція, въ которой несомнѣнно одолѣютъ только тѣ существа, которыя случайно снабжены какими-нибудь индивидуальными преимуществами. Эти послѣднія, именно въ силу своего значенія въ борьбѣ, выступаютъ на первый планъ и, накопляясь, изъ индивидуальныхъ особенностей переходятъ наконецъ въ видовыя. Въ пользу каждаго положенія этой теоріи было приведено много подкрѣпляющихъ вторичныхъ выводовъ, а въ пользу нѣкоторыхъ пунктовъ представлены и фактическія доказательства, но въ общемъ и теперь, также какъ и въ самомъ началѣ существованія дарвинизма, теорія естественнаго подбора остается безъ индуктивной повѣрки. Послѣдняя между тѣмъ не только необходима, но и практически возможна. Никому не придетъ въ голову требовать, чтобы въ короткое время былъ прослѣженъ процессъ измѣненія *видовъ* путемъ естественнаго подбора, но тѣмъ не менѣе у насъ остается возможность наблюдать и процессъ измѣненія организмовъ, и процессъ конкурренціи между ними. Спеціалисты умѣютъ отличать признаки несравненно болѣе мелкіе, чѣмъ видовые. Самъ Дарвинъ упоминаетъ о мастерахъ, опредѣляющихъ ничтожнѣйшія индивидуальныя отличія въ толщинѣ бараньихъ шерстинокъ, и тѣмъ рѣшающихъ существеннѣйшій вопросъ искусственнаго подбора. Почему бы то же самое не было доступно натуралисту при отыскиваніи индивидуальныхъ особенностей и наблюденіи ихъ фиксированія въ борьбѣ за существованіе? Случаи послѣдней на каждомъ шагу встрѣчаются въ природѣ. Стóитъ только обратить вниманіе на быстро размножающіеся организмы на ограниченномъ пространствѣ, напр., на водяныя растенія въ замкнутыхъ бассейнахъ или же на организмы, быстро заселяющіе небольшіе острова. Кому не случалось наблюдать, какъ скоро заростаетъ поверхность стоячихъ водъ такимъ густымъ покровомъ ряски, что черезъ него не видно ни одной капли воды? Тутъ, очевидно, мы имѣемъ одинъ изъ крайне рѣзкихъ случаевъ перенаселенія, и слѣдовательно очень энергическую борьбу за существованіе [1]).

---

[1]) Можно a priori предвидѣть, что результатъ подобной повѣрки не будетъ благопріятенъ теоріи естественнаго подбора. Извѣстно, что океаническіе острова отличаются сравнительной бѣдностью видовъ, а между тѣмъ конкурренція между особями

Итакъ, несомнѣнно, что индуктивная повѣрка основныхъ положеній теоріи необходима, особенно въ виду сложности біологическихъ явленій. Но, не дожидаясь ея въ томъ видѣ, какъ я только-что предложилъ, теперь же можно достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ, перенеся теорію Дарвина на почву науки о человѣкѣ.

Антропологія имѣетъ дѣло или съ однимъ только видомъ, или же, пожалуй, съ нѣсколькими очень близкими другъ къ другу видами. Въ настоящую минуту для насъ совершенно безразлично, считать ли такъ-наз. человѣческія расы за разновидности одного и того же вида, или же за отдѣльные виды, да и вообще этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія въ наукѣ. Съ насъ достаточно того факта, что человѣческія «расы», съ виду очень отличныя, въ сущности близки между собою и могутъ давать потомство, обусловливая тѣмъ большое количество переходныхъ ступеней. Кромѣ этого удобства для индуктивной повѣрки дарвинизма, антропологія представляетъ намъ еще другое, несравненно болѣе важное. Такъ какъ новая теорія основывается на явленіяхъ естественнаго подбора, регилирующаго борьбу, вытекающую изъ усиленнаго размноженія, то естественно, что, для приложенія ея къ данному конкретному случаю, натуралисту чрезвычайно важно имѣть въ своихъ рукахъ возможно бо́льшій фактическій матеріалъ о всѣхъ факторахъ, участвующихъ въ измѣненіи видовъ. Такому требованію можетъ удовлетворить только наука о человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Дарвину съ величайшимъ трудомъ удалось добыть только самыя общія и поверхностныя свѣдѣнія относительно рождаемости обоихъ половъ у домашнихъ животныхъ, относительно человѣка подобные факты собраны въ столь значительномъ количествѣ, что статистика оказалась въ состояніи подготовить эмпирическій законъ объ относительной рождаемости мальчиковъ и дѣвочекъ. Вмѣсто habitat rara, frequens, copiose, copiosissime и пр. терминовъ, которыми зоологъ означаетъ степень нахожденія данныхъ животныхъ въ извѣстной мѣстности, антропологъ приводитъ статистическія цифры густоты населенія и притомъ съ такими подробностями, о которыхъ зоологъ не смѣетъ и мечтать. То же самое приложимо и въ дѣлѣ изслѣдованія движенія населенія, конкурренціи за существованіе и пр. Не даромъ въ основу теоріи положено ученіе Мальтуса, выведенное

на нихъ всего сильнѣе, вслѣдствіе ограниченности пространства. То же приложимо и къ плавающимъ на поверхности водянымъ растеніямъ, которыя, несмотря на столь частое перенаселеніе, не отличаются однако же богатствомъ видовыхъ представителей.

при посредствѣ статистическихъ цифръ. Историческая этнографія даетъ намъ, съ другой стороны, громадное пособіе при изслѣдованіи даннаго вопроса. Она указываетъ пути, по которымъ совершалось передвиженіе народовъ и замѣщенія однихъ другими, т.-е. даетъ такой матеріалъ, какой мы имѣемъ (но съ меньшей полнотой) только еще относительно животныхъ и растеній, сопровождавшихъ человѣка, т.-е. большею частью одомашненныхъ. Дарвинъ ссылается на вытѣсненіе черной крысы бурою, чернаго таракана рыжимъ, какъ на примѣры ожесточенной конкурренціи между родственными видами; но во сколько разъ больше фактовъ мы имѣемъ о подобныхъ явленіяхъ въ средѣ человѣческаго рода!

Въ предыдущихъ строкахъ я старался указать на то значеніе, которое имѣетъ изученіе человѣка для общей теоріи происхожденія видовъ. Я не касался обратной стороны вопроса отчасти потому, что о ней уже очень много было говорено и писано, отчасти же потому, что подъ приложеніемъ новой теоріи къ человѣку большинство всегда разумѣло только мысль о происхожденіи человѣка отъ животныхъ, не касаясь самаго процесса происхожденія, т.-е. борьбы, подбора и закрѣпляемыхъ имъ признаковъ. Раньше Дарвина и Уоллеса послѣдователи ихъ, главнымъ образомъ Гексли и Фохтъ, представили въ популярной формѣ попытку приложенія дарвинизма къ вопросу о происхожденіи человѣка. Но вся цѣль ихъ заключалась лишь въ томъ, чтобы показать, что человѣкъ, подобно прочимъ организмамъ, связанъ кровнымъ родствомъ съ другими, проще устроенными существами. Съ этою цѣлью они собрали сумму фактовъ, сближающихъ человѣка съ высшими обезьянами въ зоологическомъ и анатомическомъ отношеніяхъ, т.-е. съ небольшими дополненіями повторили работу, которая была сдѣлана гораздо раньше ихъ, и задолго до появленія дарвинизма. Вопросъ о сходствѣ человѣка съ обезьянами съ давнихъ уже поръ выступилъ на научную сцену и обсуждался цѣлымъ рядомъ очень извѣстныхъ натуралистовъ, какъ, напр., Тидеманномъ, Вроликомъ, Грасіоле и многими другими. Подводя итоги многимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, Лессонъ за тридцать лѣтъ до появленія перваго сочиненія Дарвина, утверждалъ, что «по общему устройству, обезьяны гораздо болѣе приближаются къ человѣку, чѣмъ къ остальнымъ животнымъ, и только въ отношеніи ума и сужденія они значительно уступаютъ первому. Обезьяны представляютъ полнѣйшее сходство съ человѣческимъ родомъ въ устройствѣ внутренностей и значеніи частей». Далѣе, онъ принималъ вмѣстѣ съ Тидеманномъ, что «мозгъ оранга отличается отъ мозга другихъ обезьянъ,

но приближается къ человѣческому многими замѣчательными частностями» и проч. Французскіе академики, и во главѣ ихъ Изидоръ С.-Илеръ, также раздѣляли мнѣніе о детальномъ сходствѣ физической организаціи человѣка и высшихъ обезьянъ, и потому должны были основывать свое представленіе о систематическомъ положеніи человѣка (они ставили его въ особое царство) на отличіяхъ психической природы. Такимъ образомъ, за послѣдователями Дарвина остается только популязированіе съ нѣкоторыми дополненіями изслѣдованій до-дарвиновскаго періода науки, предложеніе возвратиться къ Линнеевской классификаціи (соединеніе человѣка съ обезьянами въ отдѣлъ «приматъ») и замѣна прежняго представленія о родствѣ понятіемъ кровнаго родства. Вмѣсто прежняго «общаго плана», было подставлено только «общее происхожденіе», безъ дальнѣйшаго помышленія о томъ, какимъ образомъ оно могло совершиться. Несравненно дальше пошли въ этомъ отношеніи сами основатели новой теоріи, не замедлившіе представить о происхожденіи человѣка свои соображенія, разсмотрѣнію которыхъ мы посвящаемъ слѣдующую главу.

II.

Теорія Уоллеса о примѣненіи естественнаго подбора къ человѣческому роду.—Обзоръ антропологическихъ воззрѣній Дарвина.—Половой подборъ.—Затрудненія, на которыя наталкивается теорія полового подбора.—Факторъ этотъ не объясняетъ происхожденія главнѣйшихъ расовыхъ отличій.

Статьи Уоллеса, по вопросу о происхожденіи человѣка, произвели необыкновенный скандалъ въ кругу дарвинистовъ. Этотъ замѣчательно остроумный и смѣлый ученый не остановился на сдѣлавшемся избитымъ воззрѣніи послѣдователей новаго ученія по отношенію къ человѣку. Въ своей первой статьѣ (напечатанной въ 1864 году), въ которой онъ не является такимъ отщепенцемъ, какъ во второй, онъ указываетъ на то, что естественный подборъ дѣйствуетъ въ сферѣ человѣческаго рода совершенно иначе, чѣмъ на весь остальной организованный міръ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на форменныя особенности съ цѣлью примѣнить ихъ къ обстановкѣ, естественный подборъ вліяетъ на умственныя силы человѣка, побуждая его придумывать различныя средства для установленія гармоніи съ окружающей средой. Такимъ образомъ, хищныя животныя, уничтожившія въ данной мѣстности легко получаемую добычу, въ силу естественнаго подбора, неизбѣжно должны пріобрѣсть болѣе развитые когти и зубы,

а также бо̀льшую силу и ловкость,—иначе они не будутъ въ состояніи добывать себѣ болѣе крупную и сильную пищу, и потому должны вымереть. Къ человѣку же подобное предположеніе совершенно непримѣнимо: ему нѣтъ надобности пріобрѣтать медленнымъ путемъ новыя физическія отличія, такъ какъ онъ, вмѣсто зубовъ и когтей, пускаетъ въ дѣло лукъ и стрѣлы, также точно какъ, вмѣсто шерсти и другихъ органическихъ приспособленій къ перенесенію холода, онъ шьетъ одежду и разводитъ огонь. Такимъ образомъ, развитіе ума человѣческаго дѣлаетъ излишнимъ цѣлую массу форменныхъ измѣненій его тѣла и сохраняетъ его приблизительно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ появился на землѣ. Этимъ объясняется, по мнѣнію Уоллеса, замѣчательное постоянство человѣческаго типа, выражающееся между прочимъ въ томъ фактѣ, что во времена Фараоновъ человѣческія расы ничѣмъ не отличались отъ нынѣшнихъ.

Въ основѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній у Уоллеса скрыта мысль, что измѣненіе, т.-е. прогрессивное развитіе умственныхъ способностей человѣка можетъ совершаться несравненно скорѣе и легче, чѣмъ соотвѣтствующія (по цѣли) измѣненія форменныхъ особенностей, иначе осталось бы вполнѣ невыясненнымъ, почему человѣкъ избираетъ совершенно иной путь, чѣмъ всѣ остальныя животныя. Мысль эта выходитъ наружу во второмъ очеркѣ, надѣлавшемъ столько шума въ ученомъ мірѣ и озаглавленномъ: «Границы естественнаго подбора въ приложеніи къ человѣку». Въ этой статьѣ Уоллесъ съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на томъ, что дикари обладаютъ несравненно бо̀льшимъ количествомъ мозга, чѣмъ сколько имъ нужно для всего ихъ несложнаго житейскаго обихода. Отличаясь отъ цивилизованнаго человѣка страшно низкой степенью умственнаго развитія, дикари тѣмъ не менѣе имѣютъ не менѣе пяти-шестыхъ всего количества мозга наиболѣе цивилизованныхъ расъ. Этотъ выводъ примѣнимъ въ общихъ чертахъ не только къ нынѣ живущимъ низшимъ расамъ, но также и къ доисторическому человѣку временъ мамонта и пещернаго медвѣдя, изъ чего ясно слѣдуетъ, что въ головѣ этихъ дикарей заложена ма̀сса мозга, большая часть котораго, ненужная въ ихъ жизни, запасена на будущія времена для удовлетворенія потребностей, имѣющихъ значеніе только для наиболѣе цивилизованнаго человѣка. Съ помощью естественнаго подбора невозможно было достигнуть подобнаго результата, такъ какъ тутъ идетъ рѣчь не о чемъ-либо, непосредственно приложимомъ къ борьбѣ за существованіе, но, наоборотъ, объ измѣненіи мозга, составляющемъ для первобытнаго человѣка родъ совершенно не-

нужной роскоши. Подкрѣпляя свои воззрѣнія еще нѣкоторыми подобными примѣрами (потерею волосъ на тѣлѣ, несмотря на явный ущербъ этого измѣненія и др.), Уоллесъ прямо переходитъ къ выводу, что человѣкъ произошелъ не вслѣдствіе дѣйствія естественнаго подбора, но подъ вліяніемъ совершенно особенной силы. Переходя такимъ образомъ отъ одного смѣлаго заключенія къ другому, еще болѣе смѣлому, онъ наконецъ доходитъ до идей Шопенгауера и провозглашаетъ, что всякая сила сводится на волю, и что въ сущности «весь міръ не только зависитъ отъ воли высшаго разума, но и самъ представляетъ именно эту волю».

Дарвинисты, огорченные неосновательностью конечныхъ выводовъ Уоллеса, не обратили достаточнаго вниманія на его основныя положенія о приложеніи и границахъ естественнаго подбора въ человѣческомъ родѣ, и главнымъ образомъ на его аргументы въ пользу неприложимости теоріи подбора къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей человѣка. Такъ, Дарвинъ, упоминая о значеніи умственныхъ способностей первобытнаго человѣка, мимоходомъ замѣчаетъ, что ему непонятно, какимъ образомъ Уоллесъ могъ утверждать, что для потребностей дикаря достаточно немного бо́льшаго количества мозга, чѣмъ у обезьяны. Вмѣсто разбора теоріи Уоллеса, о сравнительномъ отличіи въ умственномъ отношеніи дикарей отъ цивилизованныхъ расъ и обезьянъ, Дарвинъ прямо отсылаетъ къ критической статьѣ Клапареда [1]), къ которой и мы обратимся теперь же. Въ ней ученый авторъ сводитъ весь вопросъ на почву дедуктивной логики, исходя изъ того положенія, что человѣкъ и остальные организмы должны подчиняться однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ образованія видовъ. Поэтому, говоритъ онъ, если мы признаемъ, что въ происхожденіи человѣка участвовалъ высшій разумъ, то то же самое мы должны признать и для всѣхъ животныхъ и растеній; если же для объясненія происхожденія послѣднихъ достаточно одного естественнаго подбора, то нѣтъ ни малѣйшаго права дѣлать исключеніе для одного человѣка. Вращаясь въ сферѣ подобныхъ соображеній, Клапаредъ не достаточно серьёзно относится къ основамъ воззрѣнія Уоллесъ, и даже не считаетъ нужнымъ разобрать въ отдѣльности его доводы. Такъ, напр., упоминая объ его теоріи, по которой первобытный человѣкъ былъ одаренъ особенностями, лишними для его обихода, но нужными для цивилизованнаго человѣка, Клапаредъ прибавляетъ: «я удерживаюсь отъ

---

[1]) Въ Archives des sciences physiques et naturelles. 1870, стр. 160.

опроверженія этого мнѣнія, такъ какъ цѣль моя въ настоящую минуту заключается вовсе не въ апологіи дарвинизма». Не скрывается ли въ этомъ краткомъ замѣчаніи просто невозможность побороть остроумное воззрѣніе Уоллеса? Вѣдь всякому ясно, что въ приведенномъ мнѣніи именно лежитъ корень еретическихъ взглядовъ знаменитаго натуралиста-путешественника, опровергнуть которое необходимо помимо апологическаго отношенія къ дарвинизму. Предположеніе о слабости Клапареда подтверждается слѣдующимъ за выписанной цитатой аргументомъ, который считаю нужнымъ привести здѣсь цѣликомъ. «Въ свою очередь я спрошу, почему г. Уоллесъ не прилагаетъ того же способа разсужденія ко множеству другихъ случаевъ? Такъ, напр., большинство пташекъ представляютъ, какъ извѣстно, очень сложную, снабженную большимъ количествомъ мускуловъ, гортань. Эта особенность, очевидно, находится въ тѣсной связи съ фактомъ, что всѣ пѣвчія птицы принадлежатъ къ этой группѣ. Между тѣмъ, многіе изъ пташекъ, снабженныя сложнымъ голосовымъ аппаратомъ, вовсе не отличаются хорошимъ пѣніемъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется предположеніемъ, что подобныя пташки принадлежатъ видамъ, которые нѣкогда были пѣвчими, но потомъ, вслѣдствіе той или другой причины, *потеряли привычку пѣть*». Если мы, слѣдуя этому объясненію, попробуемъ приложить его къ человѣку, то должны будемъ сказать, что излишне большой мозгъ и излишне сложная гортань первобытнаго человѣка и дикарей, неумѣющихъ ни пѣть, ни разсуждать, ни считать болѣе пяти, составляютъ у нихъ прямое наслѣдство отъ прародителей, умѣвшихъ дѣлать то и другое, и потому пріобрѣвшихъ большой мозгъ и сложную гортань медленнымъ путемъ естественнаго подбора. Предположеніе это до того нелѣпо, что его не рѣшился высказать Клапаредъ, хотя оно непосредственно вытекаетъ изъ его же собственныхъ объясненій.

При настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній невозможно представить научный разборъ аргументовъ Уоллеса. Связь умственнаго развитія съ образованіемъ мозга невыяснена еще въ самыхъ основныхъ чертахъ, также точно какъ и въ отношеніи устройства и развитія голосового снаряда многое еще неясно. Но доводы Уоллеса могутъ быть подведены къ общему принципу, разсуждать о которомъ несравненно легче, чѣмъ объ отдѣльныхъ частностяхъ. Предположеніе, что у дикарей больше мозга, чѣмъ сколько имъ нужно, и болѣе сложный голосовой аппаратъ, чѣмъ какой необходимъ для ихъ рѣчи и криковъ, сводится къ болѣе общему положенію, именно къ признанію *способности*

организма дѣлать пріобрѣтенія въ излишнемъ количествѣ. Въ этомъ принципѣ нѣтъ не только ничего нелѣпаго, но даже ничего такого, что́ противорѣчило бы самымъ реальнымъ и обыденнымъ представленіямъ. Тотъ фактъ, который мы ежедневно замѣчаемъ въ нашей окружающей обстановкѣ по отношенію къ экономической жизни человѣка, повторяется и въ экономіи остальной природы. Мы видимъ цѣлыя поколѣнія людей, накопляющихъ матеріальныя блага въ количествѣ, значительно превышающемъ ихъ нужды, между тѣмъ какъ первой побудительной причиной такого накопленія было именно удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. И вотъ, переходятъ огромные капиталы изъ поколѣнія въ поколѣніе, накопляясь все въ большемъ и наиболѣе излишнемъ количествѣ. Наконецъ, обладателемъ ихъ становится человѣкъ, выдающійся или особеннымъ талантомъ, или благотворительностью, и тратитъ часть накопленнаго его предшественниками богатства на путешествія, открытія, устройство больницъ и пр., т.-е. утилизируетъ его въ формѣ, поощряемой естественнымъ подборомъ. Приведемъ еще другой примѣръ изъ области фактовъ, болѣе близкихъ натуралисту. Волоса на головѣ и лицѣ человѣка служатъ украшеніемъ и отчасти необходимостью, и въ силу этого они были пріобрѣтены путемъ того частнаго видоизмѣненія естественнаго подбора, которое Дарвинъ назвалъ половымъ подборомъ. Но волоса выростаютъ у мужчины не въ томъ количествѣ, какое нужно для цѣлей этого подбора, а въ излишнемъ. Такимъ образомъ, парикмахерское искусство есть одно изъ самыхъ древнихъ. Человѣкъ брился еще въ тѣ времена, когда онъ не умѣлъ добывать металлы и долженъ былъ употреблять для этой цѣли наточенные края раковинъ и каменныхъ орудій. Мужчина съ нормально длинными волосами показался бы всѣмъ крайнимъ оригиналомъ или полупомѣшаннымъ; даже щеголяющіе длинными волосами музыканты и художники періодически подстригаютъ волосы. Такимъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ у человѣка образуется излишекъ волосъ и ногтей, пропадающій безъ всякой пользы, но могущій въ скоромъ времени сдѣлаться вещью крайне полезной.

Намъ нѣтъ надобности подыскивать другіе примѣры на ту же тэму. Роскошь существуетъ въ природѣ рядомъ съ нищетою, и вымираніе организмовъ отъ недостатка уживается съ накопленіемъ огромныхъ излишковъ. Такимъ образомъ, природа производитъ черезчуръ излишнее количество самцовъ у многихъ животныхъ. Пчелы и пауки, благодаря развитому уму первыхъ и хищному инстинкту послѣднихъ, умѣряютъ эту роскошь, унич-

тожая самцовъ въ тотъ моментъ, когда они перестали быть необходимы, но у многихъ другихъ животныхъ самцы продолжаютъ жить, въ виду отсутствія соціальныхъ и хищныхъ инстинктовъ женскаго пола. Сельскій хозяинъ поступаетъ точно такъ же, какъ пчелы и пауки; онъ оставляетъ только необходимое количество самцовъ въ своемъ хозяйствѣ, тогда какъ природа объ этомъ не позаботилась, и изъ одноженныхъ дикихъ животныхъ (утка, канарейка, цесарка и др.) онъ дѣлаетъ одомашненныхъ многоженцевъ [1]).

Мнѣ могутъ возразить, что всѣмъ этимъ фактамъ придано невѣрное толкованіе, такъ какъ принципы естественнаго подбора не вяжутся съ произведеніемъ безполезныхъ или отчасти даже вредныхъ излишковъ. Не вступая здѣсь въ подробное изъясненіе, которое будетъ дано мною въ другомъ мѣстѣ, я долженъ однако же замѣтить, что, напротивъ, вся теорія Дарвинъ исходитъ изъ признанія существованія въ природѣ излишествъ. Естественный подборъ есть факторъ, опредѣляющій исходъ борьбы за существованіе, т.-е. *борьбы, возникающей вслѣдствіе черезчуръ усиленнаго размноженія*. Еслибы организмы размножались не въ «геометрической прогрессіи», а въ менѣе излишнемъ отношеніи, то не было бы борьбы, а слѣдовательно и подбора. Такимъ образомъ, Мальтусъ совѣтовалъ *умѣренность и воздержаніе*, какъ средства противъ золъ усиленной борьбы за существованіе. А между тѣмъ усиленное размноженіе, являющееся въ большинствѣ случаевъ источникомъ борьбы, иногда служитъ могучимъ орудіемъ борьбы. Такимъ образомъ, многія паразитическія существа обезпечиваютъ существованіе вида, только благодаря своей громадной плодовитости.

Кромѣ стремленія къ усиленному размноженію, организмы вообще имѣютъ стремленіе къ излишкамъ. Такимъ образомъ, животныя наклонны къ обжорству, собиранію большихъ запасовъ пищи и пр. и пр. Всѣ эти стремленія легко могутъ служить источниками борьбы и входить въ различнаго рода столкновенія съ естественнымъ подборомъ.

Изъ сказаннаго достаточно ясно вытекаетъ, что въ основаніи соображеній Уоллеса о запасахъ въ организмѣ первобытнаго человѣка лежитъ вѣрная мысль о возможности подобныхъ запасовъ. Ошибка у него заключается въ черезчуръ узкомъ пониманіи естественныхъ факторовъ измѣнчивости организмовъ. «Естественный подборъ», говоритъ Уоллесъ, «не могъ произ-

---

[1]) См. объ этомъ послѣднемъ у *Дарвина*. Происхожденіе человѣка, I, 308.

вести органа, совершенно ненужнаго человѣку или такого, *польза котораго не соотвѣтствовала бы степени развитія самаго органа»*. Другими словами, подборъ измѣняетъ организмъ только въ той степени, въ какой это необходимо для преодолѣнія въ борьбѣ за существованіе, не допуская ни малѣйшей роскоши. Подобное объясненіе не вяжется съ основными принципами естественнаго подбора, установленными Дарвиномъ и принятыми Уоллесомъ безъ возраженій. Естественный подборъ охраняетъ и собираетъ полезныя измѣненія и устраняетъ вредныя, но именно въ силу этого своего свойства онъ не касается безразличныхъ признаковъ, которые поэтому могутъ фиксироваться. На это послѣднее обстоятельство напираютъ особенно ботаники и главнымъ образомъ Нэгели, такъ какъ они утверждаютъ, что множество морфологическихъ свойствъ растеній является въ жизни ихъ подобными нейтральными, безразличными (съ точки зрѣнія борьбы и подбора), но тѣмъ не менѣе крайне важными для систематика признаками.

Итакъ, теперь совершенно ясно, въ чемъ заключалось недоразумѣніе. Взваливъ на плечи естественнаго подбора устраненіе нейтральныхъ признаковъ и затѣмъ, найдя подобные признаки въ отличительныхъ свойствахъ человѣка, Уоллесъ послѣдовательно пришелъ къ заключенію, что они произведены особенной силой, противорѣчащей подбору и болѣе могучей, чѣмъ онъ. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно замѣшались нейтральныя измѣненія, такъ какъ усиленное развитіе мозга и гортани, не приносящее пользы дикарямъ, въ то же время не составляютъ вреднаго признака, а относятся безразлично въ борьбѣ за существованіе. Это то же самое, что обильный запасъ жира, превышающій потребность въ немъ, но не доходящій до вредной стадіи отучнѣнія и жирового перерожденія, или усиленное размноженіе, но не въ геометрической прогрессіи, и не влекущее непосредственно за собою борьбу за существованіе.

Представивъ критическій очеркъ воззрѣній Уоллеса на человѣка, мы теперь переходимъ къ антропологической теоріи Дарвина, развитой съ несравненно большей подробностью и послѣдовательностью, хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ остроуміемъ и талантливостью, чѣмъ у Уоллеса.

Въ четвертой главѣ своего сочиненія о происхожденіи человѣка, Дарвинъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какимъ способомъ могло совершиться развитіе человѣка изъ какой-либо низшей формы. Сравнивая человѣка съ извѣстными нынѣ четверорукими,

онъ старается показать, что усиленное развитіе мозга и умственныхъ способностей, связанное съ приспособленіемъ переднихъ конечностей къ бросанію въ цѣль и другимъ спеціальнымъ отправленіямъ, а также и съ пріобрѣтеніемъ вертикальнаго положенія и хожденіемъ на двухъ ногахъ, легко объяснимо путемъ естественнаго подбора. Почти всякое раздѣленіе труда между органами усиливаетъ совершенство послѣднихъ, и потому выгодно въ борьбѣ за существованіе. Спеціализированіе рукъ, столь зависимое отъ степени умственнаго развитія, обусловливаетъ не только перемѣну нормальнаго положенія тѣла и приспособленіе ногъ исключительно къ хожденію, но вліяетъ также и на развитіе головы. Принимая на себя роль органовъ нападенія и защиты, руки дѣлаютъ ненужнымъ то чудовищное развитіе челюстей, которое столь характеристично для обезьянъ и другихъ млекопитающихъ. Въ силу той же причины уменьшается величина клыковъ и зубы густо располагаются другъ возлѣ друга.

Но хотя главные физическіе признаки человѣка и могутъ быть безъ труда объяснены вліяніемъ естественнаго подбора, тѣмъ не менѣе анализъ на нихъ остановиться не можетъ. Во-первыхъ, при разсмотрѣніи происхожденія физической организаціи человѣка, его постоянно приходится сравнивать съ четверорукими, т.-е. *дѣлать сравненіе между семействами;* одинъ же изъ основныхъ принциповъ дарвинизма заключается именно въ томъ, что подборъ работаетъ съ наибольшею силою въ несравненно меньшихъ систематическихъ сферахъ, и потому онъ всего энергичнѣе подбираетъ индивидуумы одного вида или же сосѣдніе виды одного рода. Поэтому-то, для истиннаго и полнаго подведенія происхожденія человѣка подъ законы естественнаго подбора нужно бы было дѣлать сравненіе въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, для чего однако же наука не имѣетъ никакой возможности, въ виду отсутствія промежуточныхъ формъ между человѣкомъ и высшими четверорукими. Вторая причина, почему столь глубокомысленный и добросовѣстный ученый, какъ Дарвинъ, не могъ остановиться на вышеприведенномъ объясненіи физическихъ признаковъ человѣка, заключается въ томъ, что оно обнимаетъ собою только наиболѣе крупныя черты организаціи. Такъ, напр., отсутствіе шерсти составляетъ признакъ, который не можетъ быть приписанъ вліянію естественнаго подбора, и для произведенія котораго Дарвинъ заставляетъ дѣйствовать половой подборъ.

Въ заключеніи къ четвертой главѣ Дарвинъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свой взглядъ на способъ происхожденія человѣка изъ низшей формы: «подобно тому, какъ всѣ животныя

наклонны размножаться выше своихъ средствъ къ существованію, то же должно было быть и съ прародителями человѣка; а это неизбѣжно привело его къ борьбѣ за существованіе и къ естественному подбору. Этому послѣднему процессу много помогали унаслѣдованныя вліянія усиленнаго отправленія частей, и оба процесса непрестанно дѣйствовали другъ на друга. Мы увидимъ, кромѣ того, далѣе, что нѣкоторые, повидимому, неважные признаки пріобрѣтены человѣкомъ при помощи полового подбора. Затѣмъ *остается необъяснимый комплексъ измѣненій и, можетъ быть, большой, происхожденіе котораго должно быть приписано однообразному дѣйствію тѣхъ неизвѣстныхъ дѣятелей, которые случайно производятъ рѣзкія и мгновенныя уклоненія въ строеніи у нашихъ домашнихъ животныхъ*» (Происх. челов., I, стр. 172).

Натолкнувшись, подобно Уоллесу, на границы естественнаго подбора, Дарвинъ однако же не перескочилъ за предѣлы физическаго міросозерцанія, но углубился въ изслѣдованіе мелкихъ особенностей и сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы подвести человѣка подъ расширенную рамку своей теоріи происхожденія видовъ. Отъ общаго разсмотрѣнія физическихъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ высшихъ четверорукихъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ перейти къ изученію вопроса о человѣческихъ расахъ, ихъ значеніи и происхожденіи. Въ то время, какъ Уоллесъ только чуть-чуть коснулся этого вопроса, крайне существеннаго для теоріи дарвинизма и самаго главнаго для антропологіи, Дарвинъ посвятилъ ему больше половины своего сочиненія «О происхожденіи человѣка». Въ седьмой главѣ онъ съ замѣчательной объективностью разбираетъ вопросъ о вліяніи различныхъ факторовъ на расовые признаки, и въ концѣ приходитъ къ убѣжденію, «что характеристическія особенности человѣческихъ расъ не могутъ быть объяснены удовлетворительнымъ образомъ ни прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, ни продолжительнымъ упражненіемъ органовъ, ни началомъ соотношенія». Къ столь же отрицательному результату онъ приходитъ и по отношенію къ естественному подбору, такъ какъ послѣдній выработываетъ только признаки, приносящіе непосредственную пользу организму, а «ни одно изъ внѣшнихъ различій между человѣческими расами не приноситъ имъ прямой или особой пользы» (I, 284).

«Такимъ образомъ», говоритъ Дарвинъ нѣсколько ниже, «всѣ наши попытки найти объясненіе для различій между человѣческими расами остались тщетны. Но у насъ остается еще одинъ важный дѣятель, именно *половой подборъ*, который, повидимому,

имѣлъ такое же значительное вліяніе на человѣка, какъ и на многихъ другихъ животныхъ. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что половымъ подборомъ можно объяснить всѣ различія между расами. *Останется во всякомъ случаѣ еще порядочная доля необъясненныхъ фактовъ*, о которыхъ мы, при нашемъ незнаніи, можемъ только сказать, что такъ какъ люди родятся постоянно, напр., съ головами нѣсколько болѣе круглыми или узкими, или съ носами болѣе или менѣе длинными, то эти мелкія различія могутъ сдѣлаться постоянными и однообразными, если неизвѣстные дѣятели, вызвавшіе ихъ, будутъ имѣть болѣе постоянное вліяніе при помощи .продолжительнаго скрещиванія. *Такія видоизмѣненія, за недостаткомъ лучшаго имени, мы назвали самопроизвольными»*.

Для выясненія, насколько и кàкъ именно могъ дѣйствовать половой подборъ въ человѣческомъ родѣ, Дарвинъ устанавливаетъ сначала основные принципы этого дѣятеля, затѣмъ даетъ общій обзоръ вліянія его на такъ-называемые вторичные половые признаки животныхъ, и наконецъ переходитъ къ приложенію полученныхъ результатовъ для объясненія расовыхъ признаковъ. Теорія эта имѣетъ столь существенное значеніе для антропологіи, что я считаю неизбѣжнымъ остановиться на ней нѣсколько долѣе, тѣмъ болѣе, что она еще нигдѣ не подвергалась подробному обсужденію.

Выходя изъ основного положенія, что человѣкъ произошелъ отъ какого-либо обезьяноподобнаго прародителя, Дарвинъ полагаетъ, что брачные нравы первобытнаго человѣка должны были походить на то, чтó мы въ настоящее время видимъ у четверорукихъ. Извѣстно, что нѣкоторыя обезьяны живутъ попарно въ теченіе цѣлаго года, другія соединяются въ пары только на извѣстную часть года, тогда какъ третьи, къ числу которыхъ принадлежитъ горилла, ведутъ полигамическій образъ жизни. Во всѣхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ какую-либо форму брака и не видимъ того общаго смѣшенія половъ, которое многіе авторы приписываютъ человѣку на раннихъ стадіяхъ его общественнаго развитія и которое Дарвинъ считаетъ сравнительно позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ. Первобытные люди, по его мнѣнію, руководились въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе инстинктомъ, нежели умомъ, и оттого не заключали черезчуръ раннихъ браковъ, не убивали дѣтей и вообще образомъ жизни болѣе напоминали высшихъ животныхъ, нежели теперешнихъ дикарей. Оттого и половой подборъ долженъ былъ дѣйствовать съ несравненно большею силою въ первобытныя времена, нежели въ послѣдующія. При этомъ наружные от-

личительные признаки должны были играть первенствующую роль, тогда какъ отличія состоянія и общественнаго положенія, столь важныя при вступленіи въ бракъ у цивилизованныхъ народовъ, должны были отступать на задній планъ. Изъ наиболѣе выдающихся особенностей, сила мужчинъ и красота женщинъ должны были наиболѣе подлежать дѣйствію подбора въ первобытныя времена; но между тѣмъ, какъ относительно силы идеалъ всѣхъ людей приблизительно одинаковъ, въ дѣлѣ красоты понятія до чрезвычайной степени различны. Въ настоящее время извѣстно, что каждая раса и каждый народъ считаетъ наилучшими собственныя наружныя черты. Такимъ образомъ, широкое лицо, узкіе глаза, выдающіяся скулы и плоскій носъ составляютъ идеалъ красоты монгола, подобно тому, какъ ровная степь составляетъ для него идеалъ красивой мѣстности и пр.

«Предположимъ», говоритъ Дарвинъ, «что члены племени, въ которомъ существуетъ извѣстная форма брака, поселились на незанятомъ еще материкѣ. Они вскорѣ раздѣлятся на особыя кучки, отдѣленныя другъ отъ друга различными естественными преградами и еще болѣе безпрестанными войнами, которыя столь обыкновенны между дикарями. Отдѣльныя группы будутъ, такимъ образомъ, подвержены вліянію нѣсколько различныхъ жизненныхъ условій и обычаевъ, и рано или поздно сдѣлаются до нѣкоторой степени отличны другъ отъ друга. Какъ только послѣднее совершится, каждое племя составитъ себѣ нѣсколько различное понятіе о красотѣ; затѣмъ, безсознательный подборъ начнетъ свое дѣйствіе вслѣдствіе того, что наиболѣе могущественные и сильные дикари будутъ предпочитать однѣхъ женщинъ другимъ. Такимъ образомъ, различія между племенами, сначала очень слабыя, будутъ постепенно и неминуемо усиливаться все болѣе и болѣе» (т. II, стр. 412). Дѣйствіе полового подбора должно значительно усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у человѣка не только мужчина выбираетъ женщину, но и наоборотъ, т.-е. существуетъ не односторонній, а обоюдный подборъ. Въ силу этого происходитъ сочетаніе наиболѣе сильныхъ и привлекательныхъ мужчинъ съ наиболѣе красивыми женщинами, и оттого-то поколѣнія, рождающіяся отъ подобныхъ браковъ, имѣютъ шансы пережить своихъ болѣе слабыхъ соплеменниковъ.

Въ виду взаимности подбора, а также того обстоятельства, что признаки, пріобрѣтенные однимъ поломъ, передаются по наслѣдству другому, возникаетъ затрудненіе при опредѣленіи, кѣмъ именно пріобрѣтена данная особенность. Дарвинъ считаетъ однако же вѣроятнымъ, что отсутствіе волосъ на тѣлѣ появилось впер-

вые у женщины, въ качествѣ украшенія, а затѣмъ перешло на оба пола (т. II, 419); но въ то время, какъ женщина одновременно съ шерстью лишилась и бороды, мужчина сохранилъ послѣднюю и даже получилъ въ ней важный половой признакъ, развитый половымъ подборомъ. Кромѣ того, Дарвинъ полагаетъ, что красота и хорошій голосъ составляютъ также первоначальное пріобрѣтеніе женскаго пола.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какъ это сдѣлалъ П. Брока́ въ своей рецензіи на теорію полового подбора, что Дарвинъ распространяетъ этотъ факторъ на человѣка, съ одной стороны, потому, что половой подборъ несомнѣнно имѣлъ вліяніе на произведеніе многихъ характерныхъ признаковъ у различныхъ животныхъ; съ другой же стороны потому, что расовые признаки человѣка не могутъ быть объяснены никакимъ инымъ путемъ. «Если мы признаемъ», разсуждаетъ онъ, «что половой подборъ лишилъ ягодницы обезьянъ шерсти и окрасилъ щеки самца мандрилія, то отчего не допустить, что тотъ же дѣятель обнажилъ все человѣческое тѣло отъ шерсти и окрасилъ его въ тотъ или другой цвѣтъ». Заключеніе къ двадцатой главѣ всего лучше показываетъ, ка́къ Дарвинъ смотритъ на приложеніе теоріи полового подбора къ человѣку. «Высказанному здѣсь мнѣнію о роли, которую половой подборъ игралъ въ исторіи человѣка, не достаетъ научной точности. Тотъ, кто не признаетъ этого вліянія для низшихъ животныхъ, вѣроятно оставитъ безъ вниманія все, что́ я сказалъ въ послѣдней главѣ о человѣкѣ. Мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что именно тотъ, а не другой признакъ былъ видоизмѣненъ такимъ образомъ. Было однако показано, что человѣческія расы отличаются другъ отъ друга и отъ своихъ ближайшихъ родичей между низшими животными такими признаками, которые не приносятъ имъ никакой пользы въ обыкновенной жизни, и которые, весьма вѣроятно, были видоизмѣнены половымъ подборомъ. Мы видѣли, что у низшихъ дикарей члены каждаго племени восхищаются своими характеристическими признаками — формой лица и головы, шириной скулъ, выдающимися или приплюснутыми носами, цвѣтомъ кожи, длиной волосъ на головѣ, отсутствіемъ волосъ на лицѣ и тѣлѣ, или присутствіемъ большой бороды и т. д. Отсюда едва-ли возможно, чтобы эти и другіе подобные признаки не были медленно и постепенно усилены вслѣдствіе того, что наиболѣе сильные и способные мужчины каждаго племени, которые имѣли возможность выростить наибольшее число потомковъ, выбирали себѣ въ жены въ теченіе многихъ поколѣній наиболѣе типичныхъ и, слѣдовательно, наиболѣе при-

влекательныхъ для нихъ женщинъ. Я, съ своей стороны, прихожу къ заключенію, что изъ всѣхъ причинъ, которыя повели къ внѣшнимъ различіямъ между расами людей, а также до извѣстной степени между человѣкомъ и низшими животными, половой подборъ былъ наиболѣе дѣятеленъ» (т. II, 428).

Дарвинъ до такой степени ясно высказалъ намъ, ка́къ онъ смотритъ и ка́къ должно смотрѣть на приложеніе теоріи полового подбора къ человѣку, что меня приводитъ въ величайшее изумленіе и негодованіе отношеніе критиковъ въ родѣ Бастіана [1]), которые не находятъ ничего лучшаго, какъ отпускать пошлыя остроты по поводу усиленныхъ попытокъ великаго человѣка пролить свѣтъ въ ту область, гдѣ до сихъ поръ безгранично царствуетъ тьма кромѣшная. Бастіанъ, авторъ многотомныхъ и очень ученыхъ, но мало понятныхъ и мало научныхъ сочиненій, основываетъ всю свою аргументацію на томъ, что Дарвинъ часто покидаетъ фактическую почву и заносится въ область возможностей. Строгій критикъ не понимаетъ значенія гипотезъ, которыя не прямо вытекаютъ изъ фактовъ, но вяжутся съ ними и объясняютъ ихъ, и не считаетъ даже нужнымъ разбирать основы теоріи полового подбора. Вмѣсто того, онъ подставляетъ въ подогрѣтомъ видѣ старую и давно уже опровергнутую теорію происхожденія расъ вслѣдствіе непосредственнаго вліянія окружающихъ условій. Теорія эта, по которой расовые признаки произошли вслѣдствіе вліянія климата, пищи и другихъ внѣшнихъ агентовъ, подверглась уже въ прошломъ столѣтіи научной критикѣ Палласа, пришедшаго по отношенію къ ней къ отрицательному результату. Впослѣдствіи за нее хватались снова очень многіе, и она была принята подъ покровительство такъ-называемыми моногенистами. Нѣсколько разъ она подвергалась подробному разбору, и каждый разъ была разбиваема на-голову (напр. Годрономъ въ его знаменитомъ сочиненіи «О видѣ и расахъ»). Даже такой моногенистъ, какъ Вайцъ, представившій обстоятельный и добросовѣстный разборъ теоріи, пришелъ къ убѣжденію [2]), что хотя цвѣтъ кожи и обусловливается климатическими отношеніями и образомъ жизни, но зависитъ также и отъ происхожденія, что́ въ равной степени приложимо къ цвѣту и свойствамъ волосъ. Съ давнихъ поръ всѣмъ извѣстно, что весь материкъ Америки населенъ одною расою, несмотря на всевозможныя климатическія отличія, тогда какъ тропическая Африка и тропическая же Аме-

---

[1]) Zeitschrift für Ethnologie, 1871. Стр. 133—143 и 349—359.

[2]) Anthropologie der Naturvölker. I, стр. 56.

рика населены двумя совершенно различными расами. Извѣстно также, что наиболѣе сѣверные негры — іолофы въ то же время одни изъ наиболѣе чернокожихъ, граничатъ къ сѣверу съ блѣднокожими хамитическими народами, а къ югу—съ болѣе свѣтлокожими неграми. Несмотря на все это и на то, что въ наукѣ собрано и подведено множество аналогическихъ фактовъ (еще недавно Швейнфрутъ описалъ центрально-африканскія племена Ніамъ-Ніамъ и Aка́, кожа которыхъ много свѣтлѣе, чѣмъ у настоящихъ негровъ), Бастіанъ рѣшается повторять [1]), что цвѣтъ кожи находится въ прямой зависимости отъ климата, приводя въ свою пользу, что «португальцы на Гамбіи превратились въ негровъ» (!) («Die Portugiesen am Gambia sind (nach Demaret) zu Negern *geworden*»). Свойство волосъ, столь характерное для многихъ расъ, онъ сводитъ на вліянія воздушнаго электричества и т. п. Очевидно, что «факты», передаваемые различными путешественниками, принимаются Бастіаномъ безъ всякой критики и ставятся не въ примѣръ выше въ научномъ отношеніи, чѣмъ самыя остроумныя гипотезы. Мнѣ самому случалось видѣть (во время переѣздовъ съ Мадеры въ Лисабонъ) живущихъ на западномъ берегу Африки и на островахъ Зеленаго мыса взрослыхъ португальцевъ и ихъ дѣтей, но ни одинъ изъ нихъ не представлялъ даже малѣйшаго подобія негритянскаго типа; я не говорю, конечно, о мулатахъ, которыхъ и мнѣ случалось видѣть не мало, но которые всѣ произошли отъ весьма частаго смѣшенія португальцевъ съ неграми.

Оставляя въ сторонѣ критиковъ въ родѣ Бастіана, я считаю нужнымъ перейти къ разсмотрѣнію теоріи полового подбора въ приложеніи ея къ человѣку, исходя изъ основныхъ принциповъ самого Дарвина.

I. Для того, чтобы половой подборъ дифференцировалъ расы, нужно, чтобы существовали у различныхъ группъ людей различныя представленія о красотѣ, и чтобы подбору не мѣшали препятствія въ видѣ общихъ половыхъ смѣшеній (Communal Mariage), дѣтоубійства и преждевременныхъ браковъ. Этимъ условіямъ соотвѣтствуютъ нѣкоторые изъ нынѣ живущихъ дикарей или полу-первобытныхъ народовъ. Несмотря однакоже на то, что у нихъ существуетъ опредѣленная форма брачныхъ отношеній и отсутствуютъ раннія помолвка и дѣтоубійство, у нихъ тѣмъ не менѣе происходитъ до такой степени значительное смѣшеніе, что

---

[1]) Die Grundlage der Ethnologie in den geographischen Provinzen, въ Zeitschrift für Ethnologie 1873. Тетр. VI, стр. 322.

первоначальные типы смѣняются новыми. Подкрѣпимъ это примѣрами. Несмотря на то, что негритянская и кавказская расы представляютъ намъ до крайности различные типы, между ними однакоже происходили и происходятъ многочисленныя смѣшенія. Всѣмъ извѣстно, какое большое количество мулатовъ находится въ обѣихъ Америкахъ и по берегамъ Африки, гдѣ европейское населеніе соприкасается съ негритянской расой. Но въ несравненно большей степени смѣшивается послѣдняя съ менѣе цивилизованными народами кавказской расы. Странствуя по восточной Африкѣ, «добросовѣстный путешественникъ», говоритъ Мунцингеръ, «не въ состояніи опредѣлить гдѣ начинаются настоящіе негры, и вѣра въ строгое отличіе расъ все болѣе и болѣе исчезаетъ». Эти переходы между двумя расами считаются продуктами смѣшенія между ними [1]), что̀ можно видѣть и въ настоящее время. По абиссинскому сказанію, народъ галла̀ происходитъ отъ абиссинки и чернаго раба; неопредѣленность физическаго типа этого народа ясно указываетъ на такое смѣшанное происхожденіе. Сосѣдній съ нимъ народъ, сомалѝ, болѣе новаго происхожденія, съ еще большей вѣроятностью считается помѣсью между галла̀ и арабами. По ихъ собственнымъ преданіямъ, ихъ родоначальникъ Исаакъ переселился изъ южной Аравіи (Гадрамаута) и взялъ себѣ жену изъ племени галла̀. «Преданіе это можетъ быть объяснено только такимъ образомъ, что въ не очень давнее время магометанскіе арабы переселились въ страну, занимаемую сомали, нашли въ ней галла и произвели теперешнихъ сомалѝ» *(Вайцъ)* [2]). Между тѣмъ извѣстно, что у нихъ существуетъ опредѣленная форма брака, и что у нихъ дѣвушки выходятъ замужъ начиная съ тринадцатилѣтняго возраста [3]) и далѣе, что у нихъ жены покупаются, но не помолвливаются въ дѣтствѣ, и наконецъ, что у нихъ не распространено дѣтоубійство. На всемъ востокѣ Африки замѣтно большее или меньшее вліяніе арабовъ на измѣненіе туземнаго типа. На западѣ Африки также происходили расовыя смѣшенія: народы, извѣстные подъ именемъ тородосъ, джалонки, ссиссилбе, джавамбе и соромава представляютъ помѣси между неграми и фулагами, явившимися въ негритянскія страны въ качествѣ завоевателей и распространителей ислама [4]). Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на частыя смѣше-

---

[1]) *Pechsel.* Völkerkunde, стр. 5 21.

[2]) Anthropologie der Naturvölker. II, стр. 511 и слѣд.

[3]) Mitteilungen der Vereins für Erkunde zu Leipzig. 1873. Стр. 25.

[4]) *Müller.* Allgemeine Ethnographie, стр. 428.

нія, сосѣдніе или живущіе вмѣстѣ народы смотрятъ другъ на друга съ великимъ презрѣніемъ, что́ всѣмъ извѣстно по отношенію къ европейцамъ и неграмъ въ Америкѣ и что́ приложимо въ равной мѣрѣ и къ фулагамъ и галла, презирающимъ негровъ. Отсюда можно заключить, что мотивы, побуждающіе людей къ смѣшенію расъ, несравненно сильнѣе и взаимной ненависти, и эстетическихъ идеаловъ. Поэтому неудивительно, что народы смѣшаннаго происхожденія чрезвычайно многочисленны. Къ числу послѣднихъ относятся: меланезійцы и многіе полинезійцы, произошедшіе отъ смѣси малайцевъ и папуасовъ, мадьяры—помѣсь финскихъ съ славянскими и германскими племенами, русскіе, нынѣшніе турки, въ составъ которыхъ вошло много греческой, армянской, славянской и черкесской крови и пр. и пр. Нужно замѣтить, что тутъ идетъ рѣчь о смѣшеніи расъ и народовъ съ установившимися типическими физіономіями, тогда какъ половой подборъ долженъ раздѣлять расы съ еле-еле зачинающимися расовыми признаками.

Изъ сказаннаго получается тотъ общій выводъ, что *дифференцирующее вліяніе полового подбора, насколько мы можемъ судить по нынѣшнимъ образцамъ, не въ состояніи пересилить тѣхъ инстинктовъ, которые ведутъ къ смѣшенію расъ* [1]).

II. По схемѣ, предлагаемой Дарвиномъ для уясненія дѣйствія полового подбора въ человѣческомъ родѣ, на долю женской половины выпало развитіе наиболѣе изящныхъ особенностей, тогда какъ мужчины измѣнялись преимущественно въ направленіи силы, мужества, энергіи и т. п. Въ общемъ обзорѣ двадцатой главы онъ говоритъ: «мы можемъ заключить, что бо́льшій ростъ, сила, смѣлость, воинственность и даже энергія мужчины, сравнительно съ тѣми же качествами у женщины, были пріобрѣтены въ первобытныя времена и усилены впослѣдствіи преимущественно вслѣдствіе борьбы соперниковъ-мужчинъ изъ-за обладанія женщинами». (II, 426) «Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что женщины подверглись *другого рода видоизмѣненіямъ* для той же цѣли и съ помощью тѣхъ же средствъ. Такимъ образомъ, женщины пріобрѣли болѣе нѣжный голосъ и стали красивѣе мужчинъ» (427). Такъ какъ, по мнѣнію Дарвина, расовые признаки суть не что иное, какъ фиксированное воплощеніе различныхъ идеаловъ красоты, и такъ какъ пріобрѣтеніе послѣдней выпало по преимуществу на долю женщинъ, то отсюда ясно, что именно женщины

---

[1]) На человѣка слѣдуетъ распространить мнѣніе, высказанное Дарвиномъ въ концѣ 316 стр. перваго тома, по отношенію къ животнымъ.

обнаружили впервые яснѣе расовые признаки и потомъ уже передали ихъ дѣтямъ обоего пола. *Дарвинъ* не высказываетъ нигдѣ этого положенія въ столь категорической формѣ, но оно ясно вытекаетъ и изъ предыдущихъ цитатъ, и. съ еще большею силою изъ слѣдующихъ мѣстъ той же двадцатой главы. «Другіе признаки, свойственные самцамъ низшихъ животныхъ, напр. яркіе цвѣта и различныя украшенія, были пріобрѣтены вслѣдствіе того, что самки оказывали предпочтеніе наиболѣе привлекательнымъ самцамъ. Существуютъ однако *исключительные случаи, въ которыхъ самцы не были выбираемы, а выбирали сами*. Мы узнаемъ такіе случаи по *большей красотѣ самокъ сравнительно съ самцами*, причемъ ихъ украшающіе признаки передавались исключительно или преимущественно женскими потомками» (II, 413). «Не подлежитъ сомнѣнію, что женщины передаютъ большинство своихъ отличительныхъ признаковъ, не исключая и красоты, потомкамъ обоихъ половъ; такъ что *постоянное предпочтеніе мужчинами каждой расы наиболѣе привлекательныхъ женщинъ, согласно съ ихъ понятіемъ о красотѣ, должно вести къ измѣненію въ томъ же направленіи обоихъ половъ, принадлежащихъ къ расѣ*» (II, 414). Исключеніе составляетъ борода, какъ расовый признакъ, пріобрѣтенный мужчиною путемъ возврата и полового подбора (Тамъ же).

Необходимость такого вывода была, очевидно, вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ у человѣка выборъ производится мужчиной, т.-е. обратно тому, что̀ Дарвинъ считаетъ общимъ правиломъ для остальныхъ животныхъ. «Мужчина»,—говоритъ онъ (II, 413)—«физически и умственно сильнѣе женщины, и въ дикомъ состояніи онъ держитъ ее въ болѣе унизительномъ рабствѣ, чѣмъ самцы какого-либо другого животнаго. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что *онъ забралъ въ свои руки право выбора*. Женщины вездѣ сознаютъ цѣну своей красоты, и, если имѣютъ возможность, находятъ большее наслажденіе украшать себя различнымъ образомъ, чѣмъ мужчины. *Онѣ заимствуютъ перья у самокъ птицъ, которыхъ природа украсила такимъ образомъ, чтобы плѣнять самокъ*».

Мнѣніе о первенствующемъ значеніи женскаго пола, въ дѣлѣ произведенія расовыхъ отличій, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мужчина, подобно самцамъ другихъ животныхъ, представляетъ несравненно бо̀льшую измѣнчивость, чѣмъ женщина. Положеніе это, обобщенное самимъ Дарвиномъ (I, 314, 315), составляетъ одинъ изъ немногихъ положительныхъ результатовъ антропологіи и указываетъ на то, что въ дѣлѣ образованія расо-

выхъ или какихъ-либо другихъ второстепенныхъ отличій, мужчина долженъ былъ играть весьма видную роль. Еслибы это было не такъ, то человѣкъ и по отношенію къ измѣнчивости признаковъ долженъ бы былъ представлять исключеніе изъ общаго ряда животныхъ, подобно тому, какъ онъ составляетъ исключеніе въ дѣлѣ выбора (со стороны мужского, а не женскаго пола). Извѣстно, что женскій полъ вообще представляетъ болѣе устойчивости, или, какъ опредѣляетъ Рютимейеръ: «представители женскаго пола на различныхъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія, также какъ и въ геологической исторіи рода, менѣе уклоняются отъ первоначальнаго типа, нежели мужескій». Если мы сопоставимъ это правило, справедливость котораго цѣликомъ признается и Дарвиномъ, съ мнѣніемъ послѣдняго о характерѣ расовыхъ признаковъ человѣка [1]), то увидимъ, что теорія полового подбора въ приложеніи къ вопросу о происхожденіи расъ наталкивается на противорѣчіе, которое она не въ состоянія устранить.

III. Не найдя возможнымъ объяснить происхожденіе расовыхъ признаковъ съ помощью факторовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, Дарвинъ перенесъ весь процессъ въ болѣе раннюю эпоху, когда человѣкъ едва только достигъ своего человѣческаго образа. Онъ указалъ на цѣлый рядъ моментовъ, которые въ жизни нынѣшнихъ людей парализуютъ дѣйствіе полового подбора, какъ, напр., обрученіе въ дѣтствѣ, дѣтоубійство и пр. У цивилизованныхъ народовъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ браки, совершаемые изъ разсчета или иныхъ мотивовъ, кромѣ внѣшней красоты, и пр. «Въ первобытныя времена», говоритъ Дарвинъ (II, 410), «всѣ условія для полового подбора должны были быть, гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ, когда человѣкъ подвинулся въ умственномъ развитіи, но пошелъ назадъ въ инстинктивной дѣятельности. Отсюда, какое бы вліяніе ни имѣлъ половой подборъ при образованіи различій между племенами людей и между человѣкомъ и высшими четверорукими, *это вліяніе должно было быть гораздо сильнѣе въ очень отдаленный періодъ, чѣмъ въ настоящее время*». Тутъ снова возникаетъ существенное противорѣчіе. Если половой подборъ вообще парализуется при переходѣ человѣка изъ первобытнаго въ то состояніе, на которомъ находятся нынѣ живущіе люди, то результаты его должны

¹) „Человѣкъ походитъ на тѣ формы, которыя зоологи называютъ протееобразными или полиморфными, и которыя остались крайне измѣнчивыми, повидимому, вслѣдствіе того, что ихъ видоизмѣненія были безразличны и слѣдовательно избѣгли вліянія естественнаго подбора“. (I, 284).

обнаруживаться не только по отношенію къ произведенію расовыхъ признаковъ, но и по отношенію ко вторичнымъ половымъ отличіямъ. Между тѣмъ, въ наукѣ, на основаніи многихъ и большею частью совершенно вѣрныхъ данныхъ, установилось убѣжденіе, что «у народовъ, стоящихъ на высокой степени развитія, вторичные половые признаки выступаютъ рѣзче» [1]), чѣмъ у менѣе цивилизованныхъ. Въ меньшей мѣрѣ тотъ же результатъ обнаруживается и при сравненіи низшихъ культурныхъ слоевъ съ высшими у одного и того же народа. Такъ, напр., Ретціусъ нашелъ, что женскіе черепа высшихъ классовъ въ Швеціи обнаруживаютъ несравненно рѣзче половыя особенности, нежели черепа простыхъ крестьянокъ. Основываясь на томъ, что понятіе о красотѣ развивается только съ развитіемъ разума, П. Брока́ [2]) пришелъ къ убѣжденію, что «половой подборъ всего менѣе можетъ дѣйствовать въ жизни дикарей, но что онъ получаетъ значеніе, увеличивающееся по мѣрѣ прогрессированія обществъ».

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что если половой подборъ не только не парализуется, но, напротивъ, усиливаетъ свое вліяніе по мѣрѣ развитія цивилизаціи, то онъ бы долженъ былъ дѣйствовать не только на обособленіе вторичныхъ половыхъ особенностей, но въ равной степени и на образованіе расовыхъ признаковъ, чего однакоже въ дѣйствительности не замѣчается.

IV. Итакъ, если мы даже признаемъ вѣрными принципы полового подбора, то тѣмъ не менѣе мы должны будемъ отказаться отъ приложенія этого дѣятеля къ объясненію расовыхъ признаковъ, въ виду всѣхъ указанныхъ противорѣчій. Но, еслибы даже со временемъ и удалось устранить послѣднія, то тѣмъ не менѣе теоріи полового подбора пришлось бы наткнуться на другое важное препятствіе, а именно на то, что многіе расовые признаки сидятъ слишкомъ глубоко въ организмѣ, и потому не могутъ подчиниться половому подбору, хотя бы послѣднему благопріятствовали всѣ окружающія обстоятельства.

Въ виду того, что большинство наиболѣе извѣстныхъ расовыхъ признаковъ запечатлѣвается на наружномъ видѣ человѣка, легко придти къ предположенію, что въ дѣлѣ пріобрѣтенія ихъ игралъ первостепенную роль произвольный выборъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ усиленномъ вниманіи, обращаемомъ дикими наро-

---

[1]) *Peschel*, Völkerkunde, стр. 72.

[2]) См. между прочимъ *П. Брока*. Sur les crânes de la caverne de l'Homme mort, въ Revue d'Anthropologie, 1873, стр. 35 и слѣд.

дами на, повидимому, самыя незначительныя наружныя особенности. Кто изъ насъ заботится о формѣ головы и обращаетъ вниманіе на то, что она иногда болѣе вытягивается въ длину, въ другихъ же случаяхъ раздается въ ширину? У дикарей же слагается свой идеалъ головного овала, и они считаютъ необходимымъ искусственно придавать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующую форму головы. Швейнфуртъ[1]) описываетъ слѣдующій случай изъ своего путешествія по центральной Африкѣ. Однажды возникло недоразумѣніе, относительно принадлежности одного мальчика къ племени динка или сосѣднему племени бонго. Для разрѣшенія вопроса одинъ изъ переводчиковъ Швейнфурта осмотрѣлъ голову ребенка и опредѣлилъ, что онъ несомнѣнно рожденъ отъ родителей бонго, такъ какъ у него голова развита въ ширину. «Наши женщины», пояснилъ переводчикъ, «соблюдаютъ обычай сдавливать голову новорожденныхъ дѣтей сверху внизъ, тогда какъ женщины динка сжимаютъ ее съ боковъ». Всѣмъ извѣстно, до какой степени первобытные народы заботятся о прическѣ, татуированіи и другихъ приспособленіяхъ, съ цѣлью пріобрѣтенія наивозможно большей красоты. По словамъ Бэкера, туземцы сѣверной Африки употребляютъ до десяти лѣтъ для окончательнаго сформированія своей куафюры; полное же татуированіе мауриса не только стóитъ большихъ трудовъ и времени, но даже настолько опасно, что нерѣдко влечетъ за собою смерть. Цвѣтъ кожи, черты лица, свойство волосъ—все это такіе расовые признаки, которые легко кидаются въ глаза, и потому подлежатъ тѣмъ большему выбору и культурѣ со стороны людей. Вотъ почему такъ легко было Дарвину придти къ убѣжденію, что они развиты путемъ полового подбора. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ съ весьма давныхъ поръ измѣнялъ породы домашнихъ животныхъ и растеній, съ цѣлью удовлетворенія столь рано развивающагося вкуса къ изящному, то отчего не допустить, что онъ подвергалъ и себя тому же процессу ради той же самой цѣли? Но, какъ я упомянулъ выше, расовые признаки коренятся глубже въ природѣ человѣческаго организма. Къ ихъ числу относятся не только формы частей человѣческаго тѣла, но и пропорціональное отношеніе между ними. Такимъ образомъ, длина конечностей и головы по отношенію къ туловищу представляютъ, смотря по расамъ, нерѣдко весьма важныя отличія, замѣтныя даже и на болѣе мелкихъ органахъ. Такъ, напр., локтевая часть руки у негровъ отличается гораздо большей длиной по отноше-

[1]) Im Herzen von Afrika. Leipzig; 1874. T. I, стр. 289.

нію къ предплечію, чѣмъ у европейскихъ народовъ,—фактъ, на который многіе особенно напирали съ цѣлью указать на приближеніе негритянскаго типа къ обезьяньему. Для того, чтобы констатировать существованіе подобнаго отношенія, антропологи должны были произвести цѣлый рядъ точныхъ измѣреній, что указываетъ уже на то, что оно, несмотря на свое теоретическое значеніе, тѣмъ не менѣе далеко не бросается въ глаза подобно цвѣту кожи или характернымъ чертамъ лица. Если трудно предположить, чтобы относительные размѣры частей тѣла могли составлять предметъ полового или какого-либо другого искусственнаго подбора, то еще труднѣе допустить это по отношенію къ болѣе скрытымъ расовымъ признакамъ. Извѣстно, что черепа отличаются не только различной длиной, шириной и высотой, т.-е. такими особенностями, которыя легко доступны поверхностному наблюденію, но и различными свойствами черепного основанія, подлежащими изслѣдованію только на препарированномъ черепѣ. Такъ, въ недавнее время Эккеръ [1]) обратилъ вниманіе на большее удлиненіе основанія черепа у негровъ сравнительно съ европейцами, и на связанное съ этимъ относительное положеніе затылочной дыры и другихъ частей; въ то же время онъ указалъ на то, что этотъ признакъ обнаруживаетъ у негра большее приближеніе къ животному типу, слѣдовательно, составляетъ моментъ, который долженъ быть признанъ первостепеннымъ въ дѣлѣ приданія черепу извѣстной расовой особенности.

Другой фактъ, на который я намѣренъ сослаться, заключается въ особенностяхъ устройства таза. Съ давнихъ поръ, многіе анатомы старались доказать, что эта часть скелета отличается у различныхъ расъ, и особенно настаивали на томъ, что форма негритянскаго таза представляетъ, подобно черепу, приближеніе къ животному типу. Въ настоящее время болѣе осторожные наблюдатели нашли нужнымъ отрѣшиться отъ столь поспѣшныхъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе они признали, что тазъ устроенъ не одинаково у всѣхъ людей, и по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ расъ представляетъ замѣтныя особенности. Такъ напр. одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, Ф. Франкъ, относящійся критически къ распространеннымъ воззрѣніямъ на расовыя отличія таза, самъ указываетъ на подобныя особенности по отношенію къ наиболѣе изслѣдованному тазу малайской и негритянской расы [2]).

---

[1]) Ueber die verschiedene Krümmung des Schädelrohres и пр. въ Archiv für Anthropologie, 1870. T. IV, стр. 287.

[2]) О внутреннихъ отличіяхъ негра отъ европейца, см. мемуаръ *Прунеръ Бея* о неграхъ въ Mémoires de la Société d'Anthropologie, II.

Бурмейстеръ, знаменитый нѣмецкій натуралистъ, съ давныхъ поръ живущій въ Аргентинской республикѣ, и имѣвшій случай очень близко познакомиться съ негритянской расой, утверждаетъ, что не только черепъ и тазъ негра, но и всѣ остальныя части его скелета, до самыхъ мелкихъ косточекъ, обнаруживаютъ бóльшія или меньшія расовыя особенности.

Другой рядъ фактовъ, указывающихъ на независимость расовыхъ признаковъ отъ подбора, можетъ быть выраженъ въ общемъ положеніи, что расовыя отличія мѣняются, смотря по возрастамъ, причемъ наиболѣе рѣзкое обнаруженіе первыхъ не совпадаетъ съ періодомъ полной возмужалости. Естественно, что если половой подборъ содѣйствовалъ развитію и фиксированію расовыхъ признаковъ, то послѣдніе должны всего сильнѣе проявляться на той ступени развитія, когда человѣкъ достигъ возраста, годнаго къ вступленію въ бракъ. Извѣстно, и на это особенно ударяетъ Дарвинъ, что признаки, характеризующіе самцовъ различныхъ животныхъ, напр., красивое опереніе самцовъ многихъ птицъ, появляются около періода наступленія половой зрѣлости. Только подобное совпаденіе и дѣлаетъ мыслимымъ участіе полового подбора, и потому съ дарвиновской точки зрѣнія слѣдуетъ ожидать, что расовые признаки у человѣка должны достигать своего наибóльшаго развитія около того же періода, какъ и вторичныя половыя отличія. Факты однако же не оправдываютъ этого ожиданія. Мужественныя формы и голосъ появляются у насъ приблизительно около періода наступленія половой зрѣлости, а усы и борода, въ большинствѣ случаевъ, выростаютъ нѣсколькими годами позже; расовые же признаки обнаруживаются несравненно раньше: такъ, черный цвѣтъ кожи негровъ развивается по прошествіи одного года въ Суданѣ и—трехъ лѣтъ въ Египтѣ; курчавые волосы появляются у нихъ еще раньше, и пр. и пр. Еслибы кто-либо захотѣлъ объяснять подобное несовпаденіе въ развитіи признаковъ, зависящихъ отъ одной причины (полового подбора) тѣмъ обстоятельствомъ, что (по теоріи Дарвина) перечисленные вторичные половые признаки составляютъ результатъ непосредственной борьбы между мужчинами, тогда какъ расовыя отличія пріобрѣтены женщиной путемъ подбора и потомъ переданы обоимъ поламъ, то такому лицу можно представить еще нѣсколько другихъ фактовъ. Такъ, напр., нѣкоторые признаки, характеризующіе монгольскую расу, всего рѣзче обнаруживаются въ дѣтскомъ возрастѣ и, нѣсколько сглаживаясь въ возмужаломъ періодѣ, почти совершенно исчезаютъ въ старости. Признаки эти относятся, къ тому же, къ особенностямъ лица, т.-е. къ однимъ изъ наиболѣе

бросающихся въ глаза моментовъ. Я разумѣю во-первыхъ, характерное устройство глазъ [1]) и отчасти приплюснутую форму носа. Въ меньшей степени подъ эту же категорію признаковъ подходятъ усы и борода не только монголовъ, но и негровъ: совершенно отсутствуя въ юношескомъ возрастѣ, т.-е. въ томъ періодѣ, когда у чисто-монгольскихъ и негритянскихъ народовъ заключается наибольшее количество браковъ, усы и борода выростаютъ у нихъ значительно позже, въ такое время, когда половой подборъ уже теряетъ свою почву.

Сводя теперь все сказанное, легко придти къ заключенію, что теорія полового подбора, въ томъ видѣ, какъ она была установлена Дарвиномъ, не можетъ служить путеводной руководительницей при разрѣшеніи главныхъ вопросовъ антропологіи. Она наталкиваетъ насъ на цѣлый рядъ болѣе или менѣе запутанныхъ противорѣчій и не даетъ ключа къ объясненію наиболѣе глубокихъ расовыхъ отличій. Этимъ я ничуть не хочу сказать, чтобы половой подборъ не игралъ ни малѣйшей роли въ антропологическомъ развитіи человѣка, но я полагаю, что вліяніе его довольно ограниченно, тогда какъ сфера «необъясненныхъ фактовъ», на которые указываетъ Дарвинъ въ концѣ седьмой главы, напротивъ, весьма значительна.

III.

Борьба за существованіе и подборъ въ человѣческомъ родѣ.—Способъ дѣйствія естественнаго подбора.—Отношеніе его къ морфологическимъ измѣненіямъ.—Роль естественнаго подбора въ смыслѣ образователя видовъ должна быть ограничена.

Въ предыдущей главѣ я, по возможности, разсмотрѣлъ попытки Дарвина къ разъясненію главнѣйшихъ антропологическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія новой теоріи, и рѣшительный шагъ Уоллеса къ выходу изъ представлявшихся ему затрудненій. Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что, несмотря на то, что за дѣло принялись двое изъ величайшихъ натуралистовъ нашего столѣтія, они достигли сравнительно очень небольшихъ результатовъ. Ни естественный подборъ, въ обширномъ смыслѣ слова, ни частная форма его въ видѣ полового подбора, не разрѣшили главнаго

---

[1]) См. Zeitschrift für Ethnologie 1874 г. Тетр. III.

вопроса о происхожденіи расъ, и только въ самыхъ общихъ чертахъ освѣтили проблему о происхожденіи человѣка. Отсюда естественно вытекаетъ запросъ, въ чемъ именно лежитъ причина подобной неудачи.

Вспомнимъ основные принципы дарвинизма, изъ которыхъ логически вытекаетъ превращеніе видовъ. 1) Всѣ организмы производятъ потомство въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько можетъ просуществовать; 2) отсюда возникаетъ борьба между столь сильно размножившимися живыми существами, въ которой побѣждаютъ наиболѣе сильные, т.-е. наиболѣе приспособленные къ внѣшней обстановкѣ. 3) Такимъ образомъ совершается подборъ мелкихъ индивидуальныхъ отличій, приносящихъ какую-либо пользу въ борьбѣ, и вымираніе организмовъ, лишенныхъ этихъ выгодныхъ отличій. 4) Вслѣдствіе этого послѣднія выступаютъ, такъ сказать, на первый планъ и, фиксируясь посредствомъ наслѣдственности, образуютъ новый видъ или разновидность. Посмотримъ теперь, насколько приложимы эти принципы въ жизни человѣческаго рода. Усиленное размноженіе организмовъ, какъ принципъ, влекущій за собою борьбу, заимствованъ Дарвиномъ у Мальтуса, высказавшаго свою теорію именно по отношенію къ человѣку. Дарвинъ самъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что его теорія борьбы «есть ученіе Мальтуса, приложенное ко всему животному и растительному царству», и даже употребляетъ нерѣдко рельефное, но невѣрное выраженіе о размноженіи въ «геометрической прогрессіи». «Борьба за существованіе» въ человѣческомъ родѣ совершается на всевозможные лады, какъ между индивидуумами одного и того же племени или расы, такъ и между представителями различныхъ расъ. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ, но для преслѣдуемой нами цѣли необходимо взглянуть нѣсколько ближе на борьбу между расами и на главнѣйшіе результаты ея. Въ общей части своего учебника, Ф. Мюллеръ [1]) говоритъ слѣдующее 1): «по всѣмъ даннымъ можно думать, что три, численно могущественнѣйшія, расы: монгольская или верхнеазіатская, средиземная и раса африканскихъ негровъ имѣютъ наиболѣе шансовъ выдти побѣдителями изъ особенно сильно вспыхнувшей въ настоящее время борьбы за существованіе». Хотя никому не придетъ въ голову искать здѣсь связи между успѣхомъ въ борьбѣ и тѣми расовыми особенностями, которыя всѣмъ извѣстны и которыя служатъ отличительными признаками расъ, какъ, напр., черный

Allgemeine Ethnographie, стр. 49.

цвѣтъ кожи негровъ и ихъ курчавые волосы, плоское лицо и прямые волосы монголовъ и т. п., тѣмъ не менѣе я долженъ показать, что и въ самыхъ общихъ чертахъ естественный подборъ не связанъ съ какими-либо изъ другихъ морфологическихъ особенностей расъ. Въ каждой расѣ есть народы, вымирающіе и переживающіе. Въ средѣ монгольской расы вымираютъ нѣкоторые чисто монгольскіе народы: самоѣды, остяки и другія мелкія племена, служащія наиболѣе характерными представителями расы; китайцы же, японцы, якуты и др. не только не вымираютъ сами, но обусловливаютъ вымираніе другихъ народовъ. Уже изъ одного этого сопоставленія очевидно, что расовый моментъ въ дѣлѣ вымиранія имѣетъ неизмѣримо меньшее значеніе, чѣмъ этническій, напр., различная степень «цивилизаціи». И между американскими туземцами есть народы весьма прочные, такъ, напр., индіанскія племена центральной и части южной Америки не только не вымираютъ отъ вліянія европейцевъ, но вытѣсняютъ послѣднихъ, обнаруживая значительную энергію и умственныя способности. Извѣстна также живучесть и прочность нѣкоторыхъ народовъ малайской расы (напр., яванцевъ), которые чрезвычайно размножились съ того времени, какъ они пришли въ прикосновеніе съ европейцами, и пр. Съ другой стороны, многіе народы кавказской расы уже исчезли съ лица земли, другіе же находятся въ процессѣ вымиранія. Еще въ сравнительно очень недавнее время исчезли гуанчи, хамитическій народъ, который многіе считаютъ отчасти сроднымъ съ басками. Эти послѣдніе, бывши нѣкогда весьма распространенными въ Европѣ, сохранились только въ Пиренеяхъ; но и тамъ они врядъ ли долго продержатся, въ виду безконечнаго карлистскаго возстанія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дѣлѣ вымиранія и переживанія народовъ первую роль играютъ чисто этническія особенности, т.-е. характеръ народа, различные обычаи (дѣтоубійство, людоѣдство, кровная месть и пр.), степень цивилизаціи и т. п., къ которымъ присоединяются и физіологическія причины, какъ, напр., бо́льшая или меньшая плодовитость. Въ предѣлахъ одной и той же расы уживаются однакоже самыя рѣзкія этническія противоположности. Такимъ образомъ, мы видимъ монголовъ рядомъ съ китайцами, черкесовъ рядомъ съ евреями, арабовъ съ берберами и пр. и пр. Ясно поэтому, что естественный подборъ, распредѣляющій человѣчество на побѣдителей и побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, руководствуется при этомъ не кидающимися въ глаза форменными особенностями расы, а болѣе глубоко лежащими этническими и отчасти физіологическими свойствами.

Итакъ, въ человѣческомъ родѣ совершается и усиленное размноженіе, и борьба за существованіе, и подборъ, влекущій за собою переживаніе болѣе приспособленныхъ, и вымираніе менѣе приспособленныхъ. Что́ касается богатства индивидуальныхъ особенностей, то въ этомъ отношеніи человѣкъ не только не отстаетъ отъ прочихъ животныхъ, но, напротивъ, идетъ впереди ихъ. Слѣдовательно, существуютъ всѣ данныя для того, чтобы происходило измѣненіе всегда путемъ естественнаго подбора по дарвиновской схемѣ, а между тѣмъ мы ничего подобнаго не замѣчаемъ [1]). Съ другой стороны, мы видимъ цѣлый рядъ разновидностей, или расъ, на которыя распался видъ Homo sapiens, но происхожденія ихъ разгадать не можемъ ни съ помощью естественнаго, ни съ помощью полового подбора.

Для того, чтобы понять смыслъ этого несоотвѣтствія, намъ необходимо обратиться къ другимъ организмамъ. Развивая свою теорію борьбы за существованіе, Дарвинъ доказываетъ, что эта борьба всего сильнѣе между наиболѣе близкими по организаціи существами, т.-е. между индивидуумами и разновидностями одного вида и между сосѣдними видами одного рода. Въ пользу этого положенія онъ приводитъ слѣдующіе примѣры. Въ части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ одинъ видъ ласточки вытѣснилъ другой; въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи одинъ видъ дрозда (Turdus viscivorus), размножившись очень сильно, обусловилъ уменьшеніе численности другого вида (T. musicus); рыжая крыса повсемѣстно вытѣснила черную; въ Россіи одинъ видъ таракана изгналъ своего болѣе крупнаго родича; ввезенная въ Австралію европейская пчела быстро истребляетъ туземный маленькій видъ пчелы, неимѣющей жала; и наконецъ еще фактъ, вытѣсненія одного вида горчицы другимъ. «Мы можемъ смутно познать», прибавляетъ Дарвинъ, «почему конкурренція всего сильнѣе между наиболѣе сродными формами, занимающими почти одинаковое мѣсто въ хозяйствѣ природы; но вѣроятно мы ни въ одномъ случаѣ не въ состояніи будемъ точнѣе указать на то, какимъ именно образомъ одинъ видъ побѣдилъ другой въ жестокой борьбѣ за существованіе». Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно знать, находится ли выгодное положеніе въ борьбѣ однихъ изъ перечисленныхъ видовъ въ тѣсной связи съ ихъ видовыми признаками, или нѣтъ. Если, какъ говоритъ теорія, видовыя от-

---

[1]) И *Уоллесъ*, и *Дарвинъ* сами признали, что естественный подборъ дѣйствуетъ на умственныя и нравственныя качества человѣка, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи доказать того же относительно физическихъ признаковъ расъ.

личія сдѣлались таковыми именно вслѣдствіе пользы, приносимой ими въ борьбѣ за существованіе, то естественно заключить отсюда, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на нашихъ глазахъ одинъ видъ побѣждаетъ и вытѣсняетъ другой, сосѣдній, такая побѣда совершается благодаря присутствію особенно полезныхъ видовыхъ признаковъ. Чѣмъ же отличаются перечисленные Дарвиномъ виды, побѣдители отъ ихъ побѣжденныхъ родичей? Европейская пчела отличается отъ австралійской (принадлежащей собственно къ другому роду—Melipona) присутствіемъ жала и большей величиной, т.-е. такими признаками, значеніе которыхъ въ борьбѣ за существованіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Иное мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Такъ, дроздъ-деряба, побѣдитель, отличается, вообще говоря, столь ничтожными признаками отъ пѣвчаго дрозда, побѣжденнаго, что ихъ съ перваго взгляда трудно отличить. Оба они окрашены почти одинаково, но у перваго нижнія кроющія перья черновато-сѣрыя, у второго они ржавчиннаго цвѣта; у перваго двѣ поперечныя полосы на крыльяхъ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у второго и т. п. Извѣстно, что окраска животныхъ вообще, а птицъ въ особенности, даетъ признаки, нерѣдко крайневажные въ борьбѣ за существованіе: зеленый цвѣтъ очень полезенъ животнымъ, живущимъ на зеленыхъ частяхъ растеній, сѣрый же выгоденъ такимъ, которыя находятся на сухихъ частяхъ деревьевъ или на опадшихъ листьяхъ. Какъ ни легко согласиться съ этимъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе невозможно допустить, чтобы мельчайшія измѣненія въ краскѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя отличаютъ два названные вида дроздовъ, могли играть какую-либо роль въ борьбѣ. То же нужно сказать относительно таракановъ. Бóльшая длина крыльевъ, болѣе свѣтлая окраска и присутствіе двухъ темныхъ полосокъ на предгрудіи и т. п. мелкіе отличительные признаки также точно не могутъ объяснить намъ, почему прусакъ вытѣсняетъ чернаго таракана, какъ не объясняютъ прямые волоса, мѣдисто-буроватый цвѣтъ кожи, приплюснутый носъ и пр. признаки малайца его перевѣса въ борьбѣ за существованіе надъ курчаво-волосымъ, чернокожимъ и орлино-носымъ папуасомъ. Во всей зоологіи не существуетъ болѣе рѣзкаго примѣра вытѣсненія одного вида другимъ, какъ у крысъ. Нынѣшняя рыжая крыса, или такъ-наз., пасюкъ, переселилась въ Европу только въ первой трети прошлаго столѣтія; въ Америку она попала только въ 1775 году; несмотря на это, она успѣла распространиться почти по всему земному шару, всюду вытѣсняя своего болѣе слабаго предшественника—черную крысу, которая сама появилась въ Европѣ не ранѣе среднихъ вѣковъ. Вотъ

отличительные признаки обоихъ видовъ: «*Пасюкъ.* Mus decumanus. Тѣло вытянутое. Ухо, будучи приложено къ головѣ, не достаетъ до глаза. Буровато-сѣрая, снизу бѣлая, длина $8^3/_4''$, хвостъ $7'$. *Крыса.* Mus rattus. Ухо, приложенное къ головѣ, покрываетъ глазъ, хвостъ длиннѣе тѣла. Сверху буровато-черная, съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ, снизу немного болѣе свѣтлаго сѣровато-чернаго цвѣта. Длина $6''$, хвостъ $7^1/_4''$». Изъ всѣхъ этихъ признаковъ въ борьбѣ имѣетъ значеніе только одинъ, наименѣе важный въ зоологическомъ отношеніи, именно величина. Меньшая длина ушей у пасюка очевидно не составляетъ для него неудобства, такъ какъ она не помѣшала ему всюду оттѣснить черную крысу. Такіе же признаки, какъ нѣсколько меньшая длина хвоста, состоящаго изъ 210 колецъ (а не 250—260, какъ у черной крысы), или же шероховатость нёбныхъ складокъ, очевидно, не могла придать пасюку никакого перевѣса надъ его соперникомъ, тогда какъ бо́льшая способность переносить избытокъ воды, бо́льшая наглость и живучесть должны были играть въ этомъ отношеніи огромную роль.

Приведенные примѣры отчасти указываютъ намъ на сущность всего дѣла, т.-е. на тотъ выводъ, что *въ борьбѣ за существованіе имѣютъ наибольшее значеніе не мелкіе морфологическіе признаки, отличающіе виды, но физіологическія качества, въ родѣ бо́льшей плодовитости, силы, выносливости и т. п.* Нерѣдко морфологическія отличія совпадаютъ съ физіологическими, но это совпаденіе не составляетъ внутренней необходимости, вслѣдствіе чего съ зоологической точки очень близкіе между собою виды могутъ представлять весьма различную степень силы въ борьбѣ за существованіе. Какъ ни мало извѣстна производительность различныхъ животныхъ по отношенію къ размноженію, тѣмъ не менѣе мы уже теперь можемъ сказать, что очень близко стоящіе въ системѣ виды могутъ производить весьма различное количество матеріала на образованіе новаго поколѣнія. Такъ, напр., ястребъ-перепелятникъ кладетъ, въ видѣ яицъ. количество матеріала, составляющее 13 процентовъ его собственнаго вѣса, а родичъ его — обыкновенный сарычъ (Buteo vulgaris) — отдаетъ 23,5% для образованія новаго поколѣнія. Изъ двухъ, близко стоящихъ въ системѣ рыбъ, одна Cyprinus jeses—производитъ 26%, а C. ballerus—36% [1]).

Съ указанной точки зрѣнія объясняются также нѣкоторыя

---

[1]) См. *Лейкартъ.* Глава Zeugung изъ *R. Wagner.* Handwörterbuch der Physiologie, T. IV, стр. 717 и 788.

изъ фактовъ, на которые натолкнулся самъ Дарвинъ. Такъ, стараясь установить понятіе о степени совершенства формъ, онъ между прочимъ ссылается на то, что животныя и растенія Великобританіи, будучи перевезены въ Новую Зеландію, вытѣснили большое количество туземныхъ видовъ, тогда какъ еще никто не замѣчалъ обратнаго отношенія; т.-е., чтобы новозеландскіе организмы распространились въ Европѣ насчетъ мѣстныхъ европейскихъ видовъ. «Съ этой точки зрѣнія», замѣчаетъ Дарвинъ, «можно сказать, что продукты Великобританіи стоятъ значительно выше на лѣстницѣ живыхъ существъ, чѣмъ туземные организмы Новой Зеландіи. *Этого результата однакоже не могъ бы предсказать самый опытный натуралистъ, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе видовъ обѣихъ странъ*». Другими словами, сила и совершенство въ борьбѣ за существованіе между видами отнюдь не совпадаютъ съ тѣми морфологическими признаками, при помощи которыхъ натуралистъ различаетъ и классифицируетъ самые виды. Правило это, которое мы вывели изъ разсмотрѣнія отличій между человѣческими расами и близкими между собою животными, служащими нагляднымъ примѣромъ борьбы за существованіе и подбора, имѣетъ большое приложеніе въ классификаціи организмовъ. Какъ ни трудно, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь животномъ или растеніи, высказаться о пользѣ или безполезности даннаго видового отличія, тѣмъ не менѣе, стоя на почвѣ, установленной при помощи антропологическихъ данныхъ, мы можемъ съ вѣроятностью дѣлать нѣкоторыя заключенія. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Классъ губокъ заключаетъ въ себѣ большое количество очень просто организованныхъ формъ, живущихъ почти исключительно на днѣ моря. Появившись еще въ палеозойскую эпоху, животныя эти принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ въ современныхъ моряхъ и представляютъ, слѣдовательно, одинъ изъ весьма живучихъ классовъ. Въ послѣднее время онъ подвергся подробному изслѣдованію, причемъ оказалось, что не только виды, но и роды должны распознаваться не иначе, какъ съ помощью микроскопическаго изученія мельчайшихъ иголочекъ, составляющихъ скелетъ большинства губокъ. Такъ, напр., родъ Suberites характеризуется присутствіемъ однѣхъ булавовидныхъ иголочекъ, а у рода Esperia къ нимъ присоединяются еще особыя крючковидныя иглы. У Reniera иголки веретенообразныя. Еще болѣе мелочные признаки служатъ для отличія видовъ. Такъ, напр., у Ascetta primordialis трехконечныя иглы на концахъ заостряются, а у As. coriacea онѣ слегка притупляются; у Ascandra pinus палочкообразныя иглы въ 4—6 разъ

длиннѣе, чѣмъ колѣно трехконечныхъ иголъ, и основной лучъ послѣднихъ длиннѣе боковыхъ, а у Ascandra variabilis палочкообразныя иглы только въ 2—3 разъ длиннѣе колѣна трехконечныхъ иголъ, основной лучъ которыхъ короче боковыхъ и т. п. Какое же могутъ имѣть значеніе подобныя микроскопическія отличія для жизни и борьбы за существованіе болѣе или менѣе крупныхъ организмовъ, наружная форма которыхъ до того измѣнчива, что на основаніи ея не можетъ быть построена никакая классификація? Очевидно, что здѣсь мы также точно, какъ и въ расовыхъ признакахъ человѣка или же въ видовыхъ отличіяхъ бураго и рыжаго таракана, имѣемъ дѣло съ нейтральными, т.-е. безразличными въ борьбѣ за существованіе, но тѣмъ не менѣе крайне важными въ морфологическомъ отношеніи признаками, независящими отъ естественнаго подбора, но ложащимися въ основаніе видовой классификаціи губокъ. Возьмемъ еще другой примѣръ изъ области низшихъ животныхъ. Въ семействѣ инфузорій, называемомъ Paramaecina, находится нѣсколько родовъ. Изъ нихъ родъ Paramaecium отличается сильно углубленнымъ предротовымъ краемъ, скошеннымъ эллиптическимъ ртомъ и короткими волосами въ глоткѣ; сосѣдній же родъ Colpoda отличается ртомъ, лежащимъ въ углубленіи, на нижнемъ краѣ котораго сидитъ пучокъ длинныхъ рѣсничекъ. Весьма вѣроятно, что эти удлиненныя рѣснички лучше привлекаютъ пищу ко рту, нежели короткія рѣснички у Paramaecium; но до чего ничтожно (съ точки зрѣнія борьбы за существованіе) это отличіе сравнительно съ отсутствующей у Paramaecium способностью Colpoda закоконировываться при высыханіи и наступленіи другихъ неблагопріятныхъ условій! Эта способность даетъ въ результатѣ то, что Colpoda можетъ водиться въ настояхъ и принадлежать къ числу наиобыкновеннѣйшихъ инфузорій, тогда какъ Paramaecium, лишенная способности переносить засуху, живетъ только въ непересыхающихъ лужахъ. Я указываю здѣсь на низшіе организмы съ тою цѣлью, чтобы еще крѣпче установить положеніе о несоотвѣтствіи между видовыми (и отчасти родовыми) морфологическими признаками и физіологической способностью одолѣвать въ борьбѣ за существованіе. Еслибы я хотѣлъ развивать его подробнѣе, то мнѣ бы пришлось перебирать всѣ простѣйшіе организмы, указывать на ничтожное во взаимной конкурренціи значеніе ихъ видовыхъ признаковъ (детальныя отличія раковинокъ, твердыхъ иголокъ и другихъ скелетныхъ образованій) и на присутствіе у нихъ столь сильныхъ въ этой борьбѣ орудій, какъ громадная плодовитость и изумительная живучесть и выносли-

ПРИЗНАНІЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТЦОВЪ

Théophile Gautier: 1) Portraits contemporains. Paris, 2-ième édition, Charpentier et C-ie, 1874; 2) Histoire du romantisme etc. deuxième édition, 1874. *Champfleury.* Souvenirs et portraits de jeunesse. Paris, E. Dentu. 1872.

„Le gout, le style, la langue, la critique et les mœurs, tout est dépravé. Ce n'est ni l'empire, ni Louis-Philippe qui nous ont faits ce que nous sommes: c'est le romantisme épicurien, idealiste, immoral".

P. J. Proudhon.

I.

Французскія книжки—обманчивы. Ни въ какой книжной торговлѣ не найдете такого легкаго отношенія къ публикѣ, какъ въ парижской. Составить книжку—«faire un livre»—значитъ въ большинствѣ случаевъ, собрать, безъ всякой обработки, свои статейки за нѣсколько лѣтъ и перепечатать ихъ. Изъ трехъ книгъ, избранныхъ нами для настоящаго этюда, одна, напр., «Исторія романтизма», есть не что иное, какъ посмертный сборникъ фельетонныхъ очерковъ и замѣтокъ, писанныхъ Теофилемъ Готье «au courant de la plume». Правда, онъ пожелалъ, незадолго до смерти, набросать картину французскаго романтизма въ видѣ личныхъ воспоминаній, поставилъ заглавіе и расположилъ въ порядкѣ нѣсколько главокъ;—но все это также похоже на «Исторію», какъ самые фельетоны, изъ которыхъ она составлена, похожи

на серьёзныя научныя изслѣдованія. И другая посмертная книжка Готье: «Современные портреты»—тотъ же продуктъ парижской книжной промышленности. Она состоитъ изъ еще менѣе обработаннаго сбора фельетонныхъ статеекъ. Третья книжка принадлежитъ къ тому же роду изданій, хотя и не заключаетъ въ себѣ перепетатокъ; она гораздо отдѣланнѣе и богаче колоритомъ и подробностями. Но авторъ ея, извѣстный романистъ Шанфлёри, еще живъ и долженъ былъ все-таки построже отнестись къ тому, что̀ онъ нашелъ интереснаго, изъ своихъ писательскихъ воспоминаній, для сообщенія публикѣ.

Такіе книжно-литературные нравы, конечно, не особенно выгодны для серьёзныхъ читателей; но въ общей массѣ умственнаго товара книжки въ родѣ выбранныхъ нами — не пропадаютъ даромъ. Въ частности, онѣ могутъ быть болѣе или менѣе пусты, легки, поверхностны; въ совокупности же пополняютъ живой матеріалъ для характеристики различныхъ эпохъ литературнаго и общественнаго движенія. Возьмете вы въ руки хоть одну изъ посмертныхъ книжекъ Готье, пробѣжите ее, и вамъ, разумѣется, будетъ досадно, что вы вмѣсто сочныхъ, полныхъ, фактическихъ этюдовъ должны будете удовольствоваться «пустячками». Но просмотрите еще разъ этотъ длинный рядъ именъ, вспомните, что̀ каждое изъ нихъ представляетъ собою, какую роль играло, когда появилось, блистало и сошло съ арены, выберите все, что̀ есть въ этомъ сборникѣ фельетоновъ, искреннихъ словъ, острыхъ замѣчаній, настроеній минуты, анекдотическихъ деталей—и цѣлая эпоха пройдетъ еще разъ передъ вами, эпоха шумная, горячая, необычайно богатая талантами и *смѣлостями* всякаго рода... И гдѣ не любятъ терять зря даже фельетонныя наброски, въ той литературѣ и прессѣ непремѣнно найдется и другая сторона книжно-литературныхъ нравовъ: старательное собираніе фактовъ, объективная работа біографовъ, критиковъ и портретистовъ. Поэтому-то о большинствѣ крупныхъ французскихъ дѣятелей и возможно говорить не голословно, не въ угоду того или иного направленія; а именно такъ, какъ въ научныхъ монографіяхъ опредѣляется совокупность свойствъ извѣстной особи... Матеріалъ уже весь припасенъ во всѣхъ смыслахъ, благодаря любознательности, живости ума, энергіи собирателей. Во французской же критикѣ началась и новая, болѣе объективная обработка репутаціи, въ разныхъ сферахъ мысли и искусства, обработка, въ которой жизнь и личныя свойства человѣка приведены въ тѣснѣйшую связь съ его творчествомъ или дѣломъ. Французъ Тэнъ всего ярче намѣтилъ этотъ плодотворный методъ критическаго обслѣдованія, совсѣмъ

почти не примѣняемый у насъ относительно современныхъ дѣятелей литературы и искусства... И въ чемъ же, какъ не въ этомъ, такъ сказать, «біографическомъ» методѣ, искать спасенія отъ бездоказательныхъ, апріорическихъ приговоровъ, которыми полна наша литература рецензій, приговоровъ, ни мало не вытекающихъ изъ всей работы *a posteriori*, показывающей и автора, и произведеніе въ ихъ жизненномъ развитіи роковой необходимости?..

Въ легкихъ-ли сборникахъ замѣтокъ, или въ солидныхъ и кропотливыхъ сборникахъ матеріаловъ, мы находимъ, у французовъ вездѣ одну преобладающую черту: хвалебный тонъ, идущій отъ простыхъ симпатичныхъ нотъ до восторженныхъ и приторныхъ похвалъ. Объ умершихъ дѣятеляхъ иначе и не говорятъ, какъ хвалебно. Исключеніе составляютъ памфлеты такихъ личностей, какъ, напр., извѣстный пасквилянтъ Миркуръ, или не менѣе извѣстный Вёльо, редакторъ газеты *Univers* и авторъ дѣйствительно зловонныхъ «Запаховъ Парижа». Русскимъ литераторамъ тонъ французскихъ отзывовъ о собратахъ по искусству, наукѣ, или соціальной дѣятельности, кажется фальшивымъ и приторнымъ, въ особенности потому, что у насъ нѣтъ и тѣни той солидарности, которая соединяетъ у французовъ такъ-называемую «république des lettres». Несмотря на разнообразіе оттѣнковъ и направленій, во французской прессѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то объединяющаго, желаніе воздать собрату должное, если не какъ человѣку своего кружкà и лагеря, то какъ *французу*, принадлежавшему къ той же корпораціи умственнаго труда. Надъ шовинизмомъ, въ его уродливостяхъ, трудно не смѣяться; но врядъ-ли лучше этого шовинизма — холодное и безъидейное зубоскальство, недорожащее никакимъ *національнымъ* достояніемъ. Для француза слова «une des gloires de la France» — не пустой звукъ. Возьмите любого клерикала и реакціонера, и допросите его, напр., хоть, о Викторѣ Гюго... Чтó бы онъ объ немъ ни высказалъ, а кончитъ тѣмъ, что признàетъ его крупнымъ національнымъ достояніемъ и сниметъ шапку. Въ обширныхъ и мелкихъ сферахъ, рядомъ съ *камарадеріей* кружковъ, живетъ болѣе общее товарищество и панибратство, поддерживающееся годами. Въ мірѣ литературы, театра, журнализма, мастерскихъ—всѣ знаютъ другъ друга. Соперничество отдѣльныхъ личностей нисколько не мѣшаетъ общей круговой порукѣ, общему корпоративному духу. Въ настоящее время въ Парижѣ врядъ ли и есть такіе тѣсные кружки, какіе процвѣтали въ эпоху «юной Франціи»; но весь Парижъ бульвара и Латинскаго квартала составлялъ все-таки одно цѣлое, интересы — солидарны, честь и доброе имя зря не позо-

рятся, недостатки и неудачи, въ общемъ, не подвергаются такому «заушенію», какъ у насъ, напримѣръ. Дознанное дѣло, что французская, хоть-бы театральная, критика гораздо снисходительнѣе и къ репутаціямъ, и къ начинающимъ. Реклама — въ большомъ ходу: но далеко не она дѣлаетъ то, что въ 35 фельетонахъ на 40 вы не найдете и тѣни той раздражительности, придирчивости, злорадства и глумленія, къ которымъ такъ пріучена русская публика. Отчего же это происходитъ? Конечно, не оттого, что парижскіе рецензенты—съ меньшимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла; а просто оттого, что тамъ *неприлично* накидываться на все въ такомъ тонѣ; оттого, что всякое начинающее дарованіе сейчасъ же дѣлается національнымъ достояніемъ, а установившіяся репутаціи никто не хочетъ за одну неудачу втаптывать въ грязь. Каждый фельетонистъ и каждый критикъ привязанъ къ тому міру, которымъ они занимаются, къ *ихъ* театру, къ *ихъ* академіи, къ *ихъ* романамъ, хотя они и не пишутъ комедій, не мѣтятъ въ «безсмертные» и никогда не печатали беллетристическихъ произведеній... Въ людяхъ, стоящихъ совершенно внѣ политическихъ волненій, такой *благодушный* тонъ отзывовъ всего ярче и чаще. Къ нимъ принадлежатъ оба автора нашихъ книжекъ: и Готье, и Шанфлёри, весь свой вѣкъ прожили въ интересахъ художественно-литературныхъ! Для нихъ не было другого идеала, другого наслажденія, другой заботы, какъ *искусство* въ его различныхъ проявленіяхъ. И тотъ, и другой добились репутаціи; но сдѣлалось это само собой, силою постоянной работы и проблесковъ таланта, а не путемъ ожесточенной борьбы съ противниками. Хотя Готье слишкомъ рано впрягъ себя въ ярмо газетнаго сотрудника-фельетониста, но это ремесло ни мало его не ожесточило. Онъ продолжалъ отдаваться все тѣмъ же интересамъ, которые волновали его юность; но по поспѣшности газетной работы не могъ, конечно, заниматься отдѣльными явленіями литературы, театра и пластики въ болѣе солидной, фактической, обработанной формѣ. Десятки лѣтъ писалъ онъ театральные фельетоны, разбиралъ книжки, описывалъ картины. На протяженіи такого періода своей «фельетонной »работы многіе десятки людей, изъ различныхъ сферъ искусства, сталкивались съ нимъ, или подавали ему поводъ къ очеркамъ, замѣткамъ и воспоминаніямъ. Большинство этихъ людей онъ пережилъ, такъ что ему приходилось говорить объ нихъ въ фельетонѣ, по поводу ихъ смерти; а въ такихъ отзывахъ его благодушная манера дѣлалась еще благодушнѣе. Къ чему ему было заострять свое перо для кисло-сладкихъ или бранчивыхъ отзывовъ, когда онъ могъ выбирать только симпатич-

ныя ему имена изъ пестраго ряда сходящихъ со сцены дѣятелей? Вотъ, этимъ-то его посмертныя двѣ книжки и пріобрѣтаютъ интересъ. Пересчитайте сколько тутъ именъ... наберется чуть не цѣлая сотня: поэты, романисты, живописцы, скульпторы, музыканты, пѣвцы, актеры, актрисы, балерины... И каждая изъ этихъ личностей была отмѣчена печатью таланта, каждая чѣмъ-нибудь да выдалась, что-нибудь совершила, или обѣщала совершить... Такой перечень именъ стоитъ за себя и не нуждается въ рекламѣ: творческихъ силъ приходится на долю Франціи, въ періодъ отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ, болѣе, чѣмъ на какую-либо страну Европы. Авторъ фельетонныхъ замѣтокъ самъ принадлежитъ къ этому пестрому ряду талантовъ, и его симпатичный голосъ, при всей приторности и легкости манеры тѣмъ бо́льшую дѣлаетъ ему честь, что нигдѣ не слышится въ немъ—конкуррентъ на извѣстность, человѣкъ, чрезмѣрно сознающій свое достоинство и ревниво охраняющій свою репутацію. Точно также и Шанфлёри, въ той части своей книжки, гдѣ онъ говоритъ о сверстникахъ, выбираетъ больше то, что́ ему симпатично, и нѣтъ ему надобности оставлять добродушно-юмористическій тонъ разсказовъ и характеристикъ. Онъ занимается тѣмъ же міромъ, какъ и Готье. Если у Готье главная нота его жизни и стремленій—романтизмъ юной Франціи и расцвѣтъ искусства 30-хъ годовъ, то Шанфлёри разсказываетъ намъ (гораздо живѣе и забавнѣе) про нарожденіе романтизма *второй формаціи*, такъ-называемой «богемы» 40-хъ и 50-хъ годовъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго *реализма* въ изобразительномъ искусствѣ, въ лицѣ живописца Курбэ. У Готье главныя двѣ фигуры (которыми мы и займемся)—Викторъ Гюго съ его «cénacle», и Бальзакъ; у Шанфлёри — совершенно въ pendant къ нимъ—Мюрже́ съ богемой и Курбэ со своей ватагой поклонниковъ и учениковъ. Поэтому-то мы и сочли умѣстнымъ дополнить картину, присоединивъ къ посмертнымъ книжкамъ Готье — «Воспоминанія и портреты изъ юности» Шанфлёри...

II.

Оба автора—извѣстныя имена. Одинъ — уже лежитъ въ могилѣ, почему мы и позволимъ себѣ спросить читателя сначала о немъ: дѣйствительно ли Готье *извѣстенъ* русской публикѣ? Намъ кажется, скорѣе *нѣтъ*, чѣмъ *да*. Какъ имя, какъ звукъ — конечно, извѣстенъ; но какъ талантъ—врядъ ли; по крайней мѣрѣ, массѣ, не имѣющей привычки читать по-французски. Репутація

Готье составилась не газетными фельетонами, а двумя томиками стихотвореній, двумя-тремя романами и описательной манерой въ его путешествіи по Испаніи. Врядъ ли масса русскихъ читателей знаетъ его, какъ художника, изъ немногихъ его произведеній, гдѣ поэтъ и художественный беллетристъ стоятъ не ниже своей французской извѣстности. Въ послѣднее время Готье у насъ не переводили, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, критически его не разбирали и не сравнивали съ его сверстниками, такъ что его физіономія, *какъ таланта*, у насъ совсѣмъ еще не выяснена. Мы говоримъ это не затѣмъ, чтобы представить здѣсь полную характеристику Готье—поэта, романиста и стилиста—это не входитъ вовсе въ программу нашего этюда—мы хотѣли только указать на ахиллесову пяту русской читающей публики, да и вообще всей нашей литературы: обширность и разнообразіе предметовъ вѣдѣнія вмѣстѣ съ огромными пробѣлами, стоющими любой невѣжественности. Именъ у насъ знаютъ очень много; но фактически — двѣ-трети ихъ одни лишь звуки. Французы убѣждены (да и мы не меньше ихъ), что литература Франціи извѣстна намъ лучше своей собственной; а на самомъ-то дѣлѣ не только масса читателей совсѣмъ незнакома съ цѣлымъ десяткомъ классическихъ французскихъ писателей XVII и XVIII вѣка; но и среди новѣйшихъ-то, уже давно извѣстныхъ всему свѣту, она то-и-дѣло проглядываетъ самые крупные таланты. Достаточно указать на романиста и эссеиста Бэля-Стендаля, только на-дняхъ открытаго у насъ; въ то время, какъ «Мушкатеры» и «Мусташы» переводились и читались тотчасъ по появленіи въ Парижѣ, «Красное и Черное», романъ Стендаля, только въ текущемъ году прочитанъ былъ по-русски нашей публикой въ извлеченіи. И это не одинъ примѣръ...

Придетъ чередъ, и Готье, въ лучшихъ проявленіяхъ своего таланта, предстанетъ передъ русскими читателями. А пока, посмотримъ, что̀ онъ самъ разсказываетъ про свою карьеру въ краткой автобіографіи, которою открывается книжка: «Portraits Contemporains». Готье, исполняя просьбу издателя «Галлереи знаменитостей», сдѣлалъ этотъ очеркъ въ очень скромномъ тонѣ; да и вообще его можно обвинить скорѣе въ излишнемъ умаленіи своего литературнаго «я», чѣмъ въ самохвальствѣ. Родился онъ не въ 1808 году, какъ значилось у разныхъ отмѣтчиковъ, а въ 1811 году, въ городѣ Тарбъ, такъ что онъ умеръ 61 года (въ 1872 г.). Трехлѣтнимъ ребенкомъ переѣхалъ онъ съ родителями въ Парижъ. На родину свою онъ вернулся всего разъ, уже взрослымъ, да и то на двадцать-четыре часа; но картины

родной природы навсегда залегли въ его памяти. Съ пяти лѣтъ онъ уже читалъ, и съ тѣхъ поръ ни одного дня не проводилъ безъ чтенія. Всего сильнѣе подѣйствовалъ на него «Робинзонъ Крузоэ». Онъ только и дѣла дѣлалъ, что строилъ кораблики, и мать его уже заранѣе прощалась съ нимъ, убѣжденная, что онъ пойдетъ въ моряки. По-латыни сталъ его учить отецъ—хорошій гуманистъ, — а лѣтъ восьми его отдали въ коллежъ *Louis le Grand*, гдѣ онъ совсѣмъ захирѣлъ. Его нѣжное, нервное сложеніе и тихій нравъ не выдержали ни гвалта школьной жизни, ни грубой пищи. Надо было его взять оттуда, и гимназическій свой курсъ Готье кончилъ въ другомъ парижскомъ коллежѣ, *Charlemagne*, въ качествѣ вольноприходящаго: этимъ титуломъ онъ очень гордился. Репетиторомъ служилъ ему отецъ, и ему Готье считаетъ себя обязаннымъ всѣмъ, что́ онъ вынесъ изъ школьныхъ годовъ. Въ классахъ онъ выдавался больше сочиненіями, въ которыхъ поражалъ разными «дикостями», т.-е. манерой писать, являвшейся подъ вліяніемъ чтенія старыхъ писателей, въ особенности Виллона и Раблѐ. Первые его стихи назывались *Fleuve Scamandre*, во вкусѣ греческой антологіи. Друзей у него было очень мало въ коллежѣ, всего двое; изъ нихъ одинъ — Жераръ де-Нерваль—принадлежалъ потомъ къ одному съ нимъ кружку́ рьяныхъ романтиковъ. Внѣ классовъ онъ предавался страсти къ плаванью, не мечталъ вовсе о писательствѣ, а задумалъ быть художникомъ и началъ работать въ мастерской живописца Ріульта. Въ это время (это было около 30-го года), Готье жилъ съ родителями въ № 8 на *Place Royale*; а наискосокъ отъ нихъ была квартира Виктора Гюго, уже окруженнаго ореоломъ славы въ мірѣ тогдашней молодежи. Познакомили его съ Гюго пріятели Жераръ и Петрюсъ (такъ тогда произносили имена) Борель, причемъ онъ переконфузился не меньше Гейне, когда тотъ, представъ передъ олимпійца Гёте, съумѣлъ ему сказать: «сливы по дорогѣ изъ Іены въ Веймаръ очень хороши для утоленія жажды». Гюго поставилъ тогда свою драму «Эрнани», и ему нужна была осо́бая клика изъ восторженныхъ почитателей. Ему и представили Готье, какъ надежнаго юношу, способнаго вѣрой и правдой постоять за романтизмъ. Съ гордостью получилъ онъ красный билетъ съ испанскимъ девизомъ: *hierro* (желѣзо). Со дня перваго представленія «Эрнани», имѣвшаго успѣхъ, несмотря на злостную оппозицію классиковъ, на Готье сталъ смотрѣть, какъ на одного изъ самыхъ пламенныхъ неофитовъ. Про него разсказывали, что онъ даже кулаками защищалъ, во время спектаклей, свои романтическіе идеалы. Но кулачныя

упражненія Готье отрицаетъ: тогда онъ былъ слишкомъ слабъ и жидокъ тѣломъ. Послѣ «Эрнани» онъ продѣлалъ всѣ «кампаніи» романтизма. Викторъ Гюго былъ для него и остальной молодежи того же направленія настоящимъ божествомъ: они даже глазамъ своимъ не вѣрили, когда онъ шелъ съ ними по улицѣ, какъ и всѣ смертные. «Никогда», пишетъ онъ, «ни какой богъ не былъ такъ обожаемъ, какъ Викторъ Гюго». Тѣмъ временемъ Готье пописывалъ стихи, и отецъ далъ ему денегъ на изданіе томика «Poésies», явившагося у книгопродавца Марú, какъ разъ *28-го іюля 1830 г.* Разумѣется, въ этотъ день, да и въ слѣдующіе немного разошлось экземпляровъ. Расположеніе къ нему Гюго сдѣлало то, что онъ охладѣлъ къ живописи и совсѣмъ отдался литературной карьерѣ. Онъ добавилъ нѣсколько новыхъ пьесъ къ первому сборнику, оставшемуся нераспроданнымъ. Одна изъ этихъ новыхъ пьесъ называлась «La légende d'Albertus», и съ тѣхъ поръ (это было около 1833 г.), Готье стали звать въ его кружкѣ *Альбертюсомъ.* У Виктора Гюго, въ романтической «Grande boutique» (какъ ее прозвалъ Альфредъ де-Мюссе), Готье познакомился съ моднымъ издателемъ Эженомъ Рендюэль. Тотъ заказалъ ему написать: «что-нибудь», единственно потому, что находилъ его личность забавною — «drôle». Готье написалъ ему двѣ вещи: «Les Jeunes—France», гдѣ изображены смѣшные педанты романтизма, и романъ «Mademoiselle de-Maupin», на которомъ и основалась репутація Готье, какъ романиста. Предисловіе къ этому роману возмутило критиковъ и журналистовъ: имъ-таки досталось отъ молодого романтика. Тогда, по сознанію самого Готье, «лавочка» Гюго смотрѣла на всѣхъ рецензентовъ, какъ на чудовищъ и пошляковъ (въ подлинникѣ: «des cuistres, des monstres, des *eunuques* (?) et des champignons»). Къ этому времени Готье съѣхалъ отъ родителей и поселился въ *Impasse Doyenné*, въ старомъ домѣ, гдѣ уже жили пріятели его: Жераръ де-Нерваль, Рожье и Арсэнъ Гуссэ. Посреди Парижа это была своего рода Ѳиваида. Вотъ, въ это-то укромное жилище пришелъ къ Готье Жюль Сандó отъ имени Бальзака, съ предложеніемъ сотрудничества въ журналѣ *«Chroniques de Paris»,* гдѣ Готье и помѣстилъ, кромѣ множества критическихъ статеекъ, двѣ беллетристическія вещи: «La Morte amoureuse» и «La chaine d'or ou l'Amant partagé!» Въ другомъ изданіи, *«La France littéraire»*, онъ помѣщалъ біографическіе эскизы поэтовъ, которыхъ во время óно отдѣлывалъ Буалó. Впослѣдствіи онъ собралъ эти эскизы подъ общимъ заглавіемъ *«les Grotesques»*. Съ 1836 г. онъ сталъ работать въ *Presse*, только-что основанной тогда. Одинъ

изъ его первыхъ этюдовъ, напечатанныхъ тамъ, была оцѣнка работъ, исполненныхъ живописцемъ Эж. Лакруа́ въ палатѣ депутатовъ. Черезъ два года Готье издалъ новый сборникъ стихотвореній съ общимъ заглавіемъ: «La Comédie de la Mort». Въ это же почти время печаталось въ фельетонахъ «Figaro» и другое его произведеніе, «Fortunio».

Тутъ Готье ставитъ черту, отдѣляющую его счастливую, независимую и непосредственную жизнь отъ томительнаго и безплоднаго многописанія журнальнаго сотрудника, продолжавшагося до конца его дней. Ему поручили театральный фельетонъ въ *Presse*. Онъ велъ его болѣе двадцати лѣтъ. Журнализмъ, точно желая отмстить ему за предисловіе къ «Mademoiselle de Maupin» (это его собственное замѣчаніе), завалилъ его работой и навѣки закрѣпостилъ себѣ. Онъ писалъ вездѣ, гдѣ только пишутъ: въ *Presse*, *Figaro*, *Caricature, Musée des familles*, *Revue de Paris*, *Revue des Deux Mondes*... Такая работа мало отражалась на его внѣшности: вмѣсто того, чтобы худѣть, онъ все полнѣлъ, и превратился въ замѣчательнаго здоровяка, благодаря постояннымъ гимнастическимъ упражненіямъ, фехтованію, боксу, верховой ѣздѣ... Онъ пристрастился даже къ зрѣлищамъ кулачныхъ боевъ. Въ Парижѣ долго говорили объ его ударѣ кулакомъ по головѣ деревяннаго турка, при открытіи увеселительнаго заведенія Château-Rouge. Ударъ этотъ показалъ *пятьсотъ тридцать два фунта*. Въ маѣ 1840 г. Готье поѣхалъ въ Испанію. Это было его первое путешествіе. Оно доставило ему новую извѣстность художественнаго описателя красотъ природы и нравовъ. Съ тѣхъ поръ онъ только и мечталъ, что о поѣздкахъ, затѣмъ только и работалъ въ Парижѣ, чтобы, сколотивши деньжонокъ, пуститься куда-нибудь въ даль. Въ самые жаркіе мѣсяцы года онъ объѣздилъ въ 1845 г. всю французскую Африку, участвуя въ экспедиціи подъ начальствомъ генерала Бюжо́. Кромѣ мелкихъ поѣздокъ въ Англію, Голландію, Германію, Швейцарію, Готье ѣздилъ въ 1850 по Италіи, и былъ въ Константинополѣ въ 1852 г. Всѣ эти путешествія извѣстны его читателямъ. Послѣдняя его поѣздка была въ Россію, гдѣ онъ былъ даже два раза, зимой въ Петербургѣ, гдѣ изучалъ Эрмитажъ, и лѣтомъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки. Нижній былъ для него самымъ дальнимъ пунктомъ его экскурсій отъ Парижа. Онъ говоритъ, что еслибы ему да состояніе — онъ только бы и дѣла дѣлалъ, что бродилъ безъ устали. За собой онъ признаетъ способность сейчасъ же примѣняться къ мѣстной жизни туземцевъ. «Я русскій въ Россіи, турокъ въ Турціи, испанецъ въ Испаніи, куда я возвра-

щался нѣсколько разъ изъ-за страсти къ бою быковъ, за что́ *Revue de Deux Mondes* прозвала меня: «un être gras, jovial et sanguinaire». Кто видалъ фотографіи Готье, снятыя въ Петербургѣ, въ шубѣ и мѣхов й шапкѣ,—конечно, согласится, что трудно имѣть и русскому такую архи-московскую внѣшность, какую пріобрѣлъ Готье, только одѣвшись въ обыкновенное зимнее платье. Онъ смотрѣлъ матерымъ купчиной, какихъ вы увидите только въ глубинахъ Замоскворѣчья, съ прибавкою благодушной выразительности, которую онъ сохранилъ, несмотря на нѣкоторую обрюзглость. Какъ спеціальный критикъ искусства, онъ лѣтъ двадцать писалъ такъ-называемые *Салоны*, т.-е. отчеты о выставкахъ. Увидавши Пареенонъ въ оригиналѣ, онъ излечился отъ своихъ романтическихъ крайностей, навѣянныхъ церковью *Nôtre Dame de Paris*. Онъ пересталъ, какъ самъ выражается: «страдать *готическою* болѣзнью». Театральный фельетонъ свой перенесъ Готье изъ *Presse* въ оффиціальный *Moniteur* вмѣстѣ съ художественной критикой. Сочинилъ онъ, кромѣ того, нѣсколько балетовъ, до сихъ поръ и у насъ не сходящихъ еще съ репертуара. Лучшіе два: *Giselle* и *Péri*, были составлены для Карлотты Гризи; въ нихъ она и пріобрѣла въ Парижѣ свою европейскую извѣстность. Писалъ онъ немного и для театра. Поэтическая струна его, глохнувшая подъ хламомъ поденной работы, сказалась еще разъ въ 1852 году, въ сборникѣ «Emaux et Camées». Не считая себя романистомъ по профессіи, Готье указываетъ однакожъ на то, что имъ написано двѣнадцать романовъ, а именно (вмѣстѣ съ цитированными выше): *Les Roués innocents*, *Militona*, *la Belle Jonny*, *Jean et Jeanette*, *Avatar*, *Jettatura*, *le Roman de la momie*, *Spirite*, *le Capitaine Fracasse*. Послѣдняя вещь вмѣстѣ съ *Mademoiselle de Maupin* всего болѣе извѣстны и во Франціи, и внѣ ея. Статей и статеекъ своихъ на разнообразнѣйшіе сюжеты — онъ и перечесть не можетъ, и кончаетъ свою краткую автобіографію, подписанную 7-мъ марта 1867 года (т.-е. за пять лѣтъ до смерти), словами: «всего написалъ я около трехъ сотъ волюмовъ, почему весь свѣтъ зоветъ меня лѣнтяемъ и все спрашиваетъ: чѣмъ же я собственно занимаюсь? Вотъ все, по правдѣ, что́ я знаю про себя».

III.

Къ этому авторскому отчету остается прибавить, что съ 1867 года, по день смерти, Готье уже не написалъ ничего замѣчательнаго. Составленное имъ, по правительственному порученію, обозрѣніе успѣховъ французской поэзіи во вторую имперію (оно помѣщено въ концѣ книжки «Исторія романтизма») и по задачѣ было фальшиво, и по выполненію вышло фразисто, общѐ и сладковато. Иначе и не могло быть. Помирившись, какъ многіе, съ 2-мъ декабря и наполеоновскимъ режимомъ, Готье дотягивалъ свою лямку театральнаго фельетониста въ *Moniteur*'ѣ, а послѣ войны 1870 года сошелъ въ могилу, какъ сойдутъ въ нее десятки даровитыхъ людей, размѣнивающихъ на мѣдные су́ свой талантъ въ этомъ Парижѣ, гдѣ надо постоянно болтать, разъ сдѣлавши себѣ изъ легкой литературы поденный заработокъ...

Но не объ *этакомъ* Готье поведемъ мы рѣчь. Посмотримъ на него въ лучшіе годы юношескихъ порываній и идеаловъ, среди горячаго сочувственнаго кружка́, гдѣ онъ игралъ не послѣднюю роль. Въ первыхъ главкахъ его книжки «Исторія романтизма» мы и найдемъ такого именно Готье. И тутъ представляется вопросъ: полно, сказано ли у насъ настоящее правдивое слово о романтизмѣ, такъ-называемой, «юной Франціи?» Не грѣшимъ ли мы, до сихъ поръ, *старомодностью*, рутинностью взгляда на все это движеніе? Пора бы, кажется намъ, сознаться, что всѣ ходячія фразы о французской литературѣ, и въ особенности о литературѣ «псевдоклассицизма», чисто-нѣмецкаго издѣлія, и съ 30-хъ годовъ остаются у насъ никѣмъ не провѣренными. Точно также и движеніе «юной Франціи» считается до сихъ поръ пустымъ и театральнымъ, тогда какъ оно было гораздо жизненнѣе и оригинальнѣе. Нѣмецкихъ книжекъ французы во всѣ эпохи читали очень мало; но это не помѣшало имъ вести борьбу со всѣмъ, что́ отжило и застыло въ мертвыхъ формахъ, не дожидаясь того, какъ прикажутъ думать и дѣйствовать нѣмцы. Теперь дознанное дѣло, что Дидро́ *раньше* и оригинальнѣе Лессинга началъ писать въ духѣ реальнаго и свободнаго творчества, а у насъ все еще вѣрятъ въ то, что безъ Лессинга никто бы не сокрушилъ авторитета французскихъ эстетиковъ XVIII-го вѣка. И если романтизмъ «юной Франціи» расцвѣлъ подъ вліяніемъ бо́льшаго знакомства съ Шекспиромъ, Байрономъ и Вальтеръ-Скоттомъ, то это знакомство было самобытное и (какъ мы это видимъ и по замѣткамъ Готье) гораздо болѣе дѣятельное, чѣмъ даже и въ нашихъ лите-

ратурныхъ кружка́хъ. Тутъ опять мы наталкиваемся на обыкновенную прибаутку: «поразительно равнодушіе французовъ къ Шекспиру!» Прибаутка эта — положительная выдумка. Люди тридцатыхъ годовъ захлебывались Шекспиромъ во всѣхъ романтическихъ кружка́хъ Парижа, и Готье разсказываетъ, между прочимъ, о такихъ фанатикахъ шекспироманіи, которые дѣлались нарочно англичанами съ головы до пятокъ, живя годами въ Лондонѣ, только чтобы имъ воспринять въ себя всѣ тончайшія красоты и изгибы шекспировскаго языка и вдохновенія. Про такихъ шекспиромановъ у насъ что-то не слышно, не только изъ временъ московскаго романтизма 30-хъ годовъ, но и за 50-ые годы, когда у насъ стали переводить Шекспира, впервые, какъ слѣдуетъ. И въ этомъ отношеніи французы далеко опередили насъ. Нечего бросать имъ тотъ упрекъ, что какой-нибудь Дюсисъ коверкалъ Шекспира. Юная Франція гораздо раньше насъ сама распознала это; но не слѣдуетъ и намъ забывать, что каковы бы ни были эти передѣлки Дюсиса—посредствомъ ихъ русская публика впервые познакомилась хоть какъ-нибудь съ Шекспиромъ. «Король Леаръ» шелъ у насъ, какъ извѣстно, гораздо раньше «Гамлета», явившагося въ порядочной передѣлкѣ Н. Полевого. Удивительно даже, какъ это, при болѣе серьёзномъ, будто бы, отношеніи нашемъ къ Шекспиру, и въ 30-хъ, и въ 40-хъ годахъ появлялось такъ мало переводовъ и передѣлокъ Шекспира, которые бы питали нашъ театральный репертуаръ. Когда романтикъ юной Франціи — Теофиль Готье только-что начиналъ свое литературное поприще, у французовъ былъ уже хорошій (прозаическій) переводъ всего Шекспира, сдѣланный Летурнёромъ. Поэтъ той же эпохи, Альфредъ де-Виньи́ перевелъ стихами «Отелло» и написалъ къ нему смѣлое предисловіе, составляющее эпоху въ дѣлѣ драматическаго движенія Франціи. Съ тѣхъ поръ явилось нѣсколько полныхъ переводовъ Шекспира, кончая трудомъ одного изъ сыновей Гюго; словомъ, всѣ факты—въ пользу французовъ. Но тутъ прибаутка переворачивается на изнанку. Французовъ упрекаютъ уже за то, что въ Парижѣ совсѣмъ не давали и не даютъ Шекспира. Такому городу, какъ Парижъ, дѣйствительно можно бы было имѣть особый театръ для международныхъ представленій, на которомъ Шекспиръ занялъ бы подобающее мѣсто. Но, помимо такого *pium desiderium*, врядъ ли можно удивляться тому, какъ повелъ себя театральный Парижъ съ 30-хъ годовъ. Романтики овладѣли всѣми крупными сценами, начиная даже съ классической «Comédie Française». Они преисполнены были шекспировскаго культа; всѣ замыслы ихъ драмъ,

ихъ колоритъ и пошибы были прямые продукты вліянія британскаго театра, но имъ всѣмъ хотѣлось самимъ творить, бороться подъ своимъ именемъ, *самимъ* пожинать лавры. Да и публика желала видѣть на сценѣ свое новое творчество, оригинальные образы французской фантазіи, слышать самобытный французскій стихъ, жить жизнью героевъ, взятыхъ изъ своей исторіи, а если чужихъ, то во французскомъ освѣщеніи, во французской обстановкѣ. Иначе и не можетъ быть при движеніи какого-нибудь національнаго искусства. Поэтому, каковы бы ни были недостатки театра «юной Франціи», да и вообще всей французской сценической литературы, это все-таки *театръ*, окрашенный въ несомнѣнную оригинальность съ своими типами, сюжетами, тономъ, стилемъ, колоритомъ. Онъ такъ же своеобыченъ, какъ и театры: англійскій, испанскій, старо-итальянскій, наконецъ какъ новѣйшій русскій; нѣмцы же, несмотря на ихъ «опыты» въ шекспировскомъ и во всевозможныхъ «вкусахъ», такого театра не имѣютъ. Публика Парижа бѣгала смотрѣть драмы Гюго и Дюма не потому, что она не могла совсѣмъ понять Шекспира, а потому, что въ этихъ драмахъ сказывался во *французскихъ* формахъ протестъ страсти, смѣлости, жизненной силы противъ всякаго рода застоя. Старикъ Дюма, въ ту зиму, когда театръ *Gymnase* давалъ комедію его сына: «Les idées de madame Aubray», въ письмѣ къ издателю одного литературнаго журнальца, весьма остроумно и вѣрно охарактеризовалъ Гюго и себя, какъ корифеевъ театра 30-хъ годовъ: Гюго явился блестящимъ *театральнымъ* поэтомъ; Дюма — увлекательнымъ *драматическимъ* писателемъ. И внѣшняя яркость дѣйствія, и развитіе страсти — два главныхъ эстетическихъ принципа романтиковъ, унаслѣдованы ими *по-своему* отъ Шекспира. Промчалась эта бурная эпоха; свои пьесы ставились безустанно; некогда было думать о Шекспирѣ въ «чистомъ видѣ», а были отдѣльныя попытки (больше въ формѣ передѣлокъ), которыя однакожъ очень цѣнились и критикой, и массой публики. Шекспира никогда не поздно давать; но потерять, какъ нѣмцы, нѣсколько десятковъ лѣтъ на *дѣланный* картонный репертуаръ подражательныхъ трагедій и хроникъ, значитъ, какъ французы говорятъ: «travailler en pure perte». И мы видимъ, что теперь, въ самой Германіи, начинается сильная реакція противъ безплодной шекспироманіи.

Романтики юной Франціи весьма горячо и искренне восприняли свой художественный идеалъ, общій тогда романтикамъ всѣхъ европейскихъ странъ; но ихъ театръ, вмѣстѣ съ другими сферами литературнаго творчества, гораздо ярче и живѣе отра-

жаетъ на себѣ вѣяніе идеала, чѣмъ мы видимъ это въ другихъ литературахъ. Театръ въ особенности. Сравните его движеніе въ Парижѣ, начиная съ *Эрнани* Гюго и драмъ Дюма́, хоть бы съ тѣмъ, чѣмъ въ то самое время питалась наша сцена. А вѣдь у насъ были уже тогда свои романтики, строгіе и пылкіе неофиты новаго жизненнаго искусства. Но ихъ толки и проповѣди не проникали дальше ихъ кружковъ. Они горячились въ своихъ письмахъ и статьяхъ; а на сценѣ шли издѣлія Коцебу́ (да это еще были лучшіе продукты), переводы и передѣлки старомодныхъ французскихъ пьесъ, къ которымъ присоединились впослѣдствіи драмы Кукольника... Театръ же юной Франціи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и даже просто уродливостяхъ, живописуетъ собою цѣлую эпоху, и до сихъ поръ драма на Западѣ (со включеніемъ и нѣмцевъ) не съумѣла еще высвободиться изъ рамокъ парижской романтической драмы съ ея развѣтвленіемъ въ мелодраму и современную тенденціозную комедію, какія десятками появляются на нашихъ глазахъ: и въ Германіи, и въ Россіи, и въ Италіи...

Ниже, въ концѣ нашего этюда, мы намѣтимъ то, что́ люди эпохи Готье и ихъ учители внесли фальшиваго, вздорнаго, пустого и въ искусство, и въ жизнь; мы покажемъ, на примѣрѣ обоихъ литературныхъ «отцовъ», Готье и Шанфлёри, какъ литературно-художественный дилеттантизмъ Парижа приводитъ людей съ дарованіемъ и чуткостью къ измельчанію и философско-соціальному индифферентизму... Все это такъ; но *въ свое время* поборники юной Франціи были нелицемѣрно проникнуты любовью къ искусству. То, чѣмъ для молодежи кружковъ Станкевича и Бѣлинскаго, въ Москвѣ 30-хъ годовъ, было философское міровоззрѣніе, тѣмъ для обожателей Гюго и неофитовъ романтическаго искусства были форма, колоритъ, краска; а главное, смѣлость, новизна, попираніе всего, что́ считалось «образцовымъ» старыми эстетиками. И Москва, и Парижъ увлекались въ искусствѣ одними и тѣми же талантами: Шекспиромъ, Гёте, Вальтеръ-Скоттомъ, но для университетской Москвы прекрасныя творческія формы были только доказательствомъ истины той системы, въ которую она, въ данную минуту, вѣрила; а парижская юная Франція не шла дальше того, что́ Готье назвалъ «готическою болѣзнью» на подкладкѣ неистовыхъ порываній ко всякой новизнѣ эксцентрическаго свойства. Особенно свѣтлой стороной этого движенія является органическая, тѣснѣйшая связь изящной литературы съ пластическими искусствами, чего у насъ, въ ту пору, совсѣмъ не было. О сценическомъ искусствѣ нечего уже

и говорить. Упоминать о юной Франціи, значить сейчасъ же обращаться и къ именамъ Фредерика Леметра, Маріи Дорваль, Бокáжа и стольких другихъ... Но живопись никогда такъ не питалась литературными идеалами, какъ въ эту эпоху. Въ талантѣ и личности Эжена Лакруá литературные романтики нашли вполнѣ *своего* человѣка. Похвалы, какія мы находимъ у Готье въ статьѣ о Лакруá, не грубая лесть заднимъ числомъ. Съ первыхъ картинъ Лакруá, Готье и его друзья уже ломали за него копья, тогда, когда классики академіи художествъ и патентованные критики объявляли, что Лакруá—бездарный маляръ, мажущій «пьянымъ помеломъ» свои картины. Вотъ это-то чутье, вотъ эта-та молодая искренность, доказавшая всѣмъ, что она стояла за талантъ и новыя идеи—и симпатичны такъ въ корифеяхъ юной Франціи. Они-то и мирятъ со старичками 70-хъ годовъ; они-то и составляютъ лучшій вкладъ въ ихъ воспоминанія...

IV.

Мы уже видѣли чрезъ кого и въ какой моментъ познакомился Теофиль Готье съ Викторомъ Гюго. Энтузіазмъ, вызванный, въ то время, въ молодежи произведеніями Гюго, объясняется той безсодержательностью и дряблостью, какія переполняли художественную литературу конца двадцатыхъ годовъ. Шатобріанъ явился ранѣе, какъ пророкъ романтизма; но его имя уже не волновало молодыя натуры, жаждавшія новыхъ проявленій поэтической смѣлости. Ламартинъ тоже не сдѣлался ихъ идоломъ. Ихъ озарило и двинуло впередъ предисловіе Виктора Гюго къ его драмѣ — *Кромвель*. Вотъ о чемъ они мечтали, вотъ изъ-за чего они готовы были ополчиться на смертельную войну съ *филистерами*. Это прозвище изъ студенческаго нѣмецкаго быта было ими усвоено: Готье безпрестанно употребляетъ слово: *philistin*. И когда пріятель Готье, Жераръ-де-Нерваль (уже переводчикъ Гётевскаго «Фауста» семнадцати лѣтъ отъ роду), пришелъ къ нему съ билетами на первое представленіе «Эрнани», Готье почувствовалъ небесную радость. Но только послѣ *тринадцати* представленій «Эрнани», гдѣ Готье съ товарищами отстаивали съ ожесточеніемъ драму Гюго, рѣшился онъ, и то съ превеликимъ страхомъ, представиться обожаемому поэту. Нѣсколько разъ поднимался онъ по лѣстницѣ къ квартирѣ Гюго, и столько же разъ обращался въ постыдное бѣгство. Увидавъ автора «Эрнани» съ глазу на глазъ, Готье чуть не упалъ въ обморокъ. Но полу-

богъ обошелся съ нимъ очень ласково и охотно допустилъ въ свой «cénacle». Готье замѣчаетъ въ главкѣ своихъ воспоминаній, озаглавленной «первая встрѣча», какъ рѣдко поэту или артисту выпадаетъ завидная доля: быть предметомъ страстнаго энтузіазма, какимъ былъ Гюго въ лучшіе годы своей молодости... То, чего другіе добиваются чуть не на краю гроба, а то и по ту сторону земного поприща, то досталось ему съ самыхъ первыхъ шаговъ. Готье такъ описываетъ внѣшность поэта въ эту эпоху:

«Прежде всего поражалъ въ Викторѣ Гюго его дѣйствительно монументальный лобъ: онъ возвышался, въ видѣ фронтона изъ бѣлаго мрамора, надъ его лицомъ, полнымъ серьёзной ясности. Конечно, лобъ этотъ не достигалъ размѣровъ, какіе ему давали впослѣдствіи (на портретахъ), чтобы еще ярче оттѣнить въ поэтѣ рельефъ генія, Давидъ д'Анже и другіе артисты, но онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ нечеловѣческой красоты и обширности; на немъ укладывались самыя глубокія мысли; золотые и лавровые вѣнки могли помѣщаться на немъ, какъ на лбу боговъ и цезарей.— Онъ отмѣченъ былъ печатью силы. Его окаймляли свѣтло-каштановые волосы, и падали довольно низко. Ни бороды, ни усовъ, ни бакенбардъ, ни рояльки (у насъ ее называютъ *эспаньёлка*)— гладко выбритое лицо съ особенной блѣдностью, озаренное двумя свѣтло-карими глазами, похожими на зрачки орла, ротъ съ волнистыми губами и оттянутыми книзу углами, твердый и нравный ротъ, открывавшій, улыбаясь, зубы блистательной бѣлизны. Костюмъ:—черный сюртукъ, сѣрые панталоны, маленькій отложной воротничекъ рубашки—самая точная и безукоризненная манера одѣваться. Никто бы не заподозрилъ въ этомъ совершеннѣйшимъ джентльменѣ главу косматыхъ и бородатыхъ бандъ, наводившихъ ужасъ на буржуа съ скоблёными подбородками. Такимъ предсталъ передъ нами Викторъ Гюго въ нашу первую встрѣчу, и весь его тогдашній образъ остался неизгладимымъ въ нашей памяти. Мы хранимъ, какъ драгоцѣнность, этотъ молодой и прекрасный портретъ, улыбающійся, окруженный лучами генія и фосфорическимъ огнемъ славы».

Не только въ юности, но и въ преклонной старости Гюго сохранилъ внѣшность, необычайно выдающуюся своими «рельефами генія», какъ выразился Готье. Кто видалъ его въ эти послѣднія пять-шесть лѣтъ,—конечно, согласится, что такого свѣжаго и благообразнаго облика не скоро найти въ человѣкѣ подъ семьдесятъ лѣтъ (теперь ему уже и всѣ семьдесятъ), прожившемъ весь свой вѣкъ въ усиленномъ умственномъ трудѣ, среди всякаго

рода нравственныхъ испытаній. Но каждый и по портретамъ позднѣйшаго времени (уже фотографическимъ, а не подрисованнымъ) знаетъ этотъ монументальный лобъ и вообще весь абрисъ головы; только Гюго второй имперіи, съ красивой бородой и короткими волосами, совсѣмъ наоборотъ того, что́ было въ эпоху «Эрнани». Выходитъ знаменательная антиномія: въ 30-хъ годахъ косматые и бородатые его обожатели представляли собою бурный, революціонный элементъ, если не въ политикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ искусствѣ; онъ же—ихъ глава — отличался безукоризненной внѣшностью джентльмена; прошло двадцать лѣтъ— онъ отростилъ бороду, сдѣлался эмигрантомъ и убѣжденнымъ демократомъ-республиканцемъ; а большинство обожателей, въ томъ числѣ и Готье, хотя и не обрили своихъ бородъ, но преспокойно помирились съ переворотомъ 2-го декабря, дожили или доживаютъ свой вѣкъ въ полномъ гражданскомъ равнодушіи къ свободѣ и политическому достоинству своей націи. Врядъ-ли былъ у Гюго, въ эпоху «Эрнани», и позднѣе, такой пламенный неофитъ, какъ Готье; а въ то время, какъ одинъ поэтъ на своемъ островѣ писалъ «Les Chatiments», другой строчилъ приторное обозрѣніе французской поэзіи по порученію правительства 2-й имперіи *и во славу ея!*

Покойная жена Гюго, оставившая записки, служащія автобіографіей поэту (давно извѣстныя нашей публикѣ) разсказываетъ пространно о знаменитомъ первомъ представленіи «Эрнани». Оно вошло и въ воспоминанія Готье. Такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ романтической «банды», то его показаніе вдвойнѣ занимательно и пополняетъ разсказъ госпожи Гюго. Припомнивши, что это было 25-го февраля 1830 года, Готье восклицаетъ: «вечеръ этотъ рѣшилъ нашу участь». Побѣда обожаемаго поэта сдѣлалась побѣдой всѣхъ, искавшихъ исхода своимъ порываніямъ въ область идеала. Гюго не хотѣлъ клякеровъ, и молодежъ сама предложила ему услуги. Подробности всѣхъ этихъ приготовленій — извѣстны, и Готье не повторяетъ ихъ; но онъ указываетъ на преувеличенія тогдашней полемики, на злословіе журнальцевъ, выставлявшихъ добровольную кла́ку Виктора Гюго сбродомъ оборванцевъ и ерыгъ гнуснаго вида и даже запаха... Въ сущности, это были все молодые люди хорошихъ семействъ, образованные и воспитанные, страстно любящіе искусство; изъ нихъ иные были писатели, другіе — музыканты, живописцы, скульпторы, архитекторы, журнальные рецензенты... Но ихъ преступленіе состояло, прежде всего, въ томъ, что они всѣ почти носили длинные волосы! Готье защищаетъ ихъ съ большимъ жа-

ромъ по прошествіи стольких лѣтъ»: *эти разбойники мысли*, по выраженію Филотея о'Недди (одного изъ романтической банды), не похожи были, конечно, на образцовыхъ нотаріусовъ, но ихъ костюмъ, въ которомъ царствовали фантазія личнаго вкуса и настоящее пониманіе красокъ, дѣлался, за то, гораздо живописнѣе». Попросту говоря, всѣ они одѣвались героями тѣхъ драмъ и поэмъ, которыми бредили, приспособляя ихъ къ современному костюму. Все, чтó только бросалось въ глаза и оттѣняло лицо и фигуру: атласъ, мѣхъ, шнурки, шляпы à la Рубенсъ и Рембрандтъ,—было у нихъ въ ходу. Представьте себѣ цѣлые ряды такихъ художественныхъ зрителей въ чопорной, фрачной, вылизанной «Comédie Française», и вы легко поймете ужасъ и скандалъ филистеровъ. Самъ Готье, больше другихъ, помогъ чудовищнымъ разсказамъ о костюмахъ банды. Тогдашніе «отмѣтчики» передали потомству, что юный Теофиль явится на первое представленіе «Эрнани» *въ пунцовомъ жилетѣ!..* И онъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, не отрицаетъ этого факта. Онъ посвящаетъ ему даже цѣлую главку: «легенда краснаго жилета». Готье такъ и пошелъ гулять по Европѣ съ примѣтами: «молодой человѣкъ, длинноволосый и въ красномъ жилетѣ». Волоса онъ тогда носилъ короткіе; но жилетъ дѣйствительно заказалъ себѣ, да еще не простой, а на подобіе театральнаго колета, съ мысомъ книзу тальи и съ шнуровкой позади. Тогда все это было въ порядкѣ вещей. Для Готье и его друзей весь міръ раздѣлялся, по колориту, на яркіе и сѣренькіе цвѣта. Въ нихъ жилъ культъ свѣта, движенія, рьяной мысли, неистовой энергіи. Они бредили «эпохой возрожденія», и все, чтó носило на себѣ тусклый колоритъ, все, чтó было голо и сухо—презиралось ими отъ глубины души... А въ чемъ же можно нагляднѣе выразить свою страсть къ яркому и цвѣтному, какъ не въ собственномъ костюмѣ? Другіе прибѣгали только къ бархатнымъ и мѣховымъ отворотамъ, къ шляпамъ à la Rubens; а Готье задумалъ красный колетъ и отправился заказывать его къ своему портному, который пришелъ въ немалое изумленіе. Матерію пламенный романтикъ самъ предварительно выбралъ и купилъ: это былъ серизовый атласъ (vermillon de la Chine). Выбирая его, Готье, и въ то время, желалъ показать, что онъ стоитъ внѣ всякаго политическаго направленія. Онъ не хотѣлъ краснаго цвѣта «93» года; великая революція со своими героями и великанами не вдохновляла его такъ, какъ нѣкоторыхъ изъ его пріятелей; его тянуло въ средневѣковье, въ зáмокъ Гёца фонъ-Берлихингенъ, «какъ и подобало пажу Виктора Гюго».—Портной, не взирая на свои протесты, все-таки

соорудилъ знаменитый жилетъ. Прочія части костюма были не менѣе ярки: достаточно упомянуть о томъ, что пальто было на зеленой атласной подкладкѣ. Остальная братія, хоть и безъ серизовыхъ жилетовъ, возмущала филистеровъ, не менѣе фигуры Готье, своимъ романтическимъ видомъ. Борьба началась, какъ извѣстно, съ самыхъ первыхъ стиховъ драмы, и каждый смѣлый оборотъ, каждое переставленіе словъ, противное классическимъ традиціямъ, надо было отстаивать съ бою. И тридцать разъ сряду поднималась та же перестрѣлка, о которой трудно и составить себѣ понятіе, присутствуя на представленіяхъ возобновленнаго «Эрнани». Только люди, какъ Готье, переживали въ тотъ вечеръ, когда дали зá-ново «Эрнани» (21 іюня 1867), всѣ перипетіи борьбы филистеровъ съ ужасной «бандой».

Воспоминаніями объ эпохѣ «Эрнани», да о продажѣ мебели Виктора Гюго въ 1852 г. ограничиваются замѣтки Готье. Мы ничего не находимъ ни въ той, ни въ другой книжкѣ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ его къ главѣ школы. Зато гораздо болѣе подробностей о тѣсномъ кружкѣ пріятелей, прозванномъ «le petit cénacle», въ противоположность къ «grand cénacle», собиравшемуся у Гюго. Хозяиномъ этого petit cénacle былъ нѣкто Петрюсъ Борель, уже названный нами. Въ этой дружеской кликѣ выдѣлялся больше другихъ Жераръ де-Нерваль, юный переводчикъ Гётева «Фауста», мечтательная, задушевная, болѣзненно-нервная натура, съ фантазіей, воспитанной на образахъ и идеалахъ нѣмецкой поэзіи. Жераръ де-Нерваль кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1855 году, искренно оплаканный друзьями. Онъ всю свою жизнь провелъ среди картинъ и призраковъ своей тревожной фантазіи, и рѣдко выходилъ изъ этой области даже въ статьяхъ, описаніяхъ и пьесахъ своихъ... У насъ онъ совсѣмъ почти неизвѣстенъ; да и во Франціи его произведенія не долго устоятъ противъ натиска времени; но какъ типъ изящнаго романтика «юной Франціи»—онъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ. И человѣкъ въ немъ былъ вѣренъ таланту и фантастическому складу натуры. Въ немъ доживалъ свой вѣкъ тотъ «поэтъ, о которомъ теперь знаютъ только по наслышкѣ: вѣчно тревожный, вѣчно мечтательный, безъ опредѣленнаго мѣста и положенія въ обществѣ, страстно любящій все чудесное, необычайное и картинное, кочующій, неуловимый, не знающій цѣны деньгамъ, безпечный до дѣтскости, добрый и щедрый до послѣдней копѣйки. Послѣ Германіи и ея поэтовъ, Жераръ де-Нерваль любилъ больше всего Востокъ, куда онъ ѣздилъ точно за тѣмъ только, чтобы еще больше вдаться въ своеобразный мистицизмъ.

Голова его переставала работать на сколько-нибудь реальной почвѣ... Нервность додѣлала остальное, и неисправимый романтикъ дошелъ до самоубійства еще въ такой возрастъ, когда другіе работаютъ безъ устали и находятъ себѣ дѣло въ жизни... Не желая этого, Готье, въ лицѣ своего несчастнаго друга, выдалъ печальный аттестатъ бозпочвенности крайняго романтизма, считающаго въ своихъ спискахъ не одну эту жертву.

Всего чаще сходились въ petit cénacle: Готье, Жераръ де-Нерваль, Жанъ дю-Сеньёръ (или *Jehan* по романтическому произношенію), Огюстъ Маке́, впослѣдствіи неутомимый сотрудникъ Дюма́ по романамъ и театру (въ романтизмѣ: Augus*tus* Mac-Keat), уже поименованный нами Филотей О'Недди (тоже перекроенное имя), Наполеонъ Томъ, Жозефъ Бушарди, Целестенъ Нантёйль, еще нѣсколько человѣкъ, и наконецъ самъ Петрюсъ Борель. Въ то время только одинъ Жераръ стоялъ уже, какъ слѣдуетъ, на литературной аренѣ; а всѣ остальные только порывались и пробовали себя, начиная съ Готье. Одинъ писалъ, другой лѣпилъ, третій гравировалъ; но всѣ кончили, болѣе или менѣе, поэзіей и литературой. Изъ нихъ двое пріобрѣли впослѣдствіи извѣстность на бульварѣ: Бушарди́, сдѣлавшійся Шекспиромъ бульвара, и Маке́, до сихъ поръ еще существующій, написавшій многое-множество романовъ и драмъ, которые являлись подъ фирмою Дюма́. Въ этомъ чисто художественномъ кружкѣ, Петрюсъ Борель игралъ (по разсказу Готье) точно такую же роль симпатичнаго центра, какая выпала на долю Станкевича въ московскомъ философско-литературномъ кружкѣ. Онъ былъ старше ихъ на три, на четыре года; наружность его привлекала всѣхъ; въ ней была та живописность и оригинальность, которою они бредили; онъ носилъ бороду, какой ни у одного изъ нихъ тогда не было. Готье восклицаетъ съ добродушнымъ юморомъ: «борода! теперь это кажется очень просто; а въ то время во всей Франціи было всего двѣ бороды: борода Эжена Деверіа, и борода Петрюса Бореля! Чтобы носить ихъ, требовалось геройское мужество, хладнокровіе и презрѣніе къ толпѣ!» Но не одна борода привлекала въ Борелѣ. Онъ былъ для нихъ олицетвореніемъ красы Байрона, и постоянно жалѣлъ, что не ему привелось играть на сценѣ роль «Эрнани». Писалъ онъ тогда свои «Рапсодіи» медленно и подъ покровомъ тайны, «и вся банда» вѣрила въ то, что онъ, а не кто-либо другой, будетъ главнымъ носителемъ идей кружка, первымъ поэтомъ ихъ генераціи.

Другая фигура, въ такомъ же вкусѣ, но еще болѣе восточная, была фигура Бушарди́, впослѣдствіи бульварнаго Шекспира.

Онъ смахивалъ на индѣйскаго князя, занесеннаго въ Парижъ превратностями судьбы. Его фантазія прилѣпилась къ сложной головоломной постройкѣ пьесъ. Свои сюжеты и узлы безчисленныхъ интригъ одной и той же драмы обдумывалъ онъ точно приводы какой-нибудь машины; самъ нарочно задавалъ себѣ труднѣйшія задачи, строилъ лабиринты непролазныхъ положеній и работалъ въ потѣ лица, чтобы найти какую-нибудь лазейку и распутать чрезъ нее интригу. Обдумывая пьесу, онъ предварительно составлялъ планъ зàмка во вкусѣ Анны Редклифъ, съ башнями, бойницами, подземельями, провалами, тайными проходами, таинственными кабинетами, винтовыми лѣстницами, застѣнками, могильными склепами! Пріятели смѣялись надъ нимъ, говоря, что онъ дѣлаетъ для своихъ пьесъ деревянныя модели, на чтó онъ обыкновенно отвѣчалъ, что это была бы самая лучшая метода. И когда онъ поставилъ свою знаменитую бульварную драму: „Le Sonneur de Saint-Paul“, Готье никакъ не могъ разсказать ея содержанія въ фельетонѣ газеты *Presse*, хотя и наполнилъ девять столбцовъ и пошелъ къ самому автору, чтобы тотъ помогъ ему выпутаться какъ-нибудь изъ тенетъ интриги, чтó доставило Бушарди́ немалое удовольствіе. Этотъ архи-театральный послѣдователь автора «Эрнани» до такой степени былъ проникнутъ сценичностью своихъ пьесъ, что ему было почти въ тягость употреблять въ нихъ живую рѣчь, почему онъ совсѣмъ и не занимался стилемъ, и до послѣднихъ дней своей карьеры заставлялъ дѣйствующихъ лицъ выражаться самымъ чудовищнымъ метафорическимъ языкомъ.

Были въ «petit cénacle» и болѣе реальные художники, напр., Je*h*an du Seigneur, занимавшійся скульптурой. Онъ представлялъ собою типъ суроваго служителя искусства, а его искусство приказывало быть вѣрнымъ природѣ и не позволять себѣ романтическихъ уклоненій отъ правды. Этотъ юноша дышалъ здоровьемъ, чтó его безмѣрно огорчало; и ему хотѣлось обзавестись лицомъ байроновскаго стиля: мрачнымъ, мертвенно-блѣднымъ нѣсколько даже изъ-зелена, насколько это было возможно. За то онъ носилъ средневѣковый бархатный колетъ съ полнымъ отсутствіемъ бѣлья, чтó считалось тогда высшимъ романтическимъ шикомъ; а воротнички буржуа подвергались безконечнымъ насмѣшкамъ. Виктору Гюго по тому только прощался его отложной воротничекъ, что богу все прощается; да и то, оставаясь въ совершенно тѣсномъ кружкѣ, вздыхали и сѣтовали о такой уступкѣ олимпійца буржуазной пошлости!.. Но этотъ фанатизмъ костюма, формъ и красокъ не исключалъ фанатизма болѣе глубокаго и литературнаго

къ корифеямъ поэзіи, облюбленной въ кружкѣ. Мы уже говорили о фанатикахъ Шекспира. Самый рьяный былъ нѣкто *Жюль Вабръ*. Про него Готье, въ концѣ очерка, говоритъ, что на его могильномъ камнѣ слѣдовало бы написать:

„Онъ любилъ Шекспира“—

точно такъ, какъ на памятникѣ Томаса Гуда написали:

„Онъ сложилъ пѣснь о рубашкѣ“.

Этотъ Жюль Вабръ—дѣйствительно феноменальный любитель Шекспира, какихъ не только у насъ, да и у нѣмцевъ нельзя было найти въ ту эпоху. Но ярый шекспирофилъ, почти разучившійся по-французски, проникая въ шекспировскую глубь, все-таки не перевелъ ни одной трагедіи, вѣроятно, потому, что его требованія къ самому себѣ, какъ переводчику, были чрезвычайны. Остановился онъ на конференціяхъ о шекспировскихъ драмахъ, да и это не удалось. Онъ родился подъ несчастной звѣздой, и по чудному характеру своей личности и образа жизни былъ прозванъ пріятелями: «le Compagnon Miraculeux». Такъ жить можно было только въ то время, и то въ одномъ лишь Парижѣ, на всю Францію.

Имя Филотея О'Недди никому теперь неизвѣстно; но въ petit cénacle и онъ считался отмѣченнымъ божественной искрой. Въ сборникѣ его стиховъ: „Feu et flamme“ друзья видѣли настоящее вдохновеніе романтическаго пошиба. Ни въ комъ «взвинченность» тона и колорита не достигала такихъ градусовъ, какъ въ немъ. Къ нему Готье примѣняетъ, по преимуществу, слово „paroxiste“, пущенное въ первый разъ въ печать извѣстнымъ парижскимъ «бульварщикомъ» Несторомъ Рокпланомъ, теперь тоже поступившемъ въ число покойниковъ. Изъ художниковъ, Целестинъ Нантейль не добился громкой извѣстности; за то получилъ мѣсто директора рисовальной школы въ Дижонѣ.

Кромѣ фантастическихъ квартиръ Петрюса Бореля и другихъ, мѣстомъ сходокъ маленькаго синклита былъ кабачокъ на выѣздѣ изъ Елисейскихъ Полей, извѣстный тогда (все это относится къ 30-мъ годамъ) подъ прозвищемъ: *Petit Moulin Rouge*. Тогда еще не существовали кокотки и прочія гетеры новѣйшаго *Moulin Rouge*. Готье съ друзьями искали и находили еще любовь; каждый слагалъ риѳмы для своей Лауры или Беатриксы. Кабачокъ романтиковъ отличался первобытной простотой. Позади его находился маленькій садикъ, гдѣ подъ трельяжами распивали вино, пиво и даже (что̀ уже считалось большою роскошью и барствомъ) лимонадъ-газесъ. Привлекалъ всѣхъ поваръ этой гар-

готки, итальянецъ, по имени *Граціано*. Ему Готье посвящаетъ цѣлую главу. Въ его внѣшности было столько колоритнаго и оригинальнаго, что вся обстановка кабачка превращалась для нихъ въ нѣчто особенное, средневѣковое, готическое, сродни ихъ задушевнымъ образамъ и идеаламъ. Всѣ, кто изъ нихъ рисовалъ, то-и-дѣло просили Граціано становиться въ позу: это избавляло ихъ отъ поѣздокъ въ Италію, гдѣ они не нашли бы лучшей модели. Искусству Граціано обязаны они были и вкуснѣйшей итальянской ѣдой, которую они запивали легкимъ винцомъ изъ окрестностей Парижа... *но изъ чего?* Ни больше, ни меньше, какъ изъ *стараго человѣческаго черепа*. Его добылъ Жераръ де-Нерваль, какъ сынъ отставного полкового лекаря... Черепъ окрашивалъ эти оргіи (воображенія, а не грѣшнаго тѣла) въ совершеннѣйшій колоритъ „à la Lucrezia Borgia". И имъ все казалось, когда они уписывали макарони съ пармезаномъ, что вотъ-вотъ появится рука и начертитъ на стѣнѣ кабачка роковыя библейскія слова...

Такъ поживала въ лучшій свой расцвѣтъ «юная Франція».

Д—къ.

ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

1815-ый годъ.

ЯНВАРЬ—ДЕКАБРЬ *).

Въ прошедшемъ году мы успѣли издать только первые три года переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской, въ 1812, 13 и 14-мъ годахъ. Въ нашей исторіи это была эпоха великой катастрофы, быстро превратившейся въ величайшее торжество; въ жизни же автора писемъ эти же самые годы послужили печальною развязкою собственнаго романа, очевидно подѣйствовавшаго на его характеръ, измѣнившаго прежній нравъ, хотя существенныя черты того и другого остались тѣ же. Доказательство справедливости нашего заключенія читатель самъ найдетъ въ письмахъ 1815 года, ближайшаго ко времени окончательнаго разстройства брака съ Полиньякомъ, когда личныя воспоминанія еще, очевидно, тяготѣли надъ авторомъ.

Но, тѣмъ не менѣе, мы не отказываемся и теперь отъ высказаннаго уже нами взгляда на значеніе переписки М. А. Волковой, какъ рѣдкаго документа той эпохи московскаго общества, которую мы назвали «Грибоѣдовскою», именно потому, что эта же самая

*) См. выше: 1874, авг. 572; сент. 115; окт. 542; дек. 637 стр.

эпоха и въ тѣ же самые годы служила матеріаломъ для художественнаго воспроизведенія ея въ комедіи «Горе отъ ума». Говоря такъ, мы вовсе не думали дѣлать какое-либо литературное сопоставленіе этой комедіи съ настоящею перепискою: мы видѣли въ перепискѣ фотографическое изображеніе именно той самой общественной среды въ Москвѣ, въ которой вращался и авторъ комедіи, и авторъ переписки. Безъ этихъ писемъ трудно было бы, напримѣръ, повѣрить, съ какимъ легкомысліемъ общество того времени, чуть не среди еще дымящихся развалинъ Москвы, предалось прежней самой суетной и праздной свѣтской жизни, такъ что, по словамъ печатаемой нынѣ переписки 15-го года, въ Москвѣ явилась новая повальная болѣзнь, кончавшаяся нерѣдко смертью—отъ ужиновъ и баловъ. «Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится», восклицаетъ одинъ изъ Грибоѣдовскихъ героевъ, безъ всякаго преувеличенія: письма М. А. Волковой иллюстрируютъ отлично это восклицаніе.

Намъ могутъ еще сказать, что авторъ не всегда писалъ изъ Москвы;—но Москва, такъ-сказать, всюду слѣдовала за авторомъ; авторъ вращается постоянно въ кругу тѣхъ же московскихъ друзей, и мы, называя Москву «Грибоѣдовскою», имѣли въ виду вовсе не топографію, а людей извѣстной мѣстности, и взятыхъ въ извѣстную эпоху, которые, конечно, не утрачивали своего характера, переѣзжая на лѣто въ какую-нибудь тамбовскую деревню.

Въ общественномъ движеніи той любопытной эпохи Грибоѣдовъ не нашелъ для себя ни одного типа съ положительнымъ характеромъ, ни одного идеала; читая письма Волковой, понимаешь, что иначе и быть не могло. Самое разореніе Москвы прервало тамъ не какую-нибудь кипѣвшую прежде общественную дѣятельность, но однѣ великосвѣтскія забавы съ ихъ безпечною праздностью, а подъ-часъ и безобразіемъ; непріятель удалился, и въ Москву собрались тѣ же дѣйствующія лица; письма Волковой переполнены извѣстіями о поспѣшной отстройкѣ хоромъ и украшеній въ нихъ гостиныхъ и танцовальныхъ залъ. Въ началѣ 1815 г. въ Москву пріѣзжаетъ, напримѣръ, изъ провинціи кн. Яковъ Лобановъ, еще не видавшій города послѣ его разоренія, и прямо попадаетъ на балъ къ генералъ-губернатору: онъ не могъ опомниться на балу отъ удивленія и готовъ былъ не вѣрить, что французы когда-нибудь разоряли Москву. А чрезъ нѣсколько дней, увеселявшіеся устроили partie de plaisir въ саняхъ, чтобъ прокатиться «по погорѣлымъ улицамъ», послѣ сытнаго завтрака, и притомъ въ числѣ 100 человѣкъ, по дорогѣ «закусить» у одного хлѣбосола, и затѣмъ на всю ночь—въ собранье! Грибоѣдовъ, какъ видно, помѣстилъ не всѣ черты и типы москов-

скаго реставрированнаго общества въ свою безсмертную комедію. И читайте опять въ тѣхъ же письмахъ Волковой, что сталось съ этимъ танцующимъ обществомъ, когда въ 1815-мъ году пронесся по Москвѣ первый слухъ о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы и о появленіи его во Франціи! Думали только объ одномъ, какъ бы на этотъ разъ покомфортабельнѣе «эмигрировать», и заблаговременно предались отчаянію.—*Ред.*

Москва, 4-го января 1815 г. — Я пріуныла, милый другъ, потому что вчера не получила отъ тебя извѣстій. Каждое воскресенье мнѣ приносятъ твое письмецо, и мнѣ праздникъ не въ праздникъ, когда я не получаю твоего посланія. Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и искренно желаю тебѣ всякаго благополучія. Я до того утомлена выѣздами, что у меня голова совсѣмъ развинтилась, такъ что я не могу связать двухъ мыслей. На прошлой недѣлѣ отказалась отъ двухъ баловъ, чтобъ поберечь свои силы для вечеринокъ, гдѣ мнѣ необходимо нужно было присутствовать. Въ субботу я танцовала до пяти часовъ утра у Оболенскихъ, а вчера до трехъ часовъ у Голицына. Къ счастію моему, костюмированный балъ Рябининой отложенъ до четверга, такъ что мнѣ можно будетъ отдохнуть два дня. Зато предстоитъ мнѣ потомъ вертѣться нѣсколько дней сряду. Въ субботу вечеръ у Оболенскихъ, а въ воскресенье насъ звали къ гр. Толстому на завтракъ, послѣ котораго будутъ танцы и въ тотъ же вечеръ придется плясать у Ѳ. Голицына.

Я объявила мама́, что силъ моихъ не хватитъ, чтобъ всюду попасть. Быть можетъ, удастся мнѣ избавиться отъ завтрака. Не знаю, по вкусу-ли мнѣ были бы всѣ эти выѣзды нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее же время положительно они мнѣ въ тягость. Пріятно потанцовать разъ въ двѣ недѣли: но такъ часто вертѣться—невыносимо. Здоровье мое страдаетъ.

Теперь здѣсь находится нѣкто Муромцевъ, ты вѣрно помнишь его. Онъ былъ въ Москвѣ въ одно время съ Полиньякомъ. Гераклій постоянно бывалъ у насъ, а Муромцевъ занятъ былъ Sophie. Онъ намъ близкій родственникъ и друженъ со всей нашей семьей. — Вчера за ужиномъ онъ вспомнилъ о прошломъ и приставалъ ко мнѣ съ разспросами: имѣла ли я съ той поры извѣстія о графѣ; я не люблю говорить о быломъ и скорчила такую гримасу кузену, что онъ пересталъ толковать объ этомъ предметѣ. Зато знаешь-ли, какія интересныя извѣстія получила я о красивомъ итальянцѣ, котораго околдовала въ Саратовѣ съ помощію нѣсколькихъ арій. Князь Щербатовъ встрѣтилъ въ

Германіи Рагани, онъ пробирался въ Миланъ, la sua cara patria. Случайно онъ познакомился съ княземъ, и зашла у нихъ рѣчь о русскихъ городахъ и преимущественно о тѣхъ, гдѣ Рагани дольше пробылъ. Говорили о Саратовѣ, и Щербатову разсказано было, какъ я тамъ проводила время. Князь передалъ мнѣ всѣ подробности, которыя узналъ отъ итальянца, и прибавилъ отъ себя нѣсколько шутокъ, которыя я тотчасъ же опровергла. Безъ сомнѣнія, Рагани самый красивый изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ случалось мнѣ встрѣчать; быть можетъ, я показалась ему пригожѣе, чѣмъ я есть: одно могу сказать — у него память лучше моей. Въ то время какъ онъ говорилъ обо мнѣ съ Щербатовымъ, я думала вовсе не о немъ. Слѣдовательно, еслибъ и были у него серьёзныя намѣренія, то это ни къ чему-бы не повело. Онъ меня позабавилъ въ продолженіи шести недѣль, проведенныхъ мной въ Саратовѣ — вотъ и все.

14-го января. — Баламъ здѣсь нѣсть числа, нѣтъ физической возможности вездѣ бывать. Вчера Тормазовъ далъ намъ роскошный балъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Этотъ праздникъ былъ удачнѣе тѣхъ, которые давались во время пребыванія здѣсь государя. Добрый старикъ на славу отпраздновалъ день рожденія императора. Кто могъ бы подумать, смотря на пышный вчерашній праздникъ, что два года тому назадъ Москву въ конецъ разорили! Насъ, которые постоянно живемъ въ городѣ, поразило великолѣпіе вчерашняго пира. Князь Яковъ Лобановъ, вчера только пріѣхавшій изъ провинціи, былъ просто изумленъ; онъ ожидалъ увидѣть Москву въ развалинахъ. Меня весь вечеръ потѣшала его удивленная фигура.

Ныньче вечеръ у вдовы Авраама. Сперва будетъ дѣтскій костюмированный балъ, а когда дѣти уйдутъ спать, большіе начнутъ танцовать. Гостей соберется немного, я предвижу, что тоска будетъ смертельная. Я вчера нарочно мало танцовала, чтобъ ныньче хватило силъ плясать.

На прошлой недѣлѣ былъ вечеръ у Оболенскихъ, черезъ три дня опять у нихъ будутъ танцовать. У Голицына мы прыгаемъ каждое воскресенье; повѣришь ли, просто силъ недостаетъ! Всѣ эти вечера такъ оживлены, что приходится вертѣться до изнеможенія.

25-го января. — Очень и очень благодарна тебѣ за письмо, дружокъ. Ты знаешь, почему я не писала. По-моему, нѣтъ ничего въ мірѣ хуже разставанія съ дорогими людьми. Теперь по

крайней мѣрѣ мнѣ не предстоитъ болѣе ни съ кѣмъ прощаться. Меня радуетъ, что ты стала разсудительнѣе. Твердость характера большое благо въ жизни, прежде тебѣ не доставало этого качества. Не совѣстно ли тебѣ просить у меня позволенія адрессовать на мое имя письма къ твоему мужу. Развѣ ты не знаешь, что я всегда къ твоимъ услугамъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать пріѣзда твоего мужа. Дай Богъ, чтобъ дѣла позволили ему проѣхать черезъ Москву. Мы бы потолковали о тебѣ и о вашей маленькой семьѣ, съ которой мнѣ никакъ не приходится познакомиться. Быть можетъ, увидимся мы весной.

Чтò сказать тебѣ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Танцуешь вальсъ да мазурку, а потомъ полъ-дня лежишь въ кровати отъ усталости. Въ нынѣшнемъ году отчаянно пляшутъ. Не успѣла я отдохнуть послѣ двухъ утомительныхъ баловъ, а нынче опять должна ѣхать на вечеръ. Въ пятницу до 5-ти часовъ плясали у Оболенскихъ, вчера у Ѳ. Голицына, а нынче отправляемся къ г-жѣ Корсаковой. Я рѣшила, что завтра и послѣзавтра буду сидѣть дома и отдыхать. Я замѣтно худѣю, чтó мнѣ вовсе не нравится у меня и такъ остались кости да кожа.

Воины повергаютъ теперь свои лавры къ стопамъ юныхъ красавицъ, которыя, быть можетъ, молились, чтобы они вышли цѣлы и невредимы изъ боя. Съ осени здѣсь устраивается много свадебъ. Въ Москвѣ множество военныхъ, ихъ всюду встрѣчаешь. Теперь имъ позволено носить фракъ, къ которому вовсе нейдутъ гусарскіе усики.

Когда же, наконецъ, явятся кн. Шаховскія? пройдетъ зима со всѣми увеселеніями, а мы ихъ все не дождемся. Мнѣ ихъ очень жаль. Онѣ стали вести невеселый образъ жизни со времени послѣднихъ неудачъ, которыя значительно разстроили ихъ дѣла. Надо быть очень разумнымъ, чтобы не роптать на скуку въ ихъ годы. Изъ парижскихъ княженъ Шаховскихъ одна выходитъ замужъ сегодня, а другая въ чахоткѣ, какъ говорятъ. Болѣзнь усилилась потому, что она простудилась на костюмированномъ балѣ. Дорого ей обошелся праздникъ. Прощай, мой милый другъ. Сейчасъ пришла Мари и Владиміръ, они мнѣ принесли завтракъ, чтó бы ты думала?—каштаны. Кстати о каштанахъ. Представь, что на-дняхъ кузина твоя кн. Волконская, дочка «страшныхъ бровей», съѣла каштаны съ скорлупой, не зная, что ихъ надо очистить. Человѣкъ десять постороннихъ видѣли, какъ она ихъ уплетала, и чуть не умерли со смѣху. Нѣжно цѣлую тебя.

1-го февраля.—Съ каждымъ днемъ у насъ прибываетъ знакомыхъ, что́ очень стѣснительно, когда не имѣешь большого помѣщенія. Ныньче вечеромъ, напримѣръ, у насъ будетъ пропасть гостей, не знаю, гдѣ мы помѣстимъ такое общество; придется хозяевамъ уйти изъ дому, чтобы гостямъ достало мѣста. Тебѣ сказали совершенную правду: въ Москвѣ нынѣшнюю зиму веселятся болѣе, чѣмъ когда-либо. Балы просто убійственны, потому что кавалеровъ бываетъ вдвое болѣе, нежели дамъ, такъ-что намъ бѣднымъ не даютъ духу перевести. Никогда въ Москвѣ не было избытка кавалеровъ, такъ что всѣ считаютъ такое изобиліе за рѣдкость. На послѣднемъ балѣ у Ѳ. Голицына было 18 дамъ и болѣе сорока̀ танцоровъ. Такъ какъ этотъ толстый князь Ѳедоръ изъ всего умѣетъ извлечь пользу, видя, что многіе не танцуютъ, онъ выдумалъ кадриль, въ которомъ у каждой дамы было по два кавалера, насъ это очень забавляло; но бѣда была въ томъ, что мы все путались, не зная, въ какую сторону повернуться и кому прежде кланяться. Теперь уже прискучили намъ удовольствія въ четырехъ стѣнахъ, мы вздумали ѣздить по погорѣлымъ улицамъ. Завтра мы прокатимся въ саняхъ, насъ соберется большое общество. Передъ катаньемъ будетъ завтракъ у г-жи Корсаковой. Приглашено до ста человѣкъ гостей. Послѣ начнется катанье по городу и предмѣстьямъ, затѣмъ будемъ закусывать у Ѳ. Голицына, а вечеръ проведемъ въ собраніи, гдѣ князь Ѳедоръ обѣщаетъ намъ нѣчто необыкновенное. Я хотѣла избавиться отъ этой прогулки, но Ѳедоръ и жена его такъ ко мнѣ пристали, что пришлось согласиться. Я сяду въ четырехмѣстныхъ саняхъ съ его женой и двумя кавалерами. Не полюбопытствовала узнать, кто эти кавалеры.

Эта вѣчная суета вліяетъ на нравственное состояніе. Чувствую, что теперь я хуже, чѣмъ была три мѣсяца тому назадъ; совѣсть моя упрекаетъ меня въ этомъ.

8-го февраля.—Что́ это ты не пишешь мнѣ, дружокъ? Николинька говоритъ, что былъ у тебя и что ты совершенно здорова. Я увѣрена, что ты забываешь обо мнѣ ради мужа. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ и ты начала писать ему въ тѣ же дни, что и мнѣ, я стала получать отъ тебя прекоротенькія письма, наконецъ, ты и совсѣмъ замолчала. Словомъ, я имѣю кучу причинъ желать, чтобы мужъ твой поскорѣе вернулся въ Петербургъ. Мои новости все однѣ и тѣ же. Пляшемъ, бѣгаемъ, поемъ, не сидимъ на мѣстѣ и не видимъ, какъ летитъ время. Въ среды, по крайней мѣрѣ, отдыхаемъ отъ баловъ; что до меня касается,

я танцовать не буду до пятницы. Софи Оболенская нездорова, потому въ прошлую пятницу у нихъ вечера не было. Во вторникъ и среду я до того утомилась, что не въ силахъ была ѣхать къ Толстому въ четвергъ. Въ нынѣшнемъ году многіе поплатились за танцы. Бѣдная кн. Шаховская опасно больна. У васъ умираетъ маленькая гр. Бобринская вслѣдствіе простуды, схваченной ею на балѣ. Невѣстку такъ поразилъ этотъ горестный случай, что она въ письмѣ только о немъ и толкуетъ. Она боится, чтобы мнѣ не пришлось лечь въ гробъ по окончаніи какого-нибудь экосеза. Слава Богу, пока нѣтъ причины опасаться моей смерти; признаюсь, кончина незавидная—умереть отъ того, что много плясала. Авось, Богъ дастъ, избѣгну я такой участи. Теперь я чувствую себя очень не дурно, я даже здоровѣе, чѣмъ была въ ту пору, когда вела вполнѣ правильный образъ жизни.

Вчера я ѣздила къ кн. Шаховскимъ. Ты себѣ представить не можешь, какое у нихъ гадкое помѣщеніе. Не понимаю, какъ рѣшились нанять имъ такую квартиру. Мнѣ жалко было видѣть ихъ въ такой обстановкѣ. Какъ вспомнишь, какой у нихъ былъ красивый домикъ напротивъ нашего, невольно вздохнешь при мысли, что не стало и нашего дома, который былъ въ тысячу разъ лучше теперешней квартиры.

15-го февраля.—Отъ Шаховской я узнала, почему ты мнѣ не писала въ понедѣльникъ. Нисколько за это не претендую, дружокъ. Когда у тебя есть какая-нибудь сердечная забота, намъ, друзьямъ, приходится плохо; ты, посреди тревогъ, всѣхъ забываешь. Не буду дѣлать тебѣ замѣчаній по этому поводу. Мы такъ далеко другъ отъ друга, что увѣщанія мои потеряютъ всю силу, пока долетятъ до тебя. Вообще, трудно проповѣдывать спокойствіе и хладнокровіе. Кто изъ насъ можетъ похвастаться, что остается невозмутимымъ, когда поставленъ бываетъ въ трудное положеніе. Я не разъ замѣчала, что проповѣдникъ самъ обыкновенно теряетъ голову при малѣйшей непріятности. Впрочемъ, мнѣ кажется, я могу оставить при себѣ всѣ эти размышленія; ты, я полагаю, разсуждаешь не хуже меня.

Во всѣхъ письмахъ, отправляемыхъ съ нынѣшней почтой, навѣрное говорится о несчастіи, постигшемъ Апраксина. Сегодня ночью сгорѣлъ его домъ; самъ онъ едва спасся, потому что пожаръ начался въ комнатѣ, смежной съ его спальней. Причина пожара неизвѣстна; полагаютъ, что онъ произошелъ отъ недосмотра за печами. Въ настоящую минуту еще не совсѣмъ поту-

посланія. Какъ жаль мнѣ, дружокъ, что тебѣ суждено такъ долго ждать его возвращенія.

Твое послѣднее письмо разсмѣшило меня до слезъ. Какъ, по твоему, Полина, кузина твоя, и я, тебѣ на зло не выходимъ замужъ? Что за уморительная фантазія! Что-жъ дѣлать, если не удается намъ исполнить твоего желанія. Нѣкоторымъ людямъ на роду написано встрѣчать неудачи извѣстнаго рода; избѣгнуть этой участи невозможно. Не вѣдаю, почему товаркамъ моимъ не удалось пристроиться; что же до меня касается, тебѣ извѣстно, почему я не замужемъ. Всегда являлись препятствія къ моему замужеству, такъ что я часто думаю, вѣрно не суждено мнѣ выдти замужъ и не слѣдуетъ помышлять о супружескомъ счастіи. Провидѣніе, повидимому, старается удалять меня отъ этого важнаго шага, и многое въ жизни способствовало къ тому, чтобъ отбить у меня охоту отъ замужства.

Недостатка въ партіяхъ у меня не было. Но именно тогда-то дѣло не слаживалось, когда я желала, чтобъ удалось сватовство, и какъ нарочно я отталкивала тѣхъ людей, съ которыми я могла быть счастлива. Что же съ этимъ дѣлать? Быть можетъ, одинъ неосторожный шагъ, который я сдѣлала въ ту пору, какъ начала выѣзжать, испортилъ всю мою карьеру. Испытанія градомъ посыпались на меня, и, какъ нарочно, я отворачивалась отъ пути, на которомъ не встрѣтила бы столько горестей. Это сущая правда. Лица, незнающія, какія обстоятельства встрѣчались въ моей жизни, предполагаютъ, что у меня каменное сердце, неспособное никого полюбить. Оно билось не часто, это правда; за то кое-кого любило такъ сильно, что въ немъ не осталось чувства для другихъ. Тебѣ извѣстно, какъ отплатили ему за привязанность.

Я не спорю, можно выдти замужъ безъ любви, и когда со стороны смотришь, находишь, что такъ поступать очень разумно; но когда самой приходится рѣшиться на такой шагъ—не хватаетъ духу. Мнѣ такъ ясно представляются недостатки претендента потому, что нѣтъ во мнѣ страсти, которая ослѣпляетъ, и начинаю я пересчитывать невыгодныя стороны замужства и нахожу, что лучше остаться въ теперешнемъ своемъ положеніи. Никого такъ не огорчаетъ рѣшеніе мое, какъ Мари Сумарокову. Она постоянно упрекаетъ меня за то, что я до сихъ поръ не вышла замужъ. Она пересчитываетъ по пальцамъ лицъ, которыя повидимому ухаживали за мной, и приговариваетъ: «вотъ того упустила, того оттолкнула, и за чѣмъ, за чѣмъ?» Досадно мнѣ, что люди, которые меня любятъ, непремѣнно хотятъ, чтобъ

я вышла замужъ. Я очень желала бы сдѣлать удовольствіе матушкѣ, сестрѣ, тебѣ, Мари; но, сама посуди, какъ мнѣ быть? Вѣдь это не такъ легко устроить, какъ, напр., сшить чепецъ или косынку связать; не ладится дѣло да и только, вѣрно такая судьба моя. Катенька не хочетъ понять, что я нисколько не виновата въ томъ, что отвѣтъ мамà не попалъ въ руки Полиньяку. Она утверждаетъ, будто Гераклій потому отдалился, что годъ не получалъ серьёзнаго отвѣта, а послѣдняя записка мамà, которая до него дошла, была самаго пустого содержанія. Сестра основываетъ заключеніе свое на томъ, что Полиньякъ часто посѣщалъ ее въ ту пору, когда ожидалъ отвѣта отъ мамà. Потомъ, мѣсяца черезъ три-четыре, потерявъ надежду на полученіе письма, онъ вдругъ перестал бывать у Катеньки. Отвѣтъ мамà и мое письмо къ сестрѣ, въ которомъ говорила я о Гераклiѣ, остались въ рукахъ у Левашева. Виновата ли я, что дрянной Левашевъ не передалъ пакета по назначенію.

Катенька, въ арміи имѣвъ случай ближе познакомиться съ Полиньякомъ, оцѣнила его и оправдываетъ, говоря, что всякій такъ же поступилъ бы на его мѣстѣ, цѣлый годъ даромъ прождавъ отвѣта. Во всемъ она винитъ меня, даже и въ томъ, что до пріѣзда въ Россію ничего не знала объ отношеніяхъ нашихъ къ Полиньяку, и увѣряетъ, что иначе бы обращалась съ нимъ, еслибъ знала объ его намѣреніяхъ, о которыхъ стала догадываться лишь тогда, когда онъ перестал ходить къ нимъ въ домъ. Между тѣмъ я писала ей объ этомъ предметѣ разъ десять. Судьба видимо преслѣдовала мои письма.

Ты мнѣ не говоришь, показывала ли ты г-жѣ Виллеро копію письма, которую я тебѣ послала? Если она ее прочла, то каково ея мнѣніе? Пустившись толковать объ этомъ предметѣ, я, по обыкновенію, увлеклась и не сообщила тебѣ о томъ, что третьяго дня Шаховскія пріѣзжали къ намъ проститься, а вчера уѣхали. Поселилась ли въ Петербургѣ кузина твоя Грибоѣдова? Я нѣсколько разъ дѣлала тебѣ этотъ вопросъ, и ты до сихъ поръ мнѣ не отвѣтила. Кланяйся ей отъ меня.

22-го марта.—Мнѣ неизвѣстно, дружокъ, что̀ именно разсказывала тебѣ обо мнѣ Полина Шаховская. Если уже на то пошло, что нужно мнѣ подробно передать тебѣ то, на что́ я лишь намекала, такъ и быть, все скажу тебѣ, хотя бы ты и не одобрила моего поступка.

Г-нъ Са—нъ, съ которымъ ко мнѣ приставала Полина, пока была здѣсь, дѣйствительно очень богатый молодой человѣкъ; я

даже нахожу его слишкомъ богатымъ: у него 150 тысячъ годового дохода. По-моему, эпитетъ «очаровательный», которымъ наградила его Полина, вовсе къ нему нейдетъ. Наружность у него очень непріятная, рѣдко можно встрѣтить такое некрасивое лицо. Онъ довольно уменъ, пользуется хорошей репутаціей; вообще, я полагаю, что онъ достоинъ уваженія, быть можетъ найдутся особы, которыя полюбятъ его, если только имъ онъ не внушитъ антипатіи, которую я почувствовала къ нему сразу, сама не знаю отчего. Страсти онъ ни въ комъ не возбудитъ; но къ нему могутъ привязаться и полюбить его—такое чувство прочнѣе и обѣщаетъ счастіе въ семейной жизни. Но не можетъ оно развиться, коль скоро чувствуешь къ человѣку непреодолимое отвращеніе. Не могу понять, отчего онъ мнѣ такъ противенъ. Конечно, съ Полиной я не говорила такъ откровенно, какъ съ тобой: я съ ней не настолько близка; но она, замѣтивъ, какъ посматривалъ на меня этотъ Адонисъ, уѣхала съ полной увѣренностью, что получитъ отъ меня извѣстіе о моемъ замужствѣ. Она мнѣ даже совѣтовала выдти за него. Я отшучивалась, не говоря ни да, ни нѣтъ. Дѣло въ томъ, что я за него не пойду; еслибъ и вздумала выдти, то въ настоящую минуту свадьбы быть не можетъ потому, что онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, закусилъ удила и умчался въ свое симбирское помѣстье, откуда вернется лишь въ сентябрѣ. Онъ прямо не высказывалъ своихъ намѣреній, а мое обращеніе съ нимъ не давало ему повода излить свои чувства. Я только знаю, что онъ ревновалъ меня къ нѣкоторымъ молодымъ людямъ, между прочимъ къ младшему Голицыну, который изъ шалости ухаживалъ за мной всю эту зиму. Объ этомъ дошелъ слухъ до Голицына, который утверждаетъ, что ревнуютъ лишь тѣхъ, къ кому неравнодушны. Полина на балахъ замѣтила, что Са—нъ не спускалъ съ меня глазъ; это повело къ разнымъ толкамъ въ городѣ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. До того, что̀ говорили посторонніе, мнѣ дѣла не было; но меня тревожили разсужденія мама̀. На всѣ ея доводы у меня одинъ былъ отвѣтъ: онъ мнѣ противенъ,—повторяла я.

Полагаю, что Са—нъ удалится, видя, что я отдаю предпочтеніе Голицыну. Съ послѣднимъ я съ дѣтства знакома, очень понятно, что я къ нему расположена. По этому поводу у меня было много домашнихъ непріятностей. Матушка забыть не можетъ зла, которое сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ братьевъ Голицыныхъ, и не допускаетъ, чтобы кто-либо изъ нихъ годился мнѣ въ женихи. Замѣтивъ, что Голицынъ пустилъ корни въ нашемъ домѣ, и что Са—нъ ревнуетъ меня къ нему, мама̀ разсердилась на Влади-

міра, и между нами было нѣсколько непріятныхъ объясненій именно въ ту пору, когда я писала тебѣ, что мнѣ грустно. На первой недѣлѣ поста все утихло. Владиміръ былъ въ отсутствіи. Нынче онъ вернулся, но не на долго, завтра уѣзжаетъ къ матери и возвратится только къ святой.

Почему не хочешь ты сказать мнѣ, по какой причинѣ считаешь «его» недостойнымъ даже уваженія? Я привыкла слѣпо вѣрить тебѣ, однако признаюсь, что меня огорчаетъ такое невыгодное мнѣніе о человѣкѣ, который въ жизни моей игралъ важную роль. Сколько разъ спрашивала я тебя, куда ты дѣвала мое письмо, ты не хочешъ мнѣ отвѣчать. Вѣдь тебѣ извѣстно, что ничего не можетъ быть хуже сомнѣнія.

Поздравляю тебя съ возвращеніемъ мужа. Хорошую шутку сыгралъ онъ со мной; сказалъ, чтобы я не писала по почтѣ, а съ нимъ послала тебѣ письмо, а самъ вдругъ уѣхалъ, не предупредивъ меня. Мнѣ очень пріятно было съ нимъ повидаться. Особенно обрадовала меня надежда встрѣтиться съ тобой весною. Мужъ твой обѣщалъ доставить мнѣ это удовольствіе, но лучше не буду говорить объ этомъ заранѣе, а то, пожалуй, не сбудутся мои ожиданія. Очень благодарна тебѣ за шкатулку, такой подарокъ прочнѣе тряпокъ. Я лишилась цѣлой коллекціи красивыхъ рабочихъ ящичковъ, которыя сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ. Теперь, благодаря тебѣ, Мари и Дашѣ, у меня опять появляются красивыя шкатулочки. Обнимаю тебя.

29-го марта.—Мужъ твой просто оклеветалъ меня передъ тобой, дружокъ; спѣшу оправдаться. Я рѣшительно не помню, чтобъ кн. Щербатовъ читалъ мнѣ стихи съ цѣлью меня умилостивить; вѣрно они не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Вотъ цѣлыхъ два часа ломаю себѣ голову, стараясь припомнить все, что̀ происходило за маленькимъ столомъ, за которымъ мы ужинали въ тотъ вечеръ, какъ мужъ твой былъ у насъ. За столомъ сидѣло насъ шестеро: мужъ твой, кн. Щербатовъ, кн. Оболенскій, Гусятниковъ, братъ и я. Во весь вечеръ я только за ужиномъ и говорила съ Щербатовымъ, все остальное время мы играли въ бостонъ, и опять-таки скажу тебѣ, я не помню, чтобъ онъ говорилъ что-либо особенное. Что касается цвѣта его лица, то онъ всегда пурпуровый; мудрено примѣтить на немъ какую-нибудь перемѣну, происходящую отъ волненія. Слѣдовательно, я опровергаю замѣчанія твоего мужа, и къ тому же прошу его повторить мнѣ стихи, которые его поразили, а я ихъ даже не слышала.

Не брани меня изъ-за Са—на. Дѣло кончено, онъ уѣхалъ. Если вернется и не измѣнится его расположеніе ко мнѣ, обѣщаю тебѣ заставить себя къ нему привыкнуть. Буду читать себѣ наставленія, которыя ты бы давала мнѣ. Словомъ, исполню ваше общее желаніе. Пока, сдѣлай милость, не болтай. По письму твоему вижу, что ты говорила объ этомъ съ Віельгорскимъ; пожалуйста, не собирай никакихъ свѣдѣній. У С. множество родни въ Петербургѣ, если она узнаетъ о томъ, чтó я тебѣ говорила, то передастъ слышанное здѣшнимъ С., и всѣ они въ правѣ будутъ утверждать, что Са—нъ никогда не высказывалъ своихъ намѣреній и станутъ говорить, что все это я видѣла во снѣ. Недавно былъ случай такого рода съ одной особой. Тебѣ извѣстно, что у мужчинъ самолюбія еще больше, чѣмъ у женщинъ, и что они никогда не забудутъ, если ихъ разъ задѣли, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія—это имъ все равно. Будь же осторожна, дружокъ. Я привыкла разсчитывать на твое благоразуміе, потому, не опасаясь, говорю съ тобой о томъ, чего никому не слѣдовало бы разсказывать.

Ты, кажется, не на шутку разсердилась на меня за то, что я посмѣялась надъ твоимъ двоюроднымъ братомъ. Нечего сказать, удружилъ мнѣ твой супругъ; онъ могъ окончательно поссорить насъ. Дѣлать нечего, если уже онъ выдалъ меня, я по неволѣ признаюсь въ своей винѣ. Точно, я говорила, что у кн. Одоевскаго пренепріятная наружность, и прибавила, что у тебя страсть заступаться за всю родню; ты считаешь долгомъ отстаивать своихъ самыхъ дальныхъ родственниковъ, хоть бы была седьмая вода на киселѣ. Я и на словахъ, и въ письмахъ подшучивала надъ тобой не разъ, а ты всегда отнѣкивалась; между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ высказывала свою маленькую слабость.

Какъ это ты не говоришь мнѣ ни слова о вторженіи Наполеона во Францію? Сейчасъ видно, что два года тому назадъ онъ не посѣщалъ Петербурга; еслибъ пришлось вамъ по нашему вблизи поглядѣть на него, вы бы теперь не сидѣли такъ спокойно. Предупреждаю тебя, что ежели онъ все будетъ идти впередъ, я начну укладываться, чтобъ онъ не засталъ меня врасплохъ, какъ прошлый разъ. Ни одной нитки не оставлю въ Москвѣ! Вяземскій съ прошлой зимы все толкуетъ, что если придется эмигрировать во второй разъ, то онъ отправится въ ту сторону, куда я поѣду, и даже имѣетъ намѣреніе заказать экипажъ, въ которомъ поѣдетъ слѣдъ за мной, или увезетъ меня собой, и объявилъ мамá, что оставитъ ей, вмѣсто меня, свою жену. Мы отъ души смѣялись надъ его

выдумкой, но признаюсь тебѣ, что посѣщеніе Наполеона далеко не забавно: я не буду покойна до тѣхъ поръ, пока его не приберутъ къ рукамъ. Вы, жители Петербурга, всегда не прочь услужить намъ—москвичамъ. Въ настоящее время вы прислали намъ какую-то женщину, которая взбаламутила весь народъ. Она явилась съ желѣзной цѣпью и крестомъ на шеѣ, съ взъерошенными волосами и дикимъ взглядомъ. Едва пріѣхавъ сюда, она начала пророчествовать, предсказывать чуму, пожары, словомъ, разореніе всего города. Она пророчествовала на улицѣ, ее окружила толпа; увидѣвъ у нея крестъ на шеѣ, народъ сталъ кричать, что она святая, несмотря на то, что она палкой била всѣхъ, кто къ ней близко подходилъ. Полиція схватила ее и повела ко всѣмъ властямъ, которыя велѣли посадить ее въ домъ умалишенныхъ. Однако, народъ взволнованъ ея предсказаніями и хочетъ ее видѣть; не легко успокоить толпу. Это опять подарокъ изъ Петербурга.

5-го апрѣля.—Напрасно ты, дружокъ, съ разными предосторожностями начинаешь вести рѣчь о нѣкоторомъ лицѣ, полагая, что я не вполнѣ къ нему охладѣла. Повѣрь, что потеря уваженія заглушаетъ любовь. Тебѣ давно бы слѣдовало сказать мнѣ, что г-жа Виллеро недовольна поступкомъ своего кузена; если она на него разсердилась, несмотря на привязанность свою къ нему, значитъ, онъ того стóитъ. Будь увѣрена, что я не могу сожалѣть о человѣкѣ, который съумѣлъ оттолкнуть отъ себя лицъ самыхъ близкихъ. Пожалуй, я бы выиграла въ глазахъ твоей кузины, еслибъ жалѣла о Г. Почему-то мнѣ всегда казалось, что она меня обвиняетъ, сама не зная въ чемъ. Совѣсть моя совершенно чиста; дай Богъ, чтобъ въ предсмертный часъ она была у меня такъ спокойна. Я рѣшительно ни въ чемъ не виновата передъ Г. де-Полиньякъ. Ты знаешь, что я человѣкъ вѣрующій, и передъ Богомъ лгать не буду. Въ отношеніи къ А... Г... мнѣ тоже не за чтó себя упрекнуть. Странно, что эти два человѣка, передъ которыми я ни въ чемъ неповинна, причинили мнѣ столько тревогъ и горя въ жизни. Молю Бога, чтобъ Онъ простилъ ихъ, какъ прощаю я. Мнѣ кажется, что для меня было бы самымъ большимъ счастіемъ въ жизни — оказать какую-нибудь услугу этимъ двумъ лицамъ; повѣрь, что къ моему желанію вовсе не примѣшивается самолюбіе. Я очень желала бы повидаться съ тобой и о многомъ потолковать.

Всѣхъ удивила выходка Наполеона. Сперва къ ней относились слегка, теперь стали подумывать, что это вовсе не забавная

продѣлка. Сами мы на это напросились. Жалкая участь Бурбоновъ! Имъ вѣчно приходится быть жертвами чужого недосмотра; еслибъ дали имъ свободно дѣйствовать, давно бы избавился свѣтъ отъ чудовища. Всегда, не задумываясь, рубили головы преступникамъ, а по-моему, чѣмъ же этотъ негодяй лучше ихъ. Пощадили его драгоцѣнную жизнь, зато теперь погибнутъ милліоны невинныхъ. Что на это сказать? Господь всѣмъ управляетъ и все дѣлаетъ на благо намъ, грѣшнымъ. Съ благодарностію и покорностью должны мы встрѣчать всякое событіе. Никогда такъ не высказывался промыслъ Божій, какъ въ настоящее время. Какъ легко было избѣгнуть всего, что происходитъ! Это видѣли ясно всѣ, кто не могъ ничего сдѣлать, а тѣ, которые могли предупредить зло, не употребили своей власти. Вѣдь это ясно. Я повторю вмѣстѣ съ Николинькой: вѣрно намъ слѣдуетъ искупить много грѣховъ, что мы не съумѣли воспользоваться испытаніемъ, посланнымъ намъ Провидѣніемъ два года тому назадъ. Иногда мнѣ кажется, что мы нисколько не исправились, а стали еще хуже. Когда прошло время ужаса, всѣ зажили по прежнему. Сердца наши очерствѣли, и чтобъ обратить насъ на истинный путь, милосердый Господь посылаетъ намъ новыя испытанія.

Скажи мнѣ, пожалуйста, отчего замолчали о замужствѣ Бэтси Полиньякъ? M-lle Апраксина увѣряетъ меня, что не бывать этой свадьбѣ, хотя молодыхъ людей продолжаютъ считать просватанными. Въ нашъ вѣкъ, право, бѣда не велика остаться въ дѣвушкахъ; чѣмъ меньше имѣешь привязанностей, тѣмъ лучше. Бываютъ дни, когда я сожалѣю, что не могу быть равнодушной ко всѣмъ на свѣтѣ. Я не дошла до христіанской добродѣтели любить, не привязываясь, потому, чтобъ быть спокойной, мнѣ слѣдуетъ ко всѣмъ быть равнодушной. Впрочемъ, намъ не суждено обрѣсти покой въ этомъ мірѣ. Будемъ страдать молча и постараемся заслужить блаженство загробной жизни.

14-го апрѣля. — Я два дня хворала, и потому не могла тотчасъ отвѣтить на твое письмо. Однако, мужъ твой порядочно упрямъ. Онъ рѣшительно не желаетъ отказаться отъ своего ошибочнаго заключенія. Пусть его воображаетъ, что всѣ вытаращиваютъ глаза, глядя на меня. Къ тому же, ты весьма справедливо замѣтила, что почему же Щербатову не прочесть мнѣ стиховъ, какъ читывалъ онъ ихъ тридцати другимъ дамамъ, которыя ему нравились.

Кстати о поклонникахъ. На прошлой недѣлѣ я видѣла человѣка, котораго вздохи имѣли важное значеніе въ моей жиз-

Ты конечно отгадываешь, что я говорю объ Александрѣ Голицынѣ. Онъ былъ здѣсь—проѣздомъ изъ Варшавы въ деревню къ матери, гдѣ и находится въ настоящее время. Въ концѣ святой, онъ опять пріѣдетъ сюда, не знаю на долго ли. Онъ страшно растолстѣлъ и подурнѣлъ. Вотъ все, что я скажу тебѣ о немъ.

Сдѣлай милость не спорь, дознано, что пророчица явилась къ намъ изъ Петербурга. Министръ вѣроисповѣданій, кн. Голицынъ далъ ей паспортъ на проѣздъ въ Іерусалимъ. Теперь эта женщина сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ и пьетъ съ утра до вечера. Въ городѣ про нее забыли, благодаря политическимъ событіямъ, всѣхъ встревожившимъ. Въ странный вѣкъ пришлось намъ жить, дружокъ! Люди рѣшительно отказались отъ всякой предусмотрительности, чего никогда не бывало. Нельзя отвѣчать за завтрашній день; это насъ заставитъ заботиться о настоящемъ, и будетъ не безъ пользы.

Вотъ уже дня три какъ я перечитываю вступленіе къ благочестивой жизни св. Франциска Салійскаго. Одно мѣсто въ этой книгѣ растрогало меня до слезъ, и я вспомнила сужденіе г. Виллеро объ этомъ сочиненіи. Точно, надо быть чудовищемъ, чтобъ, читая его, не почувствовать желанія исправиться. Но какъ развлекаетъ насъ свѣтская жизнь и мѣшаетъ заняться серьёзнымъ дѣломъ; какъ говоритъ Софи Оболенская мы другъ друга портимъ,—еслибъ не вертѣлись мы въ свѣтѣ, намъ многое дурное и въ голову бы не пришло. Подчасъ я чувствую такое отвращеніе ко всѣмъ и ко всему, что мнѣ хочется убѣжать за тридевять земель. Мы занимаемся такими пустяками и такъ мало заботимся о достиженіи цѣли, для которой мы созданы, что ужасъ охватываетъ, когда подумаешь о томъ, чтó насъ ожидаетъ по смерти. На землѣ большею частью нами руководитъ злой духъ, на чтó мы не обращаемъ вниманія. Да, милый другъ, я очень недовольна всѣмъ, на чтó ни взгляну, а больше всего собою. Только-что приму я благое намѣреніе, смотришь, какой-нибудь вздоръ мнѣ помѣшаетъ и я поступаю совершенно противоположно тому, какъ намѣревалась дѣйствовать. Мы очень слабы духомъ, да къ тому же ведемъ такой образъ жизни, который мѣшаетъ намъ укрѣпляться въ добродѣтели. Въ деревнѣ мы бываемъ разумнѣе, потому что больше сами съ собой бесѣдуемъ; оттого-то я и рвусь въ Высокое; вообще много есть у меня причинъ спѣшить въ деревню.

19-го апрѣля. — Христосъ воскресъ, милый другъ. Отвѣчаю нѣжными поцѣлуями на ваши поздравленія. Какъ видишь,

я еще не начала держаться правила—ко всѣмъ быть равнодушной, которое тебѣ такъ не понравилось. Повѣрь, что въ этой системѣ есть своя хорошая сторона. Любовь къ ближнему, о которой ты мнѣ упоминаешь, быть можетъ, и есть шагъ къ достиженію невозмутимости, къ которой я стремлюсь. Кто любитъ ближняго, любитъ всѣхъ одинаково и никого въ особенности. Изъ этого слѣдуетъ, что тебя я столько-же должна любить, какъ и m-lle Хомутову, сочувствовать твоимъ горестямъ ровно также, какъ и ея печали. Однако вѣдь тебѣ извѣстно, что тебя я люблю иначе чѣмъ ее. Чувство, которое простиралось бы на всѣхъ людей, было бы гораздо слабѣе, слѣдовательно мы меньше принимали бы къ сердцу и горе и радость ближняго, и потому были бы спокойнѣе душой. Отъ исключительныхъ привязанностей намъ приходится много страдать, зато радость, ими доставляемая, велика; но такъ какъ вообще на землѣ болѣе горя, чѣмъ счастія, то въ итогѣ оказывается, что бо́льшую часть жизни намъ приходится страдать. Этого бы не случалось, еслибъ мы всѣхъ одинаково любили. Еще бо́льшаго блага достигли бы мы, еслибъ любили Бога больше всего въ мірѣ. Земныя привязанности отвлекаютъ насъ отъ любви къ Создателю. Ты видишь, что я вовсе не противъ любви къ ближнему, и даже желала бы, чтобъ главной привязанностью нашей была любовь ко Всевышнему. Многое можно бы было сказать объ этомъ важномъ вопросѣ, но въ письмѣ неудобно разсуждать. Согласись только съ тѣмъ, что еслибъ мы Господа любили больше всего на свѣтѣ, то избѣгли бы многихъ горестей, которыя влекутъ за собой привязанности земныя, слѣдовательно мы были бы счастливѣе.

Здѣсь тоже разнесся слухъ, что маршалъ Ней убилъ Наполеона, но никто не повѣрилъ этому извѣстію и ни на кого оно не произвело впечатлѣнія. Настоящій великій праздникъ долженъ бы былъ всѣхъ обрадовать; но въ нынѣшнемъ году всѣ такіе грустные, съ трудомъ удерживаешся отъ отчаянія, до того привыкли мы на все смотрѣть мрачно. Не встрѣчаешь ни одного веселаго лица. Два года терзалъ насъ страхъ, теперь, только успѣли мы отъ него избавиться — снова приходится опасаться за будущеее. Всѣ, у кого есть мужъ, братья или сыновья, дрожатъ за ихъ жизнь. Ты справедливо замѣчаешь, что вторая трагедія можетъ быть ужаснѣе первой.

Особенныхъ новостей у меня нѣтъ. Дни идутъ однообразно. Вижусь все съ одними и тѣми же лицами. Съ тѣхъ поръ какъ вернулась Апраксина, я очень часто видаюсь съ ея дочерью; она очень милая особа, и съ ней я не скучаю. Дружба нашихъ

маменекъ и насъ сближаетъ, такъ что съ ней я довольно коротка; но не думаю, чтобъ мы когда-нибудь тѣсно сошлись. Я вообще не легко дружусь, и если съ перваго раза не почувствовала къ человѣку расположенія, то никогда съ нимъ не сближусь. Чѣмъ больше живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что рѣдко можно встрѣтить людей, съ которыми найдешь много общаго. Въ гостиной можно встрѣчаться съ людьми каждый день, но все-таки это не поведетъ къ дружбѣ; вообще, я не намѣрена сближаться, развѣ если встрѣчу какую-нибудь личность изъ ряду вонъ. Къ тому же, меня преслѣдуетъ судьба, удаляя отъ людей близкихъ моему сердцу: ты въ Петербургѣ, сестра въ харьковской губерніи, Мари въ саратовской. Послѣдняя отъ меня ближе всѣхъ, однако насъ раздѣляетъ 650 верстъ. Она мнѣ часто пишетъ, также какъ Катенька и ты. Какъ можно сравнить удовольствіе получать письма съ изустной бесѣдой! Какъ пріятно, когда вздумается сейчасъ же пойти и повидаться съ близкими людьми! Я задыхаюсь отъ жару, хотя окна и дверь у меня открыты настежъ, какъ будто въ іюлѣ мѣсяцѣ. Ныньче 20° жару. Всѣ гуляютъ, а я буду сидѣть дома до завтрашняго вечера. Завтра мы отправляемся въ собраніе, потомъ въ теченіи этой недѣли мнѣ предстоитъ нѣсколько ужиновъ. Обнимаю тебя.

26-го апрѣля. — Вчера я не получила отъ тебя вѣсточки, дружокъ, и горюю объ этомъ по обыкновенію. Всю прошлую недѣлю я ужинала въ гостяхъ. Во вторникъ была въ собраніи, куда меня повезли насильно; я было-порѣшила не танцовать во весь вечеръ, но мама́ это не понравилось, и мнѣ пришлось плясать поневолѣ. Во время второй кадрили меня такъ стало колоть, что я съ трудомъ докончила контрдансъ. У меня давно пропала охота къ танцамъ, да и вообще къ увеселеніямъ.

Не запомню, чтобъ когда-либо я была такъ мрачна, какъ нынѣшней весной. Все мнѣ до крайности надоѣло. Ничто меня не занимаетъ, не радуетъ. Не знаю, какъ избавиться отъ такого непріятнаго настроенія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъѣзда въ деревню, въ надеждѣ что пріѣздъ братьевъ и сестеръ меня оживитъ. Не мало порадуетъ меня и твое появленіе, если ты сдержишь обѣщаніе и пріѣдешь къ намъ. Я довольна, что кончились праздники; теперь я избавилась отъ катанья: ненавижу все вертѣться на одномъ мѣстѣ, да изволь еще направо и налѣво раскланиваться съ знакомыми, до которыхъ мнѣ никакого нѣтъ дѣла. Однако третьяго-дня должна я была ѣхать подъ качели съ Оболенскими, которые меня упрашивали съ ними покататься,

Вчера они было снова начали приставать ко мнѣ, но я наотрѣзъ отказалась ѣхать. Къ тому же, я получила непріятное извѣстіе о старой кн. Голицыной; хотя я далеко не такъ люблю ее, какъ любила покойнаго князя, однако, будучи привязана ко всей ихъ семьѣ, я вполнѣ раздѣляю ихъ горе. Я жалѣю о княгинѣ, которая находится въ отчаянномъ положеніи, объ ея дѣтяхъ и о Мари, которой больная диктуетъ свое духовное завѣщаніе. Тяжелая обязанность писать чью-либо духовную; каково же бѣдной Мари писать завѣщаніе княгини, замѣнявшей ей родную мать! Письмо Мари очень грустное; прочитавъ его, я стала еще мрачнѣе. Теперь начнутся сборы въ дорогу; Оболенскіе уѣзжаютъ завтра; Апраксина въ воскресенье.

12-го мая. — Въ прошлый понедѣльникъ я не писала тебѣ потому, что лишь вечеромъ вернулась изъ имѣнія Небольсиной, гдѣ мы провели четыре дня. Дома меня ожидало письмецо твое отъ 4-го мая. Сердечно радуюсь, что ты не измѣнила намѣренія посѣтить наши края, но побраню тебя за то, что ты просишь позволенія пріѣхать въ Высокое. Это рѣшительно замашка германской принцессы; конечно, какъ же тебѣ не бояться быть дурно встрѣченной въ нашемъ домѣ! И точно, стóитъ тебя холодно принять за то, что ты извиняешься на каждомъ шагу; я не могу переварить этой дурной привычки. Повидимому, ты неисправима. Дѣлать нечего, я отнесла письмо твое къ мама̀, мы обѣ подивились твоей церемонности, и мама̀ поручила мнѣ передать тебѣ, что ты, супругъ твой, дѣти, няньки, горничныя, лакеи — словомъ, весь твой штатъ можетъ явиться во владѣнія семейства Волковыхъ. Васъ помѣстятъ, какъ можно удобнѣе, и будутъ за вами ухаживать. Кажется, выражаюсь я точно; съ тобой иначе и нельзя говорить: если я забуду упомянуть о какомъ-нибудь поваренкѣ, ты способна отложить поѣздку. Теперь условимся о томъ, въ какое время придется намъ ждать васъ. По-моему, вамъ бы слѣдовало завернуть къ намъ по дорогѣ въ Москву; мы въ тридцати верстахъ отъ Клина, слѣдовательно, крюкъ—всего 20 верстъ. Если ты рѣшишься послѣдовать моему совѣту, увѣдомь меня, котораго числа будете вы въ Клину: я пошлю туда человѣка, который укажетъ вамъ дорогу въ Высокое. Если ты моего плана не одобряешь, спроси у нашего толстаго управляющаго, какъ къ намъ пробраться. Онъ живетъ въ нашей московской квартирѣ, и укажетъ вамъ какимъ способомъ попасть въ Высокое. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я тебя!

Прощай, моя дорогая. Мнѣ предстоитъ написать цѣлую кучу

писемъ. Погода роскошная. Здѣсь, въ монастырѣ, у меня передъ окномъ яблонь вся въ цвѣту. Каковы политическія новости? Будущее крайне неопредѣленно, ничего ровно нельзя ни предвидѣть, ни предполагать. Одному Богу извѣстно, каковъ будетъ исходъ изъ теперешняго неяснаго положенія. Привѣтствую твоего супруга.

20-го мая. — Въ понедѣльникъ окончила я всѣ свои разъѣзды, дружокъ. Изъ письма твоего 11-го числа заключаю, что могу надѣяться на свиданіе съ тобой. Хотя ты и согласна завернуть къ намъ по дорогѣ въ Москву, но, къ сожалѣнію, планъ этотъ неисполнимъ. Матушкѣ придется уѣхать изъ деревни въ половинѣ іюня: пожалуй, насъ не будетъ въ Высокомъ именно въ ту пору, когда ты пріѣдешь; вѣдь это было бы крайне досадно! Потому, лучше поѣзжай прямо въ Москву; въ квартирѣ нашей ты узнаешь, когда насъ можно будетъ навѣрное застать въ Высокомъ. Въ нынѣшнемъ году вообще всѣ наши проекты оказываются неудачными. Мы намѣревались уѣхать отсюда во вторникъ, послали въ деревню за лошадьми: посланный нашъ пропалъ; вотъ уже цѣлыхъ 6 дней о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Нынче утромъ отправили другого человѣка въ имѣніе; боюсь, не приключилось ли чего недобраго съ нашимъ милымъ Высокимъ. Сержъ долженъ пріѣхать туда къ 1-му іюня, не позднѣе. Теперь мы не успѣемъ увѣдомить его, чтобъ онъ отложилъ поѣздку. Вообще, у насъ царствуетъ суматоха.

Тебѣ рѣшительно не нравятся проповѣди Шаковской. Очень жаль, а я только ждала твоего разрѣшенія, чтобъ наложить на себя обѣтъ безбрачія. Шутки въ сторону, а надо признаться, что мало приходится встрѣчать счастливыхъ супружествъ, такъ что дѣвушкѣ разсудительной слѣдуетъ опасаться замужства. Положеніе старой дѣвы не изъ числа пріятныхъ; но зато онѣ избавлены отъ многихъ заботъ, въ особенности если отказались отъ свѣта и свѣтской суеты. Мы поговоримъ объ этомъ недѣли черезъ двѣ, увидимъ, кто кого переспоритъ.

29-го мая. — Пользуюсь отъѣздомъ Василія Голицына, милый другъ, чтобъ увѣдомить тебя о томъ, что сама я черезъ два часа отправляюсь въ деревню. Сержъ говоритъ намъ въ послѣднемъ письмѣ, что 31-го онъ будетъ въ Высокомъ. Потому мы рѣшили ѣхать туда не медля. Посланный нашъ явился, лошади приведены, остается сѣсть въ экипажъ. Погода чудесная, спѣшу подышать деревенскимъ воздухомъ. Я получила твое письмо отъ

18-го числа; какъ досадно, что дѣла твои не оканчиваются. Боюсь, чтобъ онѣ не помѣшали твоему путешествію.

Никакихъ интересныхъ новостей у нась не имѣется. Всѣ разъѣзжаются; многія особы горюють объ отъѣздѣ гвардейцевъ. Вообще, всѣ пріуныли и самой мнѣ не весело, такъ себѣ, безъ всякой причины, чтó рѣдко со мной случается.

Долго бесѣдовала съ кн. Александриной, и мы порѣшили, что надо имѣть какія-нибудь значительныя причины для того, чтобъ желать выдти замужъ. У нея на глазахъ—сестра, вышедшая замужъ въ январѣ, и которой пришлось теперь разстаться съ мужемъ на неопредѣленное время; по всей вѣроятности, намъ войны не миновать. Бѣдная Давыдова въ отчаяніи, больно на нее смотрѣть. Она въ бреду, и съ трудомъ могутъ съ ней справиться. Никогда нельзя было разсчитывать на будущее, а въ нашъ вѣкъ еще меньше чѣмъ когда-либо; потому-то и не слѣдуетъ добровольно навязывать себѣ заботы, и безъ того есть у каждаго неизбѣжныя тревоги. Здѣсь много молодыхъ парочекъ—свадьбы начались съ января. Приходится сожалѣть объ этихъ четахъ; какъ и всегда, женщинамъ приходится страдать больше мужчинъ. Мужья заняты своей службой, путешествіе ихъ развлекаетъ, а несчастнымъ женщинамъ приходится оставаться дома и плакать въ одиночествѣ. Часто мужья о насъ забываютъ. По-моему, безразсудно что-либо предпринимать въ настоящее время; надо жить со дня на день. Постараюсь убѣдить тебя въ справедливости моего сужденія. Не слѣдуетъ выходить замужъ, твердитъ княжна Шаховская; я готова вторить ей, но боюсь твоего гнѣва. Я и Александринѣ говорила, какъ я тебя побаиваюсь. Она смѣется и удивляется, что ты имѣешь такое вліяніе на меня, даже живя вдалекѣ. Скажу тебѣ по секрету, что мы намѣрены устроить женскій монастырь, который вполнѣ отвѣчалъ бы цѣли этихъ учрежденій, потомъ мы будемъ разборчиво принимать монахинь. Выберемъ строгую игуменью, которая слѣдила бы за нами и помогала намъ нравственно усовершенствоваться. Надѣюсь, что ты одобришь эту прекрасную мысль. Теперь мы не можемъ привести ее въ исполненіе потому, что разстаемся на все лѣто. Осенью мы опять сойдемся, а лѣтомъ я постараюсь убѣдить тебя въ томъ, что ты напрасно склоняешь меня къ супружеству; навѣрное мужъ, котораго ты мнѣ выберешь, не будетъ стоить нашей игуменьи. Если правда на твоей сторонѣ, постарайся мнѣ это доказать, тогда я вполнѣ подчинюсь твоей волѣ, и выйду за перваго встрѣчнаго, хоть за г-на Арапова. Прощай, дружокъ; когда же скажешь ты мнѣ, что пора намъ прекратить переписку?

Высокое, 10-го іюня.—Все, что́ произошло въ семьѣ нашей, милый другъ, для меня досаднѣе чѣмъ для всѣхъ другихъ. Должно быть для испытанія моего терпѣнья случилось все это въ минуту, когда я ожидала счастія обнять тебя. Когда пріѣхалъ братъ, матушка отложила въ сторону поѣздку на богомолье, и мы намѣревались отправить въ Клинъ человѣка, который бы указалъ тебѣ дорогу въ Высокое. Ныньче я надѣялась увидаться съ тобой, такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ ты обѣщала явиться къ намъ 10-го. Вдругъ посреди моихъ мечтаній, которыя, казалось, были вполнѣ осуществимы, приносятъ письмо изъ Москвы отъ брата. Онъ пишетъ, что дядю ужасно огорчило извѣстіе о смерти сына, и онъ вдругъ вздумалъ ѣхать къ намъ, чтобъ искать утѣшенія въ семьѣ; но, прибавляетъ Николинька, дядя желаетъ быть только посреди своихъ и пріѣдетъ въ Высокое 10 или 11-го. Черезъ два дня послѣ этого письма получаю я твою записку: ты говоришь мнѣ о порученіи дяди, переданномъ тебѣ Віельгорскимъ. Еслибъ ты знала, до чего меня разстроили всѣ эти неожиданныя препятствія къ свиданію нашему! Къ счастію, я привыкла къ неудачамъ; въ первую минуту мнѣ бываетъ очень горько, когда рушатся мои надежды, а затѣмъ я стараюсь примириться съ обстоятельствами. Когда я подумала о дядиномъ горѣ, у меня духу не хватило жаловаться на свои несбывшіяся ожиданія. Бѣдный старикъ остался одинъ на свѣтѣ, кромѣ матушки и насъ, у него никого нѣтъ близкихъ. Теперь я разсчитываю, нельзя ли тебѣ заѣхать къ намъ по дорогѣ къ Шаховскимъ. Мнѣ кажется, это можно устроить; если ты отправишься къ нимъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, то въ эту пору дядя будетъ въ Москвѣ, а мы останемся одни въ Высокомъ. Шаховскіе ѣздятъ къ себѣ въ имѣніе тоже по Воскресенской дорогѣ; ихъ помѣстье въ 100 верстахъ отъ Воскресенска, а наше въ 28. Въ 16 верстахъ отъ насъ находится дорога въ Волоколамскъ, по которой ѣздятъ въ Бѣлый Холмъ. Тебѣ придется сдѣлать небольшой крюкъ. Этимъ путемъ легче къ намъ пробраться, нежели черезъ Клинъ. Въ 40 верстахъ отъ Москвы есть деревня, тоже подъ названіемъ Высокое, гдѣ мѣняютъ лошадей, отправляясь оттуда въ любую сторону. Если ты наймешь тутъ лошадей, всякій мальчишка укажетъ тебѣ дорогу въ наше имѣніе. Изъ этой деревни повезутъ тебя въ Покровское—другую станцію по Волоколамской дорогѣ, которая находится отъ города въ 25 верстахъ, а отъ насъ въ 16. Видишь, какъ легко до насъ добраться; неужели ты не можешь для меня выѣхать лишній разъ изъ Варина. Положимъ, что не весело разъѣзжать съ маленькими дѣтьми; потому я и не претендую на

тебя. Но вѣдь ты будешь у Шаховскихъ, неужели отложишь ты до сентября свиданіе со мной? Богъ знаетъ, что́ можетъ случиться до той поры, да и почему же не пріѣхать тебѣ къ намъ во второй разъ? Напиши мнѣ поскорѣе, годится ли тебѣ предложенный мною маршрутъ? Сколько времени пробудешь ты въ Москвѣ? Быть можетъ, дядя захочетъ, чтобъ мы ѣхали въ городъ вмѣстѣ съ нимъ, я во-время увѣдомлю тебя; если состоится наша поѣздка, тогда надѣюсь, что ты проѣдешь 20 верстъ ради свиданія со мной. Наконецъ, сама я проберусь въ Варино хоть на денёкъ.

Мы заранѣе распредѣлили, ка̀къ будемъ проводить время въ деревнѣ. Ожидали къ себѣ гостей. Имѣли намѣреніе раза два съѣздить къ Апраксиной, и что же? теперь намъ приходится не двигаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока дядя не разрѣшитъ намъ куда-либо поѣхать. Отъ общества мы тоже должны отказаться. Словомъ, мы лишимся многихъ удовольствій, и три лѣтніе мѣсяца проведемъ гораздо скучнѣе, нежели предполагали. Но первой заботой должно быть исполненіе долга—угождать дядѣ и позабыть о развлеченіяхъ, которыя мы имѣли въ виду. Николинька проводитъ сюда дядю, но вѣроятно ему нельзя будетъ долго остаться съ нами, о чемъ я заранѣе горюю. Вотъ все, что́ я имѣла сообщить тебѣ, милый другъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего отвѣта: желаю знать, одобряешь-ли ты мой планъ касательно поѣздки. Скажи мнѣ пожалуйста, куда должна я адресовать мои письма? Какъ досадно, что ты пріѣхала въ Москву именно въ ту пору, когда меня нѣтъ въ городѣ. Обнимаю тебя.

15-го іюня.—Имѣя возможность послать записочку въ Москву, спѣшу тебя увѣдомить, милый другъ, что съ 26 числа нынѣшняго мѣсяца намъ можно будетъ свободно располагать нашимъ временемъ. Слѣдовательно, возвращаясь отъ Шаховскихъ, ты можешь завернуть къ намъ. Умоляю тебя не пропустить удобнаго случая повидаться со мной. Почти каждое лѣто приходилось намъ бывать въ Москвѣ, но въ этомъ году какъ на зло мы точно прикованы къ деревнѣ. Быть можетъ, придется намъ навѣстить дядю въ іюлѣ, и то въ городъ мы не заѣдемъ, а отправимся прямо въ имѣніе Барятинскаго, около Петровскаго, гдѣ тетушка наняла дачу для себя и для дяди.

Прощай, дружокъ, меня торопятъ. Кланяйся мужу и передай ему мою просьбу отпустить тебя къ намъ. Какъ ни говори, а вѣдь всегда мужья рѣшаютъ куда ѣхать и что́ дѣлать. Надѣюсь, что онъ исполнитъ мою просьбу; тогда я буду имѣть случай по-

разспросить у него, чтó именно сочинилъ онъ на мой счетъ и разсказалъ тебѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ.

21-го августа.—Что это значитъ, милый другъ, я болѣе мѣсяца не получала отъ тебя писемъ. Давно бы спросила, почему ты молчишь, еслибъ глаза не мѣшали мнѣ писать. Я о тебѣ ужасно тревожусь. Теряюсь въ догадкахъ и боюсь предположить, что не пишешь ты потому, что сама ты больна или кто-нибудь изъ семьи. Никогда не случалось мнѣ оставаться такъ долго безъ извѣстій о тебѣ, даже когда мы живемъ вдалекѣ другъ отъ друга, а теперь мы находимся въ одной губерніи, и я не знаю, чтó съ тобой дѣлается. Чего добраго, пожалуй тебѣ придется вернуться въ Петербургъ, не повидавшись со мной. Постараюсь пріучить себя къ этой мысли, тогда быть можетъ дѣла примутъ благопріятный оборотъ, потому что всегда случается то, чего я не ожидаю.

11-го октября.—Отъ сестры и невѣстки моей я узнала, дружокъ, что ты благополучно доѣхала до Петербурга. Жду письмеца твоего съ большимъ нетерпѣніемъ. Сама я здорова; давно не чувствовала я себя такъ хорошо, какъ послѣдніе три или четыре мѣсяца. Со времени нашей эмиграціи здоровье мое совершенно-было разстроилось, я безпрестанно хворала. Зато теперь поправляюсь и полнѣю; не бѣда, если талія у меня будетъ не очень тонка и стройна, лишь бы мнѣ избавиться отъ совѣтовъ Кульмана.

Погода стоитъ чудесная. Ты смѣло могла бы отложить поѣздку недѣли на двѣ и дождаться пріѣзда Шаховскихъ. Мы каждый день гуляемъ въ однѣхъ платьяхъ, и то намъ бываетъ жарко. Небо такое ясное, можно вообразить, что мы находимся въ Италіи.

Нашъ кружокъ все увеличивается. Я очень пріятно провожу время; недостаетъ только Вяземскаго. Онъ нынче долженъ пріѣхать. Давно не была я такъ счастлива, довольна и спокойна, какъ въ этомъ году. Еслибъ могла я навсегда остаться въ такомъ настроеніи! Больше ничего бы я не желала.

18-го октября.—Отъ души посмѣялась я, дружокъ, надъ вашими дорожными приключеніями. Впередъ ты будешь мнѣ вѣрить. Совершенно лишнее съ твоей стороны упрашивать меня такъ писать подробнѣе. Я и то, кажется, передаю тебѣ все до мелочей; подчасъ я думаю, что тебѣ навѣрное надоѣдаетъ мое раз-

глагольствованіе. О г-нѣ Са—нѣ, который живетъ отъ насъ направо (замѣть, не со стороны сердца), сказать нечего. Кажется, онъ обо мнѣ болѣе не думаетъ, а я о немъ тѣмъ менѣе,—такъ мы и останемся въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Недавно онъ оказалъ мнѣ маленькую услугу. Я была въ затрудненіи, не зная какимъ образомъ переслать письмо Мари Сумароковой: онъ взялся его доставить, и черезъ сутки посланіе попало въ руки моей пріятельницѣ. Онъ мастеръ на услуги такого рода, потому я не желаю съ нимъ ссориться. Очень можетъ быть, что тебѣ снова напишутъ отсюда, что я выхожу за него замужъ. Въ городѣ объ этомъ толкуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо; но вѣрь мнѣ, это сущія выдумки. Куда я ни явлюсь, вездѣ стараются вывѣдать у меня небывалую тайну; а когда мнѣ случается быть въ обществѣ съ нимъ вмѣстѣ, всѣ такъ и смотрятъ на насъ. Въ прошлую пятницу мы встрѣтились у Шаховскихъ на именинахъ моей учительницы вышиванія. У нихъ былъ званый ужинъ; я вернулась домой разсерженная; представь себѣ, на меня смотрѣли съ такимъ любопытствомъ, какъ будто я сію минуту должна выдти замужъ, тутъ же въ гостиной, и они боятся прозѣвать эту церемонію. Поэтому я холодно, даже рѣзко, обращалась съ г-мъ Са—мъ, лаконически отвѣчала на его вопросы. За этимъ ужиномъ видѣла я одного господина поинтереснѣе нашихъ увальней; попробую его очаровать; зовутъ его Signor Ratte, вѣрно ты слыхала эту фамилію въ Петербургѣ. Онъ хорошъ съ Віельгорскимъ. У него чудесный голосъ, поетъ неподражаемо, мнѣ кажется, что онъ успѣлъ меня плѣнить. Дѣло въ томъ, что я боюсь его до смерти: какая-то добрая душа разсказала ему, что я занимаюсь пѣніемъ. Онъ пожелалъ слышать, ка́къ я пою. Обратился къ хозяйкамъ съ просьбою упросить меня спѣть, и меня, какъ жертву, потащили къ роялю. Для меня одинъ итальянецъ страшнѣе цѣлой сотни слушателей какой-нибудь другой націи. У меня совсѣмъ закружилась голова. Я пѣла прегадко, не зная, что́ пою, ни въ какомъ тонѣ, сбиваясь на каждомъ шагу — словомъ дала невыгодное понятіе о своемъ талантѣ, но видъ у меня былъ такой несчастный и растерянный, что итальянецъ сжалился надо мной и старался ободрить меня комплиментами. Говорятъ, такого рода встрѣчи служатъ предвѣстниками страсти.

Ожидай же, что я влюблюсь и буду изливать свои чувства въ жалобныхъ романсахъ. Прежде всего желаю знать, одобряешь-ли ты мой выборъ? Буду сообразжаться съ твоей волей, а пока держу синьора въ почтительномъ отдаленіи. Его представили

мамà, которая всѣмъ его рекомендуетъ. Онъ довольно сносенъ, но далеко не стóитъ саратовскаго итальянца.

25-го октября.—Ты находишь дерзкимъ мое предположеніе, будто женитьба Щукина тебя порадуетъ. Сдѣлай милость, извини меня, дружокъ. Но вѣдь ты стоишь за супружество и желаешь, чтобъ всѣ женились; почему же не одобряешь ты поступка г-на Щукина, который вполнѣ цѣнитъ семейную жизнь и пребываетъ въ безбрачіи не болѣе шести мѣсяцевъ. Напрасно ты на него нападаешь, я беру его подъ свою защиту.

Въ отвѣтъ на похвалы, которыми мужъ твой осыпаетъ г-на Са—на, заявляю, что въ настоящую минуту я вовсе не расположена въ его пользу. Меня радуетъ, что въ настоящее время онъ повидимому вовсе мной не занятъ; я всячески стараюсь поддержать въ немъ столь благое настроеніе и обращаюсь съ нимъ очень небрежно. Вѣроятно, онъ догадывается о моемъ нерасположеніи къ его особѣ. Эта личность мнѣ крайне несимпатична, вѣроятно не даромъ чувствую я къ нему такую антипатію. Я по инстинкту всегда вѣрно характеризую личности, съ которыми сталкиваюсь въ жизни. Смѣйся надо мной, если тебѣ угодно, а я все-таки буду стоять на своемъ. Пожалуйста, прекратимъ разговоръ объ этомъ лицѣ.

Жду твоего разрѣшенія, чтобъ начать свой романъ съ итальянцемъ. Теперь покуда—онъ распѣваетъ, я слушаю его пѣніе, мы вмѣстѣ поемъ дуэты, и я становлюсь менѣе робка въ его присутствіи. Какъ видишь, дѣло подвигается; когда получу отъ тебя разрѣшеніе, то затѣю исторію, которая не уступитъ въ оригинальности самымъ сумасброднымъ романамъ г-жи Сталь.

1-го ноября.—Мнѣ говорили объ исторіяхъ, про которыя ты мнѣ разсказываешь въ послѣднемъ письмѣ. Одна изъ нихъ грустная, а другая возмутительная. Г-жа Бибикова узнала о своемъ несчастіи отъ сына своего Иліи. Онъ, какъ мнѣ говорили, не зачинщикъ и не жертва этой трагедіи. Это все-таки можетъ служить утѣшеніемъ для матери; послѣ смерти Павла она привязалась къ Ильѣ. Пятый сынъ ея, Александръ, плачевно окончилъ свою карьеру; ему было не болѣе 18-ти лѣтъ. Судьба его должна пугать матушекъ, которыхъ сыновья начинаютъ появляться въ свѣтѣ и готовятся вступить въ эту ненавистную военную службу. Военные по преимуществу одобряютъ дуэль; они и понятія не имѣютъ о настоящей чести. Сколько семействъ повергъ въ отчаяніе этотъ жалкій предразсудокъ! Не могу тебѣ выразить, до чего

мнѣ противна страсть къ дуэлямъ; это просто родъ безумства. Я не зла и тѣмъ болѣе не жестока, но признаюсь, желала бы, чтобъ устроили висѣлицу для дуэлистовъ и не щадили бы ни одного изъ этихъ господъ. Еслибъ одного или двухъ изъ нихъ повѣсили, повѣрь, что прекратилась бы эта несчастная манія. Конечно, начать слѣдовало бы съ людей зрѣлыхъ, которые подаютъ пагубный примѣръ юношамъ въ родѣ несчастнаго Бибикова и пріятеля его, который, по-моему, еще болѣе достоинъ сожалѣнія, потому что его всю жизнь будутъ преслѣдовать угрызенія совѣсти. Вотъ къ чему приводитъ неумѣстная отвага, которую, повидимому, цѣнятъ въ свѣтѣ! Что̀ касается г-жи Толстой, ея приключеніе просто возмутительно.

Къ счастію нашему, въ Москвѣ рѣдки такія необычайныя происшествія. У насъ живутъ мирно.

Послѣ-завтра насъ ожидаетъ нѣчто необыкновенное, но вовсе не похожее на ваши печальныя исторіи. Князь Юрій Долгорукій дожилъ до 75 лѣтъ и никогда не принималъ къ себѣ гостей, хотя два раза былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ; теперь вдругъ ему вздумалось дать bal paré, онъ разослалъ пригласительныя карточки всей нашей знати, предварительно сдѣлавъ всѣмъ визиты. Вчера мы получили приглашеніе, и мнѣ приходится хлопотать о нарядѣ. Здѣсь не водится приглашать письменно, какъ тебѣ извѣстно; лишь на придворные балы являются по билетамъ, а частныя лица рѣдко посылаютъ письменныя приглашенія. Вообще у насъ ихъ не долюбливаютъ, потому что приходится дѣлать лишнія издержки на туалетъ, а мы до пышности не охотники.

Только что похвасталась я здоровьемъ, да и прохворала цѣлую недѣлю послѣ обѣда у Вяземскихъ. У нихъ красивый домъ, но въ немъ жарко, какъ въ банѣ. Обѣдъ былъ очень веселый и пріятный, но, возвращаясь домой, я простудилась, такъ какъ погода была холодная. Князь Петръ тоже хвораетъ и не выходитъ изъ дому, вотъ почему я не успѣла еще передать ему твой привѣтъ. Нынче, быть можетъ, онъ явится послѣ обѣда, и я непремѣнно скажу ему, что еслибъ ты жила здѣсь, то навѣрное примкнула бы ко мнѣ, къ кн. Шаховской и другимъ особамъ, которыя его отбиваютъ другъ у друга. Это рѣдкій молодой человѣкъ; чѣмъ больше его узнаешь, тѣмъ болѣе къ нему привязываешься.

Сдѣлай милость, не позволяй мнѣ влюбляться въ Ратти. Разрѣшеніе твое поставило бы меня въ затруднительное положеніе, потому что я окончательно въ немъ разочаровалась, узнавъ, что

онъ выдаетъ за свое сочиненіе романсы, которые ему принадлежатъ столько же, какъ и мнѣ. Такое присвоеніе чужой собственности непростительно, и потому я отъ него отказываюсь; будь его голосъ въ тысячу разъ нѣжнѣе, глаза еще выразительнѣе и лицо гораздо смуглѣе, я все-таки бы отреклась отъ него. Хотя я привыкла часто видѣть эту любезную личность, но потеряла къ ней всякое уваженіе, теперь даже и страха не чувствую. Зато я день ото-дня болѣе пристращаюсь къ вышиванью синелью. Обѣщаю вышить тебѣ шкатулку къ имянинамъ.

8-го ноября. — Какъ нельзя болѣе кстати пришло твое запрещеніе, дружокъ. Я окончательно отказалась отъ синьора Ратти послѣ бала кн. Долгорукаго, на которомъ онъ прыгалъ какъ стрекоза. Вяземскій говоритъ, что онъ какъ будто бросаетъ впередъ ноги, а потомъ самъ ихъ догоняетъ. Я было-умерла со смѣху, услыхавъ эту остроту. Слѣдовательно, тебѣ бояться нечего, я не увлекусь этимъ «авантюристомъ», какъ ты его называешь; пожалуй, что онъ и на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ искатель приключеній. Но не воображай, чтобъ я вмѣсто иностранца избрала кого-либо изъ соотечественниковъ. До сихъ поръ я ни одного не удостоивала своимъ выборомъ.

Какъ ни ищу, а все не попадается человѣкъ, стоющій хотя одного подавленнаго вздоха. Оставь меня при моемъ спокойномъ равнодушіи. Чѣмъ больше живу я на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что самое лучшее—ни къ чему не пристращаться.

Въ тотъ самый день, какъ получила я письмо, въ которомъ ты называешь бѣдную г-жу Бартеневу сумасшедшей, мы встрѣтились съ ней на балѣ у Долгорукаго. Она шла ко мнѣ на встрѣчу съ распростертыми объятіями и тотчасъ же начала разспрашивать о тебѣ. Я сказала, что получила отъ тебя письмо часа два тому назадъ, и, вспомнивъ, какъ ты о ней отзываешься, я едва не посовѣтовала ей не выказывать къ тебѣ расположенія. На лицѣ моемъ она могла бы прочесть мои мысли, но, какъ говорятъ, она не отличается догадливостью, подчасъ даже не понимаетъ, когда ей объясняютъ что-либо весьма ясно и толково. Не замѣтивъ выраженія моего лица, она навѣрное осталась въ полной увѣренности, что ты ее нѣжно любишь. Она всѣмъ объявляетъ о своемъ намѣреніи поселиться въ Петербургѣ, съ чѣмъ тебя поздравляю.

Что касается до бала кн. Долгорукаго, онъ былъ великолѣпенъ. Старичокъ въ восторгѣ, что праздникъ его удался, и намѣренъ дать еще балъ 4-го декабря. Видишь ли, какъ люди мѣ-

няются; старому князю до 75-ти лѣтъ въ голову не приходило самому повеселиться или другихъ позабавить, вдругъ вздумалось ему развернуться въ такіе годы, когда обыкновенно людямъ уже все надоѣдаетъ. Конечно, это странность, но бываютъ случаи еще болѣе оригинальные.

15-го ноября.—Исторія князя Сергѣя Голицына надѣлала здѣсь много шуму. О ней толковали цѣлыхъ три дня. Гадкая исторія, нечего сказать. Признайся, что въ теченіе двухъ лѣтъ петербургская хроника изобилуетъ скандалами. Еслибъ у насъ случились такія происшествія, непремѣнно сказали бы по обыкновенію: «такія вещи только въ Москвѣ и могутъ происходить». А теперь мы повторяемъ при всякой новой выходкѣ: «это только въ Петербургѣ и бываетъ».

Кажется, могъ бы князь Сергѣй пораньше исполнить мои порученія. Если не удержитъ его братъ Θедоръ, я увѣрена, что онъ начнетъ рыскать по большимъ дорогамъ. Это давнишняя его мечта, по поводу ея мы не разъ спорили. Теперь въ особенности, вслѣдствіе постигшей его неудачи, онъ способенъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту, если не найдется человѣкъ, который бы могъ убѣдить его, что непростительно въ 33 года таскаться съ мѣста на мѣсто отъ праздности.

У насъ ничего нѣтъ новаго. Въ сравненіи съ вами мы ведемъ очень однообразную жизнь. Свадьбы у насъ происходятъ безъ шуму, женятся только на тѣхъ, кого вправѣ любить; семейныя несогласія если и случаются, такъ сору не выносятъ изъ дому, а о такихъ ссорахъ, въ которыхъ дѣти бьютъ матерей, и помину нѣтъ. Словомъ, мы глупы, отсталы, что слѣдуетъ намъ извинить, потому что мы насчитываемъ нѣсколько столѣтій своего бытія.

Обнимаю тебя и прошу не забывать меня, дурочку, докучливую, ничего несмыслящую въ свѣтскихъ приличіяхъ. Чего же и ожидать отъ московской жительницы!

27-го декабря.—Ты дивишься моей молчаливости, дружокъ. Пожалуйста, не бери примѣра съ сестры: она такъ деспотична, что я не смѣю пропустить ни одной почты и принуждена писать ей въ постели во время головной боли, иначе она осыпаетъ меня упреками, приписывая молчаніе небрежности или вышивкѣ синелью, то-есть княжнѣ Шаховской.

Мы постоянно разъѣзжаемъ. Завтра большой обѣдъ у Вяземскихъ. Вѣра выздоровѣла. Въ среду князь Андрей Гагаринъ

даетъ обѣдъ; его жена тоже недавно оправилась послѣ родовъ. Намъ предстоитъ безчисленное множество баловъ послѣ новаго года. Вдова Авраама ожила. Ея выздоровленіе дѣлаетъ честь искусству Скюдери.

Помнишь ли ты кн. Мещерскаго, который привязался къ тебѣ у насъ прошлой осенью? Онъ совершенно съ ума сошелъ. Всего удивительнѣе, что помѣшался онъ на религіи, между тѣмъ какъ, будучи въ здравомъ умѣ, онъ былъ атеистомъ въ душѣ. Теперь онъ все говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, всюду его видитъ, иногда себя считаетъ Спасителемъ. Странный случай. Такъ какъ нѣтъ надежды на излеченіе, здѣшніе медики отправляютъ его къ петербургскимъ, а потомъ совѣтуютъ отвезти его въ Лондонъ. Я рада, что онъ уѣдетъ изъ Москвы; ужасно боюсь сумасшедшихъ. Этотъ еще не хочетъ сидѣть дома, того и смотри явится къ намъ (прежде онъ бывалъ у насъ каждый день) и до смерти насъ перепугаетъ.

Какъ бы князь Гагаринъ не спятилъ съ ума. Ты себѣ представить не можешь, что̀ съ нимъ сталось. Онъ съ ума сходитъ отъ женщинъ; понравиться ему просто бѣда. Онъ рожденъ быть султаномъ и держать взаперти сотни четыре красавицъ, на которыхъ никто бы не смѣлъ взглянуть. Онъ всѣхъ насъ ревнуетъ, какъ будто мы составляемъ его сераль. Такъ какъ мы не признаемъ его власти и не считаемъ его потомкомъ Магомета, онъ изъ себя выходитъ, лишь только мы заговоримъ съ другими мужчинами. На свою жену онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; кажется, изъ всего прекраснаго пола только она одна ему не нравится. Какъ сестра ни старается его вразумить, усилія ея пропадаютъ даромъ. Онъ знать ничего не хочетъ.

Какова наша зима? Совсѣмъ нѣтъ морозу, а снѣгу бездна; какъ бы насъ не занесло. Прощай, мой другъ.

М. Свистунова.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

I.

Больной лежалъ въ постели,
Въ окно смотрѣла мать.
— Процессія ужъ близко —
Сынокъ, тебѣ бы встать!

«Я радъ бы встать, родная,
Но силы нѣтъ дохнуть;
По Гретхенъ я тоскую
И тяжко ноетъ грудь».

—Пойдемъ-ка помолиться
Мы Дѣвѣ Пресвятой;
Одна Она скорбящихъ
И радость, и покой.

Вотъ двинулись хоругви
И, пѣньемъ оглашенъ,
Покрылся берегъ Рейна
Толпой со всѣхъ сторонъ.

Ведетъ старушка сына
(Онъ самъ не могъ идти),
Поютъ они за хоромъ:
«Благословенна Ты!»

II.

Иконѣ чудотворной
Почётъ вездѣ большой:
Увѣчные, больные
Идутъ за ней волной,

Кто ногу восковую,
Кто руку Ей несетъ;
Чудесныхъ исцѣленій
Никто не перечтетъ.

Сердечко восковое
Мать сыну подала:
—Снеси его Пречистой,
Чтобъ скорбь твоя прошла.

Онъ взялъ, и со слезами
Передъ иконой палъ,
И исповѣдь простую
Съ молитвой прошепталъ:

«Заступница Благая,
Владычица небесъ,
Покровъ и упованье
Печальныхъ, Ты, сердецъ!

«Жилъ съ матерью родною
Я въ городѣ большомъ,
Гдѣ много пышныхъ храмовъ
Съ Господнимъ алтаремъ.

«Была неподалеку
Невѣста у меня...
Но смерть насъ разлучила—
Съ тѣхъ поръ томлюся я!

«Прими Ты даръ мой скудный
И сжалься надо мной!
Марія Богоматерь,
Утѣшь и упокой!

«Тебѣ я обѣщаюсь
Отъ сердца полноты
Пѣть день и ночь усердно:
Благословенна Ты!»

III.

Въ ту ночь къ одру больного,
Предъ утренней зарей,
Явилась Матерь Божья
Неслышною стопой;

Съ заботливой любовью
Взглянула на него,
И тихо осѣнила
Рукою грудь его.

Послышавъ вдругъ спросонья
Какъ будто вой иль стонъ,
Старушка кличетъ сына—
Не отвѣчаетъ онъ!

А. Б.

ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ

РОМАНЪ.

Соч. Эмиля Золя.

Новый романъ Золя составитъ пятую часть въ томъ рядѣ романовъ, которые авторъ соединилъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire». Оригиналъ этой пятой части явится въ Парижѣ, въ половинѣ февраля; мы воспользовались для перевода доставленнымъ намъ впередъ отъ автора текстомъ. Заглавіе новаго романа само указываетъ, на чемъ долженъ быть сосредоточенъ его интересъ. Мы видимъ на сценѣ современной исторіи громадную армію ультрамонтановъ и клерикаловъ, то въ ихъ колоссальной борьбѣ съ свѣтскою властью въ Германіи, то въ рядѣ интригъ, которыми они опутываютъ Францію, заливаютъ кровью Испанію, подкапываются вездѣ, гдѣ могутъ; но мы мало знаемъ, какъ выработывается эта армія; какъ она приготовляетъ себѣ адептовъ, будущихъ вождей и послушныя имъ орудія; какъ она пользуется при этомъ въ особенности безбрачіемъ свѣтскаго духовенства, и какъ это безбрачіе вліяетъ на моральный бытъ отдѣльнаго человѣка: разъясненію именно этой послѣдней тэмы и посвященъ спеціально новый романъ Золя. Связь его съ предыдущими романами, содержаніе которыхъ извѣстно читателямъ по краткому ихъ анализу, приведенному въ нашемъ жур-

налѣ (1872: іюль и августъ; 1873: іюль; 1874, октябрь: «Вторая имперія въ романѣ Э. Золя»), состоитъ только въ томъ, что нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ первыхъ четырехъ томовъ появляются вновь на сценѣ; самъ герой новаго романа происходитъ по матери изъ фамиліи Ругоновъ; аббатъ Мурэ—тотъ самый Сержъ, поразившій своею черною рясою мать, несчастную Марту, въ минуту ея предсмертной агоніи, — внукъ старухи Фелиситэ Ругонъ, царившей одно время въ Плассанѣ, и братъ Дезирэ, полуидіотки; въ предыдущемъ романѣ «Завоеваніе Плассана» мы видѣли ихъ дѣтьми; теперь поколѣніе дѣтей выступило уже на сцену общественной дѣятельности. Дѣйствіе новаго романа начинается среди забытой міромъ деревеньки, при церкви которой Сержъ получилъ мѣсто кюрэ. Все его общество состоитъ изъ сестры и служанки Тёзы, которая въ то же время составляетъ и весь его церковный причтъ.

Не менѣе любопытна въ романѣ и та его сторона, которая знакомитъ насъ въ живыхъ образахъ съ обстановкою жизни низшаго сельскаго духовенства во Франціи, находящагося въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народными массами; религіозный бытъ этихъ массъ представляетъ собою состояніе, близкое къ язычеству: изувѣріе смѣняется только полнымъ безвѣріемъ. Соотвѣтственно тому, и нравственный бытъ не имѣетъ ничего общаго съ идилліей: деморализація и отсутствіе всякихъ нравовъ—вотъ преобладающая черта.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Тёза, войдя, приставила къ алтарю половую щетку и метелку. Она запоздала, потому что ее задержала стирка. Шагая черезъ всю церковь, чтобы прозвонить *Angelus*, она второпяхъ прихрамывала сильнѣе обыкновеннаго и опрокидывала скамьи. Истрепанная веревка, съ большимъ узломъ на концѣ, засаленнымъ отъ прикосновенія рукъ, спускалась съ потолка возлѣ исповѣдальни. Тёза повисла на ней всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ и начала раскачиваться, путаясь въ юбкахъ; чепецъ ея съѣхалъ на сторону, а широкое лицо наливалось кровью.

Поправивъ чепецъ рукой и вся запыхавшись, Тёза поспѣшила подмести передъ алтаремъ. Пыль ежедневно и упорно забивалась тамъ между плохо-сколоченными досками амвона. Щетка какъ будто съ раздраженной воркотней шарила по угламъ. Послѣ этого Тёза приподняла покрывало съ престола и даже разсердилась, замѣтивъ, что въ верхней напрестольной пеленѣ, уже заштопанной въ двадцати мѣстахъ, появился новый изъянъ на самой срединѣ; въ отверзстіе просвѣчивала нижняя пелена, свернутая вдвое и такая старенькая, такая рѣденькая, что сквозь нее виднѣлся освященный камень, вдѣланный въ престолъ изъ раскрашеннаго дерева. Она обмела пыль съ этихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, пеленъ, затѣмъ провела метелкой по ступени, ведущей къ алтарю. Послѣ того взлѣзла на стулъ, сняла съ креста и съ двухъ подсвѣчниковъ чехлы изъ желтой бумажной матеріи. Мѣдь была покрыта тусклыми пятнами.

— Да, да!—пробормотала Тёза вполголоса,—давно пора ихъ вычистить! Я ихъ отполирую трепеломъ.

Потомъ, ковыляя, она пробѣжала въ ризницу за требникомъ, и положила его на аналой, возлѣ евангелія, не раскрывая его. Потомъ зажгла двѣ восковыхъ свѣчи, и захвативъ щетку, оглядѣлась кругомъ себя, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ. Въ церкви царствовала полнѣйшая тишина; только веревка, возлѣ исповѣдальни, все еще медленно и упруго раскачивалась.

Аббатъ Мурэ только-что сошелъ въ ризницу, маленькую, холодную комнатку, отдѣленную отъ столовой корридоромъ.

— Добраго утра, г-нъ кюрэ! — сказала Тёза, прибирая къ мѣсту щетку.—Ага! вы полѣнились сегодня утромъ! Знаете ли, что уже четверть седьмого.

И не давая времени молодому, улыбавшемуся патеру, раскрыть рта:

— Я должна пожурить васъ, — продолжала она: — пелена опять прорвана. Ну, на что это похоже. У насъ есть всего одна для смѣны, и вотъ уже три дня, какъ я порчу себѣ глаза, штопая ее... Если вы не угомонитесь, то оставите бѣднаго Іисуса совсѣмъ нагимъ.

Аббатъ Мурэ продолжалъ улыбаться. Онъ сказалъ весело:

— Іисусу не нужно много бѣлья, моя добрая Тёза. Ему всегда тепло, Онъ всегда доволенъ тѣми, кто Его очень любитъ.

Затѣмъ, направляясь къ небольшому фонтану, онъ спросилъ:

— Что, сестра встала? Я ее еще не видѣлъ.

— M-lle Дезирэ давно уже сошла внизъ, — отвѣчала служанка, стоя на колѣняхъ передъ старымъ кухоннымъ буфетомъ, въ которомъ хранились церковныя ризы. — Она уже возится съ своими курами и кроликами... Она ждала вчера цыплятъ, а они не вылупились. Вы можете вообразить въ какомъ она волненіи!

И послѣ другимъ голосомъ, прибавила:

— Золотую ризу, неправда-ли?

Патеръ, который вымылъ руки и набожно шепталъ молитву, сдѣлалъ головой утвердительный знакъ. Въ этомъ приходѣ было всего три ризы: лиловая, черная и золотая. Эта послѣдняя служила на тѣ дни, когда предписывались собственно бѣлый, красный, или зеленый цвѣта, а потому ею очень дорожили. Тёза благоговѣйно сняла ее съ полки, выложенной синей бумагой, куда она складывала ее послѣ каждой службы. Она положила ее на буфетъ, осторожно снимая тонкое полотно, прикрывавшее вышивки. На ризѣ изображенъ былъ золотой агнецъ, спящій на золотомъ крестѣ, окруженный широкимъ золотымъ сіяніемъ. Ткань, истертая на складкахъ, осыпалась, образуя бахромки; выпуклыя украшенія стирались и тускнѣли. Весь домъ глухо тревожился объ этой ризѣ, страдалъ и ужасался, видя, какъ она мало-по-малу изнашивается. Патеру приходилось надѣвать ее почти каждый день. А чѣмъ замѣнить ее? откуда взять три ризы, которыя она замѣняла, когда истреплются послѣднія золотыя нити!

Тёза разложила поверхъ ризы: эпитрахиль, орарь, шнурокъ, служившій поясомъ, стихарь и нарамникъ. Она не переставала однако болтать, располагая орарь крестомъ на эпитрахили, и выкладывая шнурокъ такъ, чтобы имъ изобразить святое имя Маріи.

— Онъ очень плохъ, этотъ шнурокъ! — бормотала она. — Вамъ надо рѣшиться купить новый, г-нъ кюрэ... Штука не

трудная, я бы сама свила вамъ шнурокъ, еслибы у меня была кудель.

Аббатъ Мурэ не отвѣчалъ. Онъ приготовлялъ чашу на маленькомъ столикѣ—большую старую серебряную, вызолоченную чашу, на бронзовой подставкѣ, которую вынулъ изъ бѣлаго, деревяннаго шкапа, гдѣ хранились священные сосуды и покровы, мѵро, требники, подсвѣчники, кресты. Онъ накрылъ чашу чистымъ платомъ, поставилъ сверхъ него серебряный, вызолоченный дискосъ, на которомъ лежало причастіе, и покрылъ его небольшими льняными воздухами. Въ то время, какъ онъ прикрывалъ чашу, защипывая складки въ платѣ изъ золотой матеріи, подъ стать къ ризѣ, Тёза вскричала:

— Постойте, вѣдь въ футлярѣ нѣтъ антиминса!.. Я забрала вчера вечеромъ всѣ платы, воздухи и антиминсы, чтобы ихъ вымыть, само собой разумѣется, особо отъ остального бѣлья... Я вамъ не говорила, г-нъ кюрэ: вѣдь я начала стирку бѣлья. Оно на этотъ разъ очень грязно! Грязнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ.

И между тѣмъ, какъ патеръ клалъ антиминсъ въ футляръ и ставилъ на воздухи футляръ, украшенный золотымъ крестомъ, на золотомъ фонѣ, она живо продолжала:

— Кстати, чуть было не забыла! вѣдь негодяй Венсанъ не пришелъ; хотите, я помогу вамъ служить мессу, г-нъ кюрэ?

Молодой патеръ строго взглянулъ на нее.

— Да, вѣдь, тутъ нѣтъ грѣха,—продолжала она съ доброй улыбкой.

— Я разъ служила мессу, во времена г-на Каффена. Я, право, лучше служу ее, чѣмъ шалуны, которые хохочутъ, точно язычники, если только муха пролетитъ по церкви... Повѣрьте, хотя я и ношу чепецъ, и насчитываю шестой десятокъ, да и толста какъ башня, а все же больше почитаю Бога, чѣмъ эти негодяи-ребятишки; еще намедни я застала ихъ играющими въ чехарду, позади престола.

Патеръ продолжалъ глядѣть на нее, отрицательно качая головой.

— Эта деревушка настоящая трущоба!—ворчала она.—Въ ней не насчитаешь и ста-пятидесяти душъ... Бываютъ дни, какъ, напримѣръ, сегодня, когда вы не встрѣтите живой души въ Арто́. Грудныхъ младенцевъ, и тѣхъ уносятъ въ виноградники! И что́ они дѣлаютъ въ виноградникахъ, желала бы я знать! Виноградники эти ростутъ изъ-подъ каменьевъ, сухіе какъ репейники! И жить-то тутъ впору однимъ волкамъ!.. Если только ангелъ не сойдетъ съ небеси служить вашу обѣдню, г-нъ кюрэ, то вамъ

не къ кому обратиться, кромѣ меня, честное слово! или развѣ къ одному изъ кроликовъ m-lle Дезирэ, не въ обиду вашей чести будь сказано!

Но въ эту самую минуту Венсанъ, младшій изъ братьевъ Бришé, тихонько толкнулъ дверь ризницы. Его рыжіе и всклоченные волосы, маленькіе, сверкающіе, сѣренькіе глазки разсердили Тёзу.

— Ахъ, разбойникъ!—вскричала она,—бьюсь объ закладъ, что онъ только-что выкинулъ какую-нибудь штуку!.. Ступай сюда, негодный: г-нъ кюрэ, какъ видно, боится, что я оскверню Господа Бога!

Увидя ребенка, аббатъ Мурэ взялъ нарамникъ. Онъ поцѣловалъ вышитый посрединѣ крестъ и подержалъ нарамникъ съ минуту на своей головѣ; затѣмъ, опустивъ его на воротникъ рясы, онъ скрестилъ и завязалъ шнурки, правый поверхъ лѣваго. Затѣмъ надѣлъ стихарь, символъ непорочности, продѣвъ сначала правую руку. Венсанъ, присѣвшій на корточки, вертѣлся вокругъ него, поправляя стихарь, заботясь, чтобы онъ висѣлъ ровно со всѣхъ сторонъ, на два пальца отъ земли. Послѣ того онъ поднесъ шнурокъ патеру, который туго стянулъ его на бедрахъ, въ память тѣхъ узъ, какія были наложены на Спасителя во время его страстей.

Тёза стояла оскорбленная, завидующая, стараясь изъ всей силы молчать; но языкъ такъ чесался у нея, что она вскорѣ заговорила:

— Братъ Арканжіа приходилъ... У него сегодня въ школѣ не будетъ ни души. Онъ какъ буря помчался, чтобы надрать уши ребятишкамъ въ виноградникахъ... Вамъ слѣдуетъ повидаться съ нимъ. Ему нужно вамъ, кажется, что-то передать.

Аббатъ Мурэ сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она молчала. Онъ больше не разжималъ губъ. Прочтя обычныя молитвы, онъ взялъ орарь, который поцѣловалъ, прежде чѣмъ надѣть на лѣвую руку, повыше локтя; это былъ символъ, означающій совершеніе добрыхъ дѣлъ; послѣ того онъ скрестилъ на груди, также поцѣловавъ предварительно, эпитрахиль, символъ его достоинства и власти. Тёзѣ пришлось помогать Венсану укрѣпить рясу; она подвязала ее съ помощью тонкихъ шнурочковъ, чтобы ряса не слетѣла назадъ.

— Пресвятая Дѣва, я забыла сосуды!—прошептала она, бросаясь къ шкапу.—Сюда, скорѣе, пострѣленокъ!

Венсанъ наполнялъ сосуды, стклянки изъ грубаго стекла, между тѣмъ какъ она торопилась вынуть изъ ящика чистый по-

кровъ. Аббатъ Мурэ, держа чашу въ лѣвой рукѣ, а пальцами правой придерживая футляръ, сдѣлалъ низкій поклонъ, не снимая своей скуфьи, передъ распятіемъ изъ чернаго дерева, висѣвшимъ надъ буфетомъ. Ребенокъ тоже сдѣлалъ поклонъ; затѣмъ прошелъ впередъ, держа сосуды, прикрытыя покровомъ, и вышелъ изъ ризницы, въ сопровожденіи патера, который шелъ съ опущенными глазами, въ глубокомъ благоговѣніи.

II.

Въ это майское утро, пустая церковь представлялась совсѣмъ бѣлой. Веревка, возлѣ исповѣдальни, по прежнему висѣла неподвижно. Лампада изъ цвѣтного стекла горѣла краснымъ пятномъ, у стѣны, направо отъ дарохранительницы. Венсанъ, поставивъ сосуды на жертвенникъ, отошелъ налѣво и сталъ на колѣни на ступенькѣ, между тѣмъ какъ патеръ, преклонивъ колѣно передъ св. дарами, всходилъ по амвону къ престолу, разостлалъ антиминсъ, и посреди поставилъ чашу. Потомъ, раскрывъ требникъ, сошелъ съ амвона. Онъ снова преклонилъ колѣно, громко перекрестился и, сложивъ руки на груди, приступилъ къ совершенію великой божественной службы, съ лицомъ, поблѣднѣвшимъ подъ наплывомъ чувствъ вѣры и любви.

— *Introibo ad altare Dei.*

— *Ad Deum qui laetificat juventutem meam,*—пролепеталъ Венсанъ, проглотившій отвѣты на антифоны и псаломъ, и слѣдившій, сидя на корточкахъ, за Тёзой, которая бродила по церкви.

Старая служанка тревожно поглядывала на одну изъ восковыхъ свѣчей. Тревога ея все усиливалась въ то время, какъ патеръ, низко наклонясь и снова сложивъ руки, произносилъ *Confiteor.* Она остановилась, ударила себя въ грудь, наклонивъ голову, но не переставая наблюдать за свѣчой. Торжественный голосъ патера и лепетъ ребенка смѣнялись неоднократно.

— *Dominus vobiscum!*

— *Et cum spiritu tuo!*

И патеръ, сначала разставивъ руки, потомъ соединивъ ихъ, произнесъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ:

— *Oremus...*

Тутъ Тёза не вытерпѣла. Она зашла за престолъ, достала свѣчу и обрѣзала ее ножницами. Свѣча текла; два большихъ кружка воску уже успѣли наплыть. Когда она вернулась на свое мѣсто, разставивъ скамейки и убѣдившись, что кропильницы полны

водой,—патеръ подошелъ къ престолу и, положивъ руки на пелену, молился шепотомъ. Онъ поцѣловалъ престолъ.

Позади него, маленькая церковь оставалась озаренною блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ. Солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ. *Kyrie, eleison!* пробѣжалъ точно трепетъ, въ этой бѣдной церкви, напоминавшей хлѣвъ, съ оштукатуренными стѣнами, съ плоскимъ потолкомъ, на которомъ виднѣлись выбѣленныя балки. Съ каждой стороны три высокихъ окна съ бѣлыми стеклами, по большей части разбитыми, пропускали бѣлесоватый свѣтъ. Солнечный лучъ свободно проникалъ черезъ нихъ, выставляя на показъ нищету дома Божія въ этой забытой деревушкѣ. Въ глубинѣ, надъ большой дверью, которую никогда не отворяли и порогъ которой заросъ травой, возвышалась досчатая эстрада, куда всходили по крутой лѣсенкѣ; она шла отъ одной стѣны къ другой, и по праздникамъ трещала подъ деревянными башмаками. Возлѣ лѣсенки помѣщалась исповѣдальня, съ разсохшимися филенками, выкрашенная въ лимонный цвѣтъ. Напротивъ, возлѣ маленькой двери, стояла купель, старинная кропильница, поставленная на гипсовую подставку. Затѣмъ, справа и слѣва возвышались два небольшихъ престола, окруженные деревянною баллюстрадою. Лѣвый былъ освященъ во имя Св. Дѣвы, и на немъ стояла статуя Богородицы изъ золоченаго гипса, съ золотой короной на каштановыхъ волосахъ. Мадонна держала на лѣвой рукѣ Іисуса, нагого и улыбающагося, въ маленькой Его ручкѣ звѣздный шаръ, изображавшій вселенную; Мадонна неслась среди облаковъ, и подъ ея ногами виднѣлись головки херувимовъ. Надъ правымъ престоломъ, на которомъ служились панихиды, возвышалось Распятіе изъ раскрашеннаго картона, въ *pendant* къ Мадоннѣ. Христосъ, величиною съ десятилѣтняго ребенка, былъ аляповато изображенъ въ страшной агоніи, съ закинутой назадъ головою, выдавшимися ребрами, впавшимъ животомъ, со сведенными членами, забрызганными кровью. Въ церкви находилась еще каѳедра—четырехугольный ящикъ, куда взбирались по лѣсенкѣ въ пять ступенекъ; она была поставлена напротивъ стѣнныхъ часовъ съ гирями, въ орѣховомъ ящикѣ; отъ глухихъ ударовъ маятника содрогалась вся церковь, точно гдѣ-то подъ каменными плитами у нея билось громадное сердце. Вдоль всей средней части церкви по стѣнамъ выдѣлялись желтыми, синими и красными пятнами на оштукатуренной стѣнѣ четырнадцать картинъ, изображавшихъ остановки, stations, Христа во время шествія на Голгоѳу, — четырнадцать грубо раскрашенныхъ образовъ, отдѣланныхъ въ черныя рамки.

— *Deo gratias*, — пробормоталъ Венсанъ, по прочтеніи апостола.

Готовилась тайна любви, закланіе святой жертвы. Причетникъ взялъ требникъ, снесъ его налѣво и положилъ подлѣ евангелія, стараясь не притрогиваться къ страницамъ книги. Каждый разъ, проходя мимо дарохранительницы, онъ преклонялъ колѣно на ходу. Затѣмъ, вернувшись направо, сталъ со скрещенными руками, прислушиваясь къ чтенію евангелія. Патеръ, осѣнивъ крестомъ требникъ, самъ перекрестился; особо перекрестилъ лобъ, въ знакъ того, что никогда не будетъ стыдиться священнаго слова; ротъ, чтобы показать, что онъ всегда готовъ исповѣдывать свою вѣру; сердце, — что оно всецѣло принадлежитъ Богу.

— *Dominus vobiscum*, — сказалъ онъ, поворачиваясь и устремляя неопредѣленный взглядъ въ бѣлесоватое, пустое пространство.

— *Et cum spiritu tuo*, — отвѣчалъ Венсанъ, снова ставшій на колѣни. Послѣ проскомидіи, патеръ открылъ чашу. Онъ продержалъ ее съ минуту; на одномъ уровнѣ съ грудью на дискосѣ лежало причастіе, которое онъ вознесъ къ Богу за себя, за присутствующихъ и за всѣхъ вѣрныхъ, живущихъ и умершихъ. Затѣмъ, спустивъ причастіе на край антиминса, не дотрогиваясь до него пальцами, онъ взялъ чашу и старательно вытеръ ее платомъ. Венсанъ снялъ съ жертвенника сосуды, и поднесъ ихъ ему одинъ за другимъ, сначала сосудъ съ виномъ, затѣмъ сосудъ съ водой. Тогда патеръ поднялъ, за весь міръ, чашу, до половины наполненную, потомъ поставилъ ее на средину антиминса, и прикрылъ воздухами. Затѣмъ, помолившись еще, полилъ тонкой струей воды кончики большого и указательнаго пальцевъ каждой руки, чтобы очиститься отъ малѣйшихъ пятенъ грѣха. Когда онъ вытеръ пальцы, Тёза, дожидавшаяся его, вылила воду изъ сосудовъ въ ведро изъ цинка, стоявшее подлѣ престола.

— *Orate, fratres*, — произнесъ патеръ громкимъ голосомъ, обращаясь къ пустымъ скамьямъ, вытянувъ руки и снова сжавъ ихъ, съ призывомъ къ вѣрующимъ.

И повернувшись къ престолу, онъ продолжалъ службу, понизивъ голосъ. Венсанъ пробормоталъ опять длинную латинскую фразу, и тутъ же запутался. Въ эту минуту золотые лучи ворвались въ окна. Солнце, какъ бы отвѣчая на призывъ патера, явилось къ обѣднѣ. Оно озарило широкими золотистыми полосами лѣвую стѣну, исповѣдальню, престолъ Богоматери, большіе стѣнные часы. Въ исповѣдальнѣ что-то треснуло; статуя Ма-

донны, въ сіяніи, въ ослѣпительномъ вѣнцѣ и мантіи, какъ будто нѣжно улыбнулась своими раскрашенными губами; пригрѣтые часы заходили быстрѣе. Казалось, что солнце населяетъ скамьи пылинками, кружившимися въ его золотыхъ лучахъ. Маленькая церковь, этотъ оштукатуренный хлѣвъ, какъ будто наполнилась теплой толпой. Со двора доносилось счастливое пробужденіе полей; травы радостно вздыхали, листья выпрямлялись на солнышкѣ, птицы приглаживали свои перышки, расправляя крылья. И въ довершеніе, сельская жизнь вмѣстѣ съ солнцемъ вошла въ церковь: у одного изъ оконъ росла здоровая рябина, просовывая свои вѣтви черезъ разбитыя стекла, какъ-бы желая заглянуть въ церковь; въ скважины большихъ дверей виднѣлись травы, росшія на порогѣ и угрожавшія пробраться и во внутрь церкви. Среди этого наплыва жизни, одинъ Христосъ, остававшійся въ тѣни, говорилъ о смерти, о страданіяхъ своей плоти, безобразно вымазанной охрой, и красной краской. Воробей усѣлся у разбитаго окна; онъ заглянулъ въ церковь и улетѣлъ; но почти тотчасъ же появился снова, неслышно влетѣлъ въ церковь и опустился на скамью передъ алтаремъ Богородицы. За нимъ послѣдовалъ второй воробей. Вскорѣ со всѣхъ вѣтвей рябины спустились воробьи и спокойно стали прогуливаться въ припрыжку по плитамъ.

— *Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus, Deus, Sabaoth,*— произнесъ патеръ вполголоса, слегка наклонивъ плечи.

Венсанъ трижды прозвонилъ въ колокольчикъ. Но воробьи, испуганные этимъ внезапнымъ звономъ, улетѣли съ такимъ шумомъ, что Тёза, только-что ушедшая въ ризницу, вернулась, ворча:

— Негодяи! Они все перепачкаютъ... Бьюсь объ закладъ, что m-lle Дезирэ опять набросала крошекъ хлѣба.

Торжественная минута приближалась. Тѣло и кровь Бога должны были сойти на престолъ. Патеръ цѣловалъ пелену, сжималъ руки, безпрестанно крестилъ причастіе и чашу. Онъ читалъ теперь молитвы со смиреніемъ и благодарностью въ голосѣ. Его движенія, жесты, измѣненія голоса говорили о томъ, какимъ онъ чувствуетъ себя ничтожнымъ, какое волненіе испытываетъ оттого, что выбранъ для совершенія такого великаго дѣла. Венсанъ опустился на колѣни, позади него; онъ взялъ рясу въ лѣвую руку, слегка поддерживая ее и приготовляя колокольчикъ. А патеръ, опираясь локтями на край престола, и держа дары между большимъ и указательнымъ пальцемъ каждой руки, произнесъ надъ ними освященныя слова: *Hoc est enim corpus meum.* Затѣмъ, преклонивъ колѣни, медленно поднялъ ихъ такъ высоко, какъ только могъ,

не спуская съ нихъ глазъ, между тѣмъ какъ причетникъ трижды прозвонилъ, растянувшись на полу. Затѣмъ освятилъ вино: *Hic est enim calix*, опершись локтями на престолъ, кланяясь, приподнимая чашу, не спуская съ нея глазъ, и правою рукою сжимая сосудъ, а лѣвою поддерживая ножку. Причетникъ прозвонилъ три раза въ послѣдній разъ. Опять повторилось великое таинство искупленія; вновь пролилась божественная кровь.

— Постойте, постойте, — ворчала Тёза, стараясь испугать воробьевъ и грозя имъ кулакомъ.

Но воробьи больше не боялись. Они нахально вернулись во время самаго звона, и перепархивали со скамьи на скамью. Повторявшійся звонъ колокольчика радовалъ ихъ. Они отвѣчали на него слабыми криками, которые прерывали латинскія слова, точно ребяческій смѣхъ. Солнце грѣло имъ перышки, кроткая бѣдность церкви ихъ восхищала. Они были тутъ, какъ у себя дома, точно въ овинѣ, въ которомъ бы открыли слуховое окно, и гдѣ бы они чирикали, дрались и спорили изъ-за зеренъ, разсыпанныхъ по землѣ. Одинъ изъ нихъ усѣлся на золотомъ покрывалѣ улыбавшейся Мадонны; другой подлетѣлъ къ Тёзѣ и принялся обнюхивать ея юбки; эта дерзость вывела ее окончательно изъ себя. Передъ престоломъ, одинъ патеръ, сокрушенный, уставивъ глаза на дары и соединивъ большой и указательный палецъ, не слыхалъ этого вторженія въ церковь теплаго майскаго утра, этого наплыва солнца, зелени, птицъ, доходившаго до самой Голгоѳы, гдѣ билась въ предсмертныхъ судорогахъ осужденная природа.

— *Per omnia saecula saeculorum*,— возгласилъ онъ.

— *Amen*,— отвѣчалъ Венсанъ.

Прочитавъ *Pater* и поднявъ причастіе надъ чашей, аббатъ преломилъ его. Затѣмъ отдѣлилъ отъ одной изъ половинокъ частицу и опустилъ ее въ драгоцѣнную кровь, чтобы обозначить тѣсный союзъ, который онъ собирался заключить съ Богомъ черезъ причащеніе. Онъ прочиталъ вслухъ *Agnus Dei*, прочиталъ про себя положенныя молитвы, покаялся въ грѣхахъ и, опершись локтями на престолъ, съ дискосомъ подъ подбородкомъ, причастился отъ обѣихъ половинокъ причастія. Потомъ, сложивъ руки на одномъ уровнѣ съ лицомъ, въ благоговѣйномъ размышленіи онъ собралъ на антиминсѣ, съ помощью дискоса, священныя частички, отдѣленныя отъ причастія и положилъ ихъ въ чашу. Одна крошка пристала къ его большому пальцу и онъ снялъ ее указательнымъ. Перекрестивъ себя чашею, онъ снова поднесъ къ подбородку дискосъ и выпилъ всю до послѣдней капли драгоцѣнную кровь въ три пріема, не отнимая губъ отъ края чаши.

Венсанъ всталъ, чтобы идти и взять сосуды съ жертвенника. Но дверь въ корридоръ, который велъ въ квартиру патера, раскрылась настежъ и пропустила красивую дѣвушку, лѣтъ двадцати-двухъ, съ ребяческимъ выраженіемъ въ лицѣ; она несла что-то въ передникѣ.

— Ихъ всѣхъ тринадцать!—закричала она:—всѣ яйца были хороши.

И раскрывъ передникъ, она показала выводку цыплятъ, шевелившихся, покрытыхъ пушкомъ и съ черными глазенками:

— Поглядите-ка! какіе они прелестные, эти милашки!.. Ахъ, посмотрите на этого маленькаго, бѣленькаго, который лезетъ на спину другимъ! А вотъ этотъ пестренькій, онъ уже хлопаетъ крылышками!.. Яйца были чудныя. Ни одного болтуна!

Тёза, помогавшая служить обѣдню, не взирая на запрещеніе патера, передала сосуды Венсану для омовеній и, повернувшись, громко сказала:

— Замолчите, m-lle Дезирэ! вы видите, что мы еще не кончили.

Сильный запахъ скотнаго двора доносился въ открытую дверь. Дезирэ постояла съ минуту, радуясь цыпляткамъ, которыхъ несла въ передникѣ, глядя на Венсана, наливавшаго вино очищенія, глядя, какъ братъ ея выпилъ это вино, чтобы во рту его ничего не осталось отъ причастія. Она все еще стояла, когда онъ вернулся, держа чашу обѣими руками, чтобы принять на большой и указательный пальцы вино и воду очищенія, которыя онъ также выпилъ. Но курица, отыскивавшая своихъ дѣтенышей, приближалась квокча и угрожая войти въ церковь. Тогда Дезирэ ушла, осыпая нѣжными ласками цыплятъ, въ ту минуту, какъ патеръ, проведя платомъ по губамъ, вытиралъ имъ края, а затѣмъ внутренность чаши.

Наступилъ конецъ и произнесено было благодареніе Богу. Причетникъ въ послѣдній разъ сходилъ за требникомъ и отнесъ его направо. Патеръ снова накрылъ чашу платомъ, дискосомъ и воздухами; затѣмъ снова защипнулъ двѣ складки въ воздухахъ и положилъ футляръ, въ который сложилъ антиминсъ.

Все его существо выражало горячую благодарность. Онъ испрашивалъ у неба отпущенія своимъ грѣхамъ, милости, святой жизни, блаженства вѣчной жизни. Онъ былъ весь поглощенъ этимъ чудомъ любви, этимъ непрерывнымъ закланіемъ, которое ежедневно питало его кровью и тѣломъ его Спасителя.

Прочитавъ молитвы, онъ повернулся, возглашая:

— *Ite missa est.*

— *Deo gratias,*—отвѣчалъ Венсанъ.

Затѣмъ, повернувшись, чтобы поцѣловать престолъ, патеръ отошелъ, держа лѣвую руку ниже груди и вытянувъ правую; благословляя церковь, залитую лучами солнца и наполненную шумомъ воробьевъ, онъ возгласилъ:

— *Benedicat vos omnipotens Deus, Pater et Filius, et Spiritus Sanctus.*

— *Amen,*—отвѣчалъ причетникъ, крестясь.

Солнце поднялось еще выше, а воробьи стали совсѣмъ смѣлыми. Въ то время, какъ патеръ читалъ евангеліе отъ св. Іоанна, солнце залило пурпуромъ престолъ, и передъ его свѣтомъ потускнѣлъ свѣтъ двухъ восковыхъ свѣчей, короткіе фитили которыхъ казались теперь двумя темными пятнами. Торжествующее свѣтило озаряло крестъ, подсвѣчники, рясу, воздухи, покрывавшіе чашу, и все это поблѣднѣло подъ его лучами. Когда же патеръ, взявъ чашу и преклонивъ колѣно, отошелъ отъ престола, чтобы перейти въ ризницу, съ покрытой головой, предшествуемый причетникомъ, который уносилъ сосуды и антиминсъ,—свѣтило осталось единственнымъ властелиномъ церкви. Оно, въ свою очередь, перенеслось на пелену, заливъ пламенемъ дверцу дарохранительницы и празднуя плодородіе мая. Отъ плитъ вѣяло тепломъ. По оштукатуреннымъ стѣнамъ, статуѣ Богоматери и самому Распятію пробѣжалъ трепетъ жизни, точно смерть была побѣждена вѣчной юностью земли.

III.

Тёза поспѣшила потушить свѣчи. Но потомъ она замѣшкалась, прогоняя воробьевъ, и поэтому, когда принесла требникъ въ ризницу, она уже не нашла тамъ аббата Мурэ; онъ убралъ самъ священную утварь, предварительно вымывъ руки. Онъ уже былъ въ столовой и, стоя, завтракалъ чашкою молока.

— Вамъ бы слѣдовало запретить вашей сестрѣ бросать хлѣбъ въ церкви,—сказала Тёза, входя.—Она изобрѣла эту забаву прошлою зимой. Она говорила, что воробьямъ холодно, и что Господь Богъ можетъ ихъ накормить... Вы увидите, что она кончитъ тѣмъ, что заставитъ насъ спать съ своими курами и кроликами.

— Намъ было бы такъ теплѣе, — весело отвѣчалъ молодой патеръ.—Вы все ворчите, Тёза. Дозвольте нашей бѣдной Дезирэ

любить своихъ животныхъ. У ней, у бѣдняжки, нѣтъ никакихъ другихъ удовольствій.

Служанка остановилась посреди комнаты.

— О, вы,—продолжала она: — вы готовы допустить, чтобы сороки свили свои гнѣзда въ церкви. Вы ничего не видите; у васъ все хорошо. Ваша сестра очень счастлива, что вы взяли ее къ себѣ, по выходѣ изъ семинаріи. Вѣдь у ней ни отца, ни матери. Желала бы я знать, кто бы ей позволилъ день-деньской возиться на скотномъ дворѣ, какъ она это дѣлаетъ теперь?

Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ и смягчившись, она продолжала:

— Да и жалко было бы обижать ее. Она совсѣмъ простушка. Ей нельзя дать и десяти лѣтъ по уму, даромъ, что она самая полная дѣвушка во всемъ околоткѣ. Вы знаете, что я ее укладываю спать по вечерамъ и должна разсказывать ей сказки, на ночь, какъ ребенку.

Аббатъ Мурэ продолжалъ стоять, допивая чашку молока, съ покраснѣвшими пальцами отъ холода, царствовавшаго въ столовой, большой комнатѣ, съ каменнымъ поломъ, выкрашенной сѣрой краской и безъ всякой другой мебели, кромѣ стола и стульевъ. Тёза свернула салфетку, которую было-разостлала на уголкѣ стола, для завтрака.

— Вы совсѣмъ не пачкаете бѣлья, - пробормотала она. — Подумаешь, что вамъ некогда сѣсть, что вы вѣчно собираетесь уходить... Ахъ! если бы вы знавали m-г Каффена, бѣднаго покойнаго кюрэ, котораго вы замѣстили. Вотъ ужъ былъ нѣженка! У него бы пища не переварилась, если бы онъ ѣлъ стоя... Онъ былъ нормандецъ, изъ Кантлё, также какъ и я. О! я его не благодарю за то, что онъ завезъ меня въ эту волчью яму. Творецъ небесный! ужъ и поскучали же мы здѣсь, въ первое время! У бѣднаго кюрэ были непріятности на нашей сторонѣ... Эге! m-г Мурэ, да вы не подсластили своего молока! Вотъ оба куска сахару.

— Да! я, кажется, забылъ,—отвѣчалъ онъ.

Тёза поглядѣла ему прямо въ лицо, пожимая плечами. Она сложила въ салфетку ломтикъ ситнаго хлѣба, тоже оставшійся на столѣ. Потомъ, видя, что кюрэ собирается уходить, подбѣжала къ нему, и стала на колѣни, крича:

— Постойте, шнурки отъ вашихъ башмаковъ не завязаны... Не знаю, какъ это ваши ноги выносятъ эту мужицкую обувь. Вы такой деликатный и такой избалованный на видъ!.. Ну, ужъ должно быть епископъ хорошо васъ зналъ, что далъ вамъ самый бѣдный приходъ во всемъ департаментѣ.

— Но,—сказалъ патеръ, снова улыбаясь:—я самъ выбралъ Артó... Вы очень сердиты сегодня утромъ, Тёза. Развѣ мы не счастливы здѣсь? У насъ все есть, чтó намъ нужно, мы живемъ такъ мирно, какъ въ раю.

Тогда она сдержала свое раздраженіе, и засмѣявшись въ свою очередь, отвѣчала:

— Вы святой человѣкъ, г-нъ кюрэ... Поглядите, сколько у меня стирки. Это будетъ лучше, чѣмъ спорить.

Онъ долженъ былъ послѣдовать за ней, такъ какъ она грозила, что не выпуститъ его изъ дому, если онъ не похвалитъ ея стирку. Выходя изъ столовой, онъ наткнулся на кусокъ штукатурки въ корридорѣ.

— Это чтó такое?—спросилъ онъ.

— Ничего,—отвѣчала Тёза съ весьма свирѣпымъ видомъ.— Это домъ рушится. Но вамъ хорошо; у васъ все есть, чтó нужно... Ахъ! Богъ мой! да щелей не оберешься. Взгляните-ка на этотъ потолокъ. Вѣдь онъ весь растрескался! Если насъ не задавитъ въ одно прекрасное утро, то мы должны свѣчку поставить нашему ангелу хранителю. Но что за бѣда, если вы довольны... Вотъ тоже и церковь. Уже два года тому назадъ слѣдовало бы вставить разбитыя стекла. Зимой, Господь Богъ въ ней мерзнетъ. Къ тому же, это помѣшало бы влетать негоднымъ воробьямъ. Право, я заклею ихъ бумагою, вотъ увидите.

— Ну, что-жъ, это хорошая мысль,—пробормоталъ патеръ: —можно заклеить бумагою... Чтó касается стѣнъ, то онѣ прочнѣе, чѣмъ это кажется. Въ моей комнатѣ полъ подался немного только возлѣ окна. Домъ насъ всѣхъ переживетъ.

Дойдя до маленькаго сарая возлѣ кухни, онъ сталъ хвалить стирку, чтобы сдѣлать удовольствіе Тёзѣ. Она потребовала, чтобы онъ понюхалъ воду и попробовалъ пальцемъ. Тогда восхищенная старуха преисполнилась материнской заботливости. Она перестала ворчать, и побѣжала за щеткой, говоря:

— Надѣюсь, что вы не выйдете изъ дому въ запачканной рясѣ! Еслибы вы ее повѣсили на перегородку, она была бы вычищена... Она еще совсѣмъ хоть куда, эта ряса! Только подбирайте ее, когда идете по полямъ. Репейники все истреплютъ.

И она поворачивала его, какъ ребенка, заставляя вздрагивать съ ногъ до головы подъ сильными ударами щетки.

— Ну, ну, будетъ,—сказалъ онъ, вырываясь.—Присмотрите за Дезирэ, пожалуйста. Я ей скажу, что ухожу.

Но въ эту минуту послышался звонкій голосъ:

— Сержъ! Сержъ!

Дезирэ прибѣжала, вся раскраснѣвшись отъ радости, съ непокрытой головой. Черные волосы ея были крѣпко закручены на затылкѣ, руки покрыты навозомъ до локтей. Она чистила своихъ куръ. Когда она увидѣла, что братъ готовится выдти и держитъ подъ мышкой требникъ, то расхохоталась громче прежняго и принялась цѣловать его, закинувъ назадъ руки, чтобы не дотронуться до него.

— Нѣтъ, нѣтъ, – бормотала она,—я тебя запачкаю. Охъ, какъ мнѣ весело! Ты поглядишь на животныхъ, когда вернешься.

И она убѣжала. Аббатъ Мурэ сказалъ, что вернется въ одиннадцать часовъ, къ завтраку. Онъ уже уходилъ, когда Тёза, провожавшая его до порога, прокричала ему послѣднія наставленія:

— Не забудьте повидаться съ братомъ Арканжіа... Зайдите также къ Брише; жена его вчера приходила сюда, все по поводу этой свадьбы... Г-нъ кюрэ, послушайте-ка! Я встрѣтила Розалію. Она ничего такъ не желаетъ, какъ выдти замужъ за долговязаго Фортюнэ. Поговорите съ дядюшкой Бамбуссомъ, быть можетъ онъ васъ теперь послушаетъ... И не возвращайтесь въ два часа, какъ намедни. Въ одиннадцать придете? да? въ одиннадцать, скажите?

Но патеръ больше не оборачивался. Старуха вошла въ домъ, бормоча сквозь зубы:

— Какъ бы да не такъ; онъ меня и не слушаетъ!.. Малому нѣтъ и двадцати-шести лѣтъ, а онъ все дѣлаетъ по-своему. Спору нѣтъ, онъ по святости заткнетъ за поясъ любого шестидесяти-лѣтняго старика. Но онъ совсѣмъ еще не жилъ; онъ ничего не знаетъ; ему не трудно быть добродѣтельнымъ какъ херувимъ, этому милашкѣ.

IV.

Аббатъ Мурэ, оставивъ Тёзу далеко за собой, остановился, довольный, что наконецъ онъ одинъ. Церковь была построена на небольшомъ пригоркѣ, который отлого спускался къ самому селу. Церковь вытянулась, точно покинутая овчарня, съ большими окнами и красной черепичной кровлей. Патеръ обернулся и бросилъ взглядъ на приходскій домъ, сѣрую лачугу, приставленную къ самому боку средней части храма; затѣмъ, словно боясь быть снова оглушеннымъ нескончаемой болтовней, которая съ самаго утра раздавалась у него въ ушахъ, поднялся направо и почувствовалъ себя въ безопасности только передъ

главными дверями, гдѣ его не могли видѣть изъ приходскаго дома. Надъ фасадомъ церкви, совсѣмъ обнаженнымъ, потрескавшимся отъ дождя и солнца, возвышалась узкая кирпичная колокольня, среди которой виднѣлся черный профиль маленькаго колокола. Шесть разбитыхъ ступенекъ, полуушедшихъ въ землю съ одного бока, вели къ высокой круглой двери, покрытой трещинами, изъѣденной пылью, ржавчиной, паутиной и имѣвшей такой жалкій видъ на своихъ сломанныхъ петляхъ, что, казалось, вѣтеръ долженъ ворваться въ нее съ первымъ же порывомъ. Аббатъ Мурэ, любившій эту развалину, взошелъ на крыльцо и прислонился къ двери. Оттуда онъ могъ обозрѣть всю окрестность. Заслонивъ глаза рукой, онъ посмотрѣлъ вдаль.

— Бамбуссъ долженъ быть у себя въ Оливеттѣ, — пробормоталъ онъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ могучая растительность, которую вскорѣ сожгло палящее іюньское солнце, пробивала эту каменистую почву. Колоссальныя лавенды, кусты можжевельника, группы жесткихъ травъ тянулись на крыльцо и убирали букетами темной зелени самыя черепицы. Первый всходъ растительной жизни грозилъ унести церковь въ крѣпкой сѣти узловатыхъ растеній, которыя проникали въ мельчайшія трещины и вырывали камни сильными пальцами своихъ корней. Въ этотъ ранній часъ, когда жизнь была въ полномъ разгарѣ, чувствовалось вѣяніе тепла и упорное молчаніе, трепетомъ пробѣгавшее по утесамъ. Но аббатъ не замѣчалъ усилія, съ какимъ жизнь заявляла себя; онъ не сознавалъ потуги этихъ тяжкихъ родовъ; ему показалось, что ступенька колеблется; онъ прислонился къ другой половинкѣ дверей, продолжая глядѣть вдаль.

Окрестность видна была на двѣ мили въ окружности и видъ замыкался на горизонтѣ стѣною желтыхъ холмовъ, на которыхъ сосновые лѣса образовали черныя пятна. Небольшіе клочки воздѣланной земли выдѣлялись кровавыми пятнами, красными полями, на которыхъ вытягивались ряды жидкихъ миндальныхъ деревьевъ, сѣрыя верхушки оливковыхъ деревъ, темные полосы виноградниковъ. Казалось, громадный пожаръ прошелъ тутъ, посыпавъ возвышенность пепломъ лѣсовъ, сжегши луга и оставивъ въ углубленіяхъ свой пламенный блескъ и жаръ. Кое-гдѣ блѣднозеленые четырехугольники съ хлѣбами смягчали рѣзкость общаго впечатлѣнія. Горизонтъ оставался угрюмымъ, лишеннымъ малѣйшей струйки воды, истомленный жаждою и при малѣйшемъ вѣтеркѣ заносимый столбами пыли. А совсѣмъ на краю горизонта, черезъ просвѣтъ въ стѣнѣ холмовъ виднѣлся вдали

клочокъ влажной зелени: тутъ открывался видъ на сосѣднюю долину, которую оплодотворяла Віорна, рѣчка, вытекавшая изъ ущельевъ Сейльи.

Аббатъ Мурэ, не находя того, чего искалъ вдали, перевелъ ослѣпленные взоры на селеніе, домишки котораго были разбросаны въ безпорядкѣ у подножія церкви. Жалкіе домишки, сложенные изъ дикаго камня и сколоченные изъ оштукатуренныхъ досокъ, были разбросаны вдоль узкой дороги, безъ всякаго намека на улицу. Ихъ было около тридцати; одни, вросшіе въ навозъ, почернѣвшіе отъ нищеты, другіе, болѣе просторные и веселые, съ розовой черепичной кровлей. Въ крохотныхъ садикахъ, отвоеванныхъ у утесовъ, красовались гряды съ овощами, пересѣченными живой изгородью. Въ этотъ часъ селеніе Арто было пусто; ни одной женщины не видать было въ окнахъ, ни одинъ ребенокъ не валялся въ пыли; однѣ только толпы курицъ расхаживали взадъ и впередъ, роясь въ соломѣ, побираясь на порогахъ домовъ, двери которыхъ, растворенныя настежъ, охотно пропускали солнце. Большая, черная собака, сидя на заднихъ лапахъ у входа въ селеніе, какъ будто сторожила его.

— Воріó! Воріó!—позвалъ патеръ.

Но собака не пошевелилась. Лѣнь мало-по-малу охватывала аббата Мурэ. Восходящее солнце обдавало его такимъ тепломъ, что онъ прислонился къ двери церкви, захваченный счастливымъ покоемъ. Онъ думалъ объ этомъ селеніи Арто, выросшемъ тутъ, среди камней, подобно узловатымъ растеніямъ, окружавшимъ его. Всѣ жители были въ родствѣ другъ съ другомъ, всѣ носили одну и ту же фамилію, такъ что съ колыбели имъ давали прозвища, чтобы отличить другъ отъ друга. Ихъ предокъ, нѣкто Артó, пришелъ и поселился среди этой пустоши, какъ парія; затѣмъ, семья его разрослась съ угрюмой живучестью травъ, извлекающихъ жизнь изъ утесовъ. Семья эта въ концѣ-концовъ превратилась въ цѣлое племя, цѣлую общину, родство которой терялось въ прошломъ, восходя за нѣсколько столѣтій. Такъ выросъ среди тоскливой каймы холмовъ особый народъ, особая раса, возникшая изъ земли, человѣческое племя въ полтораста душъ, которое какъ будто начинало исторію.

На патерѣ же лежала мертвая тѣнь семинаріи. Онъ желалъ жить въ сѣни своей кельи, въ безмолвіи корридоровъ, въ уединеніи стараго плассанскаго монастыря, гдѣ не чувствовалось вѣянія жизни. Цѣлые годы не видалъ онъ солнца. Онъ и до сихъ поръ отворачивался отъ него, закрывалъ глаза, помышляя объ одной душѣ и презирая прóклятую природу. Долгое время, въ

часы благоговѣйнаго размышленія, стоя на колѣняхъ, онъ мечталъ объ отшельнической пустынѣ, о какой-нибудь пещерѣ въ горахъ, гдѣ ничто бы изъ живого, ни животное, ни растеніе, ни вода не отвлекали бы его отъ созерцанія Бога. Въ немъ говорилъ порывъ чистой любви и отвращеніе ко всякимъ физическимъ ощущеніямъ. Тамъ, замеревъ и повернувшись спиною къ свѣту, онъ дожидался бы минуты, когда прекратится его жизнь и онъ сольется съ свѣтлымъ міромъ духовъ. Небо представлялось ему совсѣмъ бѣлымъ, лучезарной бѣлизны, точно засыпанное лиліями, точно озаренное непорочностью и цѣломудріемъ. Но его духовникъ бранилъ его, когда онъ сообщалъ ему о своемъ стремленіи къ уединенію, о своей потребности въ божественной чистотѣ. Онъ напоминалъ ему о борьбѣ за церковь, объ обязанностяхъ священническаго сана. Позднѣе, послѣ своего посвященія, молодой патеръ прибылъ въ Арто, по собственному желанію, съ надеждой осуществить свою мечту объ убіеніи всего земного. Среди этой нищеты, на этой безплодной почвѣ ему можно будетъ заткнуть уши и не слыхать земного шума; онъ будетъ жить, забывшись сномъ праведныхъ. И дѣйствительно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пребывалъ въ безмятежности. Изрѣдка развѣ смущалъ его шумъ, долетавшій до него изъ селенія; изрѣдка болѣе жаркій лучъ солнца обжигалъ ему затылокъ, когда онъ ходилъ по горнымъ тропинкамъ, весь перенесясь въ небо и не видя зарождающейся жизни, кипѣвшей кругомъ него.

Воріо рѣшился вскарабкаться къ аббату Мурэ. Онъ усѣлся у его ногъ на заднихъ лапахъ. Но патеръ оставался въ забытьи, убаюканный теплотою утра. Наканунѣ онъ началъ молитвы въ честь Мадонны и приписывалъ великую радость, ощущаемую имъ, ходатайству св. Дѣвы за него передъ своимъ божественнымъ Сыномъ. И какими презрѣнными казались ему земныя блага! Какъ онъ былъ благодаренъ за свою нищету! Поступивъ въ монахи и въ тотъ же самый день лишившись отца съ матерью, вслѣдствіе драмы, ужасы которой ему были еще неизвѣстны, онъ предоставилъ все наслѣдство своему старшему брату. Его привязывала къ міру только сестра. Онъ взялъ ее на свое попеченіе, проникнувшись какой-то духовной нѣжностью къ ея слабоумію. Бѣдная дурочка была такъ невинна, что казалась ему такою же чистою, какъ и тѣ нищіи духомъ, которымъ евангеліе обѣщаетъ царствіе небесное. Совсѣмъ тѣмъ, съ нѣкоторыхъ поръ она начинала безпокоить его; она слишкомъ полнѣла, слишкомъ здоровѣла; отъ нея разило жизнью. Но это безпокойство было еще совсѣмъ смутное. Онъ проводилъ цѣлые дни, погруженный въ

тотъ внутренній міръ, который создалъ себѣ, отрекшись отъ всего, чтобы вполнѣ отдаться Богу. Онъ закрывалъ доступъ къ своимъ чувствамъ; старался освободиться отъ потребностей тѣла; превращался въ одну душу, восторгавшуюся созерцаніемъ. Въ природѣ онъ видѣлъ только соблазнъ и грязь; онъ ставилъ себѣ за честь насиловать, презирать ее, и освобождаться отъ своей земной грязи. Праведный долженъ быть безумцемъ, по мнѣнію свѣта. Поэтому, онъ смотрѣлъ на себя какъ на чужого, какъ на ссыльнаго на землѣ, помышлялъ только о небесныхъ благахъ, не понимая, какимъ образомъ можно предпочитать нѣсколько часовъ преходящей радости вѣчному блаженству. Разумъ вводилъ его въ заблужденіе; желанія обманывали его. И если онъ преуспѣвалъ въ добродѣтели, то главнымъ образомъ благодаря своему смиренію и послушанію. Онъ желалъ быть послѣднимъ отъ людей, приниженнымъ передъ всѣми, чтобы небесная роса падала на его сердце, какъ на безплодный песокъ; онъ считалъ себя покрытымъ позоромъ и грѣхомъ, недостойнымъ спасенія, и всю надежду возлагалъ на милость Божію. Быть смиреннымъ—значитъ вѣрить, значитъ любить. Онъ не зависѣлъ больше отъ самого себя, онъ былъ слѣпъ, глухъ, мертвъ къ потребностямъ плоти. Онъ былъ рабомъ Бога. Тогда, изъ того униженія, въ которое онъ погружался, молитва возносила его надъ счастливыми и сильными въ сіяніе безконечнаго блаженства.

Такимъ образомъ, въ селеніи Арто аббатъ Мурэ нашелъ восторги монастыря, о которыхъ онъ такъ страстно мечталъ въ былое время, когда читалъ «Подражаніе Христу». Въ немъ еще не происходило никакой борьбы. Онъ былъ совершенъ, безупреченъ съ той самой минуты, какъ опустился на колѣни, безъ борьбы, безъ содраганія, словно ошеломленный благодатью, безусловно позабывъ о существованіи плоти. Восторженное состояніе, знакомое нѣкоторымъ молодымъ патерамъ; блаженный часъ, когда все внутри замираетъ, когда всѣ желанія сводятся къ безпредѣльной потребности чистоты. Онъ не искалъ утѣшенія ни въ чемъ живомъ. Когда вѣришь, что какая-нибудь вещь есть все, то не знаешь колебаній, а онъ вѣрилъ, что Богъ—все, что его смиреніе, его послушаніе, его цѣломудріе суть все. Онъ слыхалъ, какъ говорили о соблазнѣ, какъ объ ужасной пыткѣ, которой подвергаются самые праведные. Онъ же улыбался. Богъ никогда еще не покидалъ его. Онъ жилъ, защищенный своей вѣрой, какъ броней, которая предохраняла его отъ всякихъ дурныхъ мыслей. Онъ припоминалъ, что, будучи восьми лѣтъ, ему случалось плакать отъ любви гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Онъ не зналъ, кого онъ

любить; онъ плакалъ потому, что любилъ кого-то, кто былъ далеко, далеко. Онъ на всю жизнь остался умиленнымъ. Позднѣе, онъ пожелалъ сдѣлаться патеромъ, чтобы удовлетворить этой потребности сверхчеловѣческой любви, которая составляла его единственное мученіе. Онъ не видѣлъ, въ какой сферѣ можно любить болѣе. Онъ удовлетворялъ тутъ все свое существо, свои фамильные инстинкты, свои юношескія мечты, свои первыя желанія человѣка возмужалаго. Если соблазнъ долженъ былъ придти, онъ ждалъ его съ безмятежностью неопытнаго семинариста. Въ немъ убили мужчину, онъ это чувствовалъ, и былъ счастливъ, сознавая въ себѣ обособленнаго человѣка, искалѣченное существо, отмѣченное тонзурой, точно божья овечка.

V.

Между тѣмъ солнце нагрѣвало большія церковныя двери. Золотистыя мушки жужжали вокругъ большого цвѣтка, росшаго между двумя ступенями паперти. Аббатъ Мурэ, у котораго слегка кружилась голова, рѣшилъ уйти, какъ вдругъ Воріó бросился съ громкимъ лаемъ къ рѣшеткѣ небольшого кладбища, расположеннаго по лѣвую руку отъ церкви. Въ то же самое время рѣзкій голосъ закричалъ:

— Ага! негодяй, ты прогуливаешь школьныя занятія и слоняешься по кладбищу!... Не отнѣкивайся! Я добрую четверть часа слѣжу за тобой.

Патеръ пошелъ на голосъ. Онъ увидѣлъ Венсана, котораго монахъ изъ ордена христіанскихъ школъ крѣпко держалъ за ухо. Ребенокъ такимъ образомъ какъ будто висѣлъ надъ пропастью, прилегавшей къ кладбищу и въ глубинѣ которой текла рѣка Маскль, потокъ, бѣлыя воды котораго за два льё отсюда впадали въ Віорну.

— Братъ Арканжіа! — тихонько сказалъ аббатъ, чтобы склонить свирѣпаго человѣка къ снисходительности.

Но монахъ не выпускалъ уха.

— Ахъ! это вы, г-нъ кюрэ,—прорычалъ онъ. — Вообразите, что этотъ мерзавецъ вѣчно торчитъ на кладбищѣ. Не знаю, какими шалостями онъ здѣсь изволитъ заниматься... Мнѣ бы слѣдовало выпустить его, чтобы онъ разбилъ себѣ голову, тамъ, внизу. Это было бы отлично.

Ребенокъ ни слова не говорилъ, уцѣпившись за кустарники и лукаво закрывъ глаза.

— Берегитесь, братъ Арканжіа,—началъ патеръ:—онъ легко можетъ поскользнуться.

И самъ помогъ Венсану выкарабкаться наверхъ.

— Скажи, дружокъ, что ты здѣсь дѣлалъ? Не слѣдуетъ играть на кладбищахъ.

Шалунъ раскрылъ глаза, пугливо отойдя отъ монаха подъ покровительство аббата Мурэ.

— Я вамъ скажу,—прошепталъ онъ, поднимая вверхъ свое хитрое личико.—Здѣсь есть гнѣздо малиновки, въ терновникѣ, подъ этой скалой. Вотъ уже слишкомъ десять дней, какъ я сторожу его... И вотъ, такъ какъ птенчики уже вылупились, то я пришелъ сюда утромъ, отслуживъ вашу обѣдню...

— Гнѣздо малиновки!—проговорилъ братъ Арканжіа.—Постой, постой!

Онъ отошелъ, поднялъ съ могилы комъ земли и, вернувшись, бросилъ имъ въ гнѣздо. Но онъ не попалъ туда. Второй комъ, брошенный съ бо́льшей ловкостью, перекувыркнулъ хрупкую колыбельку и вышвырнулъ птенчиковъ въ потокъ.

— Вотъ теперь,—продолжалъ онъ, хлопая въ ладоши, чтобы земля отстала отъ его рукъ,—ты не будешь больше бродить здѣсь, какъ язычникъ... Мертвецы ночью придутъ тянуть тебя за ноги, если ты будешь тревожить ихъ кости...

Венсанъ, смѣявшійся тому, какъ гнѣздо перекувырнулось, оглядѣлся вокругъ, пожимая плечами съ видомъ esprit fort.

— О! я не боюсь,—сказалъ онъ:—мертвецы не трогаются съ мѣста.

Дѣйствительно, кладбище совсѣмъ не было страшно. Это было обнаженное мѣсто, на которомъ узкія аллеи терялись подъ наплывомъ травъ. Углубленія, мѣстами, бороздили почву. Только одна плита, совсѣмъ новая, плита, лежавшая надъ прахомъ аббата Каффена, выдѣлялась своимъ бѣлымъ профилемъ на общемъ фонѣ. Кромѣ нея, кругомъ ничего не было видно, за исключеніемъ обломанныхъ крестовъ, засохшихъ буксовъ, старыхъ, вдавленныхъ въ землю, плитъ, поросшихъ мохомъ. Въ годъ не хоронили и одного покойника. Смерть, повидимому, не обитала на этой невоздѣланной почвѣ, куда Тёза каждый вечеръ приходила набирать травы для кроликовъ Дезирэ. Гигантскій кипарисъ, посаженный у двери, одинъ бросалъ свою тѣнь на это пустынное поле. Этотъ кипарисъ, который былъ видѣнъ за три льё въ окружности, былъ извѣстенъ во всемъ околоткѣ подъ названіемъ «пустынника».

— Тутъ пропасть ящерицъ,—прибавилъ Венсанъ, глядѣвшій на щелистую стѣну церкви.—Забавно было бы...

Но онъ отскочилъ, увидя, что монахъ собирается ткнуть его ногой. Монахъ обратилъ вниманіе кюрэ на плохое состояніе рѣшетки. Она была вся изъѣдена ржавчиной, одна петля соскочила, замокъ былъ сломанъ.

— Надобно бы исправить это,—сказалъ онъ.

Аббатъ Мурэ улыбнулся, ничего не отвѣчая. Затѣмъ, обращаясь къ Венсану, который возился съ Воріó:

— Скажи же, мальчикъ,—спросилъ онъ,—ты знаешь, гдѣ работаетъ сегодня утромъ дядя Бамбуссъ?

Ребенокъ поглядѣлъ на горизонтъ.

— Онъ долженъ быть на своемъ полѣ въ Оливеттѣ,—отвѣчалъ онъ, указывая рукою влѣво...—Впрочемъ, Воріó васъ проводитъ, г-нъ кюрэ. Онъ навѣрное знаетъ, гдѣ его хозяинъ.

Тутъ онъ захлопалъ въ ладоши, крича:

— Эге! Воріó! эге!

Большая черная собака колебалась съ минуту, махала хвостомъ и силилась прочитать въ глазахъ мальчишки, чтó отъ нея требовали. Затѣмъ, съ радостнымъ лаемъ пустилась по направленію къ селенію; аббатъ Мурэ и братъ Арканжіа послѣдовали за ней, разговаривая другъ съ другомъ. Когда они прошли съ сотню шаговъ, Венсанъ исподтишка отошелъ отъ нихъ, вернулся къ церкви, слѣдя за ними и готовясь броситься за кустъ, если они повернутъ голову. Съ гибкостью ужà онъ снова проскользнулъ на кладбище, этотъ рай, гдѣ были гнѣзда, ящерицы и цвѣты.

Братъ Арканжіа говорилъ патеру своимъ раздраженнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ Воріó бѣжалъ впереди по пыльной дорогѣ:

— Полноте, г-нъ кюрэ, вѣдь это чортово сѣмя, всѣ эти гады! Имъ слѣдовало бы перебить ребра, чтобы сдѣлать ихъ пріятными Богу. Они выростаютъ въ невѣріи, какъ и ихъ отцы. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я тутъ, и мнѣ еще не удалось воспитать ни одного христіанина. Какъ только они уйдутъ изъ моихъ рукъ, все кончено! Они всей душой отдаются своей землѣ, своимъ виноградникамъ, своимъ оливковымъ деревьямъ. Ни одинъ и не заглянетъ въ церковь. Эго просто животныя, которыя борются съ своими каменистыми полями!.. На нихъ нужна палка, г-нъ кюрэ, да! палка!

Тутъ, переведя духъ, онъ прибавилъ, съ свирѣпымъ жестомъ:

— Видите ли, эти Артó все равно, что репейникъ, который

здѣсь подкапывается подъ скалы. Достаточно было одного корня, чтобы заразить всю мѣстность. Все это цѣпляется за жизнь, плодится, живетъ, несмотря ни на что. Необходимъ небесный огонь, какъ въ Гоморрѣ, чтобы искоренить ихъ всѣхъ.

— Никогда не слѣдуетъ отчаяваться въ грѣшникахъ,—замѣтилъ аббатъ Мурэ, шествовавшій тихими шагами и сохраняя въ душѣ внутренній миръ.

— Нѣтъ, эти люди принадлежатъ дьяволу, еще рѣзче проговорилъ монахъ.—Я былъ крестьяниномъ, какъ и они. До восемнадцати лѣтъ я пахалъ землю. А затѣмъ, позднѣе, въ институтѣ, я пололъ гряды, исполнялъ самую черную работу. Я не за грубость труда упрекаю ихъ. Напротивъ, Господь предпочитаетъ тѣхъ, которые живутъ въ низкой долѣ!.. Но Арто ведутъ себя, какъ звѣри! Они точно ихъ собаки, которыя никогда не ходятъ къ обѣднѣ; они смѣются надъ заповѣдями Господними и надъ церковью.

Воріó остановился, поднявъ хвостъ и снова побѣжалъ впередъ, убѣдившись, что оба человѣка слѣдуютъ за нимъ.

— Дѣйствительно, злоупотребленія бываютъ ужасныя,—замѣтилъ аббатъ Мурэ. — Мой предшественникъ, аббатъ Каффенъ...

— Дрянной человѣкъ,—перебилъ монахъ.—Онъ прибылъ къ намъ изъ Нормандіи, вслѣдствіе какой-то скверной исторіи. Здѣсь онъ заботился только о томъ, какъ бы пожить въ свое удовольствіе; онъ предоставилъ дѣла ихъ теченію.

— Нѣтъ, аббатъ Каффенъ несомнѣнно дѣлалъ все, чтó могъ; но надо сознаться, что его усилія не привели ни къ чему. Мои тоже по большей части остаются безплодными.

Братъ Арканжіа пожалъ плечами. Онъ шелъ нѣсколько секундъ молча, раскачивая своимъ большимъ худымъ тѣломъ, неладно скроеннымъ, но крѣпко сшитымъ. Солнце пекло его затылокъ съ загорѣвшей кожей, оставляя въ тѣни его грубое, мужицкое лицо.

— Послушайте, г-нъ кюрэ,—снова началъ онъ,—я слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы брать на себя смѣлость дѣлать вамъ замѣчанія; но только я вѣдь вдвое старше васъ, и знаю мѣстность, чтó даетъ мнѣ право сказать вамъ, что вы ничего не достигнете мягкостью... Слышите ли, съ ними надо держаться одного катехизиса. Богъ не милуетъ нечестивыхъ. Онъ ихъ сожигаетъ. Помните это.

И такъ какъ аббатъ Мурэ, наклонивъ голову, не разѣвалъ рта, онъ продолжалъ:

— Религія уходитъ изъ селъ, потому что ее сдѣлали слиш-

комъ мягкосердечной. Ее уважали, пока она держала себя безпощадной госпожей... Я не знаю, чему васъ учатъ въ семинаріяхъ. Молодые патеры плачутъ, какъ дѣти, съ своими прихожанами. Богъ точно перемѣнился... Я готовъ побожиться, г-нъ кюрэ, что вы даже не знаете наизусть катехизиса?

Патеръ, котораго оскорбила эта грубая манера забирать его въ руки, поднялъ голову и отвѣтилъ нѣсколько сухо:

— Хорошо, усердіе ваше похвально... Но развѣ вамъ нéчего мнѣ сообщить? Вѣдь вы приходили сегодня утромъ въ приходскій домъ, не правда ли?

Братъ Арканжіа грубо отвѣчалъ:

— Мнѣ надо было сообщить вамъ то, чтó я вамъ уже сказалъ... Арто живутъ, какъ ихъ свиньи. Я вчера узналъ, что Розалія, старшая дочь дяди Бамбусса, беременна. Всѣ ждутъ этого, чтобы выдти замужъ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ я не знавалъ ни одной, которая бы не гуляла, прежде чѣмъ идти подъ вѣнецъ... И онѣ со смѣхомъ утверждаютъ, что таковъ здѣшній обычай!

— Да,—прошепталъ аббатъ Мурэ,—это большой скандалъ... Я именно разыскиваю дядю Бамбусса, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Теперь было бы желательно поспѣшить со свадьбой... Отецъ ребенка, какъ кажется, Фортюнэ, старшій сынъ Брише. Къ несчастію, Брише бѣдны.

— Эта Розалія!—продолжалъ монахъ,—вѣдь ей только что минуло восемнадцать лѣтъ! Эти дѣвчонки развращаются еще на школьной скамьѣ. Еще нѣтъ четырехъ лѣтъ, какъ она училась у меня. Она и тогда была порочна... Теперь у меня въ школѣ ея сестра, Катерина, дѣвчонка одиннадцати лѣтъ, обѣщающая быть еще безстыднѣе, чѣмъ ея старшая сестра. Ее застаешь во всѣхъ углахъ съ этимъ маленькимъ негодяемъ Венсаномъ.... Да, нечего сказать, сколько ни дери имъ уши, а женщина непремѣнно проглянетъ въ нихъ. Онѣ носятъ погибель въ своихъ юбкахъ. Все это твари, которыхъ стóило бы потопить въ помойной ямѣ съ ихъ грязью, которая отравляетъ! То-то было бы отлично, еслибы всѣхъ дѣвокъ душили при рожденіи.

Отвращеніе, ненависть къ женщинѣ заставили его выругаться, какъ ругается извощикъ. Аббатъ Мурэ, слушавшій его съ спокойнымъ лицомъ, подъ конецъ улыбнулся надъ его раздражительностью. Онъ сталъ кликать Воріó, который забѣжалъ въ сосѣднее поле.

— Да вотъ! смотрите!—закричалъ братъ Арканжіа, показывая на группу дѣтей, игравшихъ въ глубинѣ оврага,—вотъ мои повѣсы, которые не приходятъ въ школу подъ тѣмъ предлогомъ,

что помогаютъ роднымъ въ виноградникахъ!.. Будьте увѣрены, что эта негодяйка Катерина между ними. Она скатывается съ горы. Вы увидите, какъ ея юбки поднимутся ей на голову. Вотъ, что я вамъ говорилъ!.. До свиданія, г-нъ кюрэ... Погодите, погодите, негодяй!

И онъ пустился бѣгомъ, его грязныя брыжжи съѣхали на бокъ, засаленная ряса цѣплялась за репейники. Аббатъ Мурэ видѣлъ, какъ онъ бросился въ толпу ребятъ, мгновенно разбѣжавшихся въ разныя стороны, точно стая испуганныхъ воробьевъ. Но ему удалось поймать за ухо Катерину и одного мальчишку. Онъ потащилъ ихъ въ село, крѣпко держа своими толстыми пальцами, въ волосахъ, и нещадно ругаясь.

Патеръ пошелъ дальше; братъ Арканжія наводилъ на него порою странное смущеніе: онъ ему представлялся въ своей грубости, въ своей вульгарности, настоящимъ божіимъ человѣкомъ, чуждымъ всему земному, предавшимся вполнѣ волѣ божіей, смиреннымъ, грубымъ, неистово ругающимъ грѣхъ. И онъ приходилъ въ отчаяніе, что не умѣетъ окончательно отдѣлаться отъ плоти, что онъ не безобразенъ, не грязенъ, не покрытъ язвами. Если случалось порою, что монахъ возмутитъ его слишкомъ дерзкими словами, слишкомъ грубымъ приставаньемъ, то послѣ того онъ казнилъ себя за свою щекотливость, за свою гордую натуру, какъ за настоящія преступленія. Развѣ онъ не долженъ быть нечувствительнымъ ко всѣмъ слабостямъ міра? На этотъ разъ онъ снова грустно улыбнулся, размышляя, что чуть-было не разсердился за гнѣвный урокъ, данный ему монахомъ. Вѣдь это гордость, думалось ему; а гордость ведетъ къ погибели, побуждая пренебрегать нищими духомъ. Но, помимо своей воли, онъ почувствовалъ облегченіе, когда остался одинъ и могъ начать читать требникъ, идя тихими шагами и избавясь отъ этого крикливаго голоса, смущавшаго его мечту о чистой нѣжности.

VI.

Дорога загибалась между обломками утесовъ, среди которыхъ крестьяне отвоевали тамъ-и-сямъ клочки мѣловой почвы, величиной въ четыре-пять метровъ, засаженные оливками. Подъ ногами аббата пыль въ глубокихъ колеяхъ трещала точно снѣгъ. Порою, когда ему пахнетъ въ лицо болѣе горячая струя воздуха, онъ поднималъ глаза, отыскивая, откуда эта ласка; но взоръ его оставался неопредѣленнымъ, глаза глядѣли впередъ, но ничего не

видѣли: ни пылавшаго горизонта, ни извилистыхъ линій этой раскаленной почвы, высохшей, изнемогавшей подъ палящими лучами солнца, точно страстная, но безплодная женщина. Онъ надвигалъ шляпу на лобъ, чтобы защититься отъ жаркаго дуновенія, и снова погружался въ чтеніе, между тѣмъ какъ его ряса, позади него, поднимала небольшое облако пыли, катившееся низко надъ дорогой.

— Здравствуйте, г-нъ кюрэ,—сказалъ ему одинъ крестьянинъ, проходившій мимо.

Стукъ заступовъ на участкахъ земли вывелъ его снова изъ благоговѣйной задумчивости. Онъ повернулъ голову и увидѣлъ среди виноградниковъ большихъ, коренастыхъ стариковъ, которые ему кланялись. Онъ видѣлъ потныя лица, появлявшіяся изъ-за кустарниковъ, тяжко вздымавшіяся груди, медленно выпрямлявшіяся спины, жаркія усилія плодородія, среди котораго онъ шелъ спокойной поступью неопытнаго человѣка. Великій трудъ любви, которымъ дышало утро, не вліялъ на его организмъ.

— Эге, Воріó! не годится бросаться на людей!—весело вскричалъ громкій голосъ, заставляя молчать собаку, которая оглушительно лаяла.

Аббатъ Мурэ поднялъ голову.

— Это вы, Фортюнэ?—проговорилъ онъ, подходя къ полю, на которомъ работалъ молодой крестьянинъ.—Мнѣ какъ разъ нужно съ вами поговорить.

Фортюнэ былъ одныхъ лѣтъ съ патеромъ. То былъ высокій малый, смѣлаго вида и уже съ огрубѣвшей кожей. Онъ расчищалъ участокъ пустоши, покрытый каменьями.

— О чемъ же, г-нъ кюрэ?—спросилъ онъ.

— О томъ, чтó произошло между Розаліей и вами,—отвѣчалъ патеръ.

Фортюнэ засмѣялся. Ему, должно быть, показалось забавнымъ, что патера занимаютъ такія вещи.

— Гмъ!—пробормоталъ онъ,—она сама этого желала. Я ее не принуждалъ... Тѣмъ хуже, если дядя Бамбуссъ не отдаетъ ее за меня! Вы видѣли, что сейчасъ его собака хотѣла меня укусить. Онъ наускиваетъ ее на меня.

Аббатъ Мурэ собирался идти дальше, когда старикъ Арто, по прозванью Брише, котораго онъ сначала не замѣтилъ, вышелъ изъ-за куста, за которымъ обѣдалъ съ женою. Онъ былъ маленькаго роста, съ лицомъ, высохшимъ отъ старости, и смиренной миной.

— Вамъ навѣрное наговорили пустяковъ, г-нъ кюрэ, — заговорилъ онъ.

— Мальчикъ совсѣмъ готовъ жениться на Розаліи... Эти молодые люди гуляли вмѣстѣ. Въ этомъ никто не виноватъ. Много другихъ, которые такъ же дѣлали, какъ и они, но жили потомъ не хуже отъ этого... Дѣло не отъ насъ зависитъ. Надо переговорить съ Бамбуссомъ. Это онъ презираетъ насъ, потому что богатъ.

— Да, мы слишкомъ бѣдны,—захныкала тетка Брише, высокая, плаксивая женщина, которая встала въ свою очередь. — У насъ только и есть, что этотъ клочекъ поля, куда дьяволъ, должно быть, сыплетъ каменья. Оно не даетъ намъ хлѣба... Безъ васъ, г-нъ кюрэ, совсѣмъ житья бы не было.

Тетка Брише была единственная богомолка во всемъ селѣ. Причастившись, она бродила вокругъ приходскаго дома, зная, что Тёза всегда откладывала для нея пару хлѣбовъ! Порою она уносила даже кролика или курицу, которыхъ ей дарила Дезирэ.

— Конца нѣтъ скандаламъ, — возразилъ патеръ. — Надобно, чтобы эта свадьба состоялась какъ можно скорѣе.

— Да хоть сейчасъ, если тѣ захотятъ, — отвѣчала старуха, трепеща за подарки, которые она получила. — Неправда ли, Брише? Мы не такіе худые христіане, чтобы стали сердить г-на кюрэ.

Фортюнэ осклабился.

— Я совсѣмъ готовъ,—объявилъ онъ,—да и Розалія также... Я вчера видѣлся съ нею за мельницею. Мы не ссорились другъ съ другомъ, напротивъ. Мы вмѣстѣ хохотали...

Аббатъ Мурэ перебилъ его:

— Хорошо. Я поговорю съ Бамбуссомъ. Онъ, кажется, въ Оливеттѣ.

Патеръ уже уходилъ, когда тетка Брише спросила у него: куда дѣвался ея младшій сынъ Венсанъ, ушедшій съ утра, чтобы служить обѣдню. Этотъ шалунъ нуждается въ совѣтахъ г-на кюрэ. И она шла слѣдомъ за патеромъ сажени три, жалуясь на свою нищету, на то, что картошекъ не хватаетъ, на морозъ, побившій оливки, на жары, грозившіе сжечь убогую жатву. Она оставила его, увѣряя, что сынъ ея Фортюнэ утромъ и вечеромъ читаетъ молитвы.

Воріб теперь опередилъ аббата Мурэ. Внезапно, на поворотѣ дороги, онъ бросился вдоль поля. Аббату пришлось идти по узенькой тропинкѣ, ведшей на холмъ. Онъ находился въ Оливеттѣ, самой плодородной части всей окрестности, гдѣ мэръ об-

щины, Арто, по прозванью Бамбуссъ, владѣлъ нѣсколькими полями хлѣба, оливокъ и виноградниковъ. Между тѣмъ, собака кинулась въ юбки высокой, смуглой дѣвушки, улыбнувшейся во весь ротъ при видѣ патера.

— Чтó, отецъ вашъ тутъ, Розалія? — спросилъ этотъ послѣдній.

— Тутъ, возлѣ,—отвѣчала она, показывая рукой и не переставая улыбаться.

Затѣмъ, оставивъ тотъ уголокъ поля, гдѣ она полола, пошла впереди его. Ея беременность была еще мало замѣтна. Она шла, покачиваясь съ боку на бокъ, съ непокрытой головой, выставивъ на показъ порыжѣвшій затылокъ и волосы—такіе же толстые, какъ конскій волосъ. Руки ея, позеленѣвшія, пахли травами, которыя она вырывала.

— Батюшка, — закричала она, — васъ спрашиваетъ г-нъ кюрэ.

И тутъ же осталась съ нахальнымъ видомъ, смѣясь своимъ лукавымъ и безстыжимъ смѣхомъ. Бамбуссъ, жирный, весь въ поту, съ круглымъ лицомъ, оставилъ работу и весело пошелъ навстрѣчу аббату.

— Готовъ побожиться, что вы пришли говорить о поправкахъ въ церкви,—сказалъ онъ, отряхивая руки, полныя земли.— Ну, какъ вамъ угодно, г-нъ кюрэ, а это невозможно. У общины нѣтъ ни гроша... Если Господь Богъ доставитъ известь и черепицу, то мы поставимъ каменьщиковъ.

И онъ громко захохоталъ надъ своей шуткой невѣрующаго крестьянина. Онъ похлопалъ себя по бокамъ, закашлялся, чуть не задохся.

— Я пришелъ говорить не о церкви, — отвѣчалъ аббатъ Мурэ.—Я хотѣлъ поговорить съ вами на счетъ вашей дочери, Розаліи...

— Розаліи? Чтó она вамъ сдѣлала?—спросилъ Бамбуссъ, подмигивая.

Крестьянка дерзко глядѣла на молодого патера, оглядывая его съ ногъ до головы, перенося взоры отъ его бѣлыхъ рукъ на его нѣжную шею и стараясь заставить его покраснѣть. Но онъ, просто и съ спокойнымъ лицомъ, точно говорилъ о вещи, которой не понималъ, продолжалъ:

— Вы знаете, чтó я хочу сказать, дядя Бамбуссъ. Она беременна. Ее надо замужъ выдать.

— Ахъ, вотъ вы зачѣмъ,—пробормоталъ старый съ своимъ хитрымъ видомъ.—Спасибо за трудъ, г-нъ кюрэ. Васъ подослали

Брише, не такъ ли? Тетка Брише ходитъ къ обѣднѣ, и вы хотите помочь ей пристроить сына. Это понятно... Но я на это не согласенъ. Дѣло для меня не подходящее. Вотъ и все.

Патеръ, удивленный, объяснилъ ему, что надо положить конецъ скандалу, что онъ долженъ простить Фортюнэ, такъ какъ тотъ желалъ загладить свою вину, что, наконецъ, честь его дочери требуетъ немедленной свадьбы.

— Та-та-та,—возразилъ Бамбуссъ, качая головой, — сколько словъ! Я не отдамъ дочери, слышите. Все это до меня не касается... Фортюнэ нищій. У него за душой нѣтъ двухъ грошей. Вотъ было бы удобно, еслибы для того, чтобы жениться на дѣвушкѣ, стóило бы только погулять съ нею. Г-мъ! молодежь только бы и знала что женилась... Слава тебѣ Господи! Я за Розалію не безпокоюсь. Извѣстно, чтó съ ней приключилось. Она отъ этого не станетъ ни хромой, ни горбатой, и выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ изъ своихъ земляковъ.

— Но ея ребенокъ?—перебилъ патеръ.

— Ребенокъ? Вѣдь его... онъ еще не родился. Да можетъ и никогда не родится... Если она родитъ ребенка, тогда увидимъ.

Розалія, видя, какъ отецъ принимаетъ совѣтъ патера, нашла нужнымъ запихать оба кулака въ глаза и захныкать. Она даже упала на землю, выставивъ свои синіе чулки, которыя шли выше колѣнъ.

— Замолчишь ли ты, собака?—закричалъ отецъ, разъяренный.

Онъ отвратительно выругалъ ее, самыми непристойными словами, а она хохотала, прикрываясь кулаками.

— Если я тебя застану съ твоимъ дружкомъ, то свяжу васъ вмѣстѣ и такъ поведу въ народъ... Ты не хочешь молчать? Постой же, негодяйка!

Онъ поднялъ комъ земли и съ силой бросилъ въ нее за четыре шага разстоянія. Комъ упалъ на ея косу, соскользнулъ на шею, покрывъ ее пылью. Оглушенная, она вскочила и убѣжала, закрывая голову руками изъ предосторожности. Но Бамбуссъ успѣлъ послать ей вслѣдъ еще два кома земли: одинъ лишь слегка задѣлъ ея плечо; другой ударился ей въ спину съ такой силой, что она упала на колѣни.

— Бамбуссъ! — вскричалъ патеръ, вырывая у него пригоршни каменьевъ, которые тотъ набралъ.

— Пустите! г-нъ кюрэ, — проговорилъ крестьянинъ. — То была мягкая земля. Мнѣ бы слѣдовало бросить въ нее этими каменьями... Вотъ и видно, что вы не знаете дѣвокъ. Онѣ вѣдь каменныя. Я могу спустить вотъ эту въ нашъ колодезь, могу

перебить у ней ребра палкой, а она все-таки не отстанетъ отъ своихъ мерзостей! Но я ее стерегу, и если она мнѣ попадется!.. Ну, да онѣ всѣ на одинъ покрой!

Онъ утѣшился. Выпилъ глотокъ вина изъ большой плоской фляжки, въ плетенкѣ, которая грѣлась на горячей землѣ. И снова захохоталъ:

— Еслибы у меня была рюмка, г-нъ кюрэ, я съ удовольствіемъ попотчивалъ бы васъ.

— Итакъ,—снова спросилъ патеръ,—эта свадьба..?

— Нѣтъ, этому не бывать; надо мной станутъ смѣяться... Розалія силачка. Она стóитъ мужчины, вотъ чтó. Я вынужденъ буду нанять батрака, когда она уйдетъ... Объ этомъ мы поговоримъ по окончаніи сбора винограда. Даромъ вѣдь ничего не даютъ, не такъ ли?

Патеръ еще съ полчаса урезонивалъ Бамбусса, говорилъ ему о Богѣ и приводилъ всякіе доводы, подходящіе къ дѣлу. Старикъ снова принялся за работу; онъ пожималъ плечами, шутилъ, упрямился хуже прежняго. Наконецъ закричалъ:

— Ну вотъ, еслибы вы попросили у меня мѣшокъ съ хлѣбомъ, вы бы мнѣ заплатили за него... Какъ же вы хотите, чтобы я отдалъ дочь задаромъ!

Аббатъ Мурэ, обезкураженный, ушелъ. Спускаясь по тропинкѣ, онъ увидѣлъ Розалію, катавшуюся по землѣ подъ оливковымъ деревомъ съ Воріó, который лизалъ ей лицо, а она хохотала. Она говорила собакѣ, между тѣмъ какъ юбки ея летали въ разныя стороны, а руки хлопали по землѣ:

— Ты меня щекотишь, дуракъ! Полно же!

Затѣмъ, когда она увидѣла патера, то притворилась будто краснѣетъ, поправила платье и снова запихала кулаки въ глаза. Онъ сталъ ее утѣшать, обѣщая опять похлопотать за нее у отца. И прибавилъ, что пока она должна послушаться отца и прекратить всякія сношенія съ Фортюнэ, чтобы не увеличивать своего грѣха.

— О, теперь больше не страшно,—пробормотала она, улыбаясь съ своимъ нахальнымъ видомъ:—вѣдь бѣды уже не поправишь.

Онъ не понялъ ее, принялся описывать ей адъ, гдѣ жгутъ развратныхъ женщинъ. Потомъ оставилъ ее, исполнивъ свой долгъ, причемъ къ нему снова вернулось ясное настроеніе, позволявшее ему проходить безъ смущенія мимо плотской грязи.

VII.

Утро становилось жаркимъ. Въ этомъ обширномъ скалистомъ циркѣ солнце съ первыхъ же красныхъ дней производило настоящее пёкло. Аббатъ Мурэ по высотѣ солнца понялъ, что у него осталось какъ разъ достаточно времени, чтобы вернуться домой, если онъ хочетъ попасть туда въ одиннадцать часовъ и не слушать воркотни Тёзы. Прочитавъ требникъ, окончивъ свое порученіе къ Бамбуссу, онъ торопливыми шагами возвращался въ приходскій домъ, поглядывая на церковь, сѣрѣвшую вдали вмѣстѣ съ высокой черной полосой, которую большой кипарисъ, пустынникъ, клалъ на голубой фонъ горизонта. Патеръ думалъ, убаюканный жарою, о томъ, какъ бы ему всего великолѣпнѣе убрать вечеромъ придѣлъ св. Дѣвы, по случаю наступленія мѣсяца, посвященнаго молитвамъ ей. Дорога раскидывалась подъ его ногами мягкимъ ковромъ бѣлоснѣжной чистоты.

У Зеленаго креста, въ тотъ моментъ, какъ аббатъ собирался перейти дорогу, которая ведетъ изъ Плассана въ Палюдъ, кабріолетъ, спускавшійся съ горы, принудилъ его отойти за груду камней. Онъ переходилъ перекрестокъ, когда чей-то голосъ окликнулъ его:

— Эй, Сержъ! эй.

Кабріолетъ остановился, и изъ него высунулся человѣкъ.

Тогда молодой патеръ узналъ одного изъ своихъ дядей, доктора Паскаля Ругона; населеніе Плассана, гдѣ онъ лечилъ всѣхъ бѣдняковъ даромъ, называло его по просту «monsieur Pascal». Хотя ему едва исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ сѣдъ, какъ лунь, носилъ большую бороду, длинные волоса; его прекрасное, правильное лицо свѣтилось тонкимъ умомъ и безграничной добротой.

— Вотъ выбралъ время подметать на дорогѣ пыль?—весело сказалъ онъ, высовываясь еще больше, чтобы пожать обѣ руки аббата.—Ты, значитъ, не боишься солнечнаго удара.

— Не больше васъ, дядюшка,—отвѣчалъ патеръ, смѣясь.

— О! меня защищаетъ верхъ моего экипажа. Къ тому же, больные не дожидаются. Люди умираютъ во всякую погоду, мой милый.

И онъ разсказалъ ему, что ѣдетъ къ старику Жанбернату, управляющему имѣніемъ Параду; съ нимъ ночью случился ударъ. Сосѣдъ крестьянинъ, ѣхавшій на базаръ въ Плассанъ, приходилъ за нимъ.

— Онъ, должно быть, уже умеръ въ настоящую минуту,—продолжалъ онъ.—Однако, надо поглядѣть... Эти старые черти особенно живучи.

Онъ замахнулся бичомъ, когда аббатъ Мурэ остановилъ его.

— Постойте... Который у васъ часъ, дядюшка?

— Безъ четверти одиннадцать.

Аббатъ колебался. Въ ушахъ его раздавался сердитый голосъ Тёзы, кричавшей ему, что завтракъ простынетъ. Но онъ призвалъ на помощь свое мужество и тотчасъ же сказалъ.

— Я поѣду съ вами, дядюшка... Этотъ несчастный, быть можетъ, захочетъ примириться съ Богомъ передъ смертью.

Докторъ Паскаль не могъ удержаться отъ хохота.

— Онъ! Жанбернатъ!—произнесъ онъ,—ну, врядъ ли ты обратишь его на путь истинный!.. Все равно, ѣдемъ. Онъ способенъ выздоровѣть при видѣ тебя.

Патеръ усѣлся въ кабріолетѣ. Докторъ, повидимому, раскаявшійся въ своей шуткѣ, обходился съ нимъ очень ласково, подстрекая лошадь прищелкиваньемъ языка. Онъ съ любопытствомъ поглядывалъ на своего племянника исподлобья, тѣмъ проницательнымъ взглядомъ, который является у ученыхъ, дѣлающихъ наблюденія. Добродушно и вскользь разспрашивалъ онъ его объ его образѣ жизни, привычкахъ, о мирномъ счастіи, которымъ онъ наслаждался въ селеніи Арто. И при всякомъ удовлетворительномъ отвѣтѣ бормоталъ, какъ бы про себя, успокоеннымъ тономъ:

— Ну, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

Онъ особенно напиралъ на состояніе здоровья молодого патера. Этотъ послѣдній, удивленный, увѣрялъ его, что онъ чувствуетъ себя прекрасно, что у него не бываетъ ни головокруженій, ни тошноты, ни головной боли.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—твердилъ дядя Паскаль.

— Весною, знаешь ли, кровь бродитъ. Но ты крѣпкаго сложенія... Кстати, я видѣлъ твоего брата Октава, въ Марсели, въ прошломъ мѣсяцѣ. Онъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ ему открывается прекрасное поприще въ высшемъ торговомъ мірѣ. Ахъ! разбойникъ, какую онъ ведетъ жизнь!

— Какую жизнь?—наивно спросилъ патеръ.

Докторъ, чтобы уклониться отъ отвѣта, пощелкалъ языкомъ. Затѣмъ началъ:

— Ну-съ, всѣ здоровы, тетка Фелиситэ, твой дядя Ругонъ, и другіе... Это не мѣшаетъ намъ нуждаться въ твоихъ мо-

литвахъ. Ты праведникъ семьи, мой милый; я разсчитываю, что ты спасешь всю свору.

Онъ смѣялся, но такъ дружественно, что самъ Сержъ началъ шутить.

— Нужно правду сказать, въ числѣ ихъ есть и такіе, которыхъ не легко провести въ рай,—продолжалъ докторъ Паскаль.— Ты бы наслушался славныхъ вещей, еслибы они пришли къ тебѣ исповѣдываться поочереди... Мнѣ же не нужна ихъ исповѣдь: я ихъ знаю издавна, и списокъ ихъ дѣяній хранится у меня вмѣстѣ съ моими гербаріями и медицинскими замѣтками. Со временемъ мнѣ можно будетъ нарисовать славную картину... Поживемъ, увидимъ!

Онъ увлекался, охваченный юношескимъ энтузіазмомъ къ наукѣ. Но, взглянувъ на рясу своего племянника, вдругъ умолкъ.

— Ты пошелъ въ патеры,—пробормоталъ онъ,—ты хорошо сдѣлалъ; патеры бываютъ очень счастливы. Ты вѣдь весь отдался религіи, неправда ли? такъ что мѣтишь въ праведники... Да! ты не былъ бы счастливъ въ другомъ званіи. Твои родственники, бывши молодыми такъ же, какъ и ты, сколько ни дѣлали гадостей, а все еще недовольны... Все логично въ природѣ, мой другъ. Патеръ дополняетъ нашу семью. Наша кровь должна была привести къ этому... Тѣмъ лучше для тебя; ты счастливѣе другихъ.

Но тутъ онъ странно улыбнулся:

— Нѣтъ, всѣхъ счастливѣе твоя сестра Дезирэ,—поправился онъ.

Онъ засвисталъ, и хлопнулъ бичомъ, перемѣняя разговоръ. Кабріолетъ поднимался на довольно крутую гору и катился между безплодными ущельями. Затѣмъ взъѣхалъ на высокую равнину, по узенькой дорогѣ, огибавшей высокую и безконечную стѣну.

— Мы пріѣхали, неправда-ли? — спросилъ патеръ.

— Вотъ Параду́,—отвѣчалъ докторъ, указывая на стѣну.— Ты еще не бывалъ здѣсь? Мы всего въ какихъ-нибудь двухъ льё отъ Арто́... Этотъ Параду́, должно быть, былъ великолѣпнымъ имѣніемъ. Стѣна парка, съ этой стороны, тянется на добрыхъ два километра. Но въ послѣднія сто лѣтъ никто не занимается имъ.

— Въ немъ есть прекрасныя деревья,—замѣтилъ аббатъ, и поднялъ голову, дивясь массѣ зелени, перекидывавшейся черезъ стѣну.

— Да! этотъ уголокъ очень плодороденъ. Паркъ сталъ настоящимъ лѣсомъ среди голыхъ скалъ, его окружающихъ... Къ

тому же, отсюда вытекаетъ Маскль. Мнѣ говорили о трехъ или четырехъ истокахъ.

И отрывистыми фразами, прерываемыми посторонними замѣчаніями, онъ сообщилъ исторію Параду, въ видѣ легенды, ходившей въ той мѣстности. Въ эпоху Лудовика XV одинъ вельможа построилъ въ немъ великолѣпный дворецъ, съ громадными садами, бассейнами, фонтанами, статуями—настоящій маленькій Версаль, затерявшійся среди скалъ, подъ горячимъ солнцемъ юга. Но онъ прожилъ тутъ всего одно лѣто, въ обществѣ женщины чудной красоты; она, должно быть, тутъ и умерла, потому что никто не видалъ, чтобы она оттуда ушла или уѣхала. На слѣдующій годъ дворецъ сгорѣлъ, ворота парка были заколочены, слуховыя окна въ стѣнѣ забиты землей, такъ что съ той отдаленной эпохи ничей взглядъ не проникалъ въ это обширное загороженное мѣсто, занимавшее цѣлую равнину Гарригъ.

— Тамъ, должно быть, крапивы не оберешься,—сказалъ, смѣясь, аббатъ Мурэ...—Вдоль этой стѣны пахнетъ сыростью, вы не находите, дядюшка?

Потомъ, помолчавъ:

— А кому принадлежитъ Параду въ настоящее время?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ докторъ.—Владѣлецъ пріѣзжалъ сюда лѣтъ двадцать тому назадъ, но такъ испугался этого гнѣзда ужей... что больше не показывался. Настоящій хозяинъ здѣсь—управляющій этого помѣстья, старый оригиналъ Жанбернатъ, который ухитрился поселиться въ одномъ павильонѣ, гдѣ стѣны еще не развалились... Вотъ, видишь тамъ эту сѣрую лачугу съ большими окнами, обвитыми плющемъ.

Кабріолетъ проѣхалъ мимо великолѣпной рѣшетки, совсѣмъ красной отъ ржавчины и заложенной изнутри досками. Рвы совсѣмъ заросли терновникомъ. Въ ста метрахъ оттуда павильонъ, обитаемый Жанбернатомъ, врѣзывался въ паркъ, куда выходилъ одинъ изъ его фасадовъ. Но управляющій, повидимому, загородилъ свое жилище съ этой стороны; онъ разбилъ небольшой садикъ, выходившій на дорогу, и жилъ тамъ на солнцѣ, повернувшись спиной къ Параду, повидимому не подозрѣвая о роскошной растительности, раскинувшейся позади него.

Молодой патеръ соскочилъ на землю, любопытно оглядываясь и разспрашивая доктора, который спѣшилъ привязать лошадь къ кольцу, вдѣланному въ стѣнѣ.

— И этотъ старикъ живетъ одинъ въ этой уединенной трущобѣ?—спросилъ онъ.

— Да, совершенно одинъ,—отвѣчалъ дядюшка Паскаль.

Но тутъ же поправился:

— Съ нимъ живетъ племянница, свалившаяся ему съ неба. Странная дѣвушка, настоящая дикарка... Войдемъ скорѣе.

Въ домѣ все какъ будто вымерло.

VIII.

Домъ спалъ, грѣясь на солнцѣ, съ закрытыми ставнями, убаюканный жужжаніемъ большихъ мухъ, ползавшихъ по плющу до самыхъ черепицъ. Счастливый миръ царствовалъ въ этой развалинѣ, залитой солнцемъ. Докторъ толкнулъ калитку, которая вела въ маленькій садикъ, окруженный очень высокой живой изгородью. Тамъ, въ тѣни, бросаемой стѣною, Жанбернатъ спокойно курилъ трубку, выпрямившись во весь свой высокій ростъ и молча глядѣлъ, какъ ростутъ его овощи.

— Какъ? вы на ногахъ, шутъ вы этакій!—закричалъ озадаченный докторъ.

— А вы, небось, пріѣхали меня хоронить!—сердито заворчалъ старикъ.—Мнѣ никого не нужно. Я пустилъ себѣ кровь...

Онъ внезапно умолкъ, увидя патера, и у него вырвался такой свирѣпый жестъ, что дядюшка Паскаль поспѣшилъ вмѣшаться.

— Это мой племянникъ,—сказалъ онъ:—новый патеръ въ Арто, славный малый... Чортъ возьми! мы пріѣхали по такой жарѣ не за тѣмъ, чтобы съѣсть васъ, папà Жанбернатъ?

Старикъ мало-по-малу успокоился.

— Я не хочу, чтобы ко мнѣ заглядывала скуфья,—пробормоталъ онъ.—Человѣкъ можетъ околѣть отъ одного взгляда на нее. Слышите ли, докторъ, не надо ни лекарствъ, ни патеровъ, когда я стану умирать, а не то мы поссоримся... Ну, этотъ пускай войдетъ, такъ и быть, потому что вашъ племянникъ.

Аббатъ Мурэ, смущенный, не находилъ словъ. Онъ стоялъ посреди аллеи, разглядывая эту странную фигуру, этого пустынника, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами и кирпичнаго цвѣта, съ сухими и жилистыми руками, который съ какимъ-то ироническимъ пренебреженіемъ относился къ своимъ восьмидесяти годамъ. Докторъ хотѣлъ-было пощупать у него пульсъ, но онъ снова разсердился.

— Оставьте меня въ покоѣ! Говорю вамъ, что пустилъ я себѣ кровь своимъ ножомъ! Теперь я здоровъ... Какой дуракъ-мужикъ потревожилъ васъ? Докторъ! патеръ! Почему не факель-

щики?.. Ну, словомъ, какъ хотите, а люди глупы. Это намъ не помѣшаетъ выпить рюмочку.

Онъ поставилъ бутылку и три стакана на ветхій столъ, вытащенный имъ изъ угла. Наливъ стаканы до верху, онъ захотѣлъ чокнуться. Гнѣвъ его растаялъ и перешелъ въ насмѣшливую веселость.

— Не бойтесь: не отравитесь, г-нъ кюрэ,—сказалъ онъ.— Выпить стаканъ хорошаго вина не грѣшно... Вотъ, въ первый разъ на моемъ вѣку мнѣ приходится пить съ сутàной, не въ обиду вашей чести будь сказано. Бѣдный аббатъ Каффéнъ, вашъ предшественникъ, отказывался разсуждать со мной... Онъ боялся.

И онъ разсмѣялся во весь ротъ, продолжая:

— Вообразите, онъ разъ взялся доказать мнѣ, что Богъ существуетъ... Послѣ этого, я, какъ бывало его встрѣчу, такъ и начну дразнить. А онъ тягу отъ меня, заткнувъ уши.

— Какъ? Богъ не существуетъ?—вскричалъ вдругъ аббатъ Мурэ, нарушивъ наконецъ свое упорное молчаніе.

— О! какъ вамъ угодно, — возразилъ насмѣшливо Жанбернатъ.—Мы возобновимъ споръ, если это вамъ нравится... Только предупреждаю васъ, что меня трудно сбить. Тамъ, наверху, въ одной изъ комнатъ хранится нѣсколько тысячъ томовъ, спасенныхъ отъ пожара въ Параду; всѣ философы восемнадцатаго вѣка, цѣлыя груды старыхъ книгъ, трактующихъ о религіи. Я многому изъ нихъ научился. Въ теченіи двадцати лѣтъ читалъ я ихъ... Да! да! Предупреждаю васъ, господинъ кюрэ, вы найдете во мнѣ опаснаго собесѣдника.

Онъ всталъ и обвелъ рукой весь горизонтъ, землю и небо, повторяя торжественно:

— Нѣтъ ничего, ничего, ничего!.. Когда солнце потухнетъ, всему наступитъ конецъ.

Докторъ Паскаль слегка толкнулъ локтемъ аббата Мурэ. Онъ подмигивалъ, любопытно наблюдая за старикомъ и одобрительно кивая головой, чтобы подзадорить его еще сильнѣе.

— Итакъ, папà Жанбернатъ, вы матеріалистъ?—спросилъ онъ.

— Я простой человѣкъ,—отвѣчалъ старикъ, разжигая свою трубку.—Когда графъ де-Корбьеръ, которому я доводился молочнымъ братомъ, умеръ отъ паденія съ лошади, дѣти его послали меня стеречь этотъ паркъ Спящей-Красавицы, чтобы развязаться со мною. Мнѣ было шестьдесятъ лѣтъ, я думалъ, что мнѣ недолго остается жить. Но смерть позабыла меня. И мнѣ пришлось устроить себѣ берлогу... Видите ли, когда жи-

вешь совсѣмъ одинъ, то начинаешь совсѣмъ особенно смотрѣть на вещи. Деревья перестаютъ быть деревьями; земля представляется живымъ человѣкомъ; камни разсказываютъ сказки. Глупости, однимъ словомъ. Я знаю такія тайны, отъ которыхъ вы бы въ обморокъ попáдали. Притомъ, чтó дѣлать въ этой чертовской пустынѣ? Я сталъ читать книги: это меня занимало больше, чѣмъ охота... Графъ, ругавшійся какъ язычникъ, всегда мнѣ говорилъ: «Жанбернатъ, другъ мой, я надѣюсь найти тебя въ аду, чтобы ты могъ и тамъ служить мнѣ такъ же, какъ и здѣсь.»

Онъ снова обвелъ рукой по горизонту, повторяя:

— Слышите ли, ничего! нѣтъ ничего!.. Все это одинъ фарсъ.

Докторъ Паскаль засмѣялся.

— Прекрасный фарсъ, во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ.— Папà Жанбернатъ, вы притворщикъ. Я подозрѣваю, что вы влюблены, не взирая на ваши разочарованныя мины. Вы сейчасъ говорили очень нѣжно про деревья и камни.

— Нѣтъ, увѣряю васъ,—пробормоталъ старикъ:—это у меня прошло. Въ былое время, правда, когда я только-что познакомился съ вами и мы вмѣстѣ ходили гербаризировать, я былъ настолько глупъ, что любилъ эту лгунью—природу. Къ счастію, книги убили это чувство... Я бы желалъ, чтобы мой садъ былъ еще меньше; я и двухъ разъ въ годъ не выхожу на большую дорогу. Вы видите эту скамейку. Я на ней провожу цѣлые дни, глядя, какъ растетъ мой салатъ.

— А ваши обходы по парку?—перебилъ докторъ.

— По парку?—повторилъ Жанбернатъ съ видомъ глубокаго изумленія:—да уже слишкомъ двѣнадцать лѣтъ, какъ и ноги моей тамъ не было? Чтó вы хотите, чтобы я дѣлалъ на этомъ кладбищѣ? Оно слишкомъ велико... Это просто глупо! всѣ эти деревья, которымъ нѣтъ конца, покрытыя мхомъ, эти сломанныя статуи, рытвины, въ которыхъ рискуешь сломать себѣ шею на каждомъ шагу... Въ послѣдній разъ, какъ я ходилъ туда, подъ деревьями было такъ темно, отъ дикихъ цвѣтовъ шелъ такой одуряющій запахъ, въ аллеяхъ проносилось такое странное вѣяніе, что мнѣ стало просто страшно. Вотъ я и загородился здѣсь, чтобы паркъ не пробрался ко мнѣ... Лучъ солнца, двѣ грядки латука передъ глазами, высокая изгородь, заграждающая отъ меня горизонтъ,—этого слишкомъ достаточно, чтобы быть счастливымъ. Ничего, вотъ чего бы я хотѣлъ! рѣшительно ничего! Что-нибудь такое тѣсное, чтобы внѣшняя жизнь не приходила меня безпокоить. Два аршина земли, если хотите, чтобы околѣть, лежа на спинѣ.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, рѣзко повышая голосъ и крича аббату Мурэ:

— Выпейте еще стаканчикъ, г-нъ кюрэ. Будьте спокойны, чортъ не сидитъ на днѣ бутылки.

Патеру было неловко. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ обратить къ Богу этого страннаго человѣка, который казался ему совсѣмъ полоумнымъ. Теперь ему припоминались розсказни Тёзы о философѣ, какъ называли Жанберната крестьяне селенія Арто. Обрывки скандальныхъ исторій вертѣлись у него въ головѣ. Онъ всталъ, дѣлая знакъ доктору и желая поскорѣе оставить этотъ домъ, гдѣ, ему казалось, онъ дышалъ погибелью. Но, не взирая на безотчетный страхъ, странное любопытство удерживало его. Онъ остался, прошелъ на край маленькаго сада, заглядывая въ сѣни дома. Въ открытую настежь дверь онъ увидѣлъ только черный остовъ лѣстницы. Аббатъ вернулся назадъ, ища какого-нибудь отверстія, какого-нибудь просвѣта на тотъ океанъ листьевъ, сосѣдство которыхъ онъ чувствовалъ по громкому ропоту, какъ будто обдававшему домъ шумомъ волнъ.

— А какъ поживаетъ малютка?—спросилъ докторъ, берясь за шляпу.

— Не дурно, отвѣчалъ Жанбернатъ.—Ее никогда не бываетъ дома. Она пропадаетъ по цѣлымъ днямъ... Быть можетъ, однако, она на чердакѣ.

Онъ поднялъ голову и позвалъ:

— Альбина! Альбина!

Затѣмъ, пожавъ плечами:

— Да! да! это бѣдовая дѣвчонка... До свиданія, г. кюрэ. Я всегда къ вашимъ услугамъ.

Но аббатъ Мурэ не успѣлъ отвѣтить на это привѣтствіе философа.

Внутри сѣней отворилась дверь; яркій просвѣтъ мелькнулъ на черномъ фонѣ стѣны. Передъ глазами промелькнулъ какъ-бы дѣвственный лѣсъ, гигантскія деревья, залитыя солнцемъ. Видѣніе длилось одно мгновеніе, но патеръ явственно схватилъ вдали различныя подробности: большой желтый цвѣтокъ среди луга, полоску воды, падавшую съ высокаго камня, колоссальное дерево, въ которомъ копошились птицы: все это затерянное, окутанное такой сѣтью зелени, такой роскошью растительности, что весь горизонтъ казался цвѣтущимъ. Дверь стукнула, все исчезло.

— Ахъ! дрянь!—вскричалъ Жанбернатъ,—она была опять въ Параду́.

Альбина смѣялась на порогѣ сѣней. На ней была надѣта

оранжевая юбка, съ большой красной косынкой, повязанной сзади у таліи, чтó придавало ей сходство съ разрядившейся цыганкой. Она продолжала смѣяться, закинувъ назадъ голову; грудь ея вздымалась отъ радости, она радовалась своимъ цвѣтамъ, вплетеннымъ въ ея бѣлокурые волосы, обмотаннымъ вокругъ ея шеи, вокругъ таліи, вокругъ худенькихъ рукъ, обнаженныхъ и смуглыхъ. Она была точно большой букетъ, издававшій сильный запахъ.

— Нечего сказать, хороша!—ворчалъ старикъ. — Отъ тебя пахнетъ травой до одури... Ну, кто повѣритъ, что ей шестнадцать лѣтъ, этой стрекозѣ!

Альбина дерзко и громко захохотала. Докторъ Паскаль, большой ея другъ, позволилъ ей себя поцѣловать.

— Значитъ, ты не боишься въ Парадý?—спросилъ онъ у нея.

— Бояться? но чего же?—спросила она съ удивленнымъ взглядомъ. Стѣны слишкомъ высоки, никто не можетъ войти... Тамъ бѣгаю я одна. Это мой садъ, онъ принадлежитъ мнѣ одной. Ахъ! онъ очень великъ. Я еще не исходила его въ конецъ.

— А звѣри?—перебилъ докторъ.

— Звѣри? Они не злы, и меня хорошо знаютъ.

— Но вѣдь подъ деревьями темно?

— Еще бы! Тамъ тѣнь; безъ этого солнце съѣло бы мнѣ лицо... Въ тѣни отлично, подъ листьями!

Она вертѣлась, наполняла маленькій садикъ своими юбками, распространяя тотъ острый запахъ зелени, который съ собой носила. Она улыбнулась аббату Мурэ, безъ всякаго замѣшательства, не смущаясь удивленнымъ взглядомъ, которымъ онъ за ней слѣдилъ. Патеръ отошелъ подальше. Это бѣлокурое дитя, съ продолговатымъ, исполненнымъ жизни лицомъ, казалось ему таинственной и опасной нимфой лѣса, мелькнувшаго передъ его глазами въ сіяніи солнечныхъ лучей.

— Слушайте, у меня есть гнѣздо черныхъ дроздовъ. Хотите, я вамъ его подарю,—спросила Альбина у доктора.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчалъ тотъ, смѣясь.—Подари его сестрѣ г. кюрэ, которая очень любитъ животныхъ... До свиданія, Жанбернатъ.

Но Альбина пристала къ патеру.

— Вы кюрэ селенія Арто, не правда ли? У васъ есть сестра? Я приду къ ней въ гости... Но только вы не будете говорить со мной о Богѣ? Дядюшка этого не желаетъ.

— Ты намъ надоѣла, ступай,—сказалъ Жанбернатъ, пожимая плечами.

Одинъ прыжокъ, и она исчезла, точно коза, оставивъ позади себя цѣлый дождь цвѣтовъ. Послышался стукъ двери, затѣмъ смѣхъ позади дома, громкій смѣхъ, уносившійся вдаль, точно подъ галопъ бѣшеной лошади, которую выпустили на лугъ.

— Вы увидите, что она, въ концѣ-концовъ, станетъ ночевать въ Параду́,—пробормоталъ старикъ съ своимъ равнодушнымъ видомъ.

Затѣмъ, провожая своихъ посѣтителей:

— Докторъ,—сказалъ онъ, если вы найдете меня мертвымъ въ одно прекрасное утро, то сдѣлайте одолженіе, бросьте меня въ навозную яму, вонъ тамъ, позади моего салата... Добраго вечера, господа.

Онъ заперъ деревянную калитку, замыкавшую изгородь. Домъ снова принялъ свой невозмутимо-спокойный видъ, пригрѣтый солнцемъ, убаюканный жужжаніемъ большихъ мухъ, которыя продолжали ползать вдоль плюща до самыхъ черепицъ кровли.

IX.

Между тѣмъ, кабріолетъ снова покатился по выбитой дорогѣ, вдоль безконечной стѣны Параду́. Аббатъ Мурэ, безмолвный, поднималъ глаза, глядѣлъ на большія вѣтви, перекидывавшіяся черезъ стѣну, точно руки спрятавшихся великановъ. Изъ парка доносился разный шумъ, шелестъ крыльевъ, трепетаніе листьевъ, легкіе прыжки, ломавшіе вѣтки, сильные вздохи, клонившіе долу молодые кусты, цѣлое дыханіе жизни, которое проносилось по верхушкамъ деревьевъ. По временамъ, когда раздавался крикъ птицы, походившій на человѣческій смѣхъ, патеръ поворачивалъ голову съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Забавная дѣвчонка!—говорилъ дядюшка Паскаль, слегка ослабляя возжи. — Ей было девять лѣтъ, когда она попала къ этому язычнику. Она дочь его брата, который разорился, не знаю ужъ на какомъ предпріятіи. Дѣвочка была въ пансіонѣ гдѣ-то, когда отецъ покончилъ съ собой. Она была даже настоящей дѣвицей, ученой, читала, вышивала, болтала, бренчала на фортепіано. А ужъ кокетка какая была! Я видѣлъ, когда она пріѣхала, въ узорчатыхъ чулкахъ, вышитыхъ юбкахъ, воротничкахъ, манжеткахъ, оборочкахъ... Да! нечего сказать! надолго хватило этихъ оборочекъ!

Онъ смѣялся. Кабріолетъ чуть не опрокинулся, задѣвъ за большой камень.

— Вотъ увидите, если я не оставлю колесъ отъ моего ка-

бріолета на этой проклятой дорогѣ!—бормоталъ онъ.—Держись крѣпче, мой милый.

Стѣна все еще тянулась. Патеръ прислушивался.

— Ты понимаешь,—началъ снова докторъ,—что Параду, съ его солнцемъ, его камнями, его репейниками, способенъ съѣдать по туалету въ день. Онъ проглотилъ въ два-три пріема всѣ наряды дѣвочки. Она возвращалась оттуда чуть не голая... Теперь она одѣвается какъ дикарка. Сегодня она еще была возможна. Но въ другой разъ на ней надѣты только башмаки, да рубашка. Ты слышалъ, Параду принадлежитъ ей. На другой же день по своемъ пріѣздѣ, она завладѣла имъ. Она живетъ тамъ, выскакивая въ окна, если Жанбернатъ запираетъ дверь, убѣгая не смотря ни на что, шатаясь неизвѣстно гдѣ, по трущобамъ, ей одной извѣстнымъ... Она, должно быть, на головѣ ходитъ въ этой пустынѣ.

— Послушайте-ка, дядюшка,—перебилъ аббатъ Мурэ.—Можно подумать, что тутъ за стѣной скачетъ какое-то животное.

Дядюшка Паскаль прислушался.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—это стукъ колесъ о камни... Да! да! дѣвочка больше не бренчитъ на фортепьяно. Я думаю даже, что она разучилась читать. Представь себѣ воспитанную дѣвицу, вернувшуюся къ состоянію вольной бродяжки, выпущенную на каникулы на необитаемый островъ. У ней сохранилась только ея тонкая, кокетливая улыбка, когда она захочетъ ею щегольнуть... Да! да! если когда-нибудь тебѣ надо будетъ воспитывать дѣвушку, я тебѣ не совѣтую поручать ее Жанбернату. У него совсѣмъ особая метода: предоставлять все дѣло одной природѣ. Когда я вздумалъ-было поговорить съ нимъ на счетъ Альбины, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что не слѣдуетъ мѣшать деревьямъ рости на свободѣ. Онъ стоитъ, говорилъ онъ, за нормальное развитіе темпераментовъ!.. Нужды нѣтъ, они оба очень интересны! Я всегда навѣщаю ихъ, когда бываю здѣсь въ окрестностяхъ.

Кабріолетъ выѣхалъ наконецъ изъ выбитой дороги. На этомъ мѣстѣ стѣна Параду образовала уголъ, и затѣмъ уходила далеко вдаль, по гребнямъ холмовъ. Въ тотъ моментъ, какъ аббатъ Мурэ обернулся, чтобы бросить послѣдній взглядъ на эту сѣрую массу, непроницаемая строгость которой подъ конецъ начала раздражать его, послышался трескъ вѣтвей, сильно закачавшихся, межъ тѣмъ какъ группа молодыхъ березъ точно раскланивалась съ проѣзжими съ высоты стѣны.

— Я зналъ, что какое-то животное бѣжитъ за стѣной,—сказалъ патеръ.

Но никто не показывался и только видно было, какъ березы яростно качались въ воздухѣ, какъ вдругъ раздался звонкій голосъ, прерываемый хохотомъ и кричавшій:

— До свиданія, докторъ! до свиданія, господинъ кюрэ!.. Я цѣлую дерево, дерево посылаетъ вамъ мои поцѣлуи.

— Э! да это Альбина,—проговорилъ докторъ Паскаль.—Она бѣжала за нашимъ кабріолетомъ. Ей ничего не стоитъ скакать по кустамъ, этой маленькой волшебницѣ!

И въ свою очередь закричалъ:

— До свиданія, милашка!.. Ты однако порядочно выросла, если можешь привѣтствовать насъ такимъ образомъ.

Смѣхъ усилился, березы наклонились еще ниже; листья посыпались съ нихъ и разлетѣлись далеко, иныя даже попали на верхъ кабріолета.

— Я ростомъ съ эти деревья; всѣ листья, которые падаютъ—все это поцѣлуи—возразилъ голосъ, измѣнившійся отъ разстоянія и такой музыкальный, что молодой патеръ весь похолодѣлъ.

Дорога становилась лучше. При спускѣ, въ глубинѣ выжженой солнцемъ долины, показалось селеніе Арто. Когда кабріолетъ доѣхалъ до перекрестка, аббатъ Мурэ не захотѣлъ, чтобы дядя отвезъ его въ приходскій домъ. Онъ соскочилъ на землю, говоря:

— Нѣтъ, благодарю; я лучше пройдусь пѣшкомъ, это мнѣ будетъ полезно.

— Какъ тебѣ угодно,—сказалъ наконецъ докторъ.

И пожавъ ему руку, прибавилъ:

— Гмъ! еслибы всѣ твои прихожане были похожи на этого звѣря Жанберната, то тебѣ не часто приходилось бы безпокоиться. Какъ бы то ни было, ты самъ пожелалъ навѣстить его... Ну, будь здоровъ. При малѣйшемъ нездоровьи, днемъ или ночью, присылай за мной. Ты знаешь, что я лечу даромъ всю семью... Прощай, мой другъ.

X.

Когда аббатъ Мурэ очутился одинъ среди пыльной дороги, онъ почувствовалъ себя облегченнымъ. Эти каменистыя поля снова возвращали его къ старой мечтѣ о суровой жизни, жизни, сосредоточенной на своемъ внутреннемъ мірѣ и протекающей среди пустыни. Когда онъ ѣхалъ мимо парка, деревья осѣняли его голову опасной свѣжестью, а теперь горячее солнце пекло ее. То-

щія миндальныя деревья, жалкіе хлѣба, убогіе виноградники, росшіе по обѣимъ сторонамъ дороги, успокоивали его, выводили изъ тревоги, въ которую привела его слишкомъ роскошная природа Параду. И среди ослѣпительнаго свѣта, пролившагося съ неба на эту обнаженную землю, богохульства Жанберната не бросили ни малѣйшей тѣни. Аббатъ Мурэ очень обрадовался, когда, поднявъ голову, увидѣлъ на горизонтѣ неподвижную полосу, образуемую Пустынникомъ вмѣстѣ съ розовыми пятнами церковныхъ черепицъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ дому, аббатомъ овладѣвало иного рода безпокойство. Тёза встрѣтитъ его, конечно, далеко не любезно съ холоднымъ завтракомъ, послѣ двухчасового слишкомъ ожиданія. Онъ представлялъ себѣ ея сердитое лицо, потокъ словъ, которымъ она его обдастъ, раздраженный стукъ посуды, который ему придется слушать цѣлое утро. Когда онъ миновалъ селеніе, тревога его до того усилилась, что онъ остановился, охваченный страхомъ, и спрашивалъ себя, не благоразумнѣе ли будетъ обойти кругомъ и вернуться черезъ церковь. Но пока онъ совѣщался съ самимъ собой, сама Тёза появилась на порогѣ дома; чепецъ съѣхалъ у нея на бокъ, кулаки подпирали бока. Онъ согнулъ спину и долженъ былъ всходить на холмъ подъ этимъ взоромъ, метавшимъ молніи, и который онъ чувствовалъ на себѣ.

— Кажется, что я опоздалъ, моя добрая Тёза, — пробормоталъ онъ на послѣднемъ поворотѣ тропинки.

Тёза подождала, чтобы онъ подошелъ совсѣмъ близко. Тогда она уставилась на него съ бѣшенымъ лицомъ; затѣмъ, не говоря ни слова, повернулась спиной, прошла впередъ въ столовую, топая своими толстыми подошвами, и дотого разсерженная, что даже почти не хромала.

— У меня было такъ много дѣла! — началъ патеръ, котораго эта нѣмая встрѣча приводила въ ужасъ. — Я бѣгаю съ самаго утра...

Но она перебила его рѣчь новымъ взглядомъ, такимъ пристальнымъ, такимъ сердитымъ, что у него колѣни подкосились. Онъ сѣлъ и принялся ѣсть. Она прислуживала ему съ чопорностью автомата, рискуя разбить тарелки, съ такою силою ставила ихъ на столъ. Молчаніе становилось такимъ страшнымъ, что онъ не могъ проглотить третьяго куска, подавившись отъ волненія.

— А сестра уже завтракала? — спросилъ онъ. — И хорошо

сдѣлала; никогда не надо меня ждать къ завтраку, если меня задержатъ дѣла.

Отвѣта не воспослѣдовало. Теза, стоя, дожидалась, чтобы онъ опорожнилъ свою тарелку, и она могла бы снять ее. Тогда, чувствуя, что не въ силахъ ѣсть подъ этимъ злобнымъ взглядомъ, который хотѣлъ его испепелить, онъ оттолкнулъ тарелку. Этотъ гнѣвный жестъ былъ какъ бы ударомъ хлыста, который вывелъ Тёзу изъ ея упрямаго ожесточенія. Она такъ и воспрянула.

— А! такъ-то!—закричала она.—Вы еще и сердитесь. Когда такъ, то я ухожу! Выдайте мнѣ деньги на мой проѣздъ на родину. Мнѣ надоѣли ваше Арто, и ваша церковь, и все!

Она вытащила изъ-подъ передника свои дрожащія руки.

— Вы вѣдь должны были видѣть, что я не желала говорить... Развѣ такъ можно жить? Такъ дѣлаютъ только канатные плясуны, г. кюрэ! Небось, теперь одиннадцать часовъ, по вашему? Вамъ не стыдно сидѣть за столомъ въ два часа пополудни? Это непристойно для христіанина; нѣтъ! Это непристойно!

Тутъ она стала передъ нимъ.

— Да, наконецъ, скажите же: откуда вы? съ кѣмъ вы видѣлись? Какое дѣло могло задержать васъ?.. Еслибы вы были ребенокъ, вы бы заслуживали, чтобы васъ высѣкли. Развѣ пристало патеру бѣгать по большимъ дорогамъ, въ зной, точно нищему, у котораго нѣтъ крова... Ахъ! нечего сказать, хороши вы вернулись! башмаки всѣ запылены, ряса совсѣмъ побѣлѣла отъ пыли! Кто вамъ станетъ чистить вашу рясу? Кто вамъ купитъ новую?.. Да говорите же, скажите, чтó вы дѣлали. Честное слово! кабы я не знала васъ, то могла бы подумать Богъ знаетъ чтó. И знаете, чтó я вамъ скажу? ну, вотъ, я не побожусь, что вы и въ самомъ дѣлѣ не дѣлали Богъ знаетъ чего. Отъ человѣка, который завтракаетъ въ такіе часы, всего можно ожидать.

Аббатъ Мурэ, облегченный, предоставилъ бурѣ улечься мало-по-малу. Онъ находилъ что-то успокоительное въ разгнѣванныхъ словахъ своей служанки.

— Послушайте, моя добрая Тёза, — сказалъ онъ: — прежде всего надѣньте вашъ передникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричала она:—кончено, я ухожу.

Но онъ всталъ съ мѣста и, смѣясь, завязалъ ей передникъ у таліи. Она же отбивалась, бормоча:

— Говорю вамъ, нѣтъ!.. Вы хитрецъ; я понимаю ваши хитрости, я вижу, что вы хотите задобрить меня сладкими словами... Скажите сначала, куда вы ходили? А тамъ увидимъ.

Онъ весело сѣлъ за столъ, какъ человѣкъ выигравшій сраженіе.

— Прежде всего, — возразилъ онъ: — вы позвольте мнѣ поѣсть... Я умираю съ голода.

— Еще бы, — пробормотала она, разжалобясь.—Ну на что это похоже?.. Хотите, я прибавлю еще два яйца? Сварить ихъ не долго. Ну, если съ васъ довольно... Но только все простыло! А я-то такъ старалась надъ бодиджаномъ! Хорошъ онъ теперь, нечего сказать! Точно старая подошва!.. Къ счастію, вы не такой лакомка, какъ бѣдный г. Каффенъ... О! конечно, у васъ есть хорошія качества, я этого не отрицаю.

Она прислуживала ему съ материнской нѣжностью, продолжая болтать. Затѣмъ, когда онъ поѣлъ, побѣжала на кухню посмотрѣть, горячъ ли кофе. Она совсѣмъ развеселилась, прихрамывала отчаянно, радуясь примиренію. Обыкновенно, аббатъ Мурэ отказывался отъ кофе, который разстроивалъ ему нервы; но на этотъ разъ, желая ознаменовать миръ, онъ согласился выпить чашку, которую она ему принесла. Онъ задумался-было надъ ней, но она сѣла передъ нимъ и тихонько повторила, какъ женщина, терзаемая любопытствомъ:

— Куда вы ходили, г. кюрэ?

— Ну,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь:—я видѣлъ Бришe, говорилъ съ Бамбуссомъ...

Тутъ онъ долженъ былъ разсказать ей, чтó говорили Бришe, кáкъ рѣшилъ Бамбуссъ, и какое лицо у нихъ было при этомъ, и въ какомъ мѣстѣ они работали. Когда она узнала отвѣтъ отца Розаліи:

— Еще бы!—закричала она:—умри ребенокъ, беременность будетъ не въ счетъ.

Тутъ она сложила руки съ завистливымъ восхищеніемъ.

— Ужъ какъ же вы, должно быть, разглагольствовали, г. кюрэ! Полъ-дня убить на то, чтобы добиться такого славнаго результата!.. И вы тихонько, должно быть, шли домой? должно быть чертовски жарко на открытомъ мѣстѣ.

Аббатъ, вставшій съ мѣста, не отвѣчалъ. Онъ хотѣлъ-было заговорить о Параду, разспросить подробно объ его обитателяхъ, но боязнь, что къ нему будутъ слишкомъ приставать съ разспросами, какой-то смутный стыдъ, въ которомъ онъ не признавался самому себѣ, заставили его умолчать о своемъ визитѣ къ Жанбернату. Онъ положилъ конецъ разспросамъ, спросивъ:

— А гдѣ же сестра? ее что-то не слыхать.

— Подите сюда, сударь,—проговорила Тёза, засмѣявшись и приложивъ палецъ къ губамъ.

Они вошли въ сосѣднюю комнату, деревенскую гостиную, обитую обоями съ большими полинявшими сѣрыми цвѣтами, и меблированную четырьмя плетеными креслами и диваномъ. На диванѣ спала Дезирэ, растянувшись во весь ростъ и подложивъ подъ голову оба кулака. Юбки ея сбились на сторону, открывъ колѣна; а закинутыя руки, обнаженныя до локтя, обрисовывали мощныя линіи груди. Она нѣсколько сопѣла, полураскрывъ красныя губы и выставивъ зубы.

— Гмъ! вотъ-то крѣпко спитъ!—прошептала Тёза.—Она даже не слыхала, какъ вы сейчасъ кричали мнѣ о вашихъ глупостяхъ. Нечего сказать, она, должно быть, знатно устала. Представьте, она чистила своихъ животныхъ до двѣнадцати часовъ... Позавтракавъ, она свалилась тутъ какъ убитая. Съ тѣхъ поръ ни разу не пошевельнулась.

Патеръ смотрѣлъ на нее съ минуту съ братской нѣжностью.

— Пусть себѣ спитъ, сколько хочетъ,—промолвилъ онъ.

— Разумѣется... Какое несчастіе, что она дурочка! Поглядите, какія толстыя руки! Когда я одѣваю ее, то всегда думаю о томъ, какая бы изъ нея вышла красивая женщина. Ужъ можно себѣ представить, какими бы она здоровыми племянниками подарила г. кюрэ... Вы не находите, что она похожа на ту большую каменную даму, которая стоитъ на хлѣбномъ рынкѣ въ Плассанѣ.

Она говорила про Цереру, попиравшую ногами снопы пшеницы—произведеніе одного ученика Пюже, украшавшее фронтонъ рынка. Аббатъ Мурэ, не отвѣчая, тихонько вытолкалъ ее изъ гостиной, прося шумѣть какъ можно меньше. И до самаго вечера приходскій домъ оставался погруженнымъ въ глубокое безмолвіе. Тёза оканчивала свою стирку въ сараѣ. Патеръ, въ глубинѣ маленькаго садика, съ требникомъ на колѣняхъ, весь углубился въ благочестивое созерцаніе, между тѣмъ какъ розовые лепестки сыпались съ персиковыхъ деревьевъ.

XI.

Около шести часовъ домъ внезапно проснулся. Хлопанье дверей, отпиравшихся и запиравшихся, потрясло весь домъ, и затѣмъ появилась Дезирэ, съ распущенными волосами, съ руками, обнаженными по самый локоть, крича:

— Сержъ! Сержъ!

Тутъ, увидѣвъ брата въ саду, она подбѣжала къ нему, присѣла на минутку на землѣ у его ногъ, умоляя его:

— Приди же посмотрѣть на животныхъ... Ты вѣдь еще не видѣлъ ихъ, скажи! Если бы ты зналъ, какъ они теперь прекрасны!

Онъ долго не соглашался. Скотный дворъ его пугалъ немного. Но, увидя слезы на глазахъ Дезире, уступилъ. Тогда она бросилась ему на шею, мгновенно повеселѣвъ, точно молодой щенокъ, смѣясь громче прежняго и даже не вытеревъ слезъ.

— Ахъ, какой ты душка! — лепетала она, таща его за собой.—Ты увидишь куръ, кроликовъ, голубей и моихъ утокъ,—у нихъ есть чистая водица, — и мою козу, у которой комната такъ же чиста, какъ и моя собственная... Знаешь, у меня три гуся и двѣ индюшки. Иди скорѣй. Я тебѣ все покажу.

Дезирэ было теперь двадцать-два года. Воспитываясь въ деревнѣ, у своей кормилицы, крестьянки деревни Сентъ-Этропъ, она выросла среди навоза. Голова ея не была обременена никакими серьёзными мыслями, и ей пошли впрокъ жирная почва и чистый деревенскій воздухъ. Она развивалась исключительно физически, и превратилась въ красиваго животнаго, свѣжая, бѣлая, словомъ: кровь съ молокомъ. Она была точно породистая ослица, одаренная способностью смѣяться. Хотя она рылась въ навозѣ съ утра до ночи, но сохранила изящество рукъ и ногъ, и стройныя линіи своего дѣвственнаго тѣла. Она была совсѣмъ особымъ существомъ, ни барышней, ни крестьянкой, дѣвушкой, воспитанной природой, съ роскошными плечами и узкимъ лбомъ молодой богини.

Конечно, ея умственная ограниченность сблизила ее съ животными. Ей было ловко только въ ихъ обществѣ; она понимала ихъ лучше, чѣмъ людей, и ухаживала за ними съ материнской нѣжностью. За недостаткомъ логическаго мышленія, у нея имѣлся инстинктъ, ставившій ее на равную съ ними ногу. При первомъ ихъ крикѣ, она знала, чтó ихъ тревожитъ. Она изобрѣтала лакомства, на которыя тѣ жадно набрасывались. Однимъ жестомъ

прекращала ихъ ссоры, узнавала по первому взгляду, добры они или злы; разсказывала такія длинныя исторіи, передавала такія подробности объ образѣ дѣйствій всякаго цыпленка, что приводила въ неописанное изумленіе людей, для которыхъ одинъ цыпленокъ нисколько не отличается отъ другого. Ея скотный дворъ былъ настоящимъ государствомъ, гдѣ она царила самодержавной властительницей;—государство съ весьма сложной организаціей, нарушаемой революціями, населеннымъ самыми различными существами, исторія котораго была извѣстна ей одной. Это инстинктивное знаніе заходило такъ далеко, что она чуяла носомъ яйцаболтуны и заранѣе объявляла, сколько родится дѣтенышей у самки-кролика.

Въ шестнадцать лѣтъ, когда наступила возмужалость, Дезирэ не испытывала ни головокруженія, ни тошноты, отъ которой страдаютъ другія дѣвушки. Она превратилась въ хорошо сложенную женщину, стала чувствовать себя здоровѣе, полнѣла не по днямъ, а по часамъ, такъ что платья ея трещали по шву. Съ тѣхъ поръ у нея сохранились круглый станъ, свобода въ движеніяхъ, мощныя формы античной статуи. Она развилась и осталась здоровымъ животнымъ. Можно было подумать, что ее выкормилъ черноземъ скотнаго двора, что она извлекаетъ изъ него живительные соки своими толстыми ногами, бѣлыми и крѣпкими, какъ молодыя деревья. Но, не взирая на ея роскошное физическое развитіе, никакое чувственное желаніе не просыпалось въ ней. Она сознавала себя удовлетворенной жизнью, кипившей вокругъ нея. Она сохраняла свое спокойствіе красиваго животнаго, свой ясный взглядъ, лишенный мысли; она была счастлива тѣмъ, что ея маленькій мірокъ, котораго она чувствовала себя матерью, плодится и размножается вокругъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ Дезирэ находилась въ Арто, она проводила дни въ совершенномъ благополучіи. Наконецъ-то осуществилась мечта ея жизни, единственное желаніе, которое мучило ее при всей безмятежности нрава дурочки. У нея былъ скотный дворъ, уголокъ, который былъ предоставленъ въ ея полное распоряженіе, гдѣ она могла ростить своихъ животныхъ на свободѣ. Съ тѣхъ поръ она схоронилась въ немъ; сама строила домики для кроликовъ, рыла прудки для утокъ, вбивала гвозди, носила солому, не позволяя, чтобы кто-нибудь помогалъ ей. Тёзѣ оставалось только мыть ее самоё. Скотный дворъ былъ расположенъ позади кладбища; зачастую даже, Дезирэ приходилось розыскивать среди могилъ какую-нибудь любознательную курицу, перескочившую черезъ заборъ. Въ глубинѣ стоялъ сарай, гдѣ находилось помѣщеніе для кроликовъ и курятникъ; направо жила коза

въ довольно большой конюшнѣ. Впрочемъ, всѣ эти животныя вели жизнь сообща: кролики бѣгали съ курами, коза купала ноги среди утокъ; гуси, индѣйки, голуби жили дружно въ обществѣ трехъ кошекъ. Когда Дезирэ показывалась у деревянной загородки, преграждавшей всему этому міру доступъ въ церковь, ее встрѣчалъ оглушительный гвалтъ.

— Гмъ! слышишь, какъ они шумятъ, — сказала она брату еще у дверей столовой.

Но когда она впустила его и затворила рѣшетку, всѣ животныя такъ и набросились на нее. Утки и гуси, щелкая клювомъ, дергали ее за юбки; жадныя куры подскакивали къ ея рукамъ и клевали ихъ; кролики забились между ногъ и, прыгая, доставали почти до самыхъ ея колѣнъ; между тѣмъ какъ три кошки вскарабкались на плечи, а коза блеяла въ конюшнѣ, потому что не могла выбѣжать къ ней.

— Оставьте же! — кричала она, громко смѣясь, потому что ее щекотали всѣ эти перья, лапки, клювы, теребившіе ее.

Но она ничего не дѣлала, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. По ея словамъ, она дала бы себя заживо съѣсть,—такъ ей были любы ласки всѣхъ этихъ живыхъ существъ, которыя ее согрѣвали. Одна изъ кошекъ ни за что не хотѣла спуститься съ ея спины.

— Это Муму́, — проговорила она. — У него лапки совсѣмъ бархатныя.

При этомъ прибавила, съ гордостью указывая на скотный дворъ:

— Ты видишь, какъ здѣсь чисто!

И въ самомъ дѣлѣ, скотный дворъ былъ выметенъ, вымытъ, вычищенъ. Но отъ грязной воды, отъ навоза, перевернутаго вилами, несся такой ѣдкій запахъ, что у аббата Мурэ сперлось дыханіе. Навозъ лежалъ громадной кучей у стѣны, и отъ него шелъ паръ.

— Гмъ! какова куча! — произнесла Дезирэ, расхаживая съ братомъ среди ѣдкаго запаха. — Я сама свалила весь навозъ сюда; никто мнѣ не помогалъ... Знаешь, это вовсе не грязно. Это мягчитъ кожу. Посмотри на мои руки.

Она протянула руки, обмакнувъ ихъ предварительно въ ведро съ водой,—царскія руки, роскошной формы, выросшія точно двѣ бѣлыя и жирныя розы въ этомъ навозѣ.

— Да, да,—пробормоталъ патеръ, — ты славно поработала. Теперь тутъ очень хорошо.

И онъ направился къ рѣшеткѣ; но она остановила его:

— Подожди же! Осмотри все. Ты и не подозрѣваешь...

Она потащила его въ сарай, къ кроликамъ.

— Въ каждомъ отдѣленіи есть дѣтеныши, — сказала она, хлопая съ восторгомъ въ ладоши.

Тутъ она пространно описала ему жизнь и нравы кроликовъ. Она заставила его стать на колѣни, приложить носъ къ клѣткѣ, въ то время, какъ сообщала ему мельчайшія подробности. Самки, съ большими подвижными ушами, косо поглядывали на нихъ, пыхтя, и съёжились отъ страха. Потомъ они увидѣли въ одной клѣткѣ дыру, выложенную волосомъ, на днѣ которой шевелилась живая куча, и она дышала точно одно тѣло. Возлѣ нея другіе дѣтеныши подползали къ краю дыры, выставивъ несоразмѣрно большія головы. Далѣе виднѣлись дѣтеныши уже покрупнѣе, походившіе на молодыхъ крысъ, суетившіеся, прыгавшіе, поднимая кверху задъ, на которомъ хвостъ торчалъ бѣлой пуговицей. Эти были игривы, какъ дѣти, скакали вокругъ клѣтокъ, бѣлые, съ свѣтло-рубиновыми глазами, черные, съ глазами, сверкавшими какъ агатъ. Внезапный испугъ заставлялъ ихъ поспѣшно убѣгать, выказывая при каждомъ прыжкѣ свои тоненькія лапки. Послѣ этого они забивались въ кучу такъ плотно, что видны были однѣ головы.

— Это ты ихъ пугаешь, — говорила Дезирэ. — Меня-то они хорошо знаютъ.

Она подманивала ихъ, вынимая изъ кармана какую-нибудь хлѣбную корочку. Маленькіе кролики, успокоившись, одинъ за другимъ, подходили бокомъ и выставивъ носъ къ самой рѣшеткѣ. Она удерживала ихъ тамъ на минуту, чтобы показать брату розовый пушокъ, покрывавшій ихъ брюшки. Затѣмъ отдавала корочку самому храброму. Тогда вся толпа подбѣгала, суетилась, толкалась, но не дралась; иногда трое дѣтенышей принимались грызть одну и ту же корку; другіе спасались бѣгствомъ, оборачивались къ стѣнѣ, чтобы ѣсть спокойно; самки же, въ глубинѣ клѣтки, продолжали недовѣрчиво пыхтѣть, и отказывались отъ корочекъ.

— Ахъ, обжоры! — кричала Дезирэ, — они готовы ѣсть такимъ образомъ до-завтра!... Ночью я слышу какъ они грызутъ забытыя листья.

Патеръ всталъ, но она не уставала улыбаться милымъ малюткамъ.

— Видишь ли, вотъ, того толстенькаго, того, что весь бѣлый, съ черными ушами... Ну, вотъ! онъ обожаетъ макъ. И отлично умѣетъ отличить его среди другихъ травъ... На-дняхъ у него

сдѣлались колики. Тогда я взяла его и подержала въ теплѣ въ своемъ карманѣ. Съ этихъ поръ онъ совсѣмъ поправился.

Она протягивала пальцы въ скважины клѣтки и гладила ихъ по спинѣ.

— Точно атласъ,—говорила она.—Они одѣты, какъ принцы. И при этомъ кокетливы! Вотъ видишь этого, который все чистится. Онъ стираетъ всѣ свои лапки... Еслибы ты зналъ, какіе они смѣшные! Я ничего не говорю, но очень хорошо вижу ихъ хитрости. Такъ, напримѣръ, вотъ этотъ сѣренькій, который на насъ смотритъ, ненавидѣлъ одну маленькую самку, которую мнѣ пришлось помѣстить отдѣльно. Между ними происходили страшныя исторіи. Разсказывать ихъ было бы слишкомъ долго. Наконецъ, въ послѣдній разъ, какъ онъ ее прибилъ, и когда я пришла въ ужасѣ, то что же я увидѣла? Этотъ негодникъ забился въ уголъ и притворился умирающимъ. Онъ хотѣлъ заставить меня думать, что она изобидѣла его...

Она остановилась, обращаясь къ кролику:

— Нечего хлопать глазами, ты мошенникъ!

И повернувшись къ брату:

— Онъ понимаетъ все, что я говорю, — пробормотала она, подмигивая.

Аббатъ Мурэ не могъ долѣе выдержать. Отъ кроликовъ несло ѣдкимъ запахомъ: у него закружилась голова. Дезирэ, точно опьянѣвшая, становилась все веселѣе и вся раскраснѣлась.

— Куда тебѣ спѣшить!—закричала она:—ты какъ будто все собираешься бѣжать... А мои маленькіе цыплятки! Они родились сегодня ночью.

Она взяла пригоршню рису и бросила передъ собой. Курица, кудахтая, важно подошла въ сопровожденіи всей толпы цыплятокъ, которые щебетали и суетились, точно одурѣвшія птицы. Затѣмъ, когда они попали на самый рисъ, мать сильно ударяла клювомъ, откидывая зерна и разбивая ихъ, между тѣмъ какъ цыплятки клевали передъ ней, съ суетливымъ видомъ. Они были очень милы въ своемъ ребячествѣ, полу-голенькія, съ круглой головой, съ глазами, блестѣвшими точно стальныя точки, покрытыя пушкомъ, торчавшимъ такъ забавно, что они походили на двухкопѣечныя игрушки. Дезирэ смѣялась отъ удовольствія, глядя на нихъ.

— Какіе амурчики!—бормотала она.

Она взяла двухъ, по одному въ каждую руку, и покрыла ихъ поцѣлуями. Патеръ вынужденъ былъ оглядѣть ихъ съ ногъ до головы, пока она спокойно говорила:

— Не легко отличить пѣтуховъ. Я-то никогда не ошибаюсь. ...Это вотъ курица, и это вотъ тоже курица.

Она поставила ихъ на полъ. Но другія куры подбѣжали клевать рисъ. Большой красный пѣтухъ, съ огненными перьями, слѣдовалъ за ними, съ осторожнымъ величіемъ приподнимая свои широкія лапы.

— Александръ становится великолѣпенъ, — сказалъ аббатъ, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ.

Пѣтухъ назывался Александромъ. Онъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку своимъ огненнымъ окомъ, повернувъ голову и распустивъ хвостъ. Потомъ подошелъ и сталъ возлѣ самаго ея платья.

— Онъ меня очень любитъ, — проговорила она. — Одна я могу его трогать... Онъ хорошій пѣтухъ. У него четырнадцать курицъ, и я никогда не нахожу болтуновъ въ ихъ яйцахъ... Не правда-ли, Александръ?

Она нагнулась. Пѣтухъ не обратился въ бѣгство отъ ея ласки. Казалось, кровь хлынула въ его гребешокъ; хлопая крыльями, вытянувъ шею, онъ громко и протяжно запѣлъ, и его голосъ прозвучалъ, точно мѣдная труба. Четыре раза пропѣлъ онъ, и всѣ пѣтухи въ Арто откликались на его пѣніе. Дезирэ очень забавляла встревоженная физіономія брата.

— Гмъ! онъ оглушилъ тебя,—произнесла она:—у него знатное горло... Но, увѣряю тебя, онъ не золъ. Вотъ куры, такъ тѣ злы... Помнишь ли большую пеструшку, ту, которая несла желтыя яйца? Третьяго дня она расцарапала себѣ лапу. Когда остальныя увидѣли кровь, то словно обезумѣли. Всѣ бѣгали за ней, клевали ее, пили ея кровь, такъ что къ вечеру сожрали ея лапу... Я нашла ее забившуюся за камнемъ и безмолвно позволявшую пожирать себя.

Обжорство куръ смѣшило ее. Она разсказывала про другія жестокости совершенно спокойно; про то, какъ у молодыхъ цыплятъ расклевывали задъ; про курицу, у которой остальныя поѣли всѣ внутренности и она нашла отъ нея только шею и крылья; про то, какъ маленькіе, только-что родившіеся котята были съѣдены въ нѣсколько часовъ въ конюшнѣ.

— Еслибы кинуть имъ цѣлаго человѣка, то онѣ бы справились съ нимъ... И при этомъ онѣ такія выносливыя! Онѣ отлично живутъ съ сломанной лапой. Хотя бы онѣ были покрыты ранами, хотя бы у нихъ на тѣлѣ были язвы, въ которыя можно было бы просунуть кулакъ, онѣ не перестаютъ ѣсть. Вотъ за это-то я и люблю ихъ; мясо ихъ подживаетъ въ два дня, тѣло ихъ всегда теплое, точно у нихъ подъ перьями цѣлый запасъ солнца... Когда я хочу уго-

стить ихъ, то бросаю имъ сырой говядины. А червей-то! Посмотри, какъ онѣ ихъ любятъ.

Она подбѣжала къ кучѣ навоза, нашла червяка, котораго взяла въ руки безъ отвращенія. Куры бросались на ея руки. Но она держала червяка очень высоко, забавляясь ихъ жадностью. Наконецъ, она раскрыла пальцы. Куры, толкаясь, бросились на червяка; наконецъ, одна изъ нихъ убѣжала съ червякомъ въ клювѣ, а другія бросились за ней въ погоню. Она выпустила червяка, снова подхватила его, опять выпустила, пока наконецъ одна изъ куръ, широко раскрывъ клювъ, не проглотила червяка. Тогда всѣ другія остановились, вытянувъ шею, съ сверкающими глазами, дожидаясь другого червяка. Дезирэ, счастливая, звала ихъ по именамъ, называла ласкательными прозвищами, а аббатъ Мурэ отступилъ на нѣсколько шаговъ, передъ этой прожорливой стаей.

— Нѣтъ, я не рѣшаюсь,—сказалъ онъ сестрѣ, желавшей, чтобы онъ взвѣсилъ курицу, которую она откармливала.—Мнѣ непріятно трогать живыхъ животныхъ.

Онъ силился улыбнуться. Но Дезирэ назвала его трусомъ.

— Ну, вотъ! а мои утки, гуси, мои индѣйки! Чтó бы ты сталъ дѣлать, еслибы тебѣ пришлось за ними ходить?.. Вотъ кто грязенъ—это утки. Слышишь, какъ онѣ плещутся въ водѣ? А когда онѣ ныряютъ, то видны только ихъ хвосты, торчащіе точно кегли... Съ гусями и индюшками не легче ладить. Эхъ! вотъ весело-то, когда они выступаютъ рядомъ одни, всѣ бѣлые, другія всѣ черныя, съ своими длинными шеями. Точно кавалеры и дамы... Вотъ еще существа, которымъ я не совѣтую тебѣ подставлять пальца. Они проглотятъ его сразу... У меня же они цѣлуютъ пальцы, вотъ погляди!

Слова ея были прерваны радостнымъ блеяніемъ козы, которая наконецъ оттолкнула плохо запиравшуюся дверь конюшни. Въ два прыжка, животное очутилось возлѣ нея, опустилось на переднія ноги, ласкатая ее рогами. Патеръ нашелъ, что она похожа на чорта съ своей остренькой бородкой и косыми глазками. Но Дезирэ взяла ее за шею, поцѣловала въ голову, играя съ ней и толкуя о томъ, что станетъ ее сосать.

— Я часто дѣлаю это,—говорила она.—Когда мнѣ хочется пить, я ложусь въ конюшнѣ и сосу козу.

— Посмотри, какъ у нея много молока,—прибавила она, поднимая громадное вымя животнаго.

Аббатъ опустилъ глаза, точно ему показали нѣчто непристойное. Ему припомнилось, что онъ видѣлъ въ Сенъ-Сантюрин-

скомъ монастырѣ, въ Плассанѣ, каменную козу, украшавшую стѣну, и подлѣ нея монаха. Козы, отъ которыхъ пахло козломъ, съ ихъ прихотливостью и упрямствомъ, съ висячимъ выменъ, представлялись ему какими-то исчадіями ада, отъ которыхъ несло порокомъ. Сестра его добилась разрѣшенія держать козу лишь послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ. А самъ онъ, когда приходилъ на скотный дворъ, избѣгалъ соприкосновенія съ длинной шелковистой шерстью животнаго, и защищалъ свою рясу отъ ея роговъ.

— Ну, такъ и быть! я отпущу тебя на свободу,—сказала Дезирэ, замѣтивъ усилившееся безпокойство брата. — Но прежде нужно мнѣ тебѣ кое-что показать... Обѣщай, что ты не станешь меня бранить?—Я тебѣ объ этомъ не говорила, потому что ты не хотѣлъ... Еслибы ты зналъ, какъ я довольна!

Она съ умоляющимъ видомъ сложила руки, положивъ голову на плечо брата.

— Какая-нибудь новая глупость,—пробормоталъ онъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ улыбки.

— Ты позволяешь, скажи?—продолжала она съ блестящими отъ радости глазами.—Ты не разсердишься?.. Онъ такой хорошенькій!

И она бѣгомъ бросилась къ низкой дверцѣ подъ сараемъ, которую отворила. Маленькій поросенокъ выскочилъ однимъ прыжкомъ на дворъ.

— О! мой херувимчикъ!—проговорила она съ глубокимъ восторгомъ, глядя на него.

Маленькій поросенокъ былъ дѣйствительно милъ; весь розовый, съ мордочкой, обмытой водой, съ кружкомъ грязи вокругъ глазъ отъ постояннаго копанья въ навозѣ. Онъ бѣгалъ, опрокидывая куръ, хватая то, что́ имъ бросали, быстро кружась по двору. Уши хлопали его по глазамъ, мордочка волочилась по землѣ; онъ походилъ на своихъ тонкихъ лапкахъ на игрушку на колесахъ. А назади хвостикъ его былъ похожъ на обрывокъ веревки, за которую его вѣшали.

— Я не хочу, чтобы это животное здѣсь оставалось!—закричалъ патеръ, очень раздосадованный.

— Сержъ, мой добрый Сержъ,—снова умоляла Дезирэ, не будь злымъ...—Погляди, какой онъ невинный, бѣдняжка. Я его буду чистить, буду держать въ большой опрятности. Тёза выпросила его для меня. Теперь уже нельзя отослать его... Погляди, онъ на тебя смотритъ, онъ тебя чувствуетъ. Небойся, онъ тебя не съѣстъ.

Но вдругъ она умолкла и покатилась со смѣху. Маленькій поросенокъ, обезумѣвшій отъ страха, бросился въ ноги козѣ, которую опрокинулъ. Потомъ принялся бѣжать, визжа, кувыркаясь и взбудораживая весь скотный дворъ. Дезирэ, чтобы успокоить его, вынуждена была подставить ему глиняную чашку съ водой. Тогда онъ сунулъ морду въ чашку до самыхъ ушей, плескался въ ней, хрюкалъ, между тѣмъ какъ дрожь пробѣгала по его розовой кожѣ. Хвостикъ его совсѣмъ развился и обвисъ.

Аббату Мурэ стало снова противно, когда до него долетѣли всплески этой грязной воды. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ находился, дыханіе у него спиралось, руки, грудь, лицо горѣли. Мало по-малу голова у него закружилась. Онъ едва успѣлъ отворить деревянную загородку. Ноги его прилипали къ почвѣ, пропитанной навозомъ, и ему показалось, что земля какъ будто держитъ его. И вдругъ ему припомнился Параду съ его большими деревьями, черными тѣнями, сильнымъ благоуханіемъ, и онъ никакъ не могъ прогнать это воспоминаніе.

— Вотъ, теперь ты весь вспыхнулъ,—сказала Дезирэ, нагоняя его за рѣшеткой.—Ты не радъ, что все это видѣлъ?... Слышишь, какъ кричатъ животныя?

Животныя, видя, что она уходитъ, толкались у рѣшетки, испуская жалобные крики. Маленькій поросенокъ въ особенности визжалъ, точно пила, когда ее натачиваютъ. Но она кланялась имъ, смѣясь, что они всѣ столпились въ кучу, точно влюбленные въ нее. Затѣмъ, прижавшись къ брату, проводила его до саду:

— Мнѣ бы хотѣлось корову,—прошептала она ему на ухо, вся вспыхнувъ.

Онъ поглядѣлъ на нее, сдѣлавъ жестъ отказа.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь,—живо возразила она.—Позднѣе, я переговорю съ тобою... Въ конюшнѣ есть мѣсто. Красивую бѣлую корову съ рыжими пятнами. Ты увидишь, какое у насъ будетъ славное молоко. Коза кажется, въ концѣ-концовъ, такою маленькою... А когда у коровы будетъ теленокъ!..

Она запрыгала, захлопала въ ладоши, а патеру опять представился скотный дворъ, запахъ котораго она перенесла въ своихъ юбкахъ. Поэтому онъ оставилъ ее въ глубинѣ сада, гдѣ она усѣлась на землѣ, на солнцѣ, передъ ульемъ; пчелы жужжали точно золотые шарики на ея шеѣ, вдоль ея голыхъ рукъ, въ ея волосахъ, но не жалили ее.

XII.

Братъ Арканжіа обѣдалъ въ приходскомъ домѣ по четвергамъ. Онъ приходилъ обыкновенно спозаранку, чтобы переговорить о дѣлахъ прихода. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ знакомилъ аббата со всѣмъ, чтó дѣлалось въ долинѣ.

Въ этотъ четвергъ, въ ожиданіи того, когда Тёза позоветъ ихъ, они медленно прохаживались передъ церковью. Патеръ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Бамбуссомъ, и съ большимъ удивленіемъ услышалъ, что монахъ нашелъ отвѣтъ крестьянина весьма естественнымъ.

— Онъ правъ, этотъ человѣкъ, — говорилъ монахъ-игнорантинъ.—Кому охота терять свое добро... Розалія не многаго стóитъ, но всегда тяжело отдавать дочь за нищаго.

— Однако, — возразилъ аббатъ Мурэ, только бракъ можетъ положить конецъ скандалу.

Монахъ пожалъ своими широкими плечами. Онъ иронически разсмѣялся.

— Неужели же вы воображаете, что исправите весь околотокъ этимъ бракомъ!.. Не пройдетъ и двухъ лѣтъ, и Катерина забеременѣетъ; потомъ за ней другія; всѣ пройдутъ черезъ это. Какъ скоро ихъ выдаютъ замужъ, то имъ наплевать на всѣхъ... Эти Арто выростаютъ въ незаконномъ сожительствѣ, какъ въ своемъ естественномъ навозѣ. Есть только одно средство, какъ я вамъ уже говорилъ, чтобы спасти край отъ заразы, — это свернуть шею всѣмъ самкамъ.... Не мужей имъ надобно, господинъ кюрэ, а палокъ, палокъ!

Успокоившись,—онъ прибавилъ:

— Предоставимъ каждому располагать своимъ добромъ, какъ онъ хочетъ.

И заговорилъ о томъ, какъ распредѣлить уроки катехизиса. Но аббатъ Мурэ отвѣчалъ разсѣянно. Онъ глядѣлъ на селеніе, разстилавшееся у него подъ ногами въ лучахъ солнечнаго заката. Крестьяне возвращались домой; мужчины молчали и шли медленными шагами, точно усталые быки, возвращающіеся въ конюшню. Передъ лачугами стояли женщины и перекликались другъ съ другомъ, перебрасывались словами съ сосѣдками, между тѣмъ какъ толпы дѣтей топали по улицѣ своими толстыми башмаками, толкались, кувыркались, барахтались. Человѣческимъ духомъ несло отъ этихъ ветхихъ хижинъ. И патеру начало казаться, что онъ все еще находится на скотномъ дворѣ Дезирэ, и передъ

нимъ копошатся животныя, безпрестанно размножающіяся. Носъ его поражался тутъ такимъ же запахомъ производительности, уши внимали разсказамъ все о тѣхъ же безпрестанныхъ родахъ, толки о которыхъ смущали его. Только и слыша съ самаго утра, что о беременности Розаліи, онъ кончилъ тѣмъ, наконецъ, что началъ думать обо всемъ этомъ, о житейской грязи, о требованіяхъ плоти, о роковомъ воспроизведеніи рода, сѣявшемъ людей, точно хлѣбныя зерна.

Фамилія Арто была стадомъ, расположившемся между четырьмя холмами, замыкавшими горизонтъ, плодившимся, расползавшимся все шире и шире.

— Глядите, закричалъ братъ Арканжіа, указывая на высокую дѣвушку, которую цѣловалъ за кустомъ ея возлюбленный,— вотъ еще негодяйка!

Онъ долго махалъ своими длинными черными руками, пока не обратилъ чету въ бѣгство. Вдали, надъ красной почвой, надъ ободранными утесами, закатывалось солнце, бросая послѣднее прощальное зарево. Мало по-малу сгущалась ночь. Жаркій запахъ лавенды сталъ свѣжѣе, приносимый поднявшимся легкимъ вѣтеркомъ. Порою проносился словно глубокій вздохъ, точно эта ненасытная земля, вся сожженная страстью, наконецъ успокоилась подъ сѣрымъ дождемъ сумерекъ. Аббатъ Мурэ, со шляпой въ рукахъ, радовался прохладѣ, чувствуя, какъ спокойствіе мрака нисходило на него.

— Господинъ кюрэ! — братъ Арканжіа! — позвала Тёза.— Идите скорѣе! супъ поданъ.

Супъ былъ съ капустою, и рѣзкій запахъ его наполнялъ столовую приходскаго дома. Монахъ сѣлъ и медленно опорожнилъ огромную тарелку, которую Тёза подала ему. Онъ много ѣлъ, причемъ въ горлѣ его слышалось журчанье, дававшее знать, что пища переходила въ желудокъ. Онъ молчалъ, не спуская глазъ съ ложки.

— Мой супъ, должно быть, не хорошъ, г-нъ кюрэ?—спросила старая служанка.—Вы только болтаете ложкой въ тарелкѣ.

— Я совсѣмъ не голоденъ, моя милая Тёза,—отвѣчалъ патеръ, улыбаясь.

— Еще бы!.. Это неудивительно послѣ вашихъ похожденій!.. Вамъ бы хотѣлось ѣсть, еслибы вы завтракали не въ третьемъ часу.

Братъ Арканжіа, переливъ на ложку нѣсколько капель бульону, оставшагося на его тарелкѣ, степенно проговорилъ:

— Надо соблюдать аккуратность въ трапезахъ, г-нъ кюрэ.

Между тѣмъ Дезирэ, которая также съѣла свой супъ, серьёзно, не раскрывая рта, встала, чтобы послѣдовать за Тёзой въ кухню. Монахъ, оставшійся наединѣ съ аббатомъ Мурэ, нарѣзалъ себѣ большіе куски хлѣба, и проглатывалъ ихъ въ ожиданіи слѣдующаго блюда.

— Итакъ, вы много ходили?—спросилъ онъ.

Патеръ не успѣлъ отвѣтить. Въ корридорѣ, со стороны двора, послышались шаги, восклицанія, громкій смѣхъ. Кто-то о чемъ какъ-будто спорилъ. Голосъ, подобный флейтѣ, смутившій аббата, горячился, громко говорилъ, заглушаемый взрывами смѣха.

— Чтó это такое?—спросилъ онъ, вставая со стула.

Дезирэ влетѣла какъ бомба. Она что-то прятала подъ своей поднятой юбкой и живо повторяла:

— Вотъ смѣшная! Ни за что не хотѣла войти. Я ее держала за юбку, но она очень сильна и вырвалась изъ моихъ рукъ.

— О комъ она говоритъ?—спросила Тёза, прибѣжавшая изъ кухни, принеся блюдо съ картофелемъ, на которомъ лежалъ кусокъ сала.

Молодая дѣвушка сѣла. Съ величайшей осторожностью вытащила она изъ-подъ юбки гнѣздо черныхъ дроздовъ, въ которомъ спали три птенчика. Она положила его на тарелку. Какъ только птенчики увидѣли свѣтъ, такъ вытянули свои тоненькія шейки, раскрывая красные клювы и прося ѣсть. Дезирэ захлопала въ ладоши, обрадованная, совсѣмъ растроганная видомъ этихъ животныхъ, которыя были ей незнакомы.

— Ахъ! это дѣвушка изъ Параду́,—вскричалъ аббатъ, вдругъ вспомнивъ о ней.

Тёза подошла къ окну.

— Это правда,—проговорила она. — Какъ это я не узнала ея стрекозьяго голоса... Ахъ! цыганка! Глядите, вонъ она шпіонитъ за нами.

Аббатъ Мурэ поспѣшно подошелъ. Ему, въ самомъ дѣлѣ, показалось, что онъ видитъ позади можжевельниковаго куста оранжевую юбку Альбины. Но братъ Арканжіа тоже подскочилъ къ окну, и высовывая изъ-за спины патера кулакъ и потрясая своей громадной головой, загремѣлъ:

— Чортъ бы тебя побралъ, разбойничья дочь! Я тебя протащу за волосы вокругъ церкви, если накрою, какъ ты здѣсь колдуешь.

Смѣхъ, свѣжій, какъ дыханіе ночи, долетѣлъ съ тропинки. Затѣмъ послышались легкіе шаги, шуршаніе юбки по травѣ. Аббатъ Мурэ, стоя передъ окномъ, слѣдилъ за свѣтлымъ пят-

номъ, мелькавшимъ среди сосноваго лѣса, точно отблескъ луны. Вѣтерокъ, долетавшій до него со двора, былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ запахомъ зелени, запахомъ дикихъ цвѣтовъ, который несся отъ голыхъ рукъ Альбины, отъ ея таліи, нестянутой корсетомъ, отъ ея распущенныхъ волосъ.

— Проклятая! дочь погибели!—глухо рычалъ братъ Арканжіа, снова садясь за столъ.

Онъ жадно съѣлъ свое сало, проглатывая цѣльныя картофелины, вмѣсто хлѣба. Тёза никакъ не могла убѣдить Дезирэ докончить обѣдъ. Большое дитя въ восторгѣ глядѣло на гнѣздо черныхъ дроздовъ, разспрашивая, чтó они ѣдятъ, несутъ ли они яйца, какъ распознавать пѣтуховъ у этихъ птицъ.

Но старую служанку вдругъ осѣнило подозрѣніе. Она оперлась на свою здоровую ногу, и глядя прямо въ глаза молодому патеру:

— Вы, значитъ, знакомы съ обитателями Параду́? — спросила она.

Тогда онъ разсказалъ все, какъ было, и описалъ свой визитъ къ старику Жанбернату. Тёза обмѣнивалась скандализированными взглядами съ братомъ Арканжіа. Она сначала ничего не сказала, но вертѣлась вокругъ стола, сильно прихрамывая, стуча пятками такъ, что могла бы продавить полъ.

— Вы могли бы сказать мнѣ, чтó это за люди, въ эти три мѣсяца, которые я живу здѣсь,—кончилъ наконецъ патеръ.—Я бы зналъ, къ кому я шелъ.

Тёза вдругъ остановилась, точно ноги у ней подломились.

— Не лгите, г. кюрэ,—проговорила она, заикаясь,—не лгите; это усилитъ вашъ грѣхъ... Какъ смѣете вы утверждать, что я вамъ не говорила про философа, про этого язычника, который служитъ скандаломъ для всего околотка. Дѣло въ томъ, что вы меня никогда не слушаете, когда я съ вами разговариваю. Чтó въ одно ухо впустили, тó изъ другого и выпустили... Ахъ! еслибы вы меня слушали, отъ многихъ бы сожалѣній избавились!

— Я вамъ также говорилъ объ этомъ нечестивцѣ,—утверждалъ монахъ.

Аббатъ Мурэ слегка пожалъ плечами.

— Можетъ быть, но я объ этомъ совсѣмъ позабылъ,—возразилъ онъ.—Только пріѣхавъ въ Параду́, мнѣ припомнилось, что я что-то какъ-будто слышалъ... Къ тому же, я бы все-таки поѣхалъ къ этому несчастному, котораго считалъ при смерти.

Братъ Арканжіа, съ набитымъ ртомъ, ударилъ ножомъ по столу, крича:

— Жанбернатъ собака. Ему слѣдуетъ околѣвать, какъ собакѣ.

И видя, что патеръ протестуетъ жестомъ головы, перебилъ ему рѣчь, крича:

— Нѣтъ, нѣтъ, для него нѣтъ Бога, нѣтъ раскаянія, нѣтъ прощенія!.. Лучше было бы бросить причастіе, чѣмъ дать его этому мерзавцу.

И снова принялся за картошки, опершись локтями на столъ, уткнувъ подбородокъ въ тарелку и жуя изъ всей мочи. Тёза, закусивъ губы и побѣлѣвъ отъ злости, удовольствовалась сухимъ замѣчаніемъ:

— Оставьте! Г-нъ кюрэ хочетъ поступать, какъ ему вздумается; у г. кюрэ завелись теперь секреты отъ насъ.

Наступило грозное молчаніе. Въ теченіи секунды слышно было только, какъ работаютъ челюсти монаха, вмѣстѣ съ страннымъ журчаніемъ въ его горлѣ. Дезирэ, охвативъ своими голыми руками гнѣздо черныхъ дроздовъ, оставшееся у нея на тарелкѣ, наклонивъ лицо, улыбалась птенчикамъ, долго разговаривала съ ними, потихонько, съ особымъ щебетаньемъ, свойственнымъ ей, и которое они, повидимому, понимали.

— Когда нéчего скрывать, то разсказываешь о томъ, что́ дѣлаешь!—закричала вдругъ Тёза.

И молчаніе возобновилось. Старую служанку пуще всего бѣсило то, что патеръ какъ будто хотѣлъ скрыть отъ нея свой визитъ въ Параду́. Она считала себя женщиной, недостойно обманутой. Любопытство ее грызло. Она гуляла вокругъ стола, не глядя на аббата, ни къ кому не обращаясь, облегчая свою душу наединѣ съ собой.

— Вотъ почему обѣдаютъ такъ поздно!.. Рыщутъ, не говоря худого слова, Богъ знаетъ гдѣ, до двухъ часовъ пополудни. Ходятъ въ такіе скверные дома, что послѣ не смѣютъ даже разсказать объ этомъ. Тогда начинаютъ лгать, всѣхъ обманываютъ...

— Но,—тихо перебилъ аббатъ Мурэ, насильно ѣвшій, чтобы не разсердить сильнѣе Тёзу,—никто у меня и не спрашивалъ, ѣздилъ ли я въ Параду́, мнѣ некому было отвѣчать.

Тёза продолжала, какъ будто ничего не слыша:

— Портятъ свою рясу въ пыли и возвращаются точно воръ. И если какая-нибудь добрая душа, принимающая въ васъ участіе, разспрашиваетъ васъ для вашей же пользы, ее обрываютъ какъ ничтожную тварь, незаслуживающую довѣрія. Скрываются, хитрятъ, предпочитаютъ скорѣе лопнуть, чѣмъ проронить слово, не подумаютъ даже о томъ, чтобы повеселить домашнихъ разсказомъ о томъ, что́ видѣли.

Она повернулась къ патеру и поглядѣла ему прямо въ лицо.

— Да, я все это говорю на вашъ счетъ... Вы скрытный, вы злой человѣкъ!

И она принялась плакать. Аббату пришлось ее утѣшать.

— М-r Каффенъ мнѣ все разсказывалъ,—кричала она.

Но мало-по-малу успокоилась. Братъ Арканжіа доканчивалъ огромный кусокъ сыру, нисколько, повидимому, не смущаясь происходившей сценой. По его мнѣнію, аббата Мурэ слѣдовало держать въ рукахъ. Тёза хорошо дѣлала, что придерживала его. Онъ опорожнилъ послѣдній стаканъ простого вина и опрокинулся на стулъ, совершая пищевареніе.

— Ну,—спросила старая служанка,—чтó вы видѣли въ Параду? Разскажите намъ, по крайней мѣрѣ.

Аббатъ Мурэ, улыбаясь, разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ диковинный пріемъ, оказанный ему Жанбернатомъ. Тёза, осыпавшая его вопросами, испускала вопли негодованія. Братъ Арканжіа сжималъ кулаки и потрясалъ ими въ воздухѣ.

— Небо да поразитъ его! — проговорилъ онъ: — пусть оно сожжетъ его и его колдунью!

Тогда аббатъ, въ свою очередь, постарался разузнать еще, чтó можно, про обитателей Параду. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ, какъ монахъ повѣствовалъ о чудовищныхъ фактахъ.

— Да! эта чертовка однажды явилась въ школу. Давно тому назадъ. Ей могло быть около десяти лѣтъ. Я оставилъ ее; я думалъ, что дядя посылаетъ ее приготовиться къ первому причащенію. Въ какихъ-нибудь два мѣсяца она взбунтовала весь классъ. Она, мошенница, заставила всѣхъ обожать себя! Она знала всякія игры, выдумывала оборки изъ листьевъ и лоскутковъ. И при этомъ была такая же смышленая, какъ и всѣ эти исчадія ада! Она тверже всѣхъ знала катехизисъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро старикъ ввалился въ классъ во время урока. Онъ грозилъ все переломать, кричалъ, что попы отняли у него ребенка. Пришлось позвать полевого сторожа, чтобы вытолкать его за дверь. Дѣвочка убѣжала. Я видѣлъ въ окно, какъ она смѣялась на сосѣднемъ полѣ надъ яростью своего дяди... Она приходила по своей охотѣ въ школу въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, а онъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

— Она никогда не причащалась,—проговорила Тёза, вполголоса, съ легкой дрожью!

— Нѣтъ, никогда! — подтвердилъ братъ Арканжіа. — Ей должно быть теперь шестнадцать лѣтъ. Она растетъ, какъ звѣрь.

Я видѣлъ, какъ она бѣгала на четверенькахъ въ рощѣ, возлѣ Палюдъ.

— На четверенькахъ,—прошептала служанка, повернувшись съ тревогой къ окошку.

Аббатъ Мурэ вздумалъ-было усомниться, но монахъ вышелъ изъ себя.

— Да, на четверенькахъ! И она прыгала, точно дикая кошка... И къ тому же всѣмъ извѣстно, что она приходитъ мяукать по ночамъ вокругъ Арто. Она мяучитъ, точно бѣшеная кошка. Ну, ужъ если когда-нибудь ей попадется въ когти мужчина, то она живьемъ проглотитъ его.

И вся его ненависть вообще къ женщинѣ выразилась при этомъ. Онъ ударами кулака потрясалъ столъ, выкрикивая обычныя ругательства.

— У нихъ чортъ сидитъ въ тѣлѣ. Отъ нихъ разитъ дьяволомъ...

Патеръ одобрительно качалъ головой. Грубость брата Арканжіа, болтливая тираннія Тёзы были все равно, что удары ремня, которыми онъ зачастую бичевалъ свои плечи. Онъ испытывалъ набожную радость, переносясь въ эту сферу, исполненную простонародной грубости. Небесный миръ, казалось ему, долженъ быть результатомъ этого презрѣнія къ свѣту, этого опошлѣнія всего его существа. То было нѣкотораго рода оскорбленіе, которое онъ съ наслажденіемъ наносилъ своему тѣлу, грязь, въ которой онъ купалъ свою нѣжную натуру.

— Все въ мірѣ грязь,—пробормоталъ онъ, складывая свою салфетку.

Тёза убирала со стола. Она хотѣла принять тарелку, на которую Дезирэ положила гнѣздо черныхъ дроздовъ.

— Вы, кажется, собираетесь здѣсь ночевать, барышня,—сказала она.—Бросьте же этихъ скверныхъ птицъ.

Но Дезирэ защищала тарелку. Она прикрыла гнѣздо своими голыми руками, не смѣясь больше, и сердясь на то, что ей мѣшаютъ.

— Я надѣюсь, что этихъ птицъ здѣсь не оставятъ,—закричалъ братъ Арканжіа. — Это принесетъ несчастіе... Надо свернуть имъ шею.

И онъ протянулъ свои большія руки. Молодая дѣвушка встала, отступила, вся трепещущая, прижимая гнѣздо къ своей груди. Она пристально глядѣла на монаха, съ отдутыми губами, съ видомъ волчицы, готовой кусаться.

— Не трогайте птенчиковъ,—пробормотала она.—Вы безобразны!

Она подчеркнула это слово съ такимъ страннымъ презрѣніемъ, что аббатъ Мурэ вздрогнулъ, точно безобразіе монаха поразило его впервые. Этотъ послѣдній удовольствовался глухимъ рычаніемъ. Онъ питалъ глухую ненависть къ Дезирэ: роскошное, физическое ея развитіе оскорбляло его. Когда она вышла, пятясь задомъ и не спуская съ него глазъ, онъ пожалъ плечами, пробормотавъ сквозь зубы непристойность, которой никто не разслышалъ.

— Пусть лучше она ложится спать,—проговорила Тёза.— Она намъ будетъ мѣшать сейчасъ въ церкви.

— Пришли?—спросилъ аббатъ Мурэ.

— Дѣвушки давно уже тамъ съ охапками зелени... Я зажгу лампаду. Можно будетъ начать, когда вы прикажете.

Нѣсколько секундъ спустя, послышалось, какъ она ругалась въ ризницѣ, потому что спички отсырѣли. Братъ Арканжіа остался наединѣ съ патеромъ, и спросилъ недовольнымъ тономъ:

— Это по случаю мѣсяца Маріи?

— Да,—отвѣчалъ аббатъ Мурэ.— Въ эти послѣдніе дни мѣстныя дѣвушки, у которыхъ были полевыя работы, не могли придти днемъ и, согласно обычаю, украсить придѣлъ св. Дѣвы. Церемонія отложена до сегодняшняго вечера.

— Хорошъ обычай!—бормоталъ монахъ.—Когда я вижу, какъ онѣ складываютъ на землю свои вѣтки, мнѣ хочется толкнуть ихъ туда же, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, покаялись въ своихъ мерзостяхъ, прежде чѣмъ дотрогиваться до престола... Стыдъ допускать, чтобы женщины прохаживались съ своими юбками такъ близко отъ святыхъ мощей.

Аббатъ извинился жестомъ. Онъ былъ недавно въ Арто и долженъ былъ подчиняться мѣстнымъ обычаямъ.

— Готово, г. кюрэ,—закричала Тёза.

Но братъ Арканжіа еще задержалъ его.

— Я ухожу,—началъ онъ.—Религія не дѣвица, чтобы ее наряжать въ цвѣты и кружева.

Онъ медленно пошелъ къ двери. Но тамъ остановился, поднялъ свой палецъ, покрытый волосами, прибавивъ:

— Остерегайтесь такого поклоненія Мадоннѣ!

XIII.

Въ церкви аббатъ Мурэ нашелъ съ десятокъ взрослыхъ дѣвушекъ, державшихъ вѣтки оливкаго, лавроваго деревьевъ и розмарина. Такъ какъ садовые цвѣты вовсе не росли на утесахъ Арто, то явился обычай украшать престолъ св. Дѣвы зеленью, которая цвѣла во весь мѣсяцъ май. Тёза прибавляла гвоздику; она держала ее въ водѣ, въ старыхъ графинахъ.

— Предоставьте мнѣ все дѣло, г. кюрэ! — просила она. — У васъ нѣтъ привычки... Вотъ, станьте тутъ, передъ алтаремъ. Вы мнѣ скажете: нравится ли вамъ убранство.

Онъ согласился, и Тёза стала распоряжаться всей церемоніей. Она взлѣзла на скамейку; ворчала на дѣвушекъ, которыя поочереди подходили съ своей зеленью.

— Не спѣши же! Дай время привязать вѣтки. Нельзя же, чтобы всѣ эти пучки свалились на голову г-ну кюрэ... Ну, Бабэ! твоя очередь. Ну, чего ты вылупила на меня свои буркалы! Хорошъ твой розмаринъ, нечего сказать! Онъ желтъ, какъ репейникъ... Твоя очередь, Рыжая! Ахъ! вотъ по крайней мѣрѣ хорошій лавръ! Ты его взяла на полѣ Зеленаго-Креста.

Большія дѣвушки складывали свои вѣтки на престолъ, который цѣловали. Съ минуту онѣ оставались возлѣ пелены, передавая вѣтки Тёзѣ; забывая о притворно-набожной минѣ, съ какою онѣ входили на ступеньки, онѣ принимались, наконецъ, смѣяться, толкались колѣнками, присѣдали передъ престоломъ, опирались на жертвенникъ. А надъ ними, большая статуя Мадонны, изъ золоченаго гипса, наклоняла свое раскрашенное лицо, улыбалась розовыми губами нагому младенцу, котораго держала на лѣвой рукѣ.

— Такъ, такъ, Лиза!—кричала Тёза:—сядь еще на престолъ! Опусти же свои юбки! Развѣ можно показывать свои ноги такимъ образомъ!.. Ну, попробуйте только возиться! Я васъ отхлещу вѣткой по лицу... Неужели вы не можете спокойно передавать мнѣ это!

И, повернувшись къ патеру, прибавила:

— Нравится ли вамъ, г. кюрэ? Довольны ли вы убранствомъ?

Она устроивала позади статуи бесѣдку изъ зелени, и концы вѣтвей, образовавшихъ бесѣдку, ниспадали въ родѣ пальмовыхъ вѣтвей.

Патеръ одобрялъ, дѣлалъ замѣчанія.

— Мнѣ кажется,—пробормоталъ онъ: — что вверху необходимъ былъ бы букетъ болѣе нѣжной зелени.

— Безъ сомнѣнія, — заворчала Тёза. — Онѣ принесли мнѣ только лавръ и розмаринъ... У кого изъ васъ есть оливковая вѣтвь? Ни у кого, такъ и есть! Этимъ язычницамъ жаль потерять четыре оливки!

Но Катерина взошла на ступени съ громадной оливковой вѣткой, которая ее совсѣмъ прикрывала.

— Ага! У тебя есть, разбойница, — возразила старая служанка.

— Еще бы,—проговорилъ одинъ голосъ: — она ее украла. Я видѣла, какъ Венсанъ ломалъ вѣтку, а она сторожила.

Катерина, раздраженная, божилась, что это неправда. Она повернулась, не выпуская вѣтви, которую несла, и высвобождая изъ-подъ нея свою черноволосую голову. Она лгала съ удивительнымъ апломбомъ; выдумала длинную исторію, чтобы доказать, что оливковая вѣтвь принадлежитъ именно ей.

— Къ тому же,—заключила она:—всѣ деревья принадлежатъ св. Дѣвѣ.

Аббатъ Мурэ хотѣлъ вмѣшаться. Но Тёза спросила: смѣются что ли надъ ней, что заставляютъ ее такъ долго держать руки поднятыми. И она крѣпко привязала оливковую вѣтвь, между тѣмъ какъ Катерина, влѣзши на скамейку, за ея спиной, передразнивала неуклюжую манеру, съ какой она поворачивала свою массивную талію, упираясь на свою здоровую ногу, что́ вызвало улыбку у самого патера.

— Вотъ!—сказала Тёза, спускаясь со ступенекъ и подходя къ нему, чтобы полюбоваться своимъ дѣломъ. — Верхняя часть готова... Теперь мы поставимъ букеты между подсвѣчниками; но, можетъ быть, вы предпочитаете гирлянду, которая бы висѣла вдоль ступенекъ.

Патеръ высказался за большіе букеты.

— Ну, идите,—проговорила она, снова взлѣзая на скамейку.— Вѣдь не ночевать же здѣсь... Что же ты не прикладываешься къ престолу, Міетта! Развѣ ты воображаешь, что ты въ твоемъ хлѣвѣ?.. Г. кюрэ, посмотрите, что́ онѣ тамъ дѣлаютъ. Я слышу, что онѣ хохочутъ, какъ полоумныя.

Подняли одну изъ лампъ и освѣтили темный уголъ церкви. Подъ трибуной, три взрослыя дѣвушки играли и толкались. Одна изъ нихъ упала головой въ кропильницу, что́ такъ разсмѣшило остальныхъ, что онѣ повалились на полъ, чтобы смѣяться вволю. Онѣ подошли, поглядывая исподтишка на патера, довольныя тѣмъ,

что ихъ бранили, и опустили руки, которыми хлопали по бедрамъ.

Но всего пуще разсердилась Тёза, увидѣвъ вдругъ, что Розалія подходитъ къ престолу вмѣстѣ съ другими, неся связку зелени.

— Убирайся! — закричала она. — Нахальства тебѣ не занимать стать, моя милая!.. Ну же, скорѣй, убирайся со своей связкой.

— Но почему же?—смѣло спросила Розалія.—Меня не могутъ обвинить въ томъ, что я ее украла.

Взрослыя дѣвушки подошли ближе, прикидываясь дурочками и обмѣниваясь блестящими взглядами.

— Убирайся, — повторяла Тёза: — тебѣ здѣсь не мѣсто, слышишь?

Тутъ она потеряла терпѣніе, запасъ котораго у нея былъ вообще невеликъ, и у ней сорвалось очень грубое слово, которое возбудило смѣхъ удовольствія среди крестьянокъ.

— Еще что?! — возразила Розалія. — Развѣ вы знаете, чтó дѣлаютъ другія? Смотрѣли вы за ними, что-ли?

И она нашла нужнымъ разрыдаться. Она бросила свои вѣтки; аббатъ Мурэ отвелъ ее на нѣсколько шаговъ, очень строго выговаривая ей. Онъ пытался заставить молчать Тёзу, и ему начинало дѣлаться неловко среди этихъ безстыжихъ дѣвченокъ, наполнявшихъ церковь своими связками зелени. Онѣ толкались у самаго подножія престола, окружая его точно живымъ лѣсомъ, принося съ собой ѣдкій запахъ пахучихъ лѣсовъ, точно присущій имъ, сильнымъ труженицамъ.

— Скорѣй, скорѣй, — проговорилъ онъ, слегка ударяя въ ладоши.

— Вотъ еще! Мнѣ самой пріятнѣе было бы лежать въ постелѣ, — пробормотала Тёза.— Неужто вы думаете, очень ловко привязывать всѣ эти вѣтки.

Тѣмъ временемъ она, привязавъ между подсвѣчниками высокіе султаны изъ зелени, сложила скамейку, которую Катерина отнесла за главный престолъ. Ей оставалось только привязать букеты по обѣимъ сторонамъ престола. Послѣднихъ связокъ зелени хватило на это украшеніе; остались даже вѣтки, которыми дѣвушки усыпали полъ до самой деревянной перегородки.

Престолъ св. Дѣвы превратился въ рощу съ маленькой зеленой лужайкой впереди.

Тогда только Тёза согласилась очистить мѣсто для аббата

Мурэ. Онъ взошелъ по ступенькамъ къ престолу и снова ударилъ слегка въ ладоши.

— Послушайте,—произнесъ онъ:—мы будемъ завтра продолжать молитвы св. Дѣвѣ. Всѣ, которымъ нельзя будетъ придти въ церковь, должны будутъ по крайней мѣрѣ прочитать молитвы у себя дома.

Онъ сталъ на колѣни, а крестьянки, шумя юбками, опустились на полъ, присѣвъ на корточки. Онѣ сопровождали его молитву неяснымъ бормотаніемъ, среди котораго прорывался смѣхъ. Одна изъ нихъ, чувствуя, что ее щиплютъ сзади, закричала и постаралась заглушить свой крикъ кашлемъ. Это такъ разсмѣшило остальныхъ, что онѣ съ минуту катались по полу, едва могли проговорить: аминь! и никакъ не могли подняться.

Тёза прогнала всѣхъ безстыдницъ; патеръ же, перекрестившись, стоялъ передъ престоломъ, углубленный въ молитву и какъ будто не слыхалъ того, что̀ происходило за его спиной.

— Ну, пошли вонъ теперь,—бормотала Тёза.—Всѣ вы сущая дрянь, и не умѣете даже чтить Бога... Это срамъ! Это невиданное дѣло, чтобы дѣвчонки катались въ церкви по полу, точно лошади по лугу... Что ты тамъ дѣлаешь, рыжая? Постой, я раздѣлаюсь съ тобой, если увижу, что ты кого-нибудь ущипнешь? Да, да, высовывайте языки, негодяйки! Я все разскажу г. кюрэ. Вонъ, негодяйки, вонъ!

И она тихо отталкивала ихъ къ дверямъ, суетясь вокругъ нихъ, прихрамывая отчаянно. Ей удалось вытолкать ихъ всѣхъ до единой, какъ вдругъ она увидѣла Катерину, преспокойно забравшуюся въ исповѣдальню вмѣстѣ съ Венсаномъ, гдѣ они что-то ѣли съ довольнымъ видомъ. Она и ихъ прогнала. Но, высунувъ голову изъ-за двери, прежде чѣмъ запереть ее, увидѣла опять Розалію, повисшую на плечахъ верзилы Фортюнэ, который ее дожидался. Оба исчезли въ темнотѣ, по направленію къ кладбищу.

— И такая негодяйка смѣетъ являться къ престолу Богородицы! — ворчала она, задвигая засовъ. — Другія не лучше ее, я знаю. Всѣ онѣ дрянныя дѣвчонки, и приходили сюда вечеромъ съ своими связками только ради забавы, да затѣмъ, чтобы цѣловаться съ молодцами при выходѣ! Завтра ни одна и не подумаетъ придти. Г-ну кюрэ придется одному читать свои *Ave*... Мы увидимъ только негодяекъ, назначившихъ свиданія.

Она толкала скамейки, ставила ихъ на мѣсто, оглядѣла, не валяется ли чего подозрительнаго, прежде чѣмъ идти спать. Она подняла въ исповѣдальнѣ пригоршню яблочной кожуры, которую бросила за главный престолъ. Она нашла также клочо̀къ ленты,

сорванной съ какого-нибудь чепца, вмѣстѣ съ прядью черныхъ волосъ, и спрятала то и другое, собираясь навести впослѣдствіи справки. За исключеніемъ этого, церковь показалась ей въ порядкѣ. Въ лампадѣ было достаточно масла на ночь; плиты могли оставаться немытыми до субботы.

— Скоро десять часовъ, г. кюрэ,—сказала она, подходя къ патеру, все еще стоявшему на колѣняхъ.—Вамъ пора бы спать.

Онъ не отвѣчалъ и только тихо наклонилъ голову.

— Хорошо! знаю, чтó это значитъ,—продолжала Тёза.—Пройдетъ еще часъ, а онъ все еще будетъ лежать тутъ на каменномъ полу и наживать колики... Я ухожу, потому что вамъ надоѣдаю. Нужды нѣтъ безразсудно завтракать, когда добрые люди обѣдаютъ, и ложиться спать въ тотъ часъ, какъ встаютъ куры. Я вамъ надоѣдаю, г. кюрэ, неправда ли? Покойной ночи. Право, вы совсѣмъ неблагоразумны!

Тутъ она рѣшилась наконецъ уйти; но вернулась потушить одну изъ двухъ лампадъ, пробормотавъ, что, когда молишься по ночамъ, то масла «идетъ страхъ». Наконецъ ушла, вытеревъ рукавомъ пелену главнаго престола, который ей показался совсѣмъ запыленнымъ. Аббатъ Мурэ, поднявъ глаза и сложивъ руки на груди, остался одинъ.

XIV.

Освѣщенная одной лампадой, горѣвшей предъ статуей Мадонны, среди зелени, церковь была полна на обоихъ концахъ большими, трепещущими тѣнями. Каѳедра бросала тѣнь до самыхъ балокъ потолка. Исповѣдальня казалась черной массой, вырѣзывавшейся подъ трибуной страннымъ профилемъ пробитой будки. Весь свѣтъ, смягченный и какъ-бы зеленоватый отъ зелени, покоился на большой, вызолоченной статуѣ Мадонны, которая точно спускалась съ царственнымъ видомъ, несомая облакомъ, на которомъ играли головки херувимовъ. Можно было подумать, глядя на круглую лампаду, сіявшую среди вѣтокъ, что блѣдная луна встаетъ на опушкѣ лѣса, озаряя сверхъестественное явленіе, небесную царицу, въ золотой коронѣ, въ золотомъ одѣяніи, несущую своего обнаженнаго и божественнаго младенца въ чащу деревъ. Мягкіе лучи свѣта, подобные тому бѣлесоватому свѣту, который въ свѣтлыя ночи проникаетъ сквозь кусты, ложились между листьевъ, вдоль высокихъ султановъ, въ широкой овальной бесѣдкѣ. Неясные звуки, какой-то трескъ долеталъ съ двухъ темныхъ концовъ церкви; большіе стѣнные часы, висѣвшіе налѣво отъ хоръ,

медленно били съ неповоротливостью заржавѣвшаго механизма. И чудное видѣніе: Мадонна съ узкимъ бандó каштановыхъ волосъ, словно успокоенная ночной тишиной, царствовавшей въ церкви, ниже опускалась, едва пригибая травинки, подъ легкимъ полетомъ своего облака.

Аббатъ Мурэ глядѣлъ на нее. Онъ любилъ церковь въ этотъ часъ. Онъ забывалъ про статую изможденнаго Христа, про Распятаго, выкрашеннаго охрой и китайской тушью, который умиралъ позади него въ придѣлѣ мертвыхъ. Его не развлекалъ больше рѣзкій свѣтъ дня, веселіе утра, входившее вмѣстѣ съ солнцемъ, жизнь улицы, воробьи и вѣтки, вторгавшіеся въ церковь черезъ разбитыя стекла. Въ этотъ ночной часъ, природа была мертва, ночь одѣвала крепомъ выбѣленныя стѣны, прохлада ночи облекала его плечи спасительной власяницей; онъ могъ углубиться въ безусловную любовь, и ни игра солнечныхъ лучей, ни ласка вѣтерка, ни благоуханіе растеній, ни ударъ крыла насѣкомаго не мѣшали его радости любить. Утренняя обѣдня никогда не давала ему тѣхъ сверхъестественныхъ радостей, какія онъ испытывалъ за вечерней молитвой.

Шевеля губами, аббатъ Мурэ глядѣлъ на Мадонну. Ему казалось, что она приближается къ нему изъ глубины своей зеленой ниши все въ бóльшей и бóльшей славѣ. Ее озаряло уже не сіяніе луны, лившееся на верхушки деревъ. Она казалась ему одѣтой въ солнце; она приближалась великолѣпная, колоссальная и такая могущественная, что минутами ему хотѣлось пасть ницъ, чтобы укрыться отъ блеска этой двери, открытой въ небо. Тогда, среди этого обожанія, отъ котораго замирали слова на его губахъ, онъ вспомнилъ послѣднее слово брата Арканжіа, показавшееся ему богохульствомъ. Часто монахъ упрекалъ его за особенное благоговѣніе передъ Мадонной, которое, по его мнѣнію, было въ ущербъ поклоненію Богу. Онъ находилъ, что оно изнѣживало душу, придавало религіи какой-то женственный характеръ, вызывало набожную сантиментальность, недостойную сильныхъ людей...

Особое поклоненіе Мадоннѣ зародилось въ аббатѣ Мурэ еще съ дѣтства. Будучи маленькимъ ребенкомъ и очень застѣнчивымъ, вѣчно забивавшимся по угламъ, онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что ему покровительствуетъ Мадонна, что два голубыхъ глаза, очень кроткихъ, съ улыбкой всюду слѣдуютъ за нимъ. Часто ночью, почувствовавъ легкое дуновеніе на своихъ волосахъ, онъ разсказывалъ, что Мадонна приходила его цѣловать. Онъ выросъ съ этой женской лаской. Уже съ

семи лѣтъ онъ удовлетворялъ своей потребности къ нѣжности, употребляя всѣ гроши, которые ему дарили, на покупку мадоннъ, которыя ревниво пряталъ, чтобы наслаждаться ими наединѣ. И никогда его не соблазняли Іисусъ, несущій агнца, Распятіе, Богъ-Отецъ, наклоняющійся, съ края облака; онъ постоянно возвращался къ нѣжнымъ изображеніямъ Мадонны, къ ея маленькому, улыбающемуся рту, къ ея тонкимъ, вытянутымъ ручкамъ. Мало-по-малу онъ собралъ ихъ цѣлую коллекцію: Марія между лиліей и прялкой, Марія, несущая дитя, точно старшая сестра, Марія, увѣнчанная розами, Марія, увѣнчанная звѣздами. Для него эта была цѣлая семья красивыхъ молодыхъ дѣвъ, похожихъ одна на другую, съ тѣмъ же добрымъ видомъ, съ тѣмъ же милымъ лицомъ, и такихъ же молодыхъ подъ своими длинными вуалями, что, не взирая на ихъ имя Мадоннъ, онъ не боялся ихъ, какъ взрослыхъ. Ему казалось, что онѣ однихъ лѣтъ съ нимъ, что онѣ маленькія дѣвочки, которыхъ ему хотѣлось бы встрѣтить, маленькія дѣвочки съ неба, съ которыми должны играть въ теченіи всей вѣчности гдѣ-нибудь въ уголкѣ рая мальчики, умершіе семи лѣтъ отъ роду. Но онъ былъ уже серьёзенъ. Выросши, онъ хранилъ тайну своей религіозной любви съ юношескимъ цѣломудріемъ. Мадонна выростала вмѣстѣ съ нимъ, обгоняя его постоянно на два или на три года. Ей было двадцать лѣтъ, когда ему было восемнадцать. Ночью она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, скрестивъ руки, улыбаясь цѣломудренной улыбкой съ очаровательной кротостью. Онъ произносилъ ея имя не иначе, какъ про себя, и у него билось сердце всякій разъ, какъ дорогое имя срывалось съ его устъ во время молитвы. Онъ больше не мечталъ о дѣтскихъ играхъ въ небесномъ саду, но о непрестанномъ созерцаніи этой бѣлой фигуры, такой чистой, что онъ не хотѣлъ бы прикоснуться къ ней своимъ дыханіемъ. Онъ даже отъ матери скрывалъ, что такъ любитъ ее.

Потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ былъ въ семинаріи, къ этой нѣжности къ Мадоннѣ, такой чистой, такой естественной, стало примѣшиваться глухое безпокойство. Поклоненіе Мадонны было ли бы необходимо для спасенія? Не оскорблялъ ли онъ Бога, отдавая Мадоннѣ часть своей любви, бо́льшую часть, свои мысли, свое сердце, всего себя? Мучительныя мысли, внутренняя борьба, разжигавшая его страсть, привязывавшая его къ ней еще сильнѣе! Онъ началъ вдаваться въ различныя тонкости. Онъ сталъ находить невѣроятное наслажденіе въ обсужденіи законности своихъ чувствъ. Книги благочестія, гдѣ прославлялась Мадонна, по-

служили ему оправданіемъ, доставили ему аргументы, которые онъ повторялъ съ благоговѣніемъ, какъ молитву. Въ нихъ онъ научился быть рабомъ Христа въ Мадоннѣ. Онъ поклонялся Христу въ Мадоннѣ. И онъ приводилъ различныя доказательства, дѣлалъ выводы: Мадоннѣ, которой Христосъ повиновался на землѣ, должны повиноваться всѣ люди; Мадонна сохраняла свое могущество матери на небѣ, гдѣ она одна была великой раздавательницей милостей Бога, единственной заступницей; Мадонна, простая женщина передъ Богомъ, но возвышенная Имъ до себя, служила, такимъ образомъ, человѣческимъ звеномъ между небомъ и землею, посредницей всякихъ милостей, всякаго милосердія, и заключеніемъ такихъ разсужденій было всегда то, что ее слѣдовало любить паче всего въ самомъ Богѣ. Затѣмъ просыпалась богословская любознательность, и тогда явилась передъ нимъ Мадонна побѣдоносная, торжествующая надъ всѣми ересями, непримиримый врагъ сатаны, новая Ева, долженствовавшая, согласно пророчеству, раздавить главу змія, высокая дверь спасенія, черезъ которую Спаситель уже вошелъ однажды и черезъ которую снова войдетъ въ послѣдній день,—пророчество неопредѣленное, провозвѣстникъ болѣе широкой роли для Мадонны, убаюкивавшее Сержа мечтой о безконечномъ проявленіи любви. Это появленіе женщины въ ревнивомъ и жестокомъ небѣ ветхаго завѣта, эта чистая фигура, поставленная у подножія Троицы, была для него истинной благодатью религіи, его утѣшеніемъ и прибѣжищемъ. И когда онъ доказалъ себѣ, шагъ за шагомъ, пространно, что она была путемъ, ведущимъ ко Христу, путемъ легкимъ, короткимъ, праведнымъ, вѣрнымъ, онъ снова отдался ей весь, безъ угрызеній совѣсти. Онъ старался быть ея истиннымъ поклонникомъ, убивая свое *я*, исчезая въ послушаніи.

Чудное, блаженное для Сержа время! Книги молитвъ къ Мадоннѣ жгли ему руки. Они говорили ему языкомъ любви, который дымился какъ ладонъ. Мадонна не была больше юной дѣвой, въ бѣломъ вуалѣ, съ скрещенными руками, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его изголовья. Она являлась въ такомъ видѣ, въ какомъ видѣлъ ее Іоаннъ, одѣтая въ солнце, увѣнчанная двѣнадцатью звѣздами, имѣя подъ ногами луну; она обдавала его своимъ благоуханіемъ, воспламеняла его желаніемъ заслужить царствіе небесное, приводила его въ восторгъ пламенемъ свѣтилъ, горѣвшихъ на ея лбу. Онъ бросался передъ нею на колѣни, называлъ себя ея рабомъ, и ничто не было для него такъ сладко, какъ это слово рабъ, которое онъ повторялъ трепещущими губами, повергаясь въ прахъ передъ нею, желая стать ея вещью,

ея бездѣлкой, пылью, до которой она дотрогивалась краемъ своего голубого платья...

Каждое утро, при пробужденіи, въ семинаріи онъ клалъ сто поклоновъ Мадоннѣ, съ лицомъ обращеннымъ къ клочку неба, которое онъ видѣлъ въ свое окошко, вечеромъ онъ прощался съ нею, кладя столько же поклоновъ и глядя на звѣзды. Зачастую, въ ясныя ночи, когда Венера сіяла, вся бѣлокурая и задумчивая въ тепломъ воздухѣ, онъ забывался, онъ лепеталъ, точно пѣлъ *Ave maris stella*, растроганный гимнъ, открывавшій передъ нимъ вдали голубые берега, тихое море, едва всколышенное ласковымъ трепетомъ, озаренное улыбающейся звѣздой, такой же большой, какъ само солнце. Онъ читалъ еще *Salve Regina*, *Regina coeli* и *O, gloriosa Domina*, всѣ молитвы, всѣ псалмы. Онъ читалъ молитвы Богородицы, книги благочестія, написанныя въ честь ея, маленькій псалтырь св. Бонавентуры, пропитанный такой набожной нѣжностью, что слезы мѣшали ему перевертывать страницы. Онъ постился, убивалъ свою плоть, чтобы принести ей ее въ жертву. Съ десяти лѣтъ онъ носилъ ея эмблемы, святой нарамникъ, двойной образокъ Мадонны, зашитый въ суккѣ, теплоту которой онъ ощущалъ на спинѣ и груди, на своей голой кожѣ, съ трепетомъ радости. Позднѣе онъ надѣлъ вериги, чтобы доказать рабство своей любви. Но самымъ великимъ для него дѣломъ оставалось ангельское привѣтствіе, *Ave Maria*, чудесная молитва его сердца,—и онъ видѣлъ, какъ она подходила къ нему, исполненная благодати, благословенная между всѣми женами; онъ бросалъ свое сердце къ ея ногамъ, чтобы она прошла по немъ. Эту молитву онъ твердилъ несчетное число разъ, на разные лады, изощряясь, чтобы сдѣлать ее болѣе дѣйствительной. Онъ читалъ двѣнадцать разъ сряду *Ave*, въ воспоминаніе двѣнадцати звѣздъ, опоясывающихъ имя Мадонны; онъ читалъ ихъ четырнадцать разъ сряду въ воспоминаніе ея четырнадцати радостей; онъ читалъ ихъ семьдесятъ разъ, въ честь годовъ, прожитыхъ ею на землѣ, и по цѣлымъ часамъ перебиралъ въ рукахъ четки.

Когда наединѣ, въ своей кельѣ, онъ становился на колѣни на полу, вокругъ него выросталъ цѣлый садъ Мадонны со всѣмъ его цѣломудреннымъ цвѣтомъ. Четки переливались въ его рукахъ цѣлой гирляндой *Ave*, въ перемежку съ *Pater*, точно гирлянда бѣлыхъ розъ, перемѣшанныхъ съ лиліями Благовѣщенія, кровавыми цвѣтами Голгоѳы, звѣздами коронованія. Онъ медленно подвигался вдоль благоухающихъ аллей, останавливаясь на каждомъ изъ пятнадцати десятковъ *Ave*, отдыхая на óбразахъ, которые они вызывали. Онъ переходилъ

отъ радости къ горю, отъ горя къ торжеству, по мѣрѣ того какъ таинства группировались на три серіи: веселую, горестную, славную. Легенда несравненная, исторія Мадонны—вся жизнь человѣческая, съ ея улыбками, ея слезами, ея торжествомъ, которую онъ переживалъ въ одну минуту отъ начала до конца. И сначала онъ переживалъ радостную серію, пять улыбающихся таинствъ, озаренныхъ свѣтомъ зари; то были: благовѣщеніе архангела, лучъ плодородія, соскользнувшій съ неба, принеся съ собой радость безгрѣшнаго союза; посѣщеніе Елизаветы въ ясное утро надежды, въ тотъ часъ, когда Марія впервые ощутила движеніе младенца, отъ котораго блѣднѣютъ матери; божественное рожденіе на соломѣ въ Виѳлеемѣ, съ длинной вереницей пастуховъ, явившихся поклониться божественному новорожденному; принесеніе новорожденнаго во храмъ, на рукахъ матери, улыбающейся, еще усталой, но уже счастливой тѣмъ, что предоставляетъ свое дитя правосудію Бога, объятіямъ Симеона, желаніямъ міра. Наконецъ, Іисусъ, выросшій, обнаруживающій себя передъ раввинами, среди которыхъ встревоженная мать находитъ его, гордая и утѣшенная. Затѣмъ, послѣ этого свѣтлаго утра, Сержу казалось, что небо быстро заволакивалось тучами. Онъ шелъ по терніямъ, обдиралъ руки о зерна четокъ, сгибался подъ ужасомъ пяти таинствъ горестныхъ: Маріи, терзаемой въ сынѣ, въ Оливковомъ саду, вмѣстѣ съ нимъ получающей удары бича, чувствующей на своемъ лбу раны, производимыя терновымъ вѣнцомъ, несущей жестокое бремя его креста, умирающей у его ногъ на Голгоѳѣ. Эта необходимость страданія, эти муки обожаемой Царицы, за которую онъ отдалъ бы свою кровь, какъ Іисусъ, возбуждали въ немъ ропотъ ужаса, котораго не могли подавить десять лѣтъ все однихъ и тѣхъ же молитвъ и упражненій. Но зерна все переливались, внезапный просвѣтъ дѣлался во мракѣ распятія, яркая слава послѣднихъ пяти таинствъ вспыхивала съ веселіемъ вольнаго свѣтила. Марія, преображенная, пѣла аллилуйя воскресенію, торжеству надъ смертью, вѣчной жизни; она присутствовала съ вытянутыми руками, опрокинувшись отъ восторга при торжествѣ сына, возносившагося на небо среди золотыхъ облаковъ, окаймленныхъ пурпуромъ; она собирала вокругъ себя апостоловъ, испытывая, какъ и въ день благовѣстія, пылъ духа, сошедшаго въ пламенныхъ языкахъ. Она, въ свою очередь, уносилась въ полетѣ ангеловъ на небо. И тамъ, при такомъ ослѣпительномъ свѣтѣ, что онъ затемнялъ солнце, Господь увѣнчивалъ ее звѣздами съ неба...

Много разъ проводилъ такимъ образомъ молодой человѣкъ

ночи, снова начиная вереницу *Ave*, отдаляя минуту разлуки съ своей владычицей. День занимался, а онъ все еще шепталъ молитву. Это луна, говорилъ онъ, обманывая самого себя, заставляетъ блѣднѣть звѣзды. Начальству приходилось его бранить за эти безсонныя ночи, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разслабленнымъ и былъ такъ блѣденъ, точно ему пускали кровь. Долгое время держалъ онъ у себя въ кельи на стѣнѣ раскрашенную картинку, изображавшую святое сердце Мадонны. Мадонна, свѣтло улыбаясь, показывала въ своей груди красное отверзстіе, въ которомъ горѣло ея сердце, пронзенное мечомъ, увѣнчаннымъ бѣлыми розами. Этотъ мечъ приводилъ его въ отчаяніе; онъ возбуждалъ въ немъ невыносимый ужасъ передъ страданіемъ женщины, одна мысль о которомъ заставляла его роптать. Онъ оставилъ одно сердце, увѣнчанное и пылавшее. Тогда *Magnificat*, точно облако ѳиміама, вырывалось изъ его устъ. Онъ пѣлъ радостную пѣснь Мадоннѣ. Онъ славословилъ Господа, который низвергалъ сильныхъ на землѣ съ ихъ троновъ и посылалъ ему Мадонну, ему, бѣдному, нищему ребенку, умиравшему отъ любви на ледяномъ полу своей кельи.

И когда онъ все отдалъ Мадоннѣ, свое тѣло, свою душу, свои земныя блага, свои духовныя блага, когда онъ оставался передъ нею нищимъ, истощивъ всѣ молитвы, акаѳистъ Богородицѣ вырывался изъ его горячихъ устъ съ непрерывнымъ, упорнымъ, настойчивымъ воззваніемъ о небесной помощи. Онъ называлъ ее святою, Матерью пречистою, пренепорочною, благостною, честнѣйшею. Послѣ того онъ шесть разъ называлъ ее дѣвственницей, причемъ слово Дѣва, съ которымъ онъ соединялъ понятіе о власти, добротѣ, вѣрности, какъ-бы освѣжало его уста. Онъ желалъ бы распуститься въ ароматъ, разлиться въ свѣтѣ, растаять въ музыкальномъ вздохѣ. Послѣ того, онъ называлъ ее зеркаломъ правосудія, храмомъ мудрости, источникомъ его радости, и видѣлъ себя въ этомъ зеркалѣ блѣднымъ отъ восторга, становился на колѣни на теплыя плиты этого храма, пилъ большими глотками изъ этого источника. Затѣмъ, она становилась пречестнымъ сосудомъ, избраннымъ Господомъ, куда онъ желалъ бы перелить свое существо и навѣки уснуть. Она была мистической Розой, большимъ цвѣткомъ, распустившимся въ раю, такимъ чистымъ, такимъ пахучимъ, что онъ вдыхалъ ее изъ глубины своего ничтожества. Она измѣнялась въ Золотой Домъ, въ Башню Давида, въ башню изъ слоновой кости, неоцѣненнаго богатства, чистоты, которой завидовали лебеди... Она стояла на

горизонтѣ, она была Дверью неба, которое онъ видѣлъ изъ-за ея плечъ, когда дуновеніе вѣтра раздвигало складки ея покрывала. Она всходила изъ-за горы, въ часъ, когда блѣднѣетъ ночь, Утренней звѣздой, помощницей заблудившихся путниковъ, зарей любви. Затѣмъ, добравшись до этой высоты, выбившись изъ силъ, но еще не утоливъ своего голода, онъ могъ только славословить ее титуломъ царицы, который онъ произносилъ девять разъ, какъ девять взмаховъ кадила. Акаѳистъ его радостно заключался послѣднимъ торжествомъ: Царица дѣвъ, Царица всѣхъ святыхъ, Царица, зачатая безъ грѣха! Она же сіяла все выше. А онъ на послѣдней ступенькѣ, ступенькѣ, до которой достигаютъ одни лишь вѣрные слуги Мадонны, оставался тамъ въ теченіи одной секунды, безъ чувствъ, окруженный нѣжнымъ воздухомъ, опьянившимъ его, еще слишкомъ далеко, чтобы поцѣловать край ея голубой одежды, и уже чувствуя, что скатывается внизъ, съ неотступнымъ желаніемъ снова взойти на эту высоту, испытать эту сверхъ-естественную радость.

Сколько разъ акаѳисты Богородицѣ, прочитанные сообща, въ церкви, оставляли молодого человѣка въ такомъ состояніи, съ избитыми колѣнями, съ больной головой, словно послѣ страшнаго паденія! Со времени выхода своего изъ семинаріи, аббатъ Мурэ научился еще сильнѣе любить Мадонну. Онъ окружалъ ее тѣмъ поклоненіемъ, въ которомъ брату Арканжія чудилась ересь. По его мнѣнію, она должна была спасти церковь какимъ-нибудь грандіознымъ чудомъ, скорое совершеніе котораго возбудитъ восторгъ земли. Она была единственнымъ чудомъ нашей нечестивой эпохи, голубой женщиной, показывавшейся маленькимъ пастушкамъ, ночнымъ, бѣлымъ призракомъ, усмотрѣннымъ между двумя облаками, и кончикъ покрывала котораго задѣвалъ соломенныя крестьянскія крыши. Когда братъ Арканжія грубо спрашивалъ у него, видѣлъ ли онъ ее когда-нибудь, онъ только улыбался, стиснувъ губы, какъ-бы затѣмъ, чтобы не выдать свой секретъ. Дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ ее каждую ночь. Она являлась ему уже не какъ сестра, не какъ набожная молодая дѣва; на ней было платье невѣсты, бѣлые цвѣты въ волосахъ; изъ полуопущенныхъ рѣсницъ блистали взоры, озаренные надеждой! И онъ хорошо чувствовалъ, что она шла къ нему, обѣщала не мѣшкать долѣе, что она говорила ему: «вотъ и я, прими меня». Ежедневно трижды, когда звонили къ *Angelus*, на разсвѣтѣ, среди бѣлаго дня и при нѣжномъ сгущеніи сумерекъ, онъ снималъ шляпу, прочитывалъ *Ave* и глядѣлъ вокругъ себя:

не возвѣщаетъ ли ему наконецъ колоколъ о прибытіи Мадонны. Ему было двадцать-пять лѣтъ. Онъ все ее ждалъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ ожиданія молодого патера окрашивались радостной надеждой. Онъ даже не обращалъ больше вниманія на воркотню Тёзы. Если онъ оставался такъ поздно въ церкви на молитвѣ, то потому, что лѣлѣялъ мысль: вдругъ большая золотая статуя Мадонны сойдетъ къ нему.

Въ этотъ вечеръ аббатъ Мурэ оставался долѣе часу на колѣняхъ въ пустой церкви. Со сложенными руками, не спуская глазъ съ Мадонны, встающей точно свѣтило среди зелени, онъ искалъ въ молитвѣ успокоенія того страннаго чувства смущенія, которое онъ испытывалъ въ теченіи дня. Но, какъ виноградники каменистыхъ холмовъ, какъ деревья Параду, какъ людское стадо Арто, Мадонна приносила съ собой расцвѣтаніе, порождала жизнь. И молитва замирала на его губахъ, онъ былъ разсѣянъ... Послѣ долгихъ усилій ему удалось, наконецъ, побѣдить себя и увлечься молитвой.

Когда стѣнные часы, прежде чѣмъ пробить часъ, заскрипѣли подавленнымъ голосомъ, аббатъ Мурэ вздрогнулъ. Онъ не чувствовалъ, какъ плечи его охватывала прохлада церкви. Теперь онъ трясся какъ въ лихорадкѣ. Когда онъ крестился, воспоминаніе, какъ молнія, сверкнуло въ его умѣ; зубы его стучали, и это напоминало ему ночи, проведенныя на полу кельи передъ св. сердцемъ Мадонны, когда все тѣло его тряслось отъ лихорадки. Онъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ, недовольный собой. Обыкновенно онъ выходилъ изъ алтаря съ успокоеннымъ тѣломъ, ощущая мягкое дуновеніе Мадонны на своемъ лбу. Въ эту ночь, когда онъ взялъ лампу, чтобы идти въ свою комнату, ему показалось, что его виски трещатъ: молитва оказалась недѣйствительной, онъ нашелъ въ себѣ, послѣ краткаго успокоенія, тотъ же жаръ, который съ утра перешелъ изъ его сердца въ его мозгъ. Затѣмъ, подойдя къ двери ризницы и готовясь выйти, онъ обернулся, поднялъ лампу машинально, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на большую статую Мадонны. Она была окутана мракомъ, спустившимся съ балокъ, и вся ушла въ зелень, сквозь которую просвѣчивалъ только ея золотой вѣнецъ.

А. Э.

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА

въ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

I.

«Меня тошнитъ», сказалъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ, (въ которомъ именно— не помню) авторъ *Reisebilder*, «при мысли, что Виллььямъ Шекспиръ—англичанинъ и составляетъ неотъемлемое достояніе одной изъ скучнѣйшихъ націй, какихъ, когда-либо, Господь Богъ создавалъ во гнѣвѣ своемъ. Что за отталкивающій народъ, что за невыносимая страна! Страна, которую самъ океанъ не рѣшается съ давнихъ поръ поглотить только изъ опасенія нажить себѣ рвоту!... Народъ, олицетвореніе опьянѣвшаго и вѣчнозѣвающаго чудовища, распространяющій около себя удушливую атмосферу смертельной хандры и безъ сомнѣнія предназначенный окончить дни свои самоповѣшеніемъ на какомъ-нибудь гигантскомъ канатѣ». Такъ выражалась еще недавно Германія устами остроумнѣйшаго критика — Гейне, этого глубокаго мыслителя, умѣвшаго язвительно и безпощадно бичевать своимъ смѣхомъ. Франція гораздо снисходительнѣе. Книга Тэна, которую можно назвать памятникомъ, воздвигнутымъ во славу англійской литературы, проникнута сплошь однимъ восторгомъ; ея авторъ восхищается всѣмъ, начиная отъ умоизступленій Массингера, съ его

гекатомбами животрепещущаго человѣческаго мяса, до грубостей Бунійена и даже до аскетизма *Prayer-Book*. Все это однако же не помѣшало ему обрисовывать характеристическій типъ англичанина слѣдующими чертами: «костлявый и громадный верзило, съ бѣлокурыми волосами, упитанный говядиной и пивомъ; стремящійся исключительно къ полезному, недоступный къ оцѣнкѣ пріятнаго и влачащій самое однообразное существованіе на лонѣ самой грязной и унылой природы».

Но, собственно, для каждаго народа гораздо важнѣе жить согласно своему же вкусу, чѣмъ сообразоваться со взглядами своего сосѣда. Не мѣшаетъ помнить это критикамъ, равно какъ и справедливую пословицу, гласящую, что «тотъ, кто весь свой вѣкъ ѣлъ рѣпу, не станетъ вздыхать по апельсинамъ». Англійская нація сохранила преимущественно передъ всѣми остальными, какъ въ нравахъ, такъ и въ литературѣ, свою оригинальную физіономію, что́ и затрудняетъ иностраннымъ критикамъ вполнѣ справедливо и безпристрастно отнестись къ ней. Даже самъ Тэнъ не избѣжалъ общей участи; я снова возвращаюсь къ нему на томъ основаніи, что его трудъ оказывается наиболѣе удачной попыткой въ этой области и превосходитъ всѣ прочія сочиненія, трактующія о томъ же предметѣ; книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ занимающихся серьёзнымъ изученіемъ исторіи англійской литературы, а грѣшитъ она только развѣ избыткомъ безпристрастія, если позволено будетъ такъ выразиться. Вдаваясь въ анализъ недостатковъ и качествъ саксонской расы, авторъ потерялъ изъ виду остальныя стороны вопроса, т.-е. среду (климатическія и историческія условія) и время, хотя онъ и упоминаетъ о нихъ въ предисловіи.

Я знаю, что вопросъ этотъ очень сложный и трудный; величайшіе умы, до сихъ поръ, не могли еще придти въ немъ къ полному соглашенію. Бокль считаетъ умственный элементъ единственнымъ прогрессивнымъ свойствомъ человѣка, и приписываетъ ему господство надъ всѣми остальными; въ то же время Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ противоположное и говоритъ, что идеи не способны ни управлять судьбами вселенной, ни колебать хода событій, подчиненныхъ всецѣло импульсу чувствъ. Очевидно, слѣдуетъ искать истины между этими двумя крайними мнѣніями, или еще вѣрнѣе, въ первомъ изъ нихъ, съ нѣкоторыми оговорками. Нельзя отрицать того, что нравственные и соціальные элементы обладаютъ большимъ вліяніемъ, но сами они находятся въ непосредственной зависимости отъ предшествовавшихъ фактовъ, принадлежащихъ къ сферѣ умственной дѣятельности. «Не ощущенія

или страсти привели людей къ открытію движенія земли или отыскали доказательства ея древности», говоритъ Стюартъ Милль,— «не они побороли схоластику, изобрѣли книгопечатаніе и компасъ. Тѣмъ не менѣе реформація, революціи, англійская и французская, равно какъ еще болѣе важныя перемѣны соціальнаго и нравственнаго порядка, которыя сулитъ намъ будущее, являются прямыми послѣдствіями поименованныхъ и другихъ имъ подобныхъ открытій». Ошибка Тэна заключается именно въ томъ, что онъ не понялъ этой истины. Приписавъ племенному элементу безграничное и преувеличенное вліяніе, онъ всю литературу цѣлой націи производитъ изъ одного источника»: изъ нравственнаго міросозерцанія. Вотъ причина уродливыхъ его мнѣній, въ родѣ того, напримѣръ, что философія Гоббса была вѣнцомъ и выраженіемъ распущенности и псевдо-атеизма кавалеровъ и прочихъ приверженцевъ дома Стюартовъ! Заблужденіе это тѣмъ печальнѣе, что оно раздѣляется человѣкомъ такого независимаго и смѣлаго ума, отвергнутаго, въ качествѣ еретика, французскою академіею, не удостоившей наградою его сочиненіе, вполнѣ заслужившее эту честь, но погрѣшающее, конечно, противъ взглядовъ правовѣрнаго рутинёрства. Съ другой стороны, это заблужденіе очень поучительно: оно служитъ нагляднымъ примѣромъ, до какихъ странныхъ выводовъ можетъ дойти самый здоровый умъ подъ давленіемъ предвзятой мысли, обобщенной безъ необходимой осмотрительности.

Я далекъ отъ мысли отрицать вліяніе племенного духа или нравственнаго элемента. Литература, какъ и прочія явленія, представляетъ продуктъ весьма сложный, но не слѣдуетъ извращать значенія роли каждаго изъ дѣйствующихъ въ ней факторовъ. Возьмемъ для примѣра Шекспира, которымъ гордиться въ правѣ не только его родина, но и все человѣчество. Въ немъ мы можемъ различить три источника: во-1-хъ, *человѣка*, со всѣми его духовными свойствами, составляющаго первоначальную и неизбѣжную основу; во-2-хъ, *племенной* отпечатокъ, тевтонскій корень, ясно очертанные въ лицѣ саксонца, видоизмѣнившагося подъ вліяніемъ раздольной и веселой англійской жизни, почерпнувшей съ своей стороны струю веселости изъ общенія съ норманнами и французами; въ-3-хъ, *умственное движеніе* того времени, т.-е. *реставраціи*, самой блестящей и грандіозной эпохи человѣческаго творчества со временъ Перикла и Аристотеля. Принимая все это въ соображеніе, Шекспиръ становится для васъ явленіемъ объяснимымъ. Но съ наступленіемъ реформаціи вы уже не изумлены, встрѣчаясь съ мѣдникомъ Бунійеномъ и его туманнымъ апока-

липсисомъ.—Нельзя и за этимъ послѣднимъ движеніемъ не признать благодѣтельныхъ послѣдствій, но его плодотворные результаты можно въ нѣкоторой степени считать побочными и приписать ихъ просто условіямъ борьбы. Въ сущности, реформація есть своего рода христіанская реставрація семитическаго и еврейскаго міросозерцанія. Я не спорю съ тѣмъ, что англо-саксонская раса была болѣе, чѣмъ всѣ остальные народы Европы, склонна къ этой реформѣ, но я не могу не видѣть въ ней также послѣдствій общаго умственнаго настроенія эпохи, усиленнаго еще декретами, изданными Генрихомъ VIII и Елисаветою. Я вовсе не подвергаю сомнѣнію искренность наивнаго Бунійена, но невластенъ игнорировать послѣдовательный рядъ Тиллотсоновъ, Аддисоновъ съ братіей, наводнившихъ своихъ соотечественниковъ цѣлыми потоками скуки и лицемѣрія, которыхъ даже мощные удары байроновской сатиры не могли вполнѣ стереть съ лица окаменѣлой почвы, въ которую они пустили крѣпкіе и глубокіе корни. Но остережемся отъ преувеличеній. То, что́ могло служить яркой характерной чертой англійскаго общества лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ, начало́ сильно стушевываться, по крайней мѣрѣ въ частностяхъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что рядомъ съ религіознымъ духомъ англичане одарены еще въ гораздо сильнѣйшей степени способностью къ анализу и къ обобщенію, т.-е. къ основнымъ качествамъ ума, на которыхъ зиждется наука; въ этихъ свойствахъ они ничѣмъ не уступаютъ своимъ единовѣрцамъ береговъ Эльбы и Рейна, за исключеніемъ однакоже того оттѣнка заоблачной метафизичности, который порождаетъ Кантовъ и Гегелей. Нечего и говорить, что никогда англичанинъ не дошелъ бы до извѣстнаго варіанта: «*долгъ для долга*». Но за то сущность нравственныхъ обязанностей, естественныя условія ихъ происхожденія, ихъ объективная и субъективная реальность, равно какъ и постоянное стремленіе выяснить конечную цѣль ихъ, а именно, достиженіе счастья человѣческихъ обществъ и единицъ—вотъ что́ было предметомъ изслѣдованій и разработки, надъ которымъ англійскій геній трудился безустанно съ удивительнымъ постоянствомъ, со временъ Гоббса до Юма и Бентама.

Мы считаемъ доказательствомъ крайней неосторожности желаніе приписать Стюарту Миллю роль преемника и послѣдователя Огюста Конта и позитивной школы. Авторъ «*Очерка объ утилитаріанизмѣ*» ведетъ свою родословную по прямой линіи отъ Бентама, преемника Гельвеція и Дидерота, преемниковъ Гоббса. Вотъ настоящая его генеалогія. Что же касается Локка, на котораго такъ охотно ссылаются всѣ, то онъ былъ просто-на-про-

сто трусливымъ послѣдователемъ Гоббса съ «*нигилистическимъ*» лоскомъ, который опять позаимствовался, хотя не имѣетъ храбрости признаться въ этомъ, всѣмъ тѣмъ хорошимъ, чтó въ немъ имѣется, отъ могучаго автора «*Левіаѳана*».

Названные моралисты злоупотребили отчасти умозаключеніями и до нѣкоторой степени удалились черезчуръ смѣло отъ экспериментальнаго пути,—это неоспоримо; а что они, часто не имѣя вѣрной точки опоры, колебались въ своихъ выводахъ, тоже не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Но чтобы школа опытнаго метода и индукція пришли въ упадокъ въ рукахъ наслѣдниковъ Бэкона и Ньютона, это было бы фактомъ по истинѣ изумительнымъ. А между тѣмъ весь этотъ важный отдѣлъ исторіи развитія англійскаго мышленія совершенно оставленъ Тэномъ безъ вниманія.

Эта школа задалась не болѣе какъ «изученіемъ природы въ смыслѣ отмѣтки фактовъ», изъ суммы которыхъ она полагала, что состоитъ вселенная и, слѣдовательно, занялась исключительно статистикой естествовѣдѣнія. Она однако же возвысилась до отвлеченія и обобщеній, и изъ собранныхъ фактовъ вывела заключеніе о существованіи законовъ и этимъ самымъ основала науку. Новая теорія, которой, какъ кажется, суждено получить господствующее преобладаніе въ ученомъ мірѣ, теорія *измѣняемости* видовъ, обязана своей опредѣленной выработкой англичанину, Дарвину, имя котораго пріобрѣло заслуженную извѣстность въ обоихъ полушаріяхъ. Другой изъ наиболѣе важныхъ основныхъ законовъ,—законъ равновѣсія и видоизмѣненія силъ, признанный современной наукой, выяснился также въ значительной степени, благодаря знаменитымъ трудамъ англійскаго ученаго Тиндалля, занимавшагося изслѣдованіями явленій теплоты. Затѣмъ, капитальныя розысканія Ляйелля и профессора Гексли въ областяхъ геологіи и антропологіи доставили первому воздвигающемуся храму науки одни изъ наиболѣе цѣнныхъ и необходимыхъ матеріаловъ. Въ настоящую минуту всѣ великіе англійскіе мыслители сошли уже въ могилу. Но вторая группа представителей знанія, имена которыхъ мы только-что назвали, находятся еще всѣ въ живыхъ а нѣкоторые изъ нихъ даже въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и развитія таланта, и въ ихъ рукахъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается теперь вся научная и философская слава ихъ отечества. Впрочемъ, эти двѣ отрасли мышленія (философія и естествовѣдѣніе стремятся все болѣе и болѣе къ сліянію въ одно цѣлое, и философія возвращается къ своему древнему и естественному значенію, выразившемуся въ самомъ названіи ея—*софія* (разумѣніе)

Главная и вполнѣ самостоятельная заслуга Герберта Спенсера, первокласснаго англійскаго философа настоящей минуты, состоитъ въ попыткѣ построить полную философскую систему на исключительныхъ данныхъ современной науки. Наука, это — владычица вселенной, доказавшая исторически свое могущество. Недавнія событія, обрушившіяся столькими бѣдствіями на латинскія національности, завершившіяся торжествомъ и преобладаніемъ Германіи, могутъ быть приведены здѣсь, какъ очевидные тому примѣры. Знаніе можно сравнить съ суровой и величавой женщиной, которая не расточаетъ небрежно своихъ ласкъ, и милости которой нужно умѣть завоевывать путемъ неусыпнаго вниманія. Это плодовитая и щедрая мать, *alma parens*, но у ногъ ея необходимо поддерживать жертвенный огонь всѣмъ тѣмъ юнымъ расамъ, которыя мечтаютъ въ свою очередь захватить въ свои руки главенство надъ европейскими народами, т.-е., говоря иначе, стать во главѣ цивилизаціи. Наполеонъ I сказалъ по меньшей мѣрѣ глупость, когда утверждалъ, что Европѣ грозитъ опасность возвратиться къ варварству и подпасть подъ иго *des cosaques*. Въ такой формѣ его угроза никогда не сбудется. Но на основаніи научной теоріи «измѣняемости» можно ожидать, что вслѣдъ за преобладаніемъ въ Европѣ греко-латинскихъ и германскихъ расъ, наступитъ для другихъ очередь господствовать надъ цивилизованнымъ міромъ.

Въ области историческихъ наукъ, стремящихся все болѣе и болѣе къ научному синтезису, Англія, въ данный моментъ, утратила самыхъ крупныхъ современныхъ своихъ дѣятелей: Галлама, Грота, Маколея и Бокля. Два послѣдніе могли бы еще долгое время продолжать служить наукѣ, еслибы смерть пощадила ихъ. Въ особенности Бокль умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ окончить величайшее историческое произведеніе девятнадцатаго столѣтія, свою «Исторію цивилизаціи Англіи». Изящная словесность понесла тоже незамѣнимую потерю въ лицѣ двухъ величайшихъ романистовъ нашего времени: Диккенса и Теккерея. Изъ всей фаланги англійскихъ знаменитостей уцѣлѣлъ по сію пору одинъ Карлэйль, отличающійся отъ прочихъ писателей-соотечественниковъ германскимъ складомъ ума (я хочу сказать, что онъ наиболѣе склоненъ къ метафизическимъ и другимъ недостаткамъ германизма), что́ однако же не мѣшаетъ ему стоять въ рядахъ самыхъ геніальныхъ людей. По ширинѣ и глубинѣ затронутыхъ имъ вопросовъ, его творенія всегда останутся плодотворнымъ и заманчивымъ предметомъ изученія. Скажемъ въ заключеніе, что поэтъ-лавреатъ Теннисонъ и Суинбёрнъ стяжали Альбіону право,

—выражаясь принятымъ въ поэзіи языкомъ — занять почетное мѣсто и на Парнассѣ, въ обществѣ Аполлона и пресловутыхъ девяти сестеръ.

Считаю лишнимъ объяснять, что въ моемъ краткомъ перечнѣ я назвалъ лишь величайшихъ свѣтилъ, слава которыхъ безспорно будетъ увѣковѣчена потомствомъ. Но за ними еще стоитъ цѣлая толпа другихъ яркихъ талантовъ; дѣйствительно, я не съумѣю назвать другую страну, гдѣ бы литературныя произведенія читались съ такой жадностью, какъ здѣсь. Воля ваша, а это фактъ знаменательный, и бѣглый взглядъ въ область періодической прессы, мнѣ кажется, будетъ вовсе не лишенъ пользы и интереса.

Кромѣ ежедневныхъ, политическихъ газетъ, самыхъ распространенныхъ, какъ-то: «*Times*», «*Daily-Telegraph*», «*Daily-News*», «*Standard*» и «*Pall-Mall Gazette*», существуетъ еще цѣлая масса другихъ періодическихъ органовъ печати, которые подраздѣляются на три большія группы, отличающіяся одна отъ другой внѣшними условіями ихъ изданія, т.-е. сроками выхода въ свѣтъ, и извѣстныя подъ именемъ *quarterly* (каждые четыре мѣсяца), *monthly* (ежемѣсячныя) и *weekly* (еженедѣльныя). Между первыми самое почетное мѣсто занимаютъ: «*Edinburgh Review*», органъ партіи виговъ, основанный въ 1802 г. Сиднейемъ Смитомъ, Генрихомъ Бругэмомъ и друзьями ихъ, въ которомъ первоначально печаталось большинство критическихъ очерковъ Маколея, и «*Quarterly Review*», журналъ торіевъ, основанный въ 1809 году. Эти два журнала, выходящіе по третямъ, читаются въ Англіи всѣми мыслящими людьми. Затѣмъ слѣдуетъ «*Westminster Review*», гораздо менѣе распространенный въ наше время, чѣмъ предыдущіе, и основанный нѣсколько позднѣе радикалами и послѣдователями Бентама. Потомъ идетъ «*British quarterly review*» (бывшій «*North British*»). Изъ ученыхъ спеціальныхъ журналовъ одинъ изъ главныхъ «*Quarterly journal of science*», а органомъ католиковъ служитъ «*Dublin Review*»; прочіе я обхожу молчаніемъ.

Ежемѣсячные по большей части извѣстны подъ именемъ «*Magazines*» и посвящены изданію романовъ, повѣстей и проч. Таковы: «*Blackwood's Magazine*», «*Belgravia*», «*Tensley's*», «*Cornhill*», и т. п. Другіе, какъ «*Temple Bar*» и «*Macmillan's*», допускаютъ на страницы свои критическія статьи и сообщенія серьёзнаго характера. «*Fraiser's Magazine*», издаваемый историкомъ Фраудомъ, по характеру своему наиболѣе подходитъ къ вашему журналу; въ ту же группу входятъ два новые

журнала (основанные 1866—67 году), превосходящіе въ значительной степени по своему содержанію всѣ вышеисчисленные: «*Fortnightly*» и «*Contemporary Review*». Первый изъ нихъ состоитъ подъ редакціею извѣстнаго критика, друга Джона Стюарта Милля, Джона Морлея, и служитъ органомъ радикальной партіи, какъ въ философскомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; въ немъ помѣщаютъ статьи свои позитивисты: Фредерикъ Гаррисонъ, Г. Беесли, Конгревъ, и радикалы, каковы гг.: Жозефъ Шамберленъ, Фаусеттъ, Поттеръ и другіе. «*Contemporary*» имѣетъ менѣе опредѣленную окраску и гостепріимно открываетъ свои столбцы людямъ различныхъ мнѣній. Въ немъ, рядомъ съ прозою многочисленныхъ патеровъ и епископовъ, печатаются статьи гг. Гладстона, Герберта Спенсера, Гексли и другихъ. Въ обоихъ журналахъ статьи являются за подписью авторовъ, что́, по моему мнѣнію, составляетъ весьма удачное нововведеніе, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства. Большинство серьёзныхъ произведеній, которыя нынѣ появляются отдѣльными изданіями, выступили впервыя въ свѣтъ на страницахъ одного изъ двухъ этихъ журналовъ.

Изъ отдѣла «*еженедѣльныхъ*» я ограничусь указаніемъ на консервативную «*Saturday Seview*» и либеральнаго «*Spectator*», къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще спеціальный органъ литературной критики «*Athenaeum*», изданіе чрезвычайно интересное и добросовѣстное, и «*Academy*» (научно-критическій журналъ), на чемъ и считаю возможнымъ покончить, хотя въ перечнѣ моемъ пропущены, не скажу лучшіе, но весьма распространенные. Я указалъ только на самые выдающіеся изъ нихъ, и смѣло могу утверждать, что среднее число замѣчательныхъ статей, появляющихся ежемѣсячно, превышаетъ все, что́ обыкновенно думаютъ по этому предмету. Когда вспоминаешь, что во Франціи, напримѣръ, существуетъ всего на все одно серьёзное обозрѣніе: «*Revue des deux Mondes*», выходящее, правда, два раза въ мѣсяцъ, то невольно поражаешься той страшной разницей, которая въ наше время проявляется между литературной дѣятельностью этихъ двухъ странъ; скажу тоже и въ качественномъ отношеніи. Потребленіе представляетъ ту же картину. Безъ сомнѣнія, народъ, читающій такъ много книгъ, и книгъ такого превосходнаго содержанія, не можетъ быть названъ иначе, какъ великимъ народомъ. Я не говорю о романахъ: за немногими исключеніями, это настоящая язва нашего отечества, которая можетъ быть сравнена только съ саранчей и лягушками, насланными въ видѣ кары на древній Египетъ. Сравненіе это вѣрно даже со стороны ариѳметической:

другой оцѣнки положительно нельзя придумать для этого бѣдствія. Вѣроятно представится случай, въ послѣдующихъ статьяхъ моихъ, высказать подробно мое мнѣніе и въ этомъ отношенія. Но возвратимся къ новѣйшей книжной литературѣ и разсмотримъ ее по группамъ.

II.

Д. Стюартъ Милль: Three Essays on Religion (Nature, Utility of Religion and Theism); London, Longman's and C°. 1874. 8°, 237 pages. — *Гербертъ Спенсеръ:* The Study of Sociology; London, Henry S. King and C°, 1873. 8°. 423 p.; и Essays scientific, political and speculative, 1874.—*Ришардъ Конгревъ:* Essays, political, social and religions, London, Longman's and C°. 1874. 8° 383.—*Мэтью Арнольдъ:* Litterature and Dogma, London, Smith and C°. 1873. 8° XXXVI; 338 p.—*У. С. Іевонсъ:* Principles of science, London. 1874. 2 vol. 8°.

Нельзя не считать особеннымъ счастіемъ случай, выпадающій мнѣ на долю, начать предполагаемую мною серію статей разборомъ произведенія великаго человѣка и ученаго. Это настоящая благодать, въ особенности для критика, потому что относительно самого автора позволено сомнѣваться, чтобы эти три новые очерка способны были прибавить что-либо къ ореолу славы, окружающему имя Д. Стюарта Милля. Впрочемъ, это общая судьба посмертныхъ сочиненій, съ весьма немногими исключеніями. Первые два очерка написаны, однакоже, въ 1830—38 годахъ, какъ сообщаетъ это въ краткомъ своемъ предисловіи миссъ Эленъ Тэйлоръ, падчерица автора. Третій очеркъ принадлежитъ болѣе близкому къ намъ времени: онъ помѣченъ 1870 годомъ, и не былъ еще вполнѣ отдѣланъ и выправленъ С. Миллемъ.

Существуетъ ли слово, которымъ бы такъ злоупотребляли во всѣ времена кстати и некстати, какъ словомъ «*природа*»? Политическіе и философскіе трактаты, равно какъ и будничная болтовня—всѣ треплютъ его во всевозможныхъ и самыхъ противорѣчивыхъ его значеніяхъ. Всѣ оттѣнки мысли и различныя значенія его могутъ, по мнѣнію Д. Ст. Милля, быть сведены въ два главныхъ опредѣленія: въ одномъ смыслѣ слово «*природа*» служитъ выраженіемъ суммы свойствъ міра объективнаго и субъективнаго, макрокосмоса и микрокосмоса со всѣми явленіями, совершающимися въ ихъ сферѣ. Въ другомъ употребленіи оно обозначаетъ все совершающееся внѣ человѣка и лежащее за предѣлами вліянія его воли и разсудка. Въ какомъ изъ этихъ двухъ значеній употребляется слово, когда «*природу*» предлагаютъ людямъ за образецъ, которому слѣдуетъ подражать въ образѣ дѣйствій и когд

говорятъ объ *«естественныхъ законахъ»*, какъ о нравственномъ кодексѣ? Поставивши вопросъ такимъ образомъ, автору становится не трудно доказать, что предложеніе слѣдовать примѣру природы вполнѣ ошибочно, такъ какъ человѣку нѣтъ выбора и онъ не властенъ изъять себя изъ-подъ ига физическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ внѣшнимъ міромъ и его собственной личностью. Въ другомъ смыслѣ, предложеніе это безнравственно и нераціонально, на томъ основаніи, что непредвидѣнный, но естественный ходъ событій представляетъ такую путаницу столкновеній и такой рядъ страшныхъ и разрушительныхъ катастрофъ, что предлагать ихъ за примѣръ, значитъ просто расчищать путь всеобщей разнузданности. Выводомъ изъ этого является для насъ прямая обязанность бороться всѣми силами противъ естественнаго и непосредственнаго порядка вещей, и стараться смягчать его неумолимую жестокость (ст. 64).

Такой выводъ, очевидно, изъ рукъ вонъ слабъ въ философскомъ отношеніи, и его менѣе всего можно было ожидать отъ такого свѣтлаго ума. Но, съ другой стороны, онъ проистекаетъ отъ недостатка, присущаго всей школѣ логиковъ, къ которой принадлежитъ Стюартъ Милль. До сей поры послѣдній ни разу еще не занимался предметомъ, въ которомъ этотъ пробѣлъ становился бы ощутительнымъ. Заблужденіе, вкравшееся въ его разсужденія, вполнѣ разоблачается сравненіемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, когда онъ для примѣра приводитъ дѣйствіе человѣка, проглатывающаго пищу, и другого, глотающаго ядъ (ст. 16). Нѣтъ сомнѣнія, что оба дѣйствія и послѣдствія ихъ совершаются по всѣмъ правиламъ законовъ природы; но вполнѣ ошибочно предлагать подчиняться имъ. Что же касается до приглашенія бороться противъ этихъ законовъ или стремиться улучшить ихъ, то это уже просто противонаучно. Въ настоящемъ смыслѣ слова, *«естественно»* можетъ быть одно, это—глотать пищу съ цѣлью питаться; глотать же ядъ будетъ всегда поступкомъ по преимуществу *«противоестественнымъ»*. Затѣмъ, когда такой поступокъ произошелъ, и ядъ, введенный въ тѣло, производитъ свое естественное дѣйствіе на органы, медикъ, призванный на помощь къ больному, прибѣгаетъ къ дѣятельности другого естественнаго закона для устраненія перваго. Конечно, гораздо лучше пахать землю, строить жилища и одѣваться въ платья, чѣмъ питаться желудями, ходить нагишомъ и жить подъ открытымъ небомъ: авторъ безъ труда побиваетъ Руссо и теоретиковъ его закала по этому вопросу. Но ошибочно брать этотъ примѣръ какъ противопоставленіе естественнаго искусственному. Знакомство съ теоріею «измѣняемости»

объяснило бы Стюарту Миллю, что для человѣка равно естественно ѣсть какъ хлѣбъ, такъ и желуди, и что вся разница тутъ въ степени развитія. Можно было бы даже утверждать, что человѣкъ цивилизованный, говорящій по-англійски или по-русски, и наслаждающійся бокаломъ шампанскаго, гораздо цѣльнѣе и ближе къ «природѣ» въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ дикарь, испускающій безсвязныя взвизгиванія, пожирая себѣ подобнаго. Аристотель удивительно ясно понималъ эту истину, когда опредѣлилъ человѣка слѣдующими чертами: «животное, предназначенное къ существованію въ обществѣ, естественно склонное къ общежитію». Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что все существующее въ настоящемъ видѣ было бы прекрасно, и можно только рукоплескать автору за его оппозицію ложной идеѣ о естественной и прирожденной добротѣ. Но только путемъ сопоставленія и столкновеній естественныхъ явленій возможно устраненіе дурныхъ вещей и усовершенствованіе слабыхъ сторонъ, исчезающихъ или видоизмѣняющихся въ силу закона «естественнаго подбора».

Въ двухъ послѣдующихъ очеркахъ *«О пользѣ религіи»* и *«О деизмѣ»* Стюартъ Милль приходитъ къ еще болѣе неожиданнымъ выводамъ. Вслѣдъ за доказательствами, приводимыми имъ въ безполезности религіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ до сихъ поръ старались указывать ея необходимость, разбивши въ прахъ понятіе о верховномъ и всемогущемъ существѣ, онъ переходитъ къ признанію возможности существованія высшаго разума, управляющаго вселенной и одареннаго безграничною властью. Отрицая радикально возможность доказать безсмертіе души, онъ допускаетъ однакоже надежду на вѣроятіе будущей жизни, которая однакоже такъ же мало подлежитъ доказательству, какъ и первое. Подобная надежда является, между тѣмъ, весьма сильнымъ подспорьемъ той религіи, «реальной религіи хотя чисто человѣческаго происхожденія, которая является то подъ именемъ религіи человѣчества, то подъ титуломъ религіи долга».—Вотъ тотъ свѣтъ, которымъ освѣщаются въ нашихъ глазахъ, въ этомъ произведеніи «съ того берега», великая тѣнь автора *«Логики»* и *«Политической экономіи»*. Но эта новая черта не имѣетъ въ себѣ ничего поразительнаго для каждаго, кто изучалъ внимательно С. Милля въ его сочиненіяхъ, и преимущественно для тѣхъ, кому знакома, во всѣхъ отношеніяхъ интересная, его «Автобіографія». По темпераменту онъ могъ бы легко сдѣлаться мистикомъ; но уроки отца, суроваго и положительнаго Джемса Милля, направили его твердою рукою на путь науки. Позднѣе, въ пору горькой утраты любимой подруги, память которой онъ окружилъ

такимъ неувядаемымъ вѣнкомъ славы, естественныя наклонности его необыкновенно-изящной души, такъ долго подавляемыя, вылились наружу и оказали сильное вліяніе на его образъ мыслей и на его манеру писать. Что жизнь, въ современной ея рамкѣ, показалась ему не слишкомъ щедрой, какъ на раздачу личнаго счастья, такъ и на удовлетвореніе личнаго достоинства, это—увы!—можетъ, кажется, подтвердить опытъ большинства людей. Это вопль разбитаго сердца, уязвленнаго въ его самыхъ дорогихъ привязанностяхъ. И если духовенству (чёрчмэны) свойственно продолжать проклинать его, то философы, смѣемъ надѣяться, не слишкомъ строго осудятъ его за попытку «свести сверхъестественное изъ туманныхъ пространствъ вѣры, въ область простой надежды». Нечего и говорить, что для шаткихъ и слабыхъ умовъ это положеніе рискованное: это раскрытая настежь дверь для многихъ заблужденій.—Я полагаю, впрочемъ, что самъ авторъ не выпустилъ бы въ свѣтъ своего труда въ его настоящемъ видѣ и уничтожилъ бы все, что̀ въ немъ есть субъективнаго и идущаго въ разрѣзъ съ общимъ колоритомъ книги. Но что бы тамъ ни было, нельзя не сказать однако, что здоровыхъ и интересныхъ вещей бездна найдется и здѣсь; книгу эту слѣдуетъ прочесть всякому, кому дороги интересы философіи и человѣческой мысли.

Гербертъ Спенсеръ принадлежитъ многими сторонами своими къ школѣ Д. Стюарта Милля: они оба, по общепринятому на континентѣ понятію, считаются позитивистами. Извѣстному французскому мыслителю Огюсту Конту, основателю «*позитивной философіи*» выпалъ на долю счастливый жребій: общественное мнѣніе записало въ ряды его послѣдователей массу замѣчательныхъ людей, которые, въ сущности, далеко не раздѣляютъ всѣхъ его воззрѣній. Доктрина позитивной философіи, во многихъ отношеніяхъ, есть возрожденіе философіи XVIII столѣтія и сенсуализма, и съ этой точки зрѣнія она не представляетъ ничего оригинальнаго. Собственная заслуга ея заключается въ опредѣленіи границъ человѣческаго ума въ познаваніи первичныхъ причинъ. Мы можемъ знать только «относительное», и всегда за предѣлами знанія будетъ оставаться нѣкое *quid ignotum*, недосягаемое объясненію. Настоящая мудрость состоитъ въ умѣньи останавливаться передъ этимъ завѣтнымъ порогомъ, на вѣки недоступнымъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Огюстъ Контъ запрещалъ астрономамъ заниматься разложеніемъ туманныхъ звѣздъ; палеонтологамъ изыскивать причины возникновенія земного шара, мѣшая, такимъ образомъ, еслибы его послушались, осуществленію тѣхъ открытій, благодаря которымъ создалась новая геологія. Дѣйстви-

тельно, сомнительно, чтобы человѣкъ достигъ когда-нибудь до полнаго знанія вселенной, но каждое усиліе ежедневно насъ пододвигаетъ къ этой цѣли, и тотъ плохо знаетъ природу человѣческаго ума, кто думаетъ остановить его препятствіемъ въ родѣ заповѣданной границы. Задача вовсе не въ томъ, чтобы убѣдить искателя знанія, что кромѣ «относительнаго» онъ не можетъ узнать ничего, но въ доказательствѣ ему, что въ мірѣ ничего не существуетъ, исключая явленій и законовъ, сумма которыхъ, разъ вполнѣ разъясненная, составитъ полное знаніе, безъ дальнѣйшаго desideratum'a.

Гербертъ Спенсеръ—позитивистъ чистой крови, наслѣдовавшій въ этомъ отношеніи воззрѣнія Юма и скептиковъ. Въ его глазахъ всѣ «объективные порядки», вытекающіе изъ «субъективныхъ измѣненій», не только неизвѣстны теперь, но и никогда не могутъ быть изучены. Отбросивъ этотъ пунктъ, важность котораго нельзя отрицать, слѣдуетъ признать тѣмъ не менѣе, что задача, избранная имъ, громадна; онъ предпринялъ построеніе синтезиса всѣхъ наукъ, т.-е. повторилъ попытку, сдѣланную до него Огюстомъ Контомъ. (См. *Cours de Philosophie positive).* Изданы уже «Первыя основанія», составляющія нѣчто въ родѣ общаго введенія, затѣмъ «Основы Біологіи» и наконецъ «Основы Психологіи». Укажемъ здѣсь кстати на одну характеристическую черту философіи Огюста Конта, именно на то, что онъ создалъ науку объ обществѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, окрестивъ ее равно новоизобрѣтеннымъ именемъ «*соціологіи*». Что явленія общественной жизни подчинены, какъ и все прочее, опредѣленнымъ законамъ,—было предугадано давно великими умами; въ сущности, «Политика» Аристотеля не что иное, какъ настоящій трактатъ о соціологіи. Но, произнеся громогласно новое свое слово, Огюстъ Контъ оказалъ дѣйствительную и важную услугу тѣмъ, что онъ указалъ и опредѣлилъ цѣль, условія и элементы настоящей соціологической науки. Послѣ біологіи и психологіи, Гербертъ Спенсеръ приступилъ къ разработкѣ соціологіи, и новая книга его, только-что вышедшая въ свѣтъ: «*Study of Sociology*» составляетъ не болѣе, какъ введеніе къ изслѣдываемому имъ предмету. Книга эта, появившаяся въ ряду изданій «*Serie scientifiqu internationale*» («Международной Библіотеки») представляетъ собою счастливое соедниненіе всѣхъ яркихъ качествъ автора: громадныя научныя знанія, логичность и необыкновенную ясность изложенія. Правда, что и обычные недостатки его проглядываютъ здѣсь тоже: я говорю о нѣкоторой туманности его концепцій, объ его манерѣ повторяться и нагромождать примѣры до излишества, вслѣдствіе

которой, въ концѣ-концовъ, часто запутываешься въ деталяхъ и невольно теряешь изъ виду главную сущность. Авторъ особенно удачно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, кто не признаетъ за соціологіей права на званіе науки. Онъ налегаетъ очень сильно на «коньки» (bias), т.-е. субъективныя, теологическія, политическія и т. п. пристрастія, которыя мѣшаютъ большинству людей правильно видѣть настоящее значеніе предмета; большинство смотритъ на факты сквозь призму своего личнаго міровоззрѣнія или сквозь массу предразсудковъ и фальшивыхъ идей, которыми обстоятельства засорили его мозгъ.—Словомъ, невзирая даже на недовѣріе, съ которымъ весьма многіе относятся къ судьбамъ соціологической науки, книга Спенсера читается, и мы совѣтуемъ читать ее. Критика обязана сказать безпристрастно, что это одно изъ самыхъ капитальныхъ явленій литературы въ данный моментъ.

Вслѣдъ за этимъ мы перейдемъ къ разбору труда одного настоящаго позивитивиста, — явнаго и дѣйствительнаго ученика Огюста Конта. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что этотъ талантливый мыслитель, къ концу своей жизни, поддался искушенію дополнить свою философскую систему основаніемъ новой религіи—«религіи человѣчества». Извѣстны его отношенія, впрочемъ, самаго чистаго характера, къ одной симпатичной женской личности, горькая доля которой, окружая ее ореоломъ страданій, глубоко тронула сердце суроваго философа, а любовь привела его къ совершенно новому направленію. Сантиментальность и нравственность заняли съ этого момента мѣсто, которое до этого періода принадлежало всецѣло научному методу. Огюстъ Контъ, всегда увлекавшійся ролью, которую католичество играло въ средніе вѣка, черпалъ, конечно, изъ этого источника свои вдохновенія, когда въ свою религію безъ божества онъ втискивалъ свою троицу, состоящую изъ человѣчества, земли (великаго фетиша) и пространства (великой среды). Культъ человѣчества, почести, воздаваемыя намяти умершихъ великихъ людей, предшествовавшихъ намъ и послужившимъ на пользу общую, вещи сами по себѣ весьма похвальныя и нравственныя; на эту-то религію Стюартъ Милль и дѣлаетъ многочисленные намеки въ своемъ сочиненіи. Къ несчастію, возведеніе различныхъ мелочей, по меньшей мѣрѣ ненужныхъ, на степень догматовъ и полнѣйшая перемѣна прежняго метода, оттолкнули отъ учителя большинство его послѣдователей, и онъ оставленъ былъ почти одинъ въ эту жалкую эпоху его умственной дѣятельности. Зато позитивная церковь можетъ гордиться если не многочисленностью, то горячимъ усердіемъ своей паствы. Глава религіи, наслѣдовавшій отъ Конта званіе духов-

наго руководителя «Запада»,—г-нъ Лаффитъ; онъ жительствуетъ въ Парижѣ, столицѣ «Западной республики». Какъ видите, Россія пока не включена въ число правовѣрныхъ. Въ Лондонѣ группа приверженцевъ позитивной религіи состоитъ не болѣе какъ человѣкъ изъ пятнадцати. Но эти пятнадцать именъ почти всѣ пользуются извѣстностью и уваженіемъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ прессѣ. Во главѣ ихъ находится Ришардъ Конгревъ, замѣчательно умный писатель, и человѣкъ вполнѣ преданный своимъ убѣжденіямъ. Онъ съ истинно-апостольскимъ рвеніемъ и съ полнымъ достоинствомъ исполняетъ обязанность руководителя маленькой паствы, ввѣренной его попеченію.

Компактный томъ, изданный имъ недавно подъ заглавіемъ «Essays» (политическіе и религіозные очерки), представляетъ неоцѣненное пріобрѣтеніе для желающихъ познакомиться основательно съ характеромъ и воззрѣніями этой философской школы. Исключая нѣкоторыхъ спеціальныхъ статей по общимъ вопросамъ, книга преимущественно состоитъ изъ проповѣдей — какъ самъ авторъ называетъ рѣчи, читанныя имъ на собраніяхъ позитивистовъ, происходящихъ по бо́льшей части по поводу празднованія новаго года. Въ этихъ рѣчахъ высказываются мнѣнія автора и группы его единовѣрцевъ, относительно всѣхъ крупныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Читатели вѣроятно нѣсколько удивятся, узнавъ, что позитивисты обращаются къ англійскому правительству съ приглашеніемъ отказаться отъ Гибралтара, Ирландіи и Остъ-Индскихъ владѣній, не взирая ни на какія матеріальныя неудобства, могущія отъ этого воспослѣдовать. Причина такого совѣта лежитъ въ принципѣ подчиненія политики законамъ справедливости, или говоря еще проще, потому что этого требуетъ формула новаго вѣроисповѣданія: *принципъ любви*. Евангельское милосердіе превзойдено, но я полагаю, что Россія не особенно вознегодовала бы за осуществленіе совѣта позитивной церкви—преимущественно въ пунктѣ, касающемся отказа отъ индійскихъ владѣній. Но шутки въ сторону, просто досадно видѣть талантливаго человѣка, завлеченнаго искренними вѣрованіями въ ложную теорію и такъ непростительно погрѣшающаго противъ принциповъ истинной политики и истинной справедливости, — которые однакоже оцѣнены имъ самимъ съ такимъ блескомъ въ его превосходномъ изданіи аристотелевской «Политики», явившейся въ повторенномъ изданіи на этихъ дняхъ. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ оговорокъ, я спѣшу прибавить, что книга, столь интересная съ точки зрѣнія объясненія доктрины, кромѣ того, пере-

полнена фактами и замѣтками, дышащими талантомъ и знаніемъ.

Обращаясь къ м-ру *Мэтью Арнольду*, мы не выходимъ изъ области науки и философіи, хотя и вступаемъ на болѣе спеціальную почву. Достойный критикъ и писатель, заслужившій свой успѣхъ, Мэтью Арнольдъ, бывшій профессоръ поэзіи при Оксфордскомъ университетѣ, произвелъ страшную сенсацію своей книгой *«Litterature and Dogma»*. Онъ вызвалъ бурю, даже скажу болѣе, произвелъ настоящій скандалъ, шумъ котораго до сихъ поръ не можетъ улечься. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе его книги:—религія,—по выраженію М. Арнольда,—въ сущности не что иное, какъ нравственный кодексъ, облагороженный чувствомъ и прекрасно выраженный словомъ: справедливость (*righteousness*). То, чтó въ обыденной жизни называется «правилами» и «поведеніями»,—на философскомъ языкѣ «нравственностью», то обозначается терминомъ «справедливость» въ духовной рѣчи. Въ настоящее время теологи принимаютъ въ *догматическомъ* смыслѣ всѣ обороты рѣчи, употребленные ап. Павломъ въ чисто литературномъ значеніи: какъ-то, напримѣръ: *благодать*, *оправданіе* и проч. Это громаднѣйшая ошибка, по мнѣнію Арнольда. Когда библія говоритъ намъ неустанно о *справедливости* (righteousness), то слѣдуетъ понимать, что она толкуетъ объ истинѣ и о честности, составляющихъ главную цѣль религіи. Поведеніе и нравственность составляютъ сущность трехъ-четвертей человѣческаго существованія: религія беретъ на себя удовлетворить имъ. Четвертая четверть—принадлежитъ области умственной дѣятельности изящныхъ искусствъ. Характеристическая черта библіи и еврейскаго народа, равно какъ и главная заслуга ихъ, это то, что они отвѣчали на эту насущную потребность: опредѣляли нравственность, справедливость и регламентировали поведеніе. Богъ, по понятіямъ евреевъ, это—«вѣчный принципъ», существующій внѣ насъ и «толкающій насъ на путь истины». Вотъ точное и вполнѣ религіозное толкованіе ихъ убѣжденій. Евреи и библія заслуживаютъ глубокаго уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ никто не сдѣлалъ болѣе этого народа и болѣе этой книги для установленіи хорошаго поведенія и нравственности.

Такова суть остроумной, но весьма ненаучной теоріи, подъ которой является современный англійскій скептицизмъ. Въ книгѣ Мэтью Арнольда много повтореній и немало переливаній изъ пустого въ порожнее, чтó очень вредитъ существеннымъ сторонамъ сочиненія, которому тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отвести почетное мѣсто между продуктами современнаго мышленія. Какъ я

уже говорилъ выше, критическіе разборы до сихъ поръ не умолкли, они полны брани, жалобъ, восторговъ, словомъ—страсти вскипѣли и еще не улеглись. Впрочемъ, все это гораздо слабѣе проявляется, чѣмъ ураганъ, поднятый во Франціи появленіемъ «Жизни Христа» Ренана. Здѣсь же можно ожидать развѣ того, что какой-нибудь теологъ изъ «широкой церкви» (Broad Church) усвоитъ заключенія М. Арнольда и обратитъ ихъ, во славу библіи, на пользу собственнаго кармана.

Затѣмъ, по порядку мы обязаны теперь перейти къ «*Principles of Science*, м-ра *Іевонса*, о которомъ я упоминаю съ исключительной цѣлью предупредить читателей журнала не увлекаться пышными обѣщаніями заголовка. Съ другой стороны, на это сочиненіе можно указать какъ на рельефный примѣръ умопомраченія, до котораго можетъ довести злоупотребленіе логикою, — отраслью знанія, которой здѣсь склонны придавать преувеличенное значеніе. Эти, такъ-называемые, «*основы науки*», по провѣркѣ оказываются простыми образцами построенія силлогизмовъ, для выработки которыхъ изобрѣтена даже машина и сообщенъ способъ ея употребленія. Не думайте, чтобы я фантазировалъ: модель машины приложена къ книжкѣ, на рисункѣ изображенъ буфетный шкафъ, съ фортопьянною клавитурою, придѣланною къ нижней его части. Взявши, напримѣръ, пластинки, помѣченныя буквами *A* и *B*, изображающими любыя извѣстныя вамъ посылки, вы опускаете ихъ въ кассу, приложенную *ad hoc;* затѣмъ преспокойно перебираете пальцами по клавишамъ и получаете выводъ *C*, выскакивающій въ опредѣленный моментъ. Такимъ манеромъ *разыгрывается* рѣшеніе умственной задачи съ тою же легкостью, какъ какой-нибудь мотивъ изъ «La fille de m-me Angot» или «Гугенотовъ»—смотря по вкусу виртуоза. Я не отчаяваюсь — со временемъ машина эта будетъ усовершенствована; къ ней даже теперь слѣдовало бы придѣлать валъ, и тогда только знай, верти шарманку, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Далѣе, въ этомъ сочиненіи показано, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ случаѣ, если желаешь получить опредѣленіе состава поваренной соли, или встрѣтится въ жизни необходимость освѣдомиться на счетъ хлористаго натрія и его свойствъ: давать кристаллы кубической формы и не давать двойного лучепреломленія. Совѣтъ простъ; логичнѣе всего написать на билетикѣ A=B. C. D. Конечно, съ условіемъ, чтобы подъ *A* разумѣлась поваренная соль, *B* означалъ бы хлористый натръ и пр. М-ръ *Іевонсъ*, придя къ убѣжденію, что аристотелевскіе пріемы устарѣли, предлагаетъ цивилизованному міру свой методъ, разсчитанный въ

особенности для ученыхъ, которые плохи по части разсужденія и блуждаютъ въ отрицательныхъ теоріяхъ въ родѣ «измѣняемости» и прочихъ лжеученіяхъ. Если я позволилъ себѣ остановиться на этомъ сочиненіи, то я сдѣлалъ это, во-первыхъ, потому, что оно служитъ выраженіемъ очень распространенной тенденціи, а во-вторыхъ, на томъ основаніи, что авторъ—членъ Королевскаго Общества и профессоръ логики и политической экономіи въ знаменитомъ «Owen's College», въ Манчестерѣ!

По недостатку мѣста, я рѣшаюсь отложить до другого раза рѣчь о книгѣ чрезвычайнаго интереса, касающейся религіозной экзегетики: «*Supernatural Religion*». Ограничиваюсь сообщеніемъ заглавія книги; она представляетъ два тома in-8⁰, изданіе Longman'a. Выводы автора отрицательнаго направленія. Но всѣ единогласно признаютъ, что этотъ трудъ — капитальное пріобрѣтеніе. Онъ особенно замѣчателенъ по богатству собранныхъ въ немъ цитатъ и выписокъ. Авторъ ея пожелалъ сохранить неизвѣстность. Мы надѣемся вскорѣ возвратиться къ нему.

III.

Гьюиттъ Кей: Language, its origin and development; London, George Bell, 1874, 8⁰.—*Исаакъ Тэйлоръ*: Etruscan researches. London. Macmillan, 1874, 8⁰. 338 p.

Англичане большіе любители филологіи; они, по національному выраженію, „*very fond*" (очень любятъ) эту науку. И если она не составляетъ ихъ личнаго достоянія, то нашла совершенно подготовленную для себя почву, когда была пересажена къ намъ съ континента. Филологическое увлеченіе простирается съ этой стороны даже до того, что они натурализировали, безъ сомнѣнія, въ переносномъ смыслѣ, нѣмецкаго филолога Макса Мюллера, также какъ французы усыновили Жюля Опперта. Помимо этого, ихъ собственные оригинальные труды совершенно второстепеннаго достоинства (исключая развѣ Кольбрука и Уильсона по санскритскимъ нарѣчіямъ); тѣмъ не менѣе нельзя не поощрить похвалой благороднаго рвенія, съ которымъ они оспариваютъ у своихъ могущественныхъ прирейнскихъ противниковъ обладаніе этою областью науки.

Сочиненіе м-ра *Гьюитта Кея*, профессора „University College" заслуживаетъ занесенія его въ число почтенныхъ изданій по этому предмету. Авторъ гораздо подробнѣе занимается развитіемъ языковъ, чѣмъ происхожденіемъ ихъ. Но тѣ немногія

страницы, которыя посвящены послѣднему капитальному пункту, весьма дѣльны и въ высшей степени интересны. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ,—говоритъ Дарвинъ, (см. «О происхожденіи человѣка», стр. 20, русскаго изданія, «Знаніе», 1871. Descent of man, т. I, стр. 56),—что человѣческій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ подражанію и измѣненію различныхъ звуковъ окружающей природы, криковъ, издаваемыхъ животными и инстинктивныхъ голосовыхъ звуковъ, свойственныхъ самому человѣку». Максъ Мюллеръ прочелъ нѣсколько лекцій съ цѣлью опровергнуть это мнѣніе. Въ его глазахъ четыреста или пятьсотъ корней, составляющихъ основные элементы слова, ведутъ начало отъ голосовыхъ прототиповъ, заложенныхъ въ самую глубину человѣческой природы могучею волею Провидѣнія. Это все тотъ же споръ, то же противопоставленіе *интуитивнаго* (сверхъестественнаго вмѣшательства)—*экспериментальному*. Профессоръ Гьюиттъ, на склонѣ долгой научной карьеры своей, посвященной разработкѣ высшихъ филологическихъ вопросовъ, становится окончательно на сторону Дарвина и за экспериментальный методъ. По его мнѣнію, человѣческій языкъ первоначально состоялъ исключительно изъ «подражанія звукамъ природы» (стр. 22). Его книга не должна оставаться неизвѣстною тѣмъ, кто слѣдитъ за разрѣшеніемъ задачъ филологіи.

Исаакъ Тэйлоръ и его новое сочиненіе пользуются гораздо бо́льшимъ вниманіемъ публики. „*Etruscan researches*“, появившіяся съ годъ тому назадъ, надѣлали много шума, не прекратившагося до сихъ поръ; съ злосчастной минуты выхода въ свѣтъ этой книги, ни одинъ нумеръ „*Атенеума*“ не обходится безъ полемическихъ статей, успѣвшихъ порядочно-таки набить всѣмъ оскомину этрусскимъ вопросомъ и *тосканелльскими игральными костями*. Кости Тосканеллы—вотъ конекъ автора и фокусъ, на которомъ держится вся его система. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Тосканеллѣ были отысканы двѣ игральныя кости, этрусскаго происхожденія, съ надписями по шести плоскостямъ, состоящими изъ словъ: *Максъ-ѳу-цаль-тлутъ-ки-са*, что́ Исаакъ Тэйлоръ немедленно призналъ, безъ дальнѣйшихъ колебаній, за цифры: 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Между тѣмъ, теперь д-ръ Корсинъ (*On the speech of the Etruscans*) утверждаетъ, что настоящее значеніе этой надписи: *Magnus donarium hoc cisorio fecit*. А лордъ Крауфордъ, въ свою очередь, толкуетъ ее еще иначе, и увѣряетъ, что она должна читаться такъ: «*да упадетъ кость Юпитера на число двѣнадцать*». Въ виду этихъ трехъ варіантовъ, да позволено будетъ критикѣ обна-

ружить нѣкоторую дозу скептицизма и помедлить съ своимъ приговоромъ. Докторъ Корсинъ относитъ этрусскій языкъ къ италійскимъ нарѣчіямъ. Другой сотрудникъ «Атенеума», лордъ Крауфордъ (см. 11 апрѣля 1874 г.), настаиваетъ на томъ, что по всѣмъ даннымъ, разработаннымъ, языкъ этотъ—арійскаго корня, и составляетъ его вѣтвь на ряду съ «тервингскимъ нарѣчіемъ визиготовъ», тюрингенцевъ, населяющихъ центральную Германію, и «тюркскихъ племенъ, обитающихъ въ Скандинавіи». На чтó Исаакъ Тэйлоръ побѣдоносно и восторженно возражаетъ, признавъ себя въ нѣкоторомъ родѣ новымъ Архимедомъ, что этрусскій языкъ просто-на-просто вѣтвь «угрскаго» (алтаическаго), отъ туранскаго корня. «Развѣ это будетъ слишкомъ смѣло»,—вопрошаетъ онъ, «усматривать въ греческомъ выраженіи „*Тюрргене*“ тождество съ персидскимъ словомъ «*Тюранъ*» ?» (стр. 26).

Конечно, слишкомъ смѣло, и не черезчуръ ли даже смѣло?—спросимъ мы въ свю очередь. Что касается меня, то я вовсе не намѣренъ брать на себя разрѣшеніе этого вопроса и даже допускаю возможность, что будущее вполнѣ оправдаетъ мнѣніе м-ра Тэйлора. Но, въ настоящую минуту, нельзя же отрицать, что задача все же остается нерѣшенною и что аргументы, приводимые имъ въ подкрѣпленіе своего заявленія, не подвигаютъ дѣла ни на шагъ впередъ. Я не сталъ бы такъ подробно распространяться объ этой книгѣ, еслибы она не надѣлала такого переполоха и англійская пресса не высказала бы по отношенію къ ней поистинѣ возмутительной снисходительности. Критическій отдѣлъ въ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ у насъ плохъ до невѣроятія. Это видно уже изъ того, что хотя Тэйлора вообще и обвиняли за шаткость и блѣдность его спеціальныхъ лингвистическихъ аргументовъ, но зато осыпали комплиментами по поводу той ловкости, съ которой онъ съумѣлъ, съ помощью индукціи, начертать цѣлую картину нравовъ, религіи и характеристическихъ чертъ этрусской народности.

Для примѣра мы приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ такихъ остроумныхъ наведеній. «Быть можетъ,—говоритъ онъ,—не безосновательно было бы предположить, что причиною огромнаго превосходства римлянъ надъ прочими арійскими расами былъ туранскій элементъ, ассимилированный этимъ народомъ» (стр. 64). И затѣмъ, далѣе: «быть можетъ, справедливо было бы (не поскупился же онъ на предположенія, нечего сказать!) предположить, что современныя изящныя искусства въ Европѣ обязаны многимъ этрусскамъ, передавшимъ потомкамъ путемъ наслѣдства свои инстинкты къ художественному употребленію формъ и

красокъ» (стр. 66). «Взгляните на великихъ живописцевъ Италіи, почти всѣ они родились на территоріи древней Этруріи. Правда, есть исключенія, Тиціанъ, напримѣръ; но это исключеніе только кажущееся, потому что это имя одно изъ наиболѣе часто повторяющихся въ надписяхъ на этрусскихъ надгробныхъ памятникахъ!!» Чтó же остается говорить послѣ этого; приходится сложить оружіе и оплакивать неумѣстный патріотизмъ, заставляющій людей рукоплескать подобнымъ шутовскимъ выходкамъ. Я говорю такъ, вовсе не желая уронить личность автора, убѣжденія котораго слишкомъ наивны для того, чтобы возможно было допустить тѣнь сомнѣнія относительно ихъ искренности. Но наука требуетъ отъ своихъ дѣятелей болѣе серьёзнаго обращенія съ ней, и представители ея обязаны имѣть за душой нѣчто болѣе положительное, чѣмъ искренность и усердіе.

Что же касается до лингвистическаго вопроса и туранскихъ народностей, то это все еще погружено во мракъ. Нѣтъ сомнѣнія, что время и новыя изслѣдованія внесутъ значительныя измѣненія къ лучшему въ разрѣшеніи этой задачи, къ которой слишкомъ поверхностно отнесся Максъ Мюллеръ. По моему мнѣнію, совершенно ошибочно то, что оставляются въ полномъ пренебреженіи первобытныя племена, появившіяся повсемѣстно въ Европѣ въ эпоху каменнаго періода. Если эти народы были именно то туранское племя, о которомъ упоминаетъ Тэйлоръ, то несомнѣнно они существовали въ Италіи такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, и въ этомъ смыслѣ вѣрно, что они доставили первый слой населенія на этрусской территоріи, равно какъ они же населили впервые территорію Испаніи и другія. Но въ какой моментъ выдѣлилась изъ этого первичнаго населенія цивилизація Этруріи? Къ какой эпохѣ принадлежитъ фактъ смѣшенія ея съ арійскими завоевателями? Вотъ, на эту-то сторону вопроса необходимо пролить свѣтъ, и, конечно, изслѣдователи откроютъ и въ этомъ данномъ случаѣ, какъ это уже совершилось относительно ассиріянъ—смѣшеніе рассъ, чтó до нѣкоторой степени сольетъ во-едино, къ общему благополучію, всѣ разнорѣчивыя утвержденія гг. Корсина, Крауфорда и Тэйлора.

III.

Профессоръ Кэрнсъ: Some leading principles of political Economy, newly expounded; London, Macmillan, 1874, 8°.—*Г. Маудслей:* Responsability in mental diseases; London, Henry King. 1874, 8°, 312 p.

Если существуетъ на свѣтѣ заносчивая секта, вѣчно готовая къ разглагольствованію, печатающая нескончаемый рядъ книгъ и книжонокъ, изъ которыхъ самая ничтожная имѣетъ претензію преподнести міру всеврачующую панацею—секта столь же нищая идеями, какъ богатая старымъ и вѣчно пережевывающимся хламомъ—то это именно синклитъ экономистовъ настоящихъ, прошедшихъ, и чуть-чуть не обмолвился, сказавши — будущихъ. Неспособные примириться съ скромной ролью людей полезныхъ,—слишкомъ ничтожной, по ихъ разумѣнію—но тѣмъ не менѣе предначертанной имъ самой сутью ихъ занятій, они стремятся управлять міромъ, подчиненнымъ исключительно, какъ увѣряютъ они, законамъ спроса и предложенія, или закону капитала—труда—свободы торговли, а равно, по ихъ же мнѣнію, покровительственной системѣ. Мы не находимъ возможности установить между ними какихъ-нибудь различій: самые радикальные, наравнѣ съ самыми ретроградными, одинаково ослѣплены относительно значенія своей науки, которая въ ихъ глазахъ обнимаетъ все: политику, нравственность и соціологію.

Считаемъ лишнимъ объяснять, что наша оцѣнка не можетъ относиться къ замѣчательнымъ людямъ, которые, какъ Адамъ Смитъ и Стюартъ Милль, были не только экономистами, но и философами. Мы не имѣемъ въ виду отрицать также дѣйствительную пользу политической экономіи, науки пріобрѣтенія и произведенія богатствъ, основанія которой были заложены еще самимъ Аристотелемъ. Всѣ наши требованія отъ ея приверженцевъ заключаются въ томъ, чтобы они не забывали ни своего мѣста, ни своей роли, и не стремились къ узурпаціи, непригодныхъ для экономистовъ ролей, философовъ и моралистовъ.—Выяснивъ положеніе вещей съ надлежащей точки зрѣнія, мы готовы преклониться передъ докторомъ Кэрнсомъ и его новой книгой, признаваемой всѣми самымъ капитальнымъ явленіемъ по этому предмету, со временъ трактата о политической экономіи его учителя—Д. Стюарта Милля. Анализъ такого произведенія, въ нѣсколькихъ строкахъ, очевидно невозможенъ, и я ограничусь указаніемъ на два или три главныхъ и оригинальныхъ пункта. На первомъ планѣ стоитъ окончательное разгромленіе, посредствомъ

неумолимой логики, старой системы стоимости (cost) производства, исчисленнаго Миллемъ, на основаніи процентовъ съ капитала и заработной платы. Руководствуясь этою ложною теоріею, выводили заключеніе, что высокая цѣна на трудъ, существующая въ Англіи, уничтожаетъ выгоды, происходящія отъ близости каменноугольныхъ копей, желѣзныхъ рудниковъ и проч.

«Какимъ образомъ», восклицаетъ Кэрнсъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, комментированномъ поочередно всѣми органами прессы, «какимъ образомъ можетъ трудъ уничтожать эти выгоды? Утверждать это было бы тоже самое, что сказать, что высокій гонораpій, платимый адвокату во время его разъѣздовъ по дѣлу, парализуетъ результаты его трудовъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ, упомянутый гонорарій является послѣдствіемъ его искусства, такъ и высокая заработная плата за трудъ нашихъ рабочихъ составляетъ послѣдствіе промышленныхъ выгодъ, при условіи которыхъ они работаютъ. Разберемъ теперь причину этого страннаго недоразумѣнія,—безъ сомнѣнія причина слѣдующая: задача промышленности разсматривается исключительно съ точки зрѣнія капитала... и такъ какъ единственные расходы, принимаемые въ разсчетъ, только *его* расходы, то натурально, что единственное вознагражденіе, о которомъ говорятъ—опять-таки вознагражденіе капиталиста. Вотъ причина, почему высокая заработная плата выставляется вредною для промышленной выгоды, какъ будто бы не существуетъ другой прибыли, кромѣ той, которая попадаетъ въ карманъ капиталиста; что же касается до приличнаго вознагражденія труда рабочаго, то его считаютъ чуть не за народное бѣдствіе, на томъ основаніи, что черезъ него уменьшается доля капиталиста изъ прибыли, производимой ихъ общими усиліями». Это совершенно новый взглядъ на вещи, непохожій на обычныя рутинныя мнѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тонкія и мѣткія замѣчанія. Авторъ требуетъ, чтобы въ оцѣнку затратъ производства входили не только трудъ, капиталъ и рискъ капиталиста, но и исчисленіе тѣхъ же затратъ со стороны работника. «Все это выводится изъ точнаго и неопровержимаго анализа, а не изъ личныхъ болѣе или менѣе демократическихъ взглядовъ. Итакъ, съ другой стороны, Кэрнсъ, не задумываясь, отрицаетъ то значеніе, которое обыкновенно придается Trades-Unions (торговымъ союзамъ). Онъ находитъ, что эти союзы не въ состояніи произвести тѣхъ перемѣнъ и улучшеній, которыя отъ нихъ обыкновенно ожидаются. Единственное вліяніе, которое онъ признаетъ за ними, это—ускореніе и осуществленіе *«того, что̀ уже носится въ воздухѣ»*. Конечно, это умозаключеніе чисто научное и нисколько

не стѣсняющее дѣйствій рабочихъ союзовъ, за которыми нельзя не признать большого значенія. Мнѣ кажется, что все сказанное даетъ достаточно ясное понятіе объ этой книгѣ, которая богатствомъ новыхъ идей превосходитъ всѣ новѣйшіе трактаты по этому предмету.

Законовѣдѣніе можетъ идти объ руку съ политической экономіей. Наиболѣе интересная сторона этой науки заключается въ отдѣлѣ, относящемся до вмѣняемости *сумасшедшихъ*. Книга Маудслея, конечно, не представляетъ полнаго свода этого предмета, но она стоитъ на чисто научной почвѣ и даетъ ясное понятіе о положеніи этого вопроса въ англійскомъ законодательствѣ, положеніе, которое, грустно, сознаться въ этомъ, находится еще въ эмбріональномъ состояніи. Юристы Англіи не далеко ушли въ этомъ отношеніи отъ Бодèна—французскаго юрисконсульта временъ Лиги, автора *демономаніи колдуній*. Іоганнъ Байеръ, бѣдный нѣмецкій докторъ и филантропъ большой. руки, осмѣлился утверждать, что колдуньи просто несчастныя больныя женщины, гораздо болѣе достойныя состраданія, чѣмъ заслуживающія смерти на кострѣ.—Боденъ съ негодованіемъ отвергъ это, говоря, что со стороны доктора это нахальство признавать сумасшедшими преступницъ. Въ современномъ англійскомъ законодательствѣ мы наталкиваемся на тотъ же нераціональный взглядъ, который предоставляетъ обыкновеннымъ присяжнымъ право рѣшать вопросъ о вмѣняемости подсудимыхъ, заподозрѣваемыхъ въ сумасшествіи. Юристы находятъ, что тутъ голосъ науки неумѣстенъ, а нужны простое обсужденіе факта и оцѣнка его.

Д-ръ Маудслей совершенно справедливо считаетъ это непростительнымъ пробѣломъ въ законодательствѣ Англіи, и выводитъ параллель между послѣднимъ и законами французскаго и нѣмецкаго уголовнаго кодекса. Онъ утверждаетъ, что, въ сущности, по этому вопросу одна наука можетъ быть признана судьей. Но такъ какъ съ абсолютной, метафизической точки зрѣнія вообще полной отвѣтственности существовать не можетъ, то произнесеніе приговора надъ обвиняемымъ затрудняется чрезвычайно. А между тѣмъ оправданіе виновнаго, напримѣръ, на томъ основаніи, что проступокъ его былъ совершенъ въ пьяномъ видѣ, было бы положительно вредно и дурно; слѣдуетъ, напротивъ, внушить пьяницѣ страхъ къ наказанію, которое въ данномъ случаѣ будетъ стимуломъ для направленія его воли въ хорошую сторону. Весь вопросъ тутъ въ опредѣленіи здоровья или болѣзни подсудимаго, а кто же, кромѣ доктора-спеціалиста, можетъ быть компетентнымъ

судьей въ этомъ дѣлѣ? Будемъ надѣяться, что chief-justices (высшіе судьи) и остальные, наконецъ, поймутъ это.

V.

Э. Л. Мотлей: The Life and Death of John of Barneveld, advocate of Holland; London, John Murray, 1874, 2 vols. 8° 389—475 p.—*Ж. А. Фраудъ*: The English in Ireland in the Eighteenth century; London, Longman 1873—74, 3 vols. 8-o.— *Уилліамъ Бёрнсъ*: The scottish war of independence; Glasgow, Maclehose, 2 vols 8-o.— *Г. Робинсонъ*: The betrayal of Metz; London, Bradbury, 1874, 8-o. 378 p.—*Капитанъ Бракенбёри*: The Ashanti war; London, 1874, 2 vols. 8-o.

За неимѣніемъ Гротовъ, Боклей и Маколеевъ, Англія въ настоящее время можетъ однакоже похвастаться второстепенными историками, нелишенными достоинства, какъ-то, напримѣръ, Фраудомъ. Если не по національности, то по языку, заслуженный государственный человѣкъ, уроженецъ Америки—Фраудъ, можетъ считаться англійскимъ писателемъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть его сочиненій написана въ Европѣ и напечатана въ Лондонѣ.

Мотлей, авторъ извѣстной «*Исторіи Нидерландской революціи*» и «*Dutch Republic*» выступаетъ снова передъ публикой съ новой книгой, которая совершенно смѣло можетъ выдержать сравненіе съ предшествовавшими ей и вышеназванными сочиненіями. На самомъ дѣлѣ это не только полная и подробная біографія Барневельда: авторъ продолжаетъ жизнеописаніе этого государственнаго человѣка съ того момента, на которомъ оно было прервано въ предыдущемъ его сочиненіи, т.-е. съ 1609 г., эпохи заключенія 12-ти-лѣтняго перемирія съ Испаніей. Слѣдовательно, Мотлей въ настоящее время развертываетъ передъ нами послѣднія страницы этой полезной и счастливой жизни, окончившейся такъ печально. Задача его состоитъ, кромѣ того, въ изображеніи всего мирнаго періода исторіи, начавшагося окончаніемъ войны съ Испаніею и длившагося до тридцатилѣтней войны. Хотя новая книга составляетъ совершенно отдѣльное цѣлое, но она,—какъ и самъ авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи,— «естественное продолженіе другихъ, уже напечатанныхъ сочиненій, и вступленіе къ новой и окончательной части трудовъ, которую онъ собирается давно преподнести публикѣ, а именно: «*Исторія тридцатилѣтней войны*». Это заявленіе вызвало въ средѣ англійской критики вопросъ, способенъ ли Мотлей исполнить удовлетворительно такое капитальное предпріятіе?

Вопросъ этотъ очень важенъ. Два компактные тома, которые

мы имѣемъ въ рукахъ, излагая исторію Голландіи съ 1609 по 1619, содержатъ только одну страницу о Дордтрехтскомъ синодѣ. Но авторъ позаботился оговорить это обстоятельство въ предисловіи: онъ не намѣренъ касаться подробностей религіозныхъ споровъ, и тѣ, которые стали бы отыскивать въ его книгѣ исторію Дордтрехтскаго синода, не будутъ удовлетворены. «Задача моя», говоритъ онъ, «была написать политическій очеркъ». Къ несчастью, слѣдуетъ замѣтить на это, что цѣль не достигнута. Во всякомъ случаѣ, Мотлея уже никакъ нельзя упрекнуть въ преувеличиваніи значенія исторіи или политики; наоборотъ, онъ положительно ужъ черезчуръ узко понимаетъ ихъ. Что лично онъ мало интересуется ссорами Арминіуса и Гомара, это конечно до насъ не касается; но, все же странно, занимаясь серьёзно исторіею этого періода, не желать выяснить обстоятельно сущности упомянутыхъ распрь. Если мы допустимъ, что онъ предполагаетъ знакомство читателя съ этими вопросами, то и тогда онъ обязанъ былъ резюмировать ихъ. Но объ этомъ нѣтъ и помину; а когда онъ пытается сказать нѣсколько словъ мимоходомъ объ этихъ обстоятельствахъ, то вполнѣ разоблачается его абсолютное незнаніе предмета. Однакоже, писано было не мало о томъ, будто-бы Дордтрехтскій синодъ былъ причиною смерти Барневельда. «Синодъ и процессъ были единодушны», говоритъ Мотлей, «хотя между ними не было слишкомъ тѣсной связи» (Т. II, стр. 309), что́ самъ авторъ опровергаетъ силою фактовъ далѣе, во всѣхъ мѣстахъ своего разсказа, гдѣ онъ изображаетъ положеніе своего героя относительно современныхъ ему сектъ. Двѣ причины повлекли за собою смерть Барневельда: его убѣжденія вообще, включая сюда и религіозныя воззрѣнія, полныя вѣротерпимости и либерализма, и его политика, децентрализаціонная по преимуществу. Существуетъ одно, весьма распространенное заблужденіе относительно историческихъ и политическихъ условій: воображеніе, что люди, гонимые и мучимые за свои вѣрованія или идеи, должны поспѣшать, когда наконецъ побѣда остается на ихъ сторонѣ, наградить своихъ противниковъ тою терпимостью, ради пріобрѣтенія которой они такъ много страдали и боролись. Оглянитесь на христіанство, протестантизмъ въ первое его время въ Англіи, на французскую революцію и т. д. Всегда угнетаемые становились, хотя на одно мгновеніе, въ свою очередь угнетателями. И это весьма естественно и логично, а въ особенности ясно доказывается событіями въ Нидерландахъ. Но развѣ могло быть иначе? Народъ въ теченіи полустолѣтія борется за свою свободу и религію, да еще съ какой энергіей! борется противъ одной изъ могуще-

ственнѣйшихъ въ то время націй Европы: милліоны сыновъ его легли на полѣ брани, другіе милліоны погибли на кострахъ герцога Альбы. Плаха, на которой сложилъ голову Эгмонтъ, еще не остыла, и вы требуете, чтобы тотъ же народъ терпимо отнесся къ религіи, давившей его, къ католикамъ, его истерзавшимъ? Напрасно; выходитъ, что даже появленіе великодушныхъ доктринъ, въ родѣ ученія Арминіуса, стремившагося смягчить суровыя вѣрованія Кальвина, возстановляютъ народъ противъ себя, какъ это было съ арминіянами, навлекшими на себя ненависть, почти столь же ожесточенную какъ та, какую внушали католики. Если бы Барневельдъ не погибъ смертью Сиднея, то ему предстояло умереть такъ же, какъ умеръ Де-Виттъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ бы вправѣ искать спасенія въ жестокихъ догматахъ Кальвина, но при тогдашнемъ положеніи вещей и настроеніи умовъ онъ былъ неминуемо обреченъ смерти. Онъ былъ наказанъ еще и за то, что не понялъ требованій настоящей минуты: съ точки зрѣнія чистой политики, юная республика нуждалась въ крѣпкой и централизаціонной организаціи, съ постоянно выростающимъ раздѣленіемъ власти между отдѣльными штатами. Впрочемъ, эта истина не вполнѣ ускользнула отъ Мотлея; недавнія бѣдствія его собственной родины способствовали его прозорливости въ этомъ случаѣ. Англійскій кабинетъ не могъ понять этого присвоенія верховной власти областными единицами республики; Барневельдъ удивленъ и огорченъ этимъ. Его исторіографъ дѣлаетъ по этому поводу, предвидѣнное нами заранѣе, сближеніе между общественнымъ мнѣніемъ Англіи той эпохи и тѣмъ, которое обнаружилось во время послѣдней междоусобной войны въ Америкѣ. На этотъ разъ, англійская публика приняла совершенно обратную позицію, признавши за каждымъ штатомъ всѣ верховныя права, безъ изъятія, даже права сепаратизма. Мотлей возстаетъ противъ такого взгляда, и доказываетъ весьма справедливо—хотя нѣсколько преувеличенно—что верховенство, если этотъ терминъ можетъ быть умѣстенъ въ этомъ случаѣ, принадлежитъ въ Соединенныхъ Штатахъ не каждой отдѣльной области, а исключительно правительству, состоящему изъ исполнительной власти и законодательной палаты. Для полной вѣрности истинѣ, слѣдовало-бы ему однакоже упомянуть о правахъ и особенныхъ преимуществахъ, присвоенныхъ нѣкоторымъ частямъ Союза, и признать, что теорія верховенства, которую онъ излагаетъ, обязана значительными усовершенствованіями своими, въ отечествѣ его, самому факту междоусобной войны и ея послѣдствіямъ. Соединенные Штаты вре-

менъ Барневельда были несомнѣнно гораздо анархичнѣе: области обладали верховными правами съ весьма небольшими ограниченіями, и въ этомъ отношеніи адвокатъ Голландіи могъ бы справедливо сослаться на факты, не погрѣшая противъ конституціи, которая въ дѣйствительности никогда не существовала. Но его ошибка и заключалась именно въ томъ, что онъ былъ слѣпъ и не разглядѣлъ, что общественное мнѣніе, равно какъ и государственная польза, тяготѣли къ централизаціи и единству власти и правленія. А между тѣмъ, въ политикѣ уже таковъ законъ, что ошибки вмѣняются въ преступленіе, и законъ этотъ справедливъ, въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя они причиняютъ. Барневельдъ расплатился жизнью по приговору этого самаго органическаго закона.

Послѣ всѣхъ высказанныхъ замѣчаній, должно однакоже отдать справедливую дань труду Мотлея: если онъ не соотвѣтствуетъ тому, чтó мы называемъ исторіей въ научномъ и современномъ значеніи слова, зато онъ имѣетъ всѣ качества превосходной монографіи. Слогъ совершенно ясенъ и изященъ, книга читается какъ хорошій романъ. Эпизодъ смерти Барневельда написанъ мастерски. Побѣгъ де-Гроціуса, занимающій цѣлую главу, разсказанъ также съ неподражаемымъ искусствомъ, совершенно другого стиля, чѣмъ первая картина. Въ концѣ-концовъ, тамъ есть множество матеріаловъ и свѣдѣній не маловажныхъ, и въ этомъ смыслѣ это цѣнный вкладъ въ исторію Голландіи.

М-ръ *Фраудъ* держится совершенно другой системы, чѣмъ его собратъ по ремеслу, американецъ Мотлей. Онъ, по своимъ воззрѣніямъ, принадлежитъ къ школѣ французскаго историка Баранта. Онъ не раздѣляетъ убѣжденія, чтобы исторія имѣла что-либо общее съ наукой, и оцѣнку событій посредствомъ философскаго метода онъ считаетъ дикой фантазіей. Онъ опирается на метафизическій взглядъ относительно свободы воли: «людскіе поступки вполнѣ добровольны и слѣдовательно непосредственны; не ошибочно ли надѣяться отыскать причину ихъ возникновенія и вывести законъ, позволяющій прослѣдить нить логическаго сцѣпленія событія», спрашиваетъ онъ, однимъ ударомъ уничтожая Спинозу, а за нимъ побивая и всѣхъ прочихъ современныхъ мыслителей. Къ счастію, м-ръ Фраудъ слишкомъ талантливъ для того, чтобы долго щеголять въ этихъ мишурныхъ обноскахъ. Въ то самое время, когда Мотлей обѣщалъ дать намъ политическое сочиненіе, а даритъ насъ просто разсказомъ фактовъ—Фраудъ объявляетъ, что исторія не болѣе, какъ сборникъ эпизодовъ и повѣстей, а затѣмъ

преподноситъ настоящій и серьёзный историческій этюдъ, въ которомъ гораздо болѣе истинно философскаго и научнаго, чѣмъ въ его большомъ сочиненіи о царствованіи Елизаветы (*History of England,* from the fact of Wolsey etc. 12 vol. 8⁰). Впрочемъ, вашъ журналъ уже отозвался о новой книгѣ: «Англичане въ Ирландіи XVIII столѣтія» [1]; очень недавно вышелъ третій и послѣдній томъ этого сочиненія. Возстаніе 1798 года, отчаянная борьба ирландцевъ, кровавое подавленіе ихъ англичанами, изложены со всевозможными подробностями. Авторъ въ послѣднемъ томѣ нѣсколько смягчаетъ свое пристрастное отношеніе къ обитателямъ зеленаго Эрина и въ этомъ случаѣ становится нѣсколько невѣренъ самому себѣ и не вполнѣ логиченъ. Это прямое послѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ убѣжденій, чтó и заставляетъ его самого увлекаться впечатлѣніями минуты. Его взглядъ на кельтическую расу, высказанный въ первомъ томѣ, мнѣ кажется неопровержимо-вѣрнымъ, и я вижу мало причинъ нападать въ 3-мъ томѣ на политику, которой въ 1-мъ было заявлено сочувствіе. Съ другой стороны—замѣтимъ мы вскользь—его справедливая теорія расъ, и въ особенности справедливая оцѣнка ирландской народности, сильно противорѣчатъ его воззрѣніямъ на свободу воли, а книга его можетъ служить лучшимъ аргументомъ противъ его системы. Тому, кто желаетъ изучить животрепещущій вопросъ Ирландіи—весьма сходный съ польскимъ вопросомъ,—должно прочесть и проштудировать это сочиненіе, о которомъ я здѣсь не считаю нужнымъ говорить подробно, такъ какъ уже у васъ сообщено мнѣніе объ ней.

Мы обязаны занести въ нашу лѣтопись другое сочиненіе, соотвѣтствующее только что разобранной нами книгѣ: *Исторію Шотландіи*, Уильяма Бёрнса, прекрасный этюдъ о войнахъ, веденныхъ за независимость этою націею; читается она съ величайшимъ интересомъ, хотя слѣдуетъ заранѣе вооружиться противъ тенденціозныхъ пристрастій и преувеличеній автора. Онъ самъ шотландецъ, и обнаруживаетъ нѣкоторую склонность видѣть въ своихъ соотечественникахъ идеалъ всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Теорія племенного вліянія не имѣетъ болѣе горячаго сторонника, чѣмъ онъ, или вѣрнѣе, теорія эта въ его рукахъ выводится изъ всѣхъ естественныхъ ея границъ и переходитъ въ абсурдъ. «Въ жизни народовъ», утверждаетъ онъ, «существуетъ такая сильная, послѣдовательная преем-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, за февраль 1874 г. Корреспонденція изъ Лондона.

ственность, которую не въ силахъ расторгнуть никакое вторженіе новыхъ этнологическихъ элементовъ, даже въ томъ случаѣ, если вліяніе ихъ будетъ длиться нѣсколько вѣковъ сряду». Итакъ, шотландцы—кельты, пиктской вѣтви, ни болѣе, ни менѣе. Я не имѣю ни времени, ни желанія оспаривать это утвержденіе, и перехожу къ указанію другой слабой стороны, противъ которой вся англійская пресса уже возвысила голосъ. По мнѣнію м-ра Бёрнса, исторія была часто искажена, вслѣдствіе того, что она составлялась согласно хроникамъ того времени. А по его убѣжденію, ничто не способно вводить людей въ такія заблужденія, какъ лѣтописи. Наименѣе правдивы бываютъ всегда разсказы очевидцевъ, замѣшанныхъ лично, или косвенно, черезъ друзей своихъ, въ политическія или общественныя столкновенія. Совсѣмъ иное дѣло шотландскія хроники, составленныя черезъ одно или два поколѣнія спустя послѣ событій! Вотъ это такъ достовѣрные матеріалы!

Нѣтъ сомнѣнія, что хроникёры не всегда бываютъ добросовѣстны и безпристрастны, и недостаточно еще быть очевидцемъ событія для того, чтобы умѣть дать о немъ точный отчетъ. Но причины несправедливости или пристрастія продолжаютъ точно также дѣйствовать сильно на послѣдующія поколѣнія, какъ и на современниковъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ задача критики и анализа разобрать и оцѣнить правдивость свидѣтеля, его компетентность, его долю личной прикосновенности къ событіямъ—все это должно быть взвѣшено и приведено въ порядокъ; въ этомъ-то и состоитъ обязанность историка, и главное качество его заключается въ умѣньи дѣлать правильный выборъ. Если же смотрѣть на дѣло вообще, не вдаваясь въ качественную разсортировку матеріаловъ, то и тогда записки очевидцевъ всегда будутъ наилучшимъ источникомъ передъ всѣми остальными, и это признано всѣми, исключая Уилльяма Бёрнса. Англичане вообще считаютъ шотландцевъ хищниками и хвастунами, и къ сожалѣнію, новая книга не можетъ нисколько служить аргументомъ противъ этого мнѣнія, въ особенности же противъ послѣдняго обвиненія. Но, рядомъ съ этимъ нельзя порицать той искренности и горячности убѣжденія, которыми проникнута эта книга.

Отъ шотландскихъ войнъ за независимость переходъ къ франко-прусской войнѣ нѣсколько внезапенъ, но чтó же дѣлать?—намъ приходится совершить этотъ *salto mortale*, чтобы заняться произведеніемъ пэра, м-ра Робинсона. Собственно новинкою эту книгу назвать нельзя, такъ какъ это только возобновленное изданіе

«Осады Метца», разошедшееся съ такимъ успѣхомъ три года тому назадъ, перепечатанное нынѣ съ добавленіемъ нѣсколькихъ примѣчаній и замѣтокъ, подъ новымъ и болѣе громкимъ заглавіемъ: «*The Betrayal of Metz*». Заголовокъ, пріемы автора и въ особенности заключительная часть этого томика подняли настоящую и чуть ли не всеобщую бурю въ англійской журналистикѣ. «Academy», этотъ серьёзный и уважаемый органъ высшей критики, позволилъ себѣ, къ сожалѣнію, самую неосмотрительную выходку по этому случаю, чтó особенно жалко въ виду его собственнаго достоинства. Аргументъ, которымъ *ad hominem* онъ стремится поразить автора, состоитъ въ обвиненіи его въ самонадѣянности, допустившей его, гражданскаго дѣятеля, судить о военной позиціи, какъ будто онъ болѣе компетентенъ въ вопросѣ, чѣмъ маршалъ Франціи. Прежде всего на это Робинсонъ можетъ возразить, что другіе маршалы, люди заслужившіе на военномъ поприщѣ не менѣе извѣстности, чѣмъ самъ Базенъ, пришли къ тѣмъ же выводамъ, которыхъ держится онъ, Робинсонъ, о чемъ свидѣтельствуетъ процессъ и выдержки изъ обвинительнаго акта, приложенные къ концу книги. Кромѣ того, этотъ пріемъ отрицанія компетентности составляетъ отрицаніе самой критики, и тѣмъ болѣе смѣшонъ, что исходитъ изъ устъ критика. Впрочемъ, онъ былъ уже не разъ опровергнутъ и осужденъ.

Какъ разъ мы имѣемъ подъ рукой мнѣнія Бёрнса, который не допускаетъ авторитетности хроникёровъ-современниковъ. Мы уже сказали, чтó мы думаемъ объ этомъ первомъ аргументѣ, и въ нашихъ глазахъ, положеніе автора, который провелъ все время осады въ стѣнахъ Метца, представляетъ достаточныя гарантіи, которыхъ мы не отвергаемъ. Когда онъ, напримѣръ, показываетъ намъ Базена въ моментъ битвы при Борни, не знающаго ничего касательно движеній непріятеля, колеблющагося между рѣшеніемъ остановить наступательное дѣйствіе пруссаковъ и одновременно предпринимающаго вылазку, съ цѣлью пробиться впередъ, не трудно понять, почему это двойственное рѣшеніе потерпѣло двойное пораженіе. Отказъ Базена вступить въ сношеніе съ новымъ правительствомъ, — каковы бы ни были ошибки и промахи послѣдняго, дошедшаго подъ конецъ даже до преступленій—отказъ его, говорю я, не простителенъ въ виду того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилась Франція. Также очевидность непредусмотрительности, благодаря которой были безъ толку истрачены всѣ припасы, бросается въ глаза каждому. Лица, которымъ пришлось вынести на себѣ испытанія осаднаго положенія Парижа,

знаютъ, что даже въ столицѣ, гдѣ все было несравненно лучше организовано, отпускъ съѣстныхъ припасовъ по порціямъ былъ установленъ только въ концѣ октября, послѣ того, чтó было растранжирено въ шести-недѣльный срокъ въ три или четыре раза больше бычачьяго и лошадинаго мяса, чѣмъ осталось его на продовольствіе трехъ остальныхъ мѣсяцевъ. Не спорю, что м-ръ Робинсонъ нѣсколько преувеличиваетъ легкость прорубиться сквозь прусскія войска, но во всякомъ случаѣ можно было придумать исходъ получше сдачи Метца — дѣвственнаго Метца — сидя два мѣсяца сряду съ 150-тысячной арміей въ осажденномъ городѣ. Положительно можно сказать еще, что нѣкоторые изъ судей Базена сами заслуживали вполнѣ сѣсть съ нимъ рядомъ на скамьѣ подсудимаго. Солдаты тоже были не лучше вождей своихъ, но это не причина скрывать мнѣнія, что Метцъ заслуживалъ иной судьбы и иного защитника; въ суммѣ же я нахожу полезнымъ, чтобы рядомъ съ панегириками являлись книги въ духѣ «Предáтельство Метца». Это все матеріалы для исторіи.

Мнѣ придется только мелькомъ указать на книгу капитана Бракенбёри. Предметъ ея — война съ ашантіями, извѣстенъ моимъ читателямъ; я полагаю, они знаютъ, что англичанамъ неудалось даже завладѣть 3333 женами короля Коффи Калкали, и что они должны были удовольствоваться взятіемъ въ призъ его дождевого зонтика, прославившагося отнынѣ въ лѣтописяхъ смѣшного, и память о которомъ будетъ увѣковѣчена на ряду съ безсмертнымъ и стяжавшимъ другіе неувядаемые лавры — зонтикомъ Робинзона Крузе. Но, помимо смѣшного, эта книга имѣетъ настоящія достоинства: она весьма добросовѣстна и правдива. Укажу любителямъ еще на «*The Ashanti war*», обязанную своимъ происхожденіемъ корреспонденту «*Daily News*»; на «*Márch to Coomassie*» г. Генти и проч. По крайней мѣрѣ, если экспедиціи не удалось добыть сокровищъ, то она обогатила литературу, и на томъ скажемъ ей спасибо.

VI.

У. Гепуортъ Диксонъ: History of two Queens; London, Hurst and Blacket, 1874, 4 vol. 8°.—*Дж. Позакъ:* Mary, queen of Scott and her accusers; London, Blackwood, 1874, 8°.—*А. С. Суинбёрнъ*: Ботуэлль, a tragedy; London, Chatto and Windus, 8°. 532 p.

Пальму жестокости относительно царственныхъ лицъ принято почему-то считать принадлежащей исключительно Франціи. Между тѣмъ, пусть только вглядятся попристальнѣе въ то, что творилось въ Англіи. Тутъ уже рѣчь не объ одной несчастной Маріи-Антуанеттѣ, погибшей среди ужаснѣйшаго изъ когда-либо бывшихъ столкновеній политическихъ страстей и народной ярости. Въ англійской исторіи найдутся страницы, на которыхъ обезглавленіе королевъ занесено историкомъ черезъ каждые два-три мѣсяца.

И какія еще головы скатывались въ корзину палача? Бѣлокурыя, граціозныя, полныя обаяній юности и красоты, головы: Анны Болэйнъ, Жанны Грей, Катерины Гоуардъ. *Саксонская* теорія Тэна блещетъ здѣсь всѣми своими красками. Дѣйствительно, только не зная исторіи, можно упрекать Шекспира или Марло въ преувеличеніи.

И вся эта безконечная бойня развертываетъ свои тяжелыя картины передъ нашими глазами, вдохновляя своими ужасами современныхъ художниковъ. Я сказалъ — тяжелая картина, надо бы сказать болѣе: это — картина раздирательная. Что можетъ быть болѣе грустнымъ, и слѣдовательно болѣе деморализовать человѣка, какъ не зрѣлище убійствъ, совершенныхъ надъ этими женскими, юными существами, олицетворяющими собою всѣ блага природы, жизни, красоты и невинности. Вѣдь это то же, что избіеніе младенцевъ. Я спѣшу извиниться за вырвавшееся слово. Но тѣ, которые ратуютъ за права женщинъ, забыли этотъ аргументъ, которымъ я совѣтую имъ воспользоваться, измѣнивъ прежнюю тактику свою; въ нѣкоторомъ отношеніи женщины смѣло могутъ утверждать, что ихъ третировали достаточно, какъ ровней мужчинъ, обезглавливая ихъ усердно въ достолюбезныя времена Генриха и Елизаветы.

Гепуортъ Диксонъ, знаменитый авторъ «*Свободной Россіи*», «*Уилльяма Пенна*» и прочихъ популярныхъ сочиненій, переноситъ насъ снова къ этимъ трагическимъ эпизодамъ своей «*Исторіи двухъ королевъ*». Рѣчь идетъ о двухъ первыхъ женахъ «Синей Бороды», извѣстной всѣмъ подъ именемъ Генриха VIII.

Одна изъ нихъ, Катерина Аррагонская, менѣе интересна во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ вторая, Анна Болэйнъ, которая по преимуществу вызываетъ и вызывала общія симпатіи.

Диксонъ усвоилъ себѣ совершенно новый жанръ, нѣчто среднее между исторіей и романомъ. Онъ претендуетъ на серьёзность и полноту, и вмѣстѣ съ тѣмъ на занимательность. По части изслѣдованій есть нѣкоторое количество ссылокъ на рукописи и оригинальные мемуары, свидѣтельствующія о добросовѣстности и о работѣ автора. Кромѣ того, каждый параграфъ помѣченъ цифрой, на образецъ «Анналъ» Тацита, въ изданіи классиковъ, но, съ другой стороны, главы носятъ эффектныя названія, въ родѣ: «Конспирація», «Побѣда», «Агонія» и т. д. Я вовсе не желаю отрицать относительную пользу подобнаго жанра, который созданъ для тѣхъ, кому Вальтеръ-Скоттъ кажется слишкомъ поверхностнымъ, а Маколэй скучнымъ. Авторъ книги пользуется, впрочемъ, заслуженнымъ успѣхомъ, но, по моему мнѣнію, онъ могъ бы добиваться чего-нибудь бóльшаго, и становится обидно видѣть эту растрату необыкновенныхъ способностей на услажденіе праздныхъ досуговъ праздной толпы. Тѣмъ болѣе досадно, что касательно своихъ историческихъ цѣлей онъ совершенно промахивается.

Такимъ образомъ, желая возстановить вполнѣ невинность Анны Болэйнъ, онъ не потрудился даже опровергнуть взводимыя на нее обвиненія, ни отразить приводимыя противъ нея свидѣтельства. Онъ предоставляетъ это судьбѣ, на-авось. Читатель, ищущій пріятнаго времяпрепровожденія, вынесетъ, пожалуй, убѣжденіе въ ея правотѣ, но болѣе требовательный изслѣдователь получитъ совершенно обратное впечатлѣніе. Напримѣръ, разсказывая о страсти короля къ Жаннѣ Сеймуръ, онъ рисуетъ слѣдующую сцену: «войдя неожиданно къ комнату, Анна застала короля наединѣ съ молодой дѣвушкой. Жанна сидѣла у него на колѣняхъ, принимая ласки и ласкаясь къ нему. Анна была поражена въ самое сердце: «я люблю его», воскликнула несчастная королева, «мое сердце обливается кровью, когда я вижу такія вещи!» Генрихъ подбѣжалъ къ ней въ испутѣ, боясь за ребенка, которымъ она была беременна, и старался успокоить жену.—Молчи, мое сердце, еще не все утрачено тобой.—Но успокоенія уже не было на этой землѣ для бѣднаго разбитаго сердца» (Т. IV, p. 257).

Вотъ недурная семейная картина, съ чрезвычайно реалистическимъ колоритомъ, но мы требуемъ еще бóльшаго, вѣрнаго. Этотъ эпизодъ цѣненъ только въ томъ случаѣ, если онъ проис-

ходилъ въ дѣйствительности; между тѣмъ, напрасно вы станете рыться въ примѣчаніяхъ, нигдѣ нѣтъ указанія ни на рукописи, ни на мемуары, откуда онъ бы былъ позаимствованъ. Нѣтъ тоже точнаго обозначенія времени рожденія Анны Болэйнъ. Фраудъ неспособенъ къ доставленію такихъ свѣдѣній. Диксонъ относитъ это событіе къ 1501 г., не подкрѣпляя это никакими доказательствами (T. III, p. 134).

Но, гдѣ всего болѣе ощутительно отсутствіе серьёзности, это въ главномъ мѣстѣ книги: въ описаніи суда и процесса. Относительно такихъ, можно сказать, легендарныхъ матеріаловъ, а въ особенности легендъ, проникшихъ уже повсюду, крайне интересно мнѣніе соотечественниковъ. Въ этомъ данномъ случаѣ оно согласуется съ общераспространеннымъ и обыкновеннымъ понятіемъ. Обратитесь съ вопросомъ по этому предмету къ любому англичанину, раскройте первый попавшійся подъ руку учебникъ, вы встрѣтите вездѣ одно и то же провозглашеніе невинности Анны Болэйнъ. Перелистуйте самого Шекспира и остановите ваше вниманіе на его Генрихѣ VIII, тамъ вы увидите, какъ къ старой, покинутой и умирающей Екатеринѣ въ Римбольтонѣ, онъ не стѣсняется помѣстить фрейлину, предназначенную ей въ преемницы. «Прелестнѣйшая рука, которую я когда-нибудь пожималъ», говоритъ Генрихъ VIII, хватая руку Анны Болэйнъ. «О, красота! до сего дня, я не зналъ тебя!» (Актъ I, сцена IV). Въ глазахъ англичанъ, эта молодая, обезглавленная женщина—мученица и олицетвореніе реформы, одной изъ косвенныхъ причинъ которой она была. Наконецъ, она мать Елизаветы, а возможно ли допустить даже мысль о томъ, чтобы мать королевы-дѣвственницы — «the Virgin Queen»—мать ея, понимаете, дарила своими милостями пятерыхъ джентльменовъ, считая тутъ же и родного отца своего? Въ этомъ отношеніи аргументъ, приводимый противъ нея, что память ея не была оффиціально возстановлена, не заслуживаетъ вниманія. Раскапывать эту исторію не нашлось надобности; достаточно уже было того, что ее тронули.

Но что же слѣдуетъ думать на самомъ дѣлѣ объ этомъ обвиненіи? Оставляя неприкосновенной славу королевы-дѣвственницы, Юмъ, Галламъ, равно какъ и большинство историковъ провозглашаютъ неповинность, *notguilty*, Анны Болэйнъ. Фраудъ же, по слѣдамъ Линьяра, высказывается противъ такого утвержденія. Онъ не допускаетъ, чтобы двадцать пэровъ, наслѣдниковъ благороднѣйшей крови королевства, рѣшились добровольно быть соучастниками короля въ убійствѣ, которое, такимъ образомъ, было бы самымъ ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ преступленій.

Но именно въ этомъ-то и сомнѣваются противники Фрауда, и приводятъ не одинъ примѣръ такого вѣрноподданническаго усердія. Не находчивѣе оказывается историкъ, когда онъ приводитъ, какъ доказательства, обличающія безнравственность Анны, разговоры ея болѣе или менѣе легкаго содержанія съ окружавшими ее царедворцами, говоря, что молодые люди не имѣютъ обыкновенія водить любовныя рѣчи съ замужними, а тѣмъ болѣе съ высокопоставленными дамами, если они къ этому не поощрены. М-ръ Фраудъ говоритъ это, имѣя въ виду лишь современное общество своихъ соотечественниковъ. Почтенный авторъ забываетъ, что у людей временъ Генриха VIII и окружавшихъ его, текла въ жилахъ болѣе горячая кровь, чѣмъ у ихъ потомковъ, или, по крайней мѣрѣ, что ихъ еще не укротила и не закрахмалила чопорная щепетильность, которой такъ отличаются англичане въ наши дни. Къ сожалѣнію, обвиненія страшно опредѣленны, въ этомъ нельзя не сознаться: въ такой-то день дѣло произошло въ Уэстминстерѣ съ Норрисомъ; въ такой день, въ Гэмптонъ-Кортѣ съ Уилльямомъ Бреретиномъ и проч. Отсутствіе свидѣтелей и защитниковъ не составляетъ вѣскаго аргумента; въ этомъ случаѣ дѣло шло обыкновеннымъ порядкомъ, существовавшимъ для обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ. Показанія свидѣтелей принимались заранѣе главнымъ судомъ присяжныхъ (grand jury) и тайнымъ судомъ, а затѣмъ читались подсудимому, который могъ оправдываться. Нечего и говорить, что это далеко не идеальное судопроизводство. Но слѣдуетъ допустить, что процессъ королевы не былъ веденъ необычайнымъ порядкомъ, какъ постоянно утверждаютъ. Четверо изъ обвиненныхъ молодыхъ людей показали: *не виновна*. Музыкантъ Маркъ Сметонъ одинъ признался въ преступленіи. Диксонъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать, что это былъ негодяй, сознавшійся въ небываломъ преступленіи изъ желанія вынырнуть изъ дѣла живымъ, польстясь на обѣщанія помилованія. Нечего сказать, странный способъ спасенія!

На это вѣдь возможно возразить тѣмъ предположеніемъ, что Сметонъ, будучи нѣчто среднимъ между лакеемъ и джентльменомъ, не имѣлъ той деликатности и благороднаго великодушія своихъ сотоварищей по обвиненію, и разсказалъ вещи попросту, безъ затѣй? Въ результатѣ, однакоже, Фраудъ не доказалъ вполнѣ виновности, а Диксонъ не лучше его защитилъ ея память отъ нареканій; словомъ, вопросъ остался послѣ его книги въ прежнемъ, нерѣшенномъ видѣ. Я не берусь, конечно, здѣсь рѣшать его. Но, не вдаваясь въ клевету и не доводя дѣла до кровосмѣшенія, я думаю, не лишено вѣроятія, что красавица Анна не очень

тщательно оберегала свой брачный контрактъ отъ легкихъ изъяновъ. Но не забудемъ, что духъ бодръ, а плоть немощна, а она, насколько мы можемъ судить о ней, не была построена изъ матеріала, изъ котораго создаются аскеты. Во всякомъ случаѣ, вина ея одна изъ самыхъ простительныхъ, и королю не слѣдовало забывать главу о прелюбодѣйной женѣ. Не намъ рвать съ нея вѣнецъ: у нея тоже былъ тяжелый крестъ, и она снесла его мужественно, съ такимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, какъ очень не многіе.

Относительно Маріи Стюартъ невозможно сказать того же. Тѣ же страсти, тѣ же любовныя увлеченія, но, кромѣ того, у нея —преступленія. Что замужняя женщина любитъ посторонняго, обманываетъ мужа—это старая исторія, повторяющаяся во всѣ времена, во всѣхъ расахъ и во всѣхъ странахъ земного шара; сторонники семитическаго племени могутъ въ этомъ отношеніи смѣло побрататься съ друзьями арійскихъ народовъ. Но чтобы они истребляли людей для наиудобнѣйшаго удовлетворенія своихъ пристрастій—это уже заходитъ за границы обыкновеннаго. А что таковъ былъ обычай «Mary, queen of Scots»—увы!—не подлежитъ сомнѣнію. Адвокатъ, м-ръ Госакъ, беретъ эту кліэнтку нынѣ подъ свое покровительство: книга его прочтется съ сочувствіемъ всѣми его единомышленниками, но не убѣдитъ ни единаго изъ членовъ оппозиціи. Всѣ съ удовольствіемъ найдутъ въ ней знаменитыя письма Маріи къ Ботуэллю. Но я осмѣлюсь усомниться, чтобы кто-нибудь, изучивъ внимательно эти письма, раздѣлилъ убѣжденіе, высказываемое Госакомъ, что они поддѣланныя. Мнѣ приходитъ на память острота, сказанная однимъ англичаниномъ, которому сообщали о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія, написаннаго съ цѣлю оправдать память Маріи Стюартъ: «докажетъ ли оно, что Марія не выходила замужъ за Ботуэлля?» — спросилъ онъ собесѣдника. Дѣйствительно, трудно найти опроверженіе этому аргументу. Госакъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать, что участіе королевы было насиловано. Но у него не хватаетъ оправдательныхъ аргументовъ. Однакоже, онъ указываетъ на одно обстоятельство, съ которымъ стóитъ познакомиться. «Марія,» говоритъ онъ, «вышла за Ботуэлля противъ воли, и во всякомъ случаѣ она не принимала никакого участія въ убійствѣ перваго мужа своего, красавца Дарнлея. Французъ дю-Крокъ и другіе, видѣвшіе ее немедленно послѣ катастрофы, свидѣтельствуютъ объ ея разстройствѣ и огорченіи. Сличите это съ портретомъ королевы Гертруды въ Гамлетѣ. Она отравила мужа и вышла замужъ за своего сообщника, она безпечна и весела настолько, что юный принцъ

датскій не можетъ удержаться отъ знаменитой своей выходки: «Легкомысліе—имя тебѣ женщина!»—Марія плачетъ и убивается, Гертруда смѣется и плаваетъ въ блаженствѣ. Такой великій художникъ, какъ Шекспиръ, не могъ ошибиться въ краскахъ при начертаніи признаковъ человѣческихъ страстей; Марія плачетъ потому, что она невинна,—виновная, она бы смѣялась, какъ Гертруда. Вотъ такъ чисто-адвокатская манипуляція аргумента! Я привелъ его цѣликомъ, такъ онъ мнѣ показался любопытенъ. М-ръ Госакъ выражается, точно онъ ораторствуетъ въ судѣ ея королевскаго величества. Но грустно такъ плохо знать публику, съ которой имѣешь дѣло. Несмотря на это, его два тома пришлись по вкусу нѣкоторымъ читателямъ; но ихъ можно рекомендовать развѣ только изъ-за документовъ, которые вошли въ изданіе.

Мы не покидаемъ Маріи Стюартъ, переходя къ Суинбёрну. Эта королева, какъ, я полагаю, извѣстно всѣмъ, не пользуется особеннымъ расположеніемъ въ Англіи; за ней безъ спора признаютъ здѣсь только одно качество—красоту, то, что она была «*very pretty*». Ея защита была до такой степени слита съ вопросами католицизма, и католики такъ усердно превращали ее въ святую, что окончательно погубили ее въ общественномъ мнѣніи. Суинбёрнъ выводитъ историческую, а не легендарную ея личность; его Марія выступаетъ на сцену вся окутанная меакомъ и украшенная звѣздами:

Eclair d'amour qui blesse et de haine qui tue;
Fleur éclose au sommet du siècle éblouissant
Rose à tige épineuse et que rougit le sang.

Эти прекрасные стихи не переводъ, это заключительныя строфы французскаго сонета, который напечатанъ на первомъ листѣ вмѣсто посвященія Виктору Гюго. Авторъ, какъ я сказалъ въ началѣ этой статьи, обѣщаетъ занять мѣсто между первоклассными современными поэтами страны. Его произведенія «*Atalanta in Calaydon*», «*Songs before sunrise*» обнаруживаютъ громадный талантъ, болѣе близкій къ Байрону, чѣмъ къ Теннисону, и, говоря еще точнѣе, принадлежащій къ семьѣ поэтовъ-романтиковъ французской школы. По общему отзыву, новая трагедія «Ботуэлль» не изъ особенно удачныхъ его вещей. Можно заподозрить, что автору вздумалось состязаться съ «*Кромвеллемъ*» В. Гюго, по длиннотѣ пьесы: 532 страницы трагическихъ стиховъ—это ужъ черезчуръ усиленная доза вдохновенія! Замѣтьте, что предыдущее его произведеніе, подъ заглавіемъ «*Chastelan*», намъ дало уже одинъ эпизодъ изъ жизни шотландской героини; очевидно—умыселъ поэта создать трилогію.

Оставивъ въ сторонѣ растянутость и непропорціональность этой трагедіи, въ ней встрѣчаются цвѣты поэзіи неоспоримаго достоинства. Поэтъ ведетъ насъ изъ комнаты, гдѣ былъ убитъ Рицціо, въ покой, гдѣ спалъ Дарнлей передъ тѣмъ, какъ взрывъ покончилъ его существованіе; онъ заставляетъ насъ присутствовать на свадебномъ пиру королевы и Ботуэлля, и сопровождать Марію Стюартъ до момента Лонгсайдской катастрофы, которою завершается ея пребываніе на шотландской территоріи. Мало историческихъ характеровъ представляетъ такой благодарный и обильный матеріалъ поэтамъ и драматургамъ. Суинбёрнъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, рисуетъ Марію такою, какою она была въ дѣйствительности: настоящею дочерью Тюдоровъ и Гизовъ, а подобная помѣсь объясняетъ достаточно явленіе. «Душа ея», говоритъ Ноксъ, «подобна пламени всепожирающему, хотя измѣнчива и неуловима, какъ струйка воды; хитрость и страстность такъ тѣсно сплелись въ ней, что служатъ другъ для друга взаимной опорой; живой умъ ея согрѣвается и разгорается отъ прикосновенія страсти, а ея нѣжное и влюбчивое сердце обуздывается умомъ, такъ что послѣдній безконечно горитъ» [1]).

Одна изъ наилучшихъ сценъ та, которая предшествуетъ смерти Дарнлея. Рицціо былъ умерщвленъ почти-что въ объятіяхъ королевы; она клянется отмстить; эта черта принадлежитъ настолько же исторіи, какъ и драмѣ. Этотъ Дарнлей, который держалъ ее за руки въ то время, когда убивали ея любимца, теперь тутъ, въ ея рукахъ; онъ лежитъ больной въ уединенномъ домикѣ, гдѣ она притворно окружаетъ его заботливымъ попеченіемъ. Между тѣмъ, условіе съ Ботуэллемъ заключено: въ эту же ночь домъ и король будутъ взорваны на воздухъ. Марія въ послѣдній разъ видится съ мужемъ, она борется между желаніемъ насладиться своимъ мщеніемъ и боязнью проговориться и насторожить его вниманіе; она поетъ ему поочередно то веселые напѣвы, то страшные мотивы, и говоритъ съ нимъ загадками.—Одна пѣснь

---

1) Her soul
Is a flame of fire, in satiable
And subtile as thin water; with her craft
Is passion mingled so inseparably
That each gets strength from other, her swift wit
By passion being enkindled and made hot:
And by her wit her Keen and popionate heart
So tempered that it burn itself not out
Consuming to no end. (Act I, scene 2).

въ особенности нагоняетъ на Дарнлея страхъ, это прелестнѣйшая баллада, начинающаяся слѣдующими словами:

Lord Love went maying
Where Time was playing—

это чудо изящества и граціи, и почти непереводимо. Пѣсню эту пѣлъ Рицціо въ тотъ самый вечеръ, когда его убили. Но Марія успокоиваетъ Дарнлея, и онъ засыпаетъ подъ звуки французской баллады, которую она напѣваетъ по его просьбѣ:

Sur la grève
Rien ne rève
Aux naufrages de la nuit;
A la trombe
Gouffre et tombe
Au flot qui frappe et fuit.

Я надѣюсь, что м-ръ Суинбёрнъ проститъ мнѣ, что я дѣлаю эту выписку изъ его французскихъ стиховъ, въ виду того, что, насколько я знаю, русская публика болѣе знакома съ ритмомъ французскихъ стихотвореній, чѣмъ съ поэзіей на нашемъ языкѣ. Все, что я могу прибавить отъ себя къ сказанному, это—то, что каковъ бы ни былъ языкъ, но изъ-подъ словъ сквозитъ душа и сердце истиннаго поэта. Окончивъ балладу, Марія удаляется; на другой день, въ сосѣднемъ саду находятъ, изуродованное взрывомъ тѣло, бѣднаго Дарнлея. — Но я не могу удержаться отъ искушенія попросить позволенія привести въ прозѣ небольшой отрывокъ, которыми заканчивается пьеса, и составляющими чуть ли не наилучшій образчикъ современной поэзіи.—Марія послѣ пораженія при Лонгсайдѣ, готовясь вступить на негостепріимную англійскую землю, отрясаетъ прахъ Шотландіи съ ногъ своихъ и изливается въ проклятіяхъ: «отъ моря до моря», восклицаетъ она, «превращу я землю эту въ одинъ костеръ неугасаемый,— ураганъ битвъ будетъ носиться надъ ней и расточать ей удары могучихъ крылій своихъ, до того дня, когда сыны ея изнемогутъ, призывая недосягаемый отдыхъ,—дождемъ крови возставшихъ залью я костры... ни единой души не пощажу я изъ этихъ кощунствующихъ и заблудшихъ—кто осмѣливается идти войной противъ владыкъ своихъ: — Богъ воззритъ на царствованіе мое и осѣнитъ мой престолъ невидимымъ присутствіемъ своимъ,—враги же его будутъ распростерты у ногъ его и моихъ.—Государства и государи воспрянутъ подъ согрѣвающими лучами моего сердца и оживутъ отъ вѣянія души моей,—они разожгутъ пламя душъ своихъ, чтобы испепелить этотъ народъ,

который желалъ бы поглотить ихъ самихъ,—сорвать съ престоловъ Господнихъ св. тайны, равно какъ и вѣнцы съ головы царствующихъ, и превратить храмы Его въ такія же развалины, какъ и троны вѣнценосцевъ... Но я буду бодрствовать—и буду глядѣть на слезы, изливаемыя изъ тѣхъ глазъ, которые видѣли меня плачущей—пыль и пепелъ, мракъ и смерть—будутъ расти изъ подъ ударовъ топора о плаху, отсѣкая головы, которыя видѣли мое униженіе».

Конечно, этотъ отрывокъ даетъ нѣкоторое понятіе о замѣчательномъ поэтическомъ талантѣ Суинбёрна; это настоящая поэзія, и тѣмъ болѣе хватающая за душу, что невольно дѣлаешь мысленно сближеніе между страшной судьбой, ожидавшей королеву, и ея угрозами. Спѣшимъ сказать, что «*Ботуэлль*» изобилуетъ такими блестящими мѣстами, но въ немъ не соблюдены тѣ размѣры и пропорціи, которыя необходимы для созданія настоящаго chef d'oeuvre, художественнаго произведенія. Впрочемъ, авторъ показалъ, что онъ способенъ, рано или поздно, подарить насъ таковымъ, и вся критика привѣтствуетъ въ немъ надежду настоящаго поколѣнія. Я оканчиваю мой обзоръ, не упомянувъ ни объ одномъ романѣ. Въ нихъ не было недостатка, но въ массѣ посредственностей, являющихся безъ перерыва, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я не встрѣчаю ничего такого, на что̀ бы сто̀ило обратить вниманіе читателей.

А. Рк—ръ.

Лондонъ, 3-го декабря, 1874 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1875.

Вопросъ 1874-го года 1875-му году, и послѣдующимъ.—Чтó важнѣе: чѣмъ намъ быть? или: кàкъ намъ быть?—Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—«Лѣвыя мнѣнія» и ихъ европейскіе корни.—Начало всесословности на Западѣ. — Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.— Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—«Культурный» слой въ древней и новой Россіи.—Опыты его самоуправленія.—Вопросы будущаго развитія.

Въ нашей, довольно бѣдной, а еще болѣе блѣдной публицистикѣ, отошедшій въ вѣчность 1874-ый годъ прошелъ однако не совсѣмъ безслѣдно: устами г-на Фадѣева, онъ задалъ задачу своему ближайшему преемнику, а можетъ быть, и его многочисленному потомству— рѣшить вопросъ: чѣмъ намъ быть? Примѣрный способъ рѣшенія задачи взялъ на себя самъ г. Фадѣевъ, и составилъ съ этою цѣлью брошюру: „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ", или: „Чѣмъ намъ быть?" Вопросъ, въ сущности, очень простой; но нѣтъ ничего коварнѣе простыхъ вопросовъ: они всегда заставляютъ думать, что у вопрошающаго имѣется въ запасѣ какое-нибудь, болѣе или менѣе остроумное, но во всякомъ случаѣ неожиданное рѣшеніе. Представьте себѣ, что васъ останавливаютъ вопросомъ: „а знаете вы, сколько будетъ дважды два?" —будьте увѣрены, что вы очутитесь особенно далеко отъ намѣреній вопрошающаго, если вздумаете сохранить вѣрность таблицѣ умноженія, и отвѣтите наивно: четыре! Васъ непремѣнно поправятъ, а въ доказательство того, что „дважды два пять", напишутъ цѣлую брошюру. Еще не читая г. Фадѣева, мы остановились въ раздумьи: отчего это намъ вдругъ задаютъ такой простой вопросъ, какъ вопросъ — чѣмъ намъ быть? — Да чѣмъ же намъ быть—думали мы—если не тѣмъ, чѣмъ дѣлаются и уже сдѣлались всѣ образованныя общества христіанской цивилизаціи?! Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы невольно подумали: однако, рѣчь, должно быть,

идетъ вовсе не о такомъ простомъ рѣшеніи вопроса, и не сталъ бы г. Фадѣевъ давать себѣ неблагодарный трудъ—написать цѣлую брошюру, чтобъ завершить дѣло подобной аксіомой; вѣдь это значило бы—взламывать незапертую дверь! Мы впередъ были увѣрены, что нашъ отвѣтъ забракуютъ, и въ заключеніи окажется, что намъ суждено быть тѣмъ, чѣмъ никто еще не бывалъ. Вотъ почему мы рѣшаемся поступить осторожнѣе, и на короткій вопросъ г. Фадѣева отвѣтимъ ему сначала также коротко: не знаемъ-молъ, чѣмъ намъ быть! въ своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ!

Впрочемъ, прежде нежели мы выслушаемъ отвѣтъ самого г. Фадѣева,—позволимъ себѣ поставить другой вопросъ: отчего почтенный авторъ задался такимъ именно вопросомъ, тогда какъ существуетъ вопросъ болѣе важный, и безъ рѣшенія котораго напрасно было бы трудиться надъ пріисканіемъ формулы для рѣшенія вопроса—чѣмъ намъ быть? Самая обыкновенная логика подсказываетъ намъ очень простую мысль: прежде нежели напрасно ломать себѣ голову надъ вопросомъ—чѣмъ намъ быть?—необходимо знать, какими мы лично располагаемъ средствами, чтобъ быть хоть чѣмъ-нибудь; какова обстановка, отъ которой зависитъ рѣшеніе того вопроса, въ ту или другую сторону? Не было ли бы раціональнѣе и со стороны г. Фадѣева сначала задаться вопросомъ: *какъ* намъ быть чѣмъ-нибудь?—а затѣмъ, если то окажется нужнымъ, послѣдовательно перейти къ второстепенному вопросу: *чѣмъ* намъ быть?

Если бы г. Фадѣевъ писалъ лѣтъ двадцать тому назадъ,—вотъ тогда бы мы поняли, почему онъ нарушилъ правильный ходъ идей и деликатно уклонился отъ вопроса: какъ намъ быть?—но въ настоящее время мы можемъ съ гордостью отвѣчать на такой вопросъ. Въ эпоху крѣпостного права, отсутствія публичнаго суда, земскихъ учрежденій и т. д., было бы по меньшей мѣрѣ напрасно задаваться такимъ вопросомъ, или иначе пришлось бы дать неутѣшительный отвѣтъ. Но за послѣднія 10—15 лѣтъ мы получили отъ верховной власти не мало полновѣсныхъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлаться если не всѣмъ, то уже очень многимъ, сравнительно съ остальными христіанскими народами; начиная съ 1871 года, мы почти ежегодно переживали, съ большимъ торжествомъ и съ великою благодарностью верховной власти, ту или другую важную государственную реформу, которую было бы справедливѣе называть актомъ, такъ какъ дѣло шло каждый разъ не о реформированіи прошедшаго, но объ отреченіи отъ него: прежде *было* крѣпостное право, теперь *нѣтъ* его; прежде былъ судъ *тайный*, теперь *явный* и т. д. Итакъ, въ 1871 г. мы отпраздновали первое десятилѣтіе уничтоженія крѣпостного права; уже въ настоящую минуту въ Россіи можно считать до 3 милліоновъ,

никогда не знавшихъ крѣпостного права и не испытавшихъ его лично на себѣ. Не далѣе, какъ въ прошедшемъ году мы привѣтствовали первое десятилѣтіе, въ началѣ года—земскихъ учрежденій, въ концѣ—введенія новыхъ судовъ. Наступающій годъ напомнитъ намъ десятилѣтіе не менѣе важной реформы, по тому высокому нравственному значенію, которое въ ней предполагалось: 6-го апрѣля 1875 г. исполнится 10 лѣтъ новому закону о печати, отмѣнившему прежніе цензурные порядки, дѣйствовавшіе, какъ то доказалъ продолжительный опытъ, вредно на качество общественной совѣсти. Въ какой степени и до какой степени мы воспользовались всѣми такими дарами—вотъ настоящіе вопросы, которые должны бы были заинтересовать такого публициста, какъ г. Фадѣевъ. Повидимому, намъ было все дано, или, по крайней мѣрѣ, очень много для благополучнаго рѣшенія вопроса: какъ намъ быть?—и если г. Фадѣевъ тѣмъ не менѣе остался бы недоволенъ нами, то и тутъ логика должна была навести его на безпристрастное рѣшеніе вопроса: почему мы такъ мало воспользовались врученными намъ „талантами"; зарыли ли мы сами ихъ въ землю, какъ безпечный евангельскій „рабъ", а если и зарыли, то нѣтъ ли въ нашу пользу какихъ-нибудь смягчающихъ обстоятельствъ, и т. д., и т. д.

Но, какъ бы то ни было, почтенный авторъ хочетъ идти другою дорогою; онъ задаетъ намъ коварный вопросъ: чѣмъ намъ быть?—мы не менѣе коварно отвѣчаемъ ему: не знаемъ! и затѣмъ, волей-неволей, послѣдуемъ за нимъ и за его брошюрою, которую, какъ мы уже замѣтили, онъ написалъ, конечно, не для того, чтобъ дать простой отвѣтъ—ясный, какъ день, и вѣрный, какъ дважды два—четыре! Изъ-за этого не стóило бы трудиться! Но послушаемъ самого автора.

Обрисовывая современный „разбродъ" русской жизни, разрозненность мыслящихъ людей, которымъ приходится мыслить „въ одиночку", отсутствіе у насъ „сборныхъ мнѣній", авторъ обращается къ русской печати, и ея примѣромъ дополняетъ свою картину. Онъ находитъ, что печать, которая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оказывала несомнѣнное вліяніе на общество, утратила это вліяніе по своей винѣ, не руководитъ теперь ничѣмъ, живетъ разрозненно отъ общества, не имѣя за собой никого, не выражая никакихъ „сборныхъ мнѣній"; что газеты и журналы рѣшаютъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія „какихъ-то общечеловѣчныхъ принциповъ, замѣняющихъ недостатокъ положительнаго дѣла"; однимъ словомъ, печать выражаетъ собою только самоё себя, понятія своихъ сотрудниковъ, которыя ни для кого не любопытны. Эта рознь печати съ обществомъ представляется авторомъ, какъ симптомъ общаго разброда; при такомъ разбродѣ,

русская печать воспиталась на иностранныхъ понятіяхъ, затвердила иностранныя названія и примѣняетъ ихъ къ русской жизни, хотя они къ ней непримѣнимы. Только за славянофилами авторъ признаетъ заслугу въ русской печати; славянофильскій анализъ особенностей русскаго склада представляется ему единственной серьёзной работой русской мысли надъ самой собою; что касается печати либеральной—къ которой единственно и относятся упреки автора—то онъ признаетъ ея дѣятельность безплодною и фальшивою, такъ какъ она вращается въ одной теоріи, которая, во-первыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ русской дѣйствительностью, а во-вторыхъ, въ значительной степени несостоятельна и сама по себѣ тамъ, откуда она заимствована, т.-е. на Западѣ. Напрасно было бы предъявлять возраженія изъ условій положенія нашей печати; напрасно не потому, что это слишкомъ легко бы сдѣлать, что возраженія эти очевидны всякому,—но потому, что у автора „умыселъ другой тутъ былъ". Дѣло тутъ не въ либеральной печати; она привлекается только въ качествѣ свидѣтельницы; настоящими же подсудимыми являются вообще „наши либералы", „наши лѣвыя мнѣнія"; оказывается, что все „наше образованное общество воспитывалось на иностранной жизни, т.-е. на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ не столько мысли, какъ названія" и готовыя заключенія, и потомъ, „не задумываясь, примѣняло эти названія и заключенія къ своему домашнему быту, къ явленіямъ русской жизни, имѣющимъ совсѣмъ иное содержаніе". Оказывается, что изъ общества „вмѣстѣ съ людьми, эта подстановка чуждыхъ названій и выводовъ подъ русскую дѣйствительность перешла и въ оффиціальные круги—и отразилась на безконечномъ рядѣ правительственныхъ мѣръ прошлаго времени, а въ послѣдній разъ она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадныхъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ". Стало-быть, рѣчь идетъ въ сущности не о печати, но о всемъ образованномъ обществѣ и о такихъ „лѣвыхъ мнѣніяхъ", которыя не вращались только въ теоріи, но повліяли своими теоріями весьма серьёзно на русскую дѣйствительность. Замѣтимъ мимоходомъ, что, значитъ, русская либеральная печать не до такой степени отрѣшена отъ дѣйствительности, какъ то только-что утверждалось авторомъ; что мнѣнія, ею выражаемыя—не только мнѣнія ея сотрудниковъ. Процессъ ведется противъ образованнаго русскаго общества вообще, въ которое европейскія понятія проникли въ ту именно пору, когда „вся Европа увлекалась царствомъ разума и правами человѣка". Но Европа съ тѣхъ поръ „выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій"; культурные слои ея научились жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; мы же „заимствовали одни цвѣтки безъ ягодокъ". Вотъ

разница между нашимъ культурнымъ слоемъ и европейскимъ; у насъ продолжаютъ царствовать пышныя слова. Отсюда, по мнѣнію автора, является ложь въ отношеніи нашихъ либераловъ и большинства нашей печати къ текущимъ явленіямъ русской жизни; во имя принциповъ, которымъ поклоняются, какъ фетишамъ, — защищаются, во чтобы ни стало, ошибки присяжныхъ, уродливость всесословной волости, народное пьянство. Либеральная печать является „крѣпостною модныхъ словъ", признаетъ только отвлеченныя права человѣка, а не потребности живого лица, сохраняетъ миѳологію метафизическихъ существъ. Въ обществѣ же громадное большинство уже чувствуетъ эту фальшь, не вѣритъ болѣе призракамъ, и слова либеральной печати на него не дѣйствуютъ; но, по своей безсвязности, большинство это не рѣшается явно возстать противъ навязываемыхъ ему призраковъ; въ головахъ самого этого большинства безсодержательный либерализмъ, нынѣ испаряющійся, вытѣснилъ большую часть отеческихъ завѣтовъ, и въ нихъ остались только „пустота и равнодушіе ко всему". Пробнымъ камнемъ, на которомъ образованное большинство распознало ложь либеральной печати, послужило польское возстаніе.

Собственно въ этомъ обличеніи русской печати г. Фадѣевымъ нѣтъ ничего новаго; все это болѣе или менѣе согласно было высказываемо разными реакціонными органами въ русской же печати. Но авторъ идетъ далѣе: онъ обличаетъ безсодержательность русской заграничной печати, также живущей чужими иностранными словами, а затѣмъ переходитъ къ критикѣ „европейской революціи". Все это казалось бы отступленіемъ, ненужнымъ для развитія положительныхъ идей автора. Но онъ сознаетъ необходимость расчистить для нихъ почву; ожидая, что противъ предложеній его будутъ возражать преимущественно съ точки зрѣнія общихъ либеральныхъ принциповъ, онъ, повидимому, потому именно и считаетъ необходимымъ доказать несостоятельность вообще „лѣвыхъ мнѣній"; доказать, во-первыхъ, что наши „лѣвыя мнѣнія"—только отраженіе непримѣнимыхъ къ Россіи иностранныхъ понятій, а во-вторыхъ, что эти иностранныя понятія и тамъ, гдѣ они возникли, не привели къ добру, насколько они поколебали сословный строй и постепенное, правильное развитіе. Эта часть въ книгѣ—самая слабая. Но она требуетъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ ней заключаются основныя положенія. Прежде всего надо сказать, что г. Фадѣевъ не различаетъ революціи политической отъ революціи соціальной, что въ обѣихъ онъ смѣшиваетъ идеи, которыхъ онѣ стремились быть исполнительницами, съ внезапнымъ и насильственнымъ способомъ исполненія, присущимъ революціонному акту. Только при такомъ смѣ-

шеніи понятій и крайней поверхностности взгляда, авторъ могъ высказать удивительныя мысли въ родѣ слѣдующей: „не соціалисты поддерживаютъ революціонное движеніе; они сочинили свою теорію для готовой, объявившейся уже революціи",—когда соціалисты отрицаютъ первую, политическую революцію; и удивляться „смѣнѣ лозунговъ" революціоннаго движенія, „безформенности" революціи, „не имѣющей надежды выработать себѣ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, на осуществленіи которыхъ могла бы успокоиться", какъ будто революція есть что-либо самозарождающееся и самотворческое, а не насильственное средство, переворотъ, совершающійся подъ вліяніемъ весьма разнородныхъ идей, въ разные періоды исторіи. Г. Фадѣевъ дѣлитъ далѣе государства на потрясенныя революціею—каковы всѣ государства европейскаго материка, кромѣ Россіи, и на неприступныя для революціи, каковы Англія и Соединенные Штаты, и видитъ прочность только въ послѣднихъ. „Государство", говоритъ онъ, „какъ женщина, теряетъ свою неприкосновенность только одинъ разъ и навсегда". Дѣленіе это нужно автору для того, чтобы подготовить проведеніе мысли о спасительной „связности культурныхъ слоевъ". Когда произошелъ раздоръ между дворянствомъ и буржуазіею во Франціи—тогда уличная революція и проникла въ государственное зданіе; во Франціи революція свила себѣ гнѣздо, и всѣ взрывы на нашемъ материкѣ были подражаніями французскимъ; кратковременный раздоръ между сословіями впустилъ революцію и въ Германію. Но французскія бури не коснулись странъ, гдѣ не оказалось разрыва въ образованныхъ слояхъ. Во всемъ этомъ, революція представляется какъ нѣкій необыкновенной породы левъ, который бѣгаетъ по улицамъ и не ищетъ „кого поглотити", подобно льву библейскому, но поглядываетъ, не раскрыта ли ему гдѣ дверь раздоромъ культурныхъ сословій. Между тѣмъ, авторъ не можетъ не знать, что никакого такого льва нѣтъ, что революція не самородная сила, которая всегда начнетъ дѣйствовать какъ паръ, когда ему отворенъ клапанъ, но пароксизмъ въ жизни всего народа, такой пароксизмъ, которому подвергаются всѣ его слои. Это есть такое ускоренное движеніе новыхъ понятій, которое, встрѣтивъ на своемъ пути недовольство народа своимъ положеніемъ, въ какой-нибудь случайный моментъ особаго раздраженія вспыхиваетъ и стремится осуществить внезапно и насильственно то, что при отсутствіи этихъ послѣднихъ условій совершилось бы постепенно, годами и вѣками. Въ различныя эпохи революціи провозглашали и осуществляли различныя идеи: общихъ „революціонныхъ идей" нѣтъ, и быть не можетъ. Необходимо отличать идеи вызывающія и одушевляющія революцію, то-есть насильственный переворотъ, отъ самаго характера этого дѣйствія. Когда

г. Фадѣевъ говоритъ, что революція создаетъ непрочность, онъ утверждаетъ нѣчто очевидное; но это относится къ революціи въ смыслѣ насильственнаго измѣненія учрежденій, и относится въ равной степени къ революціи Брута и Коллатина, и къ возведенію императоровъ преторіанцами и легіонами, къ первому низложенію Стюартовъ и къ перевороту Монка, и ко второй англійской революціи, и къ революціи сѣверо-американской, и къ низложенію королевства жирондистами, и къ перевороту якобинцевъ, и къ 18-му брюмера, и къ революціямъ 1830 и 1848 годовъ, и къ перевороту 2-го декабря. Насильственное ниспроверженіе учрежденій всегда производитъ то условіе непрочности, которое разумѣетъ авторъ, говоря, что „государство теряетъ свою неприкосновенность". Для созданія такой непрочности вовсе не необходимы тѣ идеи безсословности, которыя, по мнѣнію г. Фадѣева, представляютъ сущность революціи. Перевороты бывали во всѣхъ странахъ, и нѣтъ ни одного государства, которое сохранило бы свою „неприкосновенность". Нельзя сказать, чтобы и наша исторія въ XVIII вѣкѣ представляла прочность, а между тѣмъ о всесословности тогда не было и помину. Что касается Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, то авторъ какъ будто игнорируетъ, что казнь короля и провозглашеніе республики въ Англіи случились на 140 лѣтъ ранѣе, чѣмъ во Франціи; что сѣверо-американское общество въ значительной степени создалось изъ революціонныхъ элементовъ, то-есть изъ диссидентовъ, бѣжавшихъ изъ Англіи отъ преслѣдованій, и изъ земледѣльцевъ, изгнанныхъ тѣмъ дѣйствіемъ поземельныхъ законовъ, которое сказалось при увеличеніи населенія; что американское общество возникло къ самостоятельной жизни путемъ возстанія, настоящей революціи, которая уничтожила не только зависимость отъ метрополіи, но королевскую власть и сословность въ Америкѣ; что американская революція имѣла большое вліяніе на первую революцію во Франціи. О какой же неприкосновенности государственной жизни Англіи и Америки можетъ быть рѣчь? Въ наши дни отмѣна невольничества произошла при помощи междоусобной войны, и была отчасти актомъ революціоннымъ. Мнѣніе автора, что Америка осталась „тою же Англіею, съ тою же строгою и связною сословностью въ нравахъ, только безъ старыхъ названій", совершенно произвольное. Токквиль докажетъ ему, что Америка— болѣе демократическая страна, чѣмъ сама Франція, въ которой авторъ видитъ корень зла, не говоря уже объ Англіи. Америка вовсе не „осталась тою же Англіею" уже потому, что сама Англія, переживъ двѣ избирательныя реформы, не „осталась тою же Англіею", какою она была при концѣ XVIII столѣтія. Еслибы г. Фадѣевъ былъ буржуазный беллетристъ, въ смыслѣ Фрейтага, или соціалистъ въ

смыслѣ Лассаля, еслибы сословность онъ разумѣлъ какъ дѣленіе общества на капиталистовъ и рабочихъ, то онъ бы еще могъ сказать, что сословность существуетъ въ Америкѣ. Но онъ разумѣетъ сословность въ смыслѣ исторической, наслѣдственной; въ этомъ вся сущность его воззрѣнія. А такой сословности въ англо саксонской Америкѣ вовсе нѣтъ ни въ учрежденіяхъ, ни въ нравахъ. Она гораздо болѣе въ нравахъ Франціи, Испаніи и испанскихъ колоній въ Америкѣ, то-есть странъ, наиболѣе потрясенныхъ переворотами, чѣмъ въ нравахъ сѣверо-американскаго общества. Напрасно г. Фадѣевъ говоритъ, что рабочій не можетъ попасть въ правительство Соединенныхъ Штатовъ; республика эта уже имѣла президентами людей, занимавшихся въ своей жизни и ручнымъ трудомъ. Быстрая измѣняемость общественнаго положенія людей есть именно характеристическая черта жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, а всесословность нигдѣ не доведена до такой степени, какъ въ той странѣ, гдѣ не только „пролетаріи", но негры имѣютъ политическія права̀, наравнѣ съ потомками Джефферсоновъ.

Революція, повторяемъ, есть только явленіе, а не принципъ, не самородная и постоянная сила. Авторъ смѣшиваетъ это явленіе съ тѣми идеями, которыми оно одушевилось во Франціи, на рубежѣ нынѣшняго столѣтія. Безсословность или равенство было только одною изъ этихъ идей. Но непрочность создана была во Франціи не этою идеей и не принципами 1789 года вообще, но именно фактомъ насильственнаго переворота, за которымъ послѣдовалъ рядъ переворотовъ, то въ смыслѣ реакціи, то въ смыслѣ осуществленія провозглашенныхъ однажды новыхъ принциповъ. Непрочность могла явиться безъ этихъ идей, просто вслѣдствіе обращенія къ насилію; такова была непрочность въ цезарскомъ Римѣ. Могли ли принципы 1789 года осуществиться безъ потрясеній—это другой вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Въ Англіи, въ теченіи двухсотъ лѣтъ, мы видимъ постепенный, весьма медленный, но вѣрный переходъ власти отъ короны и наслѣдственной аристократіи къ буржуазіи, сперва крупной, потомъ и мелкой, а наконецъ въ нѣкоторой долѣ и къ рабочимъ сословіямъ. Рядомъ съ тѣмъ утрачивается мало-по-малу и значеніе наслѣдственной сословности; Англія уже почти наканунѣ преобразованія поземельныхъ законовъ; въ Англіи, по всей вѣроятности, произошли бы потрясенія въ теченіи этого періода, еслибы не было спасительнаго канала эмиграціи. Что такое эта эмиграція, которую оставляютъ обыкновенно безъ вниманія хвалители сословной жизни Англіи? Это есть бѣгство цѣлаго народа, многочисленнаго народа изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ сословная формація отказывала этому народу въ землѣ. Соединенные Штаты заселились главнымъ

образомъ именно этими бѣглецами отъ „прочныхъ основъ землевладѣнія“ Великобританіи и Ирландіи. И въ новѣйшія времена явленіе это продолжалось; всего, въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, въ Соединенные Штаты переселилось изъ Европы болѣе $7^1/_2$ милліоновъ душъ. Отчего они бѣжали: отъ французской ли „безсословности и безсвязности?“ Нѣтъ, во Франціи накопленіе произвело взрывъ, а не утечку; французскіе крестьяне завоевали себѣ землю, и остались дома. Эмигранты бѣжали и бѣгутъ въ Соединенные Штаты въ слѣдующей прогрессіи числа эмигрантовъ къ числу населенія: болѣе всего изъ Ирландіи, затѣмъ изъ Великобританіи, изъ Мекленбурга, изъ прочихъ частей Германіи. Иными словами, эмиграція является протестомъ противъ полной земельной экспропріаціи и вражды новаго земельнаго класса къ земледѣльческому сословію (въ Ирландіи), противъ натуральныхъ повинностей и аристократическихъ аграрныхъ законовъ (въ другихъ странахъ). Это тотъ же фактическій протестъ бѣгствомъ, которой въ западной и восточной Руси создалъ нѣкогда казачество и заселилъ Новороссію—бѣгство отъ притѣсненій землевладѣльческаго класса и крѣпостного права. Итакъ, совершенно невѣрно, что, какъ утверждаетъ авторъ, „безсословность въ законѣ и на дѣлѣ вмѣстѣ, порожденная революціей на европейской почвѣ, принесла съ собой всюду одно разрушеніе и подчинила въ значительной степени самые сложные вопросы XIX столѣтія сужденію людей каменнаго вѣка“. Безъ введенія всесословности во Франціи, безъ открытія французскимъ крестьянамъ доступа къ землѣ революціею, которая вмѣстѣ прекратила и эмиграцію земледѣльцевъ, уже начинавшуюся и давшую Канадѣ французскую національность, и изъ Франціи утекли бы доселѣ милліоны людей, гонимые безземельемъ и тѣми условіями культурной прочности, которыя назывались la corvée, la taille et la gabelle; удержанный же властью, эксплуатируемый и угнетаемый, сельскій пролетаріатъ произвелъ бы анархію дóма, возобновилъ бы крестьянскія войны. Авторъ утверждаетъ, что революція будто-бы вторглась во Францію въ ворота, „раскрытыя раздоромъ культурныхъ классовъ“; что „культурное ядро“ было разбито во Франціи революціею, что одна буржуазія впослѣдствіи ничего не могла создать, потому что была потоплена наплывомъ новыхъ людей и даже, огражденная впослѣдствіи цензомъ, представила только „списокъ“, а не политическое сословіе, потому что уже не было „органической сердцевины“. Весь этотъ взглядъ служитъ только для вывода, что внѣ сословности нѣтъ спасенія, что безъ нея Франція уже клонится къ упадку, что отъ недостатка сословной связности даже умственныя силы этой страны начинаютъ ослабѣвать. „Если кому-нибудь въ Европѣ“, говоритъ авторъ, „нравится эта будущность—обращеніе жи-

вого общественнаго организма въ безразличный студень, періодически потрясаемый народными взрывами—пусть подражаетъ добровольно". А въ другомъ мѣстѣ замѣчается, что „наше современное общественное состояніе (конечно, не государственное) подходитъ довольно близко къ французскому". Теперь ясно, куда направлено доказательство, и вотъ почему дѣлается авторомъ процессъ нашимъ „лѣвымъ мнѣніямъ", вотъ почему указывается на „европейскіе корни нынѣшняго фразернаго либерализма (русскаго)" въ видѣ „полезныхъ уроковъ". По той же причинѣ и мы останавливаемся на примѣрѣ французской революціи, который положенъ авторомъ въ отрицательное основаніе для общихъ его выводовъ.

Первая французская революція можетъ быть разсматриваема въ двойномъ значеніи: по отношенію къ исторіи общей цивилизаціи,—этого мы касаться не будемъ,—и по отношенію непосредственныхъ послѣдствій для Франціи. Революція не уничтожила во Франціи ни политическаго господства „культурныхъ классовъ", ни „связности" ихъ, просто потому, что ни того, ни другого уже не было. Королевская власть при послѣднихъ Людовикахъ, до революціи, успѣла уже подавить все: феодальная аристократія обратилась въ дворянство, то-есть въ придворное и служилое сословіе. Природные герцоги имѣли политическое значеніе настолько, насколько они пользовались grandes или petites entrées, а герцогини—насколько онѣ пользовались табуретами. Тогдашняя палата пэровъ была извѣстная комната съ круглымъ окномъ, отъ котораго и получила свое названіе—l'Oeil de boeuf. Мѣстное управленіе вели не „культурные классы", а королевскіе интенданты; система централизаціи, господство бюрократіи создано было до-революціоннымъ временемъ; революція и имперія только продолжали это дѣло, одна для удобства перестройки, другая—по недовѣрію къ обществу. Дворянству во Франціи, до революціи, оставлена была одна роль: при дворѣ и въ государственномъ управленіи—служба, въ мѣстномъ управленіи—эксплуатированіе народа; никакой самостоятельности оно уже не имѣло. „Что́ же такое было третье сословіе? „спросимъ словами Сіейеса, и отвѣтимъ его же словами: *ничто*; „а что́ оно должно бы быть?—*все*". Буржуазія была дѣйствительно ничто; въ ничто были обращены „государственныя сословія", которыя не собирались полтора вѣка; почти въ ничто—въ регистратурную форму—парламенты, которые то не созывались, то разгонялись. Проникнутая безнравственностью, потерявшая вѣру въ какіе бы то ни было идеалы, какую „личность" могла имѣть тогдашняя французская аристократія; какую связность съ нравственно-чистой и трудящейся буржуазіею? Дворянство само первое увлеклось новыми философскими ученіями именно потому, что они разрушали преж-

ніе идеалы, что вполнѣ соотвѣтствовало легкомысленному нигилизму тогдашней аристократіи. Но когда, въ собраніи нотаблей, зашла рѣчь о распредѣленіи податей—дворянство рѣшительно отказалось подвергнуться имъ, хотя нотабли, а потомъ и „государственныя сословія" были созваны для спасенія государства отъ финансоваго истощенія. Когда сословія раздѣлились, то революція не проникла въ открытыя ворота, но была прямо совершена однимъ изъ „культурныхъ слоевъ", именно тѣмъ, который не имѣлъ значенія даже и при дворѣ, а между тѣмъ платилъ налоги и, конечно, наиболѣе былъ заинтересованъ въ избѣжаніи бездны государственнаго банкротства. Мы не можемъ продолжать этого урока исторіи, но намъ необходимо разъяснить вопросъ о безсословности въ его корнѣ. Буржуазія не создала ничего прочнаго потому именно, что сословный принципъ самъ по себѣ безсиленъ создать что-либо; явились революціи противъ буржуазіи, и только тогда и возникнетъ во Франціи что-нибудь прочное, когда всесословность, установленная законами, установится окончательно въ нравахъ. Что представляетъ нынѣшняя Франція?—вражду большинства „культурныхъ классовъ" къ народной массѣ, которая именно потому на ихъ парламентскую монархію и республику и готова отвѣтить бонапартизмомъ или коммуною. Но революція все-таки создала во Франціи важный элементъ устойчивости—землевладѣльческое крестьянство. Этимъ элементомъ она замѣнила то дворянство, которое, переставъ въ дѣйствительности быть политическимъ классомъ, держалось только королевскою властью, а при ослабленіи ея должно было бѣжать изъ страны, не только не имѣя въ ней нравственнаго вліянія, но возбуждая къ себѣ только ненависть. Мы не имѣемъ цѣлью оправдывать революцію; насиліе всегда бѣдственное средство, которое влечетъ за собою послѣдствія, долго мѣшающія установиться тому, что имъ сдѣлано. Такъ, Англія, вступивъ на революціонный путь въ половинѣ XVII-го столѣтія, въ продолженіи цѣлаго вѣка (1649 — 1746 г.) испытывала потрясенія и междоусобныя войны, пока при Кюллоденѣ не была окончательно рѣшена судьба Стюартовъ. Въ теченіи этого періода, Англія пережила республику, реставрацію, государственный переворотъ Якова II-го, новую революцію, троекратную междоусобную войну легитимистовъ и приверженцевъ новой либеральной династіи. Нашъ авторъ, который видитъ въ исторіи сословной Англіи только образецъ прочности государственной жизни, ставитъ и партіи тори и виговъ въ образецъ, какъ партіи практическихъ интересовъ, противополагая ихъ партіямъ французскимъ. Но авторъ забываетъ, что тогда, когда онѣ возникли, двѣ англійскія партіи были настолько же теоретичны, какъ партіи легитимистовъ и орлеанистовъ во Франціи въ настоящее

нынѣшняго русскаго образованнаго общества. Явленіе это есть отчасти плодъ нашей исторіи послѣднихъ вѣковъ, отчасти — результатъ минутнаго такъ-сказать кризиса или, какъ принято его называть, „переживаемаго нами переходнаго времени“. Но и у насъ спасеніе, вопреки мнѣнію автора, можетъ заключаться не въ созданіи какой-либо искусственной комбинаціи, въ родѣ послѣдняго французскаго проекта объ ограниченіи всеобщаго избирательнаго права учрежденіемъ второй палаты изъ генераловъ, адмираловъ, архіепископовъ, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и ученыхъ, представителей „землевладѣнія, капитала и таланта“,—а точно также какъ на Западѣ—въ признаніи коренныхъ, совершившихся фактовъ, въ продолженіи постройки, а не въ подставкѣ новыхъ фундаментовъ, изъ купленныхъ на сторонѣ, отъ сломки чужихъ зданій, ветхихъ кирпичей.

Мы пока еще только государство, а не общество, разсуждаетъ авторъ; Россія держится только благодаря твердости ея государственныхъ началъ, держится только государственною склейкой. Обезличеніе и безсвязность ея общества, лишеннаго „органической сердцевины“, таковы, что оно представляется въ видѣ „тысячелѣтняго студня“; никакихъ сборныхъ мнѣній у насъ нѣтъ, всѣ образованные люди идутъ въ разбродъ, и общества, въ смыслѣ фактора, способнаго къ дѣйствію, не существуетъ, такъ какъ безъ сборной мысли невозможна дѣятельность общества. „Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію и самихъ себя, знали, что́ думаемъ и въ нѣкоторой степени даже то, чего желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ“. Въ доказательство приводится неуспѣшный ходъ мѣстнаго самоуправленія, т.-е. земскаго и крестьянскаго, а также и мирового суда. Что реформы, вызвавшія новыя учрежденія, не произвели доселѣ полной плодотворной жизни, это относится авторомъ не къ чему-либо иному, но именно къ недостатку, какимъ страждетъ общество, къ отсутствію „связности“ и „сборныхъ мнѣній“. Намъ приходится и теперь уповать только на „сокровенную, внутреннюю мощь русскаго народа“, т.-е. на общее мѣсто. Для объясненія такого положенія, авторъ обращается къ русской исторіи. Верховная власть московскихъ временъ была военною диктатурой, необходимою для спасенія русской самостоятельности; она создала Россію и передала ее петербургскому періоду могущественною и сосредоточенною. Петербургскій періодъ имѣлъ воспитательное значеніе. Его задачею было создать въ Россіи культурный, европейскій слой. Условій развитой общественной жизни не могли создать ни до-петровская эпоха, потому что она представляла борьбу за существованіе, ни послѣ-петровская эпоха, потому что, будучи воспитательною, она имѣла особую задачу. Те-

перь мы вступаемъ въ новую эпоху исторіи, и вступаемъ въ нее съ единственнымъ наслѣдствомъ отъ воспитательнаго періода—съ нашимъ культурнымъ слоемъ, т.-е. дворянствомъ, какъ его создалъ Петръ—связномъ и доступномъ снизу, не отчужденномъ отъ народа, но представляющимъ верхній народный пластъ, постоянно пополняющійся подростающими изъ „подпочвы" силами. Внѣ петровскаго дворянства у насъ нѣтъ ничего, кромѣ стихійной силы простонародья. Никакого средняго сословія у насъ нѣтъ, и въ XIX столѣтіи не появится такое сословіе, о которомъ не слыхала тысячелѣтняя Русь. Первоначальная мысль Петра, создавшаго наше дворянство въ смыслѣ связнаго сословія русскихъ образованныхъ людей, дожила теперь до своего практическаго примѣненія; наша будущность зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою, единственною сознательною силою, отъ степени зрѣлости и связности нашего культурнаго слоя — дворянства, и мѣры участія его въ общественныхъ дѣлахъ.

Нынѣшнее безсиліе общества объясняется обезличеніемъ самого дворянства и утратою имъ связности Обезличеніе зависѣло отъ самаго дѣйствія воспитательнаго періода, который создалъ у насъ культурный слой. Дворянство воспитывалось для службы, воспитывалось раздробленное на единицы, члены его не соприкасались другъ съ другомъ, какъ члены общества. Старое дворянство утонуло въ массѣ новаго культурнаго слоя, а новые дворяне проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрять ихъ съ своей дѣйствительностью. Вышло, что дворянство могло выставлять много лично развитыхъ людей для службы, но не могло создать русскихъ земскихъ дѣятелей, которые нужны для собственнаго дѣла; наше общественное состояніе и есть именно обезличеніе. Культурное общество образовалось блѣдное. Но ничего, кромѣ него, мы не имѣемъ; наше общественное дѣло все-таки можетъ быть поведено только однимъ дворянствомъ, присоединяя къ нему силу большихъ капиталовъ и большихъ талантовъ, откуда бы они ни взялись. „Не создавать же новаго культурнаго класса, въ обходъ стараго, еслибы даже такая операція была возможна, сложивъ руки на полтораста лѣтъ"! Просимъ читателя замѣтить, что доселѣ рѣчь шла собственно объ *обезличеніи*. Но въ этомъ мѣстѣ аргументаціи, вдругъ выступаетъ, вмѣсто обезличенія,—*безсвязность*. Примѣръ Запада, по мнѣнію автора, доказываетъ, что „прочность государственнаго и общественнаго устоя зависитъ вполнѣ отъ крѣпкой *связи* культурнаго слоя"... „Какой же устой представляетъ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, русскій сознательный слой, воспитанный въ безсвязности, лишенный всякихъ преданій общественной дѣятельности?" На Западѣ „сгубилъ дѣло

одинъ промежутокъ между двумя сословіями (мы уже говорили объ этомъ примѣрѣ), у насъ же такіе промежутки лежатъ между каждыми двумя людьми". „Гдѣ только намъ приходится жить, дѣйствовать или говорить сообща, тамъ мы, покуда, безсильны и безпомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное положеніе безопаснымъ и успокоиться на немъ. Мы очутились въ этомъ положеніи внезапно. До 19-го февраля 1861 г.. русскій сознательный слой жилъ только государственною,- а не общественною жизнью", но глядѣлъ на будущее довольно довѣрчиво, полагаясь на давнюю, механическую сословную связность. „Если бы эта, хотя бы только наружная, связность и уцѣлѣла при новыхъ условіяхъ жизни, послѣ освобожденія народа"—выяснимъ мысль автора—еслибы дворянству поручено было руководство въ мѣстномъ самоуправленіи, то „совокупная дѣятельность сростила бы его нравственно довольно скоро", русскій культурный слой „проникся бы единствомъ", началъ бы устанавливать общественное мнѣніе, и дѣло не дошло бы до нынѣшняго разлада.

Случилось иначе, говоритъ г. Фадѣевъ: „осмѣливаемся высказать мнѣніе, что великодушныя преобразованія, обновившія Россію вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ, были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ *слишкомъ теоретичны*, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи". Въ эти преобразованія, „по неизбѣжному несовершенству человѣческихъ дѣлъ, вкрались *ошибки*" именно потому, что правительство желало „дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ". Оказывается, что въ пятидесятыхъ годахъ „сборный голосъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, насколько онъ выражался и въ печати, и на улицѣ, желалъ всесословности—именно такой формы всесословности, которая на дѣлѣ равнялась бы полной безсословности".... „Опытъ совершился. Выработанный исторіею русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ всесословности". „Но никакая связность немыслима безъ твердой сердцевины, и никакая сердцевина немыслима у насъ покуда безъ наслѣдственности". Выводъ изъ этого очерка очевиденъ: для будущности Россіи необходимъ привилегированный потомственный общественный строй, съ отведеніемъ ему „подобающаго мѣста" въ государственномъ устройствѣ, такъ, „чтобы онъ служилъ ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая его въ свою исключительную собственность, и чтобы доступъ въ него снизу былъ облегченъ". „У насъ нѣтъ розни между дворянствомъ и народомъ потому, что наше дворянство явилось изъ того же народа, а не изъ завоевателей, покорившихъ народъ и установившихъ свое преобладаніе феодальнымъ

правомъ; поэтому у насъ нечего бояться монополіи дворянства, стѣснительной для народа. Людямъ изъ низшихъ классовъ гораздо выгоднѣе вступить въ привилегированный классъ, чѣмъ бороться противъ привилегіи". Подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій, авторъ предполагаетъ слѣдующія условія для нашего будущаго развитія, а сообразно съ ними и передѣлку нашего самоуправленія: оно поручается дворянству, земство же остается только для хозяйственныхъ дѣлъ; для дворянства возстановляется обязательность государственной службы, доступъ въ дворянство этой службой облегчается противъ нынѣшнихъ условій, въ особенности для крупнаго землевладѣнія и видныхъ общественныхъ заслугъ, но затѣмъ также и для родовъ (не лицъ) богатаго купечества. „Только сгруппировавшись вокругъ связнаго дворянскаго ядра, самоуправленіе въ Россіи станетъ положительнымъ дѣломъ". Самоуправленіе это авторъ предполагаетъ поручить не всему уѣздному дворянству, но дворянству цензовому, опредѣляя цензъ въ 1,000 рублей дохода; цензъ для дворянъ представляется еще значительнымъ чиномъ и высокой ученой степенью. Это и будетъ „передачей самоуправленія въ руки культурнаго сословія". Авторъ убѣжденъ, что дворянскому самоуправленію правительство можетъ оказать болѣе довѣрія, чѣмъ оно могло имѣть къ всесословному земству, въ то время, когда его предположено было учредить, и что, поэтому, дворянскимъ органамъ можетъ быть передано совершенно все уѣздное управленіе. Въ такой серьёзной постановкѣ земскаго дѣла авторъ видитъ „всю будущность Россіи".

Мы не желаемъ давать книгѣ г. Фадѣева иного значенія, чѣмъ какое придано ей самимъ авторомъ. Если бы намъ сказали, что предположенія, подобныя тѣмъ, которыя имъ предлагаются, внесены какой-либо вліятельною стороной въ административныя сферы, въ видѣ проекта полной переработки преобразованій настоящаго царствованія, то намъ предлежала бы иная задача, чѣмъ та, которою мы занялись; къ постановленному на полѣ практическомъ, готовому проекту мы и отнеслись бы исключительно практически, занялись бы единственно указаніемъ цѣлей, съ какими онъ могъ бы быть составленъ. Намъ стóило бы тогда, наприм., напомнить о доказанной уже дворянствомъ, пока оно одно участвовало въ мѣстномъ управленіи, полной неспособности, полномъ безсиліи не только внесть въ него живительную общественную силу, но даже оказать сколько-нибудь замѣтное содѣйствіе коронной администраціи, чтобы обнаружить, что проектъ долженъ имѣть въ дѣйствительности иныя цѣли. Примѣромъ, совершенно несомнѣннымъ для всѣхъ, кто призванъ заниматься въ Россіи законодательными работами, мы доказали бы, что если предполагае-

мый проектъ предлагаетъ возвратиться попрежнему къ мысли о дворянскомъ самоуправленіи, то онъ не можетъ не имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, которыхъ недостижимость уже была въ теченіи 80 лѣтъ доказана. А съ какими цѣлями могло бы быть практически предлагаемо такое дворянское самоуправленіе, объ этомъ догадаться не трудно; насчетъ ихъ не могло бы быть даже никакихъ сомнѣній. Тамъ, гдѣ политическое право замыкалось въ одномъ сословіи, это право всегда и неизбѣжно составляло олигархію. Этимъ бы мы и ограничились. Но составители подобнаго проекта едва ли обратились бы къ публикѣ, едва ли начали бы съ оглашенія его и употребили бы старанія, чтобы убѣждать общество ссылками на исторію. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права смотрѣть на книгу г. Фадѣева, какъ на отраженіе чего-либо подобнаго, и не желаемъ подозрѣвать у него заднихъ мыслей. Мы принимаемъ, что его книга есть только сводъ личныхъ его размышленій и убѣжденій, которыя онъ желалъ внесть въ сознаніе общества. Видя въ немъ не болѣе, какъ увлекающагося, талантливаго, но слишкомъ наклоннаго къ импровизаціи публициста, мы должны допустить, въ объясненіе его нѣсколько необычайныхъ выводовъ и нѣсколько странныхъ предложеній, не заднія мысли, а только односторонность, нѣкоторую поверхностность и легкость въ обращеніи съ данными исторіи и настоящей дѣйствительности; однимъ словомъ, такія свойства, которыя, не лишая его импровизацію литературныхъ достоинствъ, оставляютъ ее однакоже импровизаціею.

Съ „домашнимъ дѣломъ" г. Фадѣевъ, оказывается, поступилъ также безцеремонно, какъ, мы видѣли, онъ поступилъ съ западною Европою. Приводя въ свидѣтельство исторію, можно, конечно, ограничиваться ссылкою только на ближайшее время, время, создавшее тѣ общественныя формы, которыя мы видѣли или видимъ; но тогда исторія разъяснитъ намъ только то значеніе, какое придавалось этимъ формамъ при учрежденіи ихъ. Если же мы обращаемся къ исторіи за разъясненіемъ хода народнаго сознанія и всего образованія народнаго склада, въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ права произвольно выбирать во времени ту или другую точку отправленія. Не съ Москвы началась формація русскаго народа. До Руси московской была Русь древняя, вѣчевая. Отъ Владиміра до Ивана III прошло четыре съ половиною вѣка, то-есть ровно вдвое болѣе, чѣмъ сколько продолжалось господство московскаго періода. Писателю, который предвидитъ для Россіи особыя отъ Европы формы развитія въ будущемъ, выгодно начинать русскую исторію съ московскаго періода, въ которомъ Россія была наиболѣе отчуждена отъ Европы, наименѣе похожа на Европу. Избравъ произвольно эту точку отправленія, выгодно противополагать такъ-называемому петербургскому періоду нѣ-

которые слѣды общественныхъ силъ, проявлявшіеся въ московскомъ періодѣ, какъ-то, на губное управленіе и даже соборы. Такимъ образомъ, петербургскій періодъ съ его централизаціею и бюрократичностью, является какъ-бы реакціонернымъ въ сравненіи съ московскимъ. Но неопровержимая истина заключается въ томъ, что если разсуждать о самоуправленіи, то первоначальною реакціею въ общей исторіи Россіи является не петербургскій, а московскій періодъ. Бюрократическая, коллегіальная или департаментская послѣ-петровская Россія служитъ въ этомъ смыслѣ только продолженіемъ Россіи приказной, московской. Если въ этой послѣдней проявляются нѣкоторые слѣды общественнаго управленія — причемъ замѣчательно, что проявляются они именно въ правленіе такого царя, какъ Грозный—то это было не что иное, какъ слабые, искаженные остатки до-московскаго времени, блѣдные отблески Руси вѣчевой. Древняя же Русь съ правленіемъ княжескимъ и управленіемъ намѣстниковъ, но рядомъ съ ними вѣча и посадниковъ, причемъ на сѣверѣ и западѣ вѣче раздѣляло съ княземъ даже власть государственную—не представляетъ никакого коренного различія съ обще-германскимъ устройствомъ до-феодальнаго періода. Русь начала съ того, что была Европою. Извѣстный публицистъ Фрименъ замѣчаетъ, что устройство англо-саксонскаго общества было основано на тѣхъ самыхъ элементахъ, которые сохранились въ своей чистотѣ въ организаціи швейцарскаго кантона и что позднѣйшее развитіе англійской конституціи было только постепеннымъ возвращеніемъ къ первобытнымъ принципамъ, оставшимся въ народномъ сознаніи. Англія пережила и короткій періодъ полновластія первыхъ норманскихъ королей съ ихъ дружинниками, и долговременный періодъ феодальнаго права; послѣдній наложилъ свою печать на англійское землевладѣніе и на всѣ формы быта общественнаго. Но позднѣйшія политическія основы, сущность нынѣшняго политическаго устройства, вытекли не изъ феодальнаго періода; онѣ изъ него логически вовсе не слѣдуютъ, но, напротивъ, представляютъ возвращеніе къ самымъ давнимъ, чисто-народнымъ преданіямъ. Опираясь на реальные факты нашей исторіи, нѣтъ возможности разсуждать иначе и о судьбахъ русскаго народа. Татарское владычество и обрусеніе финскаго востока великимъ колонизаціоннымъ движеніемъ, съ одной стороны ослабили значеніе славянской общины въ восточной Руси, провели различіе между устройствомъ городовъ и селеній, нарушили связность сельскихъ общинъ въ волости, обратили сельскую общину въ учрежденіе по преимуществу хозяйственное, а съ другой—создали единодержавную власть московскихъ великихъ князей. Но въ юго-западной Руси, община сохранила прежнее значеніе, судъ продолжалъ принадлежать громадѣ, а въ Руси сѣверной,

новгородской, вѣче получило значеніе государственнаго, законодательнаго и административнаго учрежденія, князю же оставлена была только власть военная и судебная. Съ конца XV столѣтія Русь, собираемая Москвою, начинаетъ утрачивать народное самоуправленіе, но тѣмъ не менѣе принципы его остаются въ сознаніи народа. Все, чтó было и осталось въ русскомъ народѣ живого въ понятіяхъ о веденіи дѣлъ, было и остается всегда плодомъ старинныхъ преданій, одновременно съ которыми сложились и русское имя, и русскій языкъ. Русскій народъ пережилъ и періодъ восточной власти московскихъ царей, періодъ указа, смѣнившагося европейскимъ закономъ, и періодъ крѣпостного права, которое по отношенію къ закрѣпощенной массѣ ничѣмъ не отличалось отъ феодальнаго права, и все-таки въ немъ крѣпко держались старинныя преданія. Московскій періодъ уничтожилъ политическое вѣче на сѣверѣ, сказавъ устами Ивана III: „хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все намъ держать". Между тѣмъ, на дѣлѣ нельзя было „все государство держать" безъ совѣтниковъ и исполнителей, думать надо было въ думѣ и приказывать приказами. И вотъ, уже по смерти его же преемника, является олигархія, но олигархія чисто-восточная, основанная на придворномъ вліяніи. Подъ правленіемъ бояръ выростаетъ первый царь—Иванъ IV; онъ казнитъ все чуждое его полновластію, истребляетъ самое населеніе Новгорода, но казнитъ и бывшихъ правителей; изъ недовѣрія къ дружинникамъ-совѣтникамъ, въ умѣ его мелькаетъ мысль обратиться вновь къ началу самоуправленія хоть на той степени, гдѣ оно не можетъ быть опасно его полновластію. И вотъ, онъ взываетъ къ живущимъ въ народѣ преданіямъ общиннаго выборнаго управленія, учреждаетъ губы на прежнемъ волостномъ дѣленіи; губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ отъ городовъ и селеній поручаетъ управленіе судебными и финансовыми дѣлами. Ими онъ думаетъ нѣсколько замѣнить своихъ намѣстниковъ, но намѣстниковъ нельзя было ни замѣнить, ни даже ограничить безъ отвѣтственности ихъ предъ обществомъ, ограничить безъ вѣча; выборные люди становятся служебными лицами,—такъ понимаютъ они свое значеніе и такъ его понимаетъ народъ; избираетъ ихъ онъ, но избираетъ ихъ для службы правительству въ мѣстныхъ дѣлахъ. Совершавшееся уже закабаленіе сельской массы содѣйствовало къ тому, чтобы обратить эти учрежденія въ мертвую букву. Мѣстное управленіе въ дальнѣйшей исторіи московскаго періода и представляетъ служилыхъ государевыхъ, военныхъ людей, подъ начальствомъ воеводы, всесильнаго на мѣстѣ, но безсильнаго передъ разряднымъ приказомъ, и слугъ выборныхъ: губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, съ зем-

скими дьяками; эти выборные слуги въ XVII вѣкѣ совершенно подчиняются воеводамъ и постепенно утрачиваютъ то значеніе, какое имъ хотѣлъ дать Грозный. Но преданія о выборномъ общинномъ управленіи остаются въ сознаніи народа, и когда верховная власть совершала на нашихъ глазахъ свое великое дѣло уничтоженія нашего феодальнаго права — крѣпостного права (мы называемъ его феодальнымъ только по отношенію къ крестьянамъ), когда она рѣшилась снять съ русскаго народа эту гнойную кору, наросшую надъ его язвами,—что̀ нашла она въ народѣ, какіе зачатки для жизни самостоятельной, какіе пріемы купной дѣятельности? — Она нашла — вѣче. Слабое, конечно, несчастное вѣче, подъ именемъ міра въ селѣ, артели — внѣ села, въ отхожемъ промыслѣ. Слабы, ничтожны были эти формы въ смыслѣ орудій; но какова же была ихъ внутренняя сила, какъ элементарныхъ ячеекъ русскаго организма, если они устояли подъ согласнымъ трехсотлѣтнимъ гнетомъ? А устояли онѣ потому, что устоялъ самъ русскій народъ; осталось тѣло — уцѣлѣла въ немъ и душа его. Что́ оставалось дѣлать законодателю, какъ не взять въ основу преобразованія Россіи эти единственныя, существовавшія искони, историческія формы, и создать изъ нихъ всесословное земство? „Ошибокъ“, какъ думаетъ г. Фадѣевъ, законодателемъ вовсе сдѣлано не было; тутъ ошибается только одинъ г. Фадѣевъ. О какихъ „теоретическихъ увлеченіяхъ“, о какомъ подражаніи „французскимъ и американскимъ образцамъ“ можетъ быть тутъ рѣчь, когда воскрешалась исконная, природно-русская мысль выборнаго общиннаго управленія, безсословности, не знавшей даже различія между городской и сельской общиной, но сливавшей ихъ въ одно земство, совершенно въ сторонѣ отъ котораго стояли дружинники? Правда, рядомъ съ крестьянской общиной наросло частное землевладѣніе, изъ-подъ власти котораго и требовалось освободить крестьянство. Землевладѣніе, какъ реальный элементъ, должно было войти въ земство; потому-то земство и сдѣлано всесословнымъ, иначе оно было бы крестьянскимъ и городскимъ только. Но по какому соображенію историческому, практическому или теоретическому могъ бы законодатель подчинить земство дворянскому землевладѣнію? Исторія показывала ему, что единственной органической силой народа была крестьянская община, міръ, крестьянское вѣче; показывала ему, что попытки призвать общинное выборное управленіе въ помощь верховной власти не удались, потому что ихъ загубили воеводы, приказы, дружинныя начала, крѣпостное право, но что, тѣмъ не менѣе, формы этого управленія крѣпко удержались въ народѣ, составляя самую сущность его общественнаго духа. Съ другой стороны, исторія такъ-называемаго петер-

бургскаго періода свидѣтельствовала передъ законодательствомъ, что дворянское землевладѣніе, основанное на кормленіи, на жалованьи вотчинами за службу, на службѣ, не могло произвесть въ себѣ и тѣни того крѣпкаго общественнаго организма, который оставался въ сельской массѣ. Въ ней дружность міра, вѣра въ него, безпрекословное ему повиновеніе остались, несмотря на то, что государство, вмѣстѣ съ дворянскимъ землевладѣніемъ, давили этотъ міръ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Въ немъ, въ дворянскомъ землевладѣніи, образовалось только то обезличеніе и тотъ разбродъ, на которые жалуется г. Фадѣевъ, проявилось полное нежеланіе и неумѣнье пользоваться своими правами, несмотря на то, что правительство заботилось о надѣленіи его правами по общественному и даже мѣстному государственному правленію, и даже—странно сказать—неоднократно *приказывало* дворянскому землевладѣнію пользоваться этими правами, отъ которыхъ оно уклонялось. Никогда, со времени установленія въ Европѣ феодальнаго права, нигдѣ правительство не надѣляло само дворянское землевладѣніе столь многообразными привилегіями по мѣстному и общественному управленію, и никогда, нигдѣ, изъ употребленія дворянскимъ землевладѣніемъ предоставленныхъ ему правъ не выходило, какъ у насъ въ Россіи, такого колоссальнаго фіаско. Вотъ что́ говорила законодателю исторія, и вотъ почему мы утверждаемъ, что законодатель поступилъ у насъ, какъ нельзя болѣе мудро.

Практическія соображенія при освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ прежде всего требовали, конечно, чтобы крестьяне дѣйствительно вышли изъ-подъ власти помѣщиковъ; стало-быть, единственная комбинація, которой соображенія эти не могли допускать, представлялась именно подчиненіемъ крестьянства и всего мѣстнаго самоуправленія дворянскому землевладѣнію. Наконецъ, теоретическія соображенія могли говорить законодателю, что государство, давая помѣщикамъ за ликвидацію ихъ прежнихъ отношеній къ крестьянамъ *деньги*, не имѣетъ никакого повода давать имъ еще какого иного вознагражденія. Выкупая крестьянскую землю изъ крѣпостной тяготы за деньги, государство не имѣло никакого раціональнаго основанія подчинять долѣе мѣстное управленіе дворянскому землевладѣнію; напротивъ того, весьма́ странно было бы подчинять мѣстное управленіе именно тому сословію, которое платитъ наименѣе податей; теоретическое устройство требовало бы, напротивъ, чтобы самый цензъ въ земствѣ былъ опредѣленъ не по пространству владѣемой земли, но по количеству платимыхъ налоговъ; такимъ образомъ, чтобы число гласныхъ, избираемыхъ отъ каждаго избирательнаго съѣзда, опредѣлялось согласно участію сословій въ государ-

ственныхъ налогахъ. Цензъ и распредѣленіе гласныхъ между сословіями, какъ то и другое установлено было у насъ, явились отступленіемъ отъ теоріи, уступкою въ пользу реальнаго факта, который состоялъ въ томъ, что до того времени участвовало въ мѣстномъ управленіи одно дворянское землевладѣніе, по числу принадлежавшихъ ему *душъ*.

Мы могли бы окончить на этомъ наши историческія напоминанія. Но, указавъ на историческія формы народнаго самоуправленія въ Россіи, мы должны остановиться еще на томъ, въ какомъ отношеніи стоялъ къ этимъ формамъ, въ разныя времена русской исторіи — нашъ „культурный“ слой. Исторія его съ самаго начала и до ближайшихъ временъ, представляетъ одну общую черту: служба создавала „породу“, а порода давала право на мѣсто въ службѣ. Различіе съ западною Европою было огромное, но существенная его черта не та, которую выставляетъ г. Фадѣевъ, не та, что на Западѣ дворянство представляло завоевателей, а народъ завоеванныхъ, и потому будто бы между тѣми и другими стояло понятіе о „бѣлой и черной кости“, между тѣмъ какъ въ Россіи дворянство—только верхній слой народа. Это опредѣленіе и само по себѣ не вполнѣ вѣрно, такъ какъ фактъ завоеванія въ большинствѣ государствъ Запада (хотя не во всѣхъ) произошелъ еще до сформированія нынѣшнихъ національныхъ индивидуальностей, такъ что завоеватели вполнѣ срослись съ завоеванными въ образовавшихся потомъ народностяхъ, и дворянство отдѣлено было отъ народа не иноплеменностью, но феодальнымъ правомъ. Между тѣмъ, въ нашъ „культурный“ слой вошло едва ли не болѣе иноплеменныхъ элементовъ, чѣмъ во всякій другой, а крѣпостное право отдѣлило его отъ народа точно такъ же, какъ феодальное право. И на Западѣ, и въ Россіи, рабовладѣльцевъ и рабовъ отдѣляло вовсе не завоеваніе, а самый фактъ рабовладѣнія. Но не въ томъ, повторяемъ, представляется существенное различіе исторіи нашего дворянства отъ исторіи дворянства западнаго. Дѣло въ томъ, что фактъ завоеванія на Западѣ съ конфискаціею всей земли въ собственность герцога или короля, обратилъ тамъ дружинниковъ въ вассальныхъ землевладѣльцевъ. Тамъ все дворянство основалось на землѣ, которая вся была раздѣлена на ленномъ правѣ въ пользованіе дружинникамъ, и духовенству, и отчасти самимъ земледѣльцамъ. Такимъ образомъ, дружинники, опираясь на землю, стали въ ленныя отношенія къ королевской власти. У насъ, напротивъ, земля конфискована не была, и не была роздана въ пользованіе на феодальномъ правѣ. Дружинники остались у насъ дружинниками, ходили съ князьями собирать дань съ населенія,

получали отъ нихъ жалованье и доходныя мѣста, переходили съ княземъ изъ одного княжества въ другое, переходили даже отъ одного князя къ другому; все значеніе ихъ было при особѣ князя, а не въ землѣ. Правда, они посылались намѣстниками, а изъ намѣстниковъ въ западной Европѣ вышли потомственные графы. Но размноженіе князей сдѣлало то, что во всякомъ значительномъ городѣ, почти во всякой волости, былъ князь. Откуда же было еще возникнуть такимъ потомственнымъ намѣстникамъ, которые потомъ обратились въ вассаловъ, сильнѣйшихъ самого короля, въ саксонскихъ, баварскихъ, нормандійскихъ, бретонскихъ, бургундскихъ герцоговъ? На одномъ уровнѣ съ феодальнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ на Западѣ, у насъ представилось сословіе удѣльныхъ князей, которые всѣ считались одного рода, всѣ были Рюриковичи. Дружинники же оставались служебнымъ сословіемъ. Отношеніе ихъ къ земству опредѣляется словомъ „кормленіе". Въ московскомъ періодѣ, по мѣрѣ возрастанія силы московскихъ князей, возрастало значеніе ихъ дружинниковъ, то-есть, ихъ чиновныхъ людей. Эти чиновные люди не представляли дворянскаго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ, хотя имъ жаловались земли. Они оставались служилымъ сословіемъ; все ихъ значеніе въ государствѣ основывалось на близости ихъ къ особѣ князя, на его милости, на службѣ ему. Самаго понятія о дворянствѣ въ смыслѣ рыцарства не было и слѣдовъ; тамъ, гдѣ это понятіе явилось, коренньмъ его условіемъ была идея о равенствѣ рыцарской чести; въ служебномъ же сословіи ничего подобнаго возникнуть не могло. Здѣсь было наоборотъ—полное отсутствіе общаго сословнаго духа, потому что не могло быть общаго сословнаго интереса; на службѣ бываетъ только личный интересъ. Оттого у насъ даже и понятіе о родовитости, созданной службою, или происхожденіемъ отъ Рюриковичей, перешло въ понятіе о родовой чиновной знатности, въ мѣстничество, т.-е. въ начало *неравенства* дворянской чести,—начало, прямо-противоположное западно-европейскому, какъ оно тамъ выразилось въ слово pair—равный.

Между тѣмъ, это чиновное дворянство, не имѣвшее не только „сборной мысли", но и сборнаго имени, такъ какъ слова „дворянство" не существовало, пріобрѣтало все болѣе значенія, вмѣстѣ съ ростомъ московскаго княжества среди Россіи. Но оно росло вмѣстѣ съ той властью, которая подавляла въ Россіи древнее начало, постепенно отмѣняя свободу сельскаго населенія. Являясь орудіями для установленія приказной и крѣпостной Россіи, вмѣсто древней, вѣчевой, орудіями въ подавленіи русскаго земства, чиновное боярство, со всѣми его низшими отпрысками, само оставалось безъ всякой сословной организаціи. Самая родовитость или „порода" открывала ему

только право на службу, доступъ къ милости; внѣ службы, внѣ милости родовитѣйшее боярство и сами потомки Рюрика „худѣли" въ дальнѣйшихъ своихъ поколѣніяхъ, и исчезали въ массѣ.

Петровскій періодъ измѣнилъ это положеніе собственно въ томъ смыслѣ, что далъ дворянству наслѣдственность дворянскаго званія. Но служебное значеніе дворянства или „шляхетства", какъ оно было названо, до изобрѣтенія, уже въ позднѣйшее время слова дворянство, отъ чина „дворянинъ",—сохранено было въ *назначеніи*, какое было дано дворянству Петромъ: установивъ наслѣдственность шляхетскаго званія, соединивъ чиновныхъ людей въ сословіе сборнымъ именемъ, Петръ зато установилъ для него обязательную службу. Не будемъ говорить о проектахъ Петра, относительно устройства самоуправленія, для котораго онъ хотѣлъ воспользоваться созданнымъ имъ обществомъ, т.-е. чиновнымъ дворянствомъ. Взглядъ г. Фадѣева на значеніе дворянства, по мысли Петра, какъ „культурнаго слоя", посредствомъ котораго онъ хотѣлъ привить своему государству европейскія формы, вѣренъ. Дворянство было заставлено учиться: безъ ученья ему жениться не позволяли, безъ ученья нельзя было служить, безъ службы нельзя было остаться дворяниномъ. Оно и училось, и стало культурнымъ слоемъ среди прочихъ, неучившихся сословій. Оно мало-по-малу усвоивало себѣ внѣшнія европейскія формы общежитія. Петру приходилось еще учить его: „неразувся съ сапогами или башмаками не ложиться на постели"; и долго еще послѣ Петра даже такія элементарныя „культурныя" понятія не были вполнѣ усвоены дворянствомъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные приказы, наставленія и распоряженія. Но дворяне все-таки учились, ѣздили въ Европу, видѣли примѣръ при дворѣ и у высшихъ чиновныхъ людей. Естественно, что они и стали „культурнымъ слоемъ" ранѣе прочихъ сословій.

Правильнѣе сказать, впрочемъ, „окультурились". Несмотря на толчокъ Петра, шляхетство наше даже въ концѣ прошлаго столѣтія едва ли можно признать „культурнымъ" слоемъ, такъ какъ культура большинства этого слоя заключалась главнымъ образомъ въ мундирѣ и крайне запутанныхъ понятіяхъ о „рангѣ" и „благородствѣ". Еще при Екатеринѣ II въ нѣкоторыхъ губерніяхъ значительная часть дворянства оказывалась безграмотною; женщины же (за исключеніемъ знатнаго круга) были безграмотны въ огромномъ большинствѣ, вслѣдствіе чего въ дворянствѣ не могло существовать ничего похожаго на домашнее воспитаніе, безъ котораго нѣтъ культуры. Дворяне начинали заимствовать понятія у Европы, но, не находя примѣненія имъ въ русской дѣйствительности, они съ самаго начала проникались фальшью. Въ отношеніи „обезличенія" г. Фадѣевъ совершенно правъ, и обезличеніе про-

изошло именно въ дворянствѣ. Та „дворянская закваска", которая рекомендуется авторомъ для дальнѣйшаго развитія русскаго общества, была сама причиною обезличенія, потому что въ основѣ ея лежала „фальшь". „Заквашиваясь" на дворянскихъ понятіяхъ, образованное сословіе въ Россіи заквашивалось ложью, нереальными и спутанными представленіями, которыя мѣшали ему пріобрѣсть твердый типъ, возникающій только на основѣ дѣйствительности, жизненной правды. Развитію индивидуализма въ Россіи вообще мѣшали историческія условія, начиная съ московскаго періода; они обусловливали общее приниженіе личности, то-есть обезличеніе въ смыслѣ слабости главной черты личности: твердаго сознанія своихъ правъ. Этимъ условіямъ были подвержены всѣ сословія, и въ особенности крестьянство, конечно. Но зато прочія сословія, кромѣ дворянства, не подверглись растлѣвающей фальши; въ крестьянствѣ, купечествѣ, духовенствѣ создались типы, типы приниженные, съ слабымъ развитіемъ чувства личнаго достоинства, — иначе и быть не могло, — но все-таки твердые и опредѣленные, какъ основанные на жизненной правдѣ, не созданные претензіями то на то, то на другое, чего не было въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни. „Закваска" же дворянская была фальшью и создала полное обезличеніе въ смыслѣ отсутствія опредѣленнаго типа. Усвоивая себѣ изъ Европы понятіе „благородства", русскій дворянинъ находилъ подтвержденіе этому понятію въ крѣпостномъ правѣ; но онъ находилъ отрицаніе его въ отсутствіи всякаго обезпеченія своей личности, въ сознаніи, что онъ подлежалъ даже тѣлесному наказанію, наравнѣ съ собственнымъ крѣпостнымъ, что безъ „ранга" благородство его было ничто, что самый породистый дворянинъ долженъ былъ, по закону, уступать мѣсто всякому офицерскому чину. Отъ этого понятіе о благородствѣ смѣшалось съ понятіемъ о чинѣ, понятіе о знатности съ понятіемъ о чиновности. Всѣ идеалы, какіе онъ могъ заимствовать у Европы, были непримѣнимы къ его положенію, но онъ старался ихъ примѣнять и привыкалъ умственно жить ложью. Отмѣна обязательности службы и тѣлесныхъ наказаній для дворянства, при Петрѣ III, не измѣнили того факта, что огромное большинство дворянства уже образовалось чинами, службою и запечатлѣлось служебнымъ характеромъ. Сверхъ того, въ законахъ остались всѣ постановленія, ставившія рангъ выше породы, опредѣлившія по рангамъ все общественное значеніе, право ѣздить съ такимъ или инымъ числомъ лошадей, имѣть такую или иную ливрею, являться или не являться ко двору; слѣды подобныхъ постановленій остались понынѣ, какъ осталось и самое значеніе дворянства, въ смыслѣ преимущественно служилаго сословія, и обезличеніе его. Екатерина II, правда, культивировала идею о благо-

родствѣ по происхожденію; она же, жалованною грамотой и учрежденіемъ о губерніяхъ, дала дворянству значительныя права̀ въ общественномъ и мѣстномъ самоуправленіи. Съ тѣхъ поръ нѣсколько поднялось въ дворянствѣ сознанiе сословно-личныхъ правъ, и въ этомъ отношеніи дворянство опередило прочія сословія. Но обезличеніе, зависѣвшее отъ жизни заимствуемыми идеалами, непримѣнимыми къ русской жизни, продолжалось въ особенности среди богатаго и сановнаго дворянства. Живя въ столицахъ и посѣщая Европу, оно проникалось „дворянской закваской" болѣе, чѣмъ дворянство низшее, и въ той же мѣрѣ болѣе проникалось фальшью. Оно стало обособлять себя отъ низшаго дворянства, хотя не менѣе его пополнялось плебейскими элементами, стремилось замкнуться въ „аристократію", и свой идеалъ аристократіи заимствовало тамъ, гдѣ могло отыскивать его дворянство, котораго сила была не въ землѣ, но въ близости ко двору — во французской аристократіи временъ послѣднихъ Бурбоновъ. А такъ какъ французская аристократія того времени была проникнута понятіями, которымъ противорѣчило его служебное положеніе, была сама проникнута духомъ, несоотвѣтствовавшимъ жизненной правдѣ, то отсюда у насъ въ высшемъ дворянствѣ и привилась двойная фальшь, фальшь на фальши. Сами учителя, кромѣ утонченности манеръ, вкуса и образованности сравнительно съ учениками, не могли передать имъ никакого жизненнаго начала; даже общіе принципы нравственности были крайне поколеблены въ самихъ учителяхъ. Понятно, что̀ могли заимствовать отъ нихъ и примѣнить у себя ученики. Они заимствовали поклоненіе блестящимъ формамъ, утонченіе вкуса и привычекъ, культъ отвлеченныхъ аристократическихъ началъ, утратившихъ реальное государственное значеніе въ самой Франціи еще до революціи, наклонность къ отрицанію существующихъ условій жизни, стремленіе къ возстановленію чего-то, отмѣненнаго жизнью, а въ сущности никогда не существовавшаго у насъ; однимъ словомъ — начала мертвенныя и направленіе чисто-искусственное, такъ сказать „умственное театральничанье".

Масса французскихъ эмигрантовъ, наплывавшая въ Россію со временъ императора Павла, и постоянно увеличивавшаяся, была такъ велика, что даже прямое вліяніе ея не могло не коснуться и средняго, провинціальнаго дворянства; еще болѣе дѣйствовалъ, конечно, примѣръ высшаго слоя. Но это вліяніе до такой степени усиливало, усугубляло фальшь „дворянской закваски" у насъ, что лучшіе, наиболѣе образованные люди не могли не почувствовать къ ней отвращенія. Этому настроенію должно было содѣйствовать новое умственное движеніе во Франціи по мѣрѣ того, какъ оно проникало къ намъ, а затѣмъ и появленіе въ Россіи множества плѣнныхъ французовъ но-

ваго вѣка, не аристократическаго типа; наконецъ, пребываніе цѣлой русской арміи за-границей. Г. Фадѣевъ именно этимъ новымъ „отвлеченнымъ“, „общечеловѣческимъ“ идеямъ и приписываетъ обезличеніе нашего „культурнаго слоя, воспитавшагося на иностранныхъ, непримѣнимыхъ къ русской дѣйствительности, понятіяхъ“. Начать съ того, что новыя эти идеи именно потому, что были общечеловѣческими, не были иностранными, хотя и являлись изъ-за границы. Вотъ почему, въ общемъ смыслѣ, онѣ были примѣнимы, и дѣйствительно примѣнялись лучшими людьми къ русской дѣйствительности. Сама Екатерина, въ первую пору своей дѣятельности, несомнѣнно вдохновлялась идеями энциклопедистовъ; подъ вліяніемъ тѣхъ идей собирала извѣстную коммиссію, писала „наказъ“, въ которомъ высказывала мысль о равенствѣ людей передъ закономъ, и даже склонялась, хотя и весьма нерѣшительно, противъ крѣпостного права. Но гдѣ же источникъ того свѣтлаго явленія, которое представляется лучшими русскими людьми, начиная съ конца XVIII столѣтія, возбуждавшими вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, какъ не въ новыхъ общечеловѣческихъ, а потому и примѣнимыхъ ко всякой дѣйствительности, идеяхъ, которыя проникали къ намъ изъ новой, нарождавшейся Франціи? И развѣ къ намъ однимъ онѣ примѣнились; развѣ не онѣ вызвали преобразованія Штейна; развѣ всѣ европейскія общества не подчинились въ разной мѣрѣ ихъ вліянію?

Новыя идеи, которыя и были источниками „лѣвыхъ мнѣній“, усвоивались въ Россіи образованнѣйшими и лучшими людьми. Въ нихъ эти идеи произвели со временемъ отрѣшеніе отъ „дворянской закваски“. Справедливо, что такъ какъ русская дѣйствительность весьма не скоро поддалась этимъ идеямъ, то образованнѣйшіе лучшіе люди въ Россіи привыкли жить теоріею, идеалами; но во всякомъ случаѣ эти идеалы были живые, не фальшивые; они создавали любовь и жалость къ массѣ народа, они научали человѣка быть — хотя и въ сознаніи только — „человѣкомъ“. Это уже не было кривлянье вчерашняго „сдаточнаго“ или прапорщичьяго сына, принужденныхъ искать идеала въ благородствѣ происхожденія, когда безъ „ранга“ они были бы „подлыми людьми“, когда и съ рангомъ-то они буквально не были уволены отъ палки. Спрашивается, какіе тутъ могли быть рыцарскіе идеалы, и не создавала ли эта „закваска“ самой зловредной въ воспитательномъ отношеніи фальши? Эти идеалы были похожи на костюмъ африканскаго гранда — шляпу съ плюмажемъ, но безъ панталонъ. Новое направленіе все-таки указывало человѣку человѣческія стремленія; какъ бы теоретичны они ни были— когда дѣйствительность отставала отъ нихъ — они все-таки были осуществимы въ самомъ человѣкѣ, а во-вторыхъ, имѣли и то прак-

тическое значеніе, что подготовляли будущность. Совсѣмъ не таково было передразниванье въ богатомъ русскомъ дворянствѣ девизовъ въ родѣ: roi ne veux, prince ne daigne, Rohan suis!—потому что эти слова представляли правду въ самой Франціи только тогда, когда предки Рогановъ царствовали въ Бретани, а потомъ владѣли другими герцогствами и графствами, но не тогда, когда Роганы добивались grandes entrées, и даже не тогда, когда мадамъ де-Помпадуръ назначала Роганъ-Субиза къ командованію королевскими войсками, хотя это и былъ весьма чиновный постъ. У насъ же ничего подобнаго положенію, выраженному въ означенномъ девизѣ, никогда и не существовало, а стало-быть можно было только поддразнивать, фальшивить себя на „рогановскія“ понятія, но быть Рогановъ не было никакой возможности. Аракчеевскій режимъ, напримѣръ, совсѣмъ не согласовался съ такимъ напускнымъ „роганствомъ“.

Напомнивъ объ истинномъ значеніи „новыхъ идей“ въ средѣ русскаго „культурнаго слоя“, мы должны оговориться, что онѣ были усвоены сперва только отдѣльными людьми, въ числѣ которыхъ были и члены средняго дворянства, и не-дворяне, и знатнѣйшіе дворяне. Новыя идеи распространялись независимо отъ „дворянской закваски“, и въ образованныхъ людяхъ низшихъ слоевъ дворянства прямо уничтожали эту „закваску“. Но велико ли во всѣ времена было число дѣйствительно образованныхъ людей въ Россіи? Число ихъ во всякомъ случаѣ составляло незначительное меньшинство среди болѣе чѣмъ полумилліоннаго дворянства. Огромное же большинство его, опредѣлявшее дѣйствія всего сословія, дѣйствительно воспитывалось на „дворянской закваскѣ“, на служебныхъ понятіяхъ и смѣшанной спѣси чиномъ и происхожденіемъ. Цѣлью честолюбія всего дворянства, за ничтожными исключеніями, былъ генеральскій *чинъ*, болѣе достижимыми цѣлями: эполеты, мундиръ того или иного покроя, съ лампасами или безъ лампасовъ. Это было не замкнутое сословіе, управляющее государствомъ, опираясь на землю, но многочисленный служащій классъ, постоянно растворяемый притокомъ снизу, живущій на счетъ чужого труда и на счетъ бюджета или исключительно на счетъ бюджета.

Намъ говорятъ: „одно дворянство можетъ дать обществу органическое ядро“, и только тогда, когда самоуправленіе сдѣлается дворянскимъ, оно станетъ „дѣйствительнымъ дѣломъ“. Но въ этомъ увѣряетъ насъ г. Фадѣевъ, а въ противномъ убѣждаетъ насъ исторія. Ка́къ воспользовалось дворянство тѣми правами по самоуправленію, которыя были ему даны? Екатерина II отдала въ руки дворянства и судъ, и мѣстное управленіе, именно въ уѣздѣ. Дворянство избирало членовъ уѣздныхъ судовъ и верхнихъ земскихъ судовъ; впо-

слѣдствіи, при императорѣ Николаѣ—и председателей уголовныхъ палатъ; имѣло въ полномъ своемъ распоряженіи власть полицейскую въ уѣздѣ, избирая членовъ нижняго земскаго суда: исправника и засѣдателей, кромѣ крестьянскихъ; когда были учреждены становые пристава, то дворянство получило право указывать губернскому правленію мѣстныхъ дворянъ для занятія этихъ должностей; впрочемъ, это было уже въ то время (въ 1837 г.), когда исправниковъ велѣно назначать отъ правительства. Далѣе, дворянству была предоставлена должность почетныхъ попечителей гимназій, соединенная съ дворянскими выборными должностями; избраніе членовъ коммиссіи народнаго продовольствія, депутатовъ въ округа путей сообщенія, членовъ отъ себя въ совѣтъ кредитныхъ установленій, депутатовъ въ квартирныя коммиссіи и посредниковъ по межеванію. Таково было участіе дворянства въ судѣ и мѣстномъ управленіи въ тѣхъ губерніяхъ, которыя прежде назывались „дворянскими", какъ нынѣ называются земскими. Но, сверхъ того, дворянству дано было сословное представительство и управленіе, съ весьма важными правами, съ изъятіемъ отъ подчиненности мѣстнымъ коронным властямъ; въ числѣ правъ дворянскихъ собраній было и право „контроля" надъ членами дворянства, котораго желаетъ г. Фадѣевъ, такъ какъ собраніе дворянства могло просто исключать изъ своей среды порочныхъ людей, и важное преимущество обращаться съ ходатайствомъ прямо къ верховной власти, „адресуя конверты въ собственныя руки его императорскаго величества" или присылая депутатовъ. Что́ же изъ всего этого произошло? Произошелъ единственный реальный результатъ: что крѣпостное право, котораго дальнѣйшее утвержденіе и распространеніе совпадало съ „воспитательнымъ" періодомъ, съ періодомъ, создававшимъ „культурный слой", что крѣпостное право получило новую силу отъ предоставленія въ руки дворянъ суда и полиціи въ уѣздѣ. Никакого другого реальнаго результата произойти не могло, по характеру дворянства, и не произошло. Сословіе, сформированное службою, не внесло въ мѣстное управленіе никакихъ своихъ традицій, никакой собственной энергіи, а напротивъ, въ предоставленной себѣ власти усмотрѣло ту же службу, на данныя ему права взглянуло, какъ на возложенныя на него обязанности, отчасти какъ на повинность, отъ исполненія которой большинство уклонялось; должности предводителей принимались какъ почетныя служебныя мѣста, должности по выборамъ въ судахъ—для полученія окладовъ и доходовъ. Но на право вліять на ходъ дѣлъ выборами дворянство смотрѣло преимущественно какъ на обязанность, на повинность. Идея государственной службы, по прежнему, преобладала въ дворянствѣ; въ самыхъ выборахъ могли участвовать только дво-

ряне съ чинами. А такъ какъ русское землевладѣніе и въ то время было весьма не прочно, то коренной мѣстный элементъ представлялся главнымъ образомъ дворянствомъ богатымъ и знатнымъ, которое въ имѣніяхъ совсѣмъ не жило, но служило при дворѣ или въ войскѣ. „Абсентеизмъ", который нынѣшніе ревнители дворянской идеи желаютъ объяснить тѣмъ, что дворянству, будто бы, „не стало мѣста" въ уѣздахъ, послѣ реформъ, процвѣталъ и въ старину. Имѣнія рѣдко оставались нѣсколько поколѣній въ одномъ родѣ, и дворянское самоуправленіе находилось въ рукахъ случайнаго, временного состава владѣльцевъ имѣній, а вовсе „не наслѣдственнаго сословія, органически-сросшагося съ землею, съ мѣстностью". Тѣ же ревнители жалуются, что реформы, задавшись „теоретической идеею всесословности", помѣшали нашему дворянству устроить Англію въ мѣстномъ самоуправленіи. Но, начиная еще съ царствованія же Екатерины II и вплоть до императора Николая, въ „Полномъ собраніи законовъ" тянется рядъ указовъ, которыми верховная власть запрещаетъ дворянству уклоняться отъ „пользованія его правами", и между прочимъ сама называетъ эти права „обязанностью", налагаетъ штрафы за отлучки отъ выборовъ, предписываетъ замѣщать выборныя должности чиновниками, если дворянство никого на нихъ не избрало. Еще не далѣе, какъ при императорѣ Николаѣ, закономъ 1831 года, постановлены были за неявку на выборы штрафы до 250 рублей и даже исключеніе изъ дворянскаго собранія; за неявку избраннаго къ должности, въ которую онъ былъ избранъ дворянствомъ, штрафъ въ 100 р. Какъ это было похоже на Англію! Но насколько веденіе дворянствомъ самоуправленія и выразилось положительною дѣятельностію, каковы были ея свойства, ея характеръ, именно дѣятельности, а не заявленій, которыя всегда были весьма похвальны—объ этомъ свидѣтельствуетъ свѣжее преданіе прежнихъ уѣздныхъ судовъ и какъ прошлое, такъ и настоящее дворянскихъ опекъ, учрежденій, которыхъ дѣятельность, въ нравственномъ отношеніи, нисколько не отличалась отъ дѣятельности правленій, палатскихъ канцелярій и всякихъ приказныхъ мѣстъ, населенныхъ „крапивнымъ сѣменемъ" и „кутейниками", къ которымъ ревнители дворянской идеи относятся съ такимъ высокомѣрнымъ осужденіемъ. Изъ „культурной" же среды взяты были Гоголемъ типы для „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ".

Возвращаясь къ книгѣ, давшей поводъ для предшествующаго очерка, мы повторимъ, что изъ всѣхъ положеній автора безспорно только одно—разбродъ, преобладающій въ настоящій моментъ въ нашемъ обществѣ, причемъ надо замѣтить, что это есть не столько разбродъ опредѣленныхъ мнѣній, сколько разбродъ людей по раз-

нымъ личнымъ цѣлямъ, общественная апатія. Въ разсужденіи своемъ г. Фадѣевъ довольно произвольно употребляетъ такія понятія, какъ: обезличеніе, безсвязность и разбродъ. Онъ разсуждаетъ такъ: культурный классъ обезличенъ создавшимъ его воспитательнымъ періодомъ, а потому ему тѣмъ болѣе необходима связность, и на этомъ основаніи учреждаетъ дворянское „ядро" и вручаетъ ему все самоуправленіе. Но дѣло въ томъ, что связность есть только орудіе, рычагъ, которымъ обезличеніе, нравственная слабость безсильны воспользоваться для чего-либо, кромѣ — матеріальныхъ интересовъ обезличеннаго класса. У автора русское общество то является безличнымъ, потому что оно безсвязно,—безсвязность поддерживаетъ въ немъ безличность; то связнымъ (до реформъ), но все-таки безличнымъ. Съ одной стороны, онъ требуетъ для дворянства правъ потому именно, что оно—дворянство, историческое сословіе, къ которому власть можетъ имѣть болѣе довѣрія; а съ другой стороны, главное достоинство русскаго дворянства является у него въ томъ, что оно—не столько дворянство, сколько вообще верхній, культурный слой народа, и права ему требуются уже именно на этомъ основаніи, и организація ему предполагается такая, чтобы онъ постоянно разбавлялся примѣсями, „живыми притоками изъ подпочвы". Все это—противорѣчія, которыя не очень замѣтны въ блестящей импровизаціи, но непреодолимы при трезвомъ, практическомъ обсужденіи вопроса: „ка́къ намъ быть?" который возникаетъ, какъ только мы переходимъ отъ умозрѣній по поводу вопроса: „чѣмъ намъ быть"?—къ практикѣ. Всѣ коренныя ошибки, всѣ внутреннія противорѣчія той теоріи, которою объясняются авторомъ его предложенія, тотчасъ сказались бы на практикѣ. Дворянство есть самое образованное сословіе въ Россіи,—противъ этого мы не споримъ. Однако, несправедливо уже и то, будто дворянство обнимаетъ собою весь „культурный слой". Но даже если допустить и это, то все-таки нельзя идти еще далѣе, и вмѣсто дворянства ставить одно дворянское землевладѣніе. Это уже выходитъ чѣмъ-то въ родѣ фокуса: сперва „культурный слой" замѣняется дворянствомъ, а потомъ дворянство замѣняется крупнымъ землевладѣніемъ. Развѣ можно сказать, что крупное землевладѣніе обнимаетъ собою весь культурный слой въ Россіи? А между тѣмъ всему культурному слою, не говоря уже о народной массѣ, пришлось бы состоять внѣ городовъ подъ властью крупнаго землевладѣнія; нецензовой землевладѣлецъ, заѣзжій дворянинъ, мѣстный купецъ, литераторъ, чиновникъ, живя въ уѣздѣ или являясь въ немъ, подлежали бы въ обыденныхъ житейскихъ дѣлахъ полновластію крупныхъ землевладѣльцевъ, пожизненныхъ безплатныхъ мировыхъ судей, такъ какъ званіе это соединялось бы съ званіемъ волостного попечителя, кото-

раго никто не принялъ бы безплатно въ чужой волости. Такое положеніе создало бы рознь не только вновь между крестьянами и помѣщиками, но и въ самомъ „культурномъ классѣ"; зависть, недовольство безправныхъ „властными". На дѣлѣ проектъ, подобный предположеніямъ г. Фадѣева, никогда не можетъ возникнуть изъ общественнаго мнѣнія; онъ могъ бы возникнуть только среди какого-нибудь кружка̀, и тогда онъ возникъ бы съ задними цѣлями, и былъ бы примѣненъ именно въ смыслѣ этихъ цѣлей. А еслибы это могло случиться, тогда дворянское самоуправленіе осталось бы дѣйствительно только въ смыслѣ полнаго подчиненія крупному землевладѣнію земледѣльческой массы, но въ смыслѣ дѣйствительнаго самоуправленія оно обратилось бы въ миѳъ. Еслибы нашелся кружокъ достаточно вліятельный, чтобы подчинить эту массу землевладѣнію, то этотъ кружокъ оказался бы достаточно вліятельнымъ и для того, чтобы подчинить себѣ администрацію, а чрезъ администрацію онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ и все „дворянское землевладѣніе". Въ результатѣ явилась бы худшая изъ всѣхъ системъ управленія: управленіе ближнихъ бояръ, всегда отзывавшееся въ нашей исторіи „смутными временами".

Напрасно думать, что нашъ „воспитательный періодъ" кончился. Авторъ говоритъ о „крыльяхъ", о реальныхъ партіяхъ, которыхъ у насъ, разбитыхъ на единицы, нѣтъ. Но когда явится сознаніе въ болѣе значительной, чѣмъ нынѣ, массѣ людей, когда культурный слой далеко переростетъ предѣлы служащаго, зависимаго класса, тогда возникнутъ и реальныя партіи въ обще-европейскомъ смыслѣ. До того времени, пока выступитъ сознательная сила изъ самого народа, въ помощь драгоцѣннымъ усиліямъ и лучшимъ намѣреніямъ верховной власти, до тѣхъ поръ ей и впредь придется дѣйствовать одной — идти одной впередъ по пути преобразованій: улучшить мѣстную администрацію, нѣсколько расширить кругъ дѣйствій земства, даровать свободу религіозному убѣжденію, облегчить печать — эту совѣсть общественную. Все это верховная власть постепенно уже дѣлала и можетъ еще сдѣлать потому именно, что никакихъ революціонныхъ партій въ Россіи нѣтъ и правительство крайне-устойчиво. Чѣмъ больше будетъ ею сдѣлано на пути, открытомъ въ 1861 году, тѣмъ лучше; тѣмъ спокойнѣе и мирнѣе начнетъ потомъ содѣйствовать развитію Россіи сознательная сила общества.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1875.

Министерскій кризисъ въ Берлинѣ.—Столкновеніе Арнима съ Бисмаркомъ.—Дипломатическія разоблаченія.—Судъ надъ Арнимомъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.

Германскій канцлеръ князь Бисмаркъ, какъ то не подлежитъ сомнѣнію—великій врагъ ужасной силы клерикализма, съ которою Германія, подъ предводительствомъ князя, ведетъ борьбу за цивилизацію (Kulturkampf). Нечего и говорить, что онъ—врагъ клерикаловъ только потому, что видитъ въ нихъ опаснѣйшихъ враговъ единства, могущества и славы Германіи, пожалуй даже ея свободы, такъ какъ князь Бисмаркъ, какъ извѣстно,—либералъ. Но враги иногда бываютъ полезнѣе друзей. До сихъ поръ не примѣтно, чтобы друзья канцлера, т.-е. національные либералы, а отчасти и прогрессисты оказали ему какую-либо существенную услугу. Все, чтó онъ сдѣлалъ великаго, сдѣлано имъ безъ ихъ помощи, а первоначально прямо вопреки имъ. Съ тѣхъ поръ, либералы, ставшіе друзьями канцлера послѣ того, какъ онъ распорядился въ Германіи и Европѣ по-своему, durch Blut und Eisen, а не посредствомъ Majoritätsbeschlusse, ставшіе за горою, послѣ того, какъ гора не хотѣла подойти къ нимъ, приготовляли кн. Бисмарку немало затрудненій. Не дальше, какъ въ прошлую сессію, они, при обсужденіи военнаго вопроса, едва не вызвали вновь „бѣдственнаго конфликта"; еще въ прошломъ мѣсяцѣ они подали князю поводъ просить императора объ увольненіи его отъ должности, такъ какъ онъ „не пользуется поддержкою надежнаго большинства на сеймѣ". Положимъ, никто—и менѣе всѣхъ самъ уважаемый монархъ, конечно,—не принялъ этой просьбы серьёзно. Величіе имперіи создано не „рѣшеніями большинства", но княземъ Бисмаркомъ; можно ли допустить, чтобы „рѣшенія большинства", безсильныя для созданія величія государства, были всесильны въ от-

ношеніи къ князю Бисмарку, который создалъ это величіе? Но тѣмъ не менѣе, указанный случай представлялъ собою новую непріятность, устроенную канцлеру его друзьями—либералами. Хорошо ему, что у него есть враги. Еслибы ужасная сила клерикализма въ Германіи не существовала, то можно полагать, что князь Бисмаркъ долженъ былъ бы выдумать ее, такъ она оказывается для него удобною,—такія услуги она оказываетъ ему, противъ своей воли, разумѣется. Не желаетъ князь установленія монархіи во Франціи, опасаясь, что при монархіи Франція нашла бы союзы—и вотъ ужасная сила клерикализма въ Германіи даетъ ему отличный поводъ отклонять императора Вильгельма отъ его сочувствій къ дѣлу монархіи во Франціи. Имѣетъ князь Бисмаркъ какіе-либо виды на Испанію—та же самая сила, опасная въ Германіи, даетъ ему полное право противодѣйствовать дѣлу карлизма въ Испаніи, потому что карлизмъ и редакторъ клерикальной газеты „Germania" г. Маюнке, а отчасти и самъ Куллльманъ, все это вѣдь въ сущности—одно и то же. Для усиленныхъ мѣръ по германизаціи прусскаго востока не надо лучшаго объясненія, какъ фактъ, что тамъ преобладаетъ клерикализмъ съ особенною силою. Она же оказываетъ еще болѣе важную услугу въ оправданіи всѣхъ исключительныхъ мѣръ въ Эльзасѣ-Лотарингіи. Мы не хотимъ принадлежать къ Германіи, говоритъ Тейтшъ съ товарищами; но говорятъ они это изъ клерикализма, а потому отвѣта имъ недалеко искать: вы и присоединены къ Германіи не въ вашемъ интересѣ, но въ интересѣ Германіи. Какъ нарочно, изъ среды клерикаловъ выходитъ убійца, подобно тому, какъ вышелъ нѣкогда убійца изъ среды радикаловъ, и совершаетъ покушеніе на жизнь князя Бисмарка. Только этого недоставало, и Кулльманъ снабдилъ канцлера на долгое время аргументами самаго неопровержимаго свойства, подобно тому, какъ такими же аргументами снабдилъ его, въ свое время, Блиндъ—противъ либераловъ, когда врагами Бисмарка были они.

Недавно членъ центра, Іергъ (въ засѣданіи 4-го декабря), произнесъ рѣчь, въ которой пытался обнаружить мнимый разладъ между Россіею и Германіею, воспользовавшись для того испанскимъ вопросомъ. Князь Бисмаркъ отвѣчалъ ему одною изъ остроумнѣйшихъ своихъ рѣчей, одною изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ безцеремонные удары извѣстнаго въ своей юности „реннomиста" и „нетонкіе намеки" откровеннѣйшаго изъ дипломатовъ смѣшивались съ токомъ того свѣжаго и крѣпкаго юмора, который составляетъ лучшее качество Бисмарка-оратора. Рѣчь эта не могла не понравиться намъ уже дружественными отзывами о Россіи, которые въ ней находились. Но и безъ нихъ, мы причислили бы эту рѣчь къ самымъ удачнымъ, самымъ характеристическимъ рѣчамъ великаго канцлера. Крайняя безцеремонность

заключенія ея была бы, можетъ быть, странна со стороны министра иной страны; но вѣдь говорилъ князь Бисмаркъ, и говорилъ о комъ?— о клерикалахъ, конечно. Безъ этихъ истинныхъ благодѣтелей его, немыслимо нынѣ никакое его заявленіе, тѣмъ менѣе такое, которое касается щекотливаго вопроса.

„Предшествующему оратору извѣстно", сказалъ, между прочимъ, канцлеръ, „что вмѣстѣ съ нами, почти всѣ европейскія и бóльшая часть заморскихъ государствъ признали испанское правительство. Императорское русское правительство не признало въ своемъ интересѣ сдѣлать это. Обстоятельства по отношенію къ Россіи представляются въ совершенно иномъ видѣ. Россія лежитъ далѣе отъ Испаніи, чѣмъ Германія, на много миль, и настолько же испанскія дѣла касаются ея менѣе. Никакой русскій офицеръ не былъ убитъ въ Испаніи, и національное чувство не было возбуждено; сверхъ того, требуя уваженія къ нашимъ воззрѣніямъ, мы должны уважать мнѣнія другихъ правительствъ, находящихся въ такомъ благопріятномъ положеніи, что могутъ слѣдовать одному теоретическому своему взгляду на дѣло, такъ какъ практическая сторона его ихъ не касается. Но болѣе, чѣмъ чье-либо мнѣніе, мы уважаемъ мнѣніе связанной съ нами дружбою, въ теченіи столѣтія и нынѣ тѣснѣе (am intimsten), чѣмъ кто-либо, державы русской. Если ораторъ мѣтилъ сюда своими маленькими стрѣлами въ надеждѣ произвесть маленькій разладъ (Verstimmung), то это возбуждаетъ въ насъ только смѣхъ (*Смѣхъ*). Наши отношенія тамъ стоятъ, благодареніе Богу, крѣпко и недосягаемо — высоко для подобныхъ, мелкихъ усилій. Далѣе, г. предшествующій ораторъ упомянулъ о киссингенскомъ покушеніи и выставилъ Кулльмана полусумасшедшимъ. Могу васъ увѣрить, что человѣкъ этотъ—я самъ говорилъ съ нимъ—былъ въ здравомъ умѣ. Мнѣ понятно, что ораторъ отклоняетъ всякое, хотя бы только мысленное соучастіе другихъ съ такимъ человѣкомъ. Я убѣжденъ, что и до покушенія, въ глубинѣ души самого оратора никогда даже не возникало самаго легкаго пожеланія въ такомъ родѣ, что—если бы, молъ, съ этимъ канцлеромъ могло приключиться какое-нибудь несчастіе,—я убѣжденъ, что ничего подобнаго у него не было въ умѣ. Но отрекайтесь отъ этого убійцы, сколько хотите,— онъ все-таки крѣпко держится за ваши фалды!... Кулльманъ сказалъ мнѣ: вы оскорбили мою партію; а когда я спросилъ его—какая его партія, онъ отвѣчалъ—партія центра въ имперскомъ сеймѣ (бурное одобреніе большинства, восклицанія pfui! въ центрѣ). Да, господа, отталкивайте отъ себя человѣка, но онъ крѣпко держится за ваши фалды!" Надо замѣтить, что президентъ Форкенбекъ нашелъ при этомъ непарламентскимъ только восклицаніе pfui! — раздавшееся

изъ центра, о чемъ и объявилъ партіи, о „фалдахъ“ которой была рѣчь. Далѣе, президентъ, послѣ рѣчи Виндгорста, даже прямо высказалъ, что ничто въ словахъ канцлера не оскорбляло достоинство собранія.

Перейдемъ къ тому „кризису“, который произвелъ переполохъ на нѣсколько дней въ національно-либеральной печати. Редакторъ клерикальной газеты „Germania“, депутатъ Маюнке, былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму за газетную статью. Тѣмъ не менѣе его въ тюрьму не сажали; открылась сессія, Маюнке принялъ участіе въ работахъ сейма, былъ даже избранъ въ одну коммиссію, какъ вдругъ, 11-го декабря, его внезапно арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму, не только не спросивъ разрѣшенія рейхстага, но не предувѣдомивъ его, даже не увѣдомивъ и послѣ арестованія. Это показалось ужъ черезчуръ безцеремонно, и сеймъ огромнымъ большинствомъ (въ числѣ его былъ самъ Ласкеръ) принялъ слѣдующее предложеніе прогрессиста барона Говербека: „для поддержанія достоинства сейма необходимо, путемъ деклараціи или измѣненія въ конституціи, устранить возможность, чтобы депутатъ могъ быть подвергаемъ арестованію, во время сессіи, безъ согласія сейма“. Вслѣдствіе этого постановленія, князь Бисмаркъ подалъ въ отставку, которая, разумѣется, принята не была, и получилъ затѣмъ, разумѣется, новое, съ энтузіазмомъ выраженное удостовѣреніе полнаго довѣрія къ нему сейма, тѣмъ, что сеймъ, большинствомъ 199 голосовъ противъ 71-го, утвердилъ кредитъ министерству иностранныхъ дѣлъ на „секретные расходы“. Поводъ къ такому выраженію довѣрія подали опять „благодѣтели“ клерикалы. Глава ихъ, Виндгорстъ, возсталъ противъ этого кредита и воспользовался случаемъ, чтобы поговорить о такъназываемомъ „пресмыкающемся фондѣ“, то-есть объ ежегодной суммѣ въ около 800 тысячъ талеровъ изъ секвестрованныхъ доходовъ, бывшихъ короля ганноверскаго и курфирста гессенскаго, суммѣ, употребляемой, по слухамъ, на субсидію нѣмецкой и заграничной печати. Тогда, національ-либералъ Беннигсенъ и поставилъ вопросъ о кредитѣ, какъ вопросъ о выраженіи довѣрія, и имѣлъ блестящій успѣхъ. Виндгорстъ, по согласному замѣчанію той печати, которой хорошо извѣстно различіе между Dispositionsfonds и Reptilienfonds, говорилъ тѣмъ болѣе не кстати, что послѣдній фондъ есть прусскій, а рѣчь шла о кредитѣ имперскомъ, въ имперскомъ же сеймѣ. По всей вѣроятности, различіе это соблюдается печатью заинтересованною въ дѣлѣ и на самой практикѣ: за деньги, полученныя изъ прусскаго фонда оно, конечно, не печатаетъ ни одной статьи для поддержки германской политики канцлера, а только статьи исключи-

тельно о дѣлахъ прусскихъ.—Въ засѣданіи 19-го декабря, германскій сеймъ отсрочилъ свою сессію до 7-го января 1875 года.

Процессъ графа Арнима представилъ предпріятіе неудачное, съ точки зрѣнія правительственной. Этимъ процессомъ князь Бисмаркъ достигъ только личной цѣли, то-есть уничтожилъ карьеру своего бывшаго друга, а въ послѣдніе годы—недруга; наказалъ его за стремленіе поколебать кредитъ канцлера у императора, лишилъ Арнима всякой надежды сдѣлаться когда-либо, хотя бы по смерти Бисмарка, руководителемъ германской политики. Сверхъ этого можно сказать только, что лично канцлеръ вышелъ съ честью изъ этого „скандала“. Обнародованная переписка показала еще разъ, что секретныя слова Бисмарка тождественны съ его гласными рѣчами, что въ конфиденціальныхъ инструкціяхъ онъ говоритъ то же самое, и тѣмъ же языкомъ, какъ и въ оффиціальныхъ депешахъ и въ парламентскихъ рѣчахъ. Самая смѣлость въ приданіи гласности нѣкоторымъ депешамъ, въ которыхъ безцеремонно обсуждались самые „деликатные“ предметы, противорѣча всѣмъ обычаямъ и преданіямъ старинной дипломатической мудрости, произвела *въ обществѣ*, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, благопріятное для Бисмарка впечатлѣніе и отчасти загладила впечатлѣніе противоположнаго свойства, вызванное преслѣдованіемъ, которое во всякомъ случаѣ не было свободно отъ чувства личной мести.

Но выдти съ честью изъ скандала еще не значитъ, что стóило затѣвать скандалъ. Исходъ дѣла показалъ, что съ правительственной точки зрѣнія все дѣло было ошибкой. Вся выгода оказалась только для личной вражды Бисмарка противъ Арнима, котораго ему и удалось уничтожить въ служебномъ смыслѣ и значительно умалить предъ общественнымъ мнѣніемъ. Началъ-ли бы кн. Бисмаркъ это дѣло, еслибы зналъ, что достигнетъ только этого результата—рѣшить нельзя; очень можетъ быть, что началъ бы, такъ какъ страстная его натура не дозволяетъ ему обуздывать себя разсчетомъ. Что касается интересовъ правительства, то оно только проиграло въ этомъ дѣлѣ. Судебное преслѣдованіе, очевидно, было начато для побужденія Арнима къ возвращенію документовъ. Съ этой цѣлью ему сперва угрожали уголовнымъ дѣломъ, и въ одной изъ депешъ государственнаго секретаря Бюлова находились ссылки на разныя статьи уголовнаго кодекса. Когда угрозы не подѣйствовали, ихъ стали приводить въ исполненіе: послѣдовало предварительное арестованіе Арнима, вовсе ненужное, развѣ только для понужденія его къ выдачѣ документовъ, и косвенно осужденное судомъ, такъ какъ судъ подвелъ его подъ такую статью кодекса, по которой—еслибы на ней основано было обвиненіе—Арнимъ не могъ бы подлежать

предварительному заключенію, а сверхъ того, зачелъ ему это заключеніе въ срокъ присужденнаго ему наказанія; стало-быть, вознаградилъ его за ошибочное заключеніе до приговора. Когда Арнимъ продолжалъ не выдавать документовъ, и цѣль предварительнаго заключенія и обысковъ достигнута не была, тогда уже нельзя было прекратить дѣло, надо было предоставить ему законный ходъ. Еслибы, затѣмъ, судъ призналъ фактъ похищенія Арнимомъ документовъ съ злонамѣренностью, то былъ бы, по крайней мѣрѣ, оправданъ строгій образъ дѣйствій слѣдственнаго судьи и прокурорской власти въ отношеніи къ обвиненному. Но такъ какъ судъ призналъ только фактъ небрежности въ храненіи документовъ, то самый результатъ процесса былъ неблагопріятенъ для правительства. Оказалось, что посолъ германской имперіи, человѣкъ, которому ввѣрены были дѣла такой первостепенной важности, какъ заключеніе мирнаго трактата съ Франціею и переговоры съ Римомъ, до столкновенія былъ дважды арестуемъ, обыскиваемъ, подвергаемъ мелочнымъ оскорбленіямъ изъ-за того, что не умѣлъ держать въ порядкѣ бумагъ, что человѣку съ первостепенными заслугами государству вмѣнено было въ уголовное преступленіе, чуть ли не въ государственную измѣну то, что̀ и для мелкаго чиновника имѣло бы послѣдствіемъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, простое дисциплинарное взысканіе или увольненіе отъ службы. Но это далеко не все. Обнародованіе безцеремонныхъ сужденій германской дипломаціи о народахъ, международныхъ отношеніяхъ и лицахъ, хотя и доставили кн. Бисмарку въ обществѣ то выгодное положеніе, которое достается въ удѣлъ смѣлости и откровенности, но на правительства другихъ странъ должно было произвесть впечатлѣніе, весьма невыгодное для интересовъ имперіи. Въ обнародованныхъ депешахъ уже выражается такое недовѣріе къ прочности мира и даже самыхъ союзовъ Германіи, что не трудно было предположить двойной экстрактъ такихъ воззрѣній въ тѣхъ документахъ, которые читались при закрытыхъ дверяхъ, а еще болѣе въ тѣхъ, которые и вовсе прочтены не были. Правда, обнародованныя депеши относились къ прошлому времени, хотя весьма близкому, и съ тѣхъ поръ произошли въ Европѣ весьма значительныя перемѣны. Но вѣдь и перемѣны эти не ограничились одними фактами сближенія между разными государствами; бывали и случаи разногласія. Однимъ словомъ, хотя бы князь Бисмаркъ и былъ доволенъ результатомъ процесса въ томъ смыслѣ, что карьера Арнима уничтожена, но есть достаточное основаніе предположить, что императоръ Вильгельмъ не могъ быть довольнымъ, и предпочелъ бы, чтобы все это дѣло начато не было; доказать небрежность чиновника такимъ средствомъ, которое подвергало нѣкоторой опасности интересы германской политики—

это нѣсколько похоже на дѣйствіе желѣзнымъ молотомъ въ стеклянномъ ящикѣ.

Судъ надъ графомъ Арнимомъ въ берлинскомъ городскомъ судѣ происходилъ 9 — 15 декабря. По характеру замѣшанныхъ въ немъ лицъ и важности документовъ, которыхъ онъ касался, процессъ этотъ представляетъ историческое значеніе, и потому мы представимъ очеркъ этого любопытнаго дѣла. Арнимъ родился въ 1824 году, былъ сѣверогерманскимъ посланникомъ въ Римѣ во время ватиканскаго собора, въ 1871 году имперскимъ коммиссаромъ при заключеніи мирнаго трактата съ Франціею во Франкфуртѣ, въ 1873 г. германскимъ посломъ въ Парижѣ, и въ 1874 г. назначенъ былъ въ должность посла въ Константинополѣ. По отъѣздѣ его изъ Парижа и еще до прибытія его преемника, князя Гогенлоэ, когда завѣдывалъ дѣломъ графъ Везделенъ, обнаружилось, что въ архивѣ посольства недоставало большого числа важныхъ документовъ. Государственный секретарь Бюловъ потребовалъ отъ Арнима свѣдѣнія объ этихъ документахъ, а когда гр. Арнимомъ нѣкоторые изъ нихъ были возвращены, а другіе оставлены у себя съ объявленіемъ намѣренія не выдавать ихъ, такъ какъ они, по его убѣжденію, составляли частную его собственность, представляя или частныя, личныя сообщенія ему, или оффиціальныя распоряженія, лично до него относившіяся, то дѣло и было предоставлено правительствомъ въ руки уголовной судебной власти. Арнимъ былъ арестованъ въ своемъ имѣніи, Нассенгейдѣ, привезенъ въ Берлинъ, подвергнутъ предварительному заключенію въ городской тюрьмѣ, а потомъ, вслѣдствіе его болѣзни—въ тюремной больницѣ Charité; содержался такимъ образомъ въ теченіи мѣсяца, затѣмъ, по окончаніи слѣдствія, былъ временно освобожденъ, внесеніемъ залога въ 150 т. талеровъ и подпискою не отлучаться изъ Германіи.

На судѣ, показанія вызванныхъ экспертовъ—директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Роланда и другихъ чиновниковъ министерства, въ томъ числѣ и чиновниковъ парижскаго посольства, вовсе не доказали, что безусловно всѣ сообщенія, получаемыя посломъ оффиціальнымъ путемъ, должны быть записываемы въ журналы и подлежать сдачѣ въ архивъ. Хотя всѣ документы, указанные въ обвинительномъ актѣ, и были нумерованные, но изъ показаній слѣдовало, что за нумерами иногда отправляются и такія сообщенія, которыя не имѣютъ строго-оффиціальнаго характера, а нѣкоторыя оффиціальныя сообщенія, касающіяся собственно личнаго положенія лица, къ которому они адресованы, могутъ быть разсматриваемы имъ, какъ личная собственность, напр. извѣщенія о назначеніяхъ, наградахъ и т. п. Но показанія чиновниковъ посольства, да и самый ходъ дѣла—во время производства котораго обвиняемый возвра-

тилъ нѣсколько документовъ, найденныхъ имъ въ письменномъ столѣ среди другихъ бумагъ—выяснили, что гр. Арнимъ вообще не соблюдалъ порядка въ бумагахъ, держалъ ихъ вмѣстѣ съ личными своими бумагами, нерѣдко закладывалъ ихъ такъ, что послѣ самъ не могъ найти, чтó объяснялось отчасти его близорукостью. Что Арнимъ при самомъ полученіи нѣкоторыхъ сообщеній Бисмарка считалъ ихъ неподлежащими сдачѣ въ архивъ, но имѣющими остаться въ его рукахъ, удостовѣрялось разными помѣтками, большей частью ироническаго свойства, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ этихъ бумагъ.

Обратимся теперь къ содержанію тѣхъ депешъ, которыя были прочтены при открытыхъ дверяхъ. Въ нихъ обнаруживается весьма рельефнымъ образомъ разладъ между гр. Арнимомъ и кн. Бисмаркомъ во взглядѣ на французскія дѣла, на вопросъ о возстановленіи монархіи во Франціи, настойчивость посла на своемъ образѣ мыслей, вопреки инструкціямъ изъ Варцина и Берлина, стремленіе принимать эти инструкціи не какъ приказанія, рѣшавшія дѣло,—какъ разумѣлъ ихъ Бисмаркъ,—но какъ аргументацію въ отвѣтъ на аргументацію посла, который въ дальнѣйшихъ заявленіяхъ продолжалъ высказывать прежніе взгляды. Въ отзывахъ канцлера высказывается крайняя раздражительность и порицаніе послу за самое содержаніе его донесеній —фактъ, который былъ бы совершенно не понятенъ, еслибы не было извѣстно, что донесенія Арнима должны были представляться императору. Вообще, весь раздоръ Бисмарка съ Арнимомъ могъ произойти только потому, что императоръ читалъ депеши Арнима и не отказывался отъ личнаго участія въ направленіи иностранной политики. Еслибы кн. Бисмаркъ былъ полный хозяинъ въ ней, то Арнимъ не рѣшился бы настаивать на своихъ мнѣніяхъ, не сообщалъ бы слуховъ, непріятныхъ Бисмарку, или оставилъ бы свой постъ. Еслибы Бисмаркъ одинъ читалъ его донесенія, то онъ не могъ бы требовать отъ Арнима, чтобы содержаніе ихъ было иное; онъ все равно дѣйствовалъ бы по своему усмотрѣнію. Но въ томъ-то и дѣло, что содержаніе донесеній Арнима могло дѣйствовать на императора и колебать въ его мнѣніи, до нѣкоторой степени, согласіе съ идеями Бисмарка, даже довѣріе къ нему. Такъ, напримѣръ, когда Арнимъ въ одномъ изъ донесеній передавалъ слухъ, будто германская политика вступала въ соглашенія съ Гамбеттою, то Бисмаркъ могъ усмотрѣть въ этомъ нѣчто въ родѣ доноса на себя, и потому, въ крайне-рѣзкомъ отвѣтѣ своемъ на это донесеніе, совѣтовалъ послу тщательнѣе взвѣшивать то, чтó имъ сообщается; въ приведеніи сказаннаго слуха указывалъ неумѣстный и оскорбительный намекъ, „такъ какъ вамъ извѣстно, что германскою политикою управляетъ его императорское величество". Можно утвердительно сказать, что

независимо отъ дѣйствій Арнима, отъ такого или иного личнаго его отношенія къ партіямъ во Франціи, вина его въ глазахъ Бисмарка заключалась въ томъ, что онъ сообщалъ не то, что̀ слѣдовало сообщать, не такъ, какъ слѣдовало сообщать, для укрѣпленія императора въ согласіи съ воззрѣніями Бисмарка; напротивъ, онъ писалъ въ совсѣмъ иномъ смыслѣ, такъ чтобы склонить императора на сторону своихъ убѣжденій. А какъ убѣжденія Арнима заключались въ благопріятствованіи монархическимъ видамъ во Франціи и въ опасеніяхъ „заразительности республиканскихъ учрежденій", если бы они укрѣпились во Франціи, то нельзя не видѣть, что Арнимъ имѣлъ основаніе надѣяться, что его взгляды будутъ угоднѣе императору, чѣмъ политика ближайшихъ реальныхъ интересовъ Германіи, рекомендуемая Бисмаркомъ. Отсюда, въ отвѣтахъ Бисмарка нѣсколько разъ повторяется напоминаніе, что̀ за направленіе политики отвѣтственность несетъ онъ одинъ, а потому онъ вправѣ требовать, чтобы инструкціямъ его придавалось болѣе практическаго значенія, а также осуждается вообще манера Арнима вступать съ нимъ какъ-бы въ полемику. „Если бы мнѣ приходилось весть подобныя аргументаціи со всѣми посланниками Германіи въ чужихъ краяхъ", писалъ онъ, „то это одно отняло бы у меня все время". Но дѣло было не столько въ недостаткѣ времени, конечно, сколько въ раздраженіи, что Арнимъ писалъ не въ томъ духѣ, какъ было желательно Бисмарку, и какъ тотъ требовалъ отъ него весьма ясными намеками.

Опубликованныя депеши не доказываютъ, чтобы Арнимъ принималъ прямое участіе въ ниспроверженіи Тьера въ маѣ 1873 г., и содѣйствіи монархистскимъ интригамъ во Франціи. Но въ депешѣ 8-го ноября 1872 г. Бисмаркъ выражалъ Арниму порицаніе за разговоръ, который Арнимъ имѣлъ съ графомъ Сенъ-Валлье (тотъ пересказалъ его генералу Мантейфелю, а Мантейфель довелъ о немъ до свѣдѣнія Бисмарка) и въ которомъ нельзя не видѣть внушеній со стороны Арнима въ пользу возстановленія монархіи во Франціи. Въ этомъ разговорѣ Арнимъ высказалъ мысль, что положеніе Тьера непрочно, что послѣ него будетъ Гамбетта, а послѣ Гамбетты— опять коммуна, наконецъ — военная диктатура, если Франція не установитъ у себя своевременно монархію, причемъ германскій посолъ назвалъ имена графа парижскаго и сына Наполеона III. Въ нѣсколькихъ депешахъ Арнима и отвѣтныхъ письмахъ Бисмарка проявляется взглядъ Арнима, что республиканскія учрежденія во Франціи, пока они непрочны, мѣшаютъ установленію прочныхъ отношеній между нею и Германію, а если бы учрежденія эти упрочились, то могли бы оказать заразительное вліяніе на Германію, и жалуется, что нѣмецкая печать, получающая внушенія отъ прави-

тельства, старается унижать монархическія партіи во Франціи и противодѣйствовать имъ. Изъ монархическихъ партій во Франціи Арнимъ предпочиталъ бонапартистовъ, и въ одной изъ его депешъ находится убійственное для бонапартистовъ показаніе, что это „и есть единственная партія, которая открыто добивалась нашего содѣйствія". Бисмаркъ думаетъ совсѣмъ иначе: ближайшіе практическіе интересы онъ ставитъ выше принциповъ, а употребленіе, какое сдѣлала Франція изъ республики 20-го декабря 1872 г., вовсе не казалось ему способнымъ составить „заразительный примѣръ". Важнѣйшая изъ всѣхъ, прочтенныхъ на судѣ, депешъ, это—депеша Бисмарка 20-го декабря 1872 г.; и мы представимъ ее въ сокращеніи, такъ какъ она весьма характеристична.

Послѣ обычныхъ объясненій о необходимости полнаго подчиненія посла канцлеру, какъ „бригаднаго генерала дивизіонному", во время войны, и сожалѣній, что Арнимъ недостаточно обдумываетъ свои сообщенія, а потому выставляетъ ошибочныя положенія, которыя опасны, такъ какъ могутъ послужить императору основою для рѣшеній, Бисмаркъ переходилъ къ вопросу объ уплатѣ послѣдней части контрибуціи и о степени прочности тогдашняго правленія во Франціи. Онъ считалъ вѣроятнымъ, что уплата состоится, если Тьеръ останется во главѣ правленія, или если оно останется въ рукахъ умѣренныхъ людей, но выражалъ несогласіе съ увѣреніемъ Арнима, что всякое французское правленіе, какое бы оно ни было, окончитъ уплату. По этимъ соображеніямъ, онъ высказывалъ, что не слѣдовало ослаблять правительства Тьера и способствовать низложенію его. „Условія измѣнились бы невыгоднымъ для насъ образомъ", продолжалъ онъ, „еслибы до полной уплаты вознагражденія и очищенія французской территоріи нашими войсками одному изъ претендентовъ удалось захватить власть. Мы получили бы тогда дружественные совѣты благопріятствовать молодому ростку монархіи, и сдѣлать для монархіи такія облегченія въ вопросѣ объ уплатѣ и очищеніи, какихъ мы бы не сдѣлали для республики. Правда, мы могли бы отказать въ этомъ; но опасаюсь, что другіе кабинеты, и именно наиболѣе намъ сочувствующіе, стали бы рекомендовать намъ, болѣе или менѣе настойчиво, оказать снисхожденіе къ монархическому элементу во Франціи. Хотя въ Лондонѣ, Петербургѣ и Вѣнѣ слишкомъ умны, чтобы считать монархическую Францію менѣе опасною для насъ, чѣмъ господство въ этой странѣ республиканскихъ партій, но были бы слишкомъ заинтересованы притвориться, будто вѣрятъ этому, для того, чтобы получить иныя выгоды, чтобы дать намъ почувствовать, подъ этимъ предлогомъ, недовольство тѣмъ положеніемъ, какое мы нынѣ занимаемъ, и перенесеніемъ французскихъ мильярдовъ въ Гер-

манію, перенесеніемъ, которое неудобно для всѣхъ, кромѣ насъ самихъ. Изъ этого вскорѣ произошла бы весьма стѣснительная для насъ группировка европейскихъ государствъ, и эта группировка началась бы съ дружественнаго давленія на насъ, для побужденія насъ отказаться отъ части пріобрѣтенныхъ нами выгодъ. Возможно, что и безъ того въ будущемъ произойдутъ сходныя явленія; но, конечно, не наше дѣло содѣйствовать могуществу Франціи упроченіемъ ея внутренняго положенія и установленіемъ въ ней правильной монархіи; не наше дѣло сдѣлать Францію способною вступить въ союзы съ такими державами, которыя доселѣ состоятъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нами. Непріязнь Франціи обязываетъ насъ желать, чтобы она оставалась слабою, и мы дѣйствуемъ уже весьма безкорыстно, когда не противимся рѣшительно и даже силою установленію во Франціи монархическихъ учрежденій до полнаго исполненія франкфуртскаго трактата. Еслибы наша иностранная политика сознательно содѣйствовала укрѣпленію, внутреннимъ согласіемъ, врага, отъ котораго мы должны ожидать войны въ будущемъ, и доставленіемъ ему, возстановленіемъ монархіи, способности пріобрѣсть союзы, то мы не могли бы достаточно прикрывать тайною наши дѣйствія въ такомъ смыслѣ, ибо они вызвали бы во всей Германіи справедливое и глубокое неудовольствіе и, можетъ быть, подвергли бы даже опасности уголовнаго преслѣдованія того отвѣтственнаго министра, который слѣдовалъ бы политикѣ, до такой степени противной интересамъ своего отечества". Отъ этихъ соображеній Бисмаркъ переходилъ къ словамъ, сказаннымъ Арнимомъ лично императору, что „удержаніе республиканскихъ учрежденій во Франціи опасно монархическимъ учрежденіямъ въ Германіи".—„Полагаю,—замѣчалъ канцлеръ, „что ваше превосходительство не испытывали бы такого опасенія, если бы внѣшнія дѣла не заняли исключительно всего вашего вниманія въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, и еслибы болѣе продолжительное пребываніе въ Германіи, особенно въ центрѣ администраціи, доставило вамъ случай пріобрѣсть точное понятіе о положеніи дѣлъ".

Свѣдѣнія, сообщенныя Арнимомъ о связяхъ французской демократіи въ южной Германіи, Бисмаркъ объявлялъ излишними, повтореніемъ давно извѣстныхъ правительству фактовъ, старою исторіею, такъ какъ всѣ правленія Франціи, даже подавляя демократію у себя дома, старались возбуждать ее за предѣлами Франціи, въ особенности же въ Германіи, подобно тому, какъ нѣкогда дома преслѣдовали протестантовъ, но поддерживали протестантовъ въ Германіи. „Я убѣжденъ", продолжалъ канцлеръ, „что никакой французъ не подумалъ бы помогать намъ возстановить въ Германіи благодѣянія монархіи, еслибы Богъ наказалъ насъ бѣдствіями республиканской

анархіи. Высказывать подобное благорасположеніе къ непріязненному сосѣду — чистонѣмецкое свойство. Но правительство е. в. имѣетъ тѣмъ менѣе причинъ поддаваться этой естественной наклонности, что всѣмъ извѣстны колоссальныя обращенія, совершившіяся со времени experimentum in corpore vili, произведеннаго коммуною на глазахъ Европы. Красные перешли въ умѣренныхъ либераловъ, либералы обратились въ консерваторовъ, Франція служитъ намъ спасительнымъ примѣромъ. Еслибы Франція сыграла передъ Европой еще новый актъ прерванной драмы коммуны,—чего не хочу желать въ интересѣ человѣколюбія,—то это только выставило бы въ еще большемъ свѣтѣ благодѣянія монархическихъ учрежденій и только укрѣпило бы въ Германіи преданность ея монархіи. Намъ нужно, чтобы Франція оставила насъ въ покоѣ, и если она сама не хочетъ оставаться въ мирѣ съ нами, то мы должны мѣшать ей въ пріобрѣтеніи союзовъ. До тѣхъ поръ, пока она союзовъ имѣть не будетъ, намъ нечего бояться Франціи, и до тѣхъ поръ, пока великія монархіи Европы останутся въ согласіи, имъ не страшна никакая республика. Между тѣмъ, французской республикѣ нелегко будетъ найти союзника противъ насъ въ монархическомъ правительствѣ. Убѣжденіе это ставитъ меня въ невозможность совѣтовать е. в. пробуждать во Франціи монархическое право, котораго торжество, сверхъ того, представило бы успѣхъ ультрамонтанскаго элемента, враждебнаго нашей политикѣ.

„Къ живѣйшему моему сожалѣнію, расходясь въ мнѣніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ по столь капитальному вопросу, я обязанъ поставить васъ о томъ въ извѣстность. Я убѣжденъ, что разногласіе это уменьшилось бы, еслибы ваше превосходительство изволили принять къ исполненію мою просьбу и старались подвергать продолжительному и добросовѣстному обсужденію и провѣркѣ выраженія вашихъ мыслей о положеніи дѣлъ во Франціи и въ Германіи, прежде включенія тѣхъ выраженій въ оффиціальное донесеніе, которое долгъ повелѣваетъ мнѣ представлять его величеству и которое можетъ служить объяснительнымъ документомъ по нашей политикѣ передъ парламентомъ, а въ случаѣ нужды и передъ иностранными кабинетами. Такимъ путемъ, вамъ удалось бы также оставаться въ согласіи съ самимъ собою въ существенномъ смыслѣ вашихъ донесеній, и внесть въ нихъ то единство взгляда, которое дало бы и мнѣ впечатлѣнія опредѣленныя и взаимно-согласныя, которыя мнѣ необходимы для докладовъ его величеству. Позволю себѣ еще одно замѣчаніе формальнаго свойства. Въ донесеніи № 16 вы изволили сообщить, что „говорятъ“ (man glaubt), что германское правительство находится въ прямыхъ сообщеніяхъ съ Гамбеттою. Еслибы ваше превосходительство изволили

помнить, что правительство состоитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ особы монарха, вы усмотрѣли бы, что въ приведенномъ отзывѣ содержится оскорбленіе (Kränkung), лично тягостное для его величества. Если же, тѣмъ не менѣе, вамъ казалось, что въ интересѣ службы вамъ слѣдовало включить это сообщеніе въ оффиціальное донесеніе, то, по моему убѣжденію, вамъ слѣдовало уже точнѣе обозначить источникъ, изъ котораго почерпнутъ вами такой отзывъ, а не ограничиться употребленіемъ неопредѣленнаго мѣстоименія „man"; вамъ слѣдовало бы также убѣдительнѣе выставить необходимость подобныхъ инсинуацій, чѣмъ то вами сдѣлано. Вашему превосходительству, конечно, и справедливо, показалось бы неумѣстнымъ, еслибы я позволилъ себѣ, въ моихъ оффиціальныхъ депешахъ, сдѣлаться глашатаемъ простыхъ слуховъ о германскомъ посольствѣ въ Парижѣ, какіе могли бы точно также находиться въ обращеніи, слуховъ, подобныхъ тому, будто императорское германское правительство состоитъ въ сношеніяхъ съ Гамбеттою. Ясно, что, только имѣя возможность сослаться на источникъ, заслуживающій довѣрія и могущій быть названнымъ, и, сверхъ того, только при очевидномъ интересѣ службы, я могъ бы почесть себя вправѣ включить указанія подобнаго рода въ оффиціальную депешу".

Приведя главныя мѣста этой депеши, характеризующей и взгляды Бисмарка на положеніе дѣлъ во Франціи, и разногласіе его съ Арнимомъ, и тѣ личныя отношенія, въ какихъ онъ находился къ нему, мы не имѣемъ затѣмъ нужды ссылаться на прочія депеши, изъ числа опубликованныхъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ изложенію самого процесса, замѣтимъ, что какъ ни ясно то неудовольствіе, какое долженъ былъ испытывать Бисмаркъ вслѣдствіе образа дѣйствій Арнима, который не подчинялся его приказаніямъ, жаловался императору на дѣлаемые ему выговоры (донесеніе съ такою жалобою было также прочтено на судѣ), входилъ въ сношенія съ иностранными газетами, бельгійскою „Echo du Parlement" и вѣнскою „Presse"; но нельзя не признать, что и положеніе Арнима было нестерпимо. Подвергаемый французскимъ обществомъ почти полному остракизму, онъ изъ своего отечества не только не получалъ нравственнаго ободренія, но видѣлъ однѣ непріятности, притомъ самаго несноснаго рода: о немъ передавалъ „слухи" генералъ Мантейфель, который, какъ оказывается изъ помѣтки Арнима на одной бисмарковой депешѣ, не ограничился однимъ указаннымъ выше донесеніемъ; за нимъ слѣдилъ служащій у него въ посольствѣ г. фонъ-Гольстейнъ, которому поручено было доставлять „частныя свѣдѣнія" о томъ, что́ дѣлалъ и говорилъ Арнимъ, что́ защита во время процесса нѣсколько неделикатно выставила шпіонствомъ. Наконецъ, канцлеръ не только

не принималъ его мнѣній, но въ своихъ отвѣтахъ обращался къ нему въ такомъ тонѣ, который мыслимъ развѣ въ обращеніи учителя гимназіи къ ученику высшихъ классовъ, которому принято говорить „вы", но котораго позволено „обрывать" самымъ безцеремоннымъ образомъ. Удивительнѣе всего то, что Арнимъ такъ долго переносилъ все это. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, самолюбіе и самомнѣніе его такъ велики, что онъ думалъ когда-нибудь занять мѣсто Бисмарка; только ожиданіе подобной награды могло бы еще до нѣкоторой степени объяснить тотъ фактъ, что Арнимъ сносилъ все это, хотя сносить ему было не легко, какъ можно было видѣть изъ нервныхъ содраганій, являвшихся на его лицѣ въ залѣ суда, когда прочитывались тѣ внушенія, въ которыхъ Бисмаркъ съ такой „манежной" или „плацпарадной" вѣжливостью обрывалъ посла германской имперіи.

Уже во время суда, графъ Арнимъ возвратилъ нѣсколько депешъ, о мѣстѣ нахожденія которыхъ прежде отзывался незнаніемъ, чрезъ своего адвоката Мункеля; онъ нашелъ ихъ въ своемъ письменномъ столѣ. Относительно дипломатическихъ разоблаченій, появившихся въ газетѣ „Presse" и относительно опубликованія въ „Allgemeine Zeitung" письма Арнима къ Дёллингеру, Арнимъ отказался на судѣ дать объясненія, какимъ образомъ все это появилось въ печати. Но защитники его потомъ выяснили, что первый поводъ къ разоблаченіямъ былъ поданъ съ другой стороны, такъ какъ дѣло началось съ опубликованія въ министерской „Norddeutsche Zeitung" сообщеній, оскорбительныхъ для чести подсудимаго. Въ засѣданіи суда, 14-го декабря, прокуроръ Тессендорфъ произнесъ свою обвинительную рѣчь; согласно съ обвинительнымъ актомъ, онъ обвинялъ подсудимаго въ утайкѣ и удержаніи оффиціальныхъ бумагъ и документовъ. Матеріалъ обвиненія въ смыслѣ юридическомъ былъ довольно слабъ; главное состояло въ вопросѣ, должны ли всѣ сообщенія, полученныя Арнимомъ изъ министерства, считаться документами, составляющими собственность государства; обязанъ ли онъ былъ заносить ихъ всѣ въ журналъ и сдать въ архивъ посольства, или впослѣдствіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но послѣ показаній экспертовъ и свидѣтелей, этотъ матеріалъ для обвиненія оказался весьма недостаточнымъ. Прокурору оставалось главнымъ образомъ налегать на политическую сторону дѣла, на опасность для государства непослушанія посланниковъ канцлеру и вступленія ихъ въ связи съ печатью для разоблаченій. Прокуроръ не удержался отъ того, чтобы упомянуть о киссингенскомъ выстрѣлѣ; ему онъ приписывалъ то, что Арнимъ не зашелъ въ своихъ „разоблаченіяхъ" далѣе, не воспользовался широко утаенными имъ документами; но оставалось все-таки

непонятнымъ, почему для разоблаченія необходимо было удерживать оригинальные документы, почему для этой цѣли не могли служить копіи съ документовъ. Говоря о поводахъ къ смягченію наказанія, онъ отрицалъ ихъ всѣ, кромѣ одного — что утайка не была сдѣлана съ цѣлью корыстной, параграфы 350 и 348 уголовнаго кодекса, подъ которые подводилось дѣйствіе Арнима прокуроромъ, полагаютъ слѣдующія мѣры наказанія: первый—отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 5-ти лѣтъ тюремнаго заключенія, второй—отъ одного дня до 5-ти лѣтъ, причемъ допускается лишеніе гражданскихъ правъ. Прокуроръ требовалъ, чтобы Арнимъ за злонамѣренную, но безъ корыстной цѣли утайку документовъ, былъ приговоренъ къ средней мѣрѣ наказанія, а именно къ заключенію въ тюрьмѣ на $2^1/_2$ года, безъ лишенія гражданскихъ правъ.

Изъ рѣчей защитниковъ Арнима особенно сильна, въ смыслѣ юридическомъ, была рѣчь мюнхенскаго профессора Гольцендорфа. Онъ выставилъ смѣшеніе понятій въ обвиненіяхъ весьма различнаго свойства, обращенныхъ на подсудимаго, указалъ на неопредѣленность дипломатической практики въ отношеніи къ храненію бумагъ, на неточность прусскаго регламента 1711 года, на который ссылались, но который былъ преданъ полному забвенію, такъ что его только откопали для процесса, непримѣнимость прусскаго регламента къ германскому дѣлопроизводству. Гольцендорфъ доказывалъ, что „дипломатическая тайна“ не есть обыкновенная „канцелярская тайна“, потому что посланникамъ предоставляется гораздо болѣе свободы дѣйствія, чѣмъ чиновникамъ; относительно права собственности въ дипломатическихъ бумагахъ, онъ указалъ, что оно нигдѣ не опредѣлено ясно, а въ государствѣ съ федеральнымъ устройствомъ даже не можетъ быть установлено съ ясностью, такъ какъ нельзя бы рѣшить, чью собственность должна составлять переписка между Пруссіею и Баваріею. Онъ далъ опредѣленіе юридическихъ документовъ, представляющихъ удостовѣреніе владѣнія опредѣленными предметами, и могущихъ служить основою для исковъ по праву владѣнія, пользованія или найма, и не нашелъ въ этомъ опредѣленіи ничего общаго съ свойствомъ такъ-называемыхъ документовъ „дипломатическихъ“, въ которыхъ только идетъ рѣчь о дѣлахъ, а нерѣдко и о философскихъ вопросахъ, наконецъ, разговоры о совершенно постороннихъ предметахъ, такъ что они совсѣмъ не „документы“ въ смыслѣ юридическомъ. Онъ упомянулъ еще, что самое значеніе слова „документъ“ далеко не всегда ясно; что въ англійскихъ законахъ заключаются тридцать четыре различныя понятія этого слова, а между тѣмъ дипломатическая переписка представляется парламенту не въ качествѣ документовъ, но подъ именемъ Papers and Correspondences.

При такой неопредѣленности значенія дипломатическихъ бумагъ, Арнимъ могъ считать себя вправѣ видѣть въ тѣхъ, которыя касались ближе его личности—личную свою собственность, и о злонамѣренности по отношенію къ лицу, заявившему себя такими заслугами, какъ Арнимъ, не могло быть серьёзно рѣчи. Защита Гольцендорфа вызвала апплодисменты среди публики, и вообще публика, присутствовавшая на судѣ, видимо была на сторонѣ обвиненнаго, а не на сторонѣ преслѣдованія. Другой защитникъ, Докгорнъ, настаивалъ на томъ, что для Арнима не могло быть цѣли въ похищеніи документовъ: лишить ихъ министерство онъ не могъ, такъ какъ оно имѣло копіи; а для „разоблаченій", еслибы Арнимъ имѣлъ ихъ въ виду, вовсе не нужно было владѣть оригиналами. Стало быть, онъ нѣкоторые документы не сдалъ только потому, что не могъ ихъ найти самъ, а тѣ, которые удержалъ—удержалъ въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что они принадлежали ему. Третій защитникъ подсудимаго, Мункель, болѣе говорилъ о политической сторонѣ дѣла; онъ указалъ на роль, которую игралъ Гольстейнъ, говорилъ, что на Арнима гнѣвались за то, что онъ писалъ какъ видѣлъ и понималъ вещи, а не такъ, ка́къ отъ него требовали, чтобы онъ писалъ; отношенія Бюлова къ Арниму Мункель назвалъ рѣзкими, и назвалъ Бюлова „датчанинъ". Самъ Арнимъ, въ засѣданіи 15-го декабря, сказалъ нѣсколько словъ въ томъ смыслѣ, что связка документовъ, которые онъ помѣчалъ „къ дѣлу о столкновеніи", представляла для него могилу дружбы, начавшейся съ дѣтства; объявилъ, что никогда не нарушалъ своего долга, что еслибы еще существовала очистительная присяга, онъ принесъ бы ее, а еслибы по закону имѣлъ права требовать административго изслѣдованія своихъ дѣйствій, то потребовалъ бы его. Приговоръ суда былъ прочтенъ въ засѣданіи 19-го декабря. Своимъ изложеніемъ мотивовъ, рѣшеніе суда отклонило всѣ обвиненія противъ Арнима относительно документовъ, имъ возвращенныхъ (т.-е. обвиненіе по статьѣ 348), а затѣмъ и обвиненіе въ противозаконномъ намѣреніи относительно удержанія документовъ, оставшихся у Арнима (обвиненіе по ст. 350), и подвелъ дѣло подъ ст. 133, а именно призналъ подсудимаго невиновнымъ въ похищеніи документовъ и въ нарушеніи обязанностей службы, но виновнымъ въ небрежности, угрожавшей опасностью общественному порядку, и потому приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на *3 мѣсяца*, съ зачетомъ въ этотъ срокъ и мѣсяца предварительнаго заключенія.

Во Франціи положеніе дѣлъ, обрисовавшееся со времени возобновленія сессіи, продолжаетъ быть безвыходнымъ. Изъ всѣхъ партій наиболѣе готовности къ уступкамъ выказываютъ радикалы, предво-

димые Гамбеттою, какъ-то слѣдовало изъ недавно помѣщеннаго въ „Times“ пространнаго разговора корреспондента этой газеты съ бывшимъ „диктаторомъ“. Гамбетта объявляетъ, что онъ и его друзья не впадутъ въ ошибку прежнихъ радикаловъ, которые хотѣли такой республики, которая хороша по ихъ мнѣнію, или никакой, и тѣмъ способствовали неуспѣху попытки 1848 года. Гамбетта готовъ принять всякую республику, готовъ вотировать всякіе учредительные законы, если только во главѣ ихъ будетъ поставлено, что это учредительные законы французской *республики*; готовъ подать голосъ за сохраненіе маршаломъ Макъ-Магономъ власти въ теченіи остальныхъ 6-ти лѣтъ септенната и даже—за право его на вторичное избраніе президентомъ республики, если только эта республика будетъ теперь окончательно установлена. Безспорно, такая уступчивость показываетъ въ Гамбеттѣ болѣе политической способности, чѣмъ сколько было обнаруживаемо прежними и нынѣшними вождями радикаловъ „непримиримыхъ“, Ледрю-Ролленомъ и Луи-Бланомъ. Можетъ быть даже, что заявленія Гамбетты не останутся безъ дѣйствія на самого маршала, который усиленно хлопочетъ объ „упроченіи своей власти учрежденіями“ и встрѣчаетъ на этомъ пути полное равнодушіе на правой сторонѣ и даже среди праваго центра. Возобновились слухи о переговорахъ президента съ Казиміромъ Перьè и лѣвымъ центромъ. Но надо замѣтить и то, что партія Гамбетты численно слабѣе всѣхъ прочихъ партій въ національномъ собраніи; въ ея положеніи уступки весьма естественны, и неуступчивости отъ нея можно ожидать не теперь, когда она значитъ мало, но тогда, когда, вслѣдствіе новыхъ выборовъ, она можетъ стать силою. Что касается легитимистовъ, то они рѣшительно не расположены къ учредительнымъ законамъ, а орлеанисты (правый центръ) равнодушны къ этимъ законамъ и собираются вмѣстѣ съ легитимистами идти по пути „борьбы“, установленіемъ такихъ законовъ, которые, ничего не учреждая и не упрочивая, „оставляя будущность открытою“ (en réservant l'avenir—принятая фраза) подготовляли бы разныя орудія для реакціи.

Къ числу такихъ орудій должно, по мысли правой стороны, принадлежать и изданіе закона о свободѣ высшаго обученія. Свободой этой больше всѣхъ воспользуется католическая церковь, такъ какъ внѣ государственной власти только одна церковь имѣетъ такую организованную силу, довѣріе въ народѣ и матеріальныя средства, которыя необходимы для учрежденія факультетовъ. Но изъ того, что духовенство болѣе кого-либо можетъ воспользоваться свободою обученія, разумѣется, не слѣдуетъ, что ему слѣдуетъ запрещать устраивать факультеты, что свобода сама по себѣ есть нѣчто вредное. Въ рукахъ общества все-таки останется главная сила въ дѣлѣ обученія—

университетъ, т.-е. совокупность свѣтскихъ факультетовъ; сверхъ того, ничто не мѣшаетъ свѣтскому обществу открывать частные факультеты свѣтскаго характера. Вотъ выводы, которые можно было извлечь изъ любопытныхъ преній, происходившихъ по этому вопросу, въ которыхъ принимали участіе Дюпанлу—епископъ орлеанскій, Лабулэ́—докладчикъ (въ пользу свободы обученія), и нѣкоторые либералы, бывшіе противъ свободы. Судьба этого закона еще нерѣшена, и предвидятся предложенія, которыя, въ случаѣ принятія ихъ, могутъ измѣнить его значеніе, а потому нѣтъ надобности распространяться о немъ теперь.

Что касается другихъ дѣлъ, то обсужденіе учредительныхъ законовъ, по общему, безмолвному согласію, было отложено до января, а также и обсужденіе закона о кадрахъ арміи. Экономическое положеніе страны было благопріятно, вслѣдствіе отличнаго урожая, но тѣмъ не менѣе дефицитъ наростаетъ, а такъ какъ предвидятся еще особые расходы по преобразованію арміи, то уже распространился слухъ о необходимости новаго займа въ 1,200 милл. фр. Рядомъ съ приведеннымъ выше заявленіемъ Гамбетты надо поставить рѣчь, произнесенную бонапартистскимъ вождемъ Руэ по поводу преній о проискахъ бонапартистскихъ комитетовъ, обнаружившихся при избраніи г. Бургуэна въ департаментѣ Ньевры. Въ этой рѣчи, бывшій вице-императоръ заявилъ надежды своей партіи съ такой смѣлостью, какой она еще не выказывала съ того времени, какъ собраніе въ Бордо́ объявило Бонапартовъ лишенными престола. Самое совпаденіе рѣчи Руэ съ заявленіемъ Гамбетты характеристично: всѣ партіи молчатъ въ неувѣренности и нерѣшимости; возвышаютъ голосъ только— откровенная республика и нескрывающая долѣе своихъ надеждъ имперія.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Отчетъ о дѣятельности Комитета Общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета за первый годъ (ноябрь 1873—ноябрь 1874).

Уставъ Общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 4-го ноября 1873 г.; первое общее собраніе членовъ-учредителей, посвященное избранію предсѣдателя и членовъ Комитета, состоялось 14-го ноября. Въ составъ Комитета вошли слѣдующія лица: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, А. С. Вороновъ, предсѣдатель Общества и Комитета, П. Г. Рѣдкинъ, ректоръ с.-петербургскаго университета, непремѣнный членъ Комитета (на основаніи примѣч. къ § 13 уст.), и члены по выбору — изъ преподавателей университета (на основаніи того же § устава): А. Н. Бекетовъ, А. Д. Градовскій, О. Ѳ. Миллеръ и Н. С. Таганцевъ; изъ числа прочихъ членовъ Общества: В. И. Базилевскій, И. И. Боргманъ, М. А. Веневитиновъ, В. И. Семевскій, Н. Д. Сергѣевскій и С. Е. Шевичъ.

Комитетъ выбралъ изъ своей среды, на основ. § 16 устава, въ товарищи предсѣдателя О. Ѳ. Миллера, въ казначеи В. И. Базилевскаго, и въ секретари: И. И. Боргмана и М. А. Веневитинова, а во время отсутствія секретарей, ихъ обязанности, по порученію Комитета, исправлялъ Н. Д. Сергѣевскій.

Въ теченіи года Комитетъ собирался 25 разъ—первое время каждую недѣлю, а затѣмъ, за исключеніемъ лѣтняго времени, съ 31-го мая по 2-е сентября, каждыя двѣ недѣли.

Всѣхъ членовъ Общества, считая и учредителей, состоитъ въ настоящее время 394. Изъ общаго числа членовъ, нѣкоторые еще не уплатили взносовъ за первый годъ. Комитетъ считаетъ долгомъ обратиться къ послѣднимъ съ убѣдительнѣйшей просьбою ускорить взносомъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ, указывая при этомъ, что въ

силу примѣчанія 1-го къ § 7 устава, члены, не платившіе своего взноса въ теченіи 2-хъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

Взносы принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ книжномъ магазинѣ Базунова (Невскій, д. Ольхина). Туда же обращаются съ заявленіями о желаніи поступить въ число членовъ Общества.

Согласно § 2 устава, задачи Общества и его Комитета заключаются въ слѣдующемъ:

1) выдавать нуждающимся студентамъ пособія единовременныя и постоянныя;

2) принимать, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, мѣры къ удешевленію жизни студентовъ;

3) заботиться, какъ о пользованіи заболѣвшихъ студентовъ на дому, такъ и о помѣщеніи ихъ въ больницахъ и клиникахъ;

4) пріискивать нуждающимся студентамъ занятія, могущія доставить имъ средства къ жизни.

Сообразно этимъ четыремъ задачамъ, выполненіе которыхъ лежало на обязанности Комитета, мы и настоящій отчетъ распредѣляемъ на четыре части.

I. Выдача ссудъ.

При выдачѣ ссудъ Комитетъ руководствовался слѣдующими главными основаніями: студенты, желающіе получить ссуду, были приглашаемы чрезъ объявленіе, выставленное въ университетѣ, подавать о томъ письменныя заявленія, преимущественно тому преподавателю своего факультета, который состоялъ членомъ Комитета. По поданнымъ прошеніямъ собирались тотчасъ же необходимыя справки о степени состоятельности просителя изъ правленія университета и также отъ товарищей просителя, и прошенія затѣмъ докладывались Комитету въ ближайшемъ засѣданіи.

Всего по 14-е ноября 1874 г. было выдано ссудъ 14,047 рублей 373 студентамъ. Всѣхъ прошеній поступило 433; но 60 изъ нихъ пришлось отклонить, большею частью вслѣдствіе недостатка средствъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе выданныхъ ссудъ по каждому факультету и курсу отдѣльно [1]).

---

[1])

	Юридическій факультетъ				Физ.-математ. факульт.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
Сумма:	1899 р. 50 к.	1078 р.	1592 р. 50 к.	1422 р. 50 к.	2210 р.	1682 р.	610 р.	625 р.
Количество лицъ, получившихъ ссуды...	46	31	46	40	66	40	17	16

Наибольшій размѣръ ссуды, выдаваемой въ однѣ руки, доходилъ въ теченіи года до 122 руб., при этомъ на старшихъ курсахъ болѣе крупныя ссуды выдавались нерѣдко подъ залогъ стипендій, а также на короткій срокъ, по соглашенію съ заемщиками. Изъ такихъ краткосрочныхъ ссудъ возвращено студентами въ теченіи года 2,287 р. 9 коп.

Наиболѣе крупная сумма выданныхъ ссудъ приходится, какъ и слѣдовало ожидать, на долю юридическаго факультета, самаго многочисленнаго, а именно 5,993 руб., распредѣленныхъ между 163 студентами. Наименѣе студентовъ, нуждающихся въ помощи, оказалось на факультетѣ восточныхъ языковъ, на которомъ выдано 1,120 рублей 28 лицамъ.

Особый видъ пособій составлялъ взносъ платы за ученіе недостаточныхъ студентовъ; общая сумма такого взноса составляла въ теченіи года 2,947 руб. 50 к., которые распредѣлены были между 98 студентами, именно:

а) по физико-математическому факультету 45 студентамъ	1,497 р. 50 к.
б) по юридическому факультету 39 студентамъ . .	1,100 „ — „
в) по филологическому факультету 7 студентамъ .	175 „ — „
г) по восточному факультету 7 студентамъ . . .	175 „ — „
Итого 98 студентамъ	2,947 р. 50 к.

Плата вносилась въ правленіе университета частію въ полномъ размѣрѣ 50 руб. за оба полугодія, и большею частію въ размѣрѣ 25 руб. и даже 12 р. 50 к. за одно полугодіе.

II. Мѣры къ удешевленію жизни студентовъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности Комитетъ обратилъ особое вниманіе на необходимость устройства кухмистерской, въ которой студенты могли бы получать дешевый и хорошій обѣдъ. Но открытіе такой кухмистерской, непосредственно отъ Общества вспомоществованія студентамъ, замедлилось, какъ по разнымъ обстоятельствамъ, отъ Комитета не зависящимъ, такъ и вслѣдствіе необходи-

---

	Филологическ. факульт.				Вост. фак.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
Сумма:	517 р.	465 р.	255 р.	560 р.	645 р.	250 р.	190 р.	25 р.
Количество лицъ, получившихъ ссуды	13	11	9	10	15	6	6	1

Итого . . 14,047 р. на 373 чел.

мости на первое время ограничивать расходъ ссудами, въ которыхъ просящіе безотлагательно нуждались.

Между тѣмъ, въ концѣ прошлаго академическаго года, Комитетъ получилъ отъ Общества дешевыхъ столовыхъ, состоящаго подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Екатерины Михаиловны, предложеніе содѣйствовать устройству дешевой столовой, преимущественно для студентовъ университета, по близости самаго зданія университета. Начавшіеся вслѣдствіе этого переговоры привели къ слѣдующему результату: Общество дешевыхъ столовыхъ взяло на себя распоряженіе по устройству кухмистерской, на содержаніе которой Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ обязался, въ видѣ опыта, отпускать въ теченіи двухъ лѣтъ ежегодно по 500 руб. изъ суммъ Общества. Двое членовъ Комитета приглашаются въ составъ Комитета Общества дешевыхъ столовыхъ; кромѣ того, всѣмъ членамъ Комитета принадлежитъ право наблюденія за исправнымъ содержаніемъ кухмистерской.

На основаніи состоявшагося такимъ образомъ соглашенія, дешевая столовая, которою могутъ пользоваться и студенты, открыта 10-го ноября настоящаго года, на Васильевскомъ Островѣ, у Тучкаго моста, въ домѣ Петрова.

III. Медицинская помощь.

Въ выполненіи этой задачи Общества, Комитетъ встрѣтилъ живое содѣйствіе со стороны многихъ врачей и медицинскихъ учрежденій въ С.-Петербургѣ.

Содержатели аптекъ: гг. Боргманъ, Гауеръ, Пель, Шамбахеръ, Шульцъ, Трофимовъ и Іорданъ, выразили готовность отпускать безплатно и по уменьшенной цѣнѣ медикаменты недостаточнымъ студентамъ; пневматическая лечебница доктора Симонова передала въ распоряженіе Комитета 300 розовыхъ билетовъ на безплатное леченіе сгущеннымъ воздухомъ, которые всѣ почти розданы; лечебница докторовъ Билибина, Веймарна и Лесгафта предоставила 30-ти недостаточнымъ студентамъ право на ежедневное безплатное пользованіе гидропатіей, электричествомъ и гимнастикой; наконецъ, доктора, Эриксенъ, Бари, Доббертъ, Карѣевъ, Уверскій и Вильцеръ выразили желаніе подавать безплатно медицинскіе совѣты недостаточнымъ студентамъ. Студентовъ, желавшихъ пользоваться вышеозначенною медицинскою помощью, Комитетъ снабжалъ особыми свидѣтельствами, выдаваемыми членомъ Комитета И. И. Боргманомъ. Такихъ свидѣтельствъ выдано г. Боргманомъ въ теченіи года болѣе 80-ти. Сверхъ

того, С.-Петербургское Гимнастическое Общество допустило, по засвидѣтельствованію предсѣдателя Общества вспомоществованія студентамъ, къ безплатному обученію гимнастикѣ 6 студентовъ.

IV. *Доставленіе занятій студентамъ.*

Желая по возможности устранить случайность, господствующую въ настоящее время въ распредѣленіи занятій и уроковъ между студентами, Комитетъ старался служить посредникомъ между послѣдними и лицами, предлагающими работу или уроки. Но въ этомъ отношеніи Комитетъ, къ сожалѣнію, достигъ весьма незначительныхъ результатовъ.

Несмотря на неоднократныя заявленія Комитета во всѣхъ газетахъ о томъ, что лица, имѣющія надобность въ студентахъ-преподавателяхъ, могутъ обращаться за рекомендаціею таковыхъ къ предсѣдателю Общества, а также и ко всѣмъ членамъ Комитета, такихъ заявленій поступило въ теченіи года весьма немного, такъ что занятія удалось доставить не болѣе какъ 40 студентамъ.

Такое равнодушіе нашего образованнаго Общества тѣмъ прискорбнѣе, что указанія Комитета, болѣе или менѣе знающаго студентовъ и относительно степени ихъ подготовки къ преподаванію, казалось бы, должны представлять болѣе ручательства за вѣрный выборъ преподавателя, чѣмъ газетныя объявленія о лицахъ, желающихъ принять на себя преподавательскія обязанности.

Говоря о результатахъ своей годичной дѣятельности, Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что если онъ былъ въ состояніи хотя сколько-нибудь выполнить возложенную на него задачу, то онъ обязанъ этимъ въ значительной мѣрѣ содѣйствію и пожертвованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій. Наиболѣе значительныя денежныя пожертвованія поступили: 1,000 р. отъ неизвѣстнаго, при самомъ открытіи Общества; 1,000 р. отъ министерства народнаго просвѣщенія; 500 руб. билетами отъ Н. О. Кульжинскаго, 250 руб. отъ литературнаго фонда, по сборной книгѣ О. Ѳ. Миллера собрано 1,600 р. (выручка отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ). Всего лекторомъ получено было отъ Петербургскаго Собранія Художниковъ 1,947 р. (половина чистаго сбора—по уговору); изъ этой суммы удержано имъ 150 р. въ уплату за стенографированіе 10-ти его лекцій, а 197 руб. для распредѣленія по его собственному усмотрѣнію между нѣкоторыми учащимися, не вполнѣ подходившими подъ уставъ Общества; такимъ образомъ, въ кассу Общества пожертвовано имъ всего 1,600 руб. изъ полученнаго имъ гонорара; по книгѣ М. А. Веневи-

тинова и С. Е. Шевича собрано 1,000 руб.; на обѣдѣ бывшихъ студентовъ с.-петербургскаго университета, 8-го февраля, внесено пожертвованій до 1,000 руб.; отъ распорядителей студентскаго вечера 8-го февраля получено 1,000 р.; собрано г. П-вымъ въ Енисейскѣ—500 руб. Всего дохода (какъ видно изъ прилагаемаго при семъ отчета казначея), поступило свыше 15,600 руб.

Кромѣ пожертвованій деньгами, Комитетъ встрѣтилъ самое живое сочувствіе дѣлу Общества со стороны редактора „Вѣстника Европы", М. М. Стасюлевича; въ его журналѣ помѣщались безвозмездно протоколы засѣданій Комитета (а въ началѣ также и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ"), и въ его типографіи печатаются также безвозмездно всѣ бумаги Общества.

Въ заключеніе своего отчета Комитетъ считаетъ своей обязанностью обратить вниманіе членовъ Общества и на тѣ явленія въ первоначальной жизни нашего Общества, которыхъ нельзя назвать утѣшительными.

Кромѣ указаннаго выше недостатка въ доставленіи занятій студентамъ, къ этимъ явленіямъ относится прежде всего медленное возрастаніе числа членовъ Общества. Быть можетъ, оно объясняется новостью дѣла и желаніемъ узнать сначала, какъ поставитъ себя новое Общество. Съ этой цѣлью Комитетъ озаботится о доставленіи возможно большей гласности настоящему отчету, и разошлетъ вмѣстѣ съ нимъ приглашенія къ участію въ Обществѣ ко многимъ бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета и другимъ лицамъ, могущимъ быть полезными Обществу.

Еще одинъ недостатокъ, обнаружившійся въ дѣятельности Комитета, заключался въ томъ, что при отсутствіи какой-либо связи между студентами, собираніе справокъ объ имущественномъ положеніи лицъ, обращавшихся въ (общественный) Комитетъ за ссудою, было крайне затруднительно. Ошибки, недосмотры были неизбѣжны. Къ устраненію этого весьма важнаго недостатка, неизбѣжнаго, какъ намъ кажется, въ дѣятельности всякаго Общества, подобнаго Обществу вспомоществованія студентамъ, могло бы послужить повсемѣстное распространеніе въ провинціальныхъ городахъ обществъ для помощи молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію въ университетъ. Отъ одного изъ возникшихъ уже провинціальныхъ обществъ такого рода нашимъ Обществомъ получено 25 р. въ уплату за слушаніе лекцій студентомъ, бывшимъ воспитанникомъ гимназіи въ томъ городѣ, гдѣ означенное общество возникло. Возникновеніе подобныхъ Обществъ, уже существующихъ въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Саратовѣ и Калугѣ, и установленіе связи между ними и Обще-

ствами, находящимися при университетахъ, придало бы дѣлу помощи студентамъ болѣе твердое и широкое основаніе.

Вступая во второй годъ существованія Общества, Комитетъ надѣется, что сочувствіе его дѣлу будетъ рости среди нашего общества; что всякій бывшій студентъ, знавшій когда-то всю подавляющую обстановку студентской жизни, и дошедшій путемъ образованія до лучшаго положенія, а также и всякій образованный человѣкъ, пораженный невѣжествомъ окружающей его темной массы, сочтутъ своею обязанностью людямъ, стремящимся къ знанію, протянуть руку помощи въ ихъ постоянной, томительной борьбѣ съ нуждою и всякими невзгодами.

II. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 17-го ноября 1874 г.

По открытіи собранія секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ:

„Мм. гг. 8-го числа текущаго мѣсяца исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня основанія нашего Общества. Подробный отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ этотъ промежутокъ времени уже составленъ и будетъ напечатанъ въ приготовляемомъ къ изданію Сборникѣ литературнаго фонда, въ который войдутъ, кромѣ того, и произведенія нѣкоторыхъ извѣстныхъ нашихъ писателей. Поэтому, въ настоящее время комитетъ позволяетъ себѣ представить вамъ лишь итоги дѣятельности Общества во все время его существованія. Итоги эти выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: пенсій было назначено 38; ссудъ 42; продолжительныхъ пособій 10; единовременныхъ пособій 986 и пособій на воспитаніе 76; не считая тѣхъ, которыя производились молодымъ учащимся и студентамъ с.-петербургскаго и харьковскаго университетовъ. Кромѣ того, неденежныхъ пособій разнаго рода было оказано въ 117 случаяхъ. Такимъ образомъ, число всѣхъ пособій простирается до 1,269, а если къ этому числу присоединить и пособія, выданныя учащимся и студентамъ, цифру коихъ нельзя съ точностью опредѣлить, за недостаткомъ въ дѣлахъ Общества перваго времени полныхъ свѣдѣній, то число случаевъ проявленія дѣятельности Общества будетъ представлять еще болѣе почтенную цифру. На всѣ денежныя пособія Общество израсходовало болѣе 164,000 руб. Въ тѣ же пятнадцать лѣтъ болѣе 639 ходатайствъ было отклонено. Привести вѣрную цифру отказовъ также оказывается невозможнымъ,

потому что въ самомъ началѣ существованія Общества не всѣ отклоненія просьбъ были заносимы въ журналы комитета.

„Переходя затѣмъ къ отчету въ дѣйствіяхъ своихъ за время, истекшее послѣ общаго собранія 21-го апрѣля, комитетъ имѣетъ честь доложить, что въ эти семь мѣсяцевъ имъ оказаны слѣдующія пособія: ссуды были выданы 8 лицамъ, а именно: одному лицу въ 800 руб., одному въ 300 р., одному въ 200 р., одному въ 150 руб., двумъ въ 125 р. и двумъ въ 100 р. Единовременныя пособія были назначены въ 46 случаяхъ, въ томъ числѣ: одному лицу въ 300 руб., двумъ въ 250 р., одному въ 200 р., семи въ 150 р., одиннадцати въ 100 р., одному въ 80 р., четыремъ въ 75 р., шестнадцати въ 50 р., одному въ 40 р., двумъ въ 25 р. и одному, согласно назначенію самого просителя, въ 15 р. Кромѣ того, на похороны писателя было отпущено, по представленному счету, 39 р. 50 к. На воспитаніе дѣтей покойнаго писателя опредѣлено отпускать ежегодно по 120 руб. На тотъ же предметъ семействамъ двухъ писателей также покойныхъ, назначены ежегодныя пособія: одному по 60 р. въ теченіи пяти лѣтъ и другому по 300 р. въ теченіи трехъ лѣтъ. Наконецъ, единовременно выдано 50 р. на воспитаніе сына писателя. За обученіе дочери писателя въ прогимназіи было уплачено 60 р., а съ переходомъ этой дѣвицы въ гимназію внесено за нее 130 р. Отпускавшаяся, по прежнимъ назначеніямъ, сумма въ уплату за слушаніе лекцій дочерью умершаго писателя увеличена на 10 р., вслѣдствіе увеличенія платы за слушаніе лекцій въ томъ заведеніи, гдѣ эта дѣвица воспитывается. Затѣмъ, такъ какъ воспитывающійся на счетъ Общества сынъ писателя не могъ, по болѣзни, поступить въ нынѣшнемъ году въ гимназію, то комитетъ продолжилъ еще на годъ выдачу по 15 р. въ мѣсяцъ за обученіе этого мальчика въ частномъ пансіонѣ. Учрежденныя Обществомъ для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета стипендіи розданы за первое полугодіе. Стипендія Е. П. Ковалевскаго въ 150 р. предоставлена студенту харьковскаго университета Раздольскому, а стипендія въ 300 р., согласно ходатайству совѣта того же университета, оставлена еще на 1/2 года за прежнимъ стипендіатомъ Чернявскимъ, кончившимъ уже курсъ наукъ. Неденежныхъ пособій оказано 15. Самымъ крупнымъ изъ нихъ представляется содѣйствіе въ назначеніи матери покойнаго профессора пенсіи изъ суммъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Пенсія эта, благодаря благосклонному вниманію Ѳ. П. Корнилова къ ходатайству комитета Общества, уже назначена, въ размѣрѣ 300 р. въ годъ. Пятьдесятъ три просьбы отклонены. Выдача продолжительнаго пособія, назначеннаго одному молодому писателю, въ видахъ предо-

ставленія ему средствъ къ окончанію образованія, была прекращена, такъ какъ этотъ молодой человѣкъ не сдалъ установленнаго экзамена. Разрѣшеніе двухъ просьбъ отложено впредь до представленія просителями доказательствъ права ихъ на помощь Общества".

Изъ доложенныхъ затѣмъ казначеемъ свѣдѣній о состояніи суммъ Общества видно, что къ 21-го апрѣля въ кассѣ было 63,376 р. 96 к. Поступило вновь 5,543 р. 41 к., а именно: взносы 75 членовъ 1,475 р., единовременно отъ 8 лицъ 1,328 р. 90 к.; отъ Государыни Императрицы 300 р.; за проданныя книги 9 р. 35 к.; процентовъ съ капитала 1,365 р. 16 к.; возвратъ одного пособія 40 р. и возвратъ двухъ ссудъ 425 р. Израсходовано 10,823 р. 90 к., въ томъ числѣ на пенсіи 3,053 р.; единовременно 46 лицамъ 3,835 р.; на воспитаніе 1,886 р.; въ счетъ трехмѣсячнаго пособія одному лицу 30 р.; на погребеніе одного лица 39 р. 50 к.; на ссуды 1,900 р.; за доставку напоминаній членамъ и сборъ съ нихъ взносовъ 59 р.; за книжки чековъ и за храненіе % бумагъ 21 р. 40 к. Къ 1-му ноября въ кассѣ 58,096 р. 47 к.

Послѣ того были произведены выборы лицъ, предложенныхъ въ члены Общества и выбраны нижеслѣдующія 24 лица:

Карлъ Юліевичъ Давыдовъ, Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, Алексѣй Ивановичъ Кульжинскій, Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, Владиміръ Ивановичъ Родиславскій, Александръ Петровичъ Беклемишевъ, Александръ Александровичъ Смиренскій, Артуръ Богдановичъ Бушенъ, Александръ Владиміровичъ Михайловъ, Николай Петровичъ Поляковъ, Сергѣй Павловичъ Ловцовъ, Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, Лука Александровичъ Кисловскій, Иванъ Ассигкритовичъ Корсаковъ, Александръ Аполлоновичъ Григорьевъ, Александръ Александровичъ Боровковъ, Михаилъ Давыдовичъ Гольденбергъ, Рудольфъ Игнатьевичъ Менжинскій, Викентій Георгіевичъ Вильямсонъ, Александръ Васильевичъ Яковлевъ, Николай Густововичъ Принтцъ, Августина Густавовна Михайлова, Анна Николаевна Полканова, Эрнестина Александровна Принтцъ.

Чрезвычайное собраніе Общества 17-го ноября 1874 г.

Собраніе было созвано для разрѣшенія вопросовъ: 1) о порядкѣ веденія списка членовъ и исчисленія ихъ взносовъ, и 2) объ образованіи неприкосновеннаго капитала. По обсужденіи этихъ вопросовъ, собраніе постановило слѣдующія правила по веденію списка членовъ и исчисленію взносовъ: 1) Въ печатаемый ежегодно списокъ членовъ вносятся только тѣ лица, которыя были избраны въ теченіи отчетнаго года. 2) Включеніе лицъ въ списокъ, равно какъ и исключеніе

изъ него и означеніе именъ нѣкоторыхъ лицъ звѣздочкою, допускается не иначе, какъ по постановленію комитета. 3) Завѣдующій веденіемъ списка сообщаетъ его, передъ напечатаніемъ, секретарю и казначею, для провѣрки съ имѣющимися у нихъ свѣдѣніями. 4) Лица, исключенныя изъ списка по неплатежу причитавшихся съ нихъ взносовъ, вносятся вновь въ списокъ по уплатѣ числившейся на нихъ недоимки и новому выбору не подлежатъ. 5) Лица, отказавшіяся отъ званія члена Общества, допускаются комитетомъ къ новому избранію въ общемъ порядкѣ не иначе, какъ по наведеніи въ дѣлахъ справки о причинахъ ихъ отказа, и предложенія объ ихъ избраніи подлежатъ закрытой баллотировкѣ членовъ комитета. 6) Лица, исключенныя изъ списка по неплатежу слѣдовавшихъ съ нихъ взносовъ и пожелавшія вновь вступить въ члены Общества безъ уплаты недоимки за прежнее время, подлежатъ избранію на общемъ основаніи. 7) Взносы членовъ, выбранныхъ въ первой половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля того года, въ который плательщикъ былъ выбранъ; взносы же членовъ, выбранныхъ во второй половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля слѣдующаго за выборомъ такихъ членовъ года.

Что касается второго вопроса, то собраніе опредѣлило: 1) Образовать неприкосновенный капиталъ Общества. 2) Неприкосновенный капиталъ расходовать не иначе, какъ по постановленіямъ общихъ собраній членовъ Общества. 3) Неприкосновенный капиталъ образовать: во-первыхъ, изъ суммъ, пожертвованныхъ семействомъ Б. И. Утина и И. Т. Лисенковымъ и завѣщанной Веселовскимъ, всего 2,300 р.; во-вторыхъ, изъ суммъ, жертвуемыхъ въ пользу Общества подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ нихъ; и въ-третьихъ, изъ имѣющихъ поступать единовременныхъ, взамѣнъ ежегодныхъ, взносовъ членовъ Общества. 4) Не отчисляя въ капиталъ— какъ предлагали нѣкоторые члены комитета—10% изъ ежегодныхъ доходовъ Общества, предоставить комитету, по соглашенію съ ревизіонною коммиссіею, опредѣлять ежегодно, какая часть изъ свободныхъ остатковъ отъ предыдущаго года можетъ быть отчислена въ неприкосновенный капиталъ. 5) Признавъ, что часть принадлежащихъ нынѣ Обществу суммъ должна быть перечислена въ неприкосновенный капиталъ, поручить комитету опредѣлить эту часть по соглашенію съ ревизіонною коммиссіею за 1874 годъ; предложенія же о перечисленіи 50,000 р., 25,000 р. и 10% всѣхъ суммъ Общества отклонить.

Засѣданіе Комитета 2-го декабря 1874 г.

1) Выслано 350 р. писателю, находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи.

2) Утвержденъ расходъ въ 40 р. на уплату за слушаніе лекцій молодымъ писателемъ.

3) Изъявлена благодарность Общества Ѳ. П. Баймакову, выразившему желаніе принимать въ своей конторѣ (Невскій проспектъ, д. Глазунова) взносы членовъ и пожертвованія въ пользу Общества.

4) Выдано 300 р. больному писателю на поѣздку, съ семействомъ, въ южный край.

5) Отложены ходатайства 4-хъ лицъ.

6) Выдано 50 р. престарѣлому писателю и 40 р. на похороны другого писателя.

7) Изъявлена благодарность Общества Н. И. Ягну, Н. Н. Буличу и И. И. Кауфману за содѣйствіе ихъ Комитету.

8) Взамѣнъ, выбывающихъ 2 го февраля 1875 г. изъ состава Комитета, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, В. Ѳ. Корша, А. Н. Пыпина и Г. К. Рѣпинскаго, выбраны слѣдующіе кандидаты: Ѳ. П. Баймаковъ, П. А. Гайдебуровъ, Э. К. Ватсонъ, В. М. Жемчужниковъ, А. А. Краевскій, Е. И. Утинъ, Н. С. Таганцевъ и М. Е. Салтыковъ.

Отчетъ казначея за ноябрь:

Къ 1-му ноября въ кассѣ было 57,696 р. 12 к. Поступили: взносы 5-ти лицъ 70 р., проценты съ капитала 551 р. 10 к.; возвратъ части пособія 25 р. Израсходовано: на пенсіи 240 р., на единовременныя пособія 125 р., на воспитаніе 160 р., на одежду питомца Общества 40 р., за доставку напоминаній членамъ Общества 59 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 1 р. 75 к.; въ ссуду 60 р.—Къ 1-му декабря въ кассѣ 58,031 р. 47 к.

ОПЕЧАТКИ.

Въ декабрьской книгѣ прошедшаго года просятъ исправить:

Стран.	стрк.	Напечатано:	вмѣсто:
858	8 сн.	фосфоръ	факторъ

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XIII. Спб. 1874. Стр. 471.

Настоящій выпускъ примыкаетъ своимъ содержаніемъ къ томамъ VII и X общей нумераціи „Сборника“, и вмѣстѣ съ ними образуетъ теперь особые три тома, посвященные спеціально бумагамъ императрицы Екатерины II, хранящимся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ третьемъ томѣ письма и бумаги императрицы обнимаютъ эпоху отъ 1771 по 30-е сентября 1774 года, съ дополненіемъ пропущеннаго въ предыдущихъ изъ первыхъ лѣтъ правленія Екатерины II; третій томъ былъ подготовленъ покойнымъ Пекарскимъ, но теперь вновь пересмотрѣнъ и значительно дополненъ Я. К. Гротомъ. Къ числу такихъ дополненій принадлежатъ письма къ г-жѣ Бьелке, по нашему мнѣнію, самыя любопытныя въ настоящемъ томѣ, къ Вольтеру, адмиралу Нользу, Гримму, записки къ Потемкину, и все, что относится къ Пугачевскому бунту. Благодаря необыкновенной самоличной дѣятельности императрицы, потомству сохранилась въ ея письмахъ, можно сказать, автобіографія и самое вѣрное зеркало, въ которомъ отразился весь ея необыкновенный умъ, оправдывающій стихъ поэта: ...«и не на тронѣ была бъ великою женой»; а благодаря почтенной дѣятельности Р. И. Общества, одна изъ великихъ личностей нашей исторіи начинаетъ теперь все болѣе и болѣе ясно выступать въ области исторической науки, и мы вполнѣ понимаемъ теперь причину того обаятельнаго впечатлѣнія, которое она производила на современниковъ. Въ самомъ началѣ нынѣшняго тома помѣщенъ торжественный актъ Р. И. Общества, совершенный 25-го ноября 1873 г. по случаю открытія памятника Екатерины Великой, и рѣчи, прочтенныя на актѣ, А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Я. К. Грота.

Исторія возсоединенія Руси. *П. А. Кулі(и)ша.* Т. I. Спб. 1874. Стр. 363. Ц. 2 р.

Первыя пять главъ этого обширнаго труда, предпринятаго П. А. Кулишомъ, могутъ быть хорошо извѣстны нашимъ читателямъ: онѣ были помѣщены (мартъ и апрѣль 1874 г.) въ журналѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Польская колонизація юго-западной Руси“. Остальныя пять главъ, дополняющихъ вышедшій нынѣ первый томъ, заключаютъ историческую и экономическую картину населенія юго-запада наканунѣ „Хмельнищины“, помѣщенную у насъ, изображеніемъ политическаго и религіознаго быта страны. Первый томъ, такимъ образомъ служитъ необходимымъ предисловіемъ къ столѣтней казацко-шляхетской войнѣ, которая составитъ содержаніе второго тома. Хотя авторъ самъ не признаетъ своего труда законченнымъ, но наша историческая наука вовсе не такъ богата, чтобы тяготиться новымъ трудомъ, который, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ выпускѣ касается стороны дѣла, мало тронутой предшественниками г. Кулиша.

Міровоззрѣніе Талмудистовъ, въ выдержкахъ изъ главнѣйшихъ книгъ раввинской письменности. Составл. по подлин. С. І. Финомъ и Х. Я. Каценеленбогеномъ; пер. Л. О. Леванды, съ примѣч. Л. О. Гордона. Т. I. Спб. 1874. Стр. 273+60.

поръ они волей-неволей должны были обращаться къ нѣмецкой литературѣ, настоящее изданіе представляетъ для каждаго весьма много интереснаго, какъ сводъ, такъ сказать, окаменѣвшей морали, на которой зиждется вся еврейская цивилизація; изъ этого свода можно усмотрѣть ея основы лучше, нежели изъ текущей полемики нашихъ юдофиловъ и юдофобовъ. Въ первомъ выпускѣ собраны всѣ изреченія о человѣкѣ и его отношеніяхъ къ Богу; въ послѣдующихъ будутъ изображены отношенія человѣка къ ближнему, къ самому себѣ и т. д.

Отвѣтственность въ душевныхъ болѣзняхъ. *Г. Маудсли.* Перев. съ англ., съ дополн. Д. А. Чечотта. Спб. 1875. Стр. 376. Ц. 2 р. 50 к.

Для объясненія важнаго и труднаго въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса, столь часто встрѣчающагося въ практикѣ жизни, Маудсли подвергаетъ предварительно тщательному изслѣдованію пограничную область умственной дѣятельности, которая не представляетъ рѣзкой границы между душевнымъ здоровьемъ и разстройствомъ; затѣмъ разсматриваетъ различныя формы душевнаго разстройства, какъ общаго, такъ и частнаго, и наконецъ, изслѣдуетъ какъ прежнія, такъ и современныя юридическія понятія о помѣшательствѣ и отношенія законодательства къ душевнымъ болѣзнямъ. Редакція журнала „Знаніе“, которой мы обязаны изданіемъ на русскомъ языкѣ этого полезнаго и интереснаго труда, весьма кстати дополнила послѣдній его отдѣлъ оригинальною главою объ отношеніяхъ русскаго законодательства къ душевнымъ болѣзнямъ.

Вопросы о жизни и духѣ. *Дж. Г. Льюиса.* Перев. съ англ. Спб. 1875. Стр. 466. Ц. 2 р. 50 к.

Нашимъ читателямъ знакомы пренія гг. Сѣченова и Кавелина по вопросу о задачахъ психологіи. Этотъ же вопросъ занималъ въ теченіи почти 40 лѣтъ англійскаго физіолога Льюиса, сознававшаго, что психологія, какъ наука, находится еще и теперь въ томъ положеніи, въ какомъ была, наприм., химія до Лавуазье. Не создавая полнаго психологическаго трактата, Льюисъ задался мыслью въ новомъ своемъ трудѣ положить прочную, научную основу для будущихъ изслѣдованій въ области психологіи, и вмѣстѣ устранить препятствія, уже созданныя продолжительнымъ употребленіемъ метафизическаго метода, единственно возможнаго при прежнемъ неудовлетворительномъ состояніи точныхъ наукъ.

Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе разсказы. Т. I: Жители юга. *Е. Н. Водовозовой.* Съ 25 рис В. М. Васнецова. Спб. 1874. Стр. 553. Ц. 3 р. 50 к.

Обширный трудъ г-жи Водовозовой, начало котораго вышло теперь въ свѣтъ, не имѣетъ ничего общаго съ путешествіями и такъ-называемыми „гидами“. Авторъ поставилъ себѣ главною цѣлью изобразить умственный и экономическій бытъ народныхъ массъ. Въ первомъ томѣ, куда вошли три южные полуострова и Франція съ Швейцаріею, особенное вниманіе обращено на славянскія земли. Народности германскія, англо-саксскія и скандинавскія войдутъ въ составъ второго тома. Хотя этимъ и исчерпывается программа изданія, но желательно было